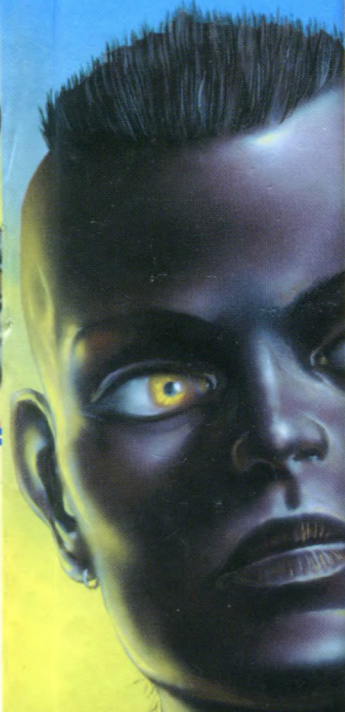

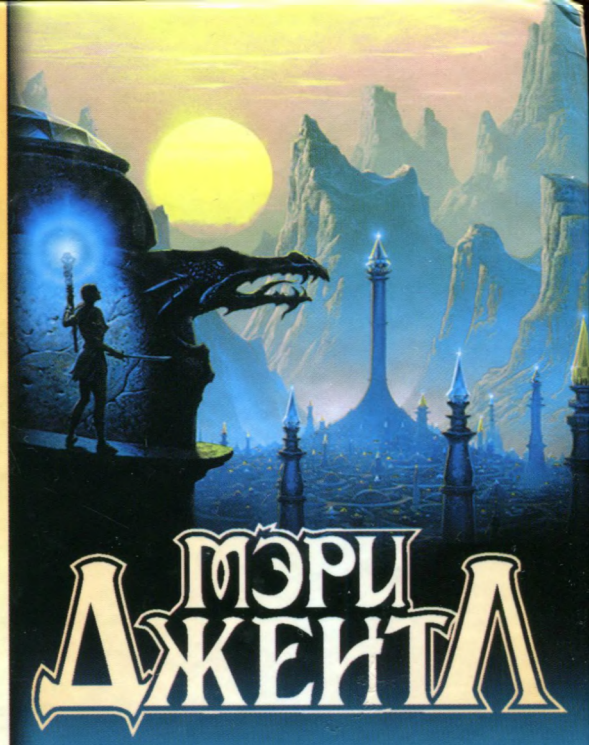
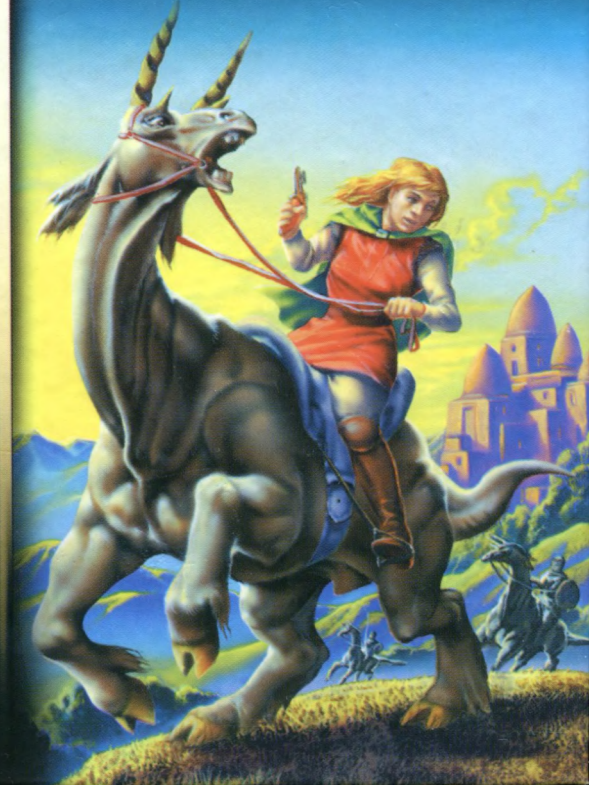
ЗОЛОТЫЕ КОЛДУНЫ

**МЭРИ
ДЖЕНТА**

ЗОЛОТЫЕ КОЛДУНЫ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**МЭРИ
ДЖЕНТА**

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

MARY
JENTLE

GOLDEN WITCHBREED

МЭРИ
ДЖЕНТЛ

ЗОЛОТЫЕ КОЛДУНЫ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (4Вел)-44

Д40

Серия основана в 1999 году

Mary Gentle
GOLDEN WITCHBREED
1983

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского С. Деменева, А. Лукашина

Художник М. Калинин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Maggie Noach Literary Agency и Synopsis.

Подписано в печать 22.08.02. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 10000 экз. Заказ № 1650.

Джентл М.

Д40 Золотые колдуны: Фантаст. роман / М. Джентл; Пер. с англ.
С. Деменева, А. Лукашина. — М.: ООО «Издательство АСТ»,
2002. — 605, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-015663-4

Англичанка Мэри Джентл, известная в основном как автор фэнтези, несказанно удивила своих поклонников дилогией «Золотые колдуны» (1983 г.) и «Древний свет» (1987 г.). Совершенно «джек-вэнсовская» сага о захолустной планете, которую сами обитатели зовут Орте, а земляне — Каррис V, поначалу озадачила читателей, но потом поистине покорила их масштабностью замысла, детальной прописанностью и напряженной, увлекательной интригой.

...Добро пожаловать в феодальный мир, где на обломках легендарной Золотой империи образовались десятки ненавидящих друг друга королевств и городов-государств. В мир, на котором почему-то схлопнулись интересы межзвездных держав, одна из которых — Доминион Земли...

Прочтите — не пожалеете!

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44

© Mary Gentle, 1983

© Перевод С. Деменев, А. Лукашин, 2002

© ООО «Издательство АСТ», 2002

*Посвящаю моему дедушке
Клоду Уильяму Лоренсу Чемпиону,
владевшему наряду с прочими способностями
даром рассказчика великолепных историй*

Важнейшие действующие лица

Линн де Лайл Кристи, посол

Сэм Хакстон, морской биолог, руководитель ксеногруппы Доминиона

Тимоти Элиот, ксенобиолог

Одри Элиот, ксеноэколог (суша)

Джон Лакалка, геолог

Марджери Хакстон, ксеноэколог (море)

Элспет Хакстон, их дочь

Джон Бэрретт, демограф

Доктор К. Адэр, медицинские исследования

Кэрри Томас, ксеносоциолог

Мори Веннер, ассистент-социолог

Дэвид Мередит, уполномоченный

Далзиэлле Керис-Андрете, Т'Ан Сутаи-Телестре, Корона Южной земли, называемая также Сутафиори, Цветком Юга

Эвален Керис-Андрете, ее дочь

Катра Хеллел Ханатра, Первый министр Имира

Катра Садри Ханатра, его сестра, с'ан телестре

Садри Герен Ханатра, ее сын, корабельщик

Амари Рурик Орландис, Т'Ан Командующая армией Южной земли

Рурик Родион Орландис, ее аширен, называемый Полузолотом

Сулис н'ри н'сут СуБаннасен, Т'Ан Мелкати

Хана Ореин Орландис, Первый министр Мелкати

Нелум Сантил Римнит, начальник порта Алес-Кадарет

Телвелис Колтин Талкул, Т'Ан Ремонде

Верек Ховис Талкул, его сын
Верек Сетин Талкул, его дочь
Сетин Фалкир Талкул, сын Сетин
Асше, комендант северного гарнизона
Джакан Ту'элл Сетур, Т'Ан Римон
Заннил Эмберен н'ри н'сут Телерион, Морская маршальша
 из Свободного порта Морврен
Арлин Бетан н'ри н'сут Иврис, Т'Ан Кире
Талмар Халтерн н'ри н'сут Бет'ру-элен, посол Короны
Ахил Марик Салатизл, л'ри-ан посланницы
Алуис Блейз н'ри н'сут Медуэнин, наемник
Канта Андрете, Андрете из Пейр-Дадени
Эйлен Бродин н'ри н'сут Хараин, интеллектуал
Сетелен Хассие Рейхалин, министр в Ширия-Шенин
Тирзаэл, один из Говорящих-с-землей
Браник, Хранительница Источника в Теризоне
Риавн, Хранитель Источника в Теризоне
Телук н'ри н'сут Эдрис, одна из Говорящих-с-землей
Арад, Хранитель Источника в Корбеке
Даннор бел-Курик, Повелитель-в-Изгнании
Курик бел-Олиньи, посол Кель-Харантиша
Гур'ан Алахаму-те О'хе-Ораму-те, женщина из племени
 варваров
Говорящая-за-Всех, обитательница болот из Малых Топей
Чародей из Касабаарде
Тетмет, уроженец Топей из Коричневой Башни
Хавот-джайр, моряк
Орианк, из дома-Ордена Су'ниар

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Каррик

На краю бетонной взлетно-посадочной полосы находилось скопление ветхих, белого цвета зданий из пластика и стали. Позади торговой станции до поразительно голубого моря тянулись серые скалы. На них опускалась легкая дымка.

Я сошла по трапу корабля и оказалась на горячем бетоне, голову пекло бледное солнце. Яркий свет, шедший от моря, ослеплял, и я была совершенно ошелоmlена. Звезда Каррика оказалась значительно белее, чем наше земное желтое солнце.

Сзади слышались шум и крики, которыми обычно сопровождается разгрузка багажных челноков. Я была единственным пассажиром, сошедшим на Каррике V. На сверхсветовом межзвездном корабле, находившемся сейчас на орбите, мне пришлось усердно заниматься усвоением содержания гипнолент о языках и обычаях этого мира.

Его обитатели называли свою планету Орте, во всяком случае, так об этом сообщила первая экспедиция. Орте — пятая планета Каррика, звезды на периферии центра галактики.

Я взвалила на плечи свои вещи и пошла к станции.

На Земле тени серые, а более глубокие — с голубоватым оттенком. На Орте же они черные с такими резкими очертаниями, что возникает обман зрения. Поэтому частенько тени от камней и кустов я принимала за глубокие выбоины в бетоне.

Похожее на мох растение цеплялось за каменистый грунт, из его плотной голубой подушки поднимались небольшие кроваво-красные цветы на высоких тонких стеблях. С моря дул горячий ветер. Я увидела волны с белыми бурунами. Небосвод был безоблачен, возле горизонта его цвет имел оттенок янтаря.

Небо казалось запорошенным мелкими точками белого света. Я глубоко и свободно вздохнула и остановилась. Это был отличительный признак планеты, находящейся на самом краю сердца галактики, — дневные звезды Орте. На мгновение все — море, ветер, скалы и свет солнца — показалось мне ужасающе чужим.

От торговой станции навстречу мне вышел мужчина, небрежно помахал рукой и направился в мою сторону. На нем были рубашка, брюки, высокие сапоги и — меч, закрепленный на поясе. Но он не был человеком.

— Прошу прощения, т'ан, вы посол? — вежливо поинтересовался ортеанец.

Я узнала язык Имира.

— О да. — Я заметила, что цепенею. — Рада вас встретить.

Лично я предпочитаю иметь дело с неземлянами, которые по-неземному и выглядят. Тогда не испытываешь такого большого шока, когда они торжественно поедают своих первенцев или превращаются в членистоногих по завершении половины своего жизненного цикла. Подобного от них уже ожидаешь. Гуманоидные же инопланетяне представляют собой в этом смысле проблему.

— Я также рад встретить вас. — Он слегка поклонился. Этот речевой оборот носил формальный характер. — Меня зовут Садри Герен Ханатра из Имира.

Документы удостоверяли его полномочия сопровождающего лица послов Доминиона. Они были выданы и подписаны руководителем ксеногруппы и завизированы кем-то, кого я считала ортеанским чиновником, неким Талмаром Халтерном н'ри н'сут Бет'ру-эленом. Как и все прочее в данной миссии, это обстоятельство также создавало впечатление, будто встреча была случайной.

— Линн де Лайл Кристи. — И поскольку у них было принято называть страну происхождения, я добавила: — С Британских островов, с Доминиона Земли.

Рост его был намного ниже двух метров и примерно равен моему. Желтого цвета волосы коротко подстрижены, они начинали расти несколько выше, чем я того ожидала. Когда он обернулся, я увидела на затылке ту же самую желтую щетину, которая уходила за воротник.

Возможно, у них было обычаем ходить гладко выбритыми, либо волосистой покров на теле ортеанцев вообще отсутствовал. У Герена не было этих тонких волосков, типичных для человеческой кожи; его кожа — я заметила это, когда он в приветствии поднял руку — была гладкой, блестящей и имела слабые следы чешуйчатого узора.

Герен был молод, лицо его выражало уверенность в себе и открытость, поэтому он производил впечатление индивида, привыкшего скорее руководить, чем повиноваться.

— Кристи. Такого имени нет в Южной земле... но, впрочем, ведь это естественно. — Он показал рукой в сторону моря. — Идите вдоль берега. У меня там корабль, он ожидает недалеко от северного мыса.

На берегу лежала вытащенная из воды шлюпка, охраняемая двумя ортеанцами. Старший из них взял у меня багаж и разместил его на носу лодки. Герен забрался в шлюпку и сел на корме. Я несколько неуклюже последовала за ним. Мне никто не предложил помощь. Ортеанцы столкнули лодку в воду, забрались на борт и начали грести.

— Вон мой корабль, — обращаясь ко мне, произнес Герен, — «Ханатра». Он назван по имени моей телестре. Хороший корабль, но так далеко, как ваш, полагаю, не плавал.

«Телестре», как я предполагала, было чем-то средним между земельным владением, семьей и коммуной. В более детальные подробности я не вдавалась. Работа с гипнолентами требует длительной практики. Вначале же у тебя возникают только неясные ощущения, которые почти невозможно перевести на человеческий язык. Поэтому бывает трудно отыскать слово, адекватное неизвестному понятию. Но при более

длительном использовании знаний, полученных посредством гипнолент, эта неуверенность проходит.

На некотором расстоянии от берега на якоре стоял корабль. Это было судно того типа, которое у ортеанцев известно как джат. По длине он был равен галиону, но в отличие от него совсем не имел рей. Треугольной формы латинские паруса придавали джату элегантный вид клипера.

— Далеко ли нам плыть? — спросила я.

— Если ветер будет попутным, плавание займет неделю. Если же нет, тогда больше. Мы идем в Таткаэр, к тамошнему Двору. — На лице Герена застыла улыбка. — Вы, наверное, знаете, т'ан, что очень привлекательны. Вам следовало бы остерегаться интриг.

Слово, которым он воспользовался, не означало в прямом смысле интригу, заговор или политические махинации. Это выражение невозможно было перевести точно. Кроме перечисленных, оно включает в себя в ортеанских языках также понятие соревнования и игр.

— Благодарю вас за предупреждение. Это очень любезно с вашей стороны.

— При условии, что я имею в виду только то, что говорю? — Он рассмеялся. — Это я и делаю. Я не люблю Двор. Предпочитаю плавать под парусом на «Ханатре». Но не верьте мне ни в чем, даже если это будет выглядеть очень убедительно. Не воспринимайте буквально вообще ничего, кем бы ни оказался ваш собеседник.

В этом чувствовалось что-то от уже упомянутого ортеанского понятия интриги. Я была уверена, что он говорил так намеренно, и потому оценила его благорасположение. Но это также показывало, как мало я знала о Каррике и как много закрытых дверей мне еще предстояло открыть.

Оставив позади мыс, который защищал нас от ветра, шлюпка стала испытывать боковую качку. Вода была абсолютно прозрачная и искрилась зеленоватым цветом, какой имеет весенняя листва. Волны ударялись о борт, и мириады мельчайших брызг на миг повисали в воздухе. Преломляясь в них, солнце творило свои чудеса — маленькая радуга следовала за нами до самого корабля.

Когда по борту судна спускали веревочную лестницу, возникла задержка. Как только лестница оказалась внизу, Герен вскарабкался по ней, как акробат. Я окинула взглядом мокрую, темную деревянную обшивку и зияющий промежуток между кораблем и качающейся шлюпкой. Веревочную лестницу швыряло ветром в разные стороны, и ее перекладины колотились о борт.

Лодка в очередной раз поднялась на гребне волны, я схватилась за лестницу, которая ужасно раскачивалась, и полезла наверх. Не имея опыта Герена, я промахнулась, наступила мимо перекладины и содрала кожу на лодыжке. Над моей головой вздымались огромные, ослепительно белые паруса. Я почувствовала себя совершенно разбитой, когда обеими руками схватилась за поручни и уперлась ногами в палубу.

Босоногая ортеанская женщина в рубашке и брюках перегнулась через поручни, ловко подхватила мой багаж и положила на палубу. Другая такая же ортеанка повернула стрелы шлюпочных кранов. Оба гребца спешно поднялись по веревочной лестнице, как если бы она была самой обычной, а затем все четверо принялись поднимать шлюпку на борт.

Оставленный остров поднимался и опускался в медленном ритме. Я последний раз взглянула на транспортный челнок звездного корабля, возвышавшийся над торговой станцией.

— Идите сюда! — крикнула еще одна ортеанка и поманила меня рукой.

Я последовала за ней. Палуба была полна работающих мужчин и женщин, поэтому я старалась лавировать между ними и все равно из-за качки частенько налетала на кого-нибудь из них. Мачта вертикально уходила вверх, и концы их чертили в небе замысловатые вензеля. Паруса закрывали солнце и дрожали под сильными порывами ветра.

Дверь на юте привела нас по темному, тесному коридору к крошечным каютам.

— Это ваша. — Ортеанская женщина открыла одну из дверей.

На ней была зашнурованная куртка без рукавов. Густые черные волосы она заплетала в косу. Кожа ортеанки была скромно украшена узорами, а глаза окружены тонкой сеткой морщинок.

Когда она посмотрела на меня, то при слабом освещении мне показалось, что на ее глаза надвинулась тонкая кожица, которая затем вернулась в прежнее положение. У ортеанцев есть «третье веко», мигательная перепонка, как у пресмыкающихся. У них есть и кое-что другое. Я посмотрела на ее мозолистые руки.

Приложенные к моим, они не были бы шире, но имели на один палец больше. Изящные тонкие ногти ортеанки подстригали на всех пальцах, кроме мизинцев, украшенных впечатляюще закрученными когтями.

— К сожалению, вам придется делить каюту со мной, — сказала она, — но большую часть времени я буду проводить на палубе, так что мы, пожалуй, не будем мешать друг другу.

— Благодарю за намеки. Постараюсь не беспокоить вас.

— Вы думаете, мне не пришлось побороться за эту привилегию? — На ее лице появилась поразительно человеческая ухмылка. — Мне хотелось бы рассказать моим детям о знаменитом чужом мире.

— Сурилин!

Голова женщины повернулась на зов. Я узнала голос Герена.

— Мне лучше всего пойти к рулю. — Она повернулась. — Кюта капитана находится вон там, позовите т'ана Герена, если что-нибудь потребуется.

Я вошла в каюту. Она была тесной; с одной стороны находилась узкая кровать, а с другой — сундук. Через квадратный люк с решеткой из железных прутьев толщиной в палец внутрь проникал зелено-золотой свет. Мне пришлось пригнуться, чтобы выглянуть наружу. Потолок — нижняя сторона юта — состоял из очень толстых досок. Непрерывно скрипело дерево и о борт корабля бились волны.

Вдруг что-то заставило меня сесть. Корабль вздрогнул всем корпусом, задрожал и, снова начав движение, вошел

в непрерывный топающий ритм. Это плавание не было спокойным.

Сидя так, ощущая под пальцами грубые одеяла и наблюдая, как лучи солнца пляшут вверх и вниз по доскам, я на мгновение задумалась. Это был не звездный корабль и даже не корабль, плывший по какому-либо земному океану, а плавание завершится не в Лондоне, не в Ливерпуле или на Тайне. Садри Герен Ханатра и женщина Сурилин были зачаты, рождены и выросли не на Земле.

Я начала осознавать тот факт, что здесь, в этом мире, была чужаком.

«Ханатра» шла под парусами при различных ветрах, сквозь туман и непогоду, царившие на Внутреннем море. В конце первой девятидневной недели Герен сообщил мне, что это время года пользовалось дурной славой из-за туманов и штилей. Я проводила много времени под палубой, разговаривала с теми, кто в данный момент не был занят, и, чтобы акклиматизироваться, каждый день выбиралась наверх, под палящее солнце, где находилась на несколько минут больше, чем вчера.

Большая часть лица Зу'Ритчи, самого младшего из команды, была покрыта чем-то, что я приняла за родимое пятно. У него была необычно светлая кожа, а пятно на ней выглядело как серые крапинки и напоминало лист папоротника, начинавшийся на лбу и по щекам доходивший до плеч.

— Что это? — переспросила Сурилин. Я спросила ее об этом, когда мальчика не было поблизости. — Это цветок прибрежных низменностей. Это не означает ничего, кроме того, что его телестре располагается на краю Топей.

Мне пришлось удовлетвориться таким ответом. Позднее, когда мы уже плыли в более теплых водах, некоторые члены команды разделись до пояса, и я увидела, что «цветок прибрежных низменностей» распространялся по всей верхней части туловища. Крапинки мало-помалу становились крупнее и темнее, в некоторых местах были почти черными. Я поняла, что это являлось природным явлением. Зу'Ритчи не

был единственным, у кого имелся подобный «цветок», хотя у него он был более выраженным, из-за чего его немного поддразнивали.

Настоящий шок — и это было шоком лишь потому, что выглядело почти как у людей — заключался в моем открытии того обстоятельства, что у представителей обоих полов имелось по второй, рудиментарной паре грудных сосков пониже первой. Большинство женщин по земным меркам имели небольшие груди, а их бронзово-коричневые соски были столь же малы, что и у мужчин. Я подозревала, что в прошлом ортеанцы производили на свет большее, чем мы, количество детей, а может, это было так до сих пор.

Я наблюдала за Сурилин, когда она сматывала канат: под ее коричневой, гладкой кожей играли мускулы. Великолепная черная грива была распущена, и я увидела, что часть ее опускалась вниз по позвоночнику между лопаток.

При виде этого мои собственные волосы на затылке вставали дыбом. Ортеанцы были почти такие же, как мы, но все-таки другие.

Я спрашивала себя, какими еще могут быть не так явно проявляющиеся различия между двумя нашими расами.

Из дымки появилась тонкая береговая линия, становившаяся все более резкой. Сурилин, облокотившись рядом со мной на поручни, указала вперед:

— Это равнины Мелкати... Видите горы на горизонте? Там начинается Имир.

Как я заметила, мы находились не вблизи побережья. Ни один пассажир не мог бы прыгнуть с корабля и уплыть... я тоже. В настоящий момент мне приходилось рассчитывать только на действия в административном порядке.

— Как долго еще плыть до Таткаэра?

— Мы войдем в гавань с полуденным приливом, если удержится ветер.

У Каррика V нет спутника, и потому ему знакомы только солнечные приливы и отливы: отлив при восходе и заходе солнца и прилив в полночь и в полдень.

— Пойду вниз, — зевая, сказала Сурилин. Она прищурила глаза, вглядываясь в утреннюю дымку, которая, как было видно, не растворится в ближайшее время. — Около полудня. Если удержится ветер.

— Кристи, — позвал Зу'Ритчи, — т'ан Герен хотел бы видеть вас в своей каюте.

— Скажите ему, что я сейчас приду. Это звучит так, будто мой отпуск закончился, — заметила я.

— Мне жаль, — сказала черноволосая женщина. — Вы рассказывали нам чудесные истории о чужих мирах.

— Вы поверили в них?

Она ухмыльнулась:

— Не могу утверждать, что поверила всему, о чем вы говорили. Но обязательно перескажу их моим детям.

— Вы вернетесь домой после этого плавания?

Она пожала плечами:

— Кораблю нужен ремонт. Я останусь на борту. Возможно, Суан привезет сюда детей из моей телестре, они уже достаточно подросли для этого. Она их кормилица.

У меня больше не было времени говорить на эту тему.

— Пока, Сурилин.

— Мы еще увидимся, Кристи.

Я спустилась вниз и нашла Герена в его каюте. Когда я вошла, он поднял глаза от лежавшей на столе карты:

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Благодарю, очень охотно. — Я почувствовала приятный аромат свежесваренного чая из трав, потом прошла по качающейся каюте, чтобы взглянуть на карты.

На одной из них была изображена часть полушария. Тут не было многого из того, что зарегистрировал на другой стороне планеты картографический спутник: россыпи островов, ни на одном из которых нет присутствия культуры позже каменного века. Это была карта ойкумены, цивилизованной Орте.

Она выглядела как все старые карты: украшена витиеватым орнаментом и неточна. На ней было два континента, соединенных друг с другом вытянутым архипелагом. Боль-

шая часть северного континента была белым пятном, зато его южное побережье было усеяно изображениями и обозначениями, которые я сочла за города, королевства и порты, а название, написанное над всем этим, гласило: Сутаи-Телестре, Южная земля. Отсюда мне стало ясно, что она и была нашей целью.

Южный континент, казалось, был заселен лишь вдоль побережий. В глубине его территории были обозначения, которых я не могла понять.

— Мы вышли в море отсюда, — сказал Герен и показал пальцем на группу островов вблизи края карты. — Мы миновали Восточные острова, вот здесь, потом мы прошли... — он провел пальцем по карте к южному побережью Южной земли, — этим курсом по Внутреннему морю до Таткаэра.

Таткаэр был указан у устья какой-то реки на высоте, составлявшей половину высоты побережья над уровнем моря. Я подумала, что он был хорошей исходной точкой для группы ксеноисследователей, но и не был так уж удобен, если его нельзя было покинуть, как в моем случае.

Герен подал мне чашку чая. Он не улыбался, когда сказал:

— Надеюсь, вы простите меня за то, что я позвал вас так запросто? Я хотел поговорить с вами, прежде чем мы придем в Таткаэр.

— Герен...

Мне подумалось, что было бы лучше повременить с переговорами, пока я не увижу чиновников в Таткаэре. Герен Ханатра едва ли был более важным лицом, чем просто курьер.

— Нет, погодите. Я должен вам что-то сказать. — Он сел на стол, не обращая внимания на раскачивающуюся лампу, которая едва излучала мерцающий тусклый свет. — Обычно я не даю советов, но...

— Но сейчас вы намерены это сделать?

— Может быть, это неумно. В конце концов, вы — посол. Я облокотилась на стол.

— Я охотно выслушаю вас, Герен.

— Ну хорошо. Я принадлежу к той партии, которая отстаивала необходимость контакта с вашим, чужим для нас,

миром. Я даже встречал кое-кого из ваших людей — пусть и не для того, чтобы поговорить с ними, — которые в настоящее время находятся в Таткаэре.

— И что же?

Он провел шестью пальцами руки по своей желтой гриве и пристально посмотрел на меня. Потом на глаза его набежала поволока.

— Впрочем, я знаю о вас, наверное, столько же, сколько и любой другой здесь, хотя, конечно, это немного. Но я предвижу, посол, какое впечатление вы произведете на людей при Дворе.

— Вот как?

Мне пришлось просить его продолжать говорить. Он встал и прошелся по тесному помещению. Я мысленно спросила себя, все ли ортеанцы столь тактичны.

Глаза его опять помрачнели. Как я заметила, на нем также был цветок прибрежных низменностей, но выражен более слабо, как водяной знак.

— В этом нет ничего хорошего. Т'ан, они посмотрят на вас и скажут: «Это женщина с распущенными волосами и без меча, с детским лицом и глазами как из камня...»

Я засмеялась, захлебнулась чаем, но заставила себя стать серьезной.

— Мне жаль, Герен.

— Я лишь говорю вам, какое впечатление вы произведете на нас. Конечно, многое из этого является только делом привычки. — Он повернулся ко мне лицом. — Я предполагаю, что они ожидают увидеть незнакомую одежду и волосы, которые ни укорочены, как это принято в Имире, ни заплетены в косы, как это делают в Пейр-Дадени, а также то, что пришельцы никогда не моргают и у них нет волшебного пальца. Впрочем, я осмелюсь утверждать, что мы в ваших глазах выглядим столь же необычно. И к тому же в одеянии жреца, хотя вы совсем им не являетесь... И еще, Кристи, вы так молоды.

— Двадцать шесть. Для Орте это немного, у вас продолжительность жизни гораздо больше. Но что касается молодости, то время довольно быстро это исправляет.

Он нерешительно улыбнулся:

— Вы не обиделись?

— Я прибыла сюда послом, — ответила я. — Мне придется быть докучливой, придется обращаться с вашими людьми так же, как с моими соплеменниками. Наверняка я буду допускать ошибки, конечно, их невозможно избежать, но это не играет никакой роли. Наблюдая за мной, вы начнете понимать землян. Я не смогла привезти вам книги или произведения искусства, чтобы познакомить вас с нашей культурой. Все, что я могу сделать, это — быть здесь. Я прибыла, чтобы оглядеться и показать, какие мы есть.

Через некоторое время он кивнул:

— Да, разумеется. Т'ан, это было необдуманно с моей стороны — предположить, что вы не разбираетесь в вашем деле.

— Я не эксперт.

К сожалению, это было слишком верно. В обеих моих предыдущих миссиях я участвовала совместно с опытными послами, а сейчас впервые действовала одна.

Я еще раз посмотрела на карты, где были отмечены многочисленные плавания «Ханатры».

Я столь многого не знала об Орте, столько информации было утрачено или потеряно в отчаянных попытках иметь здесь своего представителя, причем все равно кого. Но в данных обстоятельствах потерь невозможно было избежать.

— Вы должны пообещать мне, что станете носить по крайней мере меч харур. Если вы этого не сделаете, вам будет труднее вписаться в наш мир.

Я молчала, потому что не была готова обещать что-либо подобное.

— Кристи, я думаю только о вашей безопасности.

— Я знаю, я не в обиде.

— Я верю, что вы не в обиде, — почему-то рассерженно ответил он.

Я вышла от него. Утренний туман покрыл поручни и палубу росой. С беспокойством я снова спустилась в каюту,

зажгла масляную лампу и закрыла ее толстый стеклянный корпус. Воздух был насыщен влагой. Сурилин спала, и я ей не помешала.

На сундуке лежали обычный для Южной земли обоюдо-острый меч харур-нилгири, слишком короткий, чтобы служить мечом, и харур-нацари, слишком длинный, чтобы им можно было пользоваться как ножом.

Я взяла себе более длинный из них, похожий на рапиру нилгири, и обхватила рукоятку, обвитую ромбическим рифлением. Помахала им, вспоминая полные выдумок детские игры в пиратов. Тяжесть такого рода была непривычна для моего запястья. Я не знала, как его носят и как им пользоваться, поэтому положила на место.

Садри Герен ошибся. Даже если этого требовал этикет, у меня не было достаточного опыта, чтобы носить меч харур. Для этого нужно было прожить всю жизнь на Каррике V, а не на Земле.

К полудню туман сгустился, и на море наступил штиль.

С палубы уже невозможно было увидеть вершин мачт. Паруса исчезли в серой пелене. С наблюдательного поста на мачте спустился Зу'Ритчи — он был мокрым до нитки — и сообщил, что туман наверху такой же густой.

— Бросьте якорь, — приказал Герен.

— Надолго? — спросила я.

— Летние туманы в этих водах длятся день или что-то около этого.

— Разве мы не можем как-нибудь двигаться вперед?

— Ведь вы не морячка, не так ли? Несмотря на то, что родились на Британских островах. Здесь мы можем надежно встать на якорь. Если бы мы продвинулись под парусами дальше на запад, то пришли бы к устью реки Оранон и нас снесло бы южнее. А острова Сестер находятся чуть к югу отсюда.

Когда он говорил так о море, можно было понять, что волновало его сердце. В таких обстоятельствах он думал не о Дворе в Таткаэре или о корабле и команде, а исключительно

о скалах и островах, приливах, отливах и течениях, а также о преобладающих ветрах Внутреннего моря. Некоторых людей гораздо более заботят неодушевленные предметы, чем люди. Герен был одним из таких.

— Вы должны побывать в гостях в моей телестре, — сказал он, и лицо его снова оживилось. — Когда вам позволят выехать из Таткаэра, приезжайте в Ханатру. Если у вас будет достаточно времени, то я возьму вас с собой в плавание на юг, в Кварт, в Кель-Харантиш и даже до Городов Радуги. Послу следовало бы знать морские пути. Южная земля — это еще не вся Орте, что бы ни говорили об этом в Таткаэре.

— Я бы очень хотела попутешествовать, если у меня будет возможность, я воспользуюсь вашим предложением. А далеко ли эти города?

Мне казалось невероятным то, что у меня будет время для чего-либо иного, кроме строго официальных контактов, по крайней мере в начале работы. Тем не менее...

— Плавание при хорошей погоде до Кварта и Харантиша? Может быть, шесть или семь недель. Полгода до Саберона, первого из Городов Радуги, и дальше до Кутанка. — Он поднял глаза и вдруг стал серьезным. — Кристи, помните о том, что это предложение я делаю вам со всей искренностью. Если вы будете вынуждены покинуть Таткаэр, приезжайте ко мне.

На палубе было холодно, несмотря на то что поверх куртки и джинсов я накинула пальто. Меня знобило.

— Я приеду, Герен. Если это потребуется.

С наступлением ночи туман немного рассеялся, и я впервые увидела звезды ортеанского летнего неба. Звезда Каррика находится на периферии центра галактики. На небе здесь в тридцать раз больше звезд, чем на Земле. Я стояла на палубе «Ханатры», а звезды светили ярче, чем земная Луна в полнолуние.

Прежде чем на следующее утро рассеялась дымка, корабль достиг устья реки Оранон.

Глава 2. Таткаэр

Мокрые паруса тяжело хлопали, когда корабль лавировал, чтобы причалить. Свет белого солнца Орте отражался от воды, образуя над морем сияние. Я пошла на то место, где бы меня никто не побеспокоил, и стала смотреть, как нос корабля разрезает мелкие волны.

На востоке блестели илестые отложения. Со стеблей тростника часто взлетали изящные существа, взмахивали широкими крыльями, и их громкие резкие крики далеко разносились над водой. Рашаку — птицы-ящерицы. За ними следовали стаи других существ. Создания с длинными рогами паслись на сине-зеленых водяных пастбищах. Мархац или скурраи? С этими названиями у меня не связывались никакие ясные образные представления. Позади тянулись меловые скалы побережья, исчезая в далекой дымке.

На Орте туманы почти никогда не рассеиваются. Это не является только лишь погодным феноменом, а представляет собой свойство атмосферы планеты, то самое свойство, которое создает такие радиопомехи, что прием сообщений практически невозможен.

С помощью радио, подумала я, мне удалось бы тотчас связаться с ксеногруппой в Таткаэре. Нет, если бы здесь были радиоприемники, поправила я сама себя, то, пожалуй, находилась бы совсем не здесь...

Если бы у моего предшественника при первом контакте была радиосвязь, то сводка погоды со спутника, возможно, помогла бы и он не погиб бы из-за того, что корабль при плавании к Восточным островам попал в шторм.

— Кристи. — Зу'Ритчи приостановился, проходя мимо меня. — Смотрите — Таткаэр!

Устье реки было таким беспокойным и огромным, что можно было подумать, будто все еще находишься в открытом море. Корабль испытывал бортовую качку. Ветер ненадолго стихал, но лишь для того, чтобы в следующий момент

снова резко ударить в паруса. Затем показались горы и вершина скалы. Мы двигались прямо в гавань.

Из тумана возникли два горных отрога, охватывавших гавань. Утреннее солнце осветило здания, тесно лепившиеся за ними. Я схватилась за мокрые от брызг поручни, когда мы проплывали в тени увенчанного крепостью восточного отрога. С каждого из отрогов в гавань текли потоки воды, и мне стало ясно, что это та же самая река. В нескольких десятках миль выше по течению Оранон раздваивается и охватывает этот остров, называющийся Таткаэром. Город на острове. Земля к востоку была Имиром, а к западу — Ри-моном.

Корабль скользил между другими кораблями, уже стоявшими на якоре, среди леса голых мачт джатов и множества мелких судов. С нескольких лодок были брошены концы, и более крупную «Ханатру» повели к одной из якорных стоянок под восточной горой. Ближняя из рек была мелкой, и через нее было перекинута много мостов, тогда как другой рукав, более удаленный, был широким и глубоким. Я наблюдала бурлящую повсюду деловитость.

Я видела города (не только на Земле), раскинувшиеся так широко, насколько мог видеть глаз — от горизонта до горизонта. Города, которые только за неделю можно проехать из конца в конец. Поэтому я смогла понять, почему ксеногруппа на своих гипнолентах сообщала о Таткаэре как о «поселении туземцев».

Поселение? Я мысленно оценивала это слово, разглядывая бесчисленные здания, теснившиеся в широкой низине между плавно вздымавшимися, напоминавшими спины китов холмами, нагромождение белых и песчаного цвета низких строений. Верхушка западного холма, который слабо прорисовывался сквозь дымку над гаванью, была увенчана приземистым коричневым фортom с черными проемами окон. От пришвартованных лодок и пристани доносились крики.

Мне казалось, что за седловиной между Восточным и Западным холмами скрывалась куда большая часть этого горо-

да. И что Таткаэр, пусть даже его называют просто поселением, тем не менее был городом.

Подошел Герен.

Я подняла свои вещи.

— Вы тоже сойдете со мной на берег?

— Нет, мне нужно сначала проследить, чтобы «Ханатру» надежно поставили в док, а потом я доложу об этом при Дворе. Может статься, что я вас там встречу. — Он взглянул на причальную стенку. Мысли его все еще были заняты заботой о корабле. — За вами пошлют лодку. После этого вами займются чиновники Двора, которые обеспечат вас жильем и покажут город.

Первым делом надо будет выяснить, где здесь банк, решила я. Тогда я могла бы снять со счета сумму, какую наши правительства посчитали достаточной. Отпуск на борту корабля закончился, и рутина вновь предъявила свои претензии, однако новый мир никогда не является рядовым делом.

Я попрощалась с Сурилин, с Зу'Ритчи, с некоторыми другими членами команды и с самим Садри Гереном. Потом я спустилась с корабля в челнок, гребцы которого рьяно налегли на весла, и мы заскользили прочь от «Ханатры». Я видела ее поднятые паруса и линии корпуса, привлекательно выделявшиеся на фоне реки, а затем стала смотреть вперед, пока мы приближались к городскому хаосу.

Причальная стенка была заставлена штабелями ящиков и закрытых брезентом тюков, кругом все кишело ортеанцами. Дальше, возле зданий (которые я приняла за склады) стояли защищенные от солнца парусиной лавки, в которых можно было купить что-нибудь поесть; кухонные запахи были для меня непривычно резкими. Крики, повизгивание полиспастов, вездесущий скрип и раскачивание корабельных мачт, запах водорослей и других, не поддающихся определению вещей, — все это представляло собой порт. Над грязной водой носились длиннохвостые, питающиеся падалью рашаку и издавали жалобные крики. Мимо меня пробежала стайка маленьких детей. Детей было

кругом великое множество: возле лавок, складских помещений и пришвартованных кораблей.

Я стояла на булыжной мостовой между снятыми с кораблей мачтами и высокими зданиями. Здания имели плоские крыши, изогнутые стены и были, как я видела, без окон. Я огляделась по сторонам, ища глазами обещанных встречающих. Без труда сохраняя равновесие, я испытывала некоторую неуверенность. Это, должно быть, из-за морской качки, потому что сила тяжести на Каррике меньше земной настолько, что величину этой разницы едва ли можно ощутить.

Я знала, что группа ксеноисследователей должна была находиться в Татказре и дожидаться меня. А моя первоочередная задача состояла в том, чтобы добиться от Короны разрешения на поездки. Но когда я уже начала спрашивать себя, не придется ли мне искать ксеноисследователей самой, то увидела ортеанца средних лет, направлявшегося, без сомнения, в мою сторону.

— Вы — посол?

Когда я утвердительно кивнула, он церемонно поклонился:

— Меня зовут Халтерн н'ри н'сут Бет'ру-элен, я из телестре Пейр-Дадени.

Тот самый Халтерн, который завизировал разрешение на поездку? «Один из тех случаев, когда ксеногруппе пришлось связываться с сильными мира сего», — предположила я.

— Линн де Лайл Кристи, Британские острова.

— Корона прислала меня, чтобы приветствовать вас. — Он воспользовался неофициальным названием властительницы Южной земли, Т'Ан Сутаи-Телестре. — Как только вы привыкнете к обстановке, мы сможем устроить для вас аудиенцию. Может быть, в конце недели?

Он проговорил все это, не переводя дыхания. У него была подстриженная и зачесанная на лоб светлая грива, начало которой терялось в уходящем назад одном-единственном хохле, и водянистые, голубые, как аквамарины, глаза.

Эти глаза ортеанцев, без белков и радужной оболочки, наверное, навсегда останутся для меня чуждыми.

Поверх рубашки и брюк, обычной для Имира одежды, он носил свободно свисавшую тунику зеленого цвета, немного

заношенную, с золотым шитьем на груди. На потертых ремнях с обеих сторон висело по мечу харур. Вид у него был несколько неуверенный и затравленный. Если Герен, предупреждая меня об интригах, имел в виду кого-то конкретно, подумалось мне, то им был определенно этот тип.

— Я не получу аудиенции, пока не истечет неделя? — спросила я.

— Мы должны найти для вас жилище. Кроме того, вам нужны сотрудники и соответствующий гардероб. Мархац и скурраи. Л'ри-ан. Корона сочла бы нежелательным, если бы вы прибыли ко Двору, не чувствуя себя к этому подготовленной.

«Не ранее, чем ты научишься одеваться и вести себя не как дурочка», — жестко перевела я сказанное для себя самой.

— Как говорится, — философски добавил Халтерн, — когда Богиня творила время, то сделала его достаточно, чтобы хватило на все. Вы так не считаете?

Скурраи-джасин ползла вверх по крутой горе. Небо над узким и извилистым проездом — едва ли это можно было назвать улицей — было усыпано звездами. Монотонные стены удерживали горячий спертый воздух между собой. У открытых сточных желобов собирались мухи кскри. Когда мы проезжали мимо, они с низким гудением поднимались в воздух и начали над нами кружить. У них были длинное толстой с мой большой палец тело и блестящие как зеркала крылья. Иногда возле стен росли похожие на виноградную лозу растения, но аромат их подковообразных голубых цветов не пересиливал царившую кругом вонь.

Халтерн наклонился вперед и что-то сказал вознице. Карета-джасин повернула налево и посхала по еще более узкой и извилистой тропе.

— Справятся ли они? — Я указала на животных.

— Обязательно. Они сильные. — Он впервые говорил со мной менее официально. — Это — скурраи с даденийских пустошей, животные этой породы могли бы везти вдвое больше нашего веса и по более плохой дороге. Вы видите их задние ноги? В них и заключается их сила...

Он замолчал и посмотрел на меня с извиняющейся улыбкой.

— Я могу наскучить вам своими разговорами о скурраи. Телестре Бет'ру-элен расположена вблизи пустоши, и мы разводим подобную породу.

— Они привлекательны, — сказала я, и хотя он и не подал виду, содержащийся в моем замечании комплимент, кажется, порадовал его.

Скурраи были запряжены парой. Это похоже на рептилий животные с раздвоенными копытами и двумя парами рогов, с короткой шерстью и металлической защитной маской на голове. Белый солнечный свет придавал их меху цвет начищенной меди. Животные с философским терпением шли вверх по холму. Рост их достигал уровня бедер человека, и для меня они все еще выглядели слишком небольшими, чтобы быть достаточно сильными для своей нагрузки. Джасин громыхала и подпрыгивала дальше.

Я увидела уже два или три места, которые подошли бы для бюро контактов, а позднее и для консульства и посольства, но в данный момент я была довольна тем, что можно поездить по Таткаэру. Это был обширный город, и я не смогла бы осмотреть его в течение дня, но мне хотелось увидеть как можно больше.

— Вот он. — Халтерн остановил скурраи-джасин. — Я подумал, что это могло бы оказаться подходящим. Хотя Восточный холм находится далеко от Цитадели, однако, может быть, для вас это лучше.

Я с трудом сошла с повозки, которая не имела рессор. Ноги у меня так затекли, что я покинула ее с удовольствием.

Халтерн открыл ворота двухэтажного дома без окон. Ворота скрывали проход, который вел в центральный двор, но вместо того, чтобы идти туда, он остался на месте и открыл дверь дома.

«Он не настолько тупой, каким пытается казаться», — подумала я про себя.

Миссия, служащая для установления контактов и исполнения роли посла, выходила за рамки первого соглашения с группой ксеноисследователей. И хотя она не являлась зна-

чительной и самостоятельной миссией, она могла подготовить полноценный дипломатический контакт и при известных условиях сделать Каррик V открытым для присоединения к земному Доминиону. Поэтому меня нельзя было уличить в том, что я предпочла одну сторону другой. А иметь свою резиденцию в непрестижной части города — это было началом, сулящим успех. Более близкое знакомство с Халтерном могло бы оказаться полезным для дела.

— Вы принадлежите к Двору? — спросила я, когда открылась тяжелая деревянная дверь. Мы вошли в большую комнату с выложенным мозаикой полом. В ней было прохладно, пахло пылью и пряностями.

— Я принадлежу к послам Короны. Прежде я находился в та'адуре Пейр-Дадени, — тут он воспользовался принятым в Дадени выражением, — но Т'Ан Тури Андрете, кажется, надолго предоставил меня Короне. — Он улыбнулся. Эта улыбка была задорной и одновременно неестественной. — Поэтому я был послан к вам.

Площадь жилища была довольно ограниченной: кухня и две комнаты на первом этаже и три комнаты на втором этаже. К дому примыкал также небольшой двор с хлевом. В доме было поразительно светло, если вспомнить глухие фасады, потому что во двор открывалось множество окон.

Халтерн провел меня по всем помещениям. Потолки с накатом были старые, бревна местами чуть перекошены, но еще здоровые. В оконные рамы вставлены толстые, неровные стекла. Оборудованы комнаты были так примитивно, как я того и ожидала согласно сообщениям.

Лестница со двора привела нас на плоскую крышу. Жара наверху была пьянящей; в свете звезды Каррика велика доля ультрафиолетового излучения. Ветер над городом был подобен теплой ванне. У меня по спине всю лил пот.

Верхнее покрытие состояло из вара, смешанного с песком. В кадках росли изумрудные цветы, а в воздухе висел аромат, напоминавший запах лимона. Я подошла к низкому парапету.

— Не думаю, что мы найдем что-нибудь лучшее.

— Я рад, что он вам нравится. — Халтерн встал рядом со мной. — Другие ваши люди — а их было только восемь — претендовали на пять различных зданий.

Я почти могла понять этот поразительный факт. Кажется, дома в Таткаэре очень редко строились отдельно. Обычным является имеющий большую площадь комплекс с одним двором в середине, в котором находится цистерна или колодец. Ими пользуются члены либо одной телестре, либо одной гильдии, называемой торговой телестре.

Перед нами, раскинувшись, словно на карте, лежал город. На мой взгляд, он был переполнен.

В Таткаэре нет улиц. По крайней мере нет улиц в нашем понимании. Есть мощеные и немощеные дороги, извивающиеся между различными домами телестре, но у них нет названий. Единственное исключение представляет собой Путь Короны.

Позади нас находилась вершина Восточного холма, а по другую сторону гавани был различим Западный холм. В низине острова в ярком солнечном свете блестели желтые, белые и розовые оштукатуренные стены зданий. Возвышались одиночные старые каменные постройки. Их архитектура была странно вздыбленной и неприятно поражающей. Реки, эти ленты, образующие границы города, с перекинутыми через них мостами, пересеченные проселочными дорогами, уходившими в серо-голубые горы, были далеко отсюда.

За крайними домами и склонами города, по другую сторону садов и куполов, на удалении шести или семи миль, из дымки выступало скалистое плато. На голых скалах стояли каменные постройки. Далеко за ними в северном направлении раскинулась страна, а на абсолютно голубом небе светились дневные звезды.

— Цитадель, — указал в ту сторону Халтерн, — стоит в конце острова. Видите, вон там дом Богини, а вон там тюрьма, а там...

Он показал мне ориентиры: рынки, общественные здания и Теократические Дома, Кольцо гильдий и Холмы — ту

зажиточную часть города, в которой находятся дома Т'Анов всех провинций Южной земли: Имира, Римона и Мелкати, Ремонде, Свободного порта Морврэн, Пейр-Дадени и Кире. Я не могла усвоить все сразу.

Наконец Халтерн замолчал. Когда я повернулась в его сторону, то обнаружила на его лице выражение печальной озабоченности, которое, казалось, отражало его общее настроение.

— Как там? — спросил он.

Он был первым ортеанцем, который задал мне этот вопрос. Может быть, Герен и его команда не поверили, что я действительно с другой планеты. Халтерн в это верил.

— Некоторые миры имеют сходство с вашим. Некоторые выглядят иначе. — Я пожала плечами. — Что бы я могла вам рассказать? Есть так много различных миров.

Он покачал головой:

— Это невероятно.

— Земля... — Я замолчала. Он был тем самым лицом, с которым я должна была вести переговоры. И я не могла в такой день, как этот, говорить о проблемах народонаселения, голоде, налогах и пришедших в упадок городах. — Земля также совершенно иная.

Он кивнул:

— Я дам указания, чтобы завтра этот дом был обставлен. Один из ваших соотечественников... Элиот, кажется, так его зовут?

— Вероятно.

В ксеногруппе был некий Тимоти Элиот.

— Элиот послал для вас приглашение, чтобы вы были гостем в его телестре. В его доме, я хотел сказать, — поправился Халтерн. — Я отвезу вас туда.

— Я думала, «телестре» означает «земля»?

— Земля, люди, люди, земля — это одно и то же. — Он сделал несколько шагов по направлению к лестнице, потом остановился в нерешительности. — Я не имел намерения поправлять вас, т'ан.

— Я незнакома со многими из ваших обычаев. Как же я изучу их, если никто не будет меня поправлять?

Я увидела, как это его обрадовало.

— Я обеспечу вам также л'ри-ана, — пообещал он. — Кстати, если вы хотите поужинать, то мой дом телестре находится недалеко отсюда.

На рассвете зазвучал нестройный колокольный звон. Я в полудреме лежала в постели и вслушивалась в различные колокола: близкие и далекие, с низким голосом и высоким. Таткаэр придерживается естественного ритма жизни, ориентирующегося по восходу и заходу солнца. Я же, если у меня есть выбор, с большей охотой ломаю всякий режим.

Когда окончательно проснулась, я оглядела комнату. Вечером предыдущего дня, когда мы прибыли в резиденцию Элиота, я успела заметить совсем немного. Хозяина не оказалось дома, а его жена Одри оказалась столь понятливой, что тотчас предложила мне лечь спать. Я была еще очень далека от того, чтобы привыкнуть к ортеанскому стандарту — суткам, состоящим из двадцати семи часов.

Комната была простой. Стены выкрашены светлой краской, потолок оштукатурен, длинные шторы скрывали окна, на полу лежал тканый ковер. Все производило такое впечатление, будто было специально подобрано, чтобы выглядеть как можно менее по-ортеански. Группы ксеноисследователей известны своими чудными методами адаптации.

Я оделась и спустилась вниз по лестнице. С кухни доносились голоса. Там я нашла Тимоти Элиота, сидевшего за столом, и Одри Элиот за каким-то железным устройством, в котором (судя по запаху) варился земной кофе.

— Мисс Кристи...

— Линн.

— Линн. — Элиот улыбнулся. Это был крепкий мужчина около сорока, его волосы уже начали редеть. На нем была светлая рубашка поверх поношенных джинсов. — Меня зовут Тимом. С Од вы уже познакомились вчера вечером? Хорошо. Мне жаль, что я не смог встретить вас.

— Другие члены группы живут дальше, вниз по этой улице. — Одри поставила на стол китайский кофейник с напитком и блюдо с гренками. Эта светловолосая, немного нерв-

ная женщина была моложе Элиота. — Позже я отведу вас к ним и представлю.

— Благодарю.

Мне было приятно оттого, что снова говорю по-английски. За завтраком мы разговорились. Они представляли собой семейную команду; он был ксенобиологом, а она — ксеноэкологом. Оба были на шестилетний срок связаны с остальными членами группы.

— Десять месяцев в этой дыре, — заметил Элиот и, жмурясь, посмотрел на сиявшее солнце, светившее в кухню.

Когда она успела там побывать?

— Тим, — предостерегающе сказала Одри, — не заражай нашу гостью своим пессимизмом.

— Ну да... — Он провел рукой в воздухе, словно хотел таким образом разогнать плохое настроение. — Линн с нами заодно. Не так ли, Линн?

— Не совсем. Как представитель правительства, я обязана сохранять беспристрастность.

Я никогда не сумею говорить что-либо подобное так, чтобы это не звучало как важничанье. Вот и сейчас я поймала себя на этом.

— Но несмотря на это, ваша обязанность — довести до Короны нашу просьбу?

— Да, конечно.

— Тогда, я надеюсь, вы сможете добиться для нас разрешения на поездки; нам с этим не справиться. Черт побери, почему они согласились на прибытие контактной группы, если сейчас не разрешают нам удаляться от места проживания?

В его голосе чувствовалась горечь, которую он, должно быть, испытывал в течение долгого времени. Для них это было особенно досадно; социологи ксеногруппы по крайней мере могли заниматься своими исследованиями и в Таткаэре.

Я предприняла осторожную попытку пошутить:

— Я полагаю, они не слишком утруждают себя мыслями о времени.

— Это чертовски верно. — Элиот обратился к Одри: — Ей потребовался один-единственный день, чтобы определить, каковы туземцы.

— Думаю, Линн, вы уже побывали во многих мирах?

Одри отошла от плиты и села за стол. На ней было короткое платье в складку, какие считались модными около трех лет назад. Сама я привезла с собой из одежды немного: официальный костюм, джинсы и рубашки. Дешевле купить вещи на конкретной планете, чем оплачивать их провоз на сверхсветовых кораблях согласно людоедским тарифам. Хотя ксеногруппам в этом предоставлены некоторые послабления.

— Я была на Бериуне, в водном мире. — «Но недолго», — мысленно добавила я с благодарностью себе самой. — А потом — с посольством на Хакатаку.

— Ага. В общем и целом, кажется, в дипломатическом отделе Ведомства Внеземных Дел немного женщин. — Элиот улыбнулся, пожалуй, чтобы выдернуть жало своего замечания. — Но я уверен, что вас сюда бы не послали, если бы у вас не было способностей.

— Я тоже так думаю, мистер Элиот.

Возникла неприятная пауза. Тогда Одри Элиот спросила:

— Что нового на Земле?

— Можно сказать, ничего. Как обычно: споры между Пан-индийской Федерацией и посткоммунистическим Китаем. Я не особенно в курсе событий.

Несмотря на силовые установки, позволяющие перемещаться со сверхсветовой скоростью, путешествие до Каррика V длится более трех месяцев.

— Вы в большей степени в курсе дел, чем мы...

Тут постучали в окно, и через дверь черного хода вошел мужчина. Это был брюнет лет тридцати пяти, одетый в имирскую тунуку поверх джинсов.

— Привет, Тим и Од. Я услышал, что у вас гости.

— Джон Лакалка, Линн Кристи. — Элиот, представляя нас друг другу, швырнул нам имена, как теннисные мячи.

— Вы добьетесь для нас разрешений на поездки, мисс? — Лакалка прислонился к дверному косяку.

— Этого я не могу сказать. Я еще не говорила с соответствующими должностными лицами.

— Ей-богу, я надеюсь, что вам это удастся. Я, определенно, последний, кто стал бы критиковать внеземную цивилизацию...

Я заметила, как Тим и Одри обменялись друг с другом снисходительными взглядами.

— ...но десять месяцев в одном и том же поселении! Вы только испытайте это, мисс Кристи, — десять месяцев каждое утро в самую рань просыпаться от веселого колокольного звона, десять месяцев терпеть паршивую еду и еще более жалкие удобства...

— Джон. — Элиот улыбнулся и мягко покачал головой. — Оставьте это.

— Я хочу жить в нормальных, человеческих условиях, — сказал Лакалка, очевидно, не обидевшись, — и как только я вернусь из этой миссии, то десять месяцев проведу в каком-нибудь центре отдыха... не дома, а где-нибудь, где мне будут предоставлены все мыслимые удобства. Телевидение, готовые блюда и стереозаписи... Может быть, в Бомбее или в Хайдарабаде. — Он засмеялся, и на его коричневом от загара лице блеснули белые зубы. — Испытайте это. Один месяц — и вы расширите мой список на основе собственного опыта.

— Я в этом не сомневаюсь, — согласилась я.

— Ну, ладно. — Лакалка вошел наконец в комнату и налил себе кофе. — Что нового на родине?

Центр мира давно переместился на Восток; Азия представляла собой будущее двадцать первого века. На клонящемся к закату Западе не происходит ничего сколь-нибудь важного или интересного. Однако из слов Лакалки и обоих Элиотов я поняла: единственное, что их интересовало, были Британские острова. Родина.

— Не надо снова об этом! — запротестовала Одри. — Линн, что вы намерены делать сегодня вечером? Тим, ты помнишь, что я сказала?

Он кивнул и обратился ко мне:

— Сегодня вечером у нас собрание. На нем будет наша группа и несколько человек из города. Если вы там появитесь, вам не придется так часто повторяться.

— Почему бы и нет? Большую часть дня я буду занята въездом в мое бюро. Но вечером — это меня устраивает.

— Вы живете на Восточном холме, не так ли? — Элиот одарил меня лукавым взглядом, который означал, что новости здесь разносились быстро. — Я пошлю вам повозку во время вечернего звона. Иначе может случиться, что вы не найдете дороги.

Глава 3. Т'Ан Сутан-Телестре

Когда я добралась обратно до своей резиденции на Восточном холме Малк'ис, там меня ожидал молодой ортеанец. Он представился как Тасил Раннас н'ри н'сут Метрис, сообщил, что будет поваром и экономом, и согласился помогать мне при решении всех проблем, связанных со снабжением. Его телестре находилась в нескольких милях вверх по течению реки, и у него, очевидно, имелись некоторые связи с личным штабом сотрудников Халтерна.

Привезли мебель. Мы с Раннасом потратили час или два на ее расстановку. Обе нижние комнаты были обставлены как кабинет и приемная, а второй этаж стал моими личными апартаментами.

После этого Раннас вышел к уличным лавкам и вернулся со вторым (по ортеанским понятиям, очень поздним) завтраком: с хлебом, фруктами, с горько-терпким, бледным чаем и белым мясом с рыбного рынка, которое, по моим оценкам, не являлось «рыбой». Морские животные на Орте — это почти все без исключения млекопитающие.

Я вернулась на второй этаж, чтобы распаковать вещи, и предоставила Раннасу заниматься оборудованием кухни. Его специфический говор был для меня почти полностью непо-

нятен, и я предполагаю, что и мой имирский был не слишком совершенен. Мы объяснялись жестами всякий раз, когда нам не хватало слов.

Времени на распаковывание вещей потребовалось немного. Несколько немнущихся платьев из смесей искусственных волокон, предметы личного обихода, микрорекордер и акустический парализатор, относившийся к одному из немногих видов оружия, разрешенных для использования в дотехническом мире. Он был настроен на мой пот и рисунок моих отпечатков пальцев и просто-напросто не стал бы действовать, если бы им попытался воспользоваться кто-либо другой. Администрация декларировала его как оружие самозащиты от диких животных.

Кроме того, у меня с собой имелся портфель с верительными грамотами, банковскими векселями и прочими бумагами, причем его замок также был настроен на мои биологические параметры.

Раннас открыл дверь.

— Прибыл кто-то от Двора, чтобы видеть вас, т'ан.

— Я сейчас спущусь вниз.

Когда я выходила из комнаты, зазвенели колокола. Это был монотонный звон в начале дня.

Я нашла Халтерна в кабинете. Он смотрел в окно и что-то немелодично напевал. С ним был мальчик.

— Т'ан. — Он склонил голову. — Все ли здесь в порядке?

— Вы сделали больше, чем я ожидала. Большое спасибо.

Он снова сделал едва заметный поклон. Этот жест заменял неведомое здесь рукопожатие.

— Корона предоставляет этот дом в ваше распоряжение, пока вы будете в нем нуждаться. — Халтерн подтолкнул мальчика вперед. — Я привез вам вашего л'ри-ана, Кристи. Кезовут Ахил Марик Салатиэл.

У ортеанцев существуют два местоимения среднего рода: одно они используют применительно к неодушевленным предметам, а кез — при названии одушевленных существ. Кез — это животные, иногда это и Богиня, а также дети, но я не полностью поняла их применение. Насчет л'ри-ана я

была уверена, что это слово означало личного помощника; оно происходит от слова, переводимого как «ученик».

Он был худошав, с коричневой кожей и носил коротко подстриженную черную гриву. Мальчик неприветливо взглянул на меня, затем кивнул:

— Т'ан Кристи.

— Верно. Очень хорошо. Ах... лучше всего тебе пойти на кухню и найти Раннаса, он позаботится о тебе, пока мы не устроимся.

Здесь были приняты личные слуги, и хотя я платила за эту привилегию по одной серебряной монете в день, я все еще не была этим счастлива.

— Я мог бы найти для вас более надежного л'ри-ана, Кристи, — сказал Халтерн. — Но поскольку вы пока не знакомы с нашими обычаями, было бы лучше для вас, если бы вы сами воспитали себе помощника. Тогда будет меньше недоразумений.

— Не слишком ли ке молод?

Однако по земным стандартам он был, пожалуй, старше, чем это казалось.

— Ке еще аширен, то есть ребенок моложе четырнадцати лет. Вам придется заменить ему телестре, но это лишь формальность, — добавил он. — Телестре кир называется Салатизэл, она владеет перевозом на западный берег. Пока ке у вас, вы являетесь кир с'ан телестре.

Этим раскрывался смысл. Герен называл это «землевладельцем» или, говоря иначе, с'ан телестре, хозяином имущества. *In loco parentis**. «Обычай есть обычай», — подумала я.

— Мне нужно побывать в банке, — напомнила я Халтерну.

Он сложил вместе пальцы, снабженные острыми ногтями.

— Вам нужен дом Гильдии рядом с «Поющим Золотом». Я также предложил бы вам посетить рынок; вам потребуются животные для верховой езды. Марик, впрочем, умеет их сцеплять и ухаживать за ними в хлеву. И...

* На месте родителей (лат.).

— И еще о Дворе, — сказала я.

Он удостоил меня настороженным взглядом.

— Я смог бы, вероятно, устроить личную аудиенцию в начале следующей недели.

— Для меня было бы лучше, если бы это стало возможным раньше.

— Ну, я полагаю... — Он неприятно переменялся.

— Конечно, я не могу на этом настаивать.

Он колебался, очевидно, занятый размышлениями.

— Сегодня вечером будет общественная аудиенция, но тут речь идет об обычной аудиенции в Пятый день в Длинном Зале. Это не специальный прием. Там не будет никого из такширие, то есть из имеющих вес т'анов Двора. По крайней мере из влиятельных.

Мы посмотрели друг на друга. Он улыбнулся.

— Я вызову скурраи-джасин. Что это отзвонили только что, не середину ли утра? Тогда время обедать в моем доме телестре.

— Я возьму бумаги, — сказала я, схватила портфель с документами и вернулась к Халтерну.

— Вы умно поступаете, стараясь посетить Т'Ан Сутаи-Телестре, когда она свободна от иных влияний, — сказал он, когда мы выходили. — Скажите мне, т'ан, все представители иных миров столь целеустремленны, как вы?

— Иногда это окупается.

Под спящим солнцем нас ожидала повозка. Мы поехали, подпрыгивая на камнях мостовой.

— Т'ан, — сказал Халтерн. — Нет, как же вы, обитатели других миров, говорите — мисс Кристи...

— Вы можете говорить мне просто «Кристи».

Я привыкла к такому обращению на «Ханатре». И заметила, что Халтерн, склонный анализировать характеры, пришел к подобной оценке в отношении меня. Это было любопытно.

— Кристи, — сказал он с той поразительной смесью искренности и официальности, которая типична для ортеанцев, — не будьте так подозрительны. Когда я услышал еще об одной женщине — посланнице из другого мира, то поду-

мал... Ах, не придавайте никакого значения моим мыслям; я ошибался. Но в такширие некоторые недружелюбно настроены в отношении вас и вашего мира. Они могут стать для вас опасны. Я охотно признаю, что вы, кажется, способны выполнить свою работу...

— А почему бы и нет? — Я говорила слишком резко. Предыдущие замечания Элиота попали в чувствительное место.

— Я не имел намерения обидеть вас. — Он развел руками. — Откуда мне было знать, что ваш Двор пришлет не избалованного господина или дармоеда и не женщину, которой интересны исключительно ее собственные потребности? Подобное мы испытали в случае с посланниками Кварта, Саберона и Кутанка. Пожалуйста, помните о том, что мы ничего не знаем о земном Дворе.

Халтерн по меньшей мере принимал меня как данность, каковы бы ни были взгляды в его учреждении относительно моего назначения. И это, как я поняла, оказывало аналогичное влияние на Марика: юная личность, в гораздо большей мере сформированная событиями, нежели имеющая возможность на них воздействовать.

— У нас нет никакого Двора, — ответила я, — у нас парламент. Конечно, у нас есть королева — Елизавета Третья, но у нее нет такой власти, как у вашей Короны.

— Корона без власти? — Халтерн не поверил и был изрядно шокирован.

Остальную часть пути в город я потратила на попытку объяснить ему ось власти, состоящую из Индии и Китая, изолированные западные анклавы и принцип действия парламентской демократии Британии.

Дом телестре Халтерна находился недалеко от Кольца Гильдий. Л'риан, молчаливый старый ортеанец, накрыл стол с легкой трапезой из салатов и лекарственного чая в светлом помещении, окна которого выходили в окруженный стеной сад. Стройный древовидный папоротник был усыпан сочными, пурпурно-красными цветами. Их лепестки покрывали каменные плиты. Мы с Халтерном сидели у открытого окна.

— Я живу в этом доме только летом, — сказал он беззаботным тоном. — Когда Двор находится в резиденции в Таткаэре. Зимой они направляются в Пейр-Дадени со всеми пожитками... и послами Короны. Это неудобно, но отвечает традиции. И никто не отваживается возразить Анд-рете.

— Андрете? Я думала, что у вас правит Корона.

— Теоретически. — Халтерн отхлебнул из своей чашки и поставил ее обратно на стол. — На практике же ни один Т'Ан Сутаи-Телестре не осмелился бы выступить против клана Андрете из Пейр-Дадени. Я говорю это, хотя Пейр-Дадени — моя родная провинция. Это единственная провинция, которая предпочитает повиновению равноправный альянс.

— А другие?

Если Халтерн говорил, то я была уверена, что у него были для этого основательные причины.

— С ваших позиций? — Он решительно кивнул. — Пейр-Дадени и Имир за контакты с Землей. Римон по ту сторону реки... колеблется. Ремонде никогда не приветствовала контакт с вашим миром, как и Мелкати. Свободный порт Мор-врен стал бы заниматься торговлей даже с самим Золотым Народом Колдунов. А что касается Кире, то эти люди будут для вас столь же чуждыми, как и для нас.

— А Таткаэр?

— О, его иногда называют восьмой провинцией, хотя он является собственным островом самой Короны. Это и есть та самая причина, почему вы, обитатели другого мира, должны находиться в городе. Но она — сердце Южной земли, без нее Сто Тысяч распались бы.

Мне было незнакомо это выражение.

— Сто Тысяч?

— Ай-Телестре. Это обычное название ста тысяч отдельных телестре Южной земли. Провинции — ничто, города возникают и гибнут, но телестре вечны. Дай Богиня, чтобы... — Он автоматически описал рукой в воздухе у груди круг. — Но ведь вы должны это знать, Кристи. У вас самой в вашем мире есть своя телестре.

— Нет. Я не владею землей.

— Власть земель? Богиня упаси от этого! Я не землевладелец, но все же... — Его это сильно поразило. Затем он подавил свое возмущение и осторожно спросил: — Похоже, у вас на Земле все это выглядит совсем по-другому?

— Да.

Я решила оставить эту тему. У него хватило ума признать, что иные культуры отличаются от известной ему, и согласиться с существованием различий. В данный момент я не хотела отягощать его лекцией о том, насколько велики были эти различия.

— Теперь, когда вы находитесь здесь, у Короны, вам не будет оказываться слишком большое внимание. — Он сдержал себя, помедлил и потом сказал: — Как я предполагаю, это и стало причиной того, что меня послали к вам вместо кого-либо от такширие. Представьте, что был выбран один из них, — это обидело бы остальных. Если бы вы это понимали, то знали бы, что это представляет собой своего рода оскорбление. Если бы вы, к примеру, были послом от Городов Радуги, то для вашего приема выслали бы делегацию и, может быть, в ней находились бы даже Тури Андрете или Рурик Орландис.

Он откинулся назад. Его светлая грива была неухожена. Туника в нескольких местах была потерта, а обувь заношена. Для ортеанца он был слишком грузен, а возраст его приближался к сорока пяти. «Было бы нетрудно, — подумала я, — использовать его на службе, которая занимается вопросами, касающимися туземцев». Это было бы легко, но совершенно неверно.

— Я не столь важное лицо, — сказала я. Это была правда. Если моя миссия не принесет результатов, то Доминион подождет несколько лет и направит кого-нибудь другого. — И меня довольно сложно обидеть.

На короткое время его глаза покрыла пленка, уголки рта дрогнули. Он икнул. Снаружи снова зазвонили колокола.

— Полдень, — сказал Халтерн. — Если вы все еще настаиваете на аудиенции, то нам нужно постараться добраться до Цитадели.

* * *

Путь Короны — единственная мощеная дорога, имевшая название и шедшая прямо от доков вверх, к Цитадели, — был забит. Мы съехали вниз, в центр острова, где было очень шумно, а дорога блокирована скурраи-джасин и более крупными повозками. Когда мы снова вынырнули из этой толчеи и поехали вверх, то оказались между старыми зданиями, в более спокойных местах. Мы ехали под опахалами деревьев лапуур, которые никогда не бывают неподвижными, даже в защищенных от ветра уголках. Время от времени Халтерн показывал мне ориентиры: теократические дома учебы, Дом-источники... В этом городе без табличек и названий улиц можно было полагаться только на ориентиры и собственную память.

Тени образовывали пятна на белых каменных плитах. Мы подъехали к прямоугольному кварталу величиной с площадь для парадов. Казармы, тюремные постройки и Дом Богини образовывали три стороны. Четвертой была отвесная стена скалы.

Утес вздымался на пятьдесят футов. Такая высота не особенно впечатляла, но это была голая, серая скала, поросшая голубыми побегам дикого винограда. С вершины утеса вниз была прорублена зигзагообразная тропинка, к которой мы сейчас и приближались.

Ворота были вырублены в массивной скале, в них висела тяжелая железная решетка, готовая в любой момент загреметь вниз. Я посмотрела на вершину утеса и увидела там подобные же ворота.

— Наверх можно только пешком, — сказал Халтерн и отпустил скурраи-джасин. — Мы пойдем туда, если начата аудиенция. Эй, Киар!

Подошел один из солдат, стоявших у ворот. На них были зеленые и золотые униформы: двое с алебардами и четверо с устройствами, выглядевшими как арбалеты. Это была элита — стражники Короны.

Подошедший к нам солдат имел на поясе офицерский меч харур. Это была женщина.

Она спросила:

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас, Халтерн из Бет'ру-элена?

— Аудиенция Пятого дня открыта?

— Да, входите.

Она с восхищением посмотрела на меня. Думаю, что я ответила ей на комплимент; я была не совсем уверена, что это — церемониальная необходимость или искреннее чувство.

— Благодарю вас. Кристи?

Я следовала за Халтерном. Теперь, когда дошло до дела, я нервничала. Все представители иных миров ощущают эту свою ответственность за то, что он или она становятся мерилom оценки своего мира. И от того, как пройдет встреча, зависело очень многое.

Это был долгий, жаркий марш вверх по тропе. Мы находились в непрерывном потоке ортеанцев в одеждах всех профессий и провинций. Один раз мы с Халтерном ненадолго остановились и увидели простирающийся у наших ног остров в форме наконечника стрелы. С моря подул свежий ветер, и в такую жару он был очень кстати.

Мы прошли через верхние ворота в сад. Вымощенные дорожки вели в самую Цитадель, о форме которой, скрывае-мой деревьями лапуур, можно было лишь догадываться. Все это было вытянутым и сильно разросшимся комплексом строений или, может быть, одним-единственным зданием; при ортеанской архитектуре этого никогда нельзя определить с полной уверенностью. Кругом — обработанная и окрашенная горная порода, круглые башни и отталкивающие стены без окон.

Внутри было прохладно. Высокие потолки отражали звуки наших шагов, с расположенных кругом галерей доносился шепот собравшихся ортеанцев. Вначале мы попали в зал со сложными многоступенчатыми переходами, а затем вдруг оказались в длинном помещении с полом, выложенным из-разцовыми плитками.

— Сюда, — спокойно сказал Халтерн, — сюда, вдоль стены.

В двух местах на больших сковородах пылали угли, нагревая прохладный воздух. По обе стороны Длинного Зала стояло по ряду стражников Короны. Солнечный свет проникал через щели окон, падал на гобелены и радующие глаз одеяния мужчин и женщин Орте.

Халтерн проводил меня мимо групп ортеанцев, погруженных в беседы. Некоторые пристально смотрели на меня: моя служебная одежда, состоящая из юбки и спортивной куртки, не имела ни малейшего сходства с чем-либо, что носилось на Орте. «Однако уж слишком чужеродной я все же не кажусь», — подумала я и огляделась по сторонам. Тут были ортеанцы с цветом кожи всех оттенков: от совершенно черного и шоколадного до ярко-красного, но многие были и бледнокожими, как я. Были также и русые волосы, и зеленые глаза, они встречались даже нередко, а мой рост был примерно средним.

Я чувствовала себя так, словно попала в помещение с полузверями, имевшими короткие гривы и шестипалые конечности. Такое ощущение возникает в определенный момент при каждом посещении какого-либо неведомого мира. Полуживотные и полулюди: подобное восприятие создавалось из-за глаз без белков и некой размытости черт, придававшей лицам ортеанцев необычайное изящество.

— Скоро ли? — Я нервничала и была в нетерпении.

— Недолго, одну минутку, — таким был неизменный ортеанский ответ.

В конце зала висели флаги, они были кроваво-красными и золотыми, голубыми и изумрудно-зелеными, а над всеми ними располагался зелено-золотой огненный венец Короны. Ортеанцы, подходя к дальнему концу зала, занимали стоявшие там скамьи, рассаживались и болтали друг с другом. Когда подходила очередь одного из них, он вставал и подходил к Короне.

Я молча сидела рядом с Халтерном и мысленно повторяла ударения, характерные для имирского языка. Когда я увидела, что мой провожатый чем-то озабочен, то рискнула сделать предположение насчет причины:

— Халтерн, вы могли бы назвать себя принадлежащим к партии, голосующей за связи с Землей?

— Ну да, наверное, мог бы. — Он внимательно посмотрел на меня, потом кивнул, как если бы его впечатление подтвердилось. — Вы правы, Кристи. Я волновался. Многие из нас преодолевают все несходства этой вежливостью.

— У нас точно так же.

— Да... да, конечно.

Я видела, как он размышлял. Как я и предполагала, он обладал способностью точно оценивать людей. Его голос мог бы повлиять на других в смысле их отношения к Земле.

— После нее ваша очередь, — сказал он. — Просто подойдите и назовите свое имя.

Говорившей теперь представительницей была крупнолицая ортеанская женщина с широкой лентой гильдии рабочих-металлистов. Она стояла со скрещенными руками и говорила на языке — как я предположила, это был римонский, — которого я не понимала. Я не уловила смысла ответа, полученного от Короны. Она же говорила хриплым тенором, и, насколько мне удалось расслышать с моего места, голос не соответствовал возрасту ортеанки, он был моложе.

Т'Ан Сутаи-Телестре была небольшой женщиной лет пятидесяти. Она обладала хрупким телосложением, однако выглядела выносливой. Кожа ее была песчаного цвета, глаза голубые, а ресницы светлые. Однако что-то выдавало в ней человека, знакомого с невзгодами воинской службы.

Ее ухоженная грива была чуть темнее кожи, а брови и виски едва заметно сливались друг с другом.

На высокопоставленной ортеанке были сапоги, брюки и свободно ниспадающая туника, причем все зеленого цвета и сплошь усыпано драгоценными камнями и золотыми украшениями. Туника выглядела так, как если бы была стеганой, в ней имелись вырезы, в которых просматривалась сорочка, сотканная из переливавшихся всеми цветами радуги нитей. Этой же тканью, называемой «хирит-гойсен», была оторочена мантилья, закрепленная на шее. Я предположила, что она носит ее из-за прохлады в Цитадели, но та придавала ей такой вид, будто она вот-вот задохнется.

Говоря, она откинулась назад, на коленях у нее лежал меч харур-нилгири. Она скорее автоматически играла рукояткой. Голос ее был ровным и спокойным, и работница-металлистка время от времени кивала, как если бы сказанное полностью соответствовало ее мыслям.

Заключительное слово, и аудиенция была закончена.

Выставление себя напоказ всему собранию казалось мне варварством и вселяло в меня некоторую робость. Я сделала несколько шагов, после чего оказалась перед Короной.

— Ваше величество. — Я поклонилась, как того требовал обычай. — Мос имя — Линн де Лайл Кристи. Имею честь передать вам с глубоким уважением приветствие и пожелания счастья от правительства Британских островов и объединенных органов Доминиона Земли.

Ортеанка выпрямилась. В ее глазах вдруг блеснул интерес.

— Мы премного рады принять посла. — Не оборачиваясь, она подала знак рукой. Один из стражников поставил перед ней стул. — Подойдите же, садитесь.

Я повиновалась. Это был знак большого благоволения, насколько я могла понять из шепота у меня за спиной. Моя нервозность прошла.

Она справилась о моем здоровье, о квартире, предоставленной мне в городе, о любой мыслимой помощи, в какой я могла бы нуждаться, и обо всех проблемах, какие у меня могли бы возникнуть. Я ответила, как смогла, не забыла упомянуть Халтерна н'ри н'сут Бет'ру-элена и поблагодарила сразу за все, о чем она успела упомянуть.

А после того, как протокольная часть была позади, она сказала менее официальным тоном:

— Я не думала увидеть вас здесь так скоро.

— Я желала представиться вашему величеству, как только это окажется возможным, и не показаться невежливой.

— То есть вы пришли на общественную аудиенцию. Это мне нравится. — Она улыбнулась. — Вы понимаете, это было моим решением, чтобы сюда прибыли ваши люди. Моим же решением было и то, чтобы они обрели здесь представительство вашей Короны.

Я кивнула в знак того, что поняла, и спросила себя, скоро ли мы можем рассчитывать на открытие полноценного консульства.

— Я надеюсь, — продолжала Т'Ан Сутаи-Телестре, — что вы посетите и другие части Южной земли. Я уверена, что вы получите множество приглашений. Не допускайте того, чтобы ваши обязанности посла удерживали вас от поездок.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что она сказала. Потом я ответила, тщательно взвешивая каждое слово:

— С позволения вашего величества я принимаю это предложение. Распространяется ли приглашение и на моих людей, которые уже находятся здесь?

— К несчастью, нет, во всяком случае, пока нет. — Она прикрыла глаза. — Линн Кристи, вы, несомненно, получите приглашения от людей, не воспользоваться которыми было бы безопаснее для вас. Мои Сто Тысяч не все желают подружиться с представителями иных миров. Я думаю, необходимо, чтобы они увидели собственными глазами то, что они не глядя отвергают. Совершайте поездки куда пожелаете. Я выпишу вам пропуски во все телестре.

— Для того чтобы Земля собственными глазами могла увидеть, с чем ей, возможно, придется иметь дело?

Она рассмеялась:

— Ах, действительно, действительно. Так должно быть всегда. Идите, Кристи, знакомьтесь с нашей жизнью.

— Т'Ан Сутаи-Телестре очень милостива.

Она была явно довольна. Затем она нахмурила лоб:

— Я позволила носить вам оружие; есть ли оно у вас?

Я вынула парализатор из футляра под курткой.

— Покажите мне его. — Она протянула руку. Акустический парализатор выглядит не особенно впечатляюще, он представляет собой овальный корпус серого цвета с плоской головкой на одном конце.

Она протянула его мне с выражением отвращения на лице:

— Им можно убить?

— Нет, ваше величество, он вызывает лишь потерю сознания.

Она покачала головой:

— Показывайте его как можно реже; есть местности, где это устройство сочтут за колдовское устройство. Лучше всего выберите себе другое оружие.

— Как ваше величество прикажет.

Она опять откинулась назад, сцепила пальцы с загнутыми ногтями и внимательно посмотрела на меня.

— Вы могли бы выглядеть как женщина из Имира или Римона, — сказала она наконец. — Мне будет трудно всегда помнить о том, что вы не являетесь ею и носите с собой такое оружие. Честно говоря, хотелось бы, чтобы вы как можно меньше отличались от наших женщин.

— Наши расы не очень отличаются друг от друга.

Я уже спрашивала себя несколько раз, так ли верна политика моего ведомства, предпочитавшего для дипломатической службы брать людей сопереживающего типа, ибо это означает, что мы целиком разделяем чужую точку зрения и при этом иногда сильно перегибаем палку.

— Они действительно не сильно отличаются? Нам следовало бы, пожалуй, добраться до истины. Но я полагаю, что нам не стоит говорить об этом сейчас. — В этом полном зале она не задавала никаких вопросов о Земле. — Я благодарю вас и ваш мир за приветствие. Мы снова будем с вами беседовать, Кристи; вы знаете много интересного, о чем могли бы мне рассказать, но сейчас должна быть продолжена аудиенция. Желаю вам успеха и благословения Великой Матери.

Я удалилась, мое место было занято кем-то другим, а потом я почувствовала, как Халтерн взял меня за руку.

— Идемте сюда... Сутафиори оказывает вам предпочтение, — заметил он, когда мы спускались вниз из зала. — Я не одобряю вашу политику, но завидую вам из-за ее благосклонности.

— Сутафиори?

— Корона: Далзиэлле Керис-Андрете. Ее называют «Сутафиори», Цветком Юга; она была удивительно красива...

— Халтерн. Т'ан.

Я остановилась в дверях, чтобы взглянуть, кто нас прервал. Это была женщина. Халтерн рассматривал ее с осторожностью и неудовольствием.

— Я сама представляюсь. Меня зовут Сулис н'ри н'сут СуБаннасен, Т'Ан Мелкати.

Я не поняла, что у нее за акцент. Она была в голубом одеянии, похожем на сари, а поверх него была надета кожаная мантия, застегнутая с помощью серебряной броши. Ее кожа обладала просвечивающей бледностью, черты лица были мелкими и строгими, гладко стриженная грива имела белый цвет. Она выглядела так, будто ей было не менее семидесяти лет.

— Линн де Лайл Кристи.

— Посол. Я надеюсь, что вам понравится наша страна, т'ан. Она, наверное, очень отличается от вашей.

— Я недостаточно давно здесь, чтобы судить об этом, Т'Ан Сулис.

Когда она шла рядом с нами, я увидела, что она опирается на палку с серебряным набалдашником.

— Жаль, что вам нельзя покидать Таткаэр. Моя провинция Мелкати стоит того, чтобы ее посетить.

— Тогда, может быть, я посещу ее, Т'Ан.

Ее глаза блеснули. Возраст обесцветил ее мигательные перепонки, они были наполовину приподняты и делали ее взгляд завуалированным, похожим на соколиный.

— Вы хотите это сделать? Тогда я буду счастлива принять вас в Алес-Кадарете.

— Посол очень занят, — любезно сказал Халтерн.

— Ах да, конечно. — Когда она смотрела на него, улыбка исчезала с ее лица. — А она так молода и так похожа на нас. Следовательно, это безответственная болтовня, когда утверждается, что обитатели внешних миров являются переодетыми представителями Народа Колдунов, которые коварно заброшены к нам, чтобы творить зло?

— Простите, Т'Ан Сулис. — Халтерн слегка поклонился. — Ваши познания о Золотом Народе Колдунов, несомненно, намного превосходят мои.

Она удостоила его необъяснимым взглядом и снова повернулась ко мне:

— Может быть, вы все же посетите меня. Т'ан, желаю вам всего хорошего.

Мы вышли из Цитадели под сияющее белое солнце, и я едва не ослепла. У меня было такое чувство, будто я провела несколько дней в подземелье. Непроизвольный глубокий вдох — и я почувствовала незнакомый, слабый минеральный запах ветра. Халтерн выглядел озабоченным.

— Что вас занимает?

— Ничего. Кроме того, что я не был проинформирован о том, что властительница Мелкати была при Дворе. А также то, что я не знаю, почему она находилась на аудиенции Пятого дня. — Он в задумчивости кусал губы. — Готов поспорить, что это случайность, но она была ей очень кстати. Кристи, эта СуБаннасен не испытывает симпатий к Земле.

— Возможно, — ответила я. — Халтерн, что это за Золотой Народ Колдунов?

По дороге с утеса нас сопровождал аромат огненно-красных роз сидемаат и цветущих деревьев лапуур.

— Они были ужасными людьми, — ответил наконец Халтерн, — и давно исчезли, хотя некоторые потомки этой расы выжили далеко на юге, по ту сторону Внутреннего моря в городе Кель-Харантиш. Сами они претендуют на свою чистокровность, но я в этом сомневаюсь. Свою предрасположенность к предательству и коварству различного рода они постоянно доказывают на практике. Что же касается Сулис — а я не хотел бы чернить ее или ее телестре, — то она такова, каковы и все мы, обитатели Южной земли. Всегда склонна видеть колдовское происхождение во всем новом и считать все новое колдовством.

Золотая Империя погибла около двух тысяч лет назад, после того как просуществовала пять тысяч лет. С тех пор в историю Золотого Народа Колдунов вошли все черные легенды и мыслимые ужасы. Сколько из всего этого соответствовало правде, гипноленты ничего не сообщали.

— Некоторым вы будете казаться подозрительной, — добавил Халтерн, когда мы спускались в прямоугольник. — Но

у вас есть преимущество, состоящее в том, что вы не обладаете их внешностью.

— А как они выглядели?

— Бледный цвет кожи, которая поблескивает золотом, — ответил он, — белая грива и желтые глаза. Они были высокими и имели тонкие кости. Больше я ничего о них не знаю.

Мы стояли в тени скалы и ждали скурраи-джасин.

— Утверждалось, что Золотой Народ Колдунов более не существует.

— Их и нет больше нигде, кроме как, возможно, в Кель-Харантише. — Он пожал плечами. — Там ваше имя обязательно свяжут с колдунами и ведьмами, если кто-нибудь вам не доверяет.

— А вы мне доверяете?

— Да, — ответил он, и я ему поверила.

Колокола отзвонили полдень, когда прибыла наша повозка джасин. Я вспомнила, что согласилась в этот вечер прийти в дом Элиотов. Т'Ан Сутаи-Телестре поставила меня в чрезвычайно неприятное положение. Я спрашивала себя, как мне объяснить ксеногруппе, что у меня имелось разрешение на выезд, в котором им было отказано.

Глава 4. Обед в восточном порту Салмет

Скурраи-джасин тряслась по узким проездам. Копыта выстукивали приглушенный ритм. В воздухе чувствовался запах ночного цветка кацсиса и водорослей, поразительный сладковато-терпкий запах. Возница, седогривая старая ортеанка, высунулась наружу и выплюнула изжеванные листья атайле на изборожденную колесами землю. Когда она обернулась, я на короткий миг увидела ее глаза. Мембраны были открыты, зрачки расширены до бархатистых черных точек.

Она передала послание от Элиота: обед должен был состояться в одной из других резиденций группы. Мне не доставало телефона и почты.

Повозка прогромыхала под воротами арочного типа и въехала в один из дворов в восточном порту Салмет через час после захода солнца. Я вышла из кареты, заплатила вознице и осталась ненадолго постоять у колодца.

Чужой город был погружен в жару и тишину, жители оставались в своих домах за закрытыми дверьми и ставнями. Дул ночной ветер. Здесь, в сердце Млечного Пути, над моей головой сияли огромные звезды и бросали свой бледный свет на колодец. Крыши казались совсем черными на фоне искрящегося неба, заполненного таким количеством звезд, что они сливались в облака света.

Когда я открыла дверь, в доме уже шел оживленный разговор.

— А-а, прекрасно, — обрадовался Элиот. — Вы пришли пораньше. Входите и знакомьтесь со всеми. Кстати, это наш хозяин Сэм Хакстон.

— Мисс Кристи, входите же. Позвольте принять ваше пальто. — Хакстону, очевидно, перевалило за сорок, он был рослым, крепким брюнетом. Его радушие казалось чрезмерным. — Это Марджери, моя жена. Мардж, вот общество для тебя. А это Джон Бэрретт.

Бэрретт был бойким молодым человеком, который слегка потряс мою руку и, отпуская ее, выказал явное неудовольствие.

— Вот Адэр, а там, я думаю, Кэрри и...

— Мы уже встречались, — ухмыльнулся мне Лакалка.

— И Мори... Вот это все из нашей группы. Думаю, нам понадобится немного времени, чтобы узнать друг друга.

— И может быть, основательно наскучить друг другу. — Бэрретт подарил мне улыбку, заставившую меня усомниться в его трезвости. — Я никого не хотел обидеть. Социальная активность здесь... ограничена. Мы действительно очень хорошо знаем друг друга.

Мы находились в длинном помещении, освещенном масляными лампами. Народ постепенно собирался, к нам часто

подходили ортеанцы. Распадались и опять формировались группки, все беседовали со всеми и пили бледное имирское вино. «Совершенно обычный прием, как на Земле», — подумала я.

— Адэр, — представился опрятный, энергичный мужчина, оказавшись рядом со мной. Ему было около шестидесяти пяти, он был стар для работы в таких условиях. — Я врач. Создал несколько вакцин, которые хотел бы порекомендовать вам, мисс Кристи. Вы можете завтра навестить меня? Я торчу в восточном порту Кумиэл. Вы ведь не предрасположены к сенной лихорадке, не так ли?

— Насколько мне известно, нет.

— Это хорошо. — Он кивнул одной из молодых сотрудниц группы, имени которой я не могла вспомнить. От нее, казалось, исходил холод. — Эта планета — ад для людей, склонных к повышенной реакции на гистамин.

— Мы в штабе управления будем, пожалуй, отставать от новейшего уровня, — произнесла я, вслух выразив мысль. — Мне придется наверстывать.

— Я приготовил для вас копию, — сказал Адэр. — Обычные аллергические процессы. Старая мудрость все еще верна: не пейте сырой воды. Помните о том, что аборигены обладают большей стойкостью к болезням; они, кажется, переносят любой вид инфекции. Не рассчитывайте на то, что и у вас так будет. Держитесь подальше от больничных палат. О да, есть целый список продуктов питания, которых вам следует избегать... Люди здесь не едят яиц, но я не уверен, в табу ли здесь дело. Вам нужно будет посетить специалиста, Бэрретт. Не сейчас.

Ортеанцы стояли друг подле друга, взгляды их темных глаз робко блуждали по комнате. Когда они двигались, блестя ткани их одеяний, вспыхивали драгоценности и позванивали на поясах и цепочках мечи харур. Кажется, ортеанцы не были знакомы с представлениями Хакстона о приеме; они стояли со спиртным в руках и имели потертый вид.

— Вы, вероятно, не запомнили моего имени, — сказала женщина среднего возраста. Я присмотрелась к ней внима-

тельнее. Она была с Земли, хотя одета преимущественно портеански. — Меня зовут Кэрри Томас, я ксеносоциолог. Идите выпейте с нами. Обещаю, что не скажу ни слова... Мы, должно быть, уже и сейчас основательно действуем вам на нервы.

Я взяла бокал со светлым вином и почувствовала себя вошедшей в поговорку костью посреди своры собак.

— Госпожа Томас...

— Зовите меня лучше Кэрри, моя дорогая, постепенно мы все равно перейдем на имена. Это даже хорошо, что нас отсюда не хотят выпускать. — Лицо ее выражало беспокойство. — Вот я здесь, в первом ставшем известным и не зашедшем в социальном отношении в тупик дотехническом мире — никакой системы кастовости, ничего, — но могу ли я выйти в трудовую телестре? Могу ли я? Черта с два!

Она замолчала и рассмеялась.

— О боже мой, а я обещала не надоедать вам своими жалобами! Не получилось. Причина в том, что вы новое лицо, здесь играете роль раздражителя, и противостоять ему не может ни один из нас. Я вижу, как Джон и Морис, словно коршуны, вытягивают шеи; они лишь ждут момента, чтобы накинуться на вас, как только я закончу говорить.

Я рассмеялась.

— Тогда я заставлю их еще немного подождать. Госпожа Томас, Кэрри, я хотела сказать, вы — первая из тех, с кем я познакомилась и кто, как мне кажется, испытывает симпатии к ортеанцам.

— Ах, да вы же были у Элиотов. С Лакалкой и Хакстонами то же самое. Не судите их слишком строго. Они пребывали в эйфории еще совсем недавно. Дело в том, что у них нет возможности что-либо предпринимать. Что же касается меня и Морис... — она показала на женщину с холодными глазами, — то нам не так уж плохо.

— Говори только за себя, — сказал Адэр, опять вынырнувший рядом с нами, — из-за того, что им практически не знакомы никакие табу, чертовски трудно проводить их физическое обследование.

— Адди желал бы заполучить несколько милых мертвых экземпляров, чтобы играть с ними, — цинично проговорил Томас. — К счастью — или к несчастью, ортеанцы сжигают своих мертвых. Меня же мучают живые. Приведу вам пример: почему они называют своих молодых сородичей «оно», пока те не вырастут? Это местоимение «ке»... Может быть, у них есть ритуал по случаю совершеннолетия, когда они обретают статус взрослого? Но что-то не похоже, чтобы это было так. Все общества знают разделение труда между полами, а вот это — нет.

— У них наблюдается тенденция к трехкратным и четырехкратным родам, — сказал Адэр, с рассеянным взглядом следовавший за ходом своих собственных мыслей. — Я осмотрел один взрослый экземпляр мужского пола. Вы заметили вторую пару грудных желез? Так вот, у этого экземпляра — не знаю, можно ли это, не сомневаясь, назвать атавизмом — было нечто, что я считаю рудиментарным органом сумчатого животного.

— Что же вы у него нашли? — поинтересовалась я.

— Толстую кожаную складку вот здесь... — Он большим пальцем руки провел себе поперек живота. — Примерно восемнадцать сантиметров в длину и четыре в глубину. Я могу лишь предположить, что когда-то ортеанцы-мужчины ухаживали так за своими малышами.

— Да, но подумайте вот о чем, Адди...

Пока Кэрри Томас дискутировала с ним, я улизнула, чтобы добавить вина в свой бокал. В дальней двери появился и тихо захныкал маленький ребенок в одной ночной рубашке. Марджери Хакстон поспешила к нему и взяла на руки. Они были совсем рядом со мной, так что мне невозможно было не обратить на них внимания.

— Как тебя зовут? — спросила я маленькую девочку. Ей было около четырех лет, у нее были темные волосы, и она поразительно походила на свою мать. Она молча смотрела на меня.

— О, она ничего не скажет. — Мать покачала ее на руках и доверительно сказала: — Иногда я сожалею об этом, но было бы хуже, если бы мы не могли ее взять с собой.

Временами я опасаясь, что она перестанет понимать английский.

— Как тебя зовут, аширен-те? — спросила я на сей раз по-имирски.

— Элспет Хакстон, с Британских островов. — Ее акцент звучал своеобразно. Я вспомнила, что имирскому языку она училась на слух, а не по гипнолентам. — Да подарит тебе Богиня хороший день.

— И дочери твоей матери. — Это являлось традиционным ответом.

— Одна из дам, на Холмах, обучала Элспет вместе со своими детьми. Невозможно ведь полностью изолировать ребенка, ему нужны товарищи в детских играх. — Марджери Хакстон вздохнула. Теперь я классифицировала ее для себя. Она была ксеноэкологом, а ее муж — морским биологом. — Но меня волнует, как Элспет воспримет возвращение на Землю, — закончила она.

Мне было жаль ее, старавшуюся хоть как-то ограничить влияние Орте на девочку. Затем я спросила себя, не лучше ли мне было посочувствовать Элспет, потому что именно ей придется снова привыкать к Земле.

Девочка высвободилась из рук матери и побежала к двери. Только что прибывшая гостья наклонилась к ней, взяла за руку и обменялась с ней парой слов.

Женщина обращала на себя внимание: ее кожа, более темная, чем обычно бывает у имирцев, имела цвет сажи, черная грива была подстрижена, а с узкого лица не сходило веселое выражение. Я оценила ее возраст в тридцать с небольшим. Поверх сорочки и брюк она носила утепленную кожаную безрукавку, что выдавало в ней солдата. Когда она отпустила руку ребенка, я увидела, что один из рукавов ее сорочки был пуст, тщательно свернут и закреплен сверху. Это был правый рукав, и свой харур-нилгири она носила справа, чтобы пользоваться им левой рукой.

Заметив, как я на нее смотрела, она ответила широкой улыбкой, обнажившей ее белые зубы. Ребенок повис у нее на руке, и она, подняв его, передала Марджери.

— Рурик, — представилась она, неожиданно повернув голову в мою сторону. — Вы — посол; Хакстон рассказывал мне о вас.

— Верно, меня зовут Кристи. — Я подавила в себе желание пожать ей руку, а потом долго думала, что бы сказать. Наконец я спросила: — Вы любите детей?

— Аширен? Только чужих, да и то не всегда. — Снова обнажились ее великолепные белые зубы. — Элспет приходит ко мне домой, чтобы учиться вместе с другими детьми. Это нечто особенное — видеть ребенка из иного мира.

В этот момент нас пригласили к столу — к великому облегчению присутствовавших ортеанцев, — и я оказалась между Лакалкой с одной стороны и Рурик с другой.

Беседовали ортеанцы тихо. Разложенные столовые приборы, казалось, смущали их. Они нерешительно касались охотничьих ножей на своих поясах и при случае пытались (с различным успехом) пользоваться вилками. Но собственный нож рискнула достать только темнокожая женщина. Она ловко орудовала лезвием с двойным острием и как ножом, и как вилкой и не испытывала неловкости.

— Вы из Таткаэра? — поинтересовалась я. Ее акцент был слабо выраженным, и сразу его невозможно было определить.

— Я в большей или в меньшей мере отовсюду. Из Мелкти, из Черепной крепости, из Пейр-Дадени... Только что я вернулась из Медуэда в Римонс. — Она положила нож, чтобы поднять бокал. — Вы уже давно здесь?

— Несколько дней.

Я вспомнила, что на Холме, кроме резиденций Т'Анов, находились и казармы. Однорукая женщина была солдатом, но скорее всего уволенным со службы по инвалидности.

— О чем вы думаете? Или это нескромный вопрос?

— Нет, совсем нет. Мне нравится город.

— Тогда вы одна из немногих.

Она огляделась за столом и снова повернулась ко мне. Лишь в этот момент, полностью увидев ее лицо, я обратила внимание на ее глаза. Мембраны были подняты вверх, и глаза ясно видны. Глазные яблоки у нее оказались желтого

цвета. Желтые, как одуванчик или лютик, как глаза скопы. Это были теплые и приветливые глаза, они располагали меня к ней.

— Вы должны посетить меня дома...

— Вам следует посетить Восточный холм Малк'ис...

Мы умолкли, потому что заговорили одновременно, и затем рассмеялись.

— Мисс Кристи.

Я предприняла умственное усилие и переключилась с имирского на английский:

— Да, мистер Хакстон?

— Называйте меня Сэмом. Мори как раз спросила о решениях на поездке.

Я кивнула:

— Сегодня в полдень я встречалась с Т'Ан Сутаи-Телестре.

— И она согласилась отменить запрет?

— Она настоятельно попросила меня покинуть город и попутешествовать. — Я тщательно подбирала слова. — Однако я думаю, она будет готова позволить нам свободнее перемещаться, как только я закончу для нее отчет о своей поездке. Это продлится не слишком долго, мистер Хакстон.

— Ну и идиотизм! — взорвался Бэрретт. — У вас еще больше обязанностей, а вы будете по собственному усмотрению разъезжать в экипаже по всей стране...

Кэрри Томас стала его успокаивать. Я заметила, как весело наблюдала за мной Рурик, эта темнокожая воительница. «Она, наверное, немного понимает по-английски», — подумала я.

— Ну вот, нам уже кое-что пообещали, — с кислым лицом проговорил Адэр. — Это воодушевляет.

Одри Элиот поддержала его торопливо и нервно:

— А что с Землей? Мы получаем сообщения лишь каждые три месяца. Что там нового?

Так случилось, что у меня больше не было возможности поговорить с ортеанцами, и вместо этого мне пришлось выцарапывать из своей памяти информацию о любом, малейшем событии на Земле. Все они — даже Бэрретт в своей полубезумной ярости — сидели как голодные дети и жадно

впитывали каждое мое слово. Я стала спрашивать себя, как будет выглядеть мое мнение о Каррике V через год или около того.

А наши ортеанские гости, проявляя тактичность, какой от них требовало приличие, тихо беседовали о планах насчет морских плаваний, о видах на ближайший урожай и о делах в своих родных телестре.

Глава 5. Сарил-кабриз

В предрассветном полумраке бледнеют звезды и небо на востоке темнеет. Ортеанцы называют это первым рассветом. Затем ширится яркий свет восхода солнца — слишком белый и слишком сияющий, чтобы походить на земной рассвет — и прорывается сквозь речные туманы и открывает день.

Небо было ясным и безоблачным, дневные звезды еще не выступили.

— Позднее будет дождь, т'ан, — сказал Марик, входя с горячим чаем в покрытом голубой глазурью чайнике. — Перед полуденным звоном. Дует юго-западный ветер.

Я пробормотала что-то бессвязное, а когда он вышел, устроилась в кровати сидя. Ортеанские дни определенно слишком длинные. Когда я просыпалась, у меня все время было ощущение, что я не выспалась.

Я встала и медленно оделась, размышляя о том, что хотя мне и следует оставить платья, которые у меня имелись для официальных случаев, необходимо все же купить себе ортеанскую одежду, и чем быстрее, тем лучше.

Дождь пошел после восхода солнца.

Отчет, который я начала готовить днем ранее, в свете утра выглядел упрощенным и наивным. Я стерла запись в микрорекордере и решила отложить это дело до той поры, когда получше познакомлюсь с тем, о чем хотела рассказать.

Л'ри-аны приносили из различных резиденций многочисленные сообщения, состоявшие в большинстве случаев из нескольких нацарапанных строк, в которых меня приглашали на обеды и празднества. Причем чаще всего они были отправлены теми, кто был заинтересован в торговле. Правда, еще было слишком рано строить далеко идущие планы — поскольку не было ясно, будет ли Каррик допущен к сотрудничеству с ограничениями или без ограничений, — но на всякий случай я принимала приглашения.

Примерно в середине утра, когда дождь утих, появился Халтерн.

— Вот вам и пожалуйста. — Он вручил Марику свой плащ и вынул из кармана какую-то бумагу. — Появившийся вчера еженедельный информационный листок. Заметка, представляющая для вас интерес, находится почти в самом конце.

Бумага была волокнистой, изготовленной, вероятно, из тростника. Печать была очень хорошей для уровня здешней цивилизации, пожалуй, сравнимая с той, что появилась при Кекстоне или Гутенберге. Это был один лист бумаги, датированный Пятым днем Седьмой недели Меррума, но текст был для меня почти полностью непонятен; речь шла о людях и местах, которых я не знала. Зато в самом конце была втиснута заметка о возвращении «Ханатры».

— «Мы объявляем о прибытии еще одной обитательницы чужого мира, — читал Халтерн, наклонившись через мое плечо, — и обращаем внимание наших читателей на курс, которым следовал корабль: он пересек Внутреннее море вблизи Пустынного Побережья, и к тому же недалеко от города Кель-Харантиш».

— Что это значит?

— Это намек на Народ Колдунов. Упрек не важен, но свидетельствует о преобладающем мнении.

Тут я ничего уже не могла поделать и спросила:

— Этот информационный листок читают только в городе или где-нибудь еще?

— Да. Церковь часто публикует подобную информацию, которая остается в пределах Таткаэра. — Его глаза подернулись пленкой. — Они внимательно следят за тем, какое она

оказывает влияние, прежде чем делать сообщения для Ста Тьсяч.

— Церковь, конечно, использует этот метод и в отношении сомнительных инопланетян?

— Я... э-э... не могу с уверенностью сказать, что это так.

Я ощупывала пальцами бумагу. Уже одним своим существованием она говорила о многом. Например, о том, что ортеанцы имели развитую алфавитную культуру... Это не совпадало с представлениями о цивилизации такого уровня.

— Как я вижу, вы получили приглашения. — Халтерн помедлил, прежде чем продолжать говорить. — Не было ли среди них и от СуБаннасен?

Я бегло просмотрела письма, но среди них не было ничего от Т'Ан Мелкати.

— Такого я здесь не вижу.

— А теперь вспомните, что я сказал. Из Мелкати никогда не приходило ничего хорошего.

— И если она этого не вспомнит, — слышался чей-то голос, — то это сделаю я.

Это была темнокожая женщина со вчерашнего приема. Она, очевидно, вошла, воспользовавшись открытыми дверями.

— Т'Ан. — Халтерн поклонился. — Я не предполагал...

— Не дурачьтесь, Хал. — Рурик улыбнулась и хлопнула его левой рукой по плечу. Его бледные глаза затуманились от смущения. — Я не думала, что Далзиэлле направит его к вам, Кристи.

Вероятно, я выглядела так же обескураженно, как и чувствовала себя. Рурик разразилась громким смехом.

— Мне действительно жаль, Кристи, но я должна была представиться еще вчера вечером.

— Это — Т'Ан Рурик Орландис из Мелкати, — с несчастным видом сказал Халтерн, — Т'Ан — Командующая армией Южной земли.

— Меня также называют Однорукой и Желтым Глазом, а кроме того, рядом других имен, которые за пределами казармы я никогда не отважусь произнести, учитывая робость Хала. — Она повернулась ко мне. — Поскольку те-

перь вам известна моя тайна, я, наверное, не являюсь более желанным гостем?

— Боже мой! Ну почему же? — Тут я поняла, что она шутила.

«Командующая армией, — подумала я, — и называет Корону Далзиэлле. Еще одна Т'Ан, которая пришла, чтобы следить за инопланетянкой».

— Мне нужно идти, — сказал Халтерн. — У меня назначена встреча. Кристи, я желаю вам еще одного приятного дня. И вам также, Т'Ан.

— Вы будете завтра на обеде? — крикнула Рурик ему вслед, и он согласно кивнул головой.

— Он хороший человек, — проговорила она, когда Халтерн вышел. — Не доверяйте ему.

Ортеанцы большие мастера по части подобных советов. Рурик ценила Халтерна, насколько это было видно.

— Что я могу для вас сделать? — поинтересовалась я.

— Сделать? — Она шагала по комнате взад и вперед, осматривая ее, потом посмотрела в окно на двор. — Мне от вас ничего не нужно. Я пришла спросить, могу ли я быть вам полезной.

— Действительно?

Она села на подлокотник большого резного кресла и улыбнулась:

— Да, и в надежде, что вы удовлетворите мое любопытство. Признаюсь откровенно.

Она была искренна. Я улыбнулась в ответ:

— Я попытаюсь.

— Чтобы сразу перейти к делу: вы отправитесь в путешествие, как и собирались вчера вечером. А поскольку за пределами Татказра нет скурраи-джасин, вам потребуются животные для верховой езды, и поэтому... Кстати, вы умеете ездить верхом? — прервалась она.

— Да, я пробовала.

Но я ездила на лошадях, а на чем это делают здесь, не имела понятия.

— Хорошо. Если вы еще об этом не позаботились, то я могла бы вам помочь.

— Да, я...

— Только я не знакома с вашими обычаями. Если я вас обижаю, скажите мне об этом.

— Нет, ваши слова меня не обижают, и некоторая помощь мне могла бы потребоваться.

Вероятно, в этом мне мог бы помочь и Халтерн, но я не собиралась отклонять предложение военачальницы.

— Хорошо. — Она энергично встала. — Если в данный момент у вас нет никаких неотложных дел, то внизу у моста Бериа устраивается продажа животных.

Каменные плиты на дороге были мокрыми от тумана. Карет-джасин не было видно, и мы отправились пешком вниз к Восточной реке.

Дождь прекратился. Крыши домов были окутаны дымкой, которая напозла с моря. Там, откуда она подымалась, на белых стенах города лежал светлый солнечный свет. Тени были размытыми и голубого цвета. Душный воздух и меняющийся свет, казалось, приглушали крики уличных торговцев и грохот колес повозок. И постоянно в воздухе ощущался запах моря.

— У вас, наверное, страсть к путешествиям в крови, — предположила Рурик, — если вы так далеко уезжаете от своей страны.

— Да, я не люблю сидеть на месте.

— Я знаю еще одного человека, который чувствует себя так же. Мой... — Она использовала выражение, которого я не поняла. — Он страстный путешественник. А я езжу лишь тогда, когда это необходимо. Но вы прибыли из такой дали...

— Это всего лишь желание увидеть как можно больше.

Но в этом я не была уверена.

— Если бы мне вырваться отсюда... — Рурик замолкла на полуслове и распрямила плечи. — Я люблю Таткаэр. Из всех мест Южной земли я более всего люблю Белый город.

Подстриженная грива словно вороново крыло упала ей на лоб. Когда она была серьезна, как сейчас, я замечала тонкие линии, врезавшиеся в ее гладкую, как у змеи, кожу.

— Не кажется ли вам это странным? Вот у вас, обительницы иного мира, есть города, к которым вы сильно привязаны?

— Да, конечно.

— Ну, тогда мы не такие уж и разные.

Рурик была подвижна и оживлена, и у меня создалось впечатление, что в прерывающемся потоке ее размышлений бродили более глубокие мысли.

— Хотите погостить у меня? — предложила она. — Когда вернетесь из поездки.

— Да. — Я кивнула. — С удовольствием.

Мы спустились с холма. Дома телестре на дорогах с их белыми стенами и закрытыми воротами вновь пробудили в моем сознании ощущение таинственности необычного города. Поскольку у меня было разрешение, все это было мне доступно, однако чужестранец бродил бы в одиночестве и потерянности по узким дорогам, предоставленный самому себе.

Мы миновали Кольцо Гильдий, то скопление торговых телестре, которое постоянно расширялось, пока не стало насчитывать по меньшей мере сорок зданий, соединяющихся друг с другом посредством мостов, лестниц и мостков между верхними и нижними этажами. Здесь были представлены все ремесла: золотых дел мастера, книготорговцы, каретники и седельщики, продавцы корабельных снастей и торговцы хирит-гойеном (у которых мы останавливались, чтобы заказать одежду) и множество прочих мелочных торговцев, товары которых для постороннего представляли собой нечто совершенно непостижимое.

Здесь живут выбранные советники гильдий и так же зорко наблюдают за спадами и подъемами в торговле, как корабельщики — за приливами и отливами на море.

От Восточного холма Малк'ис до моста Берия что-то около двух зери, то есть немногим более двух миль с третью. Мы достигли вала около полудня.

Торговля скотом устраивалась в непосредственной близости от моста, внутри старинной огады. Бесчувственные камни отражали рев и трубное рычание животных, и когда мы вошли, я услышала, как звенят прутья закрепленных клеток.

— Вон там — мархацы, — сказала Рурик. — А на той стороне — скурраи. Если хотите воспользоваться моим сове-

том, то вон там есть человек, который поставляет верховых животных для войска. Он вас не обманет, если увидит меня рядом с вами.

— Это меня устраивает.

Запах, исходивший от животных, пронизывал все насквозь.

Рурик широко улыбнулась:

— Мне следовало бы познакомиться с вашими обычаями. Как вы в вашем мире договариваетесь о ценах?

— В той его части, из которой я родом, вообще никак.

От удивления глаза ее мгновенно закрылись мигательными перепонками. На языке мимики это у ортеанцев может означать очень многое.

— Великая Богиня, вы словно из Свободного порта! Тогда, пожалуй, мне стоит поторговаться вместо вас, иначе вам придется заплатить куда больше.

— Вы эксперт, Т'Ан.

— О, значит, я тоже Т'Ан? — Ее глаза задорно блеснули. — Во всяком случае, я знаю торговцев.

Мархацы были крупными и сильными, но при этом очень подвижные для своих размеров и комплекции. Они легко передвигались в загонах, устроенных на открытом воздухе. Белый солнечный свет падал на их шкуры: похожие на черную замшу, светлые короткошерстные и лохматые бронзово-коричневые. Их глаза, как у ящериц, были темными и блестящими. Тела животных были покрыты каким-то странным мехом. В действительности это были тонкие волокна, чрезвычайно прочные и гибкие, с перьевидными образованиями между ними. Вокруг раздвоенных копыт имелись пучки из перьев, забрызганные пометом из-за тесноты в загонах. У мархацев была широкая костлявая задняя часть и мощная грудь. Как я предположила, они были ближайшими сородичами скурраи. Их длинные, мощные шеи становились уже к головам с сильными челюстями, глубоко посаженными глазами и оперенными ушами. На лбах, непосредственно под ушами, находилась первая пара рогов. Рога были прямые, длина их — не менее моего предплечья, они были закручены подобно спиралям. Ниже росла вторая пара, короче пальца, но тоже

острые. Мархацы были сильными животными опасного вида.

Рурик болтала с торговцем, а я стояла, прислонившись к решетке загона. Рядом вращала глазами кобыла-мархац с бархатисто-черными глазами. Там же неподвижно стояла серая кобыла, лишь время от времени по ее шкуре пробежала дрожь, как будто ее знобило. В другом месте стояло животное полосатой, белой и цвета бронзы, масти, рога которого были подрезаны и покрыты металлическими колпачками.

— Кристи, подойдите сюда.

Я подошла к Рурик:

— Вы что-то нашли?

— Он говорит, что у него есть кастрированный мархац, ке все-таки спокойнее. — Она вопросительно смотрела на меня. — Я подумала, что, может быть, вы отдадите предпочтение ему?

— Тут вы верно предположили.

— Вот, — сказал торговец. Аширен привел из одного загона животное серой масти с надетыми на рога колпачками. Рурик прошлась пальцами по шерсти, прошептала ему несколько успокаивающих слов и осмотрела его глаза.

— Ке из Медуэда, — сказал мужчина. — Ему два года.

Военачальница подошла ближе, схватилась своей единственной рукой за шерсть на спине и без видимого усилия взлетела наверх, через секунду она уже сидела выпрямившись верхом на животном. Мархац дико завращал глазами, отступил на несколько шагов назад и наконец остановился, опытная наездница умело успокоила его, стискивая коленями и пятками бока.

— Медуэд, — сказала Рурик. — Кервеис всегда был хорошим дрессировщиком.

Она слезла не обычным способом, а перекинула ногу через шею мерина и соскользнула на землю.

— Ну, каково? — Рурик с надеждой посмотрела на меня.

— Если только он это потерпит, я имею в виду, что мархац так же будет переносить и меня.

Она засмеялась:

— Это разумное слово. Хорошо, но пока не соглашайтесь. Вам нужны вьючные животные, велите ему показать еще несколько скурраи, прежде чем станете говорить о деньгах.

Скурраи были той же породы, что и возившие повсюду в городе кареты-джасин. Рога у всех были спилены и покрыты металлическими колпачками.

— Мархац — хороший боевой товарищ, когда он грамотно обучен, — обратила мое внимание Рурик. — Скурраи же для таких дел не годится.

Примерно в середине второй половины дня, когда мы покинули рынок, я стала обладательницей маленького табуна: мархаца серой масти, черной мархац-кобылы, чтобы иметь возможность менять верховое животное, и двух кобыл скурраи в качестве вьючных. Я взяла это себе мысленно на заметку, чтобы позднее сказать Марику.

— Еще следовало бы запастись кормом, — подсказала Рурик. — Но это, конечно, уладит ваш л'ри-ан.

— Я надеюсь. — В подобных случаях я всегда спрашивала себя, неужели один-единственный джип или «ленд-ровер» таким уж решительным образом нарушил бы правило, состоявшее в том, чтобы никоим образом не ввозить никакую технологию. — Вы, случайно, работаете не на базе снабжения? — пошутила я. После того как мне с трудом удалось объяснить это понятие, ортеанка стала давиться от смеха.

— Приходите завтра на обед, — пригласила она, когда мы прощались. — На гору к казармам, они находятся возле Дамари-на-Холме.

— Можете одеваться, — сказал Адэр, — у вас все в норме. Если после прививок будет какая-нибудь реакция, вам нужно будет прийти еще раз.

Я заправила рубашку в брюки. По имирской моде одежду здесь зашнуровывают, а не застегивают; даже полуботинки из мягкой кожи шнуровались на шиколотке. Но постепенно я начала чувствовать себя в ортеанской одежде вполне комфортно.

Из восточного порта Кумиэл открывался вид на дворы лодочников. Из окна приемной Адэра я видела над крышами складов сквозь ясный полуденный воздух каркасы строившихся кораблей.

— Когда поедете по стране, обязательно возьмите аптечку. — Адэр вздохнул. — Моя милая молодая дама, надеюсь, вы готовы к некоторым трудностям. В них вы не будете испытывать недостатка.

— Я уже учла это.

Зависть в его голосе не ускользнула от меня.

Он отвернулся, чтобы привести в порядок свои инструменты.

— Если говорить откровенно, то мне интересно, почему вы еще не предложили управлению вести переговоры с представителем какого-нибудь другого народа на этой планете? — спросила я.

— Мы думали об этом. Они представляют собой крупнейшую политическую единицу на планете... — Он повернулся ко мне. — И конечно, они те, с кем ваши люди хотят быть в контакте. Поэтому я думаю, мы начнем консультации с другими народами, только если здесь окончательно нарушатся отношения.

Бэрретт, входя, небрежно постучал в дверь.

— Кое-что нарушится, — мрачно сказал он. — Уверен, Доминион просуществует не более двадцати лет. Самое большее.

Он ухмылялся и раздевал меня взглядом.

— Вы имеете в виду войну? — спросил Адэр.

— Это было бы слишком просто. Нет, мы распространились по галактике слишком далеко и слишком быстро, но к этому пока не готовы.

Адэр угрюмо смотрел на него, затем рассеянно сказал:

— Да, в чем-то вы правы...

Бэрретт резко повернул ко мне голову.

— Вы сами знаете, как перегружено Ведомство Внеземных Дел. Это относится и ко всем участвующим нациям. Люди получают слишком недостаточное обучение, их рассылают по местам недоучками, они слишком молоды, слишком неопытны...

Я пропустила этот упрек мимо ушей. Адэр взял Бэрретта за руку, но тот отстранился от него.

— И с какой целью? Допустим, в этой галактике существует сто миллионов звезд. Допустим далее, что сто тысяч планет пригодны для существования на них жизни того вида, какой нам известен. И когда мы наконец после многих попыток изобрели сверхсветовой привод, сколько из этих планет мы обнаруживаем населенными?

Никто ничего не ответил. Ответ был нам известен. Я спросила себя, как давно уже пьет Бэрретт. Его лицо налилось кровью.

— Все, — театрально сказал он. — Каждую. Значит, мы летаем, исследуем, торгуем, налаживаем связи и создаем альянсы...

— Джон, ради бога, замолчи, — сказал Адэр.

— ...но миров слишком много, а нас слишком мало. У нас недостаточно ресурсов. Через двадцать лет все распадется. И, скажу вам, наступит абсолютный кровавый хаос.

Когда он стоял недалеко от меня, в нос мне ударял запах алкоголя и пота.

— Вы можете что-нибудь сделать для него? — спросила я Адэра, когда Бэрретт ушел.

Он покачал головой:

— Нам надо отправляться домой. Ему нужно. Он слишком долго здесь бездельничал, и у него было слишком много времени для размышлений.

Я отправилась обратно на холм Малк'ис.

В полдень следующего дня было почти темно, и колокольный звон звучал приглушенно из-за барабнящего дождя. Я накинула капюшон своего толстого плаща на голову, и все же влажный и холодный ветер с моря пробирал до костей. Ниже коленей дождь промочил у меня штанины. Подо мной лениво двигалось мощное, холодное тело кобылы-мархац, ее копыта глухо стучали по камням мостовой. Позади на кобыле-скурраи ехал Марик.

Как и все прочие здания, казармы были обращены к окружающему миру белыми стенами и решетками. Марик по-

говорил с караульными, и решетки были подняты. Внутри все выглядело как в небольшой деревне; там имелось все соответствующее — хлев, кузница, столовые, спальные бараки, причем все было обращено фасадами к вымощенной центральной площади.

Дамари-на-Холме находилось в противоположном конце, это был форт в форте, имевший каменные стены, контуры которых расплывались там, где их не сделал совсем невидимыми туман. Марик привстал на спине скурраи и потянул за шнурок звонка. Ворота открыла сама Рурик.

— Входите, — сказала она, но не с обычным поклоном, а с редким на Орте рукопожатием. — Как видите, у нас гости. Это кстати, что вы прибыли сейчас; никто вне этих стен не узнает вас.

Марик повел животных в хлев, а я последовала за Рурик через выгнутый аркой вход на Дамари-на-Холме.

Пожилой л'ри-ан принял у меня плащ, а Рурик подождала, пока я вытирала лицо и руки платком. В помещениях здесь были высокие сводчатые потолки, выложенные из камня и неоштукатуренные. Стены были завешены плотными, вышитыми шторами из хирит-гойеновой ткани. Пол выложен каменными плитами с прожилками, на которых лежали шкуры. Хотя стоял лишь полдень, зажжены были масляные лампы тонкой работы, рассеивавшие создаваемый дождем сумрак.

Ортеанка открыла дверь, которая вела в небольшую комнату. В камине горел огонь, недалеко стоял накрытый стол. Когда мы вошли, трое или четверо людей, стоявших у окна, повернулись к нам лицом.

Халтерн приветствовал меня поклоном, зато превосходно одетый молодой ортеанец поздоровался со мной дружеским рукопожатием. Мне потребовалось лишь мгновение, чтобы узнать его.

— Кристи, я рад вас видеть.

В последний раз я видела его босым и без рубашки, когда он кричал, давая указания портовому лоцману. Сейчас он был в одежде голубого цвета из хирит-гойена, в мягких сапо-

гах, а на поясе в украшенных золотом ножнах висели мечи харур.

— Мне очень приятно снова вас видеть, Герен.

Он был таким, как всегда: с желтого цвета гривой и открытым лицом.

— Халтерна вы, конечно, знаете, — продолжала Рурик. — Вот это — Эйлен Бродин н'ри н'сут Хараин из Пейр-Дадени.

Бродин был ортеанцем лет сорока с язвительным лицом, напоминавшим голову сокола, и темной кожей, характерной для жителей юга Пейр-Дадени. Его каштановая, заплетенная грива доставала до середины спины, на которой в одежде был вырез в соответствии с модой этой западной провинции. Ногти на правой руке не были острижены.

— Т'ан Кристи. — Он небрежно поклонился.

Рурик извинилась и вышла. Когда Герен начал говорить с Бродином, ко мне подошел Халтерн.

— Я слышал, что СуБаннасен покидает город, — задумчиво сказал он.

— Вот как?

— Она разнесет новость о том, что вы собираетесь ехать... Так что теперь нельзя предотвратить разговоры об этом событии, даже если попытаться использовать все средства.

Снова пришла Рурик, она привела с собой двух новых гостей. Одна из них была женщина в плаще, которую я тотчас узнала, когда она скинула капюшон.

— Т'Ан Сутаи-Телестре. — Халтерн поклонился, Бродин и Герен сделали это вслед за ним.

— Достаточно называть меня Далзиэлле, пока тут не присутствуют чужие уши, — сказала Корона.

Рядом с нею стоял босой пожилой мужчина. Он был одет в коричневый кусок сукна, которым обмотал себя вокруг талии и перекинул через плечо. Он был худым, но при этом жилистым и крепким.

Ортеанца невозможно было спутать с земным человеком: на его шоколадного цвета коже выделялись парные грудные соски цвета бронзы, а сбритая грива была видна как темное V-образное пятно между лопаток. Его забрызганные грязью

стопы были сильно выпуклыми, имели по шесть пальцев с похожими на когти ногтями.

— Линн де Лайл Кристи.

Голос ортеанца был полновзвучным. Рука с острыми ногтями коснулась моей руки. Он направил на меня неподвижный взгляд своих глаз, имевших вид холодной воды.

— Это Говорящий-с-землей Тирзаэл, — деловито представила его Рурик.

Существуют два титула, присваиваемые Церковью: Хранители Источника, которых можно было бы назвать дьячками Теократических Домов, и Говорящие-с-землей, которые являются странниками и советниками, учеными, мистиками и выполняют множество других функций, о которых мы до сих пор имеем лишь очень поверхностные представления.

— Я думаю, мы в надежном месте, — сказала Сутафиори и села за столик рядом с огнем. Она сняла плащ и повесила на спинку резного стула. — Кристи, садитесь рядом со мной. Рурик, нам всем придется умирать от голода?

— Нет, Т'Ан.

Она и старик, снимавший с меня плащ, сами подавали на стол пищу. Из этого я поняла, что они отослали прочих л'ри-анов.

В воздухе почти ощутимо висела какая-то интрига. Корона, Главнокомандующая армией, посол Короны, представители Пейр-Дадени и Церкви и, кроме того, один из наиболее состоятельных судовладельцев... Я подумала, что это и есть ядро той партии, что выступает за связи с Землей.

— Это общество вам не кажется слишком театральным? — Сутафиори улыбнулась мне. — Мне тоже. Но для Т'Ан Сутаи-Телестре всегда полезно встречаться с этими людьми в неофициальной обстановке.

— Значит, мне позволено говорить об этой встрече? — Бродин наклонился вперед. У него было выражение лица человека, которому ударяет в нос неприятный запах.

— Не слишком подробно. Если бы о том узнал мой кузен в Ширия-Шенине, мне было бы нечего возразить против этого. — Еле слышно, лишь для меня она добавила: — У Бродина при дворе Канты Андрете такое же положение, как у Хал-

терна при моем, что главным образом означает, что у обоих глаза и уши должны быть там, где они нужны более всего.

На колосниках гудел огонь, а в полуоткрытое окно проникал запах дождя.

Это был обед в ортеанском стиле, когда на стол подаются большие блюда и каждому гостю предоставлена возможность самому брать с них пищу, пользуясь собственными столовыми ножами. Это не так легко, как можно было бы подумать — есть, вооружившись только одним ножом, но я сочла разумным попробовать и при этом не осрамилась.

Беседа за столом носила поверхностный характер, но после того, как были поданы вино и чай, я постепенно поняла, какого рода инквизиции я была предоставлена.

Сначала Тирзаэл и Сутафиори задавали мне вопросы, цель которых, очевидно, состояла в том, чтобы узнать все, что возможно, о Земле и Доминионе. Им, должно быть, стали известны некоторые факты от ксеногруппы, и они хотели получить их подтверждение. Поэтому я старалась давать как можно более простые ответы.

Сутафиори откинулась назад, вращая в шестипалой руке покрытый глазурью бокал.

— Как вы понимаете, — наконец подытожила она, — я не могу поддержать вас в той мере, в какой мне этого хотелось бы. Я должна учитывать интересы всех телестре. И кроме того, если мне действовать против представлений Ста Тысяч, то они, вероятно, изберут новую Корону, которая, возможно, не будет столь приветливо настроена к вашему миру. Я убеждена в правильности моей политики, поэтому и велю вам отправиться в поездку по стране, но вы сами должны изложить ваши аргументы.

Я спросила себя, многие ли примут мои аргументы.

— Разумеется, Т'Ан.

Рурик покачала головой и перестала смотреть на огонь.

— Далзиэлле, я согласна с вами лишь с оговорками, как вы знаете. Я считаю, что мы должны очень тщательно проверить этих людей, прежде чем позволить им прибыть в нашу страну.

Это была речь Т'Ан Командующей, а не женщины. Ее желтые глаза смотрели на меня.

— Кристи имеет честные намерения, за это я ручаюсь, но как мы можем выносить столь серьезное решение, судя по одному лицу? — Она пожала плечами. — Порядочные мужчины встречались мне даже в Кварте, но сколько раз этот город нападал с моря на наши побережья?

— Это старая история. Нам же сейчас нужно заниматься настоящим. — Корона обернулась. — Халтерн?

Он посерьезнел, маска непринужденности исчезла с его лица.

— С момента первого контакта и прибытия группы из иного мира в Таткаэр стеклись все агенты Южной земли, чтобы получить информацию. Я предлагаю положить конец слухам и дать правде возможность распространиться по стране. Кристи следовало бы побывать в как можно большем числе телестре. Будет лучше, если мы признаем факты и предоставим затем возможность другим, Касабаарде и им подобным, приезжать к нам и самим получать информацию.

— О, я сомневаюсь, что из Касабаарде приедут к нам за информацией. — Сутафиори и Говорящего-с-землей что-то, кажется, позабавило, но что, о том знали только они вдвоем. Затем Сутафиори опять деловито спросила: — Бродин, что велела сообщить Андрете?

— Она приняла бы обитателей иного мира при своем Дворе. И, чтобы сказать правду, ей очень жаль, что Таткаэр и телестре Керис-Андрете удерживают новости у себя, простите меня, Т'Ан. — В ровном тоне, которым говорил мужчина, не ощущалось, однако, истинного извинения. — Она обдумывает ваши дальнейшие планы, но не обещает никакой поддержки. От себя добавлю, Т'Ан, что, вне всякого сомнения, в Ширия-Шенине, который тоже является морским портом, столь же много чужих ушей, как и в морском порту Таткаэр.

— Мы надеемся постепенно завязать контакты со всей Орте, — сказала я Сутафиори. — С нашей точки зрения, это всегда оправдывается, если все люди к тому уже подготовлены, пусть даже посредством слухов.

— Дело в том, к чему они готовятся. — Глаза ее вновь вспыхнули. — Герен, что вы на это скажете?

— В ближних Городах Радуги ходят слухи о гостях из других миров. — Он скрестил руки, посмотрел на свои когтеобразные ногти на пальцах и снова поднял голову. — Что касается Кель-Харантиша...

Произошло какое-то почти незаметное движение. Я увидела, как Рурик наклонилась вперед, а Бродин нахмурил лоб.

— Я ставил там в док свой корабль, прежде чем плыть к Восточным островам, как мне приказал ваш курьер. — Судя по выражению его лица, ему не понравилось то, что пришлось выполнять поручение Короны. — Так называемый Повелитель-в-Изгнании считал необходимым лично расспросить меня. У них большой интерес к этому. Я говорил на эту тему как можно более сдержанно и очень старался оставаться там не дольше, чем требовалось.

Легкая волна веселья прошла вокруг стола и разрядила атмосферу. Корона подала знак, чтобы подали больше вина, и старый л'ри-ан снова наполнил бокалы.

Взглянув на Рурик и Герена, я увидела, что их руки лежат на столе ближе друг к другу, когда они разговаривали. Одна была белой и пятнистой, с белыми ногтями, другая — бархатисто-черной, с коричневыми ногтями. Обе были шестипалыми и походили на больших пауков.

«Мой арикей», — сказала тогда Рурик. В этой неофициальной форме слово обозначало соседа по постели, любовника. Кого-либо, кто прежде всего непостоянен. Это было видно по тому, как касались они друг друга руками: Рурик Орландис и Садри Герена Ханатры.

— А вы, — Сутафиори обратилась ко мне, — что говорят ваши люди?

— Когда-нибудь Доминион должен будет классифицировать этот мир, чтобы определить, какой степени достигнет контакт между вами и нами. Он может быть интенсивным или очень поверхностным; это зависит от ваших желаний и возможностей.

У Доминиона имеется комплексная система классификации, которую можно применять к различным ступеням ци-

визации, и я не была готова засвидетельствовать, что ортенцы находятся на низкой ступени.

Сутафиори неспешно кивнула.

— Такова и наша политика в отношении посторонних. Как у нас говорится, что происходит в Кель-Харантише или в Городах Радуги, не наше дело. До тех пор, пока кто-нибудь из них не подступит к нашим границам... Тогда мы бываем беспощадны и устраняем это.

— Я говорила с вашими сородичами о войне, — добавила Рурик. — Ваши методы кажутся нам странными. Но вы должны знать, что если нападете на нас, то у вас будет не один враг, а сотни тысяч. Это наша сила на войне и наша слабость в мирное время. Между телестре нет единства.

— Нет никакой необходимости говорить о войне. — В голосе Сутафиори слышался упрек. — Но торговля — это нечто иное.

— Она должна быть предложена нами. — Это был голос Тирзаэла, холодный и неуступчивый.

— Существуют медикаменты и подобного рода вещи, которые были бы важны для нас. — Сутафиори говорила мягко, но уверенно. — Если она означает для нас выгоду, то было бы глупо ее отклонять.

— Быстрое и легкое решение тут невозможно.

— Нет, это верно.

Через некоторое время Тирзаэл сказал:

— По пути сюда я проезжал через Медуэд-в-Римоне. Там говорят почти исключительно о Народе Колдунов... и причисляют к нему вас и ваш вид, т'ан Кристи. Хранители Источника разносят слухи, согласно которым Народ Колдунов своей хитростью подбивает Корону к вредной политике. Если вы хотите прекратить эти разговоры, то вам следует выступить публично.

— Церковь поддерживает меня в этом деле? — Сутафиори подалась вперед.

— Она не будет ни поддерживать, ни препятствовать, Т'Ан Сутаи-Телестре. Будьте осторожны. Повремените несколько лет или даже поколений, чтобы прийти к верному решению, вместо того чтобы натворить что-нибудь такое, чего нельзя

будет исправить. Мы стоим перед совершенно новой ситуацией, перед вопросом, должны ли мы открыть нашу страну для людей со звезд. Но звезды — это сестры Матери-Солнца. Т'ан Кристи, ваши люди должны быть для нас н'ри н'сут.

— Тогда решено, — заключила Сутафиори. — Остается лишь определить, какие телестре вы посетите в первую очередь, Кристи.

— Я согласна. О нет, подождите. — Рурик дала л'ри-ану поручение. — Т'Ан, у меня есть напиток из другого мира, который вы должны попробовать. Сородичи Кристи, Элиоты, прислали его мне. Давайте подождем еще немного, а остальное решим потом.

Начался разговор о различных целях поездки. Затем вернулся л'ри-ан с покрытыми глазурью кубками и большим кувшином. По комнате распространился аромат крепкого кофе. Я подумала, что идея Од Элиот была замечательной. Кофе был одной из тех вещей, которых мне стало не хватать на Орте.

— Попробуйте его первой, — попросила меня Рурик. — И скажите, насколько хорошо он приготовлен.

Кофе был горячим и горьким. Я отхлебнула немного и подождала, чтобы он остыл.

— Что насчет Ширия-Шенин? — спросил Бродин. — Вы переводите туда ваш Двор в период Торверна, а Меррум близится к концу. Не могла бы т'ан Кристи поехать с вами?

— Мой кузен является моим представителем, — сказала Сутафиори. — Я согласилась бы и с моими врагами.

— Там клика Мелкати, — возразил Халтерн.

Я встала, чтобы налить себе кофе. Следующий глоток уже не был столь горячим. Я отчаянно замотала головой. Горький привкус стал сильнее, рот у меня вдруг наполнился слюной.

— Кристи! — крикнула Рурик.

Мне показалось, что в воздухе висел слабый звон или гудение. Потом на меня налетел каменный пол, и я вытянула вперед руки, чтобы он не раздавил меня. Я услышала, как где-то далеко разбился мой кубок, когда я его выронила. Под

руками я чувствовала неподатливый пол, но все-таки проваливалась в бездонную яму.

— Не прикасайтесь к этому! — прозвучал голос Герена.

Я чувствовала, как мои ногти скребли холодные камни. Кто-то крепко взял меня рукой за плечо. Все поле зрения заполнилось желтыми пятнами, в которых, казалось мне, я задохнусь.

— Кристи...

Сильные руки взяли меня за челюсть и разжали зубы, а кто-то грубо сунул мне в глотку палец. Я глотала воздух, как рыба на крючке, затем сжалась, и началась сильная рвота.

Когда я снова смогла более или менее ясно видеть и мое помрачение прошло, мне втиснули в руку бокал с водой. Я выпила ее и после этого смогла встать. Боль уходила, но еще долго колола желудок раскаленными иглами.

Я обнаружила, что нахожусь между Гереном и Халтерном, которые вдвоем поддерживали меня. Их пальцы обжигали мне кожу. Мне становилось то жарко, то холодно.

— Вам лучше? — спросил Герен.

— Я... думаю, уже да.

— В моем доме! — Рурик поразительно сильно сжимала мою руку. Лицо ее было в слезах. — О Богиня! В моем доме... Кристи, простите меня.

Бродин стоял с кувшином в руке. Его ноздри вздрагивали.

— Сарил-кабриз, — сказал он. — Запах невозможно спутать ни с чем. Т'ан, я не понимаю, почему вы не мертвы.

Между тем я снова смогла стоять без помощи. Халтерн позвал л'ри-ана, и со стола было все убрано. Только теперь я поняла, что кто-то попытался отравить меня, и лишь небольшое различие между человеческой и ортеанской физиологией спасло мне жизнь.

Я заметила, что дрожу, и снова крепко взялась за руку Рурик:

— Почему я? Или это предназначалось не для меня?

Взоры всех уставились на Сутафиори. Она мрачно улыбнулась.

— Здесь нет никого, у кого не было бы врагов. И все мы — участники этой игры. Даже дурак мог бы догадаться, что вас, Кристи, первой попросят попробовать этот напиток. Он предназначался вам.

У меня кружилась голова. Это было не только реакцией на яд. Кто-то пытался меня убить. И они относились к этому так спокойно. Я взглянула в их прикрытые пленкой глаза и поняла, что они были чужими. Не людьми. И возможно, представляли опасность.

— В моем доме, — повторяла Рурик. — Ну, хорошо, Далзиэлле, я — ваша сторонница. Думаю, если бы посланница умерла в моем доме, это так же обрадовало бы ваших врагов, как и моих.

— Т'Ан Мелкати, — предположил Халтерн.

— Это походит на стиль СуБаннасен. А она не из моих друзей, — сказала Рурик. — Но мои л'ри-аны лояльны, я могла бы поклясться в этом!

— Кажется, вы несколько ошиблись, — мягко сказала Сутафиори. — Но давайте покончим с этим делом. Рурик, организуйте эскорт, чтобы сопроводить т'ан Кристи обратно на Восточный холм Малк'ис, и позаботьтесь о враче.

— Мы с Гереном будем сопровождать вас, — сказала Рурик. — Далзиэлле, вам также лучше взять себе эскорт.

— Нет, у меня есть свои возможности, чтобы невредимой вернуться в Цитадель.

Пока мы шли к хлеву, Рурик продолжала говорить слова извинения. Я все еще была словно оглушена. Еще никто никогда не ненавидел меня так, чтобы желать моей смерти. Это оскорбило меня, но я не понимала почему.

Однако я осознала, что Каррик V был опасен.

Двор был покрыт лужами. Небо прояснилось, дул прохладный ветер. Тучи разрывал на части гнавший их на север сильный ветер. Когда мы вышли во двор, на кобыле-мархац подъехал Марик, скурраи он вел за собой на поводке.

Он увидел меня, и глаза его округлились. На лице его было выражение сомнения и ужаса. Он рванул поводья, но Рурик бросилась вперед, схватила его за пятку и стащила с животного. Мархац отскочила в сторону. Мальчишка шлеп-

нулся на каменные плиты и раскинул в сторону руки и ноги.

— Что это значит? — смущенно спросила я.

— Вы видели его лицо, — сказал Герен. — Ке, очевидно, не ожидал снова увидеть вас живой. Рурик, тащите его сюда!

Она подтащила мальчишку к нам. Сутафиори стояла немного позади Тирзаэла, накинув на голову капюшон. Халтерн крепко держал мальчишку за руки.

— Ты был на кухне, — спокойно сказала ему Рурик. — Туда входят все л'ри-аны; зачем же тебе было вести себя так подозрительно, если ты ждал свою т'ан?

— Да. — Его голос звучал глухо.

— Позвольте мне. — Тирзаэл вышел вперед и что-то спокойно стал говорить мальчику. Я не слышала, о чем он говорил, но мальчишка плакал.

— Использовать детей — аширен... — Рурик сыпала проклятиями.

— Ке говорит, — вернулся к нам Тирзаэл, — что к нему подошли двое мужчин, которые угрожали, и передали какое-то вещество. Ке не знает, что это было, ке лишь уверено, что это не был яд. Они сказали, что он должен всыпать его в напиток Кристи. Ке увидело чужой напиток, готовившийся на кухне, и всыпал туда порошок. Оно, наверное, думало, что один из друзей т'ан хотел себе позволить подшутить над ней.

В воцарившейся во дворе полной тишине слышен был лишь плач мальчика. У меня разрывалось сердце, когда я его слышала.

— Конечно, это еще не вся история. — Рурик едва не лопалась от враждебности. — Нет сомнения, что ке не только угрожали, но и подкупили, и ке совершенно точно знало, что речь шла о яде.

Вдруг она подняла голову мальчишки и ударила его по лицу.

— Она для тебя — с'ан телестре! Как же ты себе такое позволил?

— Они хотели меня убить!

— Сомневаюсь, что мы найдем этих людей, — сказал Халтерн, — но, определенно, мы также никогда не узнаем, кто их нанял.

Сутафиори прикоснулась к моему плечу и спокойно сказала:

— На вашем месте я бы немедленно отправилась в поездку, о которой мы говорили.

— Сейчас я еще не могу отправиться, у меня еще есть обязательства. — Я посмотрела на мальчика. — Что... что теперь с ним будет?

— Решение зависит от вас. Вы все еще являетесь кир с'ан. — В ответе Рурик слышалось равнодушие. — Вы можете отдать кир городской страже: возможно, они выбьют из него подробности, которые не скрыло от нас. Или отправьте кир обратно в телестре Салатиэл, а там его накажут.

— О боже мой. — Я не могла еще ясно соображать. — Послушай, Марик — аширен-те, — если к тебе еще придет кто-то чужой, то ты придешь ко мне и расскажешь об этом. Договорились?

Он смотрел на меня, ничего не понимая.

— Сколько они хотели тебе заплатить?

— Пять золотых монет, — ответил он.

Рурик резко втянула в себя воздух.

— Хорошо, ты будешь работать на меня, пока дважды не возвратишь этот долг, после чего мы будем считать это дело улаженным. Согласен?

Бродин оглядывал мальчика с головы до ног:

— Вы чудачка, т'ан, ведь вас еще до конца недели найдут с перерезанным горлом.

— Нет, — сказал Марик, — этого не будет.

Он смотрел на меня своим упрямым взглядом, который был уже мне знаком. Нельзя было осуждать мальчишку за то, что его запугали.

— Договорились, я знаю. Иди и приведи животных.

Он пошел по двору, издавая успокаивающие звуки, чтобы приманить напуганную кобылу-мархац.

Я сказала:

— Я не намерена наказывать ребенка за то, что здесь случилось. Вы найдете для меня человека, который должен нести за это ответственность, а затем я подам жалобу в официальном порядке.

Рурик вздохнула и почесала голову:

— Вы правы. Я нетерпелива, а потому отхлестала бы кир плетью.

— Вы должны уехать из Таткаэра, — повторила Сутафиори, — и поскорее.

— Я сожалею, Т'Ан, но если я не хочу потерять право называться послем, то должна выполнить обещания, которыми связана на следующую неделю.

— На следующей неделе или через неделю я отправляюсь в Ремонде, — задумчиво сказала Рурик. — Я предлагаю взять ее с собой в Корбек, чтобы она начинала заниматься с расположенными там телестре.

— Устраивает ли это вас? — спросила меня Корона.

Я почувствовала вдруг сильную усталость и смогла лишь кивнуть в ответ. Моя голова гудела. План, однако, был неплох.

— Тогда я прощаюсь с вами, — сказала Сутафиори, — т'ан Кристи, мы с вами увидимся еще при более счастливых обстоятельствах.

Я ехала верхом между Рурик и Гереном по чисто вымытым дождем аллеям домой, на Восточный холм Малк'ис. Воздух был холодным, а солнце — слишком ярким. Это была не Земля. Я ощущала подобное и раньше, но сейчас понимание этого обострилось. Мы ехали молча, сзади на кобыле-скураи ехал Марик.

Через пятнадцать дней я покинула Таткаэр.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 6. Дорога на север

Корбек в Ремонде находится в пятистах зери от Таткаэра, что составляет добрых шестьсот земных миль по лишь частично освоенным ортеанцами землям; нужно было ехать верхом на мархаце по ужасным дорогам. К тому же в последние недели Меррума и даже во время Штатерна. В это время лето постепенно клонится к осени.

— При условии, что будут хорошие дороги, животные и хорошая погода. Потребуется двадцать дней. — Рурик, Адэр и я стояли у ворот Дамари-на-Холме. — Что касается нас, то при не слишком быстрой езде, учитывая вероятность бури... это потребует, мне думается, около двадцати пяти дней. К концу Штатерна мы будем в Корбеке.

Рурик вышла во двор. Он был заполнен мужчинами, женщинами, мархацами и скурраи. Животные задирали вверх головы и громко трубили. Гремели цепи на повозках, кричали ортеанцы, где-то плакал ребенок. Ветер поднимал в воздух мусор.

Однако беспорядок был мнимым. Усердно работали л'рианы из хлева, а наездники были давно готовы и шлялись повсюду с небрежным видом, какой в любое время могут принимать солдаты.

Я увидела Рурик, занятую разговором с одним из командиров, которого звали Кемом, молодым мужчиной с рыжей гривой. Тот стоял, широко расставив ноги, и выкрикивал команды относительно размещения повозок с багажом.

— Я прощаюсь с вами. — Адэр пожал мне руку. — Если узнаете что-нибудь новое, то я был бы вам признателен за присланную копию отчета на ленте. Не имею понятия, как долго мы здесь сможем выдержать, сохраняя нормальный человеческий облик. Может быть, вы за пределами поселения обнаружите такие вещи, каких здесь нет.

— Хорошо, доктор. Присматривайте за моим домиком.

Он кивнул и ушел. Я выполнила все дипломатические обязанности, требовавшие моего присутствия в Таткаэре, и не имела более никаких дел в этом городе.

Был ветреный день, южный ветер гнал облака, которыми был затянут горизонт. Каменные стены Дамари-на-Холме отражали жару раннего утра.

— Скурраи запряжены в повозку, — заметил Марик. — Т'ан, можно мне ехать на Ору?

В подобной поездке я не хотела бы полагаться на черного мархаца и менять животное, а потому он точно так же мог ехать на ней верхом, как и трястись в повозке. Он был удивительно ловким для мальчика.

— Конечно, почему же нет. Гер готов?

— Да. Благодарю вас! — Он улыбнулся и ушел, чтобы привести серого мерина-мархаца.

Гер был спокойным и очень глупым. Я освоилась с животным, но хотя уже и поездила на нем по Таткаэру, чтобы несколько разогнать одеревенелость мышц, однако сомневалась, что смогу выдержать на нем целый день.

Я проверяла ремни, которыми был прикреплен позади высокой спинки седла мой сверток с вещами, когда ко мне подошел Халтерн. Я спрятала в свертке микрорекордер и пистолет-парализатор и потому особенно тщательно проверяла, достаточно ли надежно он закреплен.

— Будьте осторожны, — посоветовал он мне. — Телестре в Ремонде — это чужая земля.

Я могла бы отмахнуться от него, как от старой плакальщицы, но мне потребовалось шесть дней, чтобы прийти в себя после отравления сарил-кабризом, и у меня все еще была повышенная температура, а шея на ощупь напоминала наждачную бумагу.

— Вы думаете, что будут сложности?

Он пожал плечами, потом пристально посмотрел на меня:

— Врач, Адэр, говорил с вами об этом?

— Нет, он пришел лишь, чтобы попрощаться со мной.

Я более не относилась серьезно к попытке отравить меня, хотя, разумеется, упомяну о ней в моем отчете для бюро. Однако отчету потребуется более трех месяцев, чтобы попасть на Землю. Все свои решения мне придется принимать без посторонней помощи, и мне не хотелось, чтобы здесь вмешивалась ксеногруппа. Я напомнила им, что необходимо проявлять осторожность, но не стала конкретизировать.

(«Что случилось? — спросил Адэр, когда обследовал меня якобы на предмет аллергии. — Вы что-то съели? От чего вам стало плохо?»)

Халтерн сказал серьезным тоном:

— По крайней мере в провинциях не опаснее, чем здесь, в Таткаэре.

— В данных обстоятельствах это звучит не слишком утешительно.

— Возвращайтесь невредимой, Кристи, и поскорее. Чем скорее ваших соплеменников отпустят в Южную землю... — Он не закончил фразу.

«Тем скорее они прекратят попытки устранить Линн Кристи?» — спросила я себя. Ему должен быть известен такой способ оказывать давление, поскольку он был обучен как посол. Возможно, в язвительных замечаниях Бэрретта насчет необученного персонала содержалась какая-то правда.

— Дай вам Богиня прямой дороги, — сказал Халтерн. Он поднял руку, помахал мне и исчез в толпе. Я понимала, что мне будет недоставать Халтерна и его знаний, а также его завуалированных предупреждений. Я знала, что он для получения информации пользовался своими методами незаметного наведения справок, которым его научила профессия — быть глазами и ушами в нужном месте и в нужное время.

— Я думаю, они готовы, т'ан. — Вернулся Марик с Ору на поводке. Он вскочил в седло. Сама я уселась на холодную спину Гера.

Я уже начала почти жалеть мальчика. Мне приходилось давать ему медные монеты, иначе бы он вскоре впал в искушение украсть их у меня, а он находился при мне так долго, что уже отработал свой долг... Долгий срок. И сейчас, когда он начал говорить со мной, я услышала о Салатиэле на западном побережье и о корабле телестре для пленных больше, чем надеялась узнать. Марик был весел и неутомим, и я не смогла не полюбить его.

Вернулась Рурик. За ее брюки крепко держались двое детей. Она передала эту темнокожую парочку своей л'ри-ан.

— Очень сожалею! — добродушно проговорила она. — Терай, смотри за аширен. Кристи, мы готовы. Это кормилица моих детей, — добавила она, увидев, как я посмотрела на молодую л'ри-ан.

Неожиданное прекращение любой деятельности имеет результатом миг тишины: один из мархацев бил копытом в землю, а где-то за стенами я услышала плач ребенка.

Всадники садились на своих мархацев. Большинство из них скатали свои плащи и пристегнули их позади седел. На них были кольчуги, доходившие до бедер, и темные накидки, перехваченные на поясе блестящими цепями. Они предпочитали преимущественно мечи харур, а у немногих были арбалеты. Казалось, у них не было никакой стандартной униформы за исключением шлема Т'Ан Сутаи-Телестре и металлических знаков различия на поясах.

Каждый из них кричал на других, они смеялись и обменивались шуточными оскорблениями, и мне стоило больших усилий представить их себе в бою.

Рурик поцеловала детей, вскочила на темно-полосатого мархаца и подъехала ко мне.

Прозвучала короткая барабанная дробь, пронзительно и дисгармонично прогудела дудка, и всадники удивительно ловко построились в колонну по три. Грузовые повозки находились теперь между всадниками, за ними следовали вьючные скурраи. Все пришло в движение вслед за Рурик, Кемом и мной.

В движущейся коннице что-то есть. Грохот множества копыт по камням, отражающийся от высоких стен, брэнча-

ние сбруи и скрип кожи, фыркание мархацев... Во всем этом есть нечто завораживающее. Я оглянулась на колыхавшиеся головы и спросила себя, как бы это выглядело, если бы они скакали во весь опор. «Они прошли бы через толпу, как нож сквозь масло», — подумала я, когда мы свернули с Пути Короны и стали спускаться в город. Сейчас я получила известное представление о том, какими смертельно опасными они могли стать.

— Мне будет недоставать старого города, — прочувствованно сказала Рурик. Она ехала вплотную ко мне.

— А ваших аширен?

— Их тоже, конечно. Но они родились не в телестре Орландис, — сказала она. — Герлуатис и Ирик были воспитаны при мне в телестре Винкор. А мой Родион вырос в Пейр-Дадени.

Путь проходил вниз по узким проходам, между высокими белыми стенами которых грузовые повозки едва проезжали, по дурно пахнущим аллеям, мимо рыбных и скотных рынков, где царили разнообразные запахи и звуки. Затем мы двигались к выходу из города по прибрежной дороге, где ехали в тени городской стены — высота ее составляла двадцать футов, а толщина — не менее двенадцати — вниз к воротам Песчаной Переправы.

— Мы поедем впереди, когда выйдем из города, — сказала Рурик. — Ротмистры знают маршрут, который я выбрала.

Песчаная Переправа — это старый каменный мост из вытесанных свай. Кристально-чистая вода текла поверх оранжевого песка. Непосредственно под водной поверхностью извивалась тонкая, лентообразная растительность.

Рурик придержала свое животное, чтобы пропустить вперед остальных всадников. Гер отошел в сторону и заходил кругом, пока я не смогла опять взять его под контроль.

Воздух, шедший от устья реки, был прохладнее. Вниз по течению реки, у моста Бериа, начиналась уходящая на юго-восток дорога на Мелкати. Вверх по течению городская стена следовала за изгибами реки, и я смогла увидеть еще четыре моста. Людей там было немного. Здесь можно было мир-

но сидеть и любоваться пышными заливными лугами, простиравшимися до гор Имира.

Мы последовали за всеми из тени стен на яркий солнечный свет и далее по мосту.

Я обернулась в седле. От белых стен города отражался кристальный свет раннего утра. Послышался звон колоколов, в устье реки я заметила джат с поднятыми парусами, над неприступной Цитаделью развевались флаги.

Я бы тотчас галопом поскакала к докам, попросила бы какого-нибудь корабельщика взять меня с собой к Восточным островам и стала бы там на той самой скале ждать следующий корабль с Земли, если бы могла предвидеть, что мне придется испытать, прежде чем я снова увижу Таткаэр.

— Сегодня, в первый день, поездка верхом будет легкой, — сказала Рурик. — Телестре Ханатра находится примерно в двадцати пяти зери к востоку отсюда, они примут нас на ночь как своих гостей.

Кавалькада осталась позади нас, когда мы взбирались на гору. Она двигалась быстро, если учесть, что грузовые повозки значительно замедляли продвижение.

— Не следует ли нам подождать их?

— Нет. Закон Короны очень точно выполняется в этой местности. — Рурик хорошо управлялась с полосатым маршацем, несмотря на свою однорукость. Она примотала поводья к седлу и понукала животных лишь давлением пяток и коленей. Она называла его Гэмблом; это было очень подвижное животное с острыми рогами. — Когда мы достигнем бездорожья, ротмистр вышлет вперед разведчиков. Вы подумали о том, что кто-то мог бы пуститься за нами следом и еще раз попытаться вас убить?

— Это приходило мне в голову.

— Я не отважусь сказать, что это исключено. — Ее серьезный взгляд задержался на мне. — Никто не знает истинных заказчиков. Халтерн назвал СуБаннасен — хотя она сейчас вернулась в Алес-Кадарет, — и я ему верю. Но такие происшествия будут всегда. Мы все — фигуры в этой игре.

— Какие у вас есть основания подозревать СуБаннасен?

— Мои собственные, — резко ответила она.

Некоторое время мы ехали молча. Жара висела над серо-голубой травой, похожей на мох, птицы-ящерицы летали над нашими головами и пронзительно кричали своими отвратительными металлическими голосами. Трудно было определить, где кончалась окутанная пылью гора и начиналось усыпанное звездами небо.

— Я сожалею, — произнесла наконец Рурик. — Это был трудный год, восстание в Мелкати все еще занимает мои мысли. У Сулис н'ри н'сут СуБаннасен есть личные причины ненавидеть меня и нанести мне удар через вас. А поскольку вы из другого мира, то она могла бы оказаться и вашим врагом.

— Я уже спрашивала себя, во что оказалась втянутой. — Мрачное настроение частично передалось и мне. — Я предполагаю по меньшей мере, что вызываю здесь определенную реакцию... Никто в каком-либо из других миров никогда не пытался меня убить.

— Никто никогда... — Рурик замолчала. — Кристи, наверное, вы прибыли из очень странного мира. Вы не носите при себе мечей харур, и я слышала, как вас называли трусом, но я не верю, что вы таковой являетесь. У вас есть ваше собственное оружие. И все-таки это нечто совсем иное.

Гер остановился на повороте, я развернула его и сильно сжала пятками его ребра. Он повернул назад голову и укоризненно посмотрел на меня своими широко расставленными глазами.

Ортеанка сказала:

— Когда я была в вашем возрасте, то уже родила ребенка и успела принять участие в сражениях во время четырех восстаний.

В этом было противоречие. Даже если учесть разницу между ортеанским и земным годами, то она была старше меня не более чем на десять лет. Я улыбнулась:

— Звучит внушительно. Я предпочитаю путешествовать на расстояния многих световых лет от Земли и видеть новые миры. Прежде чем прилететь сюда, кстати сказать, я побывала в трех чужих мирах.

— Эй! Да вы говорите словно Герен. Он тоже предпочитает бою свои плаванья под парусами.

Тропа извивалась, уходя в гору, известковая пыль поднималась под раздвоенными копытами мархацев, покрывая белой пудрой обувь и брюки. Мшистая трава образовывала сероголубой ковер. Это была высоко расположенная, пустынная земля.

— Я, как и вы, — сказала Рурик, — представляю собой маленькую фигуру в большой игре. После меня будут другие Т'Ан Главногокомандующие, а после вас — другие послы. И это нормально. Мы не можем по вам судить о целом мире. А вы не можете судить о всей Южной земле по одному священнику из Ремонде, по одному всаднику из Дадени или же по одной женщине из Мелкати.

День набирал силу. Пыль, поднятая кавалькадой, густым облаком висела в воздухе. В горах было безветренно и жарко.

Рурик откинулась в седле назад, прикрыла глаза рукой и посмотрела прямо на солнце. Ортеанцы могут безболезненно взирать на лик своей Богини, их таинства — это таинства света, но не тьмы.

— Почти полдень, — сказала она. Сияющее отражение солнца все еще светилось в ее глазах. — Мы проделали хороший путь.

При следующем подъеме я увидела, что мы преодолели только один горный отрог, но еще не сами горы. Они тянулись в северо-восточном направлении, четко выделяясь на фоне неба, насколько видел глаз. Над нами кишели дневные звезды, которые жители Южной земли называли так же, как и ночных бабочек, — зирие. Они образовывали на небе несметное количество точек, отчего оно казалось посыпанным пудрой.

Мы ползли по местности, как мухи. «Шестьсот миль, — подумала я. — А я могла бы преодолеть это расстояние со всеми удобствами за три дня».

В долинах росло дерево лапуур с похожими на пружины листьями. В тишине усеянного дневными звездами полудня они находились в слабом, но непрерывном движении. Когда мы ехали вниз между серыми, развевающимися, лентообразными метелками листьев, они сжимались, обнаруживая свою чувствительность к теплу.

Я подняла руку, чтобы отвести их в сторону, и метелки, соскальзывавшие с прохладных боков мархаца, цеплялись за кожу моей руки. Это была их естественная реакция на температуру моего тела, но я содрогнулась. Он поджидает неглубоко под поверхностью, этот страх, который возбуждает чужеродные существа.

Я видела поляны, над которыми поднимался дым, указывавший на наличие поселений, а далее тянулись нивы. В некоторых местах уже сжигали стерню, но когда мы съехали с горы, по сторонам от дороги стояли тучные, золотисто-желтые хлеба.

Рурик склонилась со своего мархаца, сорвала стебель и предложила мне один из двух росших на нем колосьев. Продолжая ехать, мы жевали горькие зерна и выплевывали мякину.

После полуденного отдыха мы отстали, и нам пришлось догонять обоз. Они двигались сильно растянутой линией, болтали друг с другом и пели.

— Традиционные визиты являются приятной обязанностью, — объясняла Рурик, — даже если они требуют долгой езды верхом до такого забытого Богиней наружного поста, как Черепная крепость. Но они достаточно тонки, если это необходимо.

Тот, кто составлял гипноленты ксеногруппы по языкам, пожалуй, никогда не появлялся поблизости от казарм Дамари-на-Холме. Диалект этих людей не был мне понятен, хотя из того немногого, что я улавливала, было ясно, что говорили об инопланетянке. Я мысленно отметила для себя, что позднее нужно спросить об этом Марика.

В середине второй половины дня небо стало затягивать облаками, поднялся западный ветер. Вскоре пошел дождь. Несколько капель упало на землю сквозь листья деревьев лапуур, лес зашумел под ливневым шквалом, и видимость сузилась до серого, тесного круга. Я поспешно освободила свой плащ из ремней, надела его и накинула на голову капюшон.

Дождь промочил мне бедра и плечи. Я чувствовала, как по спине текла вода, и видела, как она лилась с края капю-

шона. Группа сгрудилась вокруг повозок, все накинули капюшоны и наклонили вперед головы, а дождь барабанил по спинам.

Рурик подъехала к ротмистру, чтобы посоветоваться с ним.

Жители Южной земли пользуются одним и тем же словом для обозначения дороги и границы. Мы ехали главным образом тропами, являвшимися одновременно и границами телестре. Я высматривала пограничный камень с символом Ханатры. Вечер прошел в странном желто-сером свете ливня.

У меня болели ноги, ломило спину, и я настолько промокла, будто искупалась в реке. Гер уныло брел за мархацем Рурик. Я молчала, потому что знала о своей чувствительности и уязвимости. Я даже не осмеливалась представить себе, как буду себя чувствовать, когда закончится эта езда верхом и я встану на ноги. Однако сейчас-то и не стоило мечтать о чудесных условиях жизни в примитивных обществах и требовать себе джип, если приходится под дождем ехать верхом на мархаце.

Дул ураганный ветер. Мы продолжали двигаться шагом. Где-то позади меня ругался и отплевывался всадник. Я думала о теплой пище, горячих напитках и ванне.

— Далеко еще?

Рурик характерным для нее жестом опустила плечи и сразу же пожалала ими:

— Два или три зери. Недалеко.

— Там будет Герен?

— Он еще в городе. Садри там является с'ан телестре, с нею вы и познакомитесь.

Вскоре после этого мы подъехали к развилке и увидели на пограничном камне символ Ханатры. Когда мы ехали по телестре, дождь почти прекратился. Рурик ехала рядом с Кемом, а я — немного отстав, рядом с Мариком и остальными.

Мы перевалили через небольшую возвышенность, и я увидела на пурпурном фоне дождевых туч поселение, освещенное низким, заходящим солнцем. Сначала я приняла его за деревню, к тому же значительных размеров, — потом мне бросилось в глаза то, что все здания были соединены друг с

другом; от центрального многоугольника каменного здания отходили различные пристройки и ответвления, занимавшие площадь, равную нескольким моргенам*.

Мы проехали мимо складов и помещений для животных и через ворота въехали во двор величиной с поле. Бледно-желтые камни блестели, как золотые, в свете заходящего на западе солнца. Колодец был окружен стеной со старинным замковым камнем в своде.

Прибежала целая толпа аширен, они галдели, визжали и приседали на корточки. Вслед мархацам, шлепавшим по разлившимся лужам, шипели покрытые рыжей шерстью животные. Кем выкрикнул команду, всадники спешили и сразу же принялись разводить своих животных по хлевам. Тем временем к аширен присоединились взрослые, некоторые из них помогали всадникам, другие подходили, чтобы поприветствовать Рурик.

Чувствовалось неподдельное уважение в том, как они к ней обращались. Она вела себя внешне непринужденно, но было очевидно, что она пользовалась известностью и доброй славой.

— Кристи, — крикнула она и подошла ко мне.

Я перекинула ногу через круп Гера, сползла на землю и упала бы прямо в грязь, если бы ортеанка вовремя не протянула руку, чтобы подхватить меня.

— О боже! — Я низко наклонилась и стала растирать сведенные судорогой мышцы на бедрах и икрах.

— Первый день был легким. Завтра будет куда труднее.

Я произносила все имирские проклятия, какие только знала. Она смеялась, подталкивая меня к двери дома, где мы укрылись от дождя, попав в облицованное каменными плитами помещение. Из моих сапог текла вода, образуя на полу лужу. Я попробовала потянуться и вздрогнула.

— Потом нам нужно сделать обход и проверить, как расположились остальные, — сказала Рурик. Затем она обернулась и крикнула какой-то невысокой женщине: — Садри! Садри, в этой телестре есть где-нибудь горячая вода?

* Морген — староанглийская мера площади.

* * *

От небольшого железного котла исходил жар. Горячая вода по трубе, проходившей от двери в ванную комнату, заполняла емкость, которая имела такой вид, как будто ее вырубili из цельной гранитной глыбы. Комнату наполнял вызывавший головную боль запах лапуура, древесина которого превосходно горит.

Я сидела на одном из находившихся под водой сидений и отдыхала почти в невыносимо горячей воде. Это было блаженство. Напротив, на одном из подобных сидений, сидела Рурик, ее черная укороченная грива лежала на воде, как водоросли. Она окунула голову, зажмурила глаза, промыла их и стала массировать обрубок своей правой руки. Она была отделена на середине между локтем и плечом и представляла собой обтянутую гладкой кожей культю, выглядевшую не пугающе, но неестественно.

— В сырую погоду он болит, — сказала она, снова окунувшись с головой и с фырканием выпрямилась. — Этим я тоже обязана Мелкати и Алес-Кадарету.

— А что это была за история с Мелкати? — поинтересовалась я. — Мне бы хотелось послушать.

— Всю историю? Да, вы правы. Может быть, она не началась бы так рано, если бы дело было не в этом.

Я мылась песочным мылом. Каждая часть моего тела болела. Когда я подняла голову, Рурик сказала:

— Я не могу вам это объяснить, не рассказав кое-что о моей телестре, так что наберитесь терпения.

— Если не хотите, не нужно рассказывать.

Немного помолчав, она сказала:

— Я говорила с представителями вашей расы. Это правда, что в вашем мире люди, принадлежащие к одному дому, живут отдельно, в разных странах и это не считается позором?

— Да, это верно. — Я видела, что она поверила мне не до конца. — Например, я жила в различных частях Британских островов. На юге, когда еще были живы мои родители — они умерли, когда мне было тринадцать, — а потом в Лондоне, в семье де Лайл, которая является ветвью нашего рода. — Я

машинально добавила: — Они никогда не были чем-то обязаны семье Кристи, но не могли отказаться принять меня к себе.

— Но они были вашей телестре. — Рурик смотрела на меня, прищурив глаза.

— Это родственники со стороны моей матери. Кристи никогда не были достаточно хороши для де Лайлов. Но мне некуда было деваться, и я решила воспользоваться ими для своей пользы. Де Лайл — старинная семья дипломатов. Может быть, они специально взяли меня на воспитание, чтобы сделать еще одного профессионального дипломата. — Я перестала говорить. Усталость давала о себе знать.

— Как бы сложилась наша жизнь, если бы судьба была к нам более благосклонна? — риторически спросила Рурик. — Я не стала бы солдатом, а вы — послом. То есть это был род вашей матери или вашей кормилицы, няньки?

— Моей матери, — повторила я. Родственные отношения на Орте сложны, и мне трудно было объяснить это как-то иначе. — Но пусть это не мешает вам рассказывать мне о Мелкати.

Ее темное лицо, которое я видела сквозь пар, было серьезным и одновременно участливым. Это был тот момент (хотя тогда я вряд ли это осознавала), когда мое отношение к ней изменилось и она стала для меня личностью.

— Значит, вы считаете, что человек может жить в отрыве от своего рода? — задумчиво произнесла она. — Я смотрю на это так же. Оказывается, у вас тоже случаются подобные вещи. Вы — амари, лишенные матери. И земли.

— Пожалуй, по-вашему, это так и выглядит.

— А моя телестре... — Она кивнула, как бы сравнивая. — Если бы у нас был Говорящий-с-землей, который вел бы нас по правильному пути, то было бы иначе. Однако Церковь в Мелкати всегда имела слабые позиции. А Орландис — это бедная телестре, она может прокормить только тех, кто там живет. Думаю, что я была лишней, как и вы. И к тому же у меня желтые глаза.

Как это было? Мой отец был путешественником, он отплыл однажды весной на корабле из Алес-Кадарета, а спустя семь лет вернулся, не имея ничего, кроме одежды и ребенка.

Этим ребенком была я. Он знал, что если останется, будет обузой для телестре, и потому он и его брат со своими сыновьями отправились в Алес-Кадарет, чтобы заработать денег. Это было в лето Белой Эпидемии. Она убила отца, но пощадила брата и его детей.

Рурик села прямо — вода стекала с ее плеч — и стала намыливать покрытую шрамами верхнюю часть туловища.

— Таким образом, половина моего рода осталась в Алес-Кадарете, где они служили л'ри-анами у Т'Ан Мелкати, которая в то время также принадлежала к телестре СуБаннасен. Я об этом не знала, и это меня не волновало. Как только я вышла из возраста аширен, я отправилась в Таткаэр и поступила на военную службу. Мне следовало бы вернуться. Но что тут будешь делать?

— Ничего, — ответила я и задумалась о прошлом.

— Карьера началась в Алес-Кадарете. Все карьеры военные начинаются там. Это мятежный город. Телестре в Мелкати все без исключения очень бедны. Если бы это зависело от меня, то я бы изменила границы, вывезла бы половину людей, чтобы земля могла прокормить остальных... Но против Церкви не пойдешь. — Она вздохнула и продолжила: — Это было четыре года назад. Я выступила с войском, обеспечила пути подвоза и эвакуации и осадила город. Уверенные в победе, телестре начали отводить свои силы поддержки. Но Кадарет держался. Наше положение стало ухудшаться, и длилось это четыре времени года до снятия блокады. Под конец было не ясно, не перемерут ли осажденные от голода, прежде чем нас истребит эпидемия. Стояло очень жаркое лето, и нас стали одолевать все мыслимые болезни. Я использовала катапульти, чтобы перебрасывать наших мертвых через городские стены. Это открыло для нас город. Была жаркая битва, прежде чем СуБаннасен сдалась. Во время нее я и была ранена в руку, после чего началась гангрена. Потом мне пришлось судить Кадарет по Закону Короны.

В голосе Рурик не чувствовалось никакого сожаления. Я взглянула на нее и поверила, что все было так, как она рассказывала: военачальница планировала, выполняла и убивала.

— Трое из предводителей бунтовщиков были родом из телестре Орландис. Что я могла сделать? Если бы я пощадила их, то это было бы противозаконно. Но я их ненавидела. О Богиня, как же я ненавидела всю мою родню! Как можно было по справедливости обращаться с кем-то, кого охотнее всего выпотрошила бы, как рыбу? Они принялись умолять меня, потом обвинили меня в злоупотреблении Законом Короны, чтобы отомстить им.

— И что вы сделали? — спросила я.

— Что я могла сделать? Они были виновны, и я велела повесить их на стенах Алес-Кадарета. Я и по сей день не знаю, правы они были в том, что говорили, или нет?

— Иногда жизнь нас ставит перед очень сложным выбором.

Она немного помолчала и затем сказала:

— Но самое главное во всем этом деле то, что я приказала казнить и Т'Ана Мелкати, брата Сулис. Она в то время была с'ан, а после этого сама стала Т'Ан Мелкати. Разумеется, она очень хотела бы моей смерти. Вот это и есть та история, в которую вы попали.

— Рано или поздно это все равно бы произошло. Я здесь чужая.

— Но она отступится от этого, если вы некоторое время будете находиться вне пределов ее досягаемости. — Рурик смыла с себя мыло, встала и непринужденно вылезла из ванны, чтобы взять полотенце. В отличие от того, как это принято в Имире, она так разместила пуговицы на своей одежде, что одевалась с помощью одной руки.

Я тоже вылезла из ванны, вытерла волосы и лицо и тут обнаружила, что Рурик пристально меня разглядывает. Она осматривала меня с ног до головы. Я почувствовала, что покраснела до ушей.

— Ни одного, — сказала она. — Ни одного шрама, нигде. Я едва не лопнула от смеха.

— Идемте и поищем Садри, — сказала она, продолжая меня разглядывать. — Ваш мир, должно быть, поистине очень необычен. Я все время спрашиваю себя: как к нему относиться?

* * *

Главный зал телестре Ханатра был заполнен людьми. Кроме представителей хозяйства, число которых, казалось, охватывало все степени родства вплоть до шестого кузена и далее, л'ри-анов и аширен, воспитывавшихся здесь, собрались еще и солдаты-кавалеристы Кема.

Вокруг возле стен на карнизах стояли масляные лампы, которые вместе с огнем, пылавшим в шести больших каминах, очень ярко освещали помещение. Потолок был низким, зал — длинным, а своды из бледно-желтого камня отбрасывали мягкие тени. Между колоннами были расставлены столы и длинные скамьи.

Большая толпа, собравшаяся в начале трапезы, разделилась на группы возле каминов. Одни беседовали друг с другом, другие пели — ортеанцы поют всюду, где для этого есть хотя бы малейший повод, — или обменивались сплетнями и слушали солдат, рассказывавших им городские новости. Молодые ортеанцы сидели на мягких шкурах вирацу, боролись друг с другом или спали.

По различной окраске камня можно было видеть, что стены возводились один или два раза заново с интервалом в столетия. Там, где сидела я, на скамье в углу возле камина, имевшего размеры небольшой комнаты, камень был серого цвета с голубыми прожилками, старый и потертый.

Марик сидел на корточках на шкурах и сонно смотрел на огонь. Мальчик был смущен; он впервые выехал из своего города. Рурик и Садри сидели рядом со мной и разговаривали.

Я откинулась назад; у меня все еще болело все тело, но я наслаждалась ощущением чистой и сухой одежды, глядя поверх пламени на искры.

Это был тот момент поездки, который вызывает состояние меланхолии, когда оглядываешься назад и вспоминаешь каждый отрезок пути, каждую долго тянущуюся милю, лежащую между пройденным и еще неизвестным. Я была самой первой представительницей Земли, которая увидела эту неизвестную страну. Мечта об этом — ее я могла бы мысленно проследить сквозь годы — побудила меня в идеалистическом

возрасте четырнадцати или пятнадцати лет начать карьеру в Ведомстве Внеземных Дел. Реальность оказалась одновременно более страшной и удовлетворительной, чем я ожидала.

Рурик повернулась рядом со мной и протянула обрубок руки к теплу камина.

— Она у вас все еще болит? — спросила Садри.

— Нет.

— Вы были лучшей, — проговорила она. Они обменялись взглядами, по которым я поняла, что они говорили об этом уже ранее. Затем Садри обратилась ко мне: — Она была лучшим бойцом на мечах харур, какого когда-либо видела Южная земля.

Ответом Рурик было ее пожатие плеч. Я подумала, что подобные разговоры должны ее ранить, поскольку еще не была знакома с ортеанским обычаем бесцеремонно лезть в человеческую душу.

— Я не имею об этом никакого понятия. Вы же не можете сравнить меня с ушедшими мастерами или с теми, которые еще не родились. Но действительно, в моем поколении я была лучшей.

В ее голосе не было ни гордости, ни сожаления. Она лишь констатировала факт.

— У меня все еще есть харур-нилгири, — добавила Рурик, и губы ее растянулись в улыбке, предназначенной для Садри. — Утратила ли я свое мастерство или нет, вы все равно не отважились бы вызвать меня на поединок.

— Тут вы правы, — согласилась Садри.

Уютно потрескивал огонь. Она носком ноги подбросила в него полено. Из дальней части зала зазвучало пение.

Катра Садри Ханатра была невысокой коренастой женщиной, не выше метра сорока. Ее кожа была бледного, как у рыбы, цвета и слегка окрашена цветком прибрежных низменностей. Седеющая рыжая грива была коротко подстрижена. У Садри были морщинистое круглое лицо, большой лоб и широко расставленные глаза, почти спрятавшиеся в складках кожи. Возраст ее трудно было определить; ей могло быть сколько угодно от пятидесяти до семидесяти. Она была, пожалуй, очень некрасива, а когда мигательные перепонки

прикрывали ее глаза, она иногда напоминала лежащее при смерти пресмыкающееся. Однако у нее было такое же добродушное выражение лица, как и у Герена, и такой же дар — умение принимать гостей.

— Как поживает Герен? — спросила она Рурик.

— Он готовит корабли. — В голосе Рурик слышалось лукавство. — Я думаю, он опять вернулся к идее путешествия на запад и убежден в том, что найдет землю, если будет плыть под парусами на «Ханатре» в течение пятидесяти дней.

— Он снова пропадет на какое-то время, а потом вернется без всякого результата, я его знаю. Вы, — сказала Садри и положила руку на плечо Рурик, — вы — его арикей. Когда вы станете н'ри н'сут Ханатрой?

— Даже если бы мы были в одной телестре, это не удержало бы меня в Имире, а его — на суше.

— Я спрашиваю вас не по этой причине. У вас здесь есть хорошие друзья. Я бы очень хотела, чтобы вы приезжали сюда домой, а не в солдатские квартиры в каком-то гарнизоне... Вы согласны со мной? — неожиданно обратилась она ко мне.

У меня было желание отговориться тем, что я ничего в этом не понимаю, но тактичность подобного рода не была здесь принята. Как позднее об этом выразилась Рурик, во всей Южной земле не наберется достаточно такта, чтобы им можно было наполнить один чан.

— В моем мире это бы не подействовало, во всяком случае, в той его части, где я родилась, — ответила я. — Может быть, получится здесь. Вы привыкли иметь кормилиц и приемных детей, и — не знаю точно — вы, кажется, удерживаете вместе ваших детей и родственников, не так ли? На моей планете все немного по-другому. Либо живут вместе, либо нет.

— Все дело в земле, — сказала Рурик. — Я выросла как Орландис, хотя и родилась не там.

— Земля у нас не играет такой большой роли, — ответила я и вдруг почувствовала себя окруженной совершенно чужими людьми.

— Землю в ком-либо невозможно убить, — возразила Садри.

— Ту землю, где вырос, где был ребенком, — уточнила Рурик, — где увидел первые поля, дороги и берега. Дом. Вы помните дом, — напирала она, — комнаты, в которых вы росли и где вы спали?

— Да, конечно.

— А горы, — подхватила Садри, — а свет, ветер, реку и тропинки между деревьев?

— Да...

Там, где я родилась, такого было немного. Но я помню улицы, куда во время войны падали бомбы, места, на которые дети претендовали как на участки для своих игр. Все это было когда-то очень давно, до того как были убиты мои отец и мать. Если бы я повзрослела при живых родителях, а потом мы расстались, мне было бы легче. Сейчас же я могу похвастать только ранними детскими воспоминаниями. Воспоминаниями ребенка, в которых остались не лишения, а хорошие времена.

— Вы чувствуете точно так же, — сказала Рурик, и я наконец заметила, что она и Садри наблюдают за мной.

— Кроме того, вы не созданы для этой телестре. — Садри вернулась к своему утверждению. — Вам сказал бы это любовью Говорящий-с-землей. Нет ничего позорного в том, что ты родился не в той телестре. Это — воля Богини, когда отправляешься туда, где тебе жить лучше всего.

— Я не родилась ни в одной из телестре. — В голосе Рурик послышалось нечто стальное. — Я это неоднократно подчеркивала. Я — амари, не имеющая матери, рожденная вне земли.

— Это нам не мешает.

— Я — Орландис, — почти ожесточенно произнесла Рурик, — я из Мелкати, я из Южной земли. Что же мне, по вашему мнению, делать, Садри?

— Я затронула ваши старые раны, мне очень жаль.

Сумерки превратились в темноту, в застекленные окна барабанил дождь.

— Может быть, однажды... — Рурик не договорила. — Что такое, Кем?

— Одни лишь слухи, т'ан. — Его взгляд смущенно скользнул в мою сторону и тут же вернулся к Рурик. — Аширен

говорит, что здесь был мужчина, который спрашивал, придут ли сюда кавалеристы Командующей. А поскольку здесь не знали, когда мы прибудем, то ничего не могли ему сказать. Он ускакал прочь, но они не видели, по какой дороге.

Я заметила, как Садри взглянула на Рурик.

— Был ли тот, кто следовал за нами, гонцом Сутафиори, — вслух размышляла Рурик, — от СуБаннасен или от какой-нибудь другой Т'Ан?

Глава 7. Дом под Теризоном

Марик разбудил меня при первом свете утренней зари; он принес чашу и кувшин с горячей водой. Ему было хорошо известно, что в этот час нечего было и ожидать от меня разумного разговора, а потому он оставил меня одну, чтобы я могла одеться, сообщив перед этим, что Т'Ан Рурик и все другие уже встали.

Я вздрагивала при каждом движении. Мышцы бедер онемели, и некоторое время я всерьез думала, что получила опасные повреждения, притом надолго. Я попыталась сесть на край постели, но взвыла от боли и упала обратно на спину. Практически я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Одевалась я очень медленно и в основном лежа.

На других кроватях в комнате — а это был скорее всего спальный зал — еще оставались теплые отпечатки тел. Я быстро умылась. В отличие от жилья в городе в этом доме имелась примитивная система водоснабжения. Я почему-то заранее ожидала, что эта местность должна была быть поближе к прогрессу.

Прежде чем снова упаковать вещи, я вынула из свертка парализующий пистолет и поместила его в кобуру на поясе. Ее скрывала покрытая кружевами туника. У меня не было желания исследовать причины, по которым я носила с собой оружие, но с ним я чувствовала себя увереннее.

Я проковыляла через полдюжины пустых комнат, выискивая лестницу. Тут не было коридоров, а помещения примыкали одно к другому без всяких переходов. За окном проплывали серые тучи, и внутрь проникал бледный свет. Кругом витали старые кухонные запахи и мельчайшая пыль.

Я открыла одну дверь и попала в пустую комнату, стены которой были увешаны ветхими картами звездного неба. Под открытым небом возвышалась впечатляющая конструкция из металла и стекла. Это был примитивный телескоп.

Качество стекла, из которого были сделаны линзы, составляло желать лучшего, но аппаратура, однако, превосходила все, что я когда-либо видела на Каррике V. Я подумала, что, должно быть, этот мир находится на пороге технической революции. Я осмотрела карты: они очень подробно отражали ортеанское летнее небо и не так точно — зимнее; пустые места можно было обнаружить лишь при более внимательном сравнении.

В одном из углов комнаты находилась ведшая вниз винтовая лестница. Я спустилась по ней и оказалась в большом зале. Там сидели Рурик, Кем и его заместительница, они размышляли о чем-то над картой, разостланной над остатками завтрака.

— ...через Меремот и вверх на Бринор. — Рурик заметила меня и удивленно воскликнула: — Кристи, я была уверена, что сегодня утром вы не сможете подняться.

— Мои ноги еще кое-как несут меня. — Я осторожно опустила на скамью.

Они продолжили свой разговор, а я принялась за завтрак. Мясной бульон, хлеб, горячий чай из лекарственных трав, после него фрукты и напиток, напомнивший мне простоквашу — однако на Орте имелось лишь очень немного напоминающих земных млекопитающих, — и, наконец, рушки, живущие на суше членистоногие.

— Это не был гонец Короны, — сказала заместительница Кема, женщина с большим животом, которую звали Хо-Телерит. — Он бы подождал или доложил о себе здешнему с'ан телестре.

— За нами кто-то следит, — согласилась Рурик.

— Т'Ан Командующая, — сказал Кем, — не думаете же вы, что кто-то собирается устроить засаду кавалерийской группе армии Короны? Мы не отъехали от Таткаэра даже на тридцать зери!

— Если бы кто-то намеревался это сделать, то устроил бы все именно таким образом. Как раз там, где мы этого менее всего ожидаем. Но нет, в это я тоже не верю. — Ее черный палец провел линию по карте. — Думаю, Садри может спокойно рассказывать всем, кто будет спрашивать, что мы движемся по выбранной мною дороге. На Меремот, Бринор и Салмар. Вместо этого мы примем меры к тому, чтобы перехватить нашего преследователя восточнее этого маршрута и взять его. Мне бы хотелось получить ответы на несколько вопросов.

— Поблизости от Шераты есть общественный дом, — размышлял Кем.

— Это то, что нужно. Будем трогаться. — Рурик встала. — Кто ваши лучшие разведчики?

— Перик и Вайл, — ответила Хо-Телерит.

— Посмотрим, смогут ли они выследить нашего преследователя.

Вскоре мы отправились в путь, Садри ехала с нами до границы телестре. Стояло прекрасное звездное утро, дорога была грязной из-за вчерашнего дождя, но пригодной для езды. От земли подымались теплые испарения, кисловато пахнувшие мшистой травой и сладко — листьями зику.

— Телестре в любое время открыта для вас, если будете возвращаться этой дорогой. — Садри восседала на своем черном мархаце. Она подмигнула мне. — И помните о Ханатре, если речь будет идти о путешествиях в ваш мир... и если я не окажусь при этом необходимой, то Герен обязательно воспользуется таким случаем.

Мы перевалили еще через один горный отрог и к середине утра спустились в покрытую лесом долину. Лапуур с его скудной кроной уступил место широколиственному дереву зику, более высокому и мощному. Бронзово-бурая листва давала нам тень, когда мы следовали извилистой тропой.

Тени цвета индиго рассеивались сумраком леса. Потом снова прорвалось солнце, и вдруг мы оказались в море ярко-го, окрашенного, как сапфир, света. Меж бронзовых стволов зику росла темно-синяя трава, похожая на мох. Копыта мархацев погружались в нее на глубину, равную длине пальца руки, и это приглушало звук их шагов. Воздух в лесу имел лазурно-голубой цвет, светился, подобно фосфоресцирующему морю, и над голубым, покрытым цветами мхом пылал золотой огонь зику. Всадники замолчали, они ехали все осторожнее, на лицах застыло выражение напряжения. Не слышно было даже криков рашаку.

— До того, как появились телестре, это место называли старым всемирным лесом, — сказала Рурик, когда мы снова выбрались на солнечный свет и поехали через поля. — Кое-кто говорит, что прежде он простирался от Топей до самого моря.

Марик во время поездки бросил свое лассо и поймал нам птицу-ящерицу, которую Хо-Телерит изъяла у него для обеда.

Я впервые смогла рассмотреть вблизи одну из этих летучих ящериц. На их крыльях были перья, покрытые коричневыми пятнами, они имелись и на спине, остальная часть тела была чешуйчатой. Узкая, треугольной формы голова с челюстями, снабженными зубами. У животного также имелись четыре вооруженные когтями лапы.

— Рашаку-дзя, — сказал Марик. — Раньше я ловил их петлями в дуплах деревьев в горах возле Римона. Они вкусные, т'ан.

Был долгий день, мы добрались до Шераты только во вторые сумерки. Общественный дом стоял на границе трех телестре, он использовался всеми поочередно. Это было низкое и обширное строение со стенами из глины, смешанной с соломой.

— Он был здесь до нас, — подходя ко мне, сказала Рурик, когда я смотрела, как Гера вели в хлев.

— Наш преследователь?

— Один человек продвигается вперед быстрее, чем большая группа всадников. И он может легко догадаться о нашем маршруте. — Она наморщила лоб. — Завтра мы будем проходить через горы, где ему придется подойти очень близко, чтобы видеть нас. Может быть, там больше повезет разведчикам Хо-Телерит.

Мы сидели возле выходявшего во двор окна ветхого, общественного дома. Вечер снаружи все еще был жарок и тих. Горячий воздух поднимался от сухой земли, рябил над жнивьем, где небольшими кучками в форме яйца было сложено сено. Казалось, стожки скрывали большое число низко наклонившихся людей. Горы закрывали горизонт на западе. Мы уже два дня ехали в северо-восточном направлении, покинув Шерату.

— Кто бы он ни был, он знает свое дело. И ему везет, — резюмировала Рурик.

— Они потеряли его из виду в лесах перед Торфелем, Т'Ан Командующая. — Хо-Телерит только что получила сообщение от своих разведчиков. Они вернулись очень расстроенные.

— Как далеко отсюда это было? — спросила Рурик.

— Четыре зери. Может, пять.

— М-м-м... Да, хорошо, Хо-Телерит. — Она посмотрела вслед ушедшей женщине. — Не люблю, когда меня преследуют и я ничего не могу против этого предпринять, Кристи.

— Вот как? — Мне хотелось, чтобы она продолжала говорить.

Рурик развернула на подоконнике карту.

— Мы находимся вот здесь, на северной границе гор. Корбек расположен выше Ремонде... Отсюда вы можете понять, что прямой путь ведет еще севернее через Бринор.

— Он ожидает, что мы поедем здесь. — Преследователь сложился у меня в голове в определенный образ, хотя никто до сих пор не был способен дать нам его подробное описание.

— Есть шанс, что разведчики Хо-Телерит прогнали его сегодня с нашего пути. Он пойдет точно на восток, прямо по этой пустоши. — Она убрала свои растопыренные пальцы с

карты, которая после этого сразу же свернулась в трубку. Рурик провела рукой по гриве. — В Теризоне находится Теократический дом, там мы сможем отдохнуть, а на следующий день поедem дальше на север.

Я больше не чувствовала себя так, как в начале пути, когда уже казалась себе наполовину калеккой. Проехав весь день верхом, я очень устала и покрылась дорожной грязью, а мой желудок был слегка расстроен непривычной пищей.

— Как далеко отсюда до Корбека? — спросила я.

— Две недели, может быть, дней двадцать. Да, вспомнила, — добавила она, — вы хорошо знаете диалект Ремонде?

— Практически нет.

Южная земля пользовалась по меньшей мере семью различными языками, не отмеченными на гипнолентах. На них не было ничего о диалектах, а все телестре говорили до известной степени на своих наречиях. Провинции обращают внимание скорее на языковые различия, чем на политические границы.

— Я была там примерно восемь лет назад, когда несла службу в гарнизоне на Черепном перевале. Я расскажу вам об этом, если хотите послушать, — предложила Рурик, — и если вас не затруднит, то я буду говорить на мелкатийском диалекте.

— Мне все равно.

— Смешные люди эти ремондцы, — сказала она. — Интересно будет посмотреть, что там изменилось с тех пор, как я была там последний раз.

По другую сторону гор почва состояла из податливого торфа и была покрыта низкими кустами, называемыми птицекрылом, потому что на их желтых листьях виднелись узоры, похожие на перья. Наши повозки едва проходили по болотистой почве.

— Вон там, — показала Рурик, когда солнце стало отбрасывать наши тени на восток, пони бежали впереди нас. — Это Теризон.

Почва стала более сухой, и появились группы деревьев с серебристой корой. Темная масса, которую я до того приня-

ла за кустарник, превратилась, благодаря улучшившейся перспективе, в скопление зданий.

— О Богиня! — прошептал рядом со мной Марик. — Взгляните на это!

Я разделила его изумление: зрелище отличалось от всего, что я до сих пор видела в Имире.

Это были два или три соединенных друг с другом здания. Ни одна из стен не имела изгибов. Выше окон нижнего этажа стены выступали наружу, соединялись с соседними и образовывали таким образом общий верхний этаж. Крыши поднимались вверх и напоминали купола луковичной формы.

Когда мы подъехали ближе, я увидела, как последние лучи солнца позолотили стены.

— Это древнее место, как мне говорили, но у него добрая слава.

Рурик ударила пятками по ребристым бокам мархаца и поспешила вперед. Пыль, казавшаяся на мне почти черной, выглядела на ее темной коже серой. Я наблюдала, как она достигла внешней стены и остановилась, поговорила с кем-то и затем спешила.

Марик держался рядом со мной, даже тогда, когда мархацев отводили в хлев. У него опять было недовольное выражение лица. За этой маской скрывалось то, что можно было бы назвать почти суеверным благоговением перед древними сооружениями.

Внутри извивающегося прохода было темно, кирпичные стены бурого цвета впечатляли. Пол был выложен серыми каменными плитами. Я стояла у входа вместе с Рурик и Кемом и пыталась что-нибудь разглядеть, но мои глаза еще не привыкли к темноте. Пока мы тут находились, вошли несколько аширен. На них были халаты из хирит-гойена и повязанные вокруг талии наподобие фартуков куски ткани. Войдя, они подошли к плоским желобам с водой в полу, встали в них и смыли грязь со своих ног. Куски ткани использовались для вытирания ног, после чего были брошены в каменное корыто. Дети смотрели на нас светлыми птичьими глазами, но ничего не говорили. Рурик, как мне показалось, было нисколько не затруднительно стоять и ждать.

Старые стены были увиты чем-то похожим на земной виноград. Те же резные листья величиной с ладонь, те же темно-красные гроздья ягод. Разница была столь незначительной, что я поневоле ощутила тоску по родной планете.

Между нами и плавно изгибавшейся внешней стеной находились полосы возделанной почвы. Где-то в здании начал звонить колокол — приятный знакомый звук, к которому мои уши привыкли еще в Таткаэре, — и вошли около дюжины аширен более старшего возраста. С ними были рослая женщина и коренастый мужчина.

Рурик выступила вперед и поклонилась:

— Да ниспошлет вам Богиня добрый день. Могу ли я претендовать на право гостя для себя и моих людей?

— Наш дом открыт для вас, — ответил мужчина. На нем было одеяние священника. — Меня зовут Риавн, а это Браник.

Рурик назвала наши имена, поручила Кему присмотреть за всадниками, и мы наконец вошли в Дом-источник Тери-зона.

Проходы все время извивались, потолок был сводчатым, а каменный пол от множества прошедших по нему ног стал походить на желоб. Ламп не было, но мы следовали мимо аширен, разжигавших факелы в настенных держателях. В воздухе пахло гарью.

— Сейчас, во время уборки урожая, у нас много гостей, — сказала Браник. Она была на целую голову выше нас и шла все время пригнувшись из-за низкого потолка. — Некоторым из вас придется спать в монашеских кельях; комнаты для гостей заняты.

— Крыши Богини над нами достаточно для удобства. — Рурик сделала характерное ударение на этой вежливой пустой фразе. Очевидно, здесь не существовало какого-либо предпочтения в отношении к кому-либо, даже к Т'Ан Командующей. Я слишком устала, чтобы спрашивать себя, что со мной будет.

Мы пришли в круглое помещение, в котором блестел Источник. Оно было заставлено столами и скамьями. Шум уже до того, как мы вошли в дверь, говорил, что нас ожидало: тут

кричали и болтали около тридцати детей. Они взглянули на нас, когда мы вошли, но вскоре потеряли к нам всякий интерес. Некоторые из ортеанцев, собравшихся здесь, выглядели так, будто пришли с телестре-ферм.

— Вы приехали как раз к ужину, — заметила Браник. Она и Риавн покинули нас, и мы отыскиали себе места на занятых скамьях. Пищу подавали Хранители Источника, им в этом помогали старшие аширен.

Может быть, виной тому была моя усталость; когда я ела, мне подумалось, что я нахожусь среди гуманоидов-полуживотных, какими ортеанцы показались мне вначале. Особенно светлокотные дети с их тонкими, многопалыми руками и полупрозрачными перепонками на глазах. Мое расположение к ним покидало меня. «Со взрослыми проще, — подумала я. — Браник с ее грубым лицом могла бы сойти за жительницу Земли. И беременная женщина рядом с нею. И этот мужчина...»

Человек, на которого я смотрела, обернулся. Лицо его было страшно обезображено. Марик, следивший за моим взглядом, сказал:

— О Богиня! Ну и страшен же он, т'ан.

Я велела ему молчать. У ортеанца была красивая кожа и желтая грива, он был рослым и широкоплечим. Он выглядел так, как если бы обгорел — одна сторона его лица состояла как бы из белых и красных лоскутков. Глаз чудом остался невредим, он сверкал из своего гнезда на изуродованном лице. Там, где ожоги скрывались под волосами, выросла грива сербристого цвета.

Я подумала о пластической хирургии и сразу после этого о потерянной руке Рурик. Это пробудило в моем сознании понимание того факта, что мы нужны Орте, независимо от того, насколько далеки друг от друга в культурном отношении наши цивилизации. Тут следовало проявлять практичность.

Застолье кончилось, скамьи и столы были отодвинуты к стенам, а посреди комнаты в большой чаше разложены угли. Аширен уселись группами на полу, они разговаривали, некоторые играли в один из вариантов распространенной в Юж-

ной земле игры, называемой охмир. Я видела, как Риавн сдвинул рядом с огнем две скамьи и положил на них свернутое шерстяное одеяло, на которое легла беременная женщина. Люди рядом с нею выглядели вульгарными и распущенными.

— Она себя хорошо чувствует? — спросила я Браник.

— Она пришла в Дом-источник, чтобы рожать, — сказала ортеанка так, как будто этого было достаточно для объяснения. — Богиня всегда держит дверь открытой. И для этих, — добавила она, когда один из аширен принес вино. — Большинство из них сбежали из дому.

— И вы не отправляете их обратно домой?

— У матери нельзя забрать ни одного ребенка, — сказала она с таким ударением, которое превращало слово «мать» в слово «богиня». — Наша земля бедна. Мы здесь вынуждены работать гораздо больше, чем наши соседи в большинстве окрестных телестре. Ленивый знает, что если прибежит сюда, то бездельничать ему никто не даст. У других беглецов есть свои причины.

Но ведь они были детьми! Я хотела поинтересоваться, как бы она отнеслась, если бы ее ребенка удерживали в подобном месте и заставляли работать, но не стала. Здешние дети мало походили на детей в нашем понимании.

Немного позже я пошла с Мариком и Рурик, чтобы контролировать, как наши вещи переносили в комнаты. Этими комнатами были построенные в стороне большие кельи с жесткими кроватями, чашами для умывания и ночным горшком. Все обитатели дома довольствовались тем же скудным комфортом. Он был примитивен и (как я думала, глядя на вытопанный каменный пол), может быть, именно поэтому просуществовал так долго.

— Завтра рано утром мне нужно еще немного посоветоваться с Кемом, — сказала Рурик. Мы пошли обратно в круглый зал и попали в настоящий хаос.

Большинство присутствовавших оставили свои занятия, болтовню, еду и игру в охмир и все внимание обратили на женщину, лежавшую на скамьях. Она вскрикнула, заметалась на своем ложе и часто задышала. Ортеанцы кричали ей

слова ободрения и толпились вокруг. Стоявшие к ней ближе остальных дышали в том же ритме, что и она.

— О Иисус, разве здесь нет ничего, что остается личным?

Рурик повернулась ко мне. Я поняла, что в сердцах говорила слишком громко.

— Ничто в телестре не является личным, — по-дружески и с пониманием ответила она. — И все мы в доме Богини — одна телестре.

— Но они даже не вывели отсюда детей!

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшую, и я больше ничего не сказала. Я понимала, что мое возмущение вызвано той огромной пропастью, которая разделяла наши культуры.

— Держите ее повыше...

— Готово!

— ...будьте осторожны...

Женщина не кричала, но часто всхрипывала, как будто на нее резко надавливали. Я видела ее откинутую назад голову. Мужчина с темной кожей держал ее руки. Браник, стоявшая на коленях у скамьи, бросила в чан окровавленные обрывки ткани.

Роженица закричала. Молодая ортеанка, сидевшая рядом с нею, поднялась; она держала в руках какую-то окровавленную массу. Я прикусила себе губы. Это был ребенок, и он находился в твердой оболочке.

Молодая женщина согнула привычным жестом свой шестой палец и вскрыла оболочку длинным ногтем. Ребенок захлебывался и издавал тонкий писк. Горло мое сжалось. Он был крошечным, гораздо меньше, чем человеческое дитя.

Тем временем ортеанка вымыла его — я подумала, что она является повивальной бабкой, — а затем родились и были освобождены от тюрем-оболочек второй и третий ребенок.

Я чувствовала себя отвратительно. Какая жалость, что здесь нет Адэра; уж он-то оценил бы все это.

— Трехкратные роды. — Рядом со мной сидел Риавн и указывал на молодую женщину. — Каир будет их кормить, пока у Габрит не появится молоко.

Адэр говорил, что молоко у ортеанок всегда появлялось с запозданием. Я мгновенно поняла, как они были связаны взаимной зависимостью: тут должны были существовать большие семейные общности, кормилицы и приемные матери.

Я ожидала как чего-то совершенно естественного, что мать после этого уложат в постель, однако вскоре она сидела возле огня, завернувшись в одеяла. Она, отец и кормилица держали в руках по ребенку и время от времени обменивались ими. Вернулась Браник с вином, и все собравшиеся произнесли добрые пожелания на будущее. Вскоре праздник был в полном разгаре.

— Как вы себя чувствуете? — нетерпеливо спросила меня Рурик.

— Вполне терпимо, — ответила я.

Мне подумалось, что они представляли собой поразительно жизнеспособную и закаленную расу. Я кивнула и приняла кувшин с вином, пущенный по кругу.

Окно можно было различить лишь как темно-серую щель. Комнату заполнял сумрак. Я не могла уснуть и спрашивала себя, как долго еще до утреннего звона. Постель была жесткой, а я к этому не привыкла. Мне подумалось, что это будет серьезной победой, если я живой доберусь до Ремонде. Поездки здесь были связаны с грязью, укусами насекомых и разного рода неудобствами.

Послышался скрип дерева.

Прошло несколько секунд. Я поняла, что скрипеть могла только дверь, поскольку пол был каменным, а затем услышала другой звук. Острое, скользящее шипение.

Я задержала дыхание и подумала, что кровь у меня в ушах и висках стучит слишком громко. Это был звук от меча харур, извлекаемого из ножен.

Тишина.

Не могла ли я ошибиться? Конечно, я должна была ошибиться, потому что здесь, в стенах святого дома, не могло произойти ничего подобного.

Парализатор был в кобуре; вчера вечером я бросила его в дальний угол комнаты к моим вещам. Мой поясной нож был

там же. Теперь я больше не могла убеждать себя, что ничего не слышу. В комнате кто-то был.

Я заметила движение. Затем кто-то загородил окно.

Сделав единственное резкое усилие, я выскользнула из постели, швырнула грубое одеяло в сторону окна и бросилась бежать.

Что-то нанесло мне сильный удар по ногам. Я споткнулась, уперлась выставленными вперед руками в пол, и клинок просвистел над моей головой, с треском вонзившись в дверной косяк.

Я вскинула руку вверх, машинально схватилась за острое как бритва лезвие и резко вскрикнула от боли.

Наступившая вслед за этим тишина была столь зловещей, что я похолодела от ужаса. Затем, как сквозь вату, я услышала далекие крики и топот ног, но не почувствовала облегчение. Он был где-то совсем рядом.

Шаги.

Они были неизбежные, почти спокойные и даже по-стариковски шаркающие. Чуть слева от меня. Я задержала дыхание и отползла в сторону, пока мое плечо не коснулось кровати. Вплотную к полу я подлезла под нее и потрогала деревянную раму кровати. Надежно, надежно, надежно! Только бы мне не выдать себя. Ни единого звука. Кто бы здесь ни был, у него с собой нет факела. Он надеялся, что найдет меня спящей.

Что-то щекотало меня по всей длине предплечья. Я стала тише воды, ниже травы.

— Кристи!

В коридоре раздался крик. Я услышала шаги злоумышленника, он заметался по комнате, потом скрипнула дверь, и все снова стало тихо.

Я не двигалась. В поле моего зрения попал мерцающий желтый огонек. Я спрашивала себя, не потеряю ли сознание. Затем стали видны край двери и стена, замелькали тени, и я поняла, что кто-то с факелом бежит по коридору.

— Кристи? — кричала Рурик.

Я выползла из-под кровати, рубашка моя была в пыли, я была босой и чувствовала себя совсем беззащитной.

— Здесь... похоже, кто-то есть.

— Вы думаете? Вы этого не знаете? — Она вставила факел в гнездо на стене, подошла ко мне, взяла меня за руку. Я вскрикнула. Брызнули крупные капли крови.

— Темно, я никого не видела.

При виде крови я застыла. Она стекала по моей руке до локтя. Так вот откуда взялось ощущение щекотки. У меня было такое чувство, будто кто-то колотил по моей руке молотком.

По внутренней стороне ладони проходил глубокий порез. Видимо, я порезалась, когда схватилась за лезвие харура.

Рурик спешно покинула келью. Стало больше факелов: появились Браник, Риавн, Марик и Хо-Телерит. Паника охватила весь Дом-источник.

Я села, Риавн промыл мою рану и перевязал ее. Я глубоко дышала и сопротивлялась надвигающейся истерике.

Моя рука была единственной, мучительной, жгучей болью.

— Вам повезло, — сказал Риавн. — Сухожилия не задеты. Они вам еще пригодятся.

Он медленно опустил мою руку, с любопытством ее разглядывая. «Разве он не заметил различия раньше?» — подумала я и рассмеялась так, что меня затрясло. Это была моя правая рука.

— Рурик... — сказала я. Она как раз вернулась в келью.

— И вы не знаете, кто это был? Клинок был тяжел или легок, быстро или тяжело он двигался? Это был харур-нигири или харур-нацари?

— Мне жаль, я... Было слишком темно... Я не знаю.

Браник снова ворвалась в комнату. Я совсем не заметила, как она ушла. Ортеанка с яростью набросилась на Рурик:

— Ваши солдаты отказываются выпустить меня отсюда! Всюду они поднимают мечи. В Доме Богини!

— Теократический это дом или нет, но законы войны действуют и в нем. — Рурик была совершенно невозмутима. — Я приказала моим командирам выставить посты у всех дверей, у хлева и у внешних ворот. Я бы хотела, чтобы никто не покидал территорию дома. Хо-Телерит, разбудите всех, кто еще спит, и позаботьтесь, чтобы люди собрались в зале.

Риавн исчез вместе с Браник. Я села в кровати, и наконец до меня стало доходить, что произошло. Рурик села рядом со мной.

— Вы никого не подозреваете? — Ее рука лежала на рукоятке меча. Я видела, куда был направлен ее взгляд.

— Я не думаю, что это мальчик.

Марик поднял глаза, у него был испуганный вид.

— Это был не я, т'ан.

Рурик это не убедило.

— Идемте в зал, Кристи, там может оказаться что-нибудь такое, что освежит вашу память. Может, вы кого-нибудь узнаете. Нет, аширен тоже. Ке пойдет впереди меня.

Я зашнуровала брюки, но не стала утруждать себя обуванием и последовала за Рурик по извилистым проходам. Кем столкнулся с нами еще до входа в зал.

Пока они разговаривали, я вспомнила про аптечку. Она была в моей келье. Там же был и парализатор. Я зависела и от того, и от другого. Мне следовало бы подумать об этом пораньше. Я допустила ошибку, и это рассердило и напугало меня.

Я оставила Рурик и спокойно пошла по извилистому проходу назад за парализатором и аптечкой. Мне казалось, что на это потребуется не более минуты.

Я вошла в мою келью и увидела перед собой острое клинка.

Глава 8. Покушение

Я мгновенно упала, сделала перекат и врезалась в его ноги. Удар его пришелся в пустоту, он закачался и повалился на пол. Мы одновременно вскочили на ноги и уставились друг на друга.

Это был человек с лицом, покрытым шрамами. Он стоял спиной к двери, держа в руке харур-нилгири. Хотя и без ору-

жая, я автоматически приняла исходное положение, как будто мы проводили учебный бой.

Он произвел удар. Поразительно быстро. Я уклонилась, и клинок просвистел мимо. Но широкий рукав рубашки помешал мне. Ткань окрасилась кровью, как промокательная бумага, впитавшая в себя красные чернила.

Адреналин устремился мне в кровь. «Наблюдай за глазами, за глазами, а не за клинком!» — вспомнилось мне.

Серый свет. Звезды. Ни малейшего шанса обернуться и схватить парализатор, лежавший в углу комнаты. Серебристое поблескивание металла. Внимательно слежу за его глазами, чтобы уклониться от смертельного удара.

Он разъярен. Я не вооружена. До сих пор я уходила от его выпадов и ударов; но он полон злобы. Хорошо. Перемещаюсь вправо...

Металл скрежещет о стену. Никакой паники! Но мне не остается ничего иного, кроме отступления. Мне нужно выйти из зоны его досягаемости. Долго ли мне еще добираться до угла? Недолго. Вот сейчас: обманное движение, выпад, глаза смотрят в глаза. Бешенство смертельной пляски.

И — удар.

Я не могу подобраться к нему и бросить его через себя. С одной рукой у меня нет никакого шанса. (Сосредоточиться, не обращать внимания на резкую боль.) Он сильнее меня, мне его не одолеть.

И резкий удар...

Я зажата между двух стен, я в углу. И если оттолкну его руку в сторону, то следующий удар придется мне как раз между ребер. Он будет глухим, как нацеленный удар мясника, и у меня нет возможности отразить его.

Страх нет, одна лишь ясность. Ты пропала, Кристи.

Вот сейчас он быстро кинется вперед, а у меня нет пространства, чтобы уклониться, я не могу двинуться с места... Он ударит меня в грудь, или в горло, или...

Итак, я сделала выпад и увидела на лице убийцы изумление.левой рукой, не блокируя удара, я схватила его за запястье и рванула вперед.

Клинок просвистел у меня над плечом.

Я держала его за запястье, когда острое меча ударило в стену. Резкий звук раздался в комнате, где — исключая наше учащенное дыхание — царила тишина. Ужасный хруст.

Его кисть еще болталась, зажата в моей руке. На мгновение мы оба оцепнели; ни одному из нас в это не верилось. Он вытащил свою руку, выронил меч и, покачиваясь, вывалился в дверь.

Моя ярость возрастала, несмотря на победу. Она была всепоглощающей, сильнее всех навыков и здравого смысла.

Я распахнула дверь и побежала к проходу. Я рычала от ярости и ненависти, держа парализатор в руке и совершенно забыв, что взяла его. Я бежала и стреляла левой рукой, но проход был извилистым, и противник не попадался мне в линию выстрела.

Он захлопнул у меня на глазах еще одну дверь, и я снова распахнула ее. За нею было помещение без выхода. Он оказался в ловушке.

Но кто-то повис на моей руке и закричал. Мне удалось освободиться, но этот же человек нанес мне сильный удар по голове.

— Кристи, прекратите! Стоп!

Я остановилась; меня трясло, и я испытывала страх сама перед собой. Никогда не предполагала, что во мне скрывалось столько страха и злости. «Какое легкомыслие! — подумала я. — О боже, придумай же что-нибудь!»

Страх и ярость: они родом из моего детства, когда меня избили, когда банда юнцов преследовала меня до самого дома и я держалась освещенной середины улицы. Страх ребенка и женщины. И тот же самый приступ ярости: только тронь меня, и я, черт побери, убью тебя!

— Он находится под священной защитой!

— Рурик? — Когда я провела рукой по лицу, она была мокрой. Я постепенно приходила в себя. Темнокожая женщина схватила меня за руку.

Дверь вела в сводчатое помещение, побеленные стены которого мерцали в свете звезд, проникавшем внутрь через отверстие в крыше.

Мужчина стоял на коленях рядом с низким, проходившим по кругу каменным карнизом. Свет, отражавшийся от поверхности воды в Источнике, плясал на его покрытом шрамами лице. Он обхватил рукой вспухшее запястье. Оно было сломано; я видела выступавший осколок кости под напряженной бескровной кожей. Его глаза смотрели на меня с неприкрытой ненавистью. Я подняла парализатор и прицелилась.

— Вы не смеете его убивать, он находится под защитой Богини! — настойчиво сказала Рурик.

— Я не собираюсь никого убивать. Я хочу его лишь оглушить.

— Вам нельзя даже прикасаться к нему!

— Не говорите мне, что мне можно делать.

— Т'Ан Командующая... — Вбежал Кем и остановился, чтобы осознать ситуацию. Я услышала, как приближались еще чьи-то шаги. Во мне все еще боролись жажда отмщения и тот, испытанный мною в келье животный страх.

Все выглядело как практическое занятие на Земле, на котором отрабатывалась защита без оружия от ударов деревянной палкой. Но там результатом ошибки были синяки, здесь же... Рукав рубашки раздражал рану, хотя тонкий порез уже не кровоточил. Я не могла всерьез поверить в то, что кто-то пытался убить меня длинной, острой металлической рапирой.

— Он находится под защитой Богини, — повторила Рурик.

Риавн и Браник подошли ближе, другие последовали за ними. Кем и Хо-Телерит сдерживали их.

— Вы полагаете, что если он находится здесь — в этом помещении, — то вы ничего не сможете с ним сделать? — спросила я.

— В Доме-источнике? Этого я не могу. Я уже и так слишком далеко зашла. У меня бы появились большие сложности даже как у Т'Ан Командующей, если бы я предприняла нечто большее. — Она бросила взгляд через плечо. Риавн и Браник смотрели на нее с неподвижными лицами. — Сутафиори была бы на моей стороне, но у нее нет ни малейшей заинтересованности в том, чтобы я спровоцировала конф-

ликт между нею и Церковью. У нее уже достаточно проблем только потому, что она позволила вам прибыть сюда. Нет, я думаю, что воздержусь.

Боль пронизывала мою руку до кости. Мне стало страшно. От раны может начаться гангрена. Рука у Рурик была ампутирована после ранения, которое сначала выглядело ничуть не хуже.

— Я не связана вашими законами и не буду его убивать. Я хочу только достать его оттуда.

Рурик не отпускала мою руку:

— Если вы в доме Богини воспользуетесь оружием Народа Колдунов...

— Это оружие не имеет никакого отношения к Золотому Народу Колдунов, это концентратор и усилитель звуковых волн!

— Я это знаю. Но любой между Стеной Мира и Внутренним морем назвал бы вас лгуньей. Достойно сожаления, что вы не носите при себе харур. — В ее голосе слышалось нескрываемое презрение.

— У меня нет ни малейшего желания бегать повсюду с полуметровым мясницким ножом, и вам это хорошо известно. — Тут меня осенило, что мне не пришлось бы приводить подобный аргумент, имей мой противник возможность воспользоваться харур-нацари в придачу к харур-нилгири, когда мне удалось захватить его руку.

— Убить его было бы неразумно в любом случае. Если вы восстановите против себя Церковь, то это не обрадует ни ваше, ни мое правительство, — сказала она и ослабила пальцы, сжимавшие мою руку. — Это было лишь его несчастьем, что он не убил вас в первый раз.

— Несчастьем?

Здесь, очевидно, прорвался ее темперамент профессионального воина, что она и попыталась сгладить:

— Несчастьем для него. Для вас это было счастьем.

— Я все же рада, что вы так думаете.

Она разглядывала мужчину, который не подавал виду, что слышит нас.

— Я оставляю здесь Хо-Телерит и ее людей, чтобы они охраняли его. Он либо примирится со своим положением, либо попытается сбежать, а в этом случае стража сможет доставить его к нам.

— Он может и улизнуть от нас. Нам следовало бы по крайней мере узнать, кто его послал.

Рурик пожала плечами, однако вошла в дверь и задала несколько вопросов. Он ни разу не пошевелился и ничего не ответил. Рурик вернулась и дала знак Кему, стоявшему на страже у двери.

— Я бы сказала, что это наемник, нанятый в Имире или в Римоне, судя по одежде... Тип его харур-нилгири — характерный для Южного Римона. Его отыскиали в Таткаэре и подкупили, чтобы преследовать нас. Надеялись, что ему легко удастся совершить убийство.

Сейчас, когда все было позади, я почувствовала, что у меня в желудке стоит крупный комок.

— Кто бы это ни был, посланник СуБаннасен или кто другой, он не попытается еще раз это сделать, — продолжала Рурик. — Не попытается, потому что мы сейчас к этому готовы. И скоро мы вытянем из него имя заказчика.

— Значит, мы продолжим свой путь на Ремонде? — Я не могла усмотреть никакого преимущества в том, чтобы вернуться в Таткаэр.

— Да. Мы — солидные враги, если подготовлены. — Она улыбнулась мне без какого-либо раздражения. — И даже вы, С'арант.

Это было определение, которое я слышала у всадников, но после Теризона оно приобрело иное звучание. Марик перевел его как «без меча». Я вспомнила, что уже давно сказал мне Герен: это — единственное обстоятельство, которое могло бы восстановить против меня ортеанцев.

У всех обитателей Южной земли есть прозвища. Рурик называли Желтым Глазом. После этого происшествия меня стали звать Кристи Без Меча.

Боль в моей руке сохранялась, пока рана не зажила, но меня надолго напугала реакция, которую во мне вызвало покушение.

* * *

Успокаивающее средство подавило боль, но ничто не могло заставить меня уснуть в оставшуюся часть этой ночи. Через некоторое время, когда мне стало ясно, что бессмысленно пытаться заснуть, я лежала в кровати и наблюдала за кусточком неба, который видела в окне: звезды, появление первого света утренних сумерек, а затем и постепенную победу света.

Я не чувствовала... ни страха, ни гнева, ни испуга или волнения. Более того, мне казалось, что я пробудилась для какого-то более высокого состояния, в котором я более не зависела от потребности человека во сне. Я думала, что последствия шока являются одними и теми же, безразлично, положительной или отрицательной была его причина.

Теризон исчез в тумане раннего утра. Дымка опустилась с голубого небосвода. Мы ехали по торфянистой пустоши между кустарниками птицекрыла и мхами, усыпанными тысячами цветков. Белела покрытая росой паутина зирие. Дул прохладный ветер, несший с собой запах влажной земли и резкие крики рашаку. Утро было до боли в глазах ярким: давала себя знать бессонная ночь.

— Судя по карте, к северу от этого места мы можем двигаться дальше по одной из Древних Дорог. Это ускорило бы наше продвижение вперед. — Пятки Рурик сжали бока Гэмбла, и ее мархац пошел рядом с Гером. Глухо и огорченно она продолжила: — О груди Матери-Солнца! Да что с вами случилось? Вы ведете себя как женщина после первого боя.

— Я... ну да, я думаю, дело в том, что это действительно был мой первый настоящий бой.

— И вы хотите, чтобы я в это поверила?

— Да, мне впервые пришлось на практике применять боевую подготовку. Я как-то не думала, что это когда-нибудь пригодится. — Гер зашипел, рассерженный тем, что ему пришлось идти по грязи, и я, наклонившись вперед, погладила его между рогами. — Я не знаю, как мне себя вести. Ваши люди относятся ко мне настолько по-разному...

— Они этого ожидали. — Ее проницательность и остроумие были при ней. — До настоящего момента они воспринимали вас и ваших соплеменников как своего рода перезревших аширен. Теперь же они знают, что вы такие же, как и мы, и что мы отличаемся друг от друга только методами действий.

Лицо со шрамами преследовало меня. Это лицо и звук переламываемой кости.

— У меня нет склонности к насилию.

— У меня тоже, — ответила ортеанка, — и я никогда не буду жестокой, если в этом нет необходимости.

— И это говорит Т'Ан Командующая?

Она горько рассмеялась:

— Я — не женщина из племени варваров, меч которой не просыхает от крови. Я всегда принимаю участие в игре, состоящей в том, чтобы избежать столкновения. Но уж если потребуется, то я быстрее завершу спор в свою пользу, чем кто-либо. Это и есть та причина, по которой Сутафиори сделала меня Т'Ан Командующей.

Мы потеряли часть дня, когда одна повозка увязла в болотистой почве, но затем двигались вперед довольно хорошо и к середине второй половины дня достигли ровного места, где росли деревья лапуур. Рурик объявила привал.

— Вон там, — сказала она, когда мы вышли из желто-зеленых зарослей лапуура, — проходит Древняя Южная Дорога.

Сначала я увидела только ровную полосу грунта, но потом обнаружила, что она уходила, словно проведенная по линейке, прямо к горным хребтам на севере. На юге она исчезала в болотах. Полоса укрепленного грунта шириной около тридцати футов прорезала дальние холмы.

— То поколение сооружало дороги там, где ему нравилось, а не где для этого была пригодная местность, — сказала Рурик. — Кому не хотелось бы по ней ехать, но я хочу сэкономить время.

Я подошла поближе, чтобы лучше разглядеть, что это было.

Поковыряв ножом землю, я обнаружила слой почвы толщиной около двадцати сантиметров, под которым была скальная порода. Расчистив достаточно большой участок, чтобы рассмотреть его поближе, я натолкнулась на гладкую поверхность из серо-голубого камня, на котором не смогла сделать своим ножом ни малейшей царапины. Там имелась линия, которая была слишком прямой, чтобы представлять собой трещину. Два камня были таким образом состыкованы друг с другом, что я не могла их разделить; здесь проходила мощеная дорога.

— Вы достаточно покопались в грязи? — спросила Рурик, управившись с едой и неспешно подходя ко мне. — Мы готовы трогаться.

— Да. Нет. Как давно построена эта дорога?

Она покачала головой:

— Легенда говорит о том, что они появились во времена правления Сандора, Последнего Повелителя. Не имею понятия. Они существовали задолго до падения Золотой Империи.

Три, а может быть, четыре тысячи лет! Я встала и стряхнула пыль с коленей, пораженная таким возрастом.

— Если мы... — Она не договорила и пристально посмотрела назад, на пустошь. — Хо-Телерит. Быстро. Помедленнее, дорогая, ваш мархац может ступить в яму! Погодите... только шесть всадников?

Она бросилась бежать к повозкам.

Когда я пришла туда же, всадники слезали со своих животных, а Хо-Телерит стояла рядом с выражением досады на лице.

— А вы скоры, — одобрительно сказала Рурик.

— Мы выехали вскоре после вас, — объяснила Хо-Телерит. — Мы потеряли его, Т'Ан Командующая.

— Каким образом?

— Он исчез после звона в середине утра. Мои люди говорят, что он не проходил мимо них... Я им поверила. Из Дома-источника есть не один путь, Т'Ан, особенно если помогает священник.

— Браник, — сказала Рурик, сжав рукой ремень, на котором висел меч. — Эта вечно колеблющаяся, безземельная женщина!

Хо-Телерит кивнула.

Я спросила:

— Вы думаете, она позволила ему уйти?

— Позволила уйти? Она, пожалуй, дала ему мархаца. Браник знает, что я не могу подать жалобу; отношения с Церковью и без того довольно натянутые. — Рурик наморщила лоб, затем тряхнула головой. — Хорошо, Хо-Телерит. Кем, я бы хотела немедленно трогаться.

— Может, Браник заплатили? — Я начала становиться недоверчивой, как обитательница Орте.

— В это я не верю. — Она свистнула Гэмблу. Подошел Марик с Гером. — Просто мне дают знать, что в Теократическом Доме не ценят закон харура. И я не могу ничего против этого предпринять. Давайте в путь. Чем дальше я смогу уехать от этих заговоров юга, тем лучше я буду себя чувствовать.

Древняя дорога два дня вела нас на север, это почти восемьдесят зери по болотистой пустоши. На третий день мы переправились через реку Тулкор в том месте, где она сливается с Тури. Мы прибыли в местность с низкими холмами и огненно-красными лесами зику и стали двигаться в северо-восточном направлении, чтобы следовать вдоль реки Тури в Северный Имир.

Местность, по которой мы ехали, поражала своей необычностью, она была почти полностью покинута населением. Если бы нам не попалось несколько возделанных полей, то я бы сочла ее за необитаемую. Мы проехали много зери, прежде чем миновали одну из телестре, выглядевшую как сплошной ряд оборонительных сооружений, и от нее до следующей было немалое расстояние.

Я привыкла к равномерности поездки, к тому, чтобы вставать в самую рань и ехать верхом до появления звезд с перерывом на полуденный привал. Иногда мы пользовались пра-

вом гостя и спали в какой-нибудь телестре, иногда же — в одном из редко посещаемых общественных домов. Но чем дальше мы продвигались на север, тем чаще всадники разбивали лагерь под открытым небом, ставили палатки и разжигали костры, как прирожденные кочевники. Если поблизости не было телестре, где можно было бы взять пищу, разведчики были заняты в большей мере охотой, нежели разведкой.

В Пятый день Первой недели Штатерна мы достигли Салмара, который обычно называют самой северной телестре, говорящей по-имирски. Это был четырнадцатый день с того момента, как мы покинули Таткаэр.

— Я люблю перерывы во время поездок, — сказала Рурик, когда мы бродили по полям возле Салмара.

Под защитой кустов птицекрыла рядами стояли ульи. Это были похожие на пчелиные ульи домики для червей хирит-гойен; во всяком случае, это относилось к двум или трем из нескольких разновидностей этих существ. Многие из северных телестре занимаются разведением хирит-гойен и производством тканей из их нитей. А если не червями, то разводят пауков-бекамилов.

— Но я не приостановила бы поездку, если бы предвидела такое. — Рурик усмехнулась. — Пятикратные и трехкратные роды в течение нескольких дней — неудивительно, что они сейчас особенно стараются!

Я представила себе полное крушение жизненного распорядка, если бы у кого-то из моих знакомых родились тройняшки. Но община Салмара, телестре, насчитывавшая около двухсот жителей, легко с этим справилась.

— Наверное, для вас это является нормальным, — сказала я, — когда сразу рождается по четыре или по пять детей. У нас обычно рождается только по одному!

Она посерьезнела.

— У меня были одиночные роды.

Яркое солнце играло на серебристых нитях паутины, натянутой хирит-гойенами. Мы пошли обратно к хлеву по мшистой траве.

— Сколько же раз у вас рожают в течение жизни? — пораженно спросила Рурик.

— Без предохранительных средств? Это было уже давно, но... моя прапрабабушка была девятым ребенком в семье, имевшей восемнадцать детей.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Я уже спрашивала себя, почему вас так много.

— А как это выглядит у вас?

— Двое родов, — ответила она. — Иногда трое, но часто лишь одни. При этом выживают не все дети.

Это подтверждало то, что говорил Адэр. Принимая во внимание войны, частые несчастные случаи, болезни и примитивный уровень медицины, я сомневалась в том, что Орте когда-нибудь столкнется с проблемой перенаселенности. Я мысленно отметила для себя, что к предложениям в моем отчете нужно добавить ослабление мер карантина.

— Боже мой, пятерняшки, а потом тройняшки, — проговорила я. — Эти последние выглядели здоровыми. Но три девочки сразу — это бедствие.

— Есть, наконец, еще отец и кормилицы, чтобы справиться с этим делом. Вероятно, мать сама будет кормилицей одного из пятерых. — Когда мы пришли в хлев, она остановилась и пристально посмотрела на меня. — Что вы имели в виду под «девочками»?

— Новорожденные были девочками, разве не так? — ответила я.

— Это были аширен. Как вы можете определить пол кир до того времени, пока ке не выросло?

Это было так просто. Я стояла под жарким солнцем, слушала шипение мархацев, ощущала запах дыма, шедшего от кузницы, и думала: «Адэр, тебе нужно было лишь спросить...»

— Вы имете в виду, что ваши дети рождаются с одним полом? — недоверчиво спросила Рурик. — Они появляются на свет сразу взрослыми?

— А вы хотите сказать, что у ваших это иначе?

Возникла одна из тех безмолвных ситуаций, какие всегда имели место, если мы начинали говорить о специфических

различиях между нами. Как раз в этот момент мимо нас проходил Марик, занятый навьючиванием Ору, и весело помахал мне рукой.

— Он...

— Ке остался примерно год до превращения, — сказала Рурик. — Аширен развиваются во взрослых обычно в четырнадцать лет, а потому в этом возрасте подвержены заболеваниям. Кристи... если ваши аширен рождаются с одним полом, откуда тогда вы узнаете, когда они вырастают?

— Происходят определенные изменения. В этом нет ничего примечательного.

Я наблюдала за Мариком, стоявшим рядом с Ору и державшим его голову, пока кузнец поднимал задние копыта животного. Было что-то в его губах, в глазах... Да, я могла бы принять его за девочку. Но мое первое впечатление, что это был мальчик, не совмещалось с подобной возможностью. Я могла считать Марика мальчиком или девочкой, но не могла, как ортеанцы, воспринимать кир как нечто среднее. Существовало «либо — либо». И когда я поняла это, мне стало понятно, почему такое не было замечено ксеногруппой. Это был тот самый вопрос, который себе не задавали. Либо — либо.

Ничто не остается личным в этих телестре. Мне казалось, что я каким-то образом стала частью Южной земли, тогда как Адэр, Элиот и остальные были изолированы в Таткаэре.

Как можно вырастить ребенка, если не знаешь, какого он пола? Сформированная традицией часть моего сознания протестовала. Но я поняла, что этот вопрос почти так же не представлял для меня значения, как и для Рурик. Поэтому я перестала о нем думать.

После Салмара холмы остались позади. Местность становилась более ровной и плодородной, ее пересекали изгибы рек, встречалось много трехкрылых ветряных мельниц, характерных для Ремонде. Мы ехали извилистыми дорогами между полями, урожай на которых уже был убран и увязан в

снопы. Этот период Штатерна был приятен, однако ночи становились уже ощутимо прохладными.

Далее по пути на север мы ехали через яркие, как пламя, пастбища, по которым бродили двурогие скурраи. Два дня мы путешествовали по янтарно-желтым травам под небом цвета яичной скорлупы, сопровождаемые лишь шипящими криками животных. Телестре здесь были обширнее, а ортенцы — более замкнутыми. Может быть, причина заключалась в том, что мой ремондский был хуже имирского, но они оказывали гостеприимство Т'Ан Командующей армией Южной земли.

Горизонт снова окаймляли зубцы горных вершин, когда мы прибыли в первые лесные телестре Ремонде. Деревья тукинна, развесистые и высокие, имеют кривые ветви, снабженные розетками из плотно скрученных серо-зеленых листьев. Под ними не растет ничего, кроме мшистой травы и золотистого папоротника. Телестре живут здесь либо заготовкой строевого леса, либо охотой.

Мы располагались лагерем на полянах и оставляли на ночь костры. Тишина под сияющим звездным небом прерывалась рычанием и воем зверей и отвратительными криками рашаку, но наша группа была слишком большой, чтобы подвергнуться нападению.

Рана постепенно заживала. Я натирала ее мазью, чтобы сохранить гибкость руки, и при необходимости принимала болеутоляющие таблетки. Перик, одна из разведчиц, предложила пожевать листья атайле, но я отказалась, потому что не знала, как это могло подействовать на органы чувств земного человека. Мы с ней часто ехали рядом, тут же был и Марик с другим разведчиком по имени Вайл. Мы говорили о бое без оружия, который я им демонстрировала, и о тонких фехтовальных приемах в бою на харурах, которым они старались меня научить.

Однако обе стороны были плохими учениками.

Придорожные камни попадались редко, но нам тем не менее удавалось не отклоняться от маршрута. Рурик была вынуждена настаивать на ускорении движения при хорошей

погоде. Через шесть дней езды по густому лесу колонны прибыли в Ремонде, где на западе возвышались голые холмы. Отсюда мы направились в глубокие каньоны, прорытые рекой. Следующей ночью мы добрались до общественного дома под Темуту на реке Берут.

— Смотрите, — сказал Марик, — они слишком далеко, чтобы их можно было достать стрелой. Но я думаю, что сейчас нам ничего не придется убивать.

Внизу, под тукиннами, я сначала заметила только согнутые спины, затем поднятые головы, а после этого — в тот момент, пока они еще не убежали — размеренно двигавшихся поджарых животных величиной со скурраи. Их шкуры на спинах были бурого цвета. Они приподнимались на мощных задних лапах, тонкими же передними обрывали молодые побеги и отправляли их в рот. Я смотрела на них, пока животных не спугнули.

— Что это за животные? — поинтересовалась я у Марика.

Он указал на бурый мех на седле Ору:

— Виращу.

Дорога, извиваясь, приближалась к реке, и шум воды не давал возможности говорить. По обеим сторонам возвышались крутые, поросшие лесом стены ущелья, а на узкой полосе неба ярко светились дневные звезды. Над скалами висела тонкая пелена водяных брызг.

Я ехала впереди рядом с Рурик, следом за мной двигался Марик. На нем были красивая чистая туника и начищенная до блеска обувь.

Группа покинула телестре лишь около полудня, потому что нужно было почистить сбрую и мархацев. Все надели свою долго сохраняемую последнюю чистую одежду. На Рурик была коричневая мантия из бекамиловой ткани, украшенная золотым кантом, на поясе блестели все знаки отличия. Мне пришлось пойти на компромисс; на мархаце невозможно ездить в официальном костюме. Итак, я решила надеть форменный китель и имирские брюки.

Мы пересехали через реку по широкому каменному мосту и двинулись по тропе, выложенной камнями в том месте, где

расширялось ущелье. Из сланцевых отложений пробивались голубые пучки тысячецвета. На крутых склонах росли тукинные, они лезли из влажных расселин. Река здесь текла более спокойно.

Во время езды я слышала пение, звук был таким, как будто кто-то проводил пальцем по краю бокала. Это был ветер, скользивший по скрученным листьям тукинны. В воздухе ощущался резкий привкус металла.

Запахи особенно хорошо сохраняются в памяти. Я остановилась, и на меня нахлынули воспоминания: жара на улицах в разгар лета, когда мне еще не было и пяти лет. Мысленно окунуться в то тепло, потом открыть глаза и увидеть бледные тени севера...

...и понять, что поднимавшаяся с реки дымка несла с собой не ощущавшийся до того аромат тукинн и что запах этой растительности чужого мира был подобен тому, что я чувствовала на улицах, гудронное покрытие которых размягчается на Земле в жаркие летние дни. И этот запах вернул меня в детство.

Даже самое солидное нечто, само собой разумеющееся, может изменяться и превращаться в нечто необычное.

Дорога сделала резкий поворот на север.

Был Девятый день Первой недели Штатерна. Это был двадцать шестой день с того момента, как мы покинули Таткаэр, день поста перед осенним солнцестоянием. Я въезжала в Корбек по мосту в месте слияния Беруфала и Берута.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 9. Гостеприимство Т'Ана Ремонде

— Кристи?

— Я здесь, снаружи.

На балконе рядом со мной появилась Рурик. На ней было одно из этих длинных ремондских пальто без воротника; оно было расстегнуто, и под ним виднелась дорогая подкладка из меха зилмеи. Утро было свежим, и это ощущалось даже в комнатах, где в чашах тлели угли.

— Я подумала, что мне следовало бы рассказать вам об этом. Сегодня вечером после праздника солнцестояния я уйду. Завтра рано утром я отправлюсь к Черепному перевалу.

— Я не ожидала, что вы уедете так рано.

— Я хотела бы поговорить с Асше, комендантом крепости. Он мой старый друг. — Она прислонилась к железным перилам и окинула взглядом Корбек. — Хотела бы услышать от него, что он обо всем этом думает... Конечно, гарнизон снабжается телестре, расположенными к северу отсюда, но он время от времени приезжает и в Корбек. И к тому же мне так и так нужно нанести ему официальный визит... Обитатели Пустошей сейчас спокойны, но он считает, что варвары планируют новую серию нападений.

— А Корбек? — Это было самым важным.

— Вы сами это увидели, когда сюда прибыли. Здесь всегда были проблемы, даже восемь лет назад, когда я была здесь в последний раз, но никогда, ни разу не было так плохо.

Под нами, раскинувшись, лежал Корбек. Это было скопление башен и куполов из бледно-серого камня. Мороз побелил кованые железные решетки и балконы. По немощным дорогам гроыхали повозки. Отсюда можно было видеть пологие холмы, тянувшиеся вдоль реки Беруфал до водяных мельниц, и лодки на реке Берут.

Плотный утренний туман висел над обеими реками, как вата, горизонт был серым, и лишь на небе виднелись звезды и рассеянный солнечный свет. Не забылись, но прочно запечатлелись в моей памяти деревянные хижины и тонущие в грязи трущобы в том месте, где сливаются реки.

— Всегда есть несколько безземельных мужчин и женщин, — признала ортеанка, — и я думаю, невозможно предотвратить то, что они стремятся в города. Но так много — и с аширен! Что об этом думает Хранитель Источника?

— А что мог бы предпринять против этого Хранитель Источника?

Она резко повернулась ко мне, согнувшись, словно для нападения.

— Он может разослать Говорящих-с-землей, которые смогут узнать, почему те покидают свои телестре! Или найти новые телестре, в которых те смогут стать н'ри н'сут. Обучать их в городе как л'ри-анов! Для чего же тогда нужны Хранители Источника?

Она ходила по выложенному каменными плитами полу, не замечая, вероятно, что была босой. Ее единственная рука охватывала рукоятку хатура.

Когда она снова посмотрела на меня, темные ее глаза прояснились и она немного успокоилась.

— Мне жаль, что накричала на вас. Но мне не нравится то, что я здесь вижу, и я бы желала, чтобы этого не видели и вы.

— До сих пор я не видела на Орте настоящей бедности, это верно. Но я была готова к тому, чтобы увидеть подобное.

— Разве вы считаете такое неизбежным?

Да, я думаю, что так это и было. Я помню то время, когда на улицах Лондона еще не было нищих. Однако трущобы Корбека — несмотря на всю их грязь — по крайней мере действовали, жили.

Солнечный свет полз вниз по крутому берегу, освещая окна и балконы жилищ, вырубленных в скале. Наши резкие, черные тени падали на полукруглый свод, за которым находились комнаты.

— Как долго вы будете отсутствовать? — спросила я.

— Скажем, восемь или девять дней езды на север, там мне нужно пробыть несколько дней... Ждите меня в начале Четвертой недели Торверна, если сохранится хорошая погода. — На ее лице появилось прежнее выражение. — Сейчас я пошлю всадника с донесением на юг, чтобы дать знать Сутафиори, как здесь обстоят дела. Не то чтобы она смогла здесь что-то изменить... Она должна быть в курсе дела.

— Может, мне поехать с вами обратно в Татказр, — предложила я, когда мы вернулись в комнату с низким потолком. — Примерно через три недели я закончу здесь все свои дела.

— Конечно, почему бы нет? — согласилась она.

Однако этому никогда не суждено было случиться.

Ремондцы играют на своих колоколах замечательные мелодии. Над городом прозвучал короткий перезвон, возвестивший о заходе солнца. Я быстро причесала волосы перед зеркалом в человеческий рост, изготовленным из кованого серебра, и не могла при этом сдерживать улыбки. Коварное солнце Каррика покрыло загаром неприкрытые руки и лицо, но все остальное осталось таким же бледным. Я была разноцветной. Змеинная кожа ортеанцев не подвержена загару.

И я снова облачилась в официальную одежду: темная блузка и жакет. Это было платой за возможность проживать в цивилизованном городе. Но я все же была рада, что нахожусь здесь, а не на проселочной дороге, в грязи, атакуемая насекомыми и без горячей воды.

Я спустилась вниз по анфиладе лестниц, вырубленной внутри скалы и ведущей наружу, туда, где ждал Марик с Ору и Гером. Мы поехали по грязным улицам до конца крутого берега. До резиденции Т'Ана Ремонде было около одного зери или чуть больше. От нашего дыхания в воздухе образовывались облачка пара. В холодном воздухе порхали последние зирие уходящего года.

Рурик ехала впереди на Гэмбле, она поднялась от берега реки и не была расположена к тому, чтобы много говорить.

Понижавшаяся линия скалистого берега незаметно перешла в стены дома Т'Ана Ремонде. Мы повернули и въехали в пробитый в скале туннель. Выехав из-под низких сводов, мы оказались в естественном амфитеатре, образовавшемся на одной стороне утеса, в обширном внутреннем дворе, окруженном зданиями с куполами и круглыми башнями. Главные порталы зала были открыты, через них на богато украшенные бассейны и источники падал свет, а взглянув вверх сводчатого фасада зала, я увидела за ним и купол Дома-источника, венчавшего собою утес.

— Марик, — мягко сказала Рурик, когда мы спускались вниз, — ты сегодня вечером в зале являешься л'ри-аном посла. На кухнях ты слушаешь во все уши, тебе понятно?

Он кивнул, взял за поводья Гэмбла и других мархацев и повел их в хлев.

— А что, по вашему мнению, он мог бы услышать? — спросила я с любопытством.

— Если бы я это знала, то не послала бы его туда. — Она усмехнулась. — Хорошо. Он будет слушать то, что не будут говорить, когда поблизости находятся посол или Т'Ан Ремонде. При этом можно узнать кое-что полезное.

«Снова игра, — подумала я, — вездесущие интриги, разыгрываемые в телестре, между телестре, между городами... а сейчас, может быть, и между мирами».

— Т'Ан Командующая. — К нам подошел и поклонился полный ортеанец. — Т'ан посол. Проходите, пожалуйста.

Он провел нас через приемную в главный зал. Я узнала его, он был и в составе приемного комитета в предыдущий день.

Он был средних лет, необычайно полон для ортеанца и носил темную гриву в форме гребня. Типичная для Ремонде одежда, длинная туника и широкие брюки, заправленные в короткие сапоги, дополнялись мехом вирацу и поясом, унизанным драгоценными камнями размерами с лесной орех.

Его шестипалые руки были перегружены кольцами и перстнями, на шее у него висела гравированная серебряная цепь, и даже рукоятки его харур-нилгири и харур-нацари были бога-

то украшены камнями. Его имя я вспомнила, порывшись в своей памяти: Верек Ховис Талкул. Телестре Талкул в настоящее время была ведущей в Корбеке.

— Рурик! — К нам подошел пожилой мужчина, взял ее за руку и окинул военачальницу взглядом с головы до ног.

— Т'Ан Колтин.

— Ах, узнаю вас, деловых южан, — вздохнул он, заметив простоту ее одежды. Единственными ее украшениями были прикрепленные в ряд к поясу знаки отличия. — Я приветствую вас. А также и вас, посол. Проходите, усаживайтесь рядом со мной.

При ходьбе он опирался на руку Ховиса. Телвелис Колтин, Т'Ан Ремонде, был самым старым ортеанцем из всех, каких я до сих пор видела. Его грива была седой и редкой, глаза полузакрыты, а тело казалось сморщенным до костей. У него были узкий подбородок и широкий лоб; лицо ортеанца не очень походило на земное, если изучать его детально.

Слово «садиться» вводило в заблуждение; ортеанцы здесь едят, расположившись на низких кушетках. Мы отыскивали себе путь между ними. При знании имирского языка можно было легко изучить и ремондский. Колтин шагал медленно, часто останавливался, чтобы представить других членов телестре. Имена располагались в моей памяти сами собою. В зале было более сотни человек, от аширен до взрослых и стариков. И все принадлежали к одной семье: братья, сестры, дядя, матери, кузены и н'ри н'сут. Родственные отношения в телестре являются всеобъемлющими и сложными.

В середине зала было сделано большое углубление для огня, и ниже нас вокруг него ходили л'ри-аны, поворачивая мясо на вертелах.

Ховис помог Т'Ану Ремонде расположиться на его кушетке, а все мы разместились на кушетках вблизи него. Я заметила преобладание коричневых мантий; присутствовали как Говорящие-с-землей, так и Хранители Источника.

Пришел Марик с вином для нас с Рурик.

— Верек Сетин Талкул. — Ховис представлял свою родню. Сетин была худой женщиной, не молодой и не старой. — Моя сестра. Сетин Фалкир, ее сын. Говорящая-с-землей Телук. Хранитель Источника Арад.

Фалкир был изящного вида холодным молодым мужчиной лет двадцати пяти, Телук — темногривой женщиной, несколько старше, а Арад был сверстником Ховиса, но в отличие от него худым.

— Телук? — повторила Рурик, когда л'ри-аны подносили круглые блюда. — Я была знакома с одной Телук н'ри н'сут Эдрис на Черепном перевале несколько лет назад.

— Я была вашей заместительницей в течение одной зимы, Командующая... Т'Ан, я хотела сказать. — Женщина засмущалась и поменяла позу. — Это было в тот год, когда напали кочевники из Симмерата.

— Припоминаю. Восемь, нет, девять зим назад. Да-да. И вы теперь Говорящая-с-землей, а не из телестре Эдрис?

— Уже шесть лет. Меня пригласили. Большую часть времени я работаю на восточном побережье, но на зиму поднялась вверх по реке.

— На зиму, я не ослышался? — осведомился Хранитель Источника, и женщина прикрыла глаза. Принесли яства, и я только слышала, как Рурик тихо расспрашивала Телук о положении в Восточном Ремонде, но не могла понять, что та отвечала.

Л'ри-аны подавали большие куски жаркого из вирацу и зилмеи с корнеплодами и черным хлебом, а затем рыбу с побережья и моллюсков хура, обитающих в реках.

Я ела мало и почти не пила, чтобы иметь ясную голову. У ортеанцев не существует табу на деловые разговоры за едой, и я действительно иногда думала, что они едят вместе только по этой причине.

В железных подставках, выгнутых в форме запутанных петель и дуг, было размещено множество свечей. Их свет играл на браслетах, на мечях харур и щитах, на жемчуге, вплетенном в гривы ортеанцев. Каменный пол был выложен узорами. Здесь, возле огня, где мы лежали, было тепло; люди придвинули сюда свои кушетки со сквозняка возле дверей.

— Вы проделали долгую дорогу, посол, — сказал Ховис, когда вторично было подано вино. — Сколько времени требуется на поездку между мирами?

— Девяносто дней от моего мира до вашего. Конечно, наши дни короче, чем ваши.

Казалось, он был удовлетворен таким ответом. Я не стала распространяться о подробностях устройства сверхсветовых кораблей — сверхсветовой привод работает всегда без временной задержки, нужно лишь достаточно удалиться от поля тяготения звезды, чтобы им можно было воспользоваться, а для этого требуется время.

— А чтобы послать сообщение к вам домой?

— Ровно столько же.

Это не изменится, пока у нас не появится передатчик, действующий через сверхсветовое пространство.

— Долгая ссылка. — Он сочувственно покачал головой.

— Я рада находиться здесь.

— А ваша телестре? — спросила Сетин.

Вопросы, которые задавали мне ортеанцы, вскоре неизбежно следовали определенному шаблону: как выглядит ваша телестре, почему вы живете отдельно от вашей семьи, на какой земле вы живете (понятие «владеть» исчезло из моего лексикона), каким оружием вы пользуетесь, сколько у вас аширен, кто ваш арикей, кто ваш с'ан телестре, что скрывается за обычаем «бракосочетания» и как выглядит на Земле Двор?

Когда я поговорила с Сетин, осталось не более чем обычное количество недоразумений относительно ремондских понятий.

Ее кожа имела странный оттенок, а под подернутыми пеленой глазами были темно-коричневые тени. Несколько позже она извинилась и ушла, а я заметила, как ее провожал встревоженный взгляд Ховиса. Старик, Колтин, казалось, не заметил этого; он был погружен в беседу с Рурик. Я пришла к выводу, что Сетин была больной женщиной.

— Вне сомнения, мы кажемся вам примитивными. — В голосе Ховиса чувствовалась некоторая резкость. — У вас и ваших соплеменников, которые могут покидать свой мир, конечно, имеются в распоряжении более простые методы достижения определенных целей. Например, в горном деле. Есть много горных и лесных телестре, которые были бы рады узнать, как вы добываете металл и камень.

— Боюсь, что я несведуща в таких делах, — ответила я и обратила внимание на этого мужчину. — Другие мои сопле-

менники — мои коллеги в Таткаэре — могли бы более квалифицированно рассказать вам об этом.

— Не придут ли они сюда? — спросил он.

— Это вполне возможно. — Рурик прервала свой разговор с Т'Аном. — Когда у Сутафиори в руках будет отчет Кристи. Сама я не согласилась бы с этим, но...

— Вы не согласны?

«Возражение Ховиса было неучтиво поспешным», — подумала я. Внешний лоск его благовоспитанности был впечатляющ, однако чрезвычайно тонок.

— Не поймите меня неверно. Я доверяю Кристи. — Рурик улыбнулась мне. — Мне даже нравятся некоторые из ваших соплеменников в Таткаэре. Но разрешить вашим людям, которых мы, в сущности, не знаем, свободно ездить по Южной земле — это представляется мне опасным.

Значит, мне не удалось ее переубедить. И я не была уверена, действительно ли я этого хотела. В случае с Орте поспешность была определенно неуместной, и это можно будет ясно прочесть в моем отчете.

— Мы получим большую пользу, если примем людей Кристи, я в этом уверен. — Ховис был сама любезность. — В особенности потому, что Ремонде бедна и что нам приходится охранять Стену Мира, поскольку есть племена, которые нападают на нас и хотят отнять у нас то небольшое, что мы имеем.

— Это опять возвращает нас к методам, — язвительно заметил молодой мужчина, Фалкир. — У ваших людей, как я полагаю, есть оружие, которое может превратить наши харуры и арбалеты в бесполезные игрушки?

Ховис бросил на него раздраженный взгляд. Сын Сетин был строен, носил подстриженную гриву и судил обо всем с известной непредвзятостью.

— Мы прилетели сюда безоружными, как друзья, — ответила я и заметила на лице Ховиса быстро скрывшееся выражение алчности. — Это наш высший закон.

— Значит, вы не берете с собой оружия в другие миры, — прозвучал низкий голос Арада, — но при этом несете с собой весть от людей, не живущих по заповедям Богини, а это куда опаснее любого оружия.

— Мы пришли к вам с чистыми помыслами и говорим лишь правду.

— А кто сказал, что правда не опасна? — спросил Фалкир и рассмеялся.

— Ложь куда опаснее, — мягко проговорила Телук, — а для лжецов она опаснее всего.

Я чувствовала, что между всеми ними существовала скрытая враждебность: между Ховисом и Арадом, между Фалкиром и Телук. В ее основе лежало нечто, что было известно им, но не нам. Я поймала взгляд Рурик. Она многозначительно посмотрела на Колтина.

Т'Ан Ремонде лежал, откинувшись на подушки, и смотрел отсутствующим взглядом на огонь. Сначала я приняла это за рассеянность старого человека. Потом заметила тонкую струйку слюны, вытекавшую из уголка его рта. Глаза его были полностью закрыты мигательными перепонками.

— Т'Ан спит, — сказал Ховис и позвал л'ри-ана, который увел Колтина из зала, при этом он почти нес его. — Я надеюсь, вы его извините сегодня вечером; он старый человек и очень утомлен. Я сейчас вернусь.

Когда они ушли, в зале возникла короткая пауза. Затем снова зазвучали флейты, и с другой стороны огня, где сидели аширен, послышалось пение.

Под предлогом подвинуть поближе кушетки, Рурик наклонилась ко мне и сказала:

— Спит? Старик дряхл! Совсем недавно я не могла бы это утверждать, но когда мы с ним говорили, он думал, что находится в прошлом, когда я девять лет назад командовала Черепной крепостью. О Богиня!

На ее лице были написаны сочувствие и раздражение.

— Он уже давно впал в детство и ничего не понимает. И скорее всего забыл, кто он. У меня такое чувство, что он не считает себя Т'Аном Ремонде. Но как к этому относится телестре Талкул? Они должны знать, что он не в состоянии...

Она замолчала, когда к ним снова присоединился Ховис.

Телук и Фалкир некоторое время жарко спорили, и в тишине, воцарившейся при появлении Ховиса, было слышно, о чем они говорили.

— ...природа Богини... — Телук резко замолчала и бросила взгляд на Арада.

— Наверное, Богиня, таким образом, воплотилась на земле в каждом поколении? — заключил Фалкир весьма скептическим тоном, какого я прежде не наблюдала ни у одного жителя Южной земли.

— Как живое существо, как человек, — пылко ответила Телук. — В иные времена Богиня знает, кто Она в действительности, однако часто не осознает этого и живет среди нас, как обычный человек. Она так же может быть ремонтцем, как и имирцем, женщиной из Касабаарде или мужчиной из Городов Радуги.

У меня не было ни малейшего желания участвовать в религиозных диспутах, но тут Фалкир взглянул на меня с самодовольной улыбкой.

— Полагаю, что Богиня, если Она находится среди нас, — сказал он, — с таким же успехом могла бы предстать и в образе обитательницы другого мира.

Арад шумно задышал. Я молча проклинала Фалкира. Возможно, таким образом он злил Хранителя Источника, но мне не нравилось, что делалось это за мой счет. Провокации нужно было немедленно положить конец, пока дело не зашло слишком далеко.

— Вы говорите о невероятных вещах, — сказала я.

— Но возможных. — Он явно дразнил Телук. — Вы сказали, что Богиня не всегда осознает свою сущность.

— Это тот вопрос, ответ на который должна дать Церковь, — резко возразил Арад. — И я согласен с послем. Во всяком случае, ответ на него может быть получен лишь через несколько поколений.

— Вы можете ответить мне на один вопрос, не через несколько поколений, а сейчас? — Рурик привлекла к себе внимание и тем самым вызвала их раздражение. — Трущобы на месте слияния рек — восемь лет назад их еще не было, там жили лишь несколько безземельных мужчин и женщин, вблизи лодочных причалов. А сейчас стоят бараки от Беруфала до Берута! Как это могло случиться?

Телук вызывающе посмотрела на Арада, и я заметила, как Фалкир, наблюдая за этим, прикрыл глаза. Ховис явно не придавал спору никакого значения.

— По той же самой причине, Т'Ан Командующая. Безземелье. — Арад говорил так же резко, как и Рурик. — Все мошенники и негодяи покинули свои телестре и пришли в Корбек. Одни перебираются из города на побережье, другие остаются и окончательно опускаются. Что мне, по вашему мнению, делать, Т'Ан, изгнать их оттуда мечом?

— Если телестре не могут позаботиться о своих людях, то по крайней мере должны присматривать за ними. Во всяком случае, Церковь обязана была...

— И она выполнила эту обязанность, — вмешался Хранитель Источника.

— Они все безземельные? — спросила Рурик, используя особое выражение, обозначавшее как Богиню, так и землю. Я знала, что она думала об аширен.

— Если мужчина или женщина покидает свою телестре, то для этого должна быть причина. — Арад все еще говорил с ораторским пылом. — Мы не подбираем в навозной куче тех, кто слишком испорчен даже для своих собственных телестре.

Он посмотрел по сторонам, требуя одобрения. Люди избегали его взгляда. У Телук был такой вид, будто ей хотелось что-то сказать, но она опустила голову.

— Люди должны оставаться в своих телестре. — Взгляд Арада скользнул мимо меня туда, где Марик наливал вино. — Когда я был молод, не принято было воспитывать аширен за сотни зери от дома. Нас не готовили к тому, чтобы стать л'ри-анами в чужих хозяйствах. Мы оставались на земле, к которой принадлежали, и вращались в тесную связь с Богиней. Сегодня же эти оторванные от родных мест бродяги приходят в Корбек и ожидают, что мы примем их. Нет! Пусть пропадают, где придется!

Рурик обратилась к Ховису:

— Согласился бы с этим Колтин?

С законченной вежливостью Ховис ответил:

— Боюсь, что не могу дискутировать о политике Т'Ана в его отсутствие.

Вскоре после этого зал начал пустеть. Марик шепнул мне, что хочет остаться и помочь в уборке помещения, и я согласилась. Рурик ушла в сопровождении Телук, а Ховис — мне это не показалось удивительным — долго умиротворяюще говорил с Хранителем Источника.

— Лицемерные безземельные амари! — тихо прошептал Фалкир. Потом он заметил, что я услышала это, и закрыл глаза. Не переводя дыхания, он произнес: — Поедьте завтра со мной. Я знаю город. Тогда вы могли бы ответить на мои вопросы точно так же, как и на их.

— Тут вы правы, — ответила я с надеждой.

— А я думала, вы уже уехали, — сказала я. — Ваш отряд уже выступил.

— Я догоню их на дороге, — ответила Рурик. — Я послала на юг Хо-Телерит, — добавила она, — мне нужно уладить еще кое-какие дела, прежде чем я покину Корбек.

— Марик принес мне ваше сообщение. — Я оглянулась по сторонам. Аширен держал за поводья Гера и Ору, а Фалкир слезал с мархаца.

— Не беспокойтесь насчет Сетин Фалкира, он послужит нам свидетелем.

Она повернулась и пошла впереди по грязной дороге. На ней была голубая бекамиловая накидка, перекинутая через левое плечо, расположение складок скрывало свернутый рукав на обрубке ее правой руки. С первого взгляда можно было бы не узнать Т'Ан Командующую.

— Вы говорили с кир? — поинтересовалась Рурик.

— О л'ри-анах? Да. — В последнюю ночь Марик пришел домой поздно и был очень встревожен. — Он говорит, что они чего-то боятся, но не знает чего.

— Быть л'ри-аном в Корбеке — в этом есть какой-то горький привкус, и я не знаю почему.

Рурик остановилась на том месте, где белая стена кончалась перед украшенными воротами, и подождала, когда нас догонит молодой человек.

— Т'Ан Командующая. — Фалкир был сдержан и, казалось, не спешил.

Железные ворота поднялись, и в тени арки ворот я увидела Телук. Она смотрела полуприкрытыми глазами в светлое от звезд осеннее небо.

— Самое время.

— Мы готовы. — Рурик поймала вызывающий взгляд Фалкира, пригнулась и заставила нас войти в ворота перед нею. Мы пересекли крошечный двор, и Телук открыла тяжелую деревянную дверь.

— Для Дома-источника этот дом невелик, — заметил Фалкир, — но тот, который вам более знаком, пожалуй, не очень вам понравился?

— Здешний Хранитель Источника, Урут, мой друг, — сказала Телук.

— Поэтому он и позволяет вам воспользоваться Домом-источником. Для этого и существуют друзья, — сказал он ироничным тоном, наблюдая при этом за Рурик.

Помещение было небольшим, с куполом наверху, его каменные стены были побелены. Отверстие в куполе пропускало внутрь утренний свет.

В центре чернела чаша Источника круглой формы. Мы стояли в полумраке. Косая полоса солнечного света пролегла по пыльному каменному полу и заканчивалась у побеленной стены.

— Кто предстает перед Богиней? — торжественно произнесла Телук.

— Линн де Лайл Кристи, — ответила Рурик.

— Кто ее сопровождает?

— Т'Ан Командующая Рурик Орландис.

— Кто здесь свидетель?

Рурик взглянула на него:

— Это видит сын Сетин.

— Я подтверждаю, — с неудовольствием произнес Фалкир. — Если уж вы привели меня сюда, чтобы я был свидетелем ваших наивных трюков, я не стану отрицать, что разгадал их.

— Не знаю, что здесь происходит, — вмешалась я, — но вы уверены, что это получится и при обитательнице другого мира?

— Если это получается при тех, кто приходит из-за пределов Южной земли, то получится и при вас. И возможно, придет время, когда вы ответите «да», если вас спросят, признала ли вас Богиня.

Я не могла этого избежать. Во взгляде Рурик была та безусловная решимость, которая означала, что она была готова к любым случайностям.

— Пора, — сказала Телук, подходя к Источнику. Черная поверхность воды была неподвижной.

Тут последовала беззвучная вспышка. Я подняла руку, чтобы прикрыть глаза от слепящего света, а когда снова опустила ее, помещение было наполнено искрами всех цветов радуги. Из города донесся колокольный звон. Полуденное солнце светило через отверстие в куполе, падало на воду колодца и слепило нас своим сиянием.

— Здесь Твоя дочь из далекого... — Телук помедлила, — далекого мира. Услышь ее имя.

Рурик положила мне руку на спину и слегка подтолкнула вперед. Телук наклонилась, окунула в Источник руку и снова вынула ее. С нее капал светлый огонь. Мокрыми пальцами она прикоснулась к моему лбу и обоим глазам. И я тут же почувствовала через кончики пальцев ее сердцебиение и непохожесть ее рук на наши.

— Теперь Богиня знает тебя, — сказала она. — Линн де Лайл Кристи.

— Я подтверждаю это, — сказала Рурик.

— Я также, — неохотно сказал Фалкир.

Снаружи, во дворе, я все еще стояла, затаив дыхание и в полном смущении.

— Если я вам понадобится, т'ан, Хранитель Источника будет знать, где я, — смущенно сказала мне Телук. Она взяла руку Рурик, потом поспешила закрыть за нами железные ворота.

— Вы думаете, что это имеет практическое значение? — с вызовом спросил Фалкир Рурик.

— Важно лишь то, что это произошло, и я рада этому. — Я не совсем была уверена почему, но ее намерение было необъяснимо.

Она улыбнулась, прикрыв свои желтые глаза.

— Итак, до Четвертой недели Торверна, — сказала она. — Можете, однако, в любое время послать мне сообщение в крепость. Хотя это не потребует, насколько я вас успела узнать. Мы пошли к Марику, державшему мархацев.

Под копытами Гера разлеталась в стороны грязь, когда мы ехали вдоль Беруфала. Один из редких осенних ливней вызвал наводнение в речной долине, и сегодня мы впервые выехали из города.

Дорога представляла собой море грязи. Она была усеяна огромными лужами, омывавшими деревянные хижины с дощатыми крышами. Некоторые были уже старыми и заметно отличались от других. В иных местах стояли более новые, круглые, с пристроенными помещениями из дощатых перегородок в два или три этажа, соединенными друг с другом лестницами. На веревках, натянутых между деревянными конструкциями, висела сохнувшая одежда.

К начисто промытому дождем небу поднимался дым. В грязи ворочались похожие на свиней сторожевые животные, куру. Там же играли или сидели на лестницах и смотрели на нас своими чистыми глазами одетые в лохмотья аширен.

— Можно подумать, что они уедут, — сказала я. — Почему они остаются?

Фалкир пожал плечами.

— В Таткаэре такого нет. — Это было единственное известное мне место, на которое я могла сослаться.

— Они не принадлежат ни к чему.

— Ни к одной телестре?

— Ни к чему и ни к кому.

Я уже достаточно долго находилась в Южной земле, чтобы сделать вывод о том, насколько это было нетипично.

— Разве они не могут вернуться в свои телестре?

Впервые с того дня, когда я с ним познакомилась, от Фалкира не прозвучало ни одного циничного высказывания или ядовитого ответа.

— Наверняка от Церкви поступят новые распоряжения. Вы слышали Арада. Мы не покидаем наши телестре без весомых причин. — Он не смотрел мне в глаза. — Немыслимо

представить себе иную причину, кроме той, что для них стало более невозможным там жить — и они не могут вернуться назад. И никто не придерживается традиции, не принимает их в качестве н'ри н'сут или л'ри-ан.

— Потому что их боятся? — спросила я.

— Если бы только об этом сказал Арад или только Т'Ан... — Он поднял голову и выпрямился. — Не хочу быть несправедлив к моему дяде: многим людям живется лучше потому, что они живут в своих телестре и могут там работать. Это выгоднее для Ремонде.

— Но некоторые платят за это цену.

Он прикрыл глаза и улыбнулся:

— Цена всегда есть, т'ан. Берусь утверждать, что даже чудеса в вашем мире имеют свою цену.

Он снова был официален, непочтителен и ироничен, но я заглянула в душу несчастного мужчины. Он сказал: они покидают свои телестре только потому, что не могут там больше жить...

Разве невозможно было жить с Ховисом, с Сетин, с больным стариком? Я не спрашивала об этом. В отношении своей телестре проявляется лояльность. Он бы на это не ответил...

Был Шестой день недели Торверна, день, когда я возвращалась в дом Т'Ана Ремонде, чтобы встретить там нового гостя. Худую белогривую женщину, на которую я смотрела в течение некоторого времени, прежде чем узнала ее по нашей единственной предыдущей встрече: Сулис н'ри н'сут СуБаннасен, Т'Ан Мелкати.

Глава 10. Арикей

СуБаннасен сидела на стуле с высокой спинкой, к подлокотнику которого была прислонена украшенная серебряным набалдашником палка. Сетин наблюдала за ней через небольшой столик, у окна сидела молодая женщина и кормила грудью ребенка.

— Извините меня, — сказала я, — я ищу т'ана Фалкира. Мне жаль, что помешала вам.

— Нет, постойте, входите же, — попросила Сулис н'ри н'сут СуБаннасен.

— Я как раз собиралась уйти, — заметила Сетин. Лицо ее побледнело, когда она вставала. — Вы извините меня, Сулис, если я не стану заканчивать нашу игру.

— Да, конечно, — сдавленным голосом ответила старуха.

— И без того детям уже пора отправляться спать... Якан, — позвала Сетин молодую женщину.

Окно комнаты в башне выходило на север через амфитеатр у подножия скалы, оно находилось достаточно высоко, так что можно было видеть весь город и даже дальше, где в холодной дымке исчезали равнины. Для Южной земли подобный вид из окна является нетипичным. Толстые, освинцованные оконные стекла задерживали холод.

СуБаннасен посмотрела вслед уходящим Сетин и женщине, потом наморщила лоб и покачала головой.

— Какая жалость, — сказала она, обращаясь более к себе самой, — а ведь она такая хорошая женщина. Не присядете ли, т'ан Кристи? Вы играете?

На столе лежала шестиугольная доска для игры в охмир. Это вечная игра Южной земли, в которую на двухстах шестнадцати треугольных полях играют одним и тем же количеством двусторонних фишек.

В противоположность многим нашим играм она основана не на овладении полем или фигурами противника, а на манипуляциях. Фишки являются двусторонними (традиционная их расцветка — синее на белом и белое на синем), имеется три их вида: феррорн, турин и леремок. В ходе игры они не глядя вынимаются из мешочка. Цель игры — достижение ее может потребовать поразительно много времени — заключается в том, чтобы все фишки имели один цвет, выбранный игроком.

Чтобы получить право перевернуть фишку, требуется достичь преобладания своего цвета в одном из малых шестиугольников, каждый из которых образуется шестью треугольными полями. Фишки проигрывающего после этого перево-

рачиваются и показывают, таким образом, цвет обратной стороны.

В дополнение к сказанному следует также иметь в виду, что феррорн может быть положен только один раз и после этого его нельзя передвигать, турин, напротив, кладется на доску и после этого может перемещаться по установленным правилам, а редкие леремок можно передвигать как угодно.

Кроме того, следует помнить, что расположение малых шестиугольников на доске постоянно изменяется, что они перекрывают друг друга. Кроме того, фишка, которая с верхней стороны является феррорном, не обязательно является таковым и с обратной стороны, но может оказаться турин или даже леремок...

Начинаешь понимать, что охмир — это запутанная и безгранично сложная игра. Здесь важна подвижность, а не застывший порядок, ловкое манипулирование, а не захват территории. Темам обоюдной зависимости и контроля в мышлении обитателей Южной земли придается главное значение.

Я достаточно знала об игре охмир и по расположению армии поняла, что Сулис была намерена выиграть оставленную партию.

— Благодарю, нет, — отклонила я предложение. — Я еще не особенно хорошо разбираюсь в этой игре.

— Иногда я думаю, что можно было бы всю свою жизнь потратить на то, чтобы овладеть всеми приемами и ходами. — Она улыбнулась, когда я села напротив нее. — Я слышала, что вы здесь, и надеялась встретить вас, прежде чем уехать.

— Вы приехали из... — мне опять вспомнилось название ее города в Мелкати, — Алес-Кадарета?

— Мне удалось попасть на корабль, который регулярно плавает вдоль восточного побережья, а оттуда я поднялась вверх по реке на лодке. Я стара для неудобных поездок по дорогам Ремонде, да и, как мне сказали, поездки по стране небезопасны. К тому же по морю получается быстрее. — В ее полуприкрытых глазах угадывалась веселость.

— Да, езда верхом на мархаце утомляет. — Я подумала, что мне тоже нужно было бы плыть на корабле и тогда бы не пришлось остаться навсегда кривоногой.

— Но я хотела увидеть вас, — повторила она. Ее кисти рук, похожие на птичьи лапки, обхватили набалдашник тростниковой палки. Она наклонилась вперед. — Когда мы встречались в последний раз, я была... возможно, несколько официально. Это не из-за вас, посол. Однако я презираю общество неаккуратных агентов.

Ее извинение звучало правдоподобно. «Нет никаких доказательств того, что за покушениями стояла она», — подумала я. Не было, однако, и доказательств обратного. В этой нецивилизованной стране нет недостатка в людях, способных на такое. И все же: если это была не СуБаннасен, то тогда кто?

— Не знаю, есть ли у вас какие-то планы, — продолжала она, — но когда вы закончите здесь ваши дела, может быть, сочтете возможным съездить со мной на юг, в Мелкати. Я здесь из-за Берис, ребенка моей дочери, — ке уже достаточно подросло, чтобы жить при Дворе Ремонде. В конце Третьей недели Торверна я отправлюсь обратно.

— Но кажется, расти здесь с недавних пор вышло из моды.

— В данном случае речь идет о давно заключенном соглашении. Ховис... — Ее брови поднялись. — У меня нет намерения допустить, чтобы Ховис Талкул перечеркнул мои планы. А Колтин был моим другом.

Несмотря ни на что, эта старая женщина нравилась мне. И все же я не была готова к тому, чтобы доверять ей.

— Ваше предложение очень заманчиво, Т'Ан Сулис. Может быть, мы еще раз сможем поговорить об этом, когда вы соберетесь уезжать. Тогда, вероятно, у меня будут более точные представления о своих дальнейших планах.

— Конечно. Я надеюсь, что это получится, — сказала она. — Мои старые кости не перенесут зиму в Ремонде. Здешние зимы губительны для здоровья — слишком холодны. А в Мелкати, напротив, мягкие. Вы будете чувствовать себя там гораздо приятнее.

Мне хотелось спросить: «Это приглашение или угроза?»

Она взяла одну из фишек леремок.

— Возможно, у меня даже будет время объяснить вам, как играют в охмир.

Однажды в полдень я вместе с Фалкиром вернулась с прогулки верхом и нашла Марика очень взволнованным.

— У вас гость, т'ан. — Он улыбнулся.

Я отбросила назад вышитую накидку и прошла в свои комнаты.

— Привет, Кристи.

— Халтерн! — Он схватил меня за руки. Наверное, я не оставила в его легких воздуха, пока хлопала по спине. — Хал, я очень рада вас видеть. Когда вы прибыли? Что вы здесь делаете?

Он рассмеялся. Сапоги его были в грязи, а бекамиловый плащ потрепан. Я предположила, что он прибыл в Корбек лишь недавно. Что-то было справедливое в замечании Сулис насчет неаккуратных агентов.

— Наверное, вы не встретили гонца Рурик, — предположила я. Хо-Телерит отправилась в дорогу всего четырнадцать дней назад.

— Мне не встретился никакой гонец.

Он взял чашу с чаем из лекарственных трав, которую принес Марик. Мы сели на кушетку рядом с горячими углями.

— Меня послала Сутафиори, получив сообщение от одного Говорящего-с-землей. Одной лишь Богине ведомо, почему она выбрала меня: я ненавижу провинции.

— Это была, случайно, не Телук?

— Имя звучит похоже.

Наверное, Сутафиори послала Халтерна, потому что доверяла ему, а я его знала. И потому, что мое присутствие здесь было взрывоопасным, чего я не могла отрицать, хотя разногласия между Телук и Арадом существовали еще до того, как я появилась в городе.

— Я лишь незаметно всюду сую свой нос, — сказал Халтерн. — А как у вас? Надеюсь, приятная была поездка?

— О боже мой! Вы себе этого даже не можете представить! Нам нужно очень многое успеть сделать. А вы должны мне рассказать, как идут дела в Таткаэре.

— Лучше, чем на севере. Здесь некуда деваться от насекомых, — проворчал он.

Марик возился на кухне и вскоре принес нам поесть.

Мы все еще рассказывали друг другу о событиях, когда прозвучал полуночный колокол. Марик уже спал, свернувшись калачиком возле чаши с углями.

— Без оружия, — сказал Халтерн, когда я закончила свой рассказ. — Без оружия против наемного убийцы!

Я показала ему заживающую рану на руке и сказала:

— Без этого все же не обошлось, если сообразоволяете принять во внимание.

— Что тут скажешь? Обычно требуются годы тренировки, прежде чем научишься отделяться одними царапинами.

Я засмеялась так громко, что разбудила Марика.

— Я достаточно наговорился, пойду спать. — Халтерн встал. — Вы как посол представляете собой хорошего агента. Вы улавливаете очень многое из того, что происходит.

Следовательно, некоторые из моих предположений совпадали с сообщениями Телук.

— Есть еще одно обстоятельство. Здесь находится Сулис н'ри н'сут СуБаннасен, — проговорила я.

— Вот как? Это интересно. Да, действительно.

Я вспомнила, что здесь существовали и личные распри, о которых я ничего не знала, и что они не обязательно имели ко мне какое-то отношение. Мое доверие к Т'Ан Мелкати могло бы оказаться оправданным.

— Возможно, я отправлюсь в Алес-Кадарет, — добавила я.

Его глаза омрачились. Через некоторое время он сказал:

— Вы уже решили?

— Я еще думаю.

— Ваши дела известны вам лучше всех. Но мне следует тщательно поразмыслить над этим, — заявил он. — Да. Очень тщательно поразмыслить. Спокойной ночи, Кристи.

* * *

Шла обычная чередa встреч и обедов в Корбеке, где собирались с'ан телестре Ремонде. Часто присутствовали Ховис или Арад, и всегда было большое число священников в коричневых мантиях.

Я обнаружила, что ремонтцы гораздо менее интересуются торговлей, нежели имирцы, но гораздо более — техникой.

Я посетила некоторые горнорудные телестре на востоке в сопровождении Сетин Фалкира. Фалкир, казалось, сам себя назначил лицом, сопровождающим посла, однако его участие в беседах зачастую ограничивалось саркастическими замечаниями.

Когда я отправилась искать Халтерна, Марик сообщил мне, что тот находится в городе инкогнито. Я подумала, что он, без всякого сомнения, помалкивает, но многое замечает.

Погода резко изменилась, начались сильные морозы, в сухом воздухе кружил первый снег и покрывал купола белой пудрой. Я не могла во всем Корбеке найти теплого места и всюду ходила, закутавшись в шубу из меха зилмеи. Фалкир смеялся надо мной, как над южанкой.

— Вы и ваш мир, полный чудес, — сказал он с иронией в один из вечеров. Мы находились в его комнате, расположенной в верхней части башни. Его внимание раздваивалось в попытках научить меня играть в охмир и понять Землю, и в результате ему не удавалось сделать достаточно хорошо ни того, ни другого. — С машинами, которые переносят вас по воздуху, делают за вас работу, которые согревают... и, без сомнения, сжигают, когда вы умираете. Как вы ощущаете себя наедине с собой? О чем вы думаете?

— О том же, о чем и вы. — Я передвинула турин в малый шестиугольник и таким образом получила двойное преимущество. Обе его фишки, которые сейчас были перевернуты и имели мой цвет, оказались турин и феррорн. — Ваш ход. А когда нам надоедают наши чудеса, мы прилетаем и смотрим, как вы здесь живете, помня о том, как мы счастливы.

— Вы уверены, что еще никогда не играли в эту игру? — Он с досадой посмотрел на доску.

— Совершенно точно.

Он встал, прошел по мозаичному полу и поставил на стол кувшин с вином. Я снова наполнила свой бокал. Он остановился позади моего стула и стал изучать положение фишек с моей стороны.

— А вы другая, — сказал он как бы в завершение хода мыслей. — У вас другой склад ума.

В этот миг произошло нечто неожиданное: одной рукой он приподнял мои волосы, а другой нежно провел по голой шее. Руки были мягкими, не такими, как ортеанские гривы. Я ощутила дрожь желания: одна плоть страстно желала другой. Внезапно мне стало понятно значение некоторых чувств, которые я испытывала в последние дни.

Я подняла голову и увидела, что его лицо было человеческим, ни холодным, ни ироничным, но только просящим. Просящим о том, в чем нуждаемся все мы: чтобы не обидели, не ранили.

Я воспринимала его как человека: это было наказанием за то, что так хорошо можешь поставить себя на место других... и причиной того, что на нас не слишком полагаются в Ведомстве Внеземных Дел, хотя наши услуги оказываются для него бесценными. В собственных представлениях мы не являемся ни мужчинами, ни женщинами, ни молодыми, ни старыми, ни с Запада, ни из «третьего мира». Поэтому сейчас я не могла воспринимать нас как человека и обитателя чужого мира, но только как Линн де Лайл Кристи и Сетин Фалкира Талкула.

Фалкир обладал блестящим умом и был разочарованным существом. Ему были присущи подвижность и опасная привлекательность ортеанцев. Но он был рожден аутсайдером в своей собственной стране, что с его способностями являлось неизбежным.

— Кристи, — сказал Фалкир, — не могли бы мы с вами стать арикей?

— Этому аширен потребовалось довольно много времени, чтобы разыскать вас, — проворчал Халтерн. Я была по-

ражена, увидев его в главном зале. Только что закончился ужин.

— Не вините в этом Марика. Ему пришлось прогуляться до комнат Фалкира.

— Сетин Фалкир? Да, я его встретил. — Выражение лица Халтерна внезапно и полностью переменялось. Потом он понимающе улыбнулся.

— Это так заметно? — Видимо, так оно и было. Я пылала. — Не принимайте близко к сердцу, Хал, все происходит согласно обычаю «арикей».

— Поздравляю. — Он так же, как и Марик, казалось, считал это обстоятельством, о котором следовало официально объявить. Поскольку я не была жительницей Южной земли, то хотела сохранить нашу связь в тайне.

— По какой причине вы хотели меня видеть? — спросила я.

— Что? Э-э... конечно. — Он посерьезнел. — Получено сообщение из Черепной крепости. Рурик останется там еще на некоторое время. Она больна.

— Как она себя чувствует? Это опасно?

— Только повышенная температура, как я слышал, но ей нельзя пускаться в дорогу. Т'Ан Ховис намерен послать туда одного из своих врачей, чтобы тот убедился, что нет ничего серьезного.

Я молчала и старалась пропустить все это в свое сознание. Я чувствовала себя почти виноватой оттого, что была счастлива, тогда как Рурик лежала больной.

— Может, нам нужно туда поехать?

— Потребуется не менее недели... и если следующий рашаку-курьер не принесет более добрых вестей, я отправлюсь туда, — сказал Халтерн.

— Я поеду с вами.

Но сообщение, прибывшее через неделю, носило успокаивающий характер, а врач Ховиса добрался до гарнизона и подтвердил, что речь идет только о повышенной температуре, возникшей вследствие непривычного для жителей Татка-

эра холода. Халтерн проворчал что-то в том духе, что известный некто, связанный с Ховисом Талкулом, не может вылечить даже больного мархаца, но, как было видно, радовался, что может остаться в городе.

Первая волна дипломатических обязанностей схлынула. Я была свободна от дел и могла проводить свободное время с Фалкиром. Встреч с Сулис н'ри н'сут СуБаннасен я избегала под тем предлогом, что была очень занята. Мне нужно было принять решение в ближайшем будущем, но не сейчас. Не ранее, чем я получу известие о том, что Рурик находится в добром здравии.

Не ранее, чем мне станет ясно, что произошло между Фалкиром и мной.

Все сложности, какие мы испытывали, коренились в привычках, а не в физической несовместимости. В этом Адэр был прав. Что касалось остального, то это было время, когда я жила, полностью погружившись в мир другого человека. Лучшее время, пока сомнения и повседневная жизнь не предъявили свои права.

И до того момента, когда оно закончилось, оставался лишь очень короткий срок.

— Могу ли я пойти в город, т'ан? — спросил Марик.

— Что? Конечно, сегодня вечером ты мне не будешь нужен. — Я плотнее закуталась в меховой домашний халат, разыскивая брюки для верховой езды. Мы с Фалкиром собирались выехать в телестре Делу, где эти разбойники и убийцы хотели зажарить убитую каццу. — Ты не видел мою сорочку?

— Она уже пришла из прачечной. Я повесил ее в стенной шкаф.

Если бы у меня было больше здравого смысла, я бы вначале поискала свою одежду, а уже потом снимала одежду для переодевания. Ведь в Корбеке не стало теплее.

— Ты помнишь Дом-источник, куда меня брала с собой Т'Ан Рурик, прежде чем уехать?

Марик кивнул.

— Ты смог бы снова найти его?

— Да, т'ан.

— Хорошо, если ты случайно будешь проходить там после обеда, зайди и спроси Хранителя Источника. Поинтересуйся, не знает ли он, где Телук. Это хотел бы знать Халтерн.

Уже несколько дней я не могла ее найти.

— Возможно, я пойду этой дорогой. — Марик улыбнулся.

— Хорошо, тогда иди, исчезни, пока я не придумала для тебя еще какое-нибудь дело.

Он ушел. Я села на кровать и начала расшнуровывать сапоги. Через некоторое время я услышала шаги. Кто-то бесцеремонно раздвинул в стороны портьеры.

В комнату вошел Ховис Талкул.

— Линн де Лайл Кристи, мнимая посланница другого мира...

Я встала босиком на холодные камни и плотнее обернулась мехом зилмеи.

«Мнимая посланница. Кажется, у меня неприятности, — подумала я. — Серьезные неприятности».

Позади него стояло с полдюжины мужчин и женщин с обнаженными харурами. В двоих я узнала братьев Фалкира. Все они в той или иной степени были похожи на Талкула. Другими словами, ко мне пожаловали молодые сыновья и дочери телестре.

— ...ввиду сомнения, возникшего относительно статуса мнимой посланницы и некоторых показаний, касающихся названной Линн де Лайл Кристи и гнуснейшей из всех рас — Золотого Народа Колдунов...

Ховис читал с каменным лицом написанное на бумаге. В нем не было и следа от того вежливого и приветливого человека, который еще недавно был столь предупредителен к посланнице Земли.

— ...повелеваю поместить ее в надежное место, в котором она должна содержаться до заседания суда по этому делу. Распоряжение отдано в Восьмой день Третьей недели Тор-

верна и подписано моей рукой в Корбеке: Телвелис Колтин Талкул, Т'Ан Ремонде.

Ховис скрутил пергамент в трубку и с яростью ударил ею себя по руке.

Я стояла и смотрела на него, словно идиотка.

— Должно ли это означать, что вы меня арестовываете?

Глава 11. Правосудие Дома-источника

Камеры были холодными.

По состоявшим из скальной породы стенам стекала вода. Через щели в крыше проникал тусклый свет, и я не видела ничего, кроме решеток и теней.

В скалистой стене были закреплены цепями деревянные нары. Я сидела на них, спрятав ноги под плащ и закутавшись в мех. Решетки разделяли помещение на несколько камер-ячеек, в каждой из которых имелись нары и кадка. Я не могла понять, был ли здесь еще кто-нибудь, но ни единый звук не нарушал тишины.

От каменного пола поднимался холод и заползал под одежду.

Я потеряла ощущение времени.

В тишине послышался шум. Я вскочила. Тяжелая наружная дверь открылась. Я проковыляла к решетке на онемевших и окоченевших ногах. После долгого пребывания в тюремном полумраке свет факелов ослепил меня.

Стражник, не обращая на меня никакого внимания, открыл камеру, что была рядом с моей, а двое других втащили отчаянно сопротивлявшегося мужчину. Они с пренебрежительным видом швырнули его в камеру и ушли. В воздухе висел маслянистый, черный дым от факелов. Вскоре мои глаза снова привыкли к темноте.

— Халтерн?

Он встал на ноги. Наши пальцы соприкоснулись через прутья решетки, которая являла собой пример добротной ремонтской работы. Вид у Халтерна не был обиженным, он выглядел лишь менее почтенно, чем обычно.

— С вами все в порядке?

— Да. Я намеревался покинуть Корбек, но не успел вовремя уйти.

— Вы не хотите быть искренним, да? — Но это был скорее риторический вопрос. Кое-чему я все же успела научиться. — Сколько же времени мы здесь проведем? Мы можем сообщить о себе на свободу?

— Может быть. Кристи, дела наши незавидны. Ближайшая к нам помощь находится в гарнизоне.

— А Рурик больна.

— Или на юге, в Таткаэре.

— Это слишком далеко отсюда. Потребуется много времени.

Он кивнул:

— У вас нет... оружия? Ничего, что могло бы помочь нам освободиться?

— Ничего. Все мои вещи находятся в моих комнатах. — Мгновенно в голове у меня мелькнула мысль. — А Марик?

— Я не видел кир, когда они вели меня сюда.

— Мы можем что-нибудь сделать?

— Только ждать, — ответил он.

Камера была невелика: три шага в ширину и четыре в длину. Длины нар едва хватало, чтобы вытянуть ноги. Некоторое время мы разговаривали, расположившись на нарах, потом стало совсем темно.

— Не полагайтесь на Фалкира, — прозвучал из темноты голос Халтерна. — Он не пойдет против своей телестре даже ради вас.

— Он найдет способ вызволить нас отсюда.

Я лежала не смыкая глаз и ждала прихода Фалкира.

Сквозь щели пробивался белесый солнечный свет. Я растерла себе руки и ноги, заоченевшие от холода. «Наверное,

еще рано», — подумала я. Несмотря на жесткость нар, мне удалось немного поспать, но согреться было невозможно, меня всю трясло.

Халтерн все еще лежал, в позе зародыша, и спал. Это дало мне возможность относительно интимным образом воспользоваться кадкой; я все еще не была осведомлена в полной мере насчет ортеанских обычаев.

Потом не оставалось ничего иного, кроме ожидания.

Луч солнца полз вниз по стене и достиг пола в соседней камере. Стали видны пыль и грязная солома.

Теперь я была уверена, что еще одна камера получила жильца, потому что ночью я слышала там шорохи. Когда солнце стало светить прямо на кучу соломы, та зашевелилась, и из нее поднялась женщина.

Она схватилась за решетку двери и так яростно затрясла ее, что от лязга железа загудели стены.

На ее темной коже виднелись старые, побелевшие шрамы. Руки ортеанки были узки даже по ортеанским понятиям, а все двенадцать ногтей полностью обгрызены. Ступни несчастной с широко расставленными пальцами выглядели словно грубые башмаки. Она была голой.

Когда узница повернулась ко мне и на своем ограниченном пространстве сделала несколько шагов в мою сторону, я увидела ее густую свалывшуюся гриву, тянущуюся вниз по всему позвоночнику.

Ее лицо было в царапинах, на губах запеклась кровь, а глаза, похожие на черное стекло, ничего не выражали.

— О Богиня! — послышался сзади шепот. Это проснулся Халтерн.

Услышав его голос, она замерла, наблюдая за нами.

Я спросила:

— Кто вы?

Ответа не последовало. Она отступила с солнечного света к стене камеры, после чего ее невозможно было разглядеть.

— Говорить с ней бессмысленно, — сказал Халтерн, — она из варваров. С той стороны Стены Мира. Должно быть, ее послали сюда из крепости.

Мы прекратили наш разговор, когда открылась главная дверь.

Вошла высокая и очень худая женщина с харуром наголо. Она открыла дверь моей камеры. За ней последовали еще несколько ортеанцев, они несли одеяла, шкуры, еду, вино и, наконец, — это обрадовало меня более всего — чашу и некоторое количество угля.

— У вас в телестре есть друзья, — пояснила худая женщина. Я узнала ее, но не по лицу, а по речи; она была одной из дочерей Сетин. — Не говорите об этом ничего, если вас будут спрашивать.

— У вас есть какое-нибудь сообщение для меня?

Она резко покачала головой и покинула камеру.

— Вы можете передать что-нибудь от меня? Скажите...

Наружная дверь со скрипом захлопнулась, и я услышала, как снаружи загремел засов.

Я придвинула чашу с углями поближе к решетке, так что немного тепла доставалось и Халтерну, и смогла передать ему несколько одеял. Все еще было холодно, но я уже не чувствовала пробиравшего до костей озноба.

— Поведение вашего арикей достойно похвалы. — Халтерн отбил горлышко у одной из бутылок и стал жадно пить. — Тут он берет на себя такой риск, на который я бы не отважился.

Мне удалось также забросить в другую камеру жареную ножку вирацу. Дикарка набросилась на нее и стала рвать мясо зубами. Никто не принес нам что-нибудь поесть, а мучительные спазмы в желудке, причиняемые голодом, затрудняли мышление.

— Мне никогда не следовало бы покидать Таткаэр, — сказал Халтерн, горько упрекая самого себя. — Сфера моей деятельности — города. Вместо этого я сижу за решеткой в Ремонде. У вас есть сколько-нибудь денег?

— Нет, ни единой медной монетки.

— У меня есть немного серебра. В следующий раз я попробую подкупить охранника, чтобы он вынес наружу сообщение от нас.

Дикарка что-то сказала одной короткой фразой. Халтерн замолчал с раскрытым ртом и уставился на нее.

— Кто вы? — Я подошла к решетке. — Как вы сюда попали?

Ее лицо было неподвижным, но говорила она вопросительным тоном.

— Имирийка? — Мне в это не верилось.

— Наверное, архаичная раса, — сказал Халтерн.

Женщина указала на меня:

— Кто?

— Кристи, — ответила я и повторила это еще раз, когда она задала тот же вопрос. Узница подошла ближе и обхватила костлявыми руками прутья решетки. Голос ее был грубым.

— Кто твой друг? — спросила она.

— Халтерн, — сказала я, — он с юга.

Я не могла бы сказать, насколько она поняла меня. Халтерн подошел ко мне поближе и стал задавать вопросы, но она не отвечала. Вскоре она вернулась в дальний угол своей камеры и больше не реагировала на нас.

— Давно ли она здесь находится, хотела бы я знать?

— Понятия не имею. Я вам когда-нибудь рассказывал о моей телестре Бет'ру-элен? — продолжил он, явно стараясь отвлечь мое внимание.

Я откинулась назад на нарах, завернувшись в три одеяла и шкуру зилмеи.

— Нет, еще нет. Расскажите.

Я втянула голову в плечи при виде яркого белого света. Чужая рука крепко держала меня за плечо. У меня возникло инстинктивное желание опереться на нее, и в мои запястья врезались металлические манжеты. Рука охранника схватила меня крепче, и я сумела встать. На моих щиколотках была натянутая цепь полуметровой длины.

— Молчите в этом присутствии! Молчите в этом Доме!

Гул голосов и шум смолкли.

Надо мной высился большой купол, через отверстие наверху внутрь светило полуденное солнце и слепило меня. Своды помещения поддерживали стройные колонны. Дальше, в

глубине, находились купола поменьше, в нишах которых теснились люди.

Я стояла между двумя охранниками.

В тишине прозвонили полуденные колокола, их короткий звон прозвучал для меня как приглашение на собственную панихиду. Охранники подтолкнули меня вперед. Я взошла на возвышение. Передо мной находилась круговая железная решетка, диаметр которой составлял около пяти метров. Я посмотрела вниз. В нескольких ярдах ниже солнце освещало каменные стены глубокой шахты Источника, все остальное было в полумраке.

По другую сторону колодца стоял Арад. Рядом находилось еще одно возвышение, остававшееся пустым. Арад стоял за столом, на котором лежали бумаги и свитки, и беседовал с молодым Говорящим-с-землей.

Кроме нас, в зале я не видела больше никого. Постепенно мои глаза привыкли к свету, и я заметила, что в состоявшем из естественной скальной породы амфитеатре были вырублены ступенчатые ряды скамей и что меньшие из них примыкали к главному куполу. Между колоннами я разглядела большую толпу ортеанцев, окружавших меня со всех сторон.

— Я пригласил вас в Дом-источник, чтобы расследовать одно очень серьезное дело. — Голос Арада, хотя тот и не повышал его, был очень хорошо слышен под куполом. — Т'Ан Ремонде решил, что оно относится к компетенции Дома-источника, а не Двора. Я призвал вас сюда, чтобы судить и доказывать.

Среди собравшихся находились Говорящие-с-землей и другие Хранители Источника, которых я знала по официальным встречам, а также несколько с'анов близлежащих телестре. Я стояла в оковах в ярком свете полуденного солнца.

Я посмотрела мимо Арада и обнаружила лица членов телестре Талкул, а потом почти одновременно — самих Ховиса, Сетин и Колтина. Старик кивнул Араду и уставился на меня, очевидно не узнавая.

— Мы подтверждаем это, — сказал Ховис, и несколько ортеанцев повторили его слова. Обернувшись, я увидела Сулис н'ри н'сут СуБаннасен. Ее лицо было безучастным.

— Женщина, которую вы видите... — рука Арада указала на меня, — заявляет, что прибыла сюда из другого мира. Есть некоторые обстоятельства, которые вроде бы подкрепляют данное утверждение. В Таткаэре ей поверили.

Но существует и другое мнение. Для нас очевидно, что она является прямым потомком представителей той самой в высшей степени чуждой, кровожадной и высокомерной расы — Золотого Народа Колдунов.

Этого я ожидала, а теперь, когда обвинение было произнесено, почувствовала некоторое облегчение. Я спросила стоявшего поближе ко мне охранника:

— Когда я смогу говорить?

— Ты? — Он уставился на меня. — Ты здесь не для того, чтобы говорить.

— Что?

— Заткнись.

— Но если мне не разрешают защищаться...

Рукоятка его харура ударила меня под ребра, да так сильно, что я сложилась пополам и застонала. Арад все еще произносил речь, и на нас никто не обращал внимания.

— ...слышали, как она добровольно признавала свою причастность к подобным аппаратам и силам, используемым якобы в ее мире, — продолжал витийствовать Арад, — вы действительно все это слышали, ибо когда она посещала ваши телестре, то не делала из этого тайны. А подобные вещи хорошо нам известны. Нам, которые знают, как колдовской народ ездил между своими необъятными землями, паря в воздухе. Нам, которые знают, какое оружие погубило Пустынные земли, нам, которые знают, какие разрушения они оставили в наследство своим потомкам. Нам, которые после крушения Золотой Империи поклялись, что никогда более не допустят подобного уничтожения мира.

Он выступал так убедительно, что меня наконец прошиб страх. В том, что он говорил, не было средневековой дикости, а собравшиеся ортеанцы не походили на добропорядочных обывателей, которые пришли послушать лекцию о пользе наук. И если меня не захотят выслушать...

— Я думаю, ни у кого нет сомнений в существовании иных миров. — Арад как бы случайно сел на край стола. — Ибо звезды являются дочерьми Великой Матери, и нет ничего странного, что у них есть дети, похожие на нас. Философы часто рассуждали о том, что такое возможно, и скорее всего это так и есть. Но я спрашиваю вас: что вероятнее? То, что эти существа нашли способ пересечь расстояние от звезды до звезды и послали сюда эту женщину, или то, что она прибыла из неисследованной части нашего собственного мира — возможно, даже из знакомой нам части, — скажем, даже из Кель-Харантиша?

Я была поражена изощренностью ума, скрывавшейся за этим аргументом, даже сейчас, когда все сильнее падала духом. Молчание слушавших приводило меня в озноб. Я думала: смогу ли, если мне позволят, доказать, что я родом с Земли?

— Вы видели печать Короны на моем удостоверении! — воскликнула я и почувствовала, как дернулись охранники, но Арад жестом дал им понять, что ничего делать не нужно.

Я не повышала голоса. Акустика была такова, что меня услышали все.

— Я являюсь законной посланницей моего мира.

— Не все рассказы из Татказра соответствуют истине, — сказал Арад, — и даже Т'Ан Сутан-Телестре не застрахована от того, чтобы поверить лгунье. Молчите. Сейчас будут заслушаны свидетели.

По этой команде молодой Говорящий-с-землей взял со стола бумагу и поднялся на возвышение.

— Свидетельство Кетана н'ри н'сут Рену, врача, — прочел он. — «Получив приказание осмотреть заболевшую Т'Ан Командующую Рурик Орландис, я нашел ее страдающей лихорадкой, возникшей по неизвестной мне причине. В настоящее время она лежит больная здесь, в Черепной крепости. По моему мнению, эта болезнь была вызвана намеренно, хотя я и не могу сказать, кем и с какой целью».

Когда Говорящий-с-землей отошел в сторону, Арад сказал:

— Т'Ан Командующая армией Южной земли тяжело больна, и это после того — и только после того, — как она на-

ходила в обществе мнимой посланницы по дороге в Ремонде.

Я не заметила какой-либо доказательности в выступлениях двух или трех следующих свидетелей — это были большей частью с'аны горных телестре, — которые описывали, что я рассказывала им о земных технологиях. «Но Рурик? — подумала я. — Они подозревают меня в том, что я повинна в ее болезни. Ведь это сумасшествие!»

Кетан н'ри н'сут Рену был, как я вспомнила, врачом Ховиса.

Задавались вопросы, некоторые от с'анов, другие — слышавшими, а этот спокойный, бесстрастный голос продолжал перечислять обстоятельства, говорившие против меня. Я потянулась, разгибая спину, и очень была бы не прочь сесть.

Если бы весть об этих событиях достигла Таткаэра и ксеногруппы...

Если бы весть дошла. «А если предположить, что это так, — вдруг подумала я, — что до моих людей дошла бы пусть даже искаженная версия правды, что они смогли бы предпринять? Как бы они пытались мне помочь?» Даже если эта история должна была закончиться казнью, то и тогда мало что можно было сделать, а в торжестве справедливости после моей смерти я не была заинтересована.

— Может быть, здесь были высказаны лишь предположения, — сказал Арад, — во всяком случае, у меня есть еще один, последний свидетель — очевидец, мужчина, который видел, как эта посланница — эта мнимая посланница — воспользовалась запрещенными знаниями Народа Колдунов. Назовите ваше имя, т'ан.

— Алуис Блейз н'ри н'сут Медуэнин, из Гильдии наемников в Римоне, — представился человек и поднялся на возвышение для свидетелей. Свет упал на него, я увидела изуродованную половину лица и узнала его. Это лицо преследовало меня с Теризона — лицо наемного убийцы, безымянного киллера.

— Вижу, что вы его знаете, — заметил Арад, глядя на меня. Было слишком поздно, чтобы отрицать это.

— Конечно, он покушался на мою жизнь. Я не смогла бы его забыть, даже если бы захотела.

— Точно так же и я не могу забыть вас, — произнес мужчина. Я подумала, что еще никогда не слышала, чтобы он говорил. У него был низкий голос, по-ремондски он говорил с сильным римонским акцентом. — Я все еще ношу на себе вашу отметину, колдовское отродье.

Он приподнял руку, которая была перебинтована и лежала на перевязи. Я заметила, что свой харур-нилгири он повесил на правый бок для удобства пользования им левой рукой.

— Я ехал на восток. Наши пути пересеклись в одном Доме-источнике. — Он строптиво вздернул голову и окинул взглядом собравшихся. Ремондцы не питают симпатий к наемникам. — Мы подружились, а потом стали арикей.

Кровь зашумела у меня в ушах. Безликое сборище словно бы растворилось, и взгляд мой различал лишь одну-единственную деталь: улыбку на лице Ховиса Талкула. Оно было обращено ко мне, и в этой улыбке скрывался простой вызов: опровергни, если сможешь, попробуй.

— У нее имеется предмет примерно таких размеров... — Блейз немного развел руки в стороны, — в форме моллюска хура, серого цвета и твердый. Когда я его увидел, то спросил, что это такое, и она сказала, что оружие. Оружие — это по моей специальности, и я захотел исследовать его, но она не захотела, чтобы я дотрагивался до него. Началась борьба. Она не носит с собой меча, не носил его и я с тех пор, как мы встретились. Борьба шла только из-за ее оружия. Она применила его — направила на меня и произвела в воздухе яркую молнию. Моя правая рука перестала действовать, и мне пришлось спастись бегством. Когда я узнал, куда она направлялась, то счел своим долгом предупредить вас.

Когда он спустился с возвышения, Арад взял со стола какой-то предмет:

— Это оружие?

— Да.

— Вы можете идти. — Арад немного выждал, затем снова взглянул на меня. — Вы не отрицаете, что этот предмет принадлежит вам?

— Я отрицаю, что он оказывает такое действие, как было сказано, а также все то, что он рассказывал.

Они обыскивали мои вещи. Что они могли там найти? Отчеты, сообщения — нет, они не смогли прослушать записанное на ленту, да и невелика была бы разница, если бы они сумели это сделать. Аптечка. Это, наверное, их поразило. А мне не хотелось бы ее терять.

Арад показал собравшимся якобы свидетельствующее против меня вещественное доказательство.

— Я требую права говорить! — Я подавила в себе чувство обиды и страха. Говорить — это было единственное, что я могла делать, а сейчас мне отказывали даже в этом. — Утверждала ли я когда-нибудь, что Земля не является технологической цивилизацией? Разве я оспаривала, что мы пользуемся своими собственными научными познаниями? Скажите мне, почему это делает из меня представительницу расы, которая вымерла на вашей планете! Разве вы не видите, что я отличаюсь от вас? Откройте же ваши глаза!

— Вы отличаетесь от нас, — сказал Арад, — но подобные превращения для народа колдунов — детские игрушки; это совершенно ничего не доказывает.

— Я нахожусь под защитой Закона Короны. Происходящее здесь — это несправедливость.

— Но вы находитесь в Ремонде, — ответил Арад и был награжден гулом одобрения со стороны ремондцев. — Это — Дом-источник, и вы находитесь под властью Закона Богини.

Охранники вывели меня из Дома-источника, и мы прождали большую часть второй половины дня в расположенной в стороне комнате. Мои протесты не были услышаны. Я начала это понимать.

Когда меня ввели обратно, уже были зажжены факелы, и последний свет дня падал в темную шахту Источника. Я стояла на краю головокружительно глубокого колодца.

— Вы изложили ваши свидетельства, — сказал Арад, обращаясь к собранию, — а теперь выносите приговор.

Наконец вышла женщина и обратилась к с'анам и священникам.

— Мы долго совещались, — помедлив, сказала она, — и подозреваем, что обстоятельства не говорят однозначно против нее, но мы не убеждены также и в том, что она невиновна. Она могла бы быть представительницей колдовского народа, но, может быть, она ею и не является — мы в этом не уверены.

Послышался одобрительный гомон. Я отыскала глазами лицо Ховиса. Он был явно недоволен таким оборотом дела.

Посоветовавшись с несколькими Говорящими-с-землей, Арад сказал:

— Тогда вот мое решение. Она должна быть помещена обратно в камеру и находиться там под стражей. Мы же поищем новых свидетельств. О них мы еще услышим. Согласны ли вы?

Я уже почти не слышала выражения согласия. Значит, я лишь выиграла немного времени. Однако это было лучше того, чего я опасалась.

Я взглянула через зал на изуродованного шрамами человека. «Он не видел акустического парализатора, — подумала я, — и он совершенно точно не видел, что я им пользовалась. Кто-то тщательно подготовил его на роль свидетеля. Тот, кто его нанял и доставил сюда...»

Снова ожили старые подозрения, но сейчас я не находила Сулис. Когда меня вели в камеру, я мысленно разрабатывала планы спасения, но все они никуда не годились. Если бы только можно было послать весть на свободу. Если бы поскорее выздоровела Рурик и вернулась сюда. Если бы Фалкир...

Я обратила внимание на то, что не видела на суде Фалкира.

— Пора, — заключила я, рассказав Халтерну о судилище. — Ведь мы наверняка можем что-нибудь предпринять?

— Мы можем лишь проявлять осторожность. — Халтерн был зол. — Они выслушали посланницу, и закон Дома-источника дает им право содержать вас в камере, пока они не решат еще раз заслушать вас. А разве не стало бы для них желанной случайностью, если бы вы заболели смертельной болезнью и умерли? Или от отравленной пищи? Или от меча подосланного убийцы?

* * *

Я проснулась, когда мне снился теплый сон, в котором мои пальцы сплелись с коротко подстриженной гривой.

Дикарка трясла решетку так сильно, что гудели стены. Ее лицо было поднято к вентиляционным отверстиям в потолке.

— Что случилось?

Она многократно повторяла одно и то же слово, но я поняла его, прежде чем взглянула вверх. Было утро, внутрь проникал бледный свет. Она пнула решетку в последний раз и отошла к своей куче соломы. У нее была завидная способность сохранять силы за счет долгого сна.

Наш разговор с нею никогда не шел дальше уровня «кто ты?». Она не понимала ни моей, ни Халтерна смеси имирского с ремондским.

— Какой сегодня день? — вяло поинтересовался мой товарищ по несчастью.

— Четвертый день Четвертой недели, я думаю. — Я была уверена, что слушание состоялось во второй день. — Как вы себя чувствуете?

— У нас почти нет топлива. — Мой вопрос он пропустил мимо ушей. Я слышала, как он ночью кашлял.

— Я не могу в это поверить. — У меня не было возможности выразить свое раздражение. — Не могу поверить, что невозможно заявить протест. И не думаю, что эта пародия представляет собой предписанный законом ход процесса!

— Он неофициален, и речь идет об обычае Домов-источников. — Халтерн натянул на свои плечи одеяло, как платок. — Если бы речь шла о Законе Короны, то вам было бы позволено высказываться и вызывать ваших собственных свидетелей. Это, как я предполагаю, и есть причина того, почему Т'Ан Ремонде предоставил вести все дело Араду.

Я наполнила чашу углем, предварительно вытряхнув на пол золу.

— Ховис. Не Колтин.

Он кивнул:

— Четвертый день Четвертой недели... Если бы Т'Ан Рурик чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы смогла вернуться...

— «Если бы». — Мысль об этом беспокоила меня. Я знала, что Халтерн ошибался и что Ховис в данный момент еще не отдал приказа убить меня. Еще нет, потому что ему еще нужно было самому выйти из трудного положения, которое он создал, посадив в тюрьму принятую Короной посланницу. Но если бы ему удалось утаить от Рурик, где я нахожусь, а она уехала бы на юг, тогда бы он придумал что-нибудь новое. Он был, пожалуй, слишком осторожен, чтобы устранить посланницу.

Воздух был очень влажен. Тонкие струйки воды стекали вниз через вентиляционные щели и образовывали лужи на каменном полу. В чаше оставалась только теплая зола.

Дикарка схватилась за прутья двери и стала трясти ее. Лицо ее по-прежнему ничего не выражало.

— Прекрати шуметь! О Богиня! — Халтерн добавил несколько бранных слов из пейр-даденийского языка. Его руки дрожали. Он швырнул в нее пустую винную бутылку, разбившуюся о прутья решетки. Осколки разлетелись по всему полу.

— Не кричите на нее, ведь ее вины нет в том, что мы здесь, — вспылила я.

— Моей тоже, — сказал он с ядовитой резкостью.

— Проклятые, полуцивилизованные дикари, — не выдержав, закричала я. — Вы все тут заодно.

Дождь прекратился. Влага мельчайшими каплями оседала на мех моего халата. Холодные железные прутья пощипывали руки.

— Халтерн, простите меня. Мне очень жаль, — испытывая стыд за недавний срыв, виновато проговорила я.

Наши руки соприкоснулись сквозь решетку.

— Мне тоже. Извините. Эти ремонтцы... — Он пожал плечами. — Я думал, что достаточно хитер, чтобы меня схватили таким глупым образом. В моем-то возрасте.

— Я погорячилась, назвав вас дикарями, — пытаюсь загладить вину, проговорила я. — Колдовские народы не являются лишь легендой. Но я не готова была к встрече с обществом, пережившим подобную катастрофу.

— Кристи, — крикнула дикарка. Она отошла от решетки и стала наблюдать за входной дверью.

— Что?..

Дверь отворилась. Я ждала, что принесут побольше пищи и вина, которые передавались нам тайно, или стражников Т'Ана Ремонде. Вместо этого вошла женщина и прикрыла за собой дверь.

— Верек Сетин. — Халтерн подошел к решетке.

— У меня мало времени. — Ортеанка открыла дверь его камеры, потом моей.

— Где Фалкир? — спросила я.

— У моего брата Ховиса. Организуется выезд на охоту. Сегодня праздник Пятого дня.

— Его с вами нет?

Она непонимающе смотрела на меня. Я вышла из камеры. Мне не хотелось задавать следующий вопрос, и все же я спросила:

— Он знает об этой истории с судом?

Сетин покачала головой:

— Вначале не знал. Мой сын следует обычаям телестре. Т'Ан, вам нужно побыстрее идти со мной.

Халтерн торопливо скатывал одеяла. Я смотрела на него. Моя голова стала плохо соображать.

— Она должна пойти с нами, — сказала я, когда Сетин проходила мимо камеры дикарки.

Халтерн согласно кивнул:

— Вы правы. Если она останется здесь, они вытянут из нее, кто нас освободил.

Дикарка сначала отпрянула назад, но потом успокоилась и даже дала укутать себя одеялом. Одним я обмотала ее шею, из другого сделала подобие грубого плаща с капюшоном. Так она могла бы сойти за жительницу Ремонде. Я надеялась на это.

Она шла за Сетин и Халтерном, одеяло скрывало ее босые ноги. Я следовала за ними. У Сетин были две вещи из

моего багажа, лежавшие в опустевшем караульном помещении. Мы поднялись наверх по длинным каменным коридорам и казавшимся бесконечными лестницам.

— Сетин. — Я прошла вперед мимо Халтерна, чтобы поговорить с ней. — Если он не... кто тогда все это время посылал нам продукты и теплые вещи?

— Это произошло по распоряжению Фалкира. — Она продолжала идти, не сбавляя скорости. — Он желал сделать для арикей все, что только мог. Фалкир действительно сделал много. Это он говорил с Ховисом о том, что вас признала Богиня...

«Боже мой! Как я могла забыть об этом?» — подумала я. Этот факт совершенно вылетел у меня из головы. Я предполагала, что участвую в любопытной церемонии туземцев, что Рурик устроила это мне из добрых побуждений, но так больше ни разу и не вспомнила о ритуале, даже в Доме-источнике.

— Вам бы не поздоровилось, если бы вы упомянули о Богине, — добавила Сетин. — Ховис знал об этом, Арад также знал. Как бы это выглядело, если бы вы заявили, что признаны Богиней, а сопровождавшая вас в это самое время тяжело больна?

— Но Фалкир...

— Он сделал, что смог, не нарушая законов телестре.

— А вы? — О чем я действительно хотела спросить, так это о том, почему здесь она, а не он.

— Я делаю, что в моих силах, — сказала она. — У меня уже нет ни желания, ни времени высказывать свое мнение телестре. Потому я действую на свой страх и риск.

Над нами высился отвесный берег. В лицо мне ударил теплый влажный воздух, поднимавшийся от земли. Солнце миновало зенит, дневные звезды белели над башнями Корбека. Мы стояли на дороге, обозначенной следами колес, смотрели на ясный свет, дышали свежим воздухом и молчали несколько долгих минут.

Прошло менее недели, и все изменилось. Окраска деревьев в садах сменилась с желтой на серую. В воздухе ощущался пряный запах осени.

— Я больше ничего не могу для вас сделать и ничего не знаю, — сказала Сетин. — Идите. Покиньте Корбек.

Она стояла в дверях, при дневном свете отчетливо было видно, что она пожилая, больная женщина. Ее глаза были мутными, под ними виднелись бурые пятна. Такого же цвета пятна были вокруг ее губ. Одежда свисала с ее опущенных худых плеч.

У Сетин был холодный и упрямый вид, такое же выражение я часто замечала на лице ее сына.

Фалкир. Он был прежде всего обитателем Ремонде и членом телестре Талкул. Как это ни печально, что я получила свободу из чужих рук, я все еще доверяла ему и в мечтах представляла, как он старался меня освободить. Я чувствовала себя преданной. Не им, но мною самой, потому что возомнила, что мы одинаково мыслили и чувствовали. Потому что думала, будто поняла, что такое телестре.

— Благодарю вас. — Я взяла в свои руки холодные руки Сетин. — Я никогда не выдам вас, что бы ни случилось.

— Пройдет некоторое время, и для меня это не будет иметь никакого значения. — Она криво улыбнулась. — Мне передать что-нибудь от вас моему сыну, Кристи?

Мое благоразумие уступило место чувству горечи. Я молча покачала головой. Я не могла теперь доверять и себе самой.

— Мы благодарим вас, т'ан, — сказал Халтерн. — Корона узнает о вашем поступке, в частном порядке, если вы этого желаете. И еще одна просьба: вы не могли бы сообщить Т'Ан Рурик о нашем местонахождении?

— Я не выезжаю за пределы Корбека. Если она приедет сюда, то да. — Сетин внимательно смотрела на меня. — Не думайте о нас слишком плохо. Арад поступает в согласии со своей совестью, он верит, что вы из Народа Колдунов и представляете опасность. Даже Ховис в своих действиях руководствуется нашим общим благом. Он любит власть, это я признаю, но и он искренне верит, что может совершить для телестре то, что никому, кроме него, не под силу.

— Тогда ему придется подождать, — ответил Халтерн. — Когда умрет старик, люди, возможно, выберут его Т'Аном Ремонде.

— Не исключено, что они этого не сделают. А он так долго ждал. — Ее лицо снова стало замкнутым и холодным, как и прежде. — А теперь идите.

Дверь за нею закрылась. Я взяла дикарку за руку и пошла за Халтерном в город.

Глава 12. Бегство на юг

— Куда же мы идем? Нам нужно побыстрее отсюда исчезнуть!

— Будьте благоразумны и наберитесь терпения, — ответил Халтерн. — Скоро объявят тревогу. Это произойдет, когда вернется Ховис, скажем, при заходе солнца или, самое позднее, ранним утром. Он вышет во все стороны гонцов, чтобы предупредить телестре. Если вы знаете, как нам в темноте миновать ремонтские телестре...

— Хорошо. Согласна, но что нам делать? Мы не можем оставаться здесь.

— Именно это мы и можем. — Он был разгорячен и взволнован, свобода наполнила его свежей энергией. — Во всяком случае, на некоторое время.

Белые стены домов телестре во внутреннем городе были для нас исключены. Дорога была скользкой, грязи по щиколотку, а следы колес заполнены дождевой водой.

Я все еще держала дикарку за руку, потому что не надеялась, что она останется с нами. Я несла свои вещи, перекинув их через плечо. Это было нетрудно, и я спрашивала себя, сколько же осталось в узелке от моего добра.

— Телук, — сказала я.

— Вы хотите пойти в Дом-источник? — недоверчиво спросил Халтерн.

— Она говорила, что Хранителям Источника можно доверять, к тому же Телук не в приятельских отношениях с Арадом.

— Если она еще в Корбеке... — Он помедлил, когда мы вышли на перекресток. — Хорошо, но не для того, чтобы там остаться: это было бы слишком рискованно.

— Вы думаете, что находиться здесь менее рискованно? Давайте уйдем с дороги.

Если хоть немного повезет, то я сойду за жительницу Ремонде, опустив вниз глаза и спрятав руки. Однако женщина-дикарка, закутанная в одеяла, уже стала привлекать к себе внимание прохожих. Мы попали в толпу горожан, праздновавших Пятый день. И вдруг Халтерн стал весело смеяться. Это выглядело нелепо, но мне пришлось присоединиться к его смеху. Я вырвалась из грязной норы, а это было главным.

Дом-источник был закрыт, но Халтерн долго дергал железную решетку, пока не открылась внутренняя дверь и оттуда не выбежала сама Телук.

— Входите, живо! Как вы... все равно, спрячьтесь.

Во дворе она остановилась, оглядела нас и произнесла пару крепких выражений, которые я слышала от всадников Рурик. Она открыла дверь одного из помещений рядом с куполом над Источником. При этом дикарка испуганно отпрянула от двери, и я поняла, что ей не хотелось опять заходить в помещение, которое скорее всего у нее ассоциировалось с тюрьмой.

— Ты хочешь остаться здесь? — Я показала на двор, и она кивнула в ответ. Телук тем временем заперла внешние ворота.

— Ты и твои друзья покинуть это?.. — Дикарка сказала слово, которого я не поняла, и жестом пояснила, что имеет в виду весь Корбек.

— Да, мы скоро уйдем отсюда.

Я оставила ее сидеть на каменных плитах. Она откинула назад одеяло и устремила лицо в небо.

Внутри плохо освещенного помещения встал аширен, как раз собиравшийся разжечь огонь в очаге.

— Т'ан!

Марик схватил меня за руки. Я была смущена. Мне казалось, что у него нет причин радоваться при виде меня. Он ушел, чтобы принести что-нибудь поесть, тогда как Халтерн

принялся вкратце описывать Телук, что с нами произошло, а я стала разбирать свои пожитки.

Аптечка была здесь, но наполовину пуста. Я нашла еще кое-что из одежды и несколько серебряных монет. К моему великому сожалению, микрорекордер пропал, но на дне узелка я обнаружила парализатор, завернутый в лоскуток ткани из хирит-гойена.

Я подумала, что мне следует поблагодарить за это Сетин, пока у меня еще была для этого возможность. В се действиях не было половинчатости, когда она следовала голосу своей совести. Я надеялась, что Ховис не станет причинять ей боль.

— По реке пройти невозможно, — сказала Телук. — Я пыталась проплыть на восток на лодке, но там требуется разрешение на поездку, подписанное Т'Аном Ремонде.

— На восток двигаться бы лучше всего... можно было бы сесть на корабль у устья реки Берут и на нем добраться до Татказра. Идти на юг опасно: там слишком многие телестре поддерживают Талкула. — Лицо Халтерна помрачнело. — Разрешение на поездку по территории провинции? Не слышал о подобном. По-моему, это нарушает и законы, и обычай нашей страны.

— За это следует благодарить Арада.

— У нас хватит денег на мархацев?

Я пересчитала свое серебро. Телук помотала головой:

— Разрешение требуется и на то, чтобы купить в Корбеке мархаца.

Халтерн разразился проклятиями в адрес предусмотрительности Арада.

— Я спрашиваю себя: не подкупить ли нам кого-нибудь? — наконец сказал он.

— Я пыталась это сделать, и мне едва удалось избежать тюрьмы. — Телук обратилась ко мне: — Вам нельзя здесь оставаться, т'ан. Не хотела бы быть невежливой, но Арад знает, что я настроена против него, и велит обыскать все Дома-источники.

Пришел Марик, принес фаянсовые чашки и кувшин с кислым вином. Он робко спросил:

— Что мы будем делать, т'ан?

Я подумала, что наше положение не намного улучшилось после того, как мы были выпущены из камер... Какая жалость! Но должен же быть какой-то выход.

— А не можем ли мы сделать это пешком? — Я вспомнила поездку верхом в Ремонде с войском Рурик. — Можно попробовать проскочить восточнее или севернее от гарнизо-на. Или идти на юг, пока не встретим кого-нибудь, кто верит в авторитет Т'Ан Сутаи-Телестре, а не Т'Ана Ремонде. Это все, что нам остается.

— Пешком через всю страну?..

— Идея вовсе не такая безумная, — отозвалась Телук. — Сейчас погода должна установиться сухой и прохладной. Обычно мы из гарнизона совершали пешее патрулирование местности в Торверн, а здесь находимся на много зери юж-нее. Пеших вас было бы труднее обнаружить, и вы могли бы лучше спрятаться.

— Если вы думаете, что я пойду пешком до Татказра, то вы с ума сошли!

Выбор, однако, у нас был небольшой. Я окончила курсы выживания в природных условиях и была уверена, что мы смогли бы покинуть Ремонде, хотя это и происходило бы без комфорта. Нас обязательно станут преследовать. Меня стра-шила мысль об этом. Не ранее чем с того момента, когда мы были освобождены, я поняла, что никогда больше не позво-лю арестовать себя. Никому.

— Они будут искать на дорогах, — размышлял Халтерн.

— Идите на запад, там они вас не будут ждать. — Телук нагнулась, вынула из огня обуглившуюся палку и начерти-ла ею в золе несколько линий. — Здесь Корбек, а вот горы на западе и равнина на севере... Вот — реки и леса на юге. Если вы пойдете на запад, а потом на юго-запад, то дос-тигнете реки Оранон, а находящиеся там телестре отно-сятся к Имиру.

— Это более ста зери, — в ужасе сказал Халтерн.

— Шесть дней, может быть, семь, если будет хорошая погода. Это осилит любой.

Я подумала, что уверенности ей хватает. Телук жила в этой стране, она была солдатом и говорила со знанием дела.

Я сказала:

— Может быть, вам тоже следовало бы покинуть Корбек.

— Да. — Она положила палку обратно в огонь и скрестила свои шестипалые руки. — Мне нужно исчезнуть с глаз Арада. Он не станет выслушивать аргументы, к тому же в последнее время он кое-что слышал обо мне: за пределами Ремонде я была бы в большей безопасности.

— Вы обе сумасшедшие, — резко сказал Халтерн.

— Мы вынуждены сделать так, пока у нас не возникла лучшая идея. Поскольку мы не можем здесь оставаться...

— Этого вы действительно не можете, — подтвердила Телук. — Вам придется пойти со мной. За пределы досягаемости т'анов из клана Талкулов. И я знаю куда.

Проснувшись, я почувствовала волнение, такое, как если бы ожидала чего-то особенного, не зная, однако, чего. Тут я опять осознала, что была уже не в камере. Но озабоченность не проходила. Уйти из города... Удастся ли нам?

Комнату наполнял зеленоватый свет. Она была круглой, стены — деревянными, как и низкий, конусом сходявшийся кверху потолок. Камин был сложен из неотесанных камней.

Неподвижно, словно вырубленная из камня статуя, в двери стояла дикарка, отодвинув в сторону кожаную портьеру. Голова ее была поднята вверх, а руки сжаты в кулаки. Свет освещал ее нечеловеческое тело: ребра, усеянные шрамами, пару небольших грудей, дополнительные грудные соски и совершенно гладкую кожу в паховой области.

— Кристи. — Ее спокойный голос больше никого не разбудил.

Я встала, обернула вокруг себя одеяло и подошла к ней. Снаружи первый свет возвещал о скором восходе солнца. Между хижинами стоял туман и скрывал реку.

— Тебе придется пойти с нами, — сказала я.

— Какая дорога?

— Туда. — Я показала на запад. Ее глаза вдруг потемнели.

— Я пойду с вами, — сказала она и отвернулась.

Завтрак состоял из холодного мяса и чая из трав, а большую часть наших припасов нам пришлось упаковать для предстоящей дороги. Я велела Марику распределить груз между всеми; он в этом разбирался лучше.

— Жаль, что Гер и Ору остались наверху, — сказала я, сворачивая одеяла.

— А вы пойдите туда и попросите их у Ховиса, — ответил Халтерн с ядовитой резкостью в голосе.

«Или у Фалкира», — подумала я и ненадолго задумалась. Мысль о нем то совершенно пропадала из моей головы, то вдруг снова возвращалась ко мне. Мысленно я проклинала его, однако не могла забыть.

— Мы готовы? — На поясе Телук, как у Халтерна, висели харур-нилгири и харур-нацари. У Марика на поясе также был нож. С некоторых пор и я привыкла носить при себе короткий нож, но парализатор находился у меня в кобуре под ремонтским пальто. Ту немногую одежду, какая имелась, мы надели на себя, чтобы уменьшить свою поклажу.

«Не существует причины, по которой кто-либо мог бы нас задержать, — подумала я, — если за нами уже внимательно не наблюдают».

Утренний воздух был свеж. Я сошла вниз по ступеням наружной лестницы и поправила ремни заплочного мешка. Мои сапоги тонули в грязи. Ко мне присоединились Халтерн и Телук, затем шла дикарка, одетая в ремонтское пальто, ничуть не помогавшее скрыть ее высокий рост, удобу и дикий вид. Замыкал группу Марик. У меня было ощущение, что в груди застрял большой комок, я чувствовала изжогу.

Мы ступили на дорогу, что тянулась вдоль реки. Между надстроенными друг над другом помещениями и сквозь шаткие лестничные переходы и мостки вели узкие проходы. Из каминных труб в воздух поднимался черный дым. В грязи рылись куры. Мне ударял в нос неопределимый кисловатый запах. Дом для приезжих — было бы сильным преувеличением называть его общественным домом — остался позади нас в речном тумане.

Город из хижин был первым местом, которое напомнило мне Землю. Это был временный лагерь для переселенцев.

Наших имен никто не спрашивал. Важнее было то, что никто и не пытался узнать, из какой мы телестре. В моем кошельке было еще достаточно денег, чтобы получить для всех нас комнату. У здешних жителей были беспокойные взгляды. Эти изгои и заблудшие являлись ортеанцами, а значит, им было хуже, чем мне.

Марик дотронулся до моей руки:

— Что мы будем делать, если они нас остановят?

— Они этого не сделают. А если все же попробуют, то беги и спрячься. Подожди, когда сюда приедет Т'Ан Командующая.

Солнце поднималось все выше. Мы шли вверх по Беруфалу и добрались до того места, где работали водяные мельницы, так что из-за их рокота невозможно было слышать друг друга.

Повернув на север, а затем на запад, мы прошли мимо старых городских стен к началу северной дороги. Стены остались позади, как мостки и переходы. Мимо нас проходили или проезжали на мархацах люди, и на некоторых были видны знаки различия Талкулов. Я никому не смотрела в лицо. Напряжение заставило всех нас замолчать.

Потом мы проследовали мимо домов телестре и оказались на посыпанной шлаком проселочной дороге. Я посмотрела назад и увидела возвышавшиеся террасы Корбека — лестницы и башни, — а над всем этим белеющий в утреннем свете купол Дома-источника на вершине утеса.

Халтерн облегченно вздохнул, провел рукой по своей редеющей гриве и улыбнулся. Телук засмеялась. Я впервые видела ее без озабоченности на лице, она выглядела в тот миг так же, как и аширен, Марик.

— Худшее у нас позади, — произнес Халтерн.

— У меня такой уверенности нет. — Снова став серьезной, Телук остановилась, поставила ногу на придорожный камень и заново завязала ремни на сандалиях. — Они объявили тревогу, вот в этом вы можете быть уверены.

Местность была ровной, южнее нас лежали покрытые лесами горы, бледная серая масса которых оживлялась синей и ярко-красной осенней листвой лапуур и зику. Воздух был

прохладен, а земля выглядела опустевшей. Иногда мимо нас проезжали повозки, а навстречу попались один или два всадника на мархацах.

«Неужели нам так легко удастся уйти?» — подумала я, когда настал полдень и мы вышли к дорогам, что вели в двух направлениях — на север и на запад.

— За этими горами есть общественные дома, — заверила Телук. — Осталось немного.

— Это вы утверждаете уже с сегодняшнего полудня, — проворчал Халтерн.

Шел четвертый день с того времени, как мы покинули город. Второй день был самым трудным, когда пришлось преодолевать онемелость ног, но затем мы стали двигаться быстрее.

К своему удивлению, я обнаружила, что мне это начало нравиться. Ходьба утомляла, но не создавала особого напряжения; наш груз был не очень тяжел, и мы вошли в определенный равномерный режим.

По утрам подстывшая земля звенела, как будто мы шли по металлу, а покрывшаяся инеем палатка из водонепроницаемой бекамиловой ткани становилась жесткой и скрипучей. Дни стояли ясные, небо имело бледно-синий цвет, характерный для ортеанской осени, а полуденное солнце все еще припекало. Мы говорили друг с другом, шагая в бледно-золотом свете коротких туманных вечеров. Временами Телук обследовала какую-нибудь гору, чтобы обнаружить дичь, иногда это делал и Марик. Потрошить добычу было грязным занятием.

Нас вела дикарка; она избегала пользоваться дорогами. Мы не спешили. На третье утро выпал мелкий снег, и я обнаружила, что ткань из паутины бекамила столь же хорошо удерживает тепло, как и не пропускает влагу. Вино в это утро выдавалось более щедрыми порциями, чем обычно, после чего мы отправились дальше в приподнятом настроении.

В этот день мы не встретили вообще никакой живности, пока в поисках воды не вспугнули зилмеи. Она подпрыгнула на задних лапах на высоту около четырех метров, взмахнула

в воздухе мощными передними и с жалобным воем исчезла подобно серовато-белой молнии. После этого мы протрезвели.

И в этот день мы наконец-то впервые повернули на юг.

— Мы находимся примерно в пятидесяти зери от Корбека, — сказал Халтерн, — но нам нужны продовольствие и информация — хорошо бы узнать, где нас ищут.

— Сейчас мы подходим к границам земли, которая мне знакома, — сказала Телук, — но... ах, вон там... я была права!

На южном склоне горы ниже нас находилось низкое строение с плоской крышей. Из каменной трубы поднималась тонкая струйка дыма. Я смогла различить во дворе мархаца.

— Я спущусь вниз, — предложила Телук, — все Говорящие-с-землей — это странники, и никто не сочтет необычным, если я стану задавать вопросы. Пойдешь со мной, аширен-те?

Марик запрыгал вслед за ней по каменистой тропинке. Мы вернулись за гребень горы и расположились в ложине, где росли голубые тысячцветы. Из леса появилась дикарка. Она облизывала свои окровавленные пальцы. У нее были собственные методы охоты.

— Мы не можем взять ее туда с собой, — сказал Халтерн.

— Ты останешься? — спросила я ее.

— Не в стенах.

— Вам не следует ей верить, потому что вы не знаете, что они за люди.

— Хал, что вы вообще собирались с ней делать? Может, вы хотели взять ее с собой в Таткаэр?

— Она наверняка могла бы ответить на кое-какие вопросы. Нам следовало бы знать, каковы намерения ее соплеменников. В течение нескольких сезонов они были спокойны... но могут собраться и решиться на нападение. Такое уже однажды произошло. Интересно, откуда ее добыл Ховис.

— Из той местности, что расположена в направлении нашего движения, как я полагаю. У меня по пути возникло впечатление, что она кое-что узнает.

— Не говорите глупостей, ведь мы на сотни зери южнее Черепного перевала...

В подлеске послышался шорох. Мы вскочили, Халтерн обнажил свои мечи. В поле нашего зрения возник Марик:

— Мы можем спускаться! Меня послала Телук. Она сняла комнату.

— Здесь не было обыска?

— Как же, они приходили сюда день назад.

Халтерн вложил оба лезвия в ножны и посмотрел на ди-карку.

— Я буду вас ждать утром, — спокойно сказала она и исчезла.

Общественный дом, который содержали две телестре, Эревал и Ирир, был не так мал, как это казалось снаружи. Он располагался на главной дороге от Корбека в Миране, стоял на южном склоне горы и имел шесть этажей, под которыми находился ряд помещений для скота. Дом был не слишком занят; большая часть осенних ярмарок уже закончилась.

— Теперь вы отважитесь пойти на юг? — спросила меня Телук за едой, затем наморщила лоб. — О Богиня, что эти люди добавляют в тушеное мясо?

— Постояльцев, которые не оплачивают свои счета. — Поскольку Халтерн находился под надежной крышей, остроумие его снова ожило.

— Вы являетесь послем Короны, — сказала я, — так отправьте же сообщение. Сейчас мы, наверное, достаточно далеко от Корбека.

— С этим мы повременим еще день или два. Ведь так и так нет никаких каналов связи, пока мы не доберемся до реки Оранон.

— Они все еще думают, что вы пошли на восток, — предположила Телук, — но со временем они все равно узнают куда.

Наши комнаты располагались над хлевами. Запах мускуса от мархацев ударял мне в нос, и этой ночью мне приснилось, будто я еду верхом на край света. Однажды я проснулась и больше не смогла заснуть. Парадокс, но именно сей-

час, когда представилась возможность хорошенько отдохнуть в тепле, я не могла по-настоящему уснуть.

Через некоторое время я заметила, что не спал и Халтерн. Он молча смотрел на меня. Звездный свет падал ему в глаза, перепонки которых были подняты, а зрачки походили на бархатисто-черные отверстия. «Он видит меня яснее, чем я его», — подумала я.

— Вы когда-нибудь спрашивали его о том, хочет ли он стать н'ри н'сут в вашей телестре? — мягко спросил он.

Понятно было, кого он подразумевал под словом «он».

— Нет, да и как бы я могла задать такой вопрос?

— Спрашивал ли он вас когда-нибудь, хотите ли вы стать н'ри н'сут Талкул?

— Нет. — Я не знала, что он должен был это сделать.

— Тогда вы были арикей, и, возможно, все закончилось еще прежде, чем началось. Но, именем Богини, Кристи... если что-то умерло, так пусть же и пребывает в покое!

В его резковатом тоне слышалась, как мне показалось, забота обо мне. Это удержало меня от того, чтобы послать его к черту.

— Причина заключается в различных обычаях, не так ли? И в недоразумениях. — Я чувствовала сильное смущение. — Ладно, Хал. Мне бы не хотелось об этом говорить. Но большое спасибо за то, что вы это сказали.

— Вы нужны нам здесь, — проговорил он, — но вы не с нами, когда ваши мысли в Корбеке.

Ночь была полна звуков: шипели мархацы, ходили люди, остановившиеся в общественном доме, вылетевшие на ночную охоту рашаку издавали крики, походившие на скрежет металла, которым скребут каменный пол.

Я чувствовала, что снаружи было холодно, и вдруг с неожиданной тоской мысленно вернулась в Таткаэр под его солнце. Мне подумалось, что я была бы очень счастлива, если бы мы только вернулись на юг.

Я прошла по двору от соседней постройки, расшнуровала пальто и испугалась. Мороза не было, утро оказалось сырым, промозглым. С высоты горного отрога местность про-

сматривалась вдаль на целые мили, в далекой дымке вырисовывались горы на юге. Я взглянула вниз, на дорогу. Мы двигались все же непозволительно медленно. «Согласились бы здесь продать мархацев, — подумала я, — или было бы большим риском спрашивать об этом?»

Обернувшись, я заметила движение на дороге. Всадники. Поблескивала отделанная металлом упряжь мархацев. Они находились еще слишком далеко, чтобы можно было распознать знаки различия или хотя бы определить количество ехавших. У меня по спине пробежали мурашки. Мгновенно вернулся страх, который я испытывала в предыдущие дни.

Когда я побежала в дом, с неба упали первые капли дождя.

— Эти выродки, не знающие ни своей матери, ни земли, — шумно задышав, сказала Телук. — Вот они где. Они перекрыли дорогу на юг.

— Вы думаете, они знают, что мы там были? — На лице Марика появилось выражение тревоги.

— Хранитель был обязан сказать им об этом. Проклятие, и как им взбрело в голову возвращаться именно этой дорогой? — Она едва сдерживала свой темперамент.

Мы осторожно двинулись вниз по склону, туда, где Халтерн караулил наши вещи. Непрерывно шел моросящий дождь.

— Основная группа пошла на юг, они выслали вперед разведчиков.

— Они догадались, что мы собирались сделать. Нам придется снова вернуться в горы, а это значит — на запад.

Нам не представилось возможности украсть мархацев. Мы выскользнули из нашего ночного пристанища как можно быстрее, поэтому у нас теперь было с собой слишком мало провианта.

— Проверь дорогу, — приказала Телук Марику, а когда тот ушел, она продолжила: — Скажу только одно: те, кто нас преследует, — жители Северного Ремонде. Я слышала, что они используют кацца, чтобы идти по следу беглецов. Мы можем быть благодарны Богине за эту плохую погоду.

Я никогда не видела охоты с использованием кацца. Но у меня в ушах звучал голос Фалкира. Он говорил, что обучить их так же трудно, как и рашаку, а уйти от них так же невозможно, как от своей судьбы.

— К тому же где-то там есть еще ваша дикая подружка, — сказал мне Халтерн. — Если они ее схватят — а лишь Богине ведомо, где она сейчас может быть! — то наверняка будут знать, что мы здесь. Тогда с нами будет покончено.

— Если они ее схватят.

В первой половине утра дождь превратился в снежную крупу.

— О Иисус, — крикнула я Телук, которая шла впереди меня, — при такой погоде мы не сможем идти дальше!

Я остановилась и подождала, когда меня догонит Халтерн. Потом обхватила рукой Марика, который с поникшей головой прижался к моему боку.

— В такую погоду никто не сможет двигаться, — прохрипел Халтерн, — они тоже люди. Скажите этой женщине, что мы не столь выносливы, как Говорящие-с-землей, что нам нужна крыша над головой.

Было невозможно устоять на ветру. Замерзшие капли летели нам в лицо с южной стороны. К ногам липла вязкая грязь. Я чувствовала, как под пальто и рубашку по шее стекала вода. Возникавшие в груди и желудке не поддававшиеся контролю судороги сотрясали все мое тело. Мои руки окоченели даже под рукавицами, а лицо совершенно ничего не ощущало.

— Идемте под деревья, — сказала Телук, когда подошла достаточно близко, чтобы мы смогли ее понять.

Тукинны отчасти сдерживали ветер. Я пробивалась вверх по склону следом за ортеанкой. Мшистая трава ломалась под моими ногами, позади оставались длинные, грязные следы скольжения. Мне пришлось отпустить аширен, потому что требовались обе руки, чтобы можно было карабкаться наверх. Мешок на моей спине грозил лишить меня равновесия. Кора деревьев тукинна слезала мокрыми, черными лохмотьями, когда я хваталась за стволы, чтобы устоять на ногах.

— Давай вперед. — Я протянула руку назад и подтянула к себе наверх Марика.

Халтерн был еще метров на сто ниже нас и тоже пробивался наверх. Неожиданно Телук скатилась сверху мимо меня.словно рак, она пятилась назад между изогнутыми деревьями и в конце ухватилась за руку Халтерна. Она была защищена от непогоды еще менее, чем все остальные: поверх ее облачения священника имелось только ремонтское пальто, а на ногах — сандалии, и все же казалось, будто ходьба не представляла для нее большого труда. Было впечатление, будто холод для Телук ничего не значил.

— Нам нужно подняться еще выше, — крикнула она, — между скал.

Вода стекала с деревьев настоящими ручьями. Из последних сил я карабкалась наверх по крутому склону горы. В тусклом свете уже виднелись очертания скал. Между ними текли небольшие ручьи, промочившие наши колени и локти, которыми мы помогали себе при подъеме.

Слабеющий свет превратился в сумерки. Я встала. На скалистом гребне хребта возвышались мощные останцы, вокруг которых лежали валуны и огромные обломки.

Тут не было пещер, имелись лишь расселины и трещины, уходившие глубоко в массу горы. Шатаясь от усталости, мы ввалились в одну из трещин, дно которой имело ширину, достаточную для того, чтобы можно было пройти. Здесь мы находились между сырых скалистых стен, но зато не на ветру и не под градом.

Марик дрожал так же сильно, как и я. Халтерн в изнеможении опустился на колени, а Телук прислонилась к стене у входа в трещину. Глаза ее помутнели, а затем закрылись.

Было холодно, ужасно холодно. Настолько, что малейшее движение воздуха причиняло боль. «Люди ведь умирали от переохлаждения, — подумала я, — а также от воспаления легких».

Прошло немало времени, прежде чем кто-то из нас пошевелился.

— Нам нужен огонь, — сказала Телук.

— Это сразу выдало бы наше местонахождение, — ответил Халтерн и открыл глаза. — Да и что тут может гореть? Все слишком сыро.

— Мох. В трещинах. — Она посмотрела на меня, я сняла с плеч мешок и встала:

— Я поищу.

Мои ноги расплзались, ударились о скалу, я то и дело падала. Мною овладела почти полная бесчувственность. Я стянула с помощью зубов рукавицы с рук, чтобы можно было выщипывать мох из глубоких трещин. В защищенных от ветра местах кусты не промокли, но слегка увлажнились; от них я также отломила несколько веток. Надо мной по-прежнему сыпала снежная крупа.

Когда я вернулась, Телук рубила своим харур-нацари ветви птицекрыла и складывала их у входа в трещину. Я бросила принесенное внутрь. Под устроенным из бекамиловой ткани навесом Халтерн растирал руки и ноги аширен. Рядом лежала пустая винная бутылка.

— С ним все в порядке?

Халтерн кивнул, не поднимая головы.

Я снова заставила себя выйти наружу.

Телук вскарабкалась по скале и стала укладывать ветви над щелью. Снежная крупа падала на перекрытие из веток тукинны. Холод был столь сильным, что обжигал кожу, словно огонь. Было светло, несмотря на тучи, потому что сквозь них пробивалось яркое ортеанское солнце.

Телук прыгнула на дно рядом со мной, уверенно приземлившись на ноги, словно тут не было скользко и грязно.

— Это что-то необычное, — сказала она. — В конце Торверна и в начале Риардха должна была бы стоять сухая погода.

Она взяла мои руки. Ее не защищенные от холода пальцы были теплыми. Своей озябшей кожей я ощущала их даже как горячие. Я пристально посмотрела на нее.

Мне было трудно понять статус жрецов Богини — они не давали обет безбрачия, носили оружие и, казалось, ничем не отличались от других ортеанцев. Если не знать, что Телук

устала, то она не выглядела обессиленной. Она мерзла, но не промерзала, как другие. Телук даже казалась спокойной и беззаботной в такую убийственную погоду.

Она смогла с помощью трута и кресала разжечь мох и устроить небольшой костер. Потом мы опустились на корточки вокруг маленького пламени, которое немного рассеивало полумрак расщелины.

Последняя бутылка вина прошла по кругу и опустела.

В полуопьянении я думала, что взяла бы с собой, если бы мне еще раз пришлось предпринять подобную вылазку: спички, компас, водонепроницаемые сапоги, хороший полевой бинокль и таблетки протеина. А прежде всего рассудок, который избавил бы меня от таких ситуаций, как эта.

Мы съели по куску сушеного мяса и по нескольку пригоршней ягод с куста, называемого птицекрылом. Сытыми мы себя не почувствовали.

— Дождь промочил все, — сказала я. — Одежду, одеяла, все.

— И все же нам придется ими воспользоваться. — Телук подложила в огонь веток. Повалил густой дым, уходя сквозь дырявую крышу. У меня начали слезиться глаза.

— Уже почти вторые сумерки. — Чувство времени Халтерна не зависело от степени видимости. — Как вы думаете, Говорящая-с-землей, ночью будет холоднее?

Ее ноздри слегка зашевелились, выражение грубого лица было серьезным и сосредоточенным.

— Ветер станет слабее... успокоившийся воздух согреется, но к восходу солнца остынет. Завтра... нет, не знаю.

— А сбывается то, что она говорит? — Я была слишком обессилена, чтобы проявлять недоверие или вежливость.

— В большинстве случаев, — ответила сама Телук.

— Если ваше предсказание не сбудется, мы пропадем. Говорите только о том, в чем вы уверены, — попросил Халтерн.

— А что вы будете делать, если я не уверена? Выйдете в темноту и станете искать всадников Ховиса?

— Я первой встаю на караул, — сказала Телук.

* * *

Когда забрезжил рассвет, нас было уже пятеро. Телук раскидала ветки кустарника, закрывавшие вход, и обнаружила дикарку, сидевшую со скрещенными ногами возле стены. На ней все еще была поношенная ремондская одежда, которая к тому же потемнела от воды и покрылась пятнами от коры тукинны.

Я не поняла ни одного из ее коротких замечаний.

От костра осталась лишь куча золы. Мы съели остатки сушеного мяса и снова упаковали одеяла. Поклажа была легка.

— Какой же сегодня будет погода? — спросил Халтерн. Он массировал себе затылок тонкими пальцами, чтобы устранить его одеревенелость.

— Не знаю. Мы далеко от той части страны, в которой я могу ориентироваться... — Телук посмотрела на высокие облака, видневшиеся сквозь ветки тукинны. — Предполагаю, что будет сухо.

— Надеюсь, что вы окажетесь правы.

За ночь, проведенную под сырыми одеялами, у меня заоченели ноги и болела шея, из-за чего я не могла повернуть головы.

— Они будут шнырять повсюду, — сказал Халтерн. — Нам нужно держаться подальше от дорог и пытаться пробиваться в северо-западном направлении.

Марик закрепил у себя на поясе пращу:

— Мы могли бы убить какое-нибудь животное на обед.

Почва под деревьями была скользкой. Начинался день, и мы перешли через скалистый гребень.

К полудню через облака пробилось слабое солнце. Людей не было видно. Мы не слышали даже криков рашаку. Дважды я вынимала парализатор, и мы с Мариком обследовали кустарники, надеясь вспугнуть какую-нибудь дичь, но так никого и не нашли. Следы, которые мы обнаружили, были оставлены несколько дней назад.

Во второй половине дня мы наполнили водой фляги, потому что достигли местности, покрытой голыми холмами, и поворачивали в сторону от ручьев.

Телук подняла голову:

— Слышите?

Мы пробирались через редколесье. Под деревьями ту-кинна росли чахлые кусты птицекрыла. Халтерн остановился и вынул из ножен свои харуры:

— Что это?

Какой-то пронзительный визг приближался, казалось, сразу со всех сторон. Марик снял с пояса нож.

Когда я выхватила парализатор, первый зверь уже появился между деревьями. Я заметила, как дикарка схватила нападавшее животное и отшвырнула назад. Жалобный визг и яростное рычание зверя слились, и от этого жуткого, многоголосого концерта у меня заложило уши. Халтерн громко закричал. Телук сбросила с плеч мешок и почти одновременно выхватила харур-нилгири.

Во второго я выпустила весь заряд парализатора, который установила на широкое излучение.

— Уйдите с дороги, живо!

Марик поспешил за мою спину. Я взяла парализатор обеими руками и включила его. Меня кольнуло по ушам, словно иголками. Вдалеке я слышала еще крик Телук. При широком угле рассеяния полнота воздействия не достигается.

Я не промахнулась.

Мне вдруг стало ясно, что наступила полнейшая тишина. Я слышала только свое частое дыхание. Визг прекратился. Все выглядело так естественно, будто происходило во время учебной стрельбы. С той лишь разницей, что мы едва избежали вполне реальной и очень страшной смерти.

Халтерн корчился в приступе мучительного кашля, опершись на эфес клинка, пригвоздившего к земле тело одного из хищников. Телук вложила в ножны сначала харур-нилгири, а затем более короткий харур-нацари. Потом перевернула ногой одно из лежавших тел.

Животное имело темно-рыжий мех с черными пятнами, размерами оно было не больше собаки. У него были большие чашеобразные уши, удлиненное, как у ласки, тело и короткие лапы. Костлявые челюсти с острыми зубами, оттянутые назад губы, вывалившийся наружу вспухший раздво-

енный язык. Хвост был коротким и голым. Черные узкие глаза уже помутнели.

Марик нагнулся и протянул руку, которую Телук ударом отвела в сторону.

— Эй, что?..

— Не прикасайся к нему. У него была стайная лихорадка.

Неслышно подошла дикарка. Тут мне вспомнился недавний эпизод, и до меня дошло, что одно-единственное быстрое движение ее руки переломило позвоночник животного, которое прыгнуло на нее.

Безжизненные тела веером лежали под тукиной, их было около четырех десятков.

— Шайка разбойников, — проворчал Халтерн.

— Идемте. Они лишь спят, они не мертвы. — Я сунула парализатор обратно в кобуру.

— По крайней мере теперь мы знаем, почему нигде не видно дичи, — прокомментировала Телук, когда наш маленький отряд двинулся дальше.

— Они знают, где мы, — сказала я, — а также и то, что мы намерены делать.

— Нам надо двигаться на юг. У меня нет точного представления о том, где мы находимся, но если мы угодим между преследователями и Топями... — Халтерн замолчал, сотрясаемый сильным кашлем.

— Это значило бы попасть между молотом и наковальней, — согласилась Телук.

— Я ни за что не вернусь в Корбек. — Моя собственная решительность напугала меня. Это был страх перед возможностью вернуться в камеру.

— Мы разобьем их! — уверял Марик. — С помощью того оружия, которое вы применили против этой своры убийц!

— Нет. Если нас окружают, нам не удастся этого сделать.

Шел слабый дождь. У нас было три сухих дня, три дня, за которые мы, сделав большую петлю, повернули на юг и с огромным трудом ушли от всадников Талкула. Теперь мы медленно двигались по грязи на север по другую сторону голых холмов.

«Наверное, в такую погоду они не могли использовать каца, — подумала я, — и потеряли наш след. С прошлого дня мы не видели ни одного из них».

— Пограничный камень! — неожиданно крикнул Марик. Это был первый за много дней.

— «Эт», — прочла Телук. — Нет, это мне незнакомо.

Дикарка снова исчезла. Я прошлась взглядом по линии холмов. Дождь стал еще слабее. От нее не осталось и следа, и я спросила себя, не насовсем ли она ушла на этот раз.

— Нам нужны мархацы. Украсть или купить — это не играет роли, — прохрипел Халтерн. — Тогда мы будем двигаться немного быстрее. Надеюсь, по дороге мы встретим не больше всадников, чем сможем одолеть.

— У нас не так уж и мало шансов, — мягко проговорила Телук. — Давайте попробуем.

Я поспешила подойти к ней сбоку, и как только это удалось мне, спросила ее:

— Что у него?

— Легочная гниль. Ему нужны неделя или две покоя.

Когда мы достигли вершины хребта, то увидели, что впереди над нами широко раскинулась Эт — окруженная пристройками и загонами для животных, почти город. Слабое солнце освещало живую сцену: повозки, мархацев, людей.

По другую сторону Эт на запад до самого горизонта тянулись Топи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 13. Малые Топи

Пышная мшистая трава была вытеснена широко разросшимся бурьяном, а затем потянулись места, поросшие двулиственным папоротником. Далее к горизонту виднелись озерца стоячей воды. Обширную область болотистой равнины покрывали другие виды мшистой травы и грибов: черные и пурпурные, голубые и зеленые, как перья петушиного хвоста.

Пока мы любовались этим зрелищем, по покинутой, плоской равнине, сплошь состоявшей из болот, перемещалась полоса солнечного света. Там, где она проходила, вспыхивали яркие краски. Пробегавшие вдоль и поперек протоки образовывали серебристую сеть, в которой отражалось солнце; речушки, каналы и озерца являлись как бы одной системой водных путей.

— Малые Топи, — затаив дыхание, сказал Халтерн. — Ах, ведь это наш конец. Нам нужно поворачивать на юг, немедленно.

С севера и с юга линию побережья этого обманчивого болотистого моря охватывали горы.

Марик плотнее прижался к нам.

— Это правда, что здесь... живут кровожадные дикари? — испуганно спросил он.

Халтерн взглянул на Телук, которая только покачала головой.

— Мы соблюдаем соглашение с ними со времен Галена Медоуста, — сказала она. — Мы остаемся в пределах наших

границ, а обитатели Топей — в своих. Нет, не знаю, являются ли они чем-то большим, чем просто легендой.

— Нас это не должно волновать. Нам нужны мархацы.

Халтерн зашагал дальше по тропе в направлении телестре Эт. Центральный двор имел в диаметре метров двести, дом телестре возвышался с одной его стороны, а три другие обрамляли рыночные палатки. В палатках кипела жизнь, нас окружали невероятные шипение и крики, мы были в море самых различных запахов; мужчины и женщины громко кричали, предлагая к продаже своих куру, скурраи и мархацев, а также наполненные зерном мешки.

Кроме палаток, где продавались фрукты и хлебные грибы, стояли и столы, на которых были разложены вышитые сорочки из хирит-гойена и шубы из меха зилмеи, туники и сапоги, поясные пряжки, украшения и сильно загнутые хатуры, которыми пользовались в Западном Ремонде.

— Нам не следовало бы слишком разбредаться, — предостерег Халтерн и, разжав ладонь, показал, сколько у нас имелось денег: несколько бронзовых монет, серебряная пряжка от пальто и нож Телук с рукояткой из кости морского слона. — Я поищу кого-нибудь, кто не слишком помешан на законе Арада и достаточно честен, чтобы продать по сходной цене.

— Или достаточно нечестен, — сказала я.

Мы с Телук и Мариком прошлись по всему периметру рынка и осмотрели палатки, возле которых ортеанцы плели плетни из тонких побегов тукинны, наблюдали за выступлением профессиональных акробатов и жонглеров. Мы сделали круг, затем остановились и попытались принять вид обычной группы посетителей рынка.

Халтерна долго не было. Телук села на землю возле винной палатки в стороне от прохода, в котором теснилась толпа людей, а мы с Мариком уселись рядом с ней.

Позади меня сидел какой-то сказитель, говоривший группе аширен:

— ...сказал он Повелителю Сандору: «Пусть вы из золота, мой господин, и пусть из золота ваше царство, но после мо-

его деяния оно будет существовать уже так недолго, что не пожать золотых зерен этого года...»

Мимо прошел человек, держа рукой за ошейник охотничью каццу. Отличительных знаков Талкула на нем не было.

Животное достигало в высоту бедра человека, оно было очень мускулистым, на короткой белой шерсти имелись голубые пятна. Перьеобразный хвост каццы нервно подрагивал. Его голову с угловатыми челюстями до самых глаз-щелок закрывал кожаный колпак.

Марик сильно дернул меня за рукав и показал на обоих.

Сквозь толпу к нам спешил Халтерн, он протиснулся мимо одного мужчины и оттолкнул в сторону женщину, но делал вид, будто не слышит проклятий в свой адрес. Наконец, запыхавшийся и весь в поту, он добрался до нас.

— Они здесь, — выдохнул он. — Я видел Ховиса. И этого наемника из Римона. Вероятно, они предполагали, что нас занесет сюда.

— Как насчет мархацев?

— Никто не хочет продавать... — Он взглянул назад через плечо. — Нам надо убираться отсюда!

Когда мы покидали двор, в дальней его части раздался вопль. Я слышала, как громкий голос крикнул: «Колдовское отродье!» Тут я заметила знаки различия Талкула и бросилась бежать. Марик метнулся в сторону пристроек. Мы уходили по узким грязным тропинкам. Телук схватила за руку задыхавшегося Халтерна.

Марик что-то кричал, но из-за шума я не могла его понять. Затем я миновала пристройки и побежала по густой серо-голубой мшистой траве, с чавканьем прилипавшей к моим сапогам. Здесь я замедлила бег, чтобы подождать остальных. Между деревянными постройками я увидела человека, который снимал намордник с каццы.

Всюду на холмах вокруг Эт паслись мархацы.

— Они окружают телестре.

Это можно было предположить.

В промежутках между хрипылыми вдохами Халтерн выдавил из себя:

— Слишком много. День. Видели нас. Вчера...

Марик вынул свой нож:

— Т'ан?

— Беги!

Почва была мягкая. Мы пока ушли от них, но, пожалуй, ненадолго. Взглянув на южный угол телестре, я невольно пригнулась; у меня перехватило дыхание, а в груди что-то сжалось. Всадники были и там, на юге.

— Все успокоились, — твердо сказала я, но за моим решительным тоном скрывался страх. — Идем к Топям и посмотрим, сможем ли там пробиться и укрыться.

Сквозь крики местных жителей, некоторые из которых также пустились за нами в погоню, слышны были нетерпеливое повизгивание и хрип каццы.

Почва под ногами превратилась в трясину, мшистая трава — в двуглавый тростник, а мы пробивались к внешнему краю болотистой низменности. Халтерн повис на плече у Телук. Марик прошел несколько шагов по болоту, оступился, утонув по щиколотку, и стал отчаянно дергаться, чтобы освободиться. Трясина жадно затягивала его сапоги. Мы держались вплотную друг к другу.

— Ну все. — В голосе Халтерна слышалось даже какое-то облегчение. — Кажется, это конец.

Я сунула руку под пальто и нащупала парализатор. Он был установлен верно... может быть.

Я выстрелила в каццу, когда до нее оставалось еще около тридцати шагов. Преследователи, находившиеся к нам ближе всего, в нерешительности остановились, дух толпы был сломлен. Я видела, как всадники силой прокладывали себе путь среди остановившихся ортеанцев. Батарей в моем парализаторе, рассчитанная на длительный срок службы, все же не была вечной, и я не могла поразить их всех.

Телук тронула меня за руку и показала вперед. Там виднелась человеческая фигура, двигавшаяся с невероятной скоростью. Это была дикарка. А следом за ней скакали всадники на мархацах. Значит, люди Арада окружили всю Эт. Мне было жаль, что они перехватили и ее.

Теперь я ясно видела дикарку, она бежала с высоко поднятой головой, прижав локти к бокам, ноги ее не делали ни

единого неверного движения. Она неслась параллельно зарослям тростника. Последнее усилие — но напрасно, бежать ей было уже некуда.

Она резко повернула назад и помчалась к болоту.

«Она погубит себя!» — подумала я. Но дикарка и не собиралась кончать жизнь самоубийством. На бегу она показывала чудеса ловкости и, когда достигла трясины, не увязла и не утонула, а пошла по тропе, которую, возможно, угадывала звериным чутьем. Она так уверенно пробиралась по болоту, что я не выдержала:

— Пошли!

— Вы с ума сошли! — закричал Халтерн.

— Марик, иди за мной и ступай только по моим следам.

Трясина была черного цвета. Куда бы я ни вставала, ноги тут же увязали, их заливала вонючая вода. Я погружалась по колени в маслянистую жижу, затем с трудом выбиралась и внезапно почувствовала под собой твердую почву.

Дикарка ждала нас впереди, метрах в двухстах. Во всяком случае, я надеялась, что она ждала нас, а не застряла. Мучительно медленно я нащупывала к ней дорогу через высокий тростник.

Из-под воды вырывались пузыри. Я оглянулась. Рядом со мной что-то со свистом вошло в трясину. Телук двигалась позади, немного отстав.

— Т'ан, поспешите, пожалуйста.

— Что это было? — на ходу спросила я.

— Стрелы из арбалета.

У меня похолодела спина. Это напоминало кошмарный сон; я не могла двигаться быстрее, чем при неспешной прогулке.

Всадники на маршацах столпились на краю топи. Рядом повизгивали каццы. Я нигде не могла увидеть Халтерна; мешали заросли тростника. Тут я разглядела двух всадников. Одним из них был Ховис. Другим, очень знакомым мне по посадке в седле, словно он сам являлся частью животного, был Фалкир.

Дикарка снова начала продвигаться вперед, осторожно прокладывая себе путь между протоками. Она выискивала

более высокие участки твердого дна, которые должны были находиться под поверхностью воды.

Две арбалетные стрелы ушли в трясину гораздо ближе от меня.

— Кристи.

Я подождала, пока Телук не догнала меня. Как и мы с Мариком, она была по самые бедра в черной грязи. Во время бега я согрелась, но теперь почувствовала холод Топей.

— Где Хал?

Она помотала головой:

— Мы не можем его ждать. Не имею понятия, что с ним случилось.

— Но мы же не можем его оставить.

— Нам надо уйти как можно дальше. Искать сейчас Халтерна — это самоубийство.

Дикарка на этот раз не ждала нас. Это значило, что нужно было либо следовать за нею, либо погибнуть. Я не стала медлить. Мы возобновили наше медленное движение по трясине: дикарка, я, Марик и Телук. Вокруг нас порхало великое множество длинноногих рашаку-наи, так что от них даже почернело небо.

— Его нигде нет. — Телук перестала высматривать Халтерна. — Наверное, они его схватили.

— Но возможно и другое объяснение.

— Вы думаете, что он мертв?

Все во мне противилось такому предположению, но это болото всюду таило в себе смертельную опасность.

— Это возможно.

Я заметила, что мы находились на относительно твердой поверхности. Марик побежал вперед, туда, где остановилась и присела на корточки дикарка. Здесь посреди Топей был остров, возвышавшийся над водой на полметра и имевший в длину не более двух метров. На нем густо рос кустарник с толстыми ветвями, высота которого нигде не была выше пояса. В вечернем свете металлически поблескивали зеленые листья.

Я увидела, как дикарка стала голыми руками рыть землю, потом извлекла наружу несколько больших пакетов. Они

были плотно завернуты во что-то, что казалось водонепроницаемым. Я предположила, что материал представлял собой кожу, смазанную жиром.

Она развернула один из пакетов. Там лежали комки какой-то пасты величиной с кулак, казавшиеся неаппетитными и грязными. Но дикарку это нисколько не смущало. Три пакета она отдала нам и с жадностью набросилась на еду. Не долго думая, мы последовали ее примеру.

— О Богиня! — через некоторое время произнес Марик. — От этого отдает гнилью. И как вы можете это есть, т'ан?

— У меня железный желудок. Это самое важное для дипломата. Видел бы ты то, что нам предлагалось на Беруине.

Я подумала, что продукт был изготовлен на основе мяса и им вполне можно утолить голод, но с водой будет трудно; болотную мы пить не сможем.

— Откуда ты узнала?.. — спросила я дикарку.

— Когда... — Ее рука описала круг с северо-запада до гор. — Тогда было много. Теперь... — Ее рука указывала в обратном направлении, она сжала кулак и коснулась им своей груди.

— Ты спрятала это здесь? Запас продовольствия? — Не получив ответа, я показала на север. — Вас там было много?

— Мертвые, — сказала она просто.

Было достаточно ясно, если я правильно поняла: группа ее соплеменников пришла в Ремонде, где все были убиты, кроме нее, и сейчас она возвращалась тем же путем. Я лишь спрашивала себя куда.

За Стену Мира, говорил Халтерн, Халтерн, который так и не узнает, верным ли было его предположение.

Кустарник горел на удивление хорошо. Дровесина шипела и трещала, но давала много тепла. Марик помогал мне вырывать кусты и складывать их у костра.

— Ради Богини! — На лице Телук плясали отсветы красного колеблющегося пламени. — Уменьшите огонь, не то они увидят его и с расстояния двадцати зери!

— Кто же? — Я смотрела, как пламя жадно лизало дровесину.

Это был скорее огонь радости, чем костер на привале. Я подвинулась как можно ближе к огню, и впервые за десять дней мне стало тепло. Аширен опустилось рядом со мной на землю. Подобралась поближе даже дикарка.

— Если бы они шли за нами, то давно бы уже схватили всех.

— Тут могут быть дикие звери. — Телук выглядела спокойной, но, присмотревшись к ней, я поняла, что это не так. Она боялась. — И... обитатели Топей, вероятно, совсем не являются легендой. Гален очень серьезно относился к слухам о них, когда был Т'Ан Сутай-Телестре. В течение жизни четырех поколений никто не нарушал соглашения.

Марик мечтательно взглянул вверх и сказал:

— Высокий Зал обитателей Топей в Звездном озере Тети выложен кожей, человеческой и золотой. Я слышал об этом когда-то в одной истории.

— Это легенда.

Когда костер прогорел, Телук сдвинула ногой лежавшие в стороне ветви к середине.

Мы соорудили небольшую палатку, которую, хотя она и пахла дымом, все же предпочли ночлегу под открытым небом. Наступила ночь, в чистом воздухе блестели бесчисленные звезды ортеанского зимнего неба. Как только мы немного отодвинулись от огня, сразу почувствовали леденящий холод.

Через некоторое время после наступления темноты над горизонтом поднялась звездная туманность. Она была несколько размытой, где-то красной, где-то голубой, и занимала половину южной стороны неба. Некоторое время я думала о том, что прилетела сюда через нее. С той стороны спирального ответвления, где была Земля.

От болотной воды на остров напелз туман, и с утренним похолоданием кусты покрылись сверкающими кристалликами льда.

Марик кашлял. Телук взяла его голову в руки и осмотрела глаза, нос и шею. Закончив свое обследование, она ласково похлопала его по руке:

— Это все пройдет.

Он начал скатывать палатку. Она подошла ко мне и сказала:

— У него тоже легочная гниль, и это меня не удивляет. Но меня поражает то, что вы взяли кир с собой в такое опасное путешествие.

— Вы считаете, что мне следовало оставить его у людей Ховиса?

— Они бы позаботились о кир. — Она смотрела на меня, и выражение ее лица менялось. — Кто бы мог обидеть аширен? Кто бы на такое осмелился?

— Он выздоровеет? — с тревогой спросила я.

— Нет, если не попадет в сухое теплое место.

Ночной хор хищных птиц и насекомых с наступлением утра смолк. На болота опустилась звенящая тишина. В белесой голубизне неба снова засияли дневные звезды, напоминавшие яркий свет, проникающий через проколотые булавкой отверстия. Равнина Топей простиралась на юг, на запад и на север до самого горизонта.

Только на севере на небе виднелась голубая полоса более темного оттенка, ширина которой составляла около десяти градусов. Я не могла точно определить, были ли это низкие тучи или очень высокие горы. Когда же восходящее солнце растворило туман, полоса бесследно исчезла.

— Я не стану тебя ждать, — сказала дикарка.

— О... конечно. Мы пойдем этим путем.

Я показала рукой на север, подумав, что мы могли бы большую часть дня двигаться параллельно Ремондским горам. Я надеялась на то, что всадники Талкула сочли нас погибшими в непролазной трясине.

— Нет. — Она показала на северо-запад. — Это мой путь.

— Проклятие, нам нельзя углубляться дальше!

— Это моя дорога, — ответила она, и впервые за все время я почувствовала в ее голосе нескрываемое раздражение. — Если это не твоя дорога, тогда иди своей.

— Телук!

Но Телук тоже не смогла ничего от нее добиться. Дикарка собиралась вернуться домой, и мы ничего не могли с этим поделать.

— На другой стороне Малых Топей начинаются Большие Топи, а с другой стороны Больших Топей находится Пейр-Дадени. До него будет шестьсот зери сплошного болота, так неужели ты думаешь, что мы сможем пройти шестьсот таких зери? — пыталась убедить дикарку Телук.

Наконец она сдалась.

— Мы сможем одни идти на юг? — обратилась она ко мне.

— Вы видите тропинку? — Когда Телук переварила это, я продолжила: — Если мы потеряем ее, то пропадем, ведь это так просто.

— Похоже, вы прибыли сюда на нашу погибель.

— Может быть, но это не значит, что, не зная прохода, я полезу в трясины без проводника.

Она повернулась ко мне спиной.

— Давай-ка свои вещи, аширен-те, я положу их к себе в мешок. Тебе будет легче идти, — сказала Телук.

Голова у меня была тяжелой, и я с трудом соображала. Мой нос распух от насморка, я непрерывно дрожала от холода. Горло и легкие болели от кашля. Я проглотила еще одну из горьких болеутоляющих таблеток, остававшихся в моей аптечке. Она не уменьшила боль, но сделала меня равнодушной к ней.

У Марика при кашле выделялась красная мокрота. Даже в дыхании Телук стал прослушиваться хрип, характерный для начала легочной гнили.

Дикарка требовала от нас идти как можно быстрее. Хотя она часто делала круги, возвращаясь на наши старые следы, и сильно петляла, от общего северо-западного направления все же не отклонялась. Возможно, из-за того, что у меня был жар, или благодаря умению приспособливаться, однако я начала видеть Топи ее глазами: островки и острова твердой почвы, отделенные друг от друга протоками и лужами, которые кишели насекомыми.

Через два или три дня пути мы пережили первую ночь, когда не смогли разжечь костра. Нас обволакивало ядовитыми болотными испарениями, которые на фоне неба казались серебристыми. Корявые ветви низкорослых деревьев пугали

нас своими причудливыми очертаниями и в полной тишине снова растворялись в тумане.

Мы сидели на островке, закутавшись в бекамиловые одеяла, а наши ноги доставали почти до болотной жижи. Мимо шныряли блестящие зирие, и в полумраке их фасеточные глаза сверкали болес чем зловеще. В густом тростнике раздавались странные крики. Марик спал, прислонившись ко мне, рот его был раскрыт, и я слышала его хриплое дыхание.

Темнота поглотила меня. Это не было сном. Я находилась в непонятном бодрствующем состоянии; мне казалось, что сместилось само время. Проснувшись я с сильной головной болью и с испугом подумала, что так может расколоться голова. Прямо перед собой я увидела лицо, которое мало что имело общего с человеческим. Время снова сместилось, я была совершенно дезориентирована. Сев прямо, я взялась за голову и застонала. Затем из горла у меня пошла слизь, я стала задыхаться и с трудом выплюнула ее. Моя голова сотрясалась от судорог. Я почти ослепла от боли.

Наконец я почувствовала себя лучше. Облегчение было неопиcуемым. Я открыла слезящиеся глаза и увидела зеленый свет. Я протянула руку вверх, мои пальцы коснулись какой-то гибкой поверхности. Очень медленно я сообразила, что меня что-то накрывает. Это было похоже на мягкую кожу. Вслед за этим я обнаружила, что все мы лежим на подстилке из такого же материала.

Лицо, которое я видела, — или оно привиделось мне лишь в кошмарном сне? — это лицо с кошачьими глазами и острыми ушами отпечаталось в моем воображении со зримой ясностью.

Марик лежал вытянувшись рядом со мной и выглядел очень беззащитным. Лицо Телук имело такой нездоровый цвет, что я испугалась. Они спали или были без сознания. Дикарки я не видела. По другую сторону от Телук спиной ко мне лежал широкоплечий мужчина. «Халтерн!» — на секунду промелькнула у меня мысль. Но, встав на колени, я увидела, кто это.

Лицо в шрамах, неестественно гладкая, белая кожа на половине лба, подбородке и груди. «Солидный ожог», — рассе-

янно подумала я. Светлая, серебристого цвета, грива. Слабо выраженные пятна болотного цветка на широких кистях рук.

Я видела перед собой наемника из Римона, как о нем говорил Халтерн.

Неужели они выследили нас? Или он здесь один? Зачем? Кто он?

Было такое ощущение, словно я проснулась после наркоза; мне не верилось в реальность этого мира. В моей памяти образовались большие провалы. «Со времени последнего привала прошло больше суток», — подумала я и опять уснула.

Замелькал свет. Я протерла слипшиеся глаза. В моей памяти оставалось какое-то слабое воспоминание о том, что меня кормили чем-то жидким... и, возможно, даже несли, однако я не была в этом уверена.

Свет имел красно-желтый цвет, он шел от костра, и за стенками палатки двигались тени. Палатка была гораздо больших размеров, чем ранее. Наверху имелась щель, через которую виднелось небо, усеянное дневными звездами.

Возле костровой ямы сидела дикарка со скрещенными ногами и бросала в пламя куски торфа и хвороста.

Я пошевелилась, села и закашляла. Мои физические страдания опять напомнили о себе. В палатке было одновременно и душно, и холодно, и мне дышалось с трудом. Я на четвереньках подползла поближе к огню.

— Ты?.. — Она коснулась своей шеи, потом моей.

У меня болели голова и шея, но легкие, как я чувствовала, были в более удовлетворительном состоянии. Я подумала с замутненным сознанием, что должна была бы поздравить Адэра. Шприц-тюбики подействовали. Ни воспаления легких, ни плеврита нет. О Иисус, что за счастье!

— Где мы? — спросила я.

Я не смогла понять ее ответа, постояла на коленях возле огня, потом встала. В ногах чувствовалась сильная слабость. Палатка воняла экскрементами и болезнью. Держась за стойку, я двинулась к выходу и расшнуровала его.

Я не ощутила никакого тепла от солнца, висевшего низко над горизонтом с южной стороны. Зато белесое небо ос-

лепило меня. Я зажмурилась. Здесь, снаружи, я почувствовала холод. Мы находились на высоком месте, примерно на метр поднимавшемся над уровнем воды. Это был гораздо более крупный остров, чем многие другие. Он порос кустарником и кривыми деревьями.

Ремондские горы больше не были видны. Куда ни глянь, до самого горизонта я не увидела ничего, кроме сплошного болота.

По другую сторону протоки стояло еще большее число бледно-зеленых палаток, сливавшихся с фоном. Я увидела несколько фигур, но на большом расстоянии не могла разглядеть, кто или что это такое было.

«Карантин», — подумала я и горько усмехнулась.

Вернувшись в палатку, я увидела, что Марик проснулся и сел на корточках у огня. Телук старалась получить от дикарки какую-нибудь информацию. Мужчина — его звали Блейз н'ри н'сут Медуэнин, как мне сейчас вспомнилось по судебному слушанию, — бормотал что-то и вздрагивал во сне.

— Это обитатели Топей! — взволнованно сказал мальчик. — Я не спал и видел их.

— Где мы? — спросила Телук.

— Мы находимся так близко к центру Нигде, что это уже не играет никакой роли. — Мне пришлось сесть, чтобы не упасть. У меня больше не было сил. Я спрашивала себя, насколько действительно была больна.

— Что он здесь делает? — Марик кивнул на мужчину. — Они забрали с собой наши вещи, т'ан, и харуры.

Моего парализатора, как я установила, тоже не было.

Телук наклонилась над светлогривым ортеанцем и большим пальцем подняла его веко. Потом удивленно наморщила лоб и продолжила свое обследование: понюхала выдыхаемый им воздух, осмотрела горло. Выражение ее лица из нормального стало напряженным.

— Он не болен, — сделала она вывод. — Может быть, слабое проявление легочной гнили, и это все.

— Что же с ним такое?

— У него болезненная страсть к атайле. И, думаю, уже в течение долгого времени. Здесь, в Топях, он не найдет этой

травы. Теперь если он выживет, то избавится от пагубной привычки.

— Если выживет?

— Нам бы надо его убить, — сказал Марик. — Пока мы еще можем. Он преследовал нас, чтобы убить т'ан Кристи.

«И был захвачен вместе с нами? — подумала я. — Должно быть, он преследовал нас от Эт. Вот только что заставило его рисковать жизнью из-за пришелицы?»

— Ке право, — подтвердила Телук, — наши шансы выбраться отсюда достаточно невелики и без него.

— Нет, этого мы не можем сделать, — испуганно возразила я.

Я почувствовала трусливое желание снова впасть в бессознательное состояние, чтобы они тем временем смогли его убить. Но хода вещей невозможно изменить. Ко всему прочему, мне действительно не хотелось совершать еще и умышленное преступление.

Снаружи послышался зов. Дикарка стремительно вскочила и покинула палатку. Я последовала за ней. Телук стояла у входа и держалась за распорки.

Обитатель Топей. Он не походил на человека даже по тем меркам, какие я применяла к ортеанцам. Дикарка стояла у края воды и разговаривала с ним.

Он был моложе ее, строен, с тонкими руками и ногами и ростом чуть выше Марика. Его бледная, грязно-оливкового цвета кожа отливала золотом в свете зимнего солнца. При каждом его движении менялись оттенки золотого и зеленого, как это бывает с некоторыми тканями.

Кроме черного пуха на голове, тянувшегося от лба до середины позвоночника, волос на нем не было. Он был, очевидно, мужского пола. Что-то казалось неправильным или по крайней мере странным в том, как крепились к туловищу его руки и ноги.

Увидев нас, он прервал свой разговор с дикаркой и подошел к палатке. Глаза его были черные, с небольшими зрачками и наполовину прикрыты перепонками. При каждом его вдохе и выдохе я видела на коже жителя болот игру света и тени.

Он прикоснулся к моей руке (его кожа была на ощупь грубой, как у змеи) и тут же отдернул пальцы. Между ними имелись плавательные перепонки, а на животе, по которому проходило нечто вроде шва, виднелись бледноватые пятна и точки.

Мне захотелось засмеяться; это, кажется, походило на истерику. Его пальцы были холодными как лед. Он что-то сказал, чего я не поняла, повторил еще раз и отвернулся.

Дикарке, как я видела, не очень-то везло в попытке понять его.

Одним-единственным движением обитатель Топей скользнул в озеро и пропал из виду, пока голова с темным гребнем снова не появилась футах в тридцати у противоположного берега.

С явным неудовольствием дикарка побрела по болотной воде, а потом поплыла вслед за ним.

Она не вернулась и тогда, когда наступила ночь.

Мы отдыхали во временном лагере четыре дня. Я часто видела дикарку с обитателями Топей среди палаток, хотя в большинстве случаев она с наступлением ночи возвращалась к нам. Ни на какие вопросы она не отвечала.

Даже в конце нашего пребывания здесь я все еще толком не знала, являются ли обитатели Топей разумными существами или же принадлежат к животным. Их способ изъясняться не имел ни малейшего сходства с каким-либо языком Южной земли, он состоял лишь из хрюкающих звуков. Они натягивали шкуры на ветви, чтобы соорудить палатки, и охотились на рашаку-наи и болотных животных с каменными ножами... Но ведь и бобры строят плотины, а мыши — гнезда. Обитатели Топей уверенно чувствовали себя как в воде, так и на суше, а также — судя по поведению их юных представителей — и на кривых ветвях деревьев.

Никто из них не входил в нашу палатку. Один из этих водоплавающих доходил до входа и всл с дикаркой — а в лагере обитателей Топей ее понимали не намного лучше, чем в нашем, — состоявшую из хрюканья и ворчания беседу.

Лишь внимательнее присмотревшись к этим обитателям болот, я установила, что они не пользовались огнем. У ди-карки же были трут и кресало Телук и твердое намерение постоянно поддерживать в яме огонь.

— Мы не можем здесь больше оставаться, — сказала Телук вечером четвертого дня. — Они не имеют права нас удерживать.

Свет с запада окрашивал воду в лиловый цвет, на фоне горизонта чернели низкие деревья. Над нашими головами кружили на своих огромных крыльях птицы-ящерицы.

— Нас держат не они, а обстоятельства.

Под потемневшим небом, широко раскинувшись, лежали холодные болота. Дни стали ощутимо короче.

— Как себя чувствует аширен?

Она беспокоилась о нем; в обязанности Говорящего-с-землей входили и знания основ медицины.

— Ке чувствует себя относительно хорошо и, очевидно, поправится, если будет находиться в тепле. Больше я ничего для него не могу сделать.

— А что с нашим преследователем?

— А что мне с ним делать? — Она говорила непривычно возбужденно. — Он гонится за нами по Ремонде, загоняет в эти забытые Богиней места, и вы ждете, что я стану о нем заботиться? Нет, об этом не может быть и речи. Если Богиня возьмет его, хорошо, если же нет, он будет жить.

Мы обошли наш остров и вернулись к палатке. Обход длился недолго. Телук потянулась и сцепила друг с другом свои костлявые пальцы, потом провела ими по гриве и стала массировать мышцы на затылке. Она все время была в напряжении.

— Я не чувствую эту землю, — сказала Телук, — она слишком далека от моего дома. Может быть, Арад был прав? Чужое всегда не внушает доверие... В вас есть что-то такое, чего я не понимаю.

Она пригнулась и нырнула в приоткрытый вход палатки.

Я наблюдала за слабеющим светом уходящего дня. Какая-то темная, комковатая гроздь, плывшая по воде, оказа-

лась сворой детенышей обитателей Топей. Они хрюкнули и с быстротой рыб шмыгнули к противоположному берегу, где с визгом принялись носиться друг за другом.

— По вкусу это напоминает помет рашаку.

— Ешьте, иначе умрете от голода.

Я проснулась и слышала спор Марика с человеком в шрамах. У нас не было горячей еды и питья, а только сырое мясо, которое можно было поджарить над огнем, и нам пришлось делать выбор между болотной водой и кожаными мешками, в которых содержалась какая-то неизвестная, похожая на молоко жидкость. Медуэнин был прав: пахло тухлятиной.

Телук перевернулась на другой бок, чтобы продемонстрировать всем свое равнодушие. Я заметила, что дикарки опять не было. Теперь, когда моя простуда была в разгаре, у меня обнаружилась своего рода аллергическая реакция: из глаз и носа сильно текло, а на теле появилась сыпь.

— Вы уже мертвы, — сказал мужчина. — Вы все. Вы, вероятно, слишком глупы, чтобы это понять, но это так.

Его издевательский тон действовал мне на нервы. Я села.

Он сидел, откинувшись спиной на распорку и положив руки рядом с собой на землю. Солнечный свет, падавший через приоткрытый вход, освещал его серую гриву и красное, наполовину изуродованное лицо.

— Хотите немного вот этого? — Марик протянул мне кожаный мешок. Я отпила молока, причем старалась не обращать внимания на вкус.

— Ведь вам заплатили, чтобы вы убили меня. — Мой голос звучал хрипло. — Какая жалость, что вас поймали вместе с нами. Не слишком умно было с вашей стороны тащиться сюда за нами.

Он выглядел так, словно с него сняли шкуру. В течение всего периода вынужденного избавления от болезненной тяги к атайле заставить его есть было невозможно. В критической стадии Телук обматывала его одеялом, когда он в горячечном бреду начинал наносить удары во все стороны.

Теперь же он разыгрывал из себя героя, был надменен, потому что случайно выжил. «Удивительно, почему его никто не зарезал?» — подумала я.

— Я еще увижу вас мертвыми, — сказал он тоном непригнуженной болтовни.

— А что вам это даст? Даже если вы меня убьете, это не поможет вам выбраться отсюда.

Он с беспокойством ощупал свои бока, словно в поисках оружия, затем оглядел палатку.

— Вы их не найдете, — сказал Марик, увидев, как Медуэнин искал глазами свои вещи. — Обитатели Топей все забрали себе.

— Обитатели Топей... — Медуэнин выглянул наружу. Очевидно, он что-то вспомнил из того, что с ним произошло. В профиль он выглядел молодо. Моложе Телук. Может быть, ему было под тридцать или чуть больше.

— Значит, так: обитатели Топей... — начала я, но меня перебила Телук:

— Мое правительство...

— Оно далеко отсюда, если я правильно понял, — не слушая нас, проговорил Медуэнин.

Для него ничего не значили ни Земля, ни посланник. Явно ничего, иначе бы он и не подошел им для роли убийцы и свидетеля против меня.

Весь разговор начинал становиться каким-то нереальным. События граничили с галлюцинациями. Я подумала: «Насколько же я здорова?»

— Оставим это как есть. Разберемся с этим позже. Не здесь. Не сейчас, — устало предложила я.

— Почему не сейчас? — резко спросил он.

В палатке нас находилось четверо, все болели, но соотношение сил все еще было три к одному. Меня удивляла крепость его нервов, но ничего, кроме этого.

— Потому что я не собираюсь отнимать у обитателей Топей их работу. Потому что если они нас убьют, то не пощадят и вас. Не по личным причинам, а вследствие различия обычаев, так сказать. Давайте заключим перемирие.

— Это верно, что вы принадлежите к Народу Колдунов?

Я помотала головой. Его вопрос прозвучал так, словно он надеялся, что я действительно имею отношение к этому мифическому племени.

— Закон здесь не находит применения, — сказал он.

Я еще раз попыталась разузнать, что он имел в виду, но тут пришли обитатели Топей, чтобы забрать нас.

Глава 14. Говорящая-за-Всех

Бледное небо Орте, усыпанное у горизонта точками дневных звезд, поблескивало, как водная поверхность. Жесткий тростник торчал хрупкими белыми копиями из замерзшей болотной жижи. Почва похрустывала под нашими ногами. Мы осторожно шли по льду до самой воды. Плоская болотистая равнина была покрыта столь же безбрежным туманом.

Одна из обитательниц Топей сделала нам знак копьем, и мы, пока убрали нашу палатку, сидели опустившись на корточки. Они тщательно избегали слишком близко подходить к костровой яме.

Двое из них нагнулись и неловко принялись разбирать кожи и распорки. Наконец они сложили все на земле и оставили на месте.

Было такое ощущение, словно меня лишили дома. В нем стоял запах пота и болезни, пахло теплом и своеобразным приятным человеческим духом, но все это прогнал холодный воздух.

— Что они делают?

Марик впервые за все это время заплакал, потому что чувствовал себя покинутым и беззащитным.

— Не знаю. Успокойся. Все будет в порядке.

Я положила руку ему на плечо и прикрыла своим одеялом. Мне тоже был кто-нибудь нужен, за кого я могла бы держаться. На нас оставалась только та одежда, в которой мы встали после сна, и одеяла, что мы успели захватить до

снятия палатки. Это было все. Телук шла босиком; свои сандалиии она где-то потеряла. У нас был вид людей, изгнанных с родины.

Они держали в руках копия с каменными наконечниками, вилы-двузубцы на длинных древках, а также каменные топоры. Некоторые из копий с кремневыми наконечниками были направлены в нашу сторону. Я невольно втянула голову в плечи. Из толпы появилась дикарка и замахала руками в сторону воды. Толпа расступилась, образовав проход. Немного помедлив, я двинулась в указанном направлении.

Телук шла следом за мной, ее глаза внимательно оглядывали все вокруг. Согнанные в небольшую кучку, мы стояли у самой воды.

У меня за спиной возникла какая-то возня, но я не стала обращать на нее внимания. Блейз н'ри н'сут Медуэнин сыпал проклятиями, но затем присоединился к нам, облизывая рассеченную губу.

В плоскодонные челны загружались свернутые палатки и копия для ловли рыбы. Мы сели в одну из лодок среди мокрых кож и выпотрошенных болотных животных. Женщина оттолкнула нас от берега, и мы поплыли по глубокой воде к противоположной стороне протоки.

На борт лодки легко вскарабкалась группа туземцев. Со своего места я смогла разглядеть шесть других суденышек, лежавших плоскими днищами на воде; они представляли собой кожу, натянутую на деревянный каркас, и я чувствовала под собой хлюпающую воду. Телук сидела прямо, уперев руки в бока.

— Вы умеете плавать? — цинично усмехнувшись, спросил Медуэнин. — Под конец могло бы быть полегче.

— Они убьют нас. — Марик настороженно смотрел на обитателей Топей, на детей и молодежь, которые следовали за лодками, шли временными тропинками по обманчивому болоту или плыли, ныряя и выныривая, по открытому каналу.

— Это по крайней мере будет быстро. Есть более неприятные способы умертвить человека.

— Помолчите, — прикрикнула я на него.

Он пожал плечами.

Мы миновали еще более глубокие протоки между буйно разросшимися островами тростника, заросли которого были желто-зеленого цвета, на вершинах же стеблей раскачивались красные стручки.

Двое обитателей Топей стояли на корме лодки, имевшей форму листа, и толкали ее вперед длинными шестами, упираясь ими в болотную тину. В середине лодки сидела женщина и кормила грудью ребенка. Соски ее были как у старой свиноматки. Две другие женщины стояли ближе ко мне и старались успокоить четверых или пятерых малышей.

Один из этого выводка, которому было, возможно, года три, вскарабкался на свернутые палатки, лежавшие на дне, и с интересом разглядывал нас. Его темные глаза следили за нами, время от времени мигательные перепонки закрывали щелки-зрачки. У него были широкий лоб, острый подбородок и плоские, прижатые и заостренные уши. Он походил на получеловека-полулягушку, но при всем том не вызывал отращения. Ребенок-уродец.

Молодая туземка приподняла его и бесцеремонно бросила обратно к корме с древней как мир самоуверенностью взрослых. «Интересно: не мужского ли он пола?» — подумала я и присмотрелась. Животик имел выпуклости. Несомненно, мужского, но готов к любым превращениям.

Едва снова усевшись на дне лодки, молодой туземец и женщина стали о чем-то шушукаться. Я наблюдала, как она положила тонкие руки с плавательными перепонками на живот, а затем подняла кверху нечто в форме приплюснутого шара. Затем она проделала это и во второй раз. Туземка осмотрела капсулы. Они были зеленовато-белого цвета, величиной с кулак, и имели плотную, гибкую оболочку.

Мне опять вспомнились Теризон, роды и дети, появившиеся на свет в упругой оболочке. Такая мембрана, должно быть, являлась последней сохранившейся частью этого процесса.

Туземец снова уложил яйца к себе в брюшную сумку, а женщина стала поить своего ребенка. Но может, это было чужое дитя. Я не могла утверждать этого с уверенностью. Ортеанцы образуют не пары, а группы. Я подумала, что наши,

наверное, принадлежат к одной из таких групп, и спросила себя, неужели такое же происходит и на других лодках...

Я прижала к себе Марика и отвернулась, чтобы не рассмеяться.

Руки Телук вцепились в борт лодки так сильно, что побелели сгибы пальцев. Она ничего не отвечала, когда мы ее о чем-нибудь спрашивали, а лишь мотала головой.

У Медуэнина был удивленный и одновременно рассеянный взгляд, он выглядел почти растерянно, а руки его обшаривали мешочек, висевший у него на поясе, словно он надеялся обнаружить там листья атайле. Но это уже не были взволнованные поиски, характерные для наркомана.

Если он выживет, сказала Телук, у него пройдет эта пагубная страсть. Я подумала, что он пытался понять, почему не испытывал потребности в этой траве.

Примерно около полудня я снова увидела похожую на тень линию у северного горизонта. Формы были слишком туманными, чтобы можно было говорить о горах. Ясно было, что находилось это чрезвычайно далеко и для облаков выглядело слишком прочным, твердым.

Затем полоса опять пропала из виду, когда мы поплыли широкими и длинными каналами-протоками между более высокими островами, на которых густо росли деревья. Их корни свисали в воду, чернота которой контрастировала с желтизной пожухших щитовидных листьев. Вода имела цвет обсидиана. Мухи кекри тучами кружили в нагретом полуденном воздухе, их сине-зеленые тела отливали металлическим блеском.

Появились другие туземцы, взявшиеся толкать лодку дальше. Некоторые плыли рядом с нами и ловили живность, а иногда швыряли в челн болотных рачков и амфибий. Никто не позаботился дать нам поесть. Но я находилась в слишком большом напряжении, чтобы размышлять о таких пустяках.

Я подумала, что если они таким же образом увозили нас в глубь своей территории, то мы могли находиться в сотнях зери от Ремонде. И если мы сейчас окажемся на свободе, то как сможем добраться до обжитых мест?

Монотонность плоского болотистого пейзажа угнетала. Всю вторую половину дня мы провели в дремоте. Солнце

находилось слева у меня за спиной. Лодка ползла дальше на север, где вскоре я смогла разглядеть множество островов, поросших кустарником. По мере нашего продвижения обитателей топей становилось все больше. Одни из них занимались хозяйством в своих лагерях-пристанищах, другие стояли на берегу и смотрели, как мы проплываем мимо. Не слышно было никаких приветственных возгласов. Мы плыли среди тишины, которая убаюкивала нас и наводила апатию, — верное средство от страха, но не от скуки.

Вершины деревьев соединялись над нашими головами. Под естественными сводами царил желтоватый полумрак. Сквозь небольшие просветы в листве вечернее солнце рисовало на черной воде белые пятна. Я растормошила Марика.

— Что? — Он вскочил. — Где мы?

— Думаю, мы скоро причалим.

Корни деревьев тянулись до самой воды, их черная чешуйчатая кора была покрыта ярко-красным и голубым мхом. По корневищам карабкались детеныши обитателей Топей и наблюдали за нами. Иногда кто-нибудь из них исчезал под водой и выныривал рядом с нашей лодкой.

Они галдели и издавали тонкий писк. Взрослые особи хрюкали и шипели, отгоняя их в сторону. Лодку, по всей видимости, загоняли в один из тупиковых каналов, где уже были привязаны и другие лодки. Гнилой, с металлическим привкусом запах, исходивший от растревоженной воды, сильно дурманил голову.

Туземцы ловко соскользнули на берег и потащили лодку между корневищ. Почвы не было видно: корни и болотные травы образовывали сплошное упругое переплетение наподобие мата.

Марик вопросительно смотрел на меня. Я попыталась ничем не выдать свое волнение и сосредоточиться: мне хотелось увидеть дикарку. Один из туземцев хрюкнул и кольнул меня копьем. Я схватилась за корни и, держась за них одной рукой, поддерживая Марика другой, стала карабкаться вверх по откосу. Корни под моими ногами прогибались и раскачивались словно живые.

За нами последовал Медуэнин, потом — Телук. Туземцы визжали, и было непонятно, чего они хотят.

Телук оттолкнула меня в сторону и бросилась бежать. Но далеко уйти ей не удалось. Она поскользнулась на корнях, успев в последний миг схватиться за ветви, и сломя голову кинулась к краю острова — только бы прочь от земноводных обитателей Топей.

Марик закричал.

Стоявший ближе всех туземец с поразительной меткостью метнул каменный топор и попал Говорящей-с-землей в основание черепа.

Она упала вперед, словно ей подсекло ноги, соскользнула в сторону и сползла по скользким корням в черную маслянистую воду.

Я оцепенело смотрела на то место, где утонула Телук.

Двое туземцев бросились в воду и вскоре снова вынырнули наверх. Когда они вылезли наружу, на поверхности показалась намокшая одежда Телук, которая вскоре снова ушла на дно. Обитатели Топей загладели. Затем их угрожающе поднятые копыа выразили недвусмысленный приказ: идти дальше.

— Она... я... она уже ничего не чувствует... — У меня внутри возникла странная пустота. — Этого не может быть. Это... ее убило, она...

Марик громко плакал, размазывая по лицу слезы и оставляя на нем грязные полосы.

— Ты хочешь кончить так же, как и она? — Медуэнин подтолкнул аширен вперед.

Туземцы повторили свой однозначный приказ, угрожающе подняв копыа.

Невозможно было идти по этому сплетению корней, не поскользнувшись, если не сосредоточивать свое внимание на каждом шаге. Я думала о Телук и о том, достаточно ли прочной была подо мной подстилка, чтобы выдерживать мой вес. Я думала о Телук, которую так по-настоящему и не узнала. Она была для меня только знакомой одного из моих друзей.

Оглушенная происшедшим, я словно во сне пошла дальше. Телук, с ее основательностью и незаурядными личными

качествами, — почему она побежала, что привело ее в такую панику?

Теперь мы шли в окружении туземцев, мужчин и женщин, старых и молодых, а возле наших ног крутилась толпа детей. Все они были босыми, глазастыми и угрожающе молчаливыми.

— Кристи. — Марик взял мою руку, и мы ступили наконец на твердую почву.

Тусклое солнце едва пробивалось сквозь естественный полог из деревьев, а густо перевившиеся друг с другом корни под ногами были выложены кожами.

Обитатели Топей сидели и стояли вдоль своеобразных стен этого естественного зала. Кожи лежали в два или три слоя и создавали надежную опору для ходьбы. От них исходил удивительный матово-золотистый блеск.

В середине зала, на массивном серо-голубом камне, сидела древняя обительница Топей. Рядом с нею стояла дикарка. Я подошла к ней и указала на старую туземку:

— Она говорит на твоём языке?

— Да. Немного.

— Тогда скажи ей... скажи ей, что произошло убийство.

Тишина была нарушена, дикарка и все стоявшие рядом с нами обитатели Топей одновременно завизжали, закричали что-то старухе. Собравшиеся о чем-то ожесточенно спорили и отчаянно жестикулировали. Громкий плач ребенка прорвался сквозь весь этот шум. Старая туземка подняла руки, и шум сразу стих.

— Она есть Говорящая-за-Всех, — объяснила дикарка. — Твоя подруга мертва?

— Они убили ее! — пронзительно крикнул Марик.

Высокопоставленная обительница болот произнесла что-то на своем хрюкающем языке. Я выступила вперед, и она оглядела меня с ног до головы. Старая туземка была грязна и имела вялый вид, глаза ее прикрывала толстая пленка, весь лоб был изрезан морщинами. Она сделала требовательный жест.

— Покажи свои руки, — перевела дикарка.

Я положила ладони на камень на высоте плеч. Туземка сравнила их со своими, а затем пересчитала мои пальцы. Рука

ее была холодной словно лед. Она протянула руку к моему лицу, коснулась щек и посмотрела мне в глаза.

Я не двигалась. Сейчас не существовало ничего, на что бы я не решилась. Убийство Телук сделало меня нечувствительной к страхам и равнодушной к собственной судьбе.

При прикосновении ко мне старой женщины меня охватила волна понимания. У меня возникла уверенность в том, что она не прикажет меня убить. Знание этого было столь абсолютно, что меня не удивило, когда дикарка сказала:

— Ты и твое имущество, вы свободны; она говорит: «Иди».

— Что она предпримет насчет Телук?

Они быстро посоветовались, чтобы я могла за этим проследить, потому что разговор велся на двух языках: жителей Топей и одном из диалектов Южной земли.

Я слышала, как у меня за спиной чертыхался Медуэнин.

— Не беспокойтесь о мертвых, — сказал он, — держитесь лучше за живых.

Пока дикарка излагала свои доводы венценосной туземке, из толпы раздались крики. На обращенной ко мне стороне сероголубого камня, освещенной белым солнцем, я увидела сложный узор, состоявший из высеченных символов. Он был слишком сложен для обитателей Топей. От голода у меня кружилась голова, я ощущала его как комок боли в груди.

— Она говорит: «Иди», — повторила дикарка.

Несколько из находившихся здесь туземцев принесли наши вещи и положили на пол. Мешки были открыты, все в них перевернуто, кое-что, казалось, разорвано, как, например, некоторые предметы одежды. Исчезла и большая часть наших запасов провианта. Коробка от аптечки находилась еще тут, но была пуста.

С удивлением я обнаружила, что харуры туземцы не растащили.

Я медлила. Если бы я не настаивала на наказании за убийство Телук, это означало бы предательство по отношению к ней. Но какая была от этого польза?

Я собрала половину вещей, а Марик взял остальное. Повернувшись, мы увидели наставленные на нас копы.

— Она сказала, что мы можем идти! — крикнула я.

— Ты и я, — пояснила дикарка, — но не другие.

Марик испуганно раскрыл рот.

Тут заговорил Медуэнин:

— Аширен — тоже имущество, ке — ее л'ри-ан, а я — телохранитель. Вы должны позволить нам уйти вместе с нею.

Дикарка перевела сказанное им. Медуэнин имел увсеренный и напряженный вид, его внимание было приковано к обоим партнерам по переговорам и к лежавшим без ножен мечам. «Он будет драться, — подумала я, — если с этим ничего не выйдет».

Наконец руки дикарки и старой обитательницы Топей коснулись друг друга, и дикарка грациозно подошла к нам. Она позвала нас жестами следовать за ней, и на этот раз всех пропустили.

— Следите за тем, что происходит у нас сзади, — пробормотал Медуэнин, — Телук они уже убили.

— Не надо мне об этом напоминать!

— Жаль, что вы им не напомнили об этом.

Я чуть не остановилась, чтобы на месте поквитаться с ним за его хамство, но нам нельзя было задерживаться. Обитатели Топей образовали вокруг нас плотное кольцо. Они были и над нами, на ветвях деревьев, в общем, всюду.

— Мне надо было поговорить с Телук, — сказал Марик. — Она меня слушала. Если бы я вовремя заметил, как она напугана, выслушал ее, тогда она, может, не бросилась бы бежать. Вы думаете, она и тогда бы побежала?

— Телук наверняка оценила положение. — Медуэнин говорил менее резко, чем обычно. — Другого шанса могло и не быть.

Мы вышли из-под деревьев и пошли к пологому илистому берегу. Все небо на западе серебрилось, оно имело также цвет индиго и отражалось в протоках и озерах. Шелестел тростник. Дикарка взялась за нос одного из плоскодонных челнов. Я опустила свою ношу на дно лодки, то же самое сделал и Марик.

Почему они захватили нас, почему не убили, а потом всех отпустили — я могу только размышлять над этим, но точно не знаю. Нам с дикаркой все еще стоило огромных усилий понимать друг друга.

Возможно, обитатели Топей подумали, что болото погубит нас. Или это сделают другие племена болотных жителей. А может, и сама дикарка. Или это было своего рода искупление вины за убийство Телук?

— Тронулись, — сказала я, стараясь соблюдать равновесие. Мы с дикаркой неловко вытолкали лодку на середину протоки. Обитатели Топей молча наблюдали за нами. Медуэнин уселся и стал искать свои вещи. Марик стоял у борта и смотрел за корму.

— Может, для Говорящих-с-землей это и не так, — произнес он, — но все остальные должны быть возвращены в свои телестре, когда умирают. Чтобы их там предали огню. Богиня, конечно, присутствует всюду, но... я бы не хотел гнить в болотах.

— Я тоже. — Это было непростое дело — провести лодку по узкой протоке без должного опыта. — Мы остановимся только тогда, когда скроемся из виду. Посмотри, сможешь ли ты своей пращей подбить рашаку-наи. Нам нечего есть.

Мальчик был мастером в стрельбе из пращи, а дикарка проявляла поразительную ловкость при ловле болотных рачков. Блейз взялся на время толкать лодку. А я высматривала обитателей Топей. Мне все еще не верилось, что они позволили нам уйти невредимыми.

Во время вторых сумерек у далекого северного горизонта показались слабые очертания гор.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 15. Через Стену Мира

— Ты умеешь с этим обращаться? — Я протянула Марику харур-нацари и харур-нилгири, принадлежавшие Телук.

— Я еще аширен, — помедлив, ответил он.

— Я не могу отличить одного конца от другого, а ты можешь, — настойчиво сказала я.

Он застегнул на поясе ремень, обнажил мечи, одновременно подняв их кверху, и вложил обратно в ножны. Несмотря на возраст, у него это получилось очень внушительно.

Я думала о том, как сильно Марик изменился. Он был худ, немного подрос, а аккуратно подстриженная грива, с какой он ходил прежде, теперь свисала ему на лицо крысиными хвостами. Марик уже не был ребенком. Аширен или нет, но если бы он являлся земным человеком, я могла бы принять его за молодого мужчину.

— Мешки очень легкие, — заметил он.

— В этом виноваты обитатели Топей.

Я очень хорошо теперь знала, что болотные жители следовали за нами до самого края Топей и вели наблюдение. Их столь облегченные представления о собственности не смущали жителей Южной земли, которые и сами в этом отношении не были слишком щепетильны, но меня они раздражали.

Парализатор был тем единственным, что у меня еще оставалось, да и то лишь потому, что для обитателей Топей он не представлял никакой ценности. Это просто счастье, что его кто-нибудь не вышвырнул просто так в болото.

— Кристи!

Пришла дикарка, руки ее были заняты кожаными мешками с пищей. Я воспользовалась своим ножом, чтобы разрезать один из них, и мы с Мариком поели немного холодного, жирного мяса. За последние пять дней наша охотничья добыча была весьма невелика. Большая часть живших в болотах животных залегла на зимнюю спячку.

— Каким путем мы пойдем? — спросила я дикарку, и она показала в направлении Стены Мира.

Пять дней в лодке оказались теплыми для этого времени года. Небо было затянуто облаками, а над Топями стоял редкий туман. И все же мы ясно видели горы. Затем, бесцельно оглядывая небо, я увидела сначала голубые тени, потом то, что сначала принимала за густые облака, и, наконец, мерцающие скалы и покрытые снегом вершины.

То, что там вырисовывалось и тянулось вдоль всего горизонта с западной стороны, было Стеной Мира.

Мы расположились на отдых на ровной пустоши, непосредственно примыкавшей к Топям, и использовали каркас лодки в качестве топлива для костра. В южном направлении тянулись чередой невысокие холмы, покрытые буро-золотой мшистой травой. Примерно в шести зери начиналось предгорье, поросшее темными деревьями, а за ним вздымалось массивное основание Стены Мира.

— Ты хочешь, чтобы мы туда, наверх?.. — спросила я у дикарки.

— Есть тропа. — Она развела руки в стороны, показывая ее ширину. Я подумала, что она пришла сюда именно этим путем.

Массив Стены Мира тянулся с северо-востока на юго-запад.

Мы видели перед собой горы, достигавшие в высоту двух тысяч метров, за которыми вздымались более далекие — мне пришлось даже зажмуриться от яркости, — высота которых составляла, пожалуй, восемь, а может, и девять тысяч метров.

— Если вы хотите познакомиться с неизвестными землями жителей Пустоши, у вас есть такая возможность. — Ме-

дуэнин нагнулся, чтобы завязать свой узел. Он кивнул головой в сторону Топей. — Любое войско варваров, которое пройдет здесь, да еще и сможет напасть на нас, заслуживает победы.

Марик демонстративно проигнорировал сказанное.

— Мы пойдем этим путем, Кристи? Может быть, мы могли бы от предгорий вернуться в Ремонде?

— Тогда нам еще раз придется пересечь Топи. Это слишком далеко, Марик. К тому же Ремонде для нас даже более опасна, чем эта местность.

Он запрокинул голову, чтобы увидеть вершины гор:

— Разве там лучше?

— Если на это смотреть практически, то да... Пока идем за дикаркой, мы по крайней мере знаем, что по пути спрятаны запасы пищи. Нам будет что есть. Если же мы вернемся в Ремонде, я пропала.

— Что это с ним? — Он кивнул на Медуэнина, который отошел от нас настолько, что не мог нас слышать. Он неотрывно смотрел вверх, на Стену Мира.

— Будем действовать, как и прежде. Спать и караулить по очереди и не спускать с него глаз.

В этот день мы двигались параллельно Стене Мира под мягким солнцем и ветром с юга, с Топей. Во время вторых сумерек дикарка изменила направление движения с западного на северное, чтобы обогнуть горный отрог, казавшийся шафрановым в свете заходящего солнца. Далее, примерно в двадцати зери, за низкими холмами на западе мощно вставала черная Стена Мира. Долина проходила с юга на север, поэтому мы шли между высившимися с обеих сторон вершинами. Почти незаметно начинался подъем.

Мы устроили наш лагерь в плоской низине. Для костра нашлась только прошлогодняя мшистая трава, на которой невозможно было приготовить ужин. Пришлось довольствоваться холодным пайком.

Я первой заступила на вахту. Солнце быстро опустилось за один из выступов Стены Мира, вторые сумерки были короткими. Серебристый свет звезд слабо освещал местность и

лишал Пустошь ее дневной пестроты. Трое моих спутников лежали, свернувшись калачиком, и спали, защищенные от ночного ветра. Я осталась одна.

Звезд на небе было так много, что они сливались в светлые пятна, в бело-голубую паутину с темными промежутками. Топи лежали внизу, укрытые бледным туманом. Эта пустынная, постепенно поднимавшаяся местность растянулась между скалами словно спящий зверь с грубым, лохматым мехом.

Я вернулась к нашему биваку и стала хлопать себя по ногам. Было холодно, трава покрылась инеем. Вершины и отроги Стены Мира можно было разглядеть до мельчайших деталей.

Я остановилась и посмотрела на юг, в сторону Топей. Где-то за ними, в Ремонде и Имире, за много сотен зери отсюда то же самое солнце золотило корабельные мачты в порту Таткаэра, и в этот самый миг над островом несясь вечерний звон колоколов.

Краем глаза я заметила какое-то сверкание. Я автоматически нагнулась, упала и сделала перекат. Снова встав на ноги, я подумала, что у меня появилась повышенная реакция и что я, пожалуй, начала становиться нервной. Но тут я увидела рядом с обломком скалы нож и сделанную им на камне белую царапину. По склону легко бежал Блейз н'ри н'сут Медуэнин, держа в правой руке харур-нацари, а в левой — харур-нилгири. Шрамы превращали его лицо в ужасную маску.

«Могу ли я тягаться с ним?» — подумала я. Он обошел меня, и утреннее солнце стало бить мне в глаза. Уворачиваясь от удара, я снова упала и услышала звон металла при ударе о камень; он взмахнул харур-нацари и промахнулся. Я вжалась в тень, которую отбрасывала скала. Зловеще блеснула сталь.

Он сделал выпад, а я стала проводить приемы, с помощью которых можно было обезоружить нападающего, но при этом чувствовала себя скованной и беспомощной в холод-

ном воздухе. Он, однако, проявил завидную прыть, и тогда я выстрелила в него.

Тишину утра нарушил громкий крик. Я услышала голос Марика, вскоре скатившегося вниз по склону. Он держал в руках мечи Телук и неподвижно стоял на месте.

Дикарка безучастно смотрела на происходящее со склона горы.

— Он мертв? — спросил Марик.

— Не думаю.

Я опустилась на колени и перевернула тело на спину. Медуэнин был тяжел. Его руки бессильно свисали. Я еще ни разу не использовала парализатор против ортеанца. Если у них была чувствительная нервная система...

Из его ушей и носа текли тонкие струйки крови, но сердце мощно колотилось под моей рукой.

«Что же мне с тобой делать?» Я мысленно говорила сама с собой. Потом я отошла от него и стала собирать ножи. Узкое лезвие, лежавшее в нескольких футах от его вытянутой руки, было харур-нилгири римонской работы.

Марик осторожно оглядел Медуэнина и подошел ближе, чтобы сесть на один из обломков скалы. Я тоже села, протерла кулаками глаза и попыталась снять с себя напряжение. Было тихо. Так мы сидели некоторое время. Тени становились короче, по мере того как солнце двигалось по небу. Внизу, над Топями, жалобно завывали рашаку-наи.

— Что будем делать? — безрадостно спросил Марик. — Вы... мы... вынуждены будем убить его. Иначе он убьет нас. — Это было совершенно верно, но я просто не могла себе в этом признаться. — Или оставим его здесь, а сами уйдем. Пусть земля убьет его вместо нас.

— Нет, так не пойдет. Он хороший следопыт. Я не могу все время следить, что происходит у меня за спиной, — возразила я.

— Вы говорите как истинная жительница Южной земли, — хрипло прозвучал голос Медуэнина. Он наблюдал за нами, опершись на локти.

— Черт возьми, что же вы, опять принялись за старое?

— Меня для этого и наняли, — ответил он.

— В Топях вы назвались моим телохранителем.

— А в Корбеке я отрекомендовался вашим арикей, разве это не правда?

Это сильно разозлило меня. Он ухмыльнулся, сел и потряс головой, чтобы прийти в себя. При этом он потирал уши, потому что, как я предположила, наполовину оглох.

— В беспамятстве я называл имя СуБаннасен? — рассеянно спросил он.

Его голова была склонена набок, а лоб наморщен. Я заметила, что он следил за моими губами, и нарочно повернула голову в сторону, говоря с Мариком.

— Собери вещи. Думаю, наша проводница не станет ждать нас вечно.

— Хорошо. А что с ним?

— Предоставь это мне. — Я взяла харуры, оценила их вес и решила оставить у себя нож для метания.

— Можете не упоминать СуБаннасен, — сказала я Медуэнину, — я, как и любой другой, умею суммировать факты. Лучше скажите, кто вы такой.

Мне пришлось повторить вопрос, и он ответил:

— Я наемник. Зарабатываю на жизнь тем, что держу свое слово. Ненадежным наемникам никто не платит.

— Это то, что погнало вас в Топи, — деньги?

Он медленно поднялся. Я протянула ему харуры. Не имело смысла оставлять человека безоружным в этой дикой местности.

— Вы легкомысленны, — упрекнул он меня.

— Нет, я буду защищаться, если на меня нападут.

— О, в этом я не сомневаюсь. — В его словах частично звучала прежняя резкость.

— Скажу вам еще кое-что. Ваше повреждение — это ненадолго, во всяком случае, я так думаю. До вечера сегодняшнего дня слух у вас восстановится. — В его глазах не угадывались ни страх, ни облегчение. — Но это только в первый раз... Не знаю, что будет с вами во второй или в третий; кажется, вы гораздо чувствительнее нас к звукам высокой

частоты. Если такое случится опять, то вы можете надолго лишиться слуха.

Он сунул мечи в ножны, взглянул на меня и, казалось, взвесил, что я сказала. Появились Марик вместе с дикаркой и позвали меня.

Дикарка уже шла в сторону Стены Мира.

— Вы думаете, что перейдете на ту сторону?

— Она же это сделала.

— Ага, понимаю. Возвращению на юг вы предпочитаете тихую смерть в горах.

— Оставьте меня в покое со своей наемной моралью. Идите вперед. Я не собираюсь постоянно следить, что делается у меня за спиной.

— Трудное путешествие. — Его взгляд все еще был обращен на горы. — И как я уже раньше говорил... Законы здесь недействительны.

Я ему не верила. Но мы шли дальше вверх по сужавшейся долине между заснеженными вершинами, возвышавшимися в сияющем небе.

Ходьба стоила адских усилий. Бурый мох был здесь цепким, выносливым и вырастал до колен. Через него невозможно было пройти, на каждом шаге его приходилось притаптывать. К тому же он скрывал ямы, трещины, в которые можно было легко угодить и переломать себе кости. Через первые полчаса, несмотря на ледяной ветер, я даже вспотела.

Старые, высохшие побеги ломались, когда мы наступали на них, а их семена вцеплялись во что только можно: в волосы, глаза, в одежду и сапоги.

По молчаливой договоренности через каждые пару километров мы устраивали отдых. Я обессиленно лежала на живот и думала, что дикарка могла бы идти и дальше, если бы ей не приходилось нас ждать, но, как я предположила, она чувствовала наше дыхание и замедляла шаги.

Во время вторых сумерек я подняла голову, после того как весь день при ходьбе смотрела только вниз, чтобы видеть, куда поставить ногу. Меня поразило, насколько близко

мы подошли к горам. Нет, не близко, подумалось мне, мы давно уже в горах.

Дикарка достала из трещины на склоне, не заслуживавшей даже того, чтобы называться пещерой, кожаные мешки с пищей и материалом для палатки. Мы расчистили участок поверхности, чтобы на нем можно было жечь мох, и укрылись, как смогли, от ветра.

Уснуть было нелегко. Мы надели на себя всю одежду, какая у нас сохранилась, и все равно нас пробирало до костей. Я много раз просыпалась и растирала себе руки и ноги, чтобы активизировать кровообращение.

Я думала, что если погода не изменится, тогда, возможно, у нас есть шанс. Если же усилится ветер... или будет мороз... или пойдет дождь...

Я погрузилась в сон, не спрашивая себя, что могло находиться по ту сторону гор.

Чем выше мы лезли, тем меньше становилось мха — блаженством было идти без прежних усилий. Холод, исходивший от камней, мучил наши тела сквозь бекамиловые плащи, а в воздухе висел пар от дыхания.

К полудню с вершин поползли первые хвосты тумана.

На северных сторонах глыб, неподвластных погоде, лежал старый, смешанный с грязью снег прошлой зимы. Слышалось эхо шорохов. Я слышала и шум мчавшейся в долину воды.

Обжигающая боль поселилась у меня под ребрами. Воздух сушил горло и легкие. Холод в сочетании с физической усталостью не допускали удовольствия вести разговоры, так что каждый из нас продолжал лезть вверх, замкнувшись в своем внутреннем мире. Дикарка всегда шла впереди. Она то исчезала в сгущавшемся тумане, то снова возникала, как привидение.

Для того чтобы поставить одну ногу впереди другой, требовалось сосредоточение всего моего внимания и всех усилий. Туман оседал на меня в виде капель воды в волосах и промочил их, мои губы с каждым вздохом становились холоднее.

Дважды я мгновенно засыпала, когда приседала, чтобы отдохнуть, но холод снова будил меня. И каждый раз становилось все труднее подниматься.

Меня испугало то, что я так скоро и так сильно устала. Было и еще одно чувство, которое я испытала, но не могла определить — это была скорее опустошенность, чем усталость, — которое напугало меня гораздо больше, если бы я была в состоянии беспокоиться об этом.

Туман накатывал на нас волнами, промочил нас насквозь, как мелкий морозящий дождь, и прошло много времени, прежде чем до меня дошло значение этого обстоятельства — сейчас мы шли вниз по склону.

Я увидела рядом с собой стекавшую в долину ледяную воду. Туман рассеялся, когда мы достигли нижней границы облачности, и мы остановились, чтобы подготовиться к длительному спуску.

Холод уменьшился, когда подул ветер. Не было никакой радости от того, что мы оставили перевал позади себя, не было и момента, чтобы посмотреть назад; теперь мы могли лишь продолжать идти.

— Нам повезло, — вяло проговорил Медуэнин во время отдыха. — Чуть позже этот перевал перекрывается снегом. Сейчас, наверное, идет вторая или третья неделя Ригардха.

Я вздрогнула от ужаса, когда дикарка поднялась и продолжила спуск по длинному склону. Скалы тянулись вниз множеством разломов и поперечных холмистых структур. На тундре лежал ясный свет и окрашивал ее в цвет светлого золота.

Все понимали, что при более плохой погоде у нас не было бы шансов выжить, но даже при хорошей погоде, находясь наверху более длительное время, мы не могли надеяться на благоприятный исход. Здесь ничто не росло, а охотой мало что можно было добыть. Это была суровая земля, и нам предстояло приспособиться к ее условиям или сгнуться в этих забытых богом местах.

Дикарка шла вперед — наш суровый и неутомимый проводник.

* * *

Запас пищи был спрятан в ущелье, проходившем вниз от Стены Мира, однако половина его испортилась.

Узкие, белые ручейки, стекавшие с вершин, в долинах становились ревушими потоками, стремившимися вниз с огромной силой. Они были так холодны, что в них могли замерзнуть руки.

Наш маленький отряд находился там весь следующий день, в этом воздухе, казавшемся нам теплым после перепада. Мы спустились ниже не более чем на девятьсот или тысячу метров, а все плоскогорье лежало гораздо выше Топей.

— Куда ты идешь? — спрашивала я дикарку в разных вариантах, какие мне только приходили в голову.

— Мы — люди Кирриах, — сказала она и протянула свою смуглую руку в северо-западном направлении. Это было все, чего я от нее добилась.

Я подумала, что мы приближаемся к своему концу. Так или иначе. Существует предел человеческой выносливости, когда уже невозможно заставить себя обходиться без сил или двигаться дальше... О боже, как я жаждала одной-единственной ночи безмятежного сна!

Из всей нашей группы могла выжить только дикарка. Она была очень выносливой даже по ортеанским представлениям. Но все остальные были на грани полного физического истощения.

Я проспала большую часть дня. Всякий раз, ненадолго просыпаясь, я видела Марика и Медуэнина, дремавших возле костра. Как-то вдруг пропала необходимость следить друг за другом. Дикарка временами находилась рядом, но иногда куда-то исчезала. Казалось, она не знала усталости.

Меня кто-то тормозил, и я открыла глаза. Начинало смеркаться. Солнце уже скрылось за вершинами и окрашивало снег в розовый и желтоватый тона. Склонившись надо мной, рядом стоял Марик.

— Я думаю, она хочет, чтобы мы продолжили путь. Что нам делать, Кристи?

Потребовалось некоторое время, пока я собралась с мыслями. Я подышала на руки, чтобы согреть их, и поискала свой мешок.

— Это имело бы смысл — идти ночью и спать днем, когда теплее. Это лучше, чем замерзать.

— Имело бы смысл? — недоверчиво спросил Медуэнин. Я ничего не ответила.

Мы шли дальше в свете звезд, достаточно ярком, чтобы видеть путь. Дикарка ускоряла шаги и нетерпеливо ждала, когда мы ее догоним. Явно нараставшая спешка в ее поведении заражала и нас. Я не знала, что было впереди в той земле, нам приходилось ее опасаться.

В середине ночи мы устали. Бесконечные холодные часы после полуночи стоили нам последних сил. Я тяжело шагала рядом с Мариком. Мы миновали горную местность и достигли равнины. Если бы я задумалась, то ровность пройденного нами пути удивила бы меня.

Что-то угловатое закрыло звездный свет. Затем дикарка прошла под аркой. Какой-то вход. Я с удивлением притронулась к стене. Она была оштукатуренной, и это здесь, в пустынных землях!

Мелькающий желтый свет не позволял разглядеть что-нибудь среди ночи. Костер осветил углы каменного зала с разрушенной крышей. Дикарка, держа в руках трут и кресало Телук, присела на полу. Ярко горел костер.

Блейз протиснулся внутрь следом за мной, бросил мешок на пол, выложенный каменными плитами, сел и протянул руки к теплу.

Вода из кожаных сосудов. Жирное мясо, плотно упакованное в кожаные мешки. Я увидела, как Марик вспарывает ножом швы, и с облегчением принялась делать то же самое. Мы ели словно дикие животные, молча, и смачивали сухие языки водой. С треском горело дерево. Дикарка положила сверху охапку мха, и горение замедлилось, давая больше тепла.

Я видела в свете костра ее лицо и белые зубы. Она прислонилась спиной к стене и наблюдала, как струя дыма ухо-

дила в небо, кусочек которого был виден через отверстие в крыше. Прежде ее лицо казалось мне совершенно ничего не выражающим. Сейчас же я видела, что бессмысленное выражение исчезло с него. Она расслабилась.

Я провалилась в сон, когда тусклый рассвет осветил вход.

В мою щеку уперлось что-то твердое. Будучи в тепле и еще в полусне, я не хотела двигаться. Однако тягостная по-меха заставила меня окончательно проснуться. Я открыла глаза. Это был каблук сапога, принадлежавшего римонскому наемнику. Перевернувшись на другой бок, я ударилась головой о ногу Марика. Оба продолжали спать.

Костер потух. Дикарки не было. Судя по свету, проникавшему через вход, солнце взошло уже довольно давно.

Я прошла по залу между одеялами, мешками, в которых находилась пища, и хворостом для костра и подошла к выходу.

Солнечный свет ослепил меня. Камень, из которого было сооружено здание, имел серо-голубой цвет и на свету казался почти прозрачным. Сонным взглядом я оглядела местность и постепенно поняла, где нахожусь. Стены, в которых мы ночевали, совсем не были отдельно стоящим домом. Лишь в поле моего зрения были десятки зданий, а ветер гнал по мощеным улицам сухую листву.

Тут находился разрушенный город. Разрушенный и покинутый, как стало понятно с первого взгляда. Все здания были построены из того же самого камня и по единому типу. Они создавали впечатление странной незавершенности; как будто не представляли собой ничего иного, кроме пустых оболочек.

Я вышла на один из перекрестков и увидела дорогу, которая вела назад, к заснеженным вершинам. Видимо, это была та дорога, по которой мы пришли. Но во всех других направлениях, насколько видел глаз, раскинулся город.

Я прошла по нескольким улицам, которые зачастую встречались по три на каждом таком перекрестке. После того, как я обошла некоторые целиком, мне стало ясно, что преобладавшей формой зданий был шестиугольник.

Кроме того, в зданиях не было того центрального двора, какой я считала само собой разумеющимся для архитектуры Южной земли.

— Кристи! — За мной вприпрыжку бежал Марик. — Ради Богини!

На нашем пути лежали резкие тени, причем это были тени, состоявшие из прямых линий, какие бывают только в городах. Солнце здесь находилось низко над южным горизонтом. Наши глаза не встречали почти ничего, что бы еще сохранилось неразрушенным. Из поросших мхом руин поднимались стены. Сквозь камни мостовых пробивался кустарник с бледными листьями.

Дожди и ветры закруглили и гладко отполировали кромки камней. Впереди, где начиналась открытая местность, на голой земле виднелись лишь линии, говорившие, что когда-то здесь находились стены. Вниз по склону тянулась широкая лестница, заросшая перьевидным, серебристо-зеленым бурьяном, нигде не начинавшаяся и нигде не кончавшаяся.

Мы остановились перед ступенями. Они были так отполированы, что казалось, будто сделало это море.

— Они древние, — сказала я. — Боже, какие же они древние!

— Они огромные. — Марик осматривался по сторонам. Руины тянулись на север, насколько видел глаз. В нескольких километрах виднелись и более крупные постройки. Я поймала себя на том, что мне стало интересно, можно ли будет их обследовать.

— Мне это не нравится, — тихо сказал Марик, потому что не хотел нарушать тишину. — Это... это то, о чем нас предостерегали. Неудивительно, что здешние племена — это варвары. Раз они здесь живут.

— Мы о них ничего не знаем.

Горизонт, лишь на юге ограниченный заснеженными горами, словно гигантской рукой охватывал разрушенный город. Над пустынной землей дул ветер, завывая между возвышавшимися стенами.

— Давайте вернемся, — сказал Марик. Я согласилась.

Появилась дикарка, и Медуэнин о чем-то заспорил с ней. Она смотрела на него, совершенно ничего не понимая. Увидев меня, она показала на север:

— Наша дорога.

— Мы не можем идти далеко.

Она немного развела руки в стороны:

— Не далеко.

— Несколько дней? — Я показала рукой на солнце.

Она помотала головой.

Это было все, что я поняла. Она с нетерпением ждала, пока мы собрали все, что еще осталось от пищи и воды. У Медуэнина был вид человека, которого втягивают во что-то против его воли.

Пока дикарка вела нас на север, я подумала, что он и Марик в одном были едины. Пребывание в городе таких размеров, хотя он и опустел уже несколько тысячелетий назад, казалось им очень неудобным. В тех местах Южной земли, где я побывала, не было ничего столь грандиозного.

Незадолго до второй половины дня мы остановились. Дикарка вела нас мимо плоских впадин, о которых я знала, что они были следствием обвала подземных помещений. Затем она остановилась, поискала что-то вокруг и оттащила в сторону какую-то каменную плиту. Вытертые ногами ступени исчезали в темноте подземелья.

Внутри было прохладно и сухо. Свет просачивался сквозь щели в потолке, который когда-то являлся полом большого здания, а сейчас на нем рос густой кустарник с листьями бурого цвета.

Мои глаза привыкли к сумраку. Мы находились в обширном, похожем на зал помещении, пол и колонны вдоль стен которого были из камня. У противоположной стены лежали кожаные мешки с водой и пищей, а также одеяла и шкуры.

— В каждом каменном месте, — голос дикарки мягко отражался от стен, — хватит на двенадцать... — она пересчитала свои костлявые пальцы на обеих руках, так что я поняла

ее, — двенадцать нас, двенадцать восходов солнца. Они должны пересечь эту землю.

— Кто — они?

— Все люди Кирриах.

Марик прошел мимо лежавшей на полу кучи запасов. Вернулся он с кусками торфа, которые сложил в одном из углов. Пол был черным от костров, разжигавшихся здесь до нас. Дикарка нагнулась над сухими щепками с кремнем в руках.

Мы поели. Недолгий день снаружи перешел в вечер. Наконец дикарка встала, подошла к лестнице. Дул холодный ветер.

— Кристи.

Я подошла к ней и стала ждать, что она скажет.

— Ты должна ждать.

— Как долго?

Она дважды или трижды сосчитала на пальцах и пожала плечами.

— Я буду говорить с людьми Кирриах. Ты должна остаться.

— Разве я не могу пойти с тобой и сама поговорить с ними?

— Тогда бы они убили тебя. Там есть еда. Жди. Я приду к тебе.

Я пошла за ней вверх по лестнице. Наверху она показала рукой на менее разрушенную часть города.

— Там есть колодезная вода. — Она положила руки мне на плечи. — Оставайся здесь.

— Я буду ждать, — сказала я, потому что мне все равно некуда было идти.

Она сняла руки с моих плеч, повернулась и ушла во мрак вторых сумерек. Я стояла на холоде, пока не потеряла ее из виду, а потом спустилась вниз.

На меня пристально смотрели две пары глаз. У мужчины и мальчика на лицах было одинаковое выражение недоверия. Я пристроилась возле костра.

— Думаю, нам придется подождать, пока она не вернется.

— Она ушла к своим людям? — спросил Марик.

— Остается только надеяться, что она вернется не вместе с ними. — Медуэнин, как всегда, был самоуверен и язвителен. — Мне бы хотелось сохранить свою голову там, где она есть, а не на острие варварского копья. Но если вспомнить, что она выступила на юг с группой своих людей, а вернулась только с двумя жителями Южной земли и с вами...

— Ей придется многое объяснять. — Мне было жаль, что он слышал наши с Мариком предположения насчет происхождения дикарки.

Мы остались ждать.

Глава 16. Люди Кирриах

— Сколько еще? — не отступал Медуэнин.

— Разве вы не умеете считать? — Марик сделал на палке восьмую зарубку. Он пытался делать царапины на стене, но камень, казалось, обладал прочностью алмаза.

— Сколько еще вы будете упорствовать в этой тупости? Чем дольше мы здесь задерживаемся, тем меньше у нас остается запасов на дорогу. Обратный путь до Южной земли долг.

— Вы можете идти, когда хотите. Совсем не требуется, чтобы вы брали на себя обязанность ждать нас.

Марик отошел, чтобы помешать суп в небольшой банке, висевшей над огнем на закрепленной палке. Банка была единственным оставшимся у нас предметом утвари.

Медуэнин сидел на полу, привалившись спиной к куче хвороста, одна его нога вместе с сапогом лежала почти в золе костра. Его обычно бледная грива почернела от грязи. Острием ножа он чистил свои когтеобразные ногти.

— Первое, что у нас кончится, — продолжал он, — это топливо. Здесь вокруг кустарника не слишком много. Воды

у нас достаточно, с этим я согласен, ведь есть колодец. Но пища и время...

— Если вы считаете, что у нас кончается топливо, почему бы не выйти и не запастись им?

Я высказала это как предложение. К моему удивлению, он прокряхтел что-то, встал и поднялся по лестнице.

— Мы... э-э... можем взять столько пищи, сколько сможем унести. — Тон Марика был скорее вопросительным. — Мы могли бы идти. Я не знаю куда. Крепость, к которой уехала Т'Ан Рурик... должна находиться где-то в горах Стены Мира.

— К востоку отсюда. Но северо-восточнее Корбека, если я верно запомнила карту. Отсюда, вероятно, до нее будет добрых триста зери.

На его лице появилось критическое выражение.

— Мы могли бы попытаться.

— Видишь ли... — едва сдерживаясь, ответила я. — У меня больше нет сил идти. Я не хочу сдохнуть где-нибудь на перевале. Ты понимаешь?

— Я тоже не хочу. Но что с нами будет, если мы останемся здесь?

— Думаю... нам следовало бы некоторое время пожить у этих племен.

— Вы имеете в виду, как пленники?

— Есть вещи более худшие, чем это.

В моей голове промелькнула страшная мысль. Дикарка со своими людьми ушла в Южную землю, а вернулась с тремя чужаками, значит, для нее было самым легким делом (да и кто бы не избрал этот простейший путь?) просто-напросто забыть о нас.

Я услышала шаги. Пришел Медуэнин с охапкой веток. Я встала и взяла деревянную плоску:

— Я пойду к колодцу.

Снаружи на серых камнях были видны пятна влаги величиной с монету. Пошел дождь со снегом. Вершины Стены Мира пропали из виду. Над горизонтом стояли тяжелые серовато-белые тучи. Они выглядели так, словно их нижнюю часть окунули в чернила.

Я подняла крышку и легла на землю, чтобы зачерпнуть плоской ледяную воду. Ветер свистел в острых обломках руин. Я присела на каменную крышку.

Иногда я казалась себе заключенной в стены подвала. Я была очень раздражительна. Причина этого состояла отчасти в том, что я все время была голодна и страдала расстройством желудка. Кроме того, я слишком долго находилась здесь, за много километров от всякой цивилизации, в разрушенном городе Золотого Народа Колдунов.

Я не думала, что действовала в Корбеке менее успешно, чем в Таткаэре. Но в Корбеке обстоятельства были иными. Я поняла бы, что там происходило, если бы не была столь беззаботна, если бы уловила все те сигналы, намеки, о наличии которых можно было заключить по поведению Арада и Ховиса. Мне следовало с удвоенным вниманием подходить к выполнению моих служебных обязанностей.

Мой любовник, арикей — оба эти понятия не годились... Халтерн сказал, что если с этим кончено, то кончено навсегда, и это нужно оставить, забыть.

В ощущении неудачи тоже есть своя волнующая прелесть. «Суд ортеанской инквизиции, затем побег из тюрьмы и преследование через всю страну, — подумала я. — Все это я сумела пережить и, несмотря на ужасные условия, надеюсь вернуться назад».

Мне было ясно, что долго так продолжаться не может, потому что как только я начну привыкать, моя судьба будет решена.

Фалкир с охотниками возле Эт. А Халтерн... Если он мертв, то я буду настаивать на том, чтобы кто-нибудь понес за это ответственность. «Если я когда-нибудь выберусь отсюда, — решила я, — то сообщу об этом Рурик, Короне...»

Рурик. О том, жива ли она еще, я знала столько же, сколько и о Халтерне. А Телук...

«Сейчас мне легче было бы пережить известие о ее смерти, — подумалось мне. — Я могла бы погибнуть таким же образом, внезапно и даже не защищаясь. Я хотела бы избежать этого, буду бороться, чтобы отвратить беду, но... такое возможно».

* * *

На следующий день выпал рыхлый снег. Марик позвал меня наверх.

— Взгляните, вон там. — Он показал пальцем.

По снегу тянулись пересекавшиеся следы — отпечатки изящного вида когтей, крыльев и мощных лап. Снег смягчал резкие очертания руин.

— Я думала, что здесь нет никакой дичи.

— О, еще сколько. — В голосе Марика слышалось разочарование. — Но я не могу подойти к ним достаточно близко. Здесь все животные привыкли, что на них охотятся.

— Значит, много охотников. — Тут я вспомнила о дикарке и быстро сменила тему разговора: — Я схожу за водой. Ты можешь посмотреть за огнем? Там, кажется, почти все прогорело.

— Хорошо. — Он побежал обратно вниз по лестнице.

На поверхности воды образовался тонкий слой льда. Я сломала его, встала на колени и замерла. В черной воде я увидела свое лицо. Я почти не узнала себя. Причина заключалась не только в том, что я была в грязи и подрезала ножом свалявшиеся волосы. Я потеряла в весе, мои щеки и глаза ввалились. Обмануться я не могла: вид у меня был измученный.

Я окунула руки в ледяную воду и испугалась. Она была слишком холодна, чтобы ею умываться.

Моя старая ремонтская одежда давно утратила свои первоначальные цвета и приняла равномерную грязно-бурую окраску. От грязи на моей коже образовались желтоватые пятна. От укусов насекомых оставались красные следы. Я разорвала свою последнюю и ставшую грязной сорочку, чтобы перевязать ступни; на обмороженных местах вскрылись глубокие нарывы.

В дотехническом мире нельзя быть слишком привередливым. Никому не нравятся грязь и недостаточный комфорт, но с этим можно смириться. Так об этом говорил мой дядя Джон де Лайл, министр. Он сказал это мне, когда я еще претендовала на место во Внеземной службе.

Я всегда клялась себе, что никогда не воспользуюсь влиянием семьи, тем более семьи де Лайлов. Честолюбивый принцип побеждал, пока мне не стало ясно, как сильно меня влекла служба в Департаменте Межпланетных Дел. Это было некорректно с моей стороны. Дядя являлся единственным из де Лайлов, который чувствовал себя виновным в том родственном подходе, что позволил себе в отношении меня. Когда я пришла к нему и попросила помочь — квалификация у меня, конечно, была, — он не смог отказать мне в месте.

«Разве иначе я была бы здесь? — с содроганием спрашивала я себя, все еще стоя на коленях возле колодца. — Разве улетела бы с Земли, если бы дядя не посодействовал мне? Хотя скорее всего я бы все же добилась этого. Просто поступила бы на службу несколько позже. Но это уже другой вопрос».

Я услышала шаги, быстро зачерпнула ладонями студеною воду и умыла лицо. Потом стала жадно глотать воздух, задрожала от холода и вытерла глаза рукавом.

— У вас есть проблемы? — спросил Медуэнин.

— Не больше, чем у вас. — Я подняла плошку с водой и пошла обратно к подвалу. Он шел рядом.

— На которой из них вы живете?

— Что? — Я проследила за его вытянутой рукой. Он указывал на те немногие дневные звезды, что еще были видны на западе.

— О, Солнце моей планеты вы отсюда не сможете увидеть.

Каменные плиты под слоем снега обладали коварной скользкостью. Мне приходилось целиком сосредоточиваться на том, чтобы не поскользнуться. Мужчина, шедший рядом, и не думал мне помогать.

— Как там, в том мире?

Взглянув ему в лицо, я увидела, что он был серьезен. Значит, либо поверил, что я прибыла из другого мира, либо так на него действовала изоляция. Возможно, это происходило оттого, что временами мне начинало казаться, будто покушались на мою жизнь давно и в каком-то ином мире.

Но в любом случае я считала, что мне следовало обращаться с ним вежливо.

— Между нашими мирами есть поразительное сходство. Если мы имеем дело с тем же самым классом звезд — с подобным солнцем, я имею в виду, — и с планетой, которая находится от него на том же расстоянии, то все растения, животные и люди являются лишь вариантами общих основных типов. По-настоящему чужими являются формы жизни на газообразных гигантах, на блуждающих межзвездных мирах и на планетах, движущихся по орбитам, очень близким к своим солнцам. Там есть создания, с которыми мы, вероятно, никогда не сможем общаться.

— Вот как такие? — Он вытянул руку с шестью пальцами.

— Это незначительная разница.

— И вы живете в высоких башнях, летаете по небу и ездите в повозках, в которые не запряжены животные. — Его тон был насмешливым. — Когда я слышу такое, то начинаю верить, что правы были те, кто говорил, будто вы принадлежите к Народу Колдунов.

— Кто эти «те»?

Он не ответил. Как я предполагала, это исходило от Су-Баннасен.

Мы подошли к нашему подвалу. Вверх от скрытого костра поднималась тонкая струйка теплого воздуха.

— Зачем вы сюда прибыли? И что вы можете дать нашему народу? — Он отвернул в сторону свое покрытое шрамами лицо. — У нас своя жизнь. Это то, что мы выбрали. Улучшит ли нашу жизнь знание вашего мира?

По какой-то дурацкой причине — все-таки этот человек дважды пытался убить меня — я полагала, что должна быть искренней по отношению к нему.

— Мое правительство говорит о взаимном культурном обогащении посредством контактов между мирами, входящими в Доминион. Это совершенно верно. Разумеется, мое правительство также хотело бы получать выгоду, если какой-то мир может предложить нам то, в чем мы имеем потребность. А если мы сумеем наладить торговлю, это будет прекрасно. Ваш мир от такого сотрудничества только выиграл

бы. Речь идет и об усовершенствовании методов медицинского обслуживания и ведения сельского хозяйства — в общем, о тех вещах, которые вам потребуются.

— У нас есть все, что нам нужно. — Он был упрям и так самоуверен, будто мог говорить за каждую в отдельности телестре Южной земли.

— Как вы можете это утверждать?

— Наши предки прошли путь, по которому идете вы, и он не оправдал себя.

Медуэнин был сердит и гораздо менее скрывался за своей гордостью, чем прежде. У него был жалкий вид, когда он шел рядом со мной, спрятав руки под изношенным плащом, с красными от мороза ушами, с сине-красными шрамами на лице.

— То, что ваши предшественники достигли высокого технического уровня и погибли, совсем не означает, что все кончают тем же. Кроме того, это было давно...

Он вздернул голову, и в его тоне снова появилась привычная резкая холодность.

— Уверяю вас, что хотя Народ Колдунов так же мертв, как и их город, мы их не забыли.

Он ушел вперед. Я взяла плошку в другую руку, подышала на оокоченевшие пальцы и спустилась следом за ним в подвал.

— Вот. — Марик взял у меня воду и протянул мне небольшую баночку. Она была очень горячей и наполнена бульоном, сваренным из драгоценного мяса. — Когда вы поедите, я дам есть и ему.

— Ты уже ел?

— Пока вы были снаружи. Как там?

— Холодно.

— Идет снег, — равнодушно сказал Медуэнин.

Я села рядом с костром, выловила из баночки кусочки мяса и стала пить горячий бульон. Марик сел рядом со мной.

— Я хотел бы снова оказаться в моей телестре, — сказал он. — Иногда на Ораноне бывало холодно, но никогда так, как здесь.

— Может, нам следовало бы создать свою собственную телестре. Хотя, кажется, место здесь для этого не совсем подходящее. — Юмор мой был слабоват.

Мигательные перепонки скользнули вверх, и глаза Марика посветлели от удивления.

— Короне и Церкви потребовалось четыре поколения, чтобы подтвердить законность телестре Пейр-Дадени, т'ан. Вам придется подождать некоторое время.

Мне вспомнилось, что однажды сказал Халтерн: ни одна из телестре со времени своего основания не изменяла своих границ, и в Южной земле не существовало земельных сделок, с тех пор как амари Андрете создала Пейр-Дадени.

— Но ведь должно быть возможно... Где же тогда жить людям?

— Есть три возможности на выбор, — сказал Медуэнин, глядя сквозь огонь. — Жить в своей родной телестре. Или в качестве н'ри н'сут в чужой. Или без земли.

Марик резко сказал:

— Она не безземельная!

— У нее нет телестре.

— Но у них это по-другому...

Это был тот самый момент, когда моя способность приспособливаться, отчеты ксеногруппы и различные рассказы соединились в моей голове в единый образ Орте. Прочное и неизменное, совершенно статичное общество. Меня пугало то, что это произошло на добровольной основе. В период Золотой Империи они обладали техническими знаниями, а сейчас отказывались ими пользоваться. Мне стало ясно уже в Корбеке, что здесь существовало не дотехнологическое, а посттехнологическое общество.

Это и обусловило мои неблагоприятные исходные позиции. Я была подготовлена к встрече с примитивными мирами.

Основное правило Департамента гласило, что раса, не имеющая возможности перемещения в космическом пространстве, не представляла опасности для Доминиона и что член Доминиона не может причинить какому-либо миру большего вреда. Конечно, это было правило со множеством ис-

ключений, но для беспокойных времен оно обладало успокаивающим действием. На Земле это неистовое стремление к исследованию пространства с помощью сверхсветового привода именовалось принципом дисперсии, а главной проблемой Земли было единство.

Однако Каррик V не являлся дотехнической цивилизацией, он не являлся миром, который можно было обследовать, внести в каталог и наблюдать с помощью спутников. Потому что на Каррике V была техническая цивилизация, от которой остались лишь руины, какие и представлял собой этот мертвый город.

«Мы основательно ошиблись насчет них, — думала я. — Что побуждает этот мир (или это относится только к Южной земле?) к тому, что он предпочитает пребывать в опасности, нужде и страданиях? Что за образ мышления позволяет Домам-источникам и Т'Ан Сутаи-Телестре подавлять Телук знаниями, с помощью которых можно было бы улучшить условия жизни?..»

Я взглянула на Медуэнина. В Корбеке мне довольно часто казалось, что Хранители Источника и Говорящие-с-землей держали при себе все виды знаний, включая медицинские; Народ Колдунов достиг в этой области таких же успехов, что и Доминион.

В настоящее время здесь не существовало технического метода записи знаний, но его можно было найти. Я могла жить с искаженными представлениями, когда знала, что не было возможности их исправить. Но как только стало известно, что подобный метод существовал и кто-то решил запретить его использование...

На Земле подобное общество не просуществовало бы и двух поколений, не говоря уже о двух тысячах лет. Это свидетельствовало о более необычном образе мышления, какой я могла себе представить у гуманоидов, которые все же в некотором отношении были так похожи на нас.

— Вы справились с банкой?

Я вернула ее ему пустой. Марик имел надутый вид. Очевидно, он спорил с Медуэнином, пока я была погружена в

свои размышления. В настоящих условиях мы все были в равной мере чувствительны, обидчивы.

Медуэнин сидел, держа на коленях деревянную коробку. Я уже и раньше видела ее в его вещах и по заботливости, с которой он с ней обращался, сделала вывод, что внутри были деньги или другие ценности. Но это оказалось не так. Он разложил на полу ее содержимое: это был дорожный комплект игры охмир. Входившая в него доска имела размеры подноса. На фишках (они хранятся в двух мешочках, причем в одном содержится вариант для трех игроков) были вырезаны обозначения феррорн, турин и леремок.

Все это пробудило во мне столь живые воспоминания, что у меня перехватило дыхание. Это были воспоминания о партиях в охмир в холодных башнях Корбека, которые мы с Фалкиром так часто прерывали, потому что нам приходило на ум более увлекательное занятие.

Медуэнин мрачно взглянул на меня и сказал:

— Думаю, вы не откажетесь от столь изысканной игры, как охмир?

Игра отвлекла бы меня от мыслей, связанных с ожиданием. Любой способ прогнать скуку был кстати. Пусть даже его предлагал Блейз н'ри н'сут Медуэнин.

— Я играю, — ответила я.

Выпал снег и пролежал до полудня, прежде чем растаял. Воздух был прозрачен и холоден. Мы покидали нашу подземную обитель как можно реже. Но необходимо было выбираться наверх, чтобы собирать топливо для костра.

Звезда Каррика словно ледяной глаз висела низко над южным горизонтом. Северный ветер гнал массы облаков. Стояла ясная погода. Вдали серебром блестели мокрые камни.

Выходы за топливом я использовала для ознакомления с окружающим миром. Я продлевала их, насколько это допускал холод. Казавшийся бесконечным город, однако, состоял из одних лишь руин. Заметны были впадины, где обрушились подземные помещения.

От города Народа Колдунов остались лишь камни. И мы втроем обитали здесь, жгли костер на выложенном мозаикой полу, не имея защиты от холода и темноты. Мы были варварами в этом городе, и, как мне подумалось, заслуженно.

Меня встревожил крик. Моя связка веток кустарника была нелегка. Я взобралась по какой-то лестнице, чтобы иметь большой обзор.

Я увидела Марика. Он размахивал своими харурами. Но крик, вырвавшийся у него, не был предупредительным. Что-то лежало на земле рядом с ним.

Подойдя ближе, я увидела, что это была огромная птица-ящерица с длинными, зубастыми челюстями. Тело ее покрывали скорее чешуйки, нежели перья. Ударом меча Марик почти начисто снес одно из перепончатых крыльев.

Я положила связку хвоста на землю и взялась за кончик одного крыла, а Марик — другого. Мы развели крылья в стороны. Их размах составлял более трех метров. На рукообразных лапах животного имелись опасные когти.

— Она напала на меня. — Марик схватил мертвое тело животного и потащил его к лестнице нашего подвала. — В той стороне, где полно выбоин. Я не видел, как она подлетела. Она чуть не оторвала мне голову!

Медузнин не двинулся со своего места возле огня. Он оглядел убитую птицу, затем Марика:

— Кур-рашаку. Повезло.

— Это не было везением! До последнего мгновения я вел себя спокойно, а потом я... — Он опустил птицу-ящерицу на пол и выполнил картинную и сложную серию фехтовальных движений воображаемым клинком. Его руки были черными от крови.

— Я имел в виду, что повезло нам всем. Разнообразие в меню.

Я впервые увидел в глазах человека из Римона своего рода серьезный юмор, но на лице у него не дрогнул ни один мускул. К моему изумлению, он помог ободрать и выпотрошить птицу. Я подумала, что наемный убийца должен уметь

потрошить дичь, как никто другой, и снова отправилась к колодцу.

Насытившись, мы прилегли у огня. Марик принялся лоскутками ткани вытирать кровь с мечей Телук... Впрочем, я считала их уже его собственностью. Медуэнин смотрел на это с нараставшим нетерпением. Он пробормотал что-то невнятное, порывлся в своем узелке и бросил мальчишке несколько кусков промасленной ткани, которую использовал для чистки своих собственных мечей.

— Спасибо, — недоверчиво отозвался Марик.

— Гм-м-м... — Медуэнин откинулся назад, в тень. Когда металл был протерт, он сказал: — Ты отдаешь нилгири слишком большое предпочтение.

— Может быть, — согласился Марик.

Как и многие ортеанцы, он одинаково владел правой и левой руками. Щита в Южной земле не знали, а сочетание харуров представляло собой смертельную опасность. Большинство воинов, как и Медуэнин, были способны владеть обоими мечами.

— Тебе следовало бы поучиться. — Медуэнин поймал мой хмурый взгляд. — Не волнуйтесь, Т'ан обитательница другого мира. Я не стану резать вашего л'ри-ана.

— Я и не думала об этом. — Но это было не совсем верно.

— Требуется движение, когда торчишь в такой тесноте. — Медуэнин взял в руки мечи Марика и оценил их вес. — В течение целого года я обучал владению оружием в одной телестре в Морврене, прежде чем отправился в Саберон. Вот, попробуй это.

Он показал мальчику несколько сложных упражнений обоими клинками, затем сел рядом со мной, чтобы понаблюдать за ним.

— Не хотели бы и вы поучиться? — с иронией предложил он.

— Я знаю свои способности, а эта в них не входит. — Я не намерена была проявлять такое легкомыслие, чтобы в учебном бою угодить под лезвие клинка Медуэнина. — Я придерживаюсь таких приемов борьбы, где требуется меньшая

затрата сил. В один из следующих дней я разгромлю вас в охмир.

— Ах, так вы, значит, думаете, что мы пробудем здесь всю зиму?

Когда он ушел, чтобы принести доску и фишки, я подбросила в костер побольше хворосту. Мне нечем было ответить на его сарказм. Однако, несмотря на рычание, рассчитанное на то, чтобы произвести впечатление, он взял на себя часть наших общих дел, и я все еще не знала в точности почему.

Мы сделали первые ходы, которые определяет тот, у кого более подвижные фишки, и постепенно игра вошла в силу. В подземелье стояла тишина, шум ветра не доносился сюда. Марик закончил упражнения с мечом и вернулся к огню. Костер был центром нашей общественной жизни.

Медуэнин положил одну из неподвижных феррорн, чтобы открыть еще один фронт борьбы на игровом поле. Я изучила их расположение и двинула с места одну из турин.

— Так не пойдет, — запротестовал противник. — Только через линию, но не через угол... пусть это даже будет леремок.

— Вы делали так же, — возразила я.

— Все игроки в охмир обманывают. Это такая поговорка. А еще одна говорит... — он наклонился и стал изучать доску, и огонь превратил его обожженное лицо в страшную маску, — что хорошие игроки в охмир обманывают только тогда, когда это необходимо.

— Тогда вот так. — Я вынудила его перевернуть одну из голубых турин, оказавшуюся с обратной стороны белой леремок, что было весьма выгодным для меня.

Он вынул из мешочка еще пригоршню фишек и в задумчивости застыл над доской. Его глаза были темными и ясными в тусклом мерцании света.

— Однажды я был в Касабаарде. В торговом городе. Там я и купил эту игру.

— Это не в Южной земле?

— Нет, за Внутренним морем, вниз по Дороге Мостов за Архипелагом. Вдоль Пустынного Побережья было несколь-

ко кровопролитных боев. Примерно шесть лет назад. Думаю, это происходило между Квартом и Кель-Харантишем.

— Вы там воевали?

— Мне платили, — сказал он, пожав плечами.

— Воевать — ваша работа?

— Это — самое простое дело.

Он положил на доску одну фишку. Я не была уверена, по правилам ли он сыграл; я отвлеклась. Сейчас мне гораздо более интересным казался его рассказ. Я решила действовать осторожно.

— После этого вы вернулись домой?

— Обратно в Южную землю. Что касается моего дома... я принадлежу к хорошей телестре, но мне было ровно четырнадцать, когда я ее покинул. Я придерживаюсь телецу, если вы помните. — Он намекал на обычай проводить одно из времен года в телестре. — Когда у меня есть возможность. Нет, в то время я был несколько лет охранником в городе Медуэд.

— Я прожила примерно такую же жизнь, тоже всюду путешествую. Но здесь это выглядит необычно, не так ли? — Тут я положила новую феррорн.

Он сделал ход, создавший ему преимущество в одном из малых шестиугольников, что, в свою очередь, изменило равновесие между различными перекрывавшимися шестиугольными структурами. Когда стали видны последствия хода, я потеряла несколько фишек.

— Да, необычно. После того я снова отправился по побережью в Морврен. Там я получил вот это. — Его рука прошла по изуродованному лицу.

— На войне?

Он рассмеялся. Смех звучал искренне, естественно. Марик открыл глаза и тут же снова задремал.

— В одном общественном доме в Свободном порту Морврен, — серьезно сказал Медуэнин, — в схватке, совершенно из-за ничего. Десять лет за морем, а потом вот это. Какая-то амари бросила масляную лампу.

Он поднял руку, чтобы показать, как защищал глаза. Рукав соскользнул, и я увидела шрамы от запястья до локтя.

— Она больше никогда не сделает ничего подобного, — добавил он и коснулся эфеса своего харура. — Однако постепенно я становлюсь слишком старым для такой игры.

Мы замолчали и продолжили другую игру, где можно обходиться без оружия.

На палке было уже двенадцать зарубок.

Пятнадцатый день оказался особенно холодным. С востока тянулись желтые снеговые облака, но снег не шел.

— Скоро будет зима.

Марик согласно кивнул. Он вырыл своим ножом еще один корень и дал его мне.

— Я слышал, что перевалы зимой закрыты.

— Думаю, ты прав. Давай вернемся, хвороста уже достаточно. Здесь, наверху, чертовски холодно. — Тут я подумала, что мы проделали сюда от подвала довольно долгий путь. Руины походили друг на друга. Я стала искать ориентиры на местности.

— Сюда! — позвал Марик.

— Ты уверен?

Возвращались мы не тем путем, каким сюда пришли. Я следовала за ним. Идти было легко, потому что он выбирал мощенные дороги.

К нашему скрытому входу мы подошли с другой стороны, поэтому я не узнала его, пока не оказалась прямо перед ним.

— Ты быстро соображаешь, — сказала я, когда мы спустились вниз по лестнице и подошли к костру. — Я на время потеряла ориентировку.

Он бросил дрова в кучу запасенного топлива.

— Я не особенно хитер, это лишь потому, что я уже прежде жил здесь.

Мои руки пощипывало, пока не восстановилось кровообращение. Это длилось довольно долго, и тут до меня дошел смысл его слов.

— Что ты здесь?

— Жил в этом городе. Во времена Народа Колдунов, конечно.

— Конечно, — машинально повторила я и отыскивала взглядом Медуэнина.

Сейчас мне еще недоставало их бреда.

— Что в этом необычного? Согласен, что это большая случайность, однако...

— Значит, и вы тоже?

Я подозревала, что они придумали такую игру-путаницу, чтобы подшутить надо мной.

— Нет. Мои воспоминания не показывают мне гор, которые бы я видел, когда жил в городе Колдунов.

Я повернулась к Марику:

— Ты никогда прежде об этом не говорил!

— Я не сразу узнал его, т'ан. — Он рассказывал об этом как о чем-то совершенно естественном, словно подобные вещи были известны всюду и каждому. — С тех пор как мы пришли сюда, мои сны о предыдущей жизни стали более четкими и совпадали с тем, что я видел. Только я думаю, это было очень давно. Город сейчас больше, чем я вспоминаю.

Я повернулась к Медуэнину:

— Видите, я знаю, что все мы находимся в большом напряжении.

— У вас не бывает снов о предыдущей жизни, не так ли? — В его голосе не чувствовалось ни малейшей насмешки.

— Нет возвращающейся памяти?

Марик испуганно взглянул на Медуэнина. Это насторожило меня. Тут не было никакой шутки. Мы были очень похожи. А сейчас присутствовало нечто, что заставляло его отвернуться от меня и сблизиться с наемником, который хотя и не внушал доверия, однако являлся представителем его расы.

— Ке боится, — сказал Медуэнин, — потому что у представителей Народа Колдунов тоже не было памяти об их предыдущих жизнях. Может быть, они и не проживали нескольких жизней, о которых могли бы вспомнить. А разве вы, обитатели другого мира, походите в этом на Народ Колдунов?

— Я не могу ответить на этот вопрос, пока не поняла его. Присядь-ка ненадолго, мне бы хотелось поговорить об этом, Марик. Бога ради, я не причиню тебе никакого зла!

Он пристыженно сел рядом со мной.

— Я знаю. Я знаю вас, т'ан. Но мне казалось, что вы... как мы.

— Расскажите мне об этом.

Я посмотрела на обоих. Тут они снова обменялись взглядами заговорщиков, которые я ранее восприняла как свидетельство их сговора. Видимо, они объяснялись желанием перестраховаться. Мое разоблачение сильно затронуло их.

— Мы живем, — просто сказал Медуэнин, — и возвращаемся под Ее небо. Вот и все.

— Это не все — это не может быть всем! О-о... — Я подняла руку, потому что Марик хотел перебить меня. — Я не сомневаюсь в том, что вы во все это верите. И на Земле есть люди, которые верят в то же самое и с такой же искренностью. Но доказательств этого нет!

— Мы вспоминаем, — ответил Марик. — Мы не можем все ошибаться, иначе не вспоминали бы об одних и тех же вещах, разве не так? Мы знаем о Народе Колдунов, потому что жили здесь, были их рабами. Кристи, мы это знаем.

— Церковь...

В этом заключался странный смысл. Вот почему, наверное, здесь не существовало пышных церемоний похорон. Телук однажды шокировала меня тем, что одобрила самоубийство. А Марик, с неприязнью относившийся к городу, когда вошел в него, почувствовал себя в нем уютно.

— Тогда вы, конечно же, знаете, как выглядит техническая цивилизация.

Они внимательно наблюдали за мной. Я поняла, что мне следовало бы более тщательно формулировать свои вопросы. Если и существовала какая-то тема, на которую ортеанцы говорили с большой сдержанностью, то это сущность их веры. Если бы все мы не оказались в такой ситуации, затерянные в этих опустевших землях, подобный разговор мог бы никогда не состояться.

— Мы это знаем. Я уже говорил вам, — произнес Медуэнин. — Мы это видели и больше такого не хотим.

— Но как же Народ Колдунов? Они же должны были родиться снова.

— Конечно! — ответил Марик. — А что такое Кель-Харантиш?

— Нет, люди там такие же, как и мы. — Медуэнин говорил совершенно серьезно. — Я их видел. Как говорят, народ там был истреблен.

— «Как говорят»? Я думала, вы знаете точно.

— Там есть люди, которые утверждают, будто родились после гибели Золотой Империи, но я им не верю. Еще слишком рано.

Я поймала себя на том, что в беспокойстве ходила взад и вперед. Как раз в этот момент я вернулась к огню. Подобное было возможно.

Это могло бы оказаться предрассудком, а может, и реальностью... Но они были убеждены в том, что это реальность. Уверенность очень глубоко сидела в них, я это видела.

Почувствовав вдруг свою подавленность, я присела на полу у костра.

— Если вы знаете, что снова родитесь, то почему терпите, переносите вот это?

На некоторое время наступила тишина. Медуэнин наклонился вперед, его местами седая грива упала ему на глаза.

— Если уж дело дойдет до того... я пробуду здесь не дольше, чем должен.

— Но как представишь себе, что придется покинуть всех, кого знаешь, — прошептал Марик. — Это означало бы потерять всю телестре, каждого знакомого человека. А что это будет за мир, в который когда-нибудь вернешься? Я знаю, Говорящие-с-землей объясняют, что это будет тот же мир, но ведь пройдет так много времени... И я был бы тогда уже не Мариком Салатизлом, а другим человеком с частью моих воспоминаний и родился бы в другом мире.

— У нас никто не желает смерти, — резко сказал Медуэнин, потом поднял голову и посмотрел мне в лицо. — Умереть без надежды вернуться сюда? Вы странные люди, Кристи.

«Да, вера в перерождение в них глубоко укоренилась. Это слишком основательное различие, чтобы осознать его целиком. А тем более поверить, как они. Неудивительно, что Народ Колдунов все еще представляет для них большую угрозу,

хотя его представители вымерли две тысячи лет назад. Воспоминания о силе техники не поблекли, сохранилось и твердое нежелание когда-нибудь снова ею пользоваться».

— Может быть, у вас так же, — с надеждой сказал мальчик, — а вы этого не знаете?

— Я начинаю понимать, что действительно этого не знаю.

И чем больше я узнавала об Орте, тем больше угнетала меня моя полнейшая неосведомленность.

Медуэнин молча смотрел на меня, забыв про Марика. Он был потрясен моим признанием. Для ортеанца знать, что ты умрешь, и не верить в бессмертие, а точнее, в последующее перерождение выглядело диким. Марик, как и все дети, был еще далек от того, чтобы вообще верить в смерть.

В подвале громко трещало горящее дерево. Стены казались красными в свете огня. Я спешно вернулась к костру. Снаружи все еще шел снег, который, казалось, никогда не кончится.

Марик пошевелился, пробормотал что-то и перекатился поближе к огню, так и не проснувшись. Я перешагнула через него, присела рядом с кучей хвороста и положила в огонь несколько больших сучьев.

Я подумала, что до рассвета осталось уже недолго. Не потому, что снаружи можно было заметить какие-либо изменения. Просто я чувствовала, что близилось утро.

Мне показалось, что нет необходимости стоять на страже. Никто не найдет сюда дороги и не нападет на нас. Здесь никого нет.

Уверенность усиливалась. Мы были брошены на произвол судьбы. Нам придется оставаться здесь до тех пор, пока мы сами что-либо не предпримем. Но что мы могли сделать? Собрать пожитки и просто пойти обратно же в Топи? Поискать перевал в Стене Мира? Я спрашивала себя, как далеко он мог находиться и как далеко смогли бы мы уйти сейчас, зимой, без пищи и одежды. У нас уже не оставалось сил. Мы истратили их без остатка, дойдя сюда из Корбека.

Медуэнин закричал и приподнялся, положив руку на голову, как бы защищаясь. Он посмотрел вокруг с таким ви-

дом, будто забыл, где находится, и снова лег, положив ладонь под голову.

Я знала, что ему снились кошмары. Иногда он беззвучно шевелил губами, словно кричал, а когда просыпался, то не слышал, что ему говорили.

Мальчику снились сны-воспоминания, и чем больше проходило времени, тем больше удалялся он от нас. Он смотрел на город и видел в нем больше, чем я когда-либо могла увидеть. Иногда он улыбался и вслушивался в шум ветра.

Шестнадцать дней. Голод был теперь частью нашей жизни, пищу приходилось делить на маленькие порции. Нас одолевала скука и мысль о том, что мы слишком долго ждали, чтобы еще куда-нибудь идти.

Каменные стены сливались с улицами, руины становились городом, наполненным бурлящей жизнью. В то же время, когда мне становилось ясно, что это сон, я знала, что вижу не город Колдунов. В нем были земные признаки, что-то, может быть, от Лондона, Пекина или Бомбея. Там жили люди, которые не голодали, не мерзли, которые передвигались на транспорте и говорили на языке, до боли знакомом мне.

Я была человеком, никогда не покидавшим надежную Землю. Меня разбудили сухие всхлипывания от жалости к себе, я не умею плакать во сне.

— Кристи! — настойчиво шептал Медуэнин.

Я села. Мне было неловко от того, что они увидели меня слабой.

Марик поднял голову, наморщил лоб и прислушался:

— Вы слышите?

— Медуэнин, я... — Моя рука потянулась к парализатору. — Что такое? Я ничего не слышу.

У меня окоченели ноги, ходьба причиняла боль, и мне понадобилась целая минута, чтобы подняться следом за ним по ступеням. Марик вынул мечи. Меня ослепил белый свет. Я прислонилась к остаткам стены и вытерла слезы на глазах. Медуэнин выделялся своей чернотой на белом, сияющем снегу, его римонские клинки блестели на солнце.

— Спрячьтесь, — резко сказал он и подтолкнул Марика к кусту, скрывавшему вход в подвал.

— Погодите немного. Погодите! — Я прикрыла глаза. Звезда Каррика взошла, и се слепящий свет, отраженный свежесвыпавшим снегом, был невыносим. — Что вы собираетесь делать? Мне все равно, кто там приближается; во всяком случае, это лучше, чем умирать от голода!

Он опустил мечи и кивнул. Немного помедлив, к нам вернулся Марик.

— Я все еще ничего не слышу, — сказала я.

— Шум доносится вон оттуда. — Медуэнин показал рукой в сторону.

Голые стены были занесены снегом и скрывали гостей от наших взглядов. Я напряглась и что-то услышала, чего не могла понять.

— Идемте и поприветствуем их.

Наемник посмотрел на меня, как на сумасшедшую, и он был почти прав, потому что я перестала думать об опасности. Пожав плечами, он принял мое предложение.

Мальчик шел между нами, в его руках все еще были обнаженные мечи.

Каменные плиты под нашими ногами покрылись льдом, снег прилипал к моим сапогам. Скоро нам пришлось держаться друг за друга, чтобы можно было идти прямо, не падая.

Я надеялась, что это возвращалась дикарка, но в тот момент не это меня беспокоило.

Мы обошли самую высокую стену, взглянули на старую дорогу и остановились.

Глава 17. Женщина-Идущая-Вдаль

По девственно белому снегу ехал верхом темнокожий человек, явно выбирая искусственно выровненные участки, говорившие о том, что тут проходили древние дороги. Следом за ним ехали еще несколько человек.

Небо за их спинами имело цвет моря и было усыпано звездами. Воздух был чист, и местность просматривалась до

самого горизонта: можно было различить все укрытия в городе. Все окружающее имело цвет всех оттенков индиго.

Когда всадники подъехали ближе, я увидела, что на них были туники и толстые шубы. Высокие седла были отделаны мехом и увешаны блестящими украшениями. Животные для верховой езды представляли собой неизвестный для меня тип, конечно, это были не мархацы и не скурраи.

— О Богиня... — От учащенного дыхания Марика в воздухе висели белые облачка пара. Рот его открылся от удивления.

Медуэнин держал руку на рукоятке меча. Его мигательные перепонки защищали глаза от блеска снега. Наши фиолетовые тени падали на запад, туда, откуда приближались всадники.

Стали видны и размеры серых животных: их рост достигал двух метров и более, а сужавшиеся кверху шеи добавляли к нему по меньшей мере еще метр. Поводья свисали петлями чуть не до земли и были привязаны к седлам, на которых позванивали бесчисленные металлические пластинки.

— Видите, я... — Медуэнин снова замолчал и стал смотреть на запад.

За передними всадниками, неспешно ехавшими по древней дороге, двигалось нечто, что я сначала приняла за сани. Впереди были парами запряжены восемь животных, приземистых, с длинным белым мехом и парой коротких рогов, располагавшихся на широких лбах.

Повозка двигалась, очевидно, на вспомогательных полозьях. Она блестела на снегу, яркая и красная, как кровь. В ней находились люди.

Это нечто было больше любого транспортного средства, какое я когда-либо видела на Орте, а его формы казались одновременно странными и знакомыми; оно имело плоскую яйцевидную форму, открытую сверху.

— Не испугайте их, — наивно сказала я. — Пусть они не подумают, что мы опасны.

Первые всадники поравнялись с нами и, сохраняя дистанцию, объехали нас. Животные с серыми шкурами остав-

ляли на снегу изящного вида следы. Казалось невероятным, что такие тонкие ноги способны были носить на себе эти тела и длинные шеи.

Всадники молча смотрели на нас сверху вниз. Они были вооружены короткими кривыми мечами и копьями с металлическими наконечниками. Среди них находились мужчины и женщины, насколько я могла определить это по ортеанским лицам.

Подъехали сани, скрипя на снегу полозьями. Из ноздрей тащивших их белых животных валил пар. Я взглянула на еще одну, меньших размеров, повозку, следовавшую за первой. Ее тащили четверо животных. Шкуры и меха скрывали то, что там находилось.

Марик сказал:

— Там, в этой штуке, аширен, смотрите!

Женщина-возница сидела на высоких, как трон, козлах выше оглоблей и держала в руках поводья. Позади нее внутри яйцевидной повозки возле ее края толкались дети, карабкаясь по высоким хвостовым плавникам, чтобы лучше нас разглядеть.

Медуэнин и Марик посмотрели друг на друга.

— Да, — сказал наемник, — это, должно быть, не только ездит по земле, а?

— Они летали по воздуху, когда здесь еще был город. — Глаза мальчика посветлели.

После его слов я тоже это заметила. С точки зрения аэродинамики форма саней была идеальной, и мне следовало бы самой определить это, однако мое мышление не в состоянии было признать их существование. Не здесь. И не сегодня.

Лохматые животные остановились и выдохнули в морозный воздух облака пара. Борта повозки возвышались над нашими головами. Утреннее солнце заливало ее красным и золотым светом. Спустили веревочную лестницу, и по ней сошла вниз целая куча аширен. Затем сквозь них с помощью локтей вперед протиснулась женщина.

Ее грива блестела, кожа была смазана жиром или маслом. Поверх сорочки из мягкой кожи на ее теле была ре-

мешками закреплена большая белая шуба, а за украшенным драгоценными камнями поясом торчал кривой нож. Однако она не была обута, а ее лицо показалось мне удивительно знакомым.

— Мир! — крикнула дикарка. Аширен стихли. Она широко улыбнулась и протянула вперед руки, чтобы взять в них мои. Я оцепенело смотрела на нее. — А вы правильно поступили. Я боялась, что вы не захотите ждать, но я была больна и не могла к вам приехать. Но вот я здесь!

— Слава богу, — сказала я, а потом нас окружила целая куча аширен, толкавшихся возле нас, чтобы потрогать. Спешились и всадники, подошли к нам и заговорили на каком-то старом языке.

Я была ошеломлена и смущена, после столь долгой тишины всего этого оказалось для меня слишком много.

— Мир, — смеялся Медуэнин, — мы могли бы и сами это понять. Даже варвары, Кристи, не берут с собой детей на войну.

Я положила руку на плечо Марика, чтобы опереться. Он не переставал широко улыбаться.

Некоторое время царило замешательство, казалось, все хотели к нам прикоснуться, ощупывали нашу одежду и тела, прежде чем поверили, что мы действительно есть.

— Мои братья. — Дикарка подтолкнула вперед двух молодых мужчин, которые прикрыли глаза, потому что, видимо, были смущены, а затем так живо стали мне что-то говорить, что я не поняла ни слова. — А вот это — аширен моей сестры и мои.

Я не могла их отличить от других детей. Их гривы были темными, гладкая кожа — черного или кирпично-красного цвета за некоторыми исключениями; я заметила ребенка с молочно-белой кожей и серебристой гривой. Они были любопытными, дерзкими и уверенными в себе, как все ортеанские дети.

— Что... я хочу сказать, кто?.. — Впечатления целиком захватили меня.

— Ты, — сказала дикарка, — и твои друзья тоже, вы должны ехать со мной.

Лишь теперь мне стало ясно, что она была не просто женщиной племени, а предводительницей или женой вождя, может быть, тем и другим вместе. Она никогда не говорила больше, чем то было необходимо, а подобная молчаливость часто воспринимается как глупость.

— Нам придется довериться им, — сказал Марик.

— Да. Беги и принеси все, что бы ты хотел взять с собой. Живо.

Я притронулась к стенке яйцевидного транспортного средства. Она была не из дерева, не из металла, а обладала структурой, напоминавшей мне пластик. Судя по ее небольшому погружению в снег, повозка была легкой. Окраска отличалась однородностью и равномерностью. Приглядевшись поближе, я заметила на материале пятна и следы эксплуатации. Как долго мог существовать предмет подобного рода?

На Земле находят стекло финикийского периода и пластмассы начала двадцатого века. Но чтобы вот это дошло до наших дней со времен Золотой Империи — через две тысячи ортеанских лет или более, возможно, две с половиной тысячи стандартных земных лет, — в такое просто никак не верилось. Однако выглядело это так, как если бы было цельнолитым, поэтому я подумала, что конструкция такого рода обладала чрезвычайной прочностью...

— Кристи. — Дикарка попросила меня подняться внутрь по веревочной лестнице.

Упряжка животных налегла, возница прокричала команды, повозка тронулась со скрипом с тонкого слоя льда и начала скольжение. Я села на заднюю деревянную скамью, покрытую шкурой. Дикарка уселась рядом со мной, держа на коленях одного из многочисленных аширен.

Марик сидел на скамье пониже нашей рядом с Медуэнином, прислонившись к моим коленям.

От холодного ветра перехватывало дыхание. Мы плотнее закутались в меха. Несмотря на холод, аширен постарше что-то кричали и выглядывали через борта повозки.

Один пожилой мужчина, которого дикарка уговорила слезть со своего серого животного, чтобы ехать вместе с нами,

хорошо говорил по-ремондски. Благодаря его переводу и несмотря на сильный акцент и архаичный язык, мы отлично понимали друг друга.

— Вы и я должны говорить, — сказала она. — Вы и люди Кирриах.

Когда прозвучало это название, Марик поднял голову и сказал:

— Город Кирриах, который называли а-Киррик?

— Верно, это место называлось «а-Киррик». — Она посмотрела на старика.

— Он помнит, что было здесь, — осторожно сказала я, и лица их посветлели.

— Твоя память говорит тебе, что еще здесь было? — спросила она.

Он обернулся и указал в восточном направлении:

— Там был город, С'Имрат.

Она обрадованно кивнула:

— Люди С'Имрат. Этой дорогой мы не поедem, они нам враги. А эта дорога?

Мальчик наморщил лоб:

— Река... Я не помню, как далеко отсюда.

Она посмотрела на старика, который перевел ей это, и снова кивнула.

Повозка легко покачивалась на полозьях из стороны в сторону, и мы двигались по дороге, что вела на северо-запад. Здесь был более сильный снегопад. Сверкали на солнце сосульки, свисавшие с разрушенных лестниц.

— Вы не должны молчать, — настойчиво повторила она. Выражение ее лица трудно было понять. Она говорила медленно и бросала взгляды на старого человека, который должен был помогать ей находить слова. — Я рассказывала... о другом мире. О твоих людях. О твоей поездке сюда, к Великой Матери, в этот мир... Твоя речь была для жителей низменностей. Теперь ты должна поведать о себе нам.

Я была потрясена тем, насколько сильно ее недооценила. А мы с Халтерном говорили о ней так, словно она являлась животным. В Южной земле для них имелось лишь одно

название — «варвары». Впервые я начала понимать, что они заблуждались. И это оживило в моем сознании то, что я забыла, пока занималась исключительно проблемами выживания: я все еще была посланницей Земли.

— Я буду говорить с каждым, кто захочет меня выслушать, — завершила я.

— Скоро тебе нужно уходить, — сказала дикарка. — Зима в этом году наступит рано. Перевалы будут закрыты. Твои друзья тоже должны идти.

По террасе шлепал дождь. Снег бесследно исчез. Возле Кирриаха висели серые тучи и скрывали реку с лежавшими за нею равнинами. Зажмурившись, я смотрела на косой дождь. У меня сильно воспалились глаза. Что-то в пище варваров вызывало у меня аллергию, хотя она и была не очень сильно выражена. Выбор между голодной смертью и какой-то аллергией давался мне легко.

— Я здесь всего лишь несколько дней. Этого недостаточно, чтобы объяснить...

Однажды она прервала меня, что делала нечасто, и сказала:

— Иди или перезимуй здесь. Но тогда вам придется прорываться с боями; люди С'Имрат, Иритемн и Гиризе-Ахан услышат о вас и нападут на нас.

— Не могла бы я пообщаться и с ними так же, как я говорила с твоими людьми?

— Между тобой и другими племенами нет никаких обязательств. Они бы убили тебя. Или приняли за одну из вернувшихся Золотых, потому что у них есть предание, в котором говорится, что Золотые Колдуны вернутся.

Ветер задувал дождь на террасу, и дикарка закрыла деревянные оконные ставни, после чего заперла на задвижку. Свайных стен загона для животных не стало видно.

Я спустилась вместе с нею по лестнице в главный зал. Он походил на другие залы людей Кирриах: снаружи имел вид здания времен Народа Колдунов, а внутри были устроены деревянные платформы, настилы, перегородки и небольшие

отгороженные помещения. Видны были и следы износа стен в течение многих поколений. Обитатели раскрасили стертые временем барельефы, а что-то, видимо, подрисовали и сами: символы и иероглифы, которые, хотя и были непонятны, активизировали мышление своими удивительными геометрическими соотношениями.

Я никогда не видела всех членов племени Кирриах в одном месте, поэтому его численность была неизвестна; кто-либо из них всегда принимал участие в охотах или набегах вне его территории. В этом зале размещалось около пятидесяти человек, а я уже говорила в шести других залах.

Подошел Марик, спросил:

— Что случилось?

— Думаю, мы покинем это место, как только прекратится дождь. — Тут я увидела сидевшего у огня Медуэнина, который играл в охмир сам с собой. — Скажи ему это, хорошо?

Дикарка улыбнулась и задумчиво сказала:

— Были голоса, просившие меня в любом случае убить тебя, Кристи.

Я в этом не сомневалась. Она не была предводительницей племени, и я не думаю, что у них вообще имелся какой-либо вождь; все имели равное право голоса. Но как среди них были крепкого телосложения мужчина с густой гривой, являвшийся признанным специалистом по охоте, еще один мужчина, бывший специалистом по выращиванию хлеба и заготовке запасов сушеного мяса, и женщина, умение которой осуществлять набеги считалось непревзойденным, так и наша дикарка слыла непоколебимым авторитетом в вопросах, касавшихся «равнины» по ту сторону Кирриаха.

— Но ты не убила меня.

— Если бы ты была мертва, кто бы тогда сообщил о нас твоим людям? — Она грациозно пожала плечами. — А на равнине... ты и я... ведь к нам должны приезжать послы из другого мира; ни в коем случае не забывай о нас.

— Это будет долго длиться.

— Мы — люди Кирриах. Зимой мы здесь. Летом... — Она подняла руку и показала на север, в направлении огромных равнин, как будто могла видеть сквозь толстые каменные сте-

ны. Они проводят приятное время года в выращивании продуктов полеводства и на охоте, чтобы затем холодной зимой вернуться в город, и странствуют так по узкой кромке между бедностью и голодом. — Твои люди найдут нас.

— Мы попытаемся.

— А может быть, вы станете с нами торговать? Может быть, — сказала она, — мы сможем покупать такое оружие, которым ты, как я видела, пользовалась?

Там, где мы стояли, воцарилась тишина, когда жители племени перестали есть и говорить и начали внимательно прислушиваться к нашему разговору. По грязному коридору приближались Марик с Медуэнином и испуганно озирались по сторонам.

Я заметила, что многое из оружия, имевшегося в племени, было южного происхождения; они даже могли бы не рассказывать мне, что набеги совершались лишь для того, чтобы завладеть им. Я терла свои глаза и проклинала расстройство зрения. Эти люди не принадлежали к кругу тех, на кого распространялись законы Доминиона, в частности, законы относительно импорта высокоразвитой военной техники.

— Нет, — сказала я, — и я скажу тебе, почему нет. Ты видела, как я этим здесь пользовалась?

Я подняла парализатор вверх. Дикарка кивнула.

— Покажи нам, — потребовала она.

Под высокой крышей зала гнездились несколько кур-рашаку. Я направила туда парализатор и прицелилась в одну из них. Узкий пучок звукового луча прозвучал как визг. Птица-ящерица упала на каменный пол.

Когда я убрала большой палец с кнопки, люди отпрянули от меня, но их страх быстро прошел; они говорили и кричали наперебой. Громкая команда дикарки восстановила порядок.

— Мы стали бы такое покугать, — сказала она, — много такого, и тогда пусть симратанцы нападают на нас!

— Возьми. — Она помедлила, потом взяла парализатор. Я расположила ее большой палец над кнопкой. — Ты видела, что я делала. Положи палец вот сюда и нажми.

Позвали переводчика, который перевел ей мои слова. Дикарка взяла парализатор, держа его на вытянутых руках, и попыталась выстрелить в другую птицу-ящерицу. Но поскольку у нее не было моих отпечатков пальцев, ничего не происходило. Пока она сопела и проклинала эту штуковину, я взяла парализатор себе и бросила его Медуэнину.

— Смотри сюда! — обратила я ее внимание. — Для жителей Южной земли эти штуки такие же, как и для жителей Пустошей. Давайте же, — подбодрила я Медуэнина, — попробуйте выстрелить в меня.

Его глаза прикрыла мигательная перепонка, углубились складки кожи вокруг губ. Возможно, это прорывалась его ирония. Я была далека от того, чтобы недооценивать Блейза н'ри н'сут Медуэнина. Уж он-то обладал способностью сделать такое.

Он целился так тщательно, словно верил, что оружие подействует, и дважды нажал на спуск. Ничего не происходило.

Парализатор переходил из рук в руки, и все хотели убедиться в том, что устройство не действовало.

— Наше оружие не работает для вас. — Я надеялась, что это прозвучит убедительно.

— Твои люди хитры, — спокойно сказала дикарка. — Я знала, что оно не будет жить в моей руке, я брала это у тебя в Мокрой земле, когда вы спали. Но оно мертво у всех — вот что хитро.

«Возможно, она убила бы меня в Топях, если бы он действовал, — подумала я, — несмотря на взаимные обязательства, которые связывали нас с Корбека».

— Завтра дождь кончится, — сказала она. — Я дам вам в дорогу на юг пищу и лахаму.

— Дальше мы не пойдем, — сказал пожилой мужчина с его безупречным ремондским произношением.

— Жители равнины недалеко отсюда. Это твоя дорога к ним. — Дикарка указала на древний камень, почти невидный под мшистой травой и обломками.

Всадники на серых лахаму стояли вокруг повозки, когда мы спускались с нее. То было еще одно напоминание о Народе Колдунов, яйцевидная конструкция, о первоначальном назначении которой я так ничего и не узнала. Она была снабжена деревянной рамой с осями и установленными на них колесами, а тащили ее лохматые животные — мурок. Хотя в ней спалось лучше, чем на холодном полу, однако езда в ней по горным дорогам также была не очень удобной.

Кирриах находился в пяти днях езды к северу от нас. Его серо-голубые каменные стены, имевшие странный оплавленный вид, столь же доисторические, как пирамиды на Земле, лежали позади. Мы двигались на юг по остаткам дороги, пока на горизонте не показались вершины Стены Мира. Чем дальше мы продвигались на юг, тем холоднее становился воздух. Весь наш путь шел вверх, прямо в горы, до того дня, когда я поняла, что мы поднялись между отрогами Стены Мира на сам перевал.

— Идите по этой дороге, — сказала дикарка, — а когда придете к такому месту, где лахаму пойдет неохотно, отпустите их. Они вернутся к нам.

Я взяла в руки поводья серого животного. От него пахло мускусом, кожа его была холодной, как у рептилий. Медуэнину и Марику удалось сесть на животных без посторонней помощи, мне же пришлось прибегнуть к помощи аширен. Хотя седло располагалось высоко на спине, у меня было впечатление, что я соскальзываю вниз; бочкообразное тело лахаму сужалось назад.

Животное бежало вперед немного боком, и мне с трудом удавалось на нем удержаться.

— Кристи, — сказала дикарка. Она встала в повозке, и наши головы теперь находились на одной высоте. — У меня есть твоё имя.

— Да. — Никто из людей Кирриах не называл, однако, своего имени за пределами племени.

— Меня зовут Гур'ан, воительница, я — Алахаму-те, наездница на лахаму.

Она наклонилась вперед, ее шестипалые руки обхватили борт повозки.

— Я — О'хе-Ораму-те, Женщина-Идущая-Вдаль. Между твоими людьми и Кирриах нет вражды.

Упряжка мурок рванулась с места, повозка запетляла по долгой дороге, уходившей от гор. Уносясь рысью, лахаму подняли головы с длинными мордами и залаяли, как собаки.

Над скалами висел густой туман, светлевший там, где солнце находило промежутки между тучами. На древней дороге росли темная мох-трава и лишайники. Извиваясь, она шла в гору. Усеянные валунами склоны возвышались до самых облаков. Нередко встречались обломки скальной породы размерами с дом. Откуда-то доносилось журчание текущей воды.

— Почти полдень, — сказал Марик, хотя время ему не могли подсказать ни небо, ни солнце. — В таком месте, как это, удобно переночевать, Кристи.

— Мы могли бы поехать назад к равнинам и завтра попытаться пересечь горы, — предложил Медуэнин.

— Давайте еще немного пройдем вперед. — Я пыталась справиться с непослушным лахаму. — Еще есть время.

Снег пятнами лежал на мох-траве и заполнял расщелины в скалах. Это был свежевывавший снег. «Неужели мы отправились в путь слишком поздно?» — спросила я себя. Я боялась, что перевал мог быть уже закрыт, и тогда бы мы пропали; я не могла иначе: мне хотелось лично убедиться в этом.

Если вернуться... Тогда я не знаю, справлюсь ли со всем этим во второй раз. У нас больше нет сил, нет времени, нет совсем ничего.

Вниз сползало облако. Я плотнее завернулась в шубу из меха мурок и накинула на голову капюшон. Мы ехали дальше и внимательно следили за тем, где шла древняя дорога, которую здесь, среди голых, светлеющих скал, едва можно было различить.

Шуба из меха мурок блестела от сырости. Здесь, на такой большой высоте, уже стояли зимние холода. Дорога теперь круче взбиралась в гору, и лахаму осторожно выискивали себе дорогу среди глыб смерзшегося снега.

Туман все время менял оттенки. То он был белым, то жемчужно-серым, затем бледно-голубым, цвета зимнего неба.

Я взглянула назад, на туман, лежавший у нас за спиной, словно поверхность озера. Пустынные земли, раскинувшиеся позади, исчезли в белесой дымке.

Мы сидели верхом на наших животных между двумя снежными вершинами и смотрели на юг через Стену Мира.

— О боже! Отсюда можно видеть полмира!

Даже Медузэнин молчал. Марик прижал своего лахаму поближе к моему.

Неизмеримая ширь неодушевленного ландшафта вызвала в моем желудке легкую тошноту. Такие пространства, такая пустота! Глаз благодарно цеплялся за раскинувшуюся под нами землю.

С такой высоты она казалась плоской, походила на бурые, бежевые и белые прямоугольники, смыкавшиеся в сложный рисунок. Мне мешало смотреть что-то пушистое, белое, пока я не увидела, что оно двигалось и что его тень перемещалась по лежащим внизу и казавшимся крошечными полям. И я поняла, что смотрела сверху на облако. Пятнышки, выглядевшие как спекшиеся маковые зернышки, были скоплениями деревьев, крошечные черные тени которых сливались на земле.

Чем дольше я смотрела, тем яснее проступали детали. Видимое вдаль не являлось плоской равниной, тут и там вздымались пологие холмы, а в некоторых местах виднелись бисквитного цвета скалы. Тонкие, как нить, линии между прямоугольниками были тропами, дорогами. А скопление крошечных четырехугольников, плоские крыши которых поблескивали на солнце и стены которых выглядели черными тенями, было, вероятно, одной из телестре. Так далеко подомной...

Даль, захватывающая дух панорама: по ту сторону озера, холмов и воды все расплывалось в голубой дымке. А позади нас — перевал проходил в юго-западном направлении — Стена Мира понижалась, переходя в обычные горы, которые выглядели как смятые белые простыни: северная дикость и пустота. Я повернулась в другую сторону, рассмотревшись на эту пустынную панораму, и увидела вдаль становившиеся все ниже горы, которые занимали простран-

ство до самого южного горизонта, где переходили в ровную даль.

Я наполовину оглохла от воющего ветра.

— Южная земля, — сказал Марик. — Видите, Кристи, мы дома.

— Еще нет. — Медуэнин остановил своего лахаму, соскользнул с седла и бросил Марику поводья. Затем зашагал к самой высокой точке дороги Народа Колдунов, туда, где она резко изгибалась и исчезала в глубине за горным хребтом.

Мне пришлось проявить большую осторожность, когда я спускалась на землю со своего животного. Я уже дважды падала с него, после чего не могла ни вздохнуть, ни охнуть. Как и у всех лахаму, у моего тоже была привычка поворачивать назад голову, кусать седока за ногу или выбрасывать его из седла.

В небесной синеве кружил снег, ветер надувал с горных вершин мелкий снежный туман. По скалам пробегали тени цвета индиго. Здесь, наверху, воздух был разряжен и холоден, порывы ветра отдавались болью в легких. Я подошла к Медуэнину.

Меня охватило чувство облегчения; там, впереди, открывался перевал. Он был гораздо длиннее, чем ущелье, по которому мы поднимались от Топей, Стена Мира опускалась здесь вниз не менее чем на десять тысяч футов.

— Это, наверное, Южная земля, да?

Медуэнин задумчиво кивнул:

— Так далеко на западе должен быть только один перевал. Это Разрушенная Лестница.

На меня нашли воспоминания о Телук. Она говорила, что по другую сторону Больших Топей находится Пейр-Дадени. Одна из провинций Южной земли. «Это правда, — подумала я, — это правда... мы в безопасности... мы дома».

— Дорога идет вон там. — Медуэнин показал рукой в ее сторону.

Она круто поворачивала вправо, как мне казалось с того места, где я стояла, шла вниз по крутому склону, а затем, сделав петлю, возвращалась к самой себе и так, делая петли длиной не менее километра, уходила на глубину до трех

тысяч метров. Она была вырублена в скале, в некоторых местах еще уцелело покрытие из серо-голубого камня. Я увидела, что ниже целые участки дороги были завалены камнепадом. Можно ли там вообще пройти? Пешком, пожалуй, можно.

— Здесь то место, где мы должны отослать лахаму назад.

Животные своими вытянутыми вперед и заостренными нижними губами искали на камнях съедобные лишайники. Марик пошептал им на ухо успокаивающие слова, и они легли, чтобы он смог снять с них уздечки. Его ловкость в обращении с животными всякий раз восхищала меня.

Он погладил морду лахаму.

— Что мне оставить?

— Возьми столько, сколько мы сможем нести без большого труда. — Сейчас было легче думать о том, как все пойдет дальше. — Светлая часть дня уже коротка, и нам, возможно, еще одну ночь придется провести под открытым небом, прежде чем мы попадем в места, где есть жилье.

— Вы думаете, это правильно — просто так их отпустить?

— Они найдут дорогу назад.

Медуэнин все еще смотрел на юг, широко расставив ноги в сапогах и запрокинув назад голову. Я спросила себя, не смущали ли его высота, холод и тишина, а также высившиеся с обеих сторон скалы. Здесь была суровая местность.

Медуэнин презрительно сплюнул на покрытый трещинами гребень дороги и пошел к нам, чтобы взять свой узелок.

Холодный ветер сушил пот на моем лбу. Я чувствовала спазмы в желудке. Солнечный свет рассеивался среди ломаных кромок скал. Мои пальцы онемели от холода и уже не сгибались.

— Иди влево... — прохрипела я и протянула Марику руку. — Вот под твоей ногой кромка, тут... вот ты на ней.

Я схватила его за руку и перетащила через трещину. За ним по осыпавшимся камням полз Медуэнин. Я удерживала на нем свой взгляд и старалась не обращать внимания на бездонную пропасть под собой. Из-под его ног срывались вниз камни.

Скала была залеплена потемневшим прошлогодним снегом, а там, где камень оголился, она была темной от сырости. Я снова протянула Марику руку, и когда он изо всех сил вцепился в нее, вытянула его на разрушенную дорогу.

— Наверное, самое худшее у нас позади? — Он так сильно наклонился над пропастью, что мне едва не стало дурно. — Похоже на то. Жаль, что ваши друзья-варвары не дали нам с собой каната.

— В следующий раз попробую им об этом напомнить.

Один из характерных для него недоверчивых взглядов сменила нерешительная улыбка.

После переправы трещины на дороге стали реже, и иногда мы уже могли идти не друг за другом, а почти рядом. Солнце собиралось опуститься за видневшимися на юге и западе горами, являвшимися частью Стены Мира.

Похожие на шахматную доску поля пропали из виду, когда мы спустились еще ниже. Последние сохранившиеся участки дороги исчезали в отрогах на границе гор и равнины. По скалистым склонам текли ручьи, здесь росли мох-трава и бурый кустарник, на ветвях которого висели голубые съедобные ягоды. Марик с помощью трута, кресала и огромного терпения получил огонь, а когда костер разгорелся, мы съели последнюю пищу, какую нам дали с собой варвары.

Я подумала, что завтра еще рано будет разыскивать другую дорогу; просто на расстоянии дневного перехода должна находиться какая-нибудь телестре.

— Я первой встану на караул, — сообщила я. — А следующим будешь ты, Марик. Согласен?

— Да. — У него уже закрывались глаза, несмотря на то что он старался не уснуть.

Я уменьшила огонь. Они завернулись в свои одеяла. Мы устроили свой лагерь в низине между холмов, защищавшей нас от ветра и большого холода. Солнце уже садилось.

Некоторое время я прохаживалась кругом, чтобы прогнать сон, начинавший подбираться ко мне, смотрела на последние золотые отблески солнца на заснеженных вершинах и водяных завесах водопадов.

* * *

— Кристи!

Я испуганно села, силой вырванная из крепкого сна. Меня ослепил яркий свет, который, казалось, исходил не от какого-то определенного источника. Я плохо видела окружающее.

— Что? Что случилось?

— Он сбежал, — крикнул мальчик, — он заступил после меня на караул, а потом исчез...

Я встала на колени, смочила инеем руки, протерла ими лицо, чтобы почувствовать холод и окончательно проснуться. Глаза побаливали.

Преодолев ночную одеревенелость рук и ног, я встала, покачиваясь, на ноги. От костра осталась лишь небольшая кучка золы. Мешки были раскрыты, на траве валялось разбросанное тряпье. Одного мешка не было.

— Он забрал себе все, что только мог унести. — Я почувствовала сильное желание убить Блейза н'ри н'сут Медуэни-на. Осталась только одежда, что была на нас, и одеяла, в которых мы спали, больше ничего.

Однако... он оставил нам харуры и парализатор. «Но только потому, что мы не сняли это с себя перед сном», — подумала я.

— У него и трут с кресалом. — Марик плакал, не скрывая этого, но не из-за вещей.

Я сказала:

— Такова надежность наемника. Он ушел, чтобы кратчайшим путем попасть к СуБаннасен.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава 18. Ширия-Шенин

С горных вершин скатывались ревущие потоки, несшие с собой настолько холодную воду, что она ломала зубы, от нее белела кожа, она как огонь обжигала потрескавшиеся обмороженные места.

Есть было нечего.

Горные отроги Стены Мира совершенно голые. Болота и озера делали долины непроходимыми. На холмах между скальными образованиями росла скудная бурая мох-трава. Мы с Мариком шли, взяв друг друга под руку, чтобы удерживаться таким образом на ногах. На вершине одного холма мы остановились. Мальчик упал на колени и прислонился к серой каменной глыбе.

Прищутив глаза, я посмотрела в небо. Утренние сумерки с закрывавшими небо облаками рассеивались и обещали ясный день; на западе были видны звезды. Сверкая золотом и белизной, с обеих сторон к небу вздымались горы, тогда как предгорья все еще были окутаны утренней дымкой. Высоко над моей головой кружили кур-рашаку. Их резкие крики слабо доносились сюда. Я не представляла себе, в какой местности мы находились, и знала только, что нам нужно было придерживаться направления, в котором проходил перевал, лежавший позади нас.

У меня болели кости, вспухли руки и ноги, я испытывала страх. Голод ощущался болью под ребрами. «Насколько же велика та травма, которую я получила при всех этих странствиях? — подумала я. — А как же аширен? Но ведь ортеанцы очень выносливы, разве нет?»

Земля, влажная под моими почти ничего не ощущавшими руками, стала чужой. Холодный воздух звенел.

— Всадники! — сказал Марик и прислушался с повернутой в сторону головой. Голос его звучал почему-то необычно высоко. — Они движутся в нашу сторону.

Мы встали и спустились на несколько шагов по противоположной стороне холма. Отсюда было видно, что на юг уходил старый след. Теперь топот копыт слышала даже я.

Через болото пробирались мархацы. Их рога и шкуры блестели на солнце. На всадниках были панцири поверх темных униформ с вырезом до середины спины, на ветру развевались их заплетенные гривы. Седла были с высокой спинкой, изготовленные из гладкой кожи. На солнце сверкали наконечники копий.

Первая всадница так резко осаждала своего мархаца, что тот встал на дыбы и завертелся на месте. Она прокричала какую-то непонятную команду. Мы с Мариком непроизвольно прижались друг к другу.

Второй всадник спешил и вынул из ножен кривой меч. У него были бархатисто-черная кожа, блестящая, цвета меди грива, зачесанная назад и перевязанная у темени, как лошадиный хвост.

Он явно боялся.

Мембраны его глаз были открыты так широко, что я смогла увидеть в них белки. Он пристально посмотрел на меня и повторил слова, сказанные до него женщиной, которые я теперь почти поняла.

Все это разрушило тишину: крики, топот копыт, запах мархацев. Пустошь и Топи пропитали меня тишиной. Сейчас я чувствовала, как ломался и формировался заново уже изменившийся мир.

— Я — Линн де Лайл Кристи, посланница Доминиона. — Я повторила это по-ремондски, с трудом — по-мелкатийски и по-римонски, а затем снова по-имирски.

Они разглядывали меня, ничего не понимая. Мужчина внимательно присмотрелся к нам, а потом вдруг повернулся в другую сторону.

Женщина сказала что-то резким тоном, и он снова сел на своего мархаца, ударив его пятками в бока. Животное пошло рысью по тропе в направлении перевала Разрушенной Лестницы, из-под его копыт летели пучки травы и комья грязи.

— Марик, ты знаешь, что это значит?

— Я житель Южной земли. — Он обескураженно помотал головой. — Но думаю, она хочет, чтобы мы пошли с нею.

Она опустила копье и направила его сверкающий наконечник на меня. Мы пошли впереди всадницы.

Когда идешь до изнеможения, впадаешь в какое-то странное душевное состояние. Двигаешься автоматически. Это — состояние транса: находишься в почти интимном контакте с землей, все физические ощущения обострены, и все органы чувств проникают глубоко в мир.

Такое произошло со мной, когда я шла по тропе, а за мной вплотную ехала всадница на мархаце. Мне вспомнился наш путь в Кирриях. Бескрайний, ровный горизонт. Необъятность бледного неба. Холодный ветер и искрящиеся дневные звезды. Мох и скалы Пустоши были теперь частью моего внутреннего ландшафта. Ослабшие мышцы, голова, кажущаяся невесомой от голода, ноги, стертые до крови жесткой кожей сапог, один рукав рубашки оторван и повязан на лицо для защиты от ледяного ветра... Все перед глазами сливается и становится частью солнечного света и тишины.

Холмы уступили место ровному пространству. По земле тянулись прямые как нить следы колес между сложенных без раствора стен, а клеточки шахматной доски, которые мы видели с перевала, превратились в луга с нежной травой и сжатые поля. Всюду виднелись равнина и прямые дороги; мне казалось, что мы шли и шли, но все же не продвигались вперед ни на пядь.

Равнина была обманчива.

Я стряхнула с себя оцепенение и заметила, что мы приближались к возвышенности. На вершине ее поднималась извилистая кирпичная стена, за которой находились такие

же кирпичные здания с плоскими крышами. Солнце освещало поросшие лишайниками стены и железные изгороди.

Возле ворот разбирали торговые палатки, и купцы вместе с аширен, повернувшись в нашу сторону, стали нас с интересом разглядывать. Мое лицо казалось мне голым, у меня было такое чувство, будто каждый из них мог читать мои мысли. Даже Марик был здесь чужим.

Площадь была не так велика, как показалось мне вначале, потому что я только что пришла из Пустоши с ее огромными пространствами. Здесь была крепость, а не телестре. Все цвета померкли. Блестела лишь сталь мечей и топоров.

— У них найдется кто-нибудь, кто сможет переводить, — с надеждой сказала я.

Марик не очень уверенно кивнул в ответ.

Всадница слезла со своего мархаца и долго говорила о чем-то с женщиной, на поясе которой имелись командирские знаки различия. Всадники, которые доставили нас сюда, выглядели грязными и измученными и к тому же смазывали свои гривы каким-то маслом с резким запахом. Когда Марик попытался прервать их разговор, к нему немедленно приступили с обнаженными мечами стоявшие у ворот стражники.

Я не могла на них за это обижаться, вспомнив о том, как мы выглядели. Худой аширен в грязных лохмотьях, с гривой, смотревшейся крысиными хвостами, и бурой кожей, покрытой засохшей грязью. Я выглядела не лучше с укороченными охотничьим ножом волосами и в сапогах, лопнувших по швам. Мы выглядели здесь чужими; эта земля — цвета охры и умбры, расположенная высоко в горах и бесплодная, — дышала известной чистотой.

Через ворота проталкивались другие ортеанцы, чтобы лучше разглядеть нас. Позади них, за стенами, я увидела двор, вокруг которого были расположены оружейные и кладовые помещения, а также кухни. Знакомая картина.

Миновало несколько часов, в течение которых нас изучали, рассматривали. Теперь нечто новое обещало им ка-

кое-то развлечение. Всадники держали копья наперевес перед собой и защищали нас таким образом от толпы. Торговцы, солдаты и замкнутые жители гор — все были в дорогой одежде. На них я видела бекамиловые мантии и робы с вырезами на спине, хирит-гойеновые шарфы, широкие брюки, короткие сапоги, узкие, кривые клинки. Большинство мужчин носили свои гривы заплетенными по всей спине или перевязанными у темени и спускавшимися вниз подобно лошадиным хвостам. Поблескивали бусы из горного хрусталя и браслеты. Я смотрела в их светлые глаза, которые, однако, не были земными; изумление и нерасположение притемняли их так же, как иногда облака закрывают солнце.

Толпа стала рассеиваться, когда к нам подошел какой-то ортеанец и произнес резкую команду. Кожа его имела рыжеватый цвет, он был толст, ему было, судя по виду, уже за сорок. По отличительным знакам я определила, что он являлся комендантом. С ним находился более молодой мужчина в коричневом одеянии Говорящего-с-землей.

— Значит, так. — Его акцент, с которым он изъяснялся по-имирски, был нов для меня, но я понимала его. — Кто вы и откуда идете?

— Я — Ахил Марик Салатиэл из Римона, — быстро ответил мальчик. — Т'ан, где мы находимся?

— Гарнизон Ай. Северная Пейр-Дадени, — сказал комендант, чеканя каждое слово. — Как же получается, что ты этого не знаешь, аширен? А твоя попутчица? Она может говорить?

— Мы пришли сюда из Ремонде. Я — Кристи, посланница... вы называете нас обитателями другого мира.

— Хурот сказала, что обнаружила вас у Разрушенной Лестницы.

Я была слишком усталой, чтобы лгать или выразаться так, чтобы это выглядело более правдоподобно.

— Вчера мы спустились с перевала. Мы шли из Ремонде по Пустоши.

В его глазах мелькнуло изумление. Он жестами дал знак Говорящему-с-землей подойти поближе. Молодой человек

понюхал воздух, не приближаясь. Затем подошел к Марику, внимательно посмотрел ему в лицо, поднял большими пальцами рук его веки, заглянул ему в рот и в ноздри.

Мне тоже пришлось подвергнуться такому обследованию.

Говорящий-с-землей что-то произнес, после чего всадники расслабились, стали смеяться и обмениваться комментариями.

— Они оба не в очень хорошем состоянии, но у аширен нет признаков болезни. Что же касается женщины, т'ан Шэйд, то о ней я ничего не могу сказать. Я не уверен, человек ли она.

Я смотрела, как они оценивали различия, особенно глаза и руки.

— Я являюсь посланницей Доминиона. С Земли.

— Если бы она была больна, — сказал т'ан Шэйд, — то заразила бы и аширен.

— Да, вероятно, это так.

— Значит, в этом отношении она не опасна. Но какова она в другом отношении?

— Она... — здесь Говорящий-с-землей использовал незнакомое мне выражение, — ...с миром.

— Мы не опасны, — сказала я. — Усталые — да, но не опасные. Все, чего бы я хотела, т'ан, это попасть к Короне в Таткаэр.

На его лице обозначилось нечто вроде понимания.

— Следовательно, вы ожидаете, что мы предоставим вам пищу и кров, пока сообщение о вас будет ходить туда и обратно через половину страны? Я правильно вас понимаю?

Его столь ловкий сарказм разозлил меня.

— Я — посланница. Или вы слепы?

— Мне и прежде встречались уроды. Если уж вы столь хитры, то тогда вам следовало бы знать, что эта посланница — или кто она там в действительности — в последний Торверн умерла от снежной лихорадки. Ага, тут вы замолчали. Нас предупредили: сегодня утром здесь сменил верховое животное курьер и доложил нам о подозрительных путниках, которые спустились из Кире. По Разрушенной Лестнице...

Мне не нужно было переспрашивать. «Курьер» с лицом в шрамах, вравший, чтобы жульнически заполучить мархаца и поскорее добраться на юг, был мне знаком.

— Он не должен был этого делать, — прошептал Марик. — Ему можно было бы исчезнуть, но он нас... Ему этого не следовало бы делать.

— Я бы запер вас, — сказал комендант, — но это означало бы ненужный расход продовольствия. Можете выбирать из двух возможностей: либо поедете в Кире, либо отправитесь по дороге в Ширия-Шенин. Я предлагаю побыстрее решить это и отправиться в дорогу.

Я видела, что он был искренен. Мне он не верил и намеревался выбросить нас, выставить снова на дорогу, где наши ноги медленно, шаг за шагом, осиливали бы бесконечные километры.

— Послушайте меня, т'ан. — Мой голос звучал хрипло и глухо. Ветер нес пыль на стены крепости. Тем временем вблизи осталось лишь с полдюжины всадников, но я заметила, что за нами наблюдали со стен. От волнения мне трудно было дышать, кружилась голова. — Я Кристи, посланница Доминиона, и Сутафиори подтвердит это. Вот это — мой л'ри-ан, Ахил Марик Салатиэл. Ваш информатор был наемником, которому платят враги Короны.

Меня изгнали из Ремонде, и я пересекла Топи, проехала через Пустошь и спустилась сюда по Разрушенной Лестнице... Я настолько измучена, что не смогу пройти даже один зери! Как бы то ни было, вы должны либо предоставить мне кров, пока обо мне сообщат Сутафиори, либо — если вы предпочтете это — обеспечить мне возможность проезда и сопровождение, чтобы я могла попасть на юг. Одно из двух!

Комендант покачал головой, более от бессилия, чем по какой-либо иной причине, и посмотрел на меня ясным взглядом. Говорящий-с-землей произнес что-то по-пейрладенийски.

— Да, конечно, — сказал комендант, пристально посмотрев на меня. — Сейчас идет Шестая неделя Риардха. Т'Ан Сутаи-Телестре должна направляться в свою зимнюю рези-

денцию в Ширия-Шенин. Два дня вниз по реке, обитательница другого мира. Что вы на это скажете, может, мне отправить вас туда?

Позднее я поняла, что это был тот момент, когда он ждал, что я сломаюсь. Мошенник гораздо меньше рискует, когда требует доставить его к Короне, если его Двор находится на удалении, равном половине ширины всего континента.

— Только... два дня? — Во мне медленно умирала последняя вспышка энергии. Я слабо кивнула. — Да. Мы оба. Аширен останется со мной.

Он был изумлен, но все еще мне не верил. Однако не отваживался принять неверное решение.

— Вы, — приказал он женщине, приведшей нас в крепость, — составьте группу сопровождения, доставьте обоих в Ширия-Шенин до прибытия туда водного каравана. Обеспечьте питанием только этих двоих, но больше никого. Сделайте так, чтобы они предстали перед Т'Ан Сутаи-Телестре нищими, если уж они так уверены, что она им поверит. И хорошенько проследите, чтобы оба они попали в Ширия-Шенин и больше никуда.

Здесь, на равнине, мы смогли увидеть реку лишь только тогда, когда достигли ее берега. Она была широка и нетороплива даже здесь. За изгибом, на котором лежал гарнизон Ай, она текла в юго-западном направлении.

Широкие, плоские лодки были вытаснены из воды на деревянные сходни. Там, где из бурой воды торчали сваи, возникали водовороты.

Мне было очень жаль оставаться в таком грязном виде, и я злилась на коменданта за эту его каверзу: ему ведь ничего не стоило разрешить нам помыться. К тому же я испытывала обиду и на себя. Ведь хотя мне и следовало бы иметь о нем более полное представление, я тем не менее доверяла Медуэнину.

— Мне казалось, что трудности у нас позади, когда мы покинули Пустошь, — подавленно сказал Марик, — но они еще не закончились, не так ли, Кристи?

— Почти так, — сказала я с жалкой улыбкой.

Горизонт был закрыт морозной дымкой. Торговцы загружали лодки и привязывали ящики к поручням. Завернутые в вощеную ткань узлы заполняли место в лодке, находившееся ниже уровня воды.

Шесть или семь лодок связали вместе, они были выкрашены во все цвета радуги. Над водной поверхностью торчали заостренные вверх рули. Ортеанцы кричали что-то по-пейр-даденийски.

Нас посадили в последнюю лодку, а потом больше не тревожили, пока сопровождавшая кавалеристка произносила перед командой длинную и непонятную мне речь. Я уселась под палубой и прислонилась к тюкам в грузовом отсеке. Марик вздохнул и устроился поудобнее рядом со мной.

«Надо подумать, как объясниться с этой женщиной, — размышляла я. — Как же назвал ее комендант? Хурот? Между прочим, тут я смогу наконец-то расшнуровать эти проклятые сапоги».

И в этот самый момент, когда я наклонилась вперед, чтобы осуществить свое намерение, меня одолел сон.

Я чувствовала у себя во рту какой-то горький вкус. Когда я попыталась пошевелиться, меня охватила судорога, от которой я застонала и открыла глаза. Я лежала, скорчившись возле тюков. Вода с плеском ударялась в борт лодки в нескольких сантиметрах от моей головы. Кто-то бросил на меня одеяло, а также — я подняла голову и посмотрела назад — и на Марика.

Люди из гарнизонного сопровождения расположились у противоположного края палубы и играли в охмир. Торговцы сидели на подушках под тентом, натянутым над рулевым.

Полуденный солнечный свет отражался от гладкой поверхности воды. Сев, я увидела, что мы миновали равнину. По обе стороны поднимались плоские холмы бурого цвета со скудной растительностью, по которым тут и там бродили стада мархацев и скурраи, стояли, широко раскинувшись,

здания телестре. Некоторые склоны были превращены в террасы. Может быть, причина заключалась в том, что урожай уже был убран и приближалась зима, когда ничто не растет, однако местность производила на меня впечатление очень скудной земли.

— Кристи! — Марик тоже сел и зажмурился от яркого света, потом потянулся и почесал свою свалявшуюся гриву. — Мне показалось... бутылка еще у меня, хотите пить?

В ней было неразбавленное вино. Я закашлялась. Солнце, как я заметила, успело пройти добрую половину неба.

— Разве я проспала весь день?

— Не весь. Вы не помните прошлый вечер? — Заметив мой пустой взгляд, он добавил: — Телестре, у которой мы причаливали, где были стада диких скурраи. Вы просыпались, чтобы поесть.

Похоже, это было так. Мучившее меня чувство голода исчезло. Думаю, я была еще не так слаба, как выглядела.

На нас упала тень. Марик поднял голову и произнес:

— Т'ан Хурот.

— Ротмистр, — поправила она и села рядом с ним. Она старалась не смотреть на меня.

— Где находится телестре Салатиэл? — спросила она наконец подчеркнуто по-римонски.

— На западном берегу Таткаэра. Мы обслуживаем переправу.

— Ага. Я думала, что знаю лица из Салатиэл. У меня есть сестра, которая теперь является н'ри н'сут Лиадине, и я иногда бывала там у нее.

— Тогда вы по пути вдоль Оранона должны были проезжать мимо нас.

Она хмыкнула. Когда ее взгляд встретился с моим, глаза были прикрыты перепонками. Она произнесла:

— Вы хорошо вдолбили вашему аширен эту историю.

Я сказала:

— Он не лжет.

— Ага. Послушайте, — она встала, — вы сейчас направляетесь туда, куда хотели. Так почему же вы все-таки не прекратите водить нас за нос?

Лодки придерживались восточного берега обширной водной поверхности и проплывали мимо ступенчатых холмов. Каждый клочок пахотного слоя был насыпным. Я видела вытянутые полосы пашни, поднимавшиеся от речного берега каменные стены.

Разрывавшийся местами облачный покров пропускал вниз полосы солнечного света, тонувшие в илистой реке, словно они были из металла. Солнце здесь не опускалось в небе так низко, как я привыкла видеть на Британских островах, однако и это бледное светило висело очень низко над южным горизонтом. Речная долина извивалась в южном направлении между плоскими холмами, становясь все уже, пока совсем не исчезала в далекой золотистой дымке.

Хурот говорила с нами немного, но кое-кто из торговцев мог изъясняться по-имирски, поэтому я получила некоторое представление о том, где и куда шел наш водный караван. Вскоре после полудня на второй день река повернула на запад.

Мы миновали место, где производилось сжигание трупов умерших. Плоские, использовавшиеся при кремации камни были расположены в долине вблизи воды. Я предположила, что уже недалеко было до цели нашего путешествия. Затем река снова сделала петлю в южном направлении, повернув в местность, где появились горы, и я увидела город.

Река здесь была узкой и текла между круто поднимавшимися с обеих сторон горами. Я увидела тукинны, росшие в таких глубоких трещинах, что они едва пробивались к свободе.

И вот перед нами появился Ширия-Шенин. Вверх от восточного берега тянулась горная цепь. На мгновение мне подумалось, что географическая карта превратилась в ландшафт, что на каждой горе были обозначены горизонталы. Потом я увидела, что они были ступенчатыми, как пирамиды. А затем заметила, что конусообразные горы представляли собой терра-

сы; вдоль каждой трещины, низины и неровности проходили низкие стенки. Во всем массивном естественном амфитеатре, в котором протекала делавшая поворот на восток река Ай, не было ни единого квадратного метра невозделанной земли.

Ширия-Шенин раскинулся на плато немного выше реки. Он выглядел бурым, как и горы в его окрестностях, вытянутым, сгорбленным, искривленным. Виднелись башни, походившие на вавилонские и ассирийские зиккураты.

Проплыв дальше по излучине реки, я увидела, как сильно растянулся город: он своими размерами намного превосходил Корбек и был даже больше, чем Таткаэр.

Возле многочисленных доков и молов теснились последние речные суда завершавшейся навигации. Мы плыли ниже городской стены, и свет зимнего солнца окрашивал ее в цвет меда. Она была сложена из кирпичей, похожих по форме на буханки хлеба, на которых блестел толстый слой глазури. На равном расстоянии друг от друга на реку смотрели окнами-щелями мощные крепостные башни.

Команда водного каравана направила лодки к берегу, поймала брошенные с причалов канаты, и вскоре лодки были пришвартованы. Хурот резко приказала всадникам охранять нас и сошла на берег.

Наконец с лодки согнали и нас. Дощатый настил казался очень твердым под моими ногами. Мне было трудно идти. Марик стонал, держался за мою руку и тихо поругивался. Хурот делала нам рукой знаки следовать за ней.

Крашенные деревянные ворота между двумя похожими на зиккураты башнями были открыты. На каменных возвышениях по обе стороны стояли статуи зилмеи, которые были очень реалистично раскрашены: одно животное стояло на всех четырех ногах, уши плотно прижаты к клиновидной голове, видны были обнаженные в рычании клыки. Другое стояло на задних лапах, передние же угрожающе зависли в воздухе, а голова была отведена назад как бы в боевом крике.

Таким вот образом мы с Мариком через ворота Зилмеи в Пятой стене вступили в Ширия-Шенин.

По бокам грязных улиц и вдоль шедшего у реки подобия бульвара имелись тротуары. Ходьба давалась нам с огромным трудом. Всадники держались вплотную к нам; очевидно, они опасались, что мы можем скрыться в толпе.

«Не беспокойтесь, — подумала я, когда мы шли в город по выложенной кирпичом дороге. — У нас нет намерения бежать, действительно нет».

Я брела следом за Хурот. Даже Марик, ортеанец, к тому же аширен, плелся из последних сил. Между стенами домов без окон дул влажный холодный ветер и гонял по узким улицам листья и мусор. «Да ведь это действительно улицы», — подумала я. Фасады закрытых домов были обращены внутрь дворов с источниками и емкостями для воды. Жилища располагались относительно друг друга подобно ячейкам решетки или сети. По плоским крышам домов расхаживали или сидели кур-рашаку, неблагозвучные крики которых раздавались над улочками, полными народа.

Эти люди казались мне чужими не только потому, что говорили на другом языке, они вообще представлялись мне таковыми в сравнении с жителями Корбека и Таткаэра. Аширен здесь бегали босиком, в их гривы были вплетены керамические бусы. Взрослые гордо демонстрировали на своих шестипалых руках неостриженные когти. На всех улицах слышалось пение. Колоколов не было. На воротах висели клетки, сидевшие в них птицы-ящерицы обхватывали когтями прутья и издавали пронзительные предупреждающие крики.

У ворот каждой стены — город шестикратно расширял свои границы — Хурот предъявляла разрешение и спорила со стражниками по неясным для меня причинам. Чтобы пройти от Пятой стены до Первой, нам потребовалась большая часть второй половины дня.

Возле ворот Л'Ку стражники собрались вокруг каменной чаши с горящими углями и от холода притопывали ногами. За ними располагался лабиринт из двухэтажных зданий, дворов, пешеходных дорожек и шестиугольных портиков. Это был древний, располагавшийся внутри Первой стены, город, основанный еще амари Андрете.

Хурот спорила с людьми, которых я приняла за помощников и министров та'адур — пейр-даденийского двора. Наконец, уже почти засыпая на ногах, я вмешалась в их разговор, обратившись по-имирски. Ведь кто-нибудь должен же был меня понять.

Я сказала, выбрав из них согласно принципу случайности одного бледного ортеанца с золотистой гривой:

— Скажите же Т'Ан Сутаи-Телестре, что здесь находится посланница Доминиона.

Мужчина слегка наклонил голову, что в Пейр-Дадени считается поклоном. Он был немолод, этот рослый ортеанец в ярко-красном одеянии с широкой лентой и знаками различия. На поясе у него висели слегка загнутые харуры.

Ромбовидный рисунок на его коже несколько явственнее проступал теперь, перед зимней ее заменой. Одна его шестипалая рука лежала на клинке харура. Ножны отливали золотом. Как и у многих других ортеанцев, между пальцами у него также имелись рудиментарные плавательные перепонки, а их тонкая кожица была проколота закрепленными в них золотыми и кварцевыми запонками. Среди ортеанцев встречалась такая склонность к модному варварству.

— Сетелен Хассие Рейхалин, — степенно представился он и продолжил по-имирски с южно-даденийским акцентом: — Вы должны понять, что на подобное требуется некоторое время.

— Уверяю вас, что Сутафиори потребуется немного времени, чтобы явить свое недовольство, если вы промедлите сообщить ей это известие.

— Это легко сказать.

— Тогда скажите это ей! — прикрикнула я на него. — Я пришла сюда через половину всей Южной земли не для того, чтобы ждать у ворот Ширия-Шенина!

— Это правда, т'ан, — сказал ему Марик. — Мы пришли сюда из Корбека через Пустошь. Посланница иного мира жива: Сутафиори должна узнать это как можно скорее.

— Не спускайте с них глаз. А вы подождите здесь.

Взгляд Хассие скользнул по нам, прежде чем он шагнул назад через ворота Первой стены. Я заметила, как он

непроизвольно оглянулся. «Что же, на нас не слишком приятно смотреть, — подумала я, — но зато мы живы, а это уже кое-что».

Шум города затихал. Наступили вторые сумерки, в небо поднимался серый дым. Скоро закончится Девятый день. Я ощущала запахи готовившегося ужина. Все мои внутренности сжались; я была более голодна, чем подозревала. Улицы пустыли, зажигались масляные фонари и вывешивались над входами телестре.

— Теперь с меня довольно, — сказала я.

— Они могут нас убить, если мы их испугаем, — озабоченно сказал Марик, — ведь они знают, откуда мы пришли. Я еще никогда не слышал ничего доброго об этих северных землях. Нам лучше всего вести себя тихо и ждать, С'арант.

— Мы войдем внутрь под охраной, — сказала я Хурот, — но я войду и найду кого-нибудь, кто меня знает, иначе нам придется провести здесь всю ночь.

Она была так же мало заинтересована в том, чтобы ждать, как и я, а ее всадники хотели как можно больше времени провести в Ширия-Шенине, прежде чем вернуться к исполнению своих обязанностей в гарнизоне. На замечание стражи она отреагировала резким протестом.

— Да, — сказала она, — у нас есть приказ отправить вас к Т'Ан Сутаи-Телестре, а не стоять снаружи возле ворот Л'Ку. Ты, там, отойди в сторону! Именем Богини! Они ведь под охраной, разве нет? Уйдите с дороги!

Их командира здесь не было, поэтому сейчас она являлась старшей по званию. На это-то я и рассчитывала.

Ярко выкрашенные ворота потеряли свой цвет в полутьме. Запахи города уносились ветром в сторону. Начал моросить мелкий дождь. В скоплении низких каменных стен, окружавших внутренний город, в окнах был виден желтый свет. Дорога к воротам представляла собой туннель; когда мы шли по нему, звуки наших шагов отражались от стен.

В центре шестиугольного двора росла суковатая тукинна, она стояла в том месте, где плоские ступени вели вниз к крытому источнику. На равном расстоянии друг от друга ви-

сели фонари, бросавшие свой желтый свет на бурые каменные плиты.

На лице Марика я увидела такое же выражение, какое, вероятно, было и на моем — испуг и состояние потрясения возрастом городских стен. Повсюду вдоль низких зданий с плоскими крышами тянулись ромбовидные окна-щели.

Хурот прошла мимо дерева и источника. По ее неподвижной спине угадывалось сильное напряжение, в котором она находилась. Когда я догнала ее с намерением поговорить, из дальнего здания вышла какая-то женщина в зеленом бекамиловом пальто. Фигура ортеанки выделялась на фоне открытой двери, и ее можно было хорошо разглядеть.

Она сбросила с головы капюшон, открыв черную гриву и худое, темное лицо. Двигалась она рассеянно, опустив голову и засунув за пояс левую руку. Пальто прямо свисало с ее правого плеча. «Я едва узнала ее, наверное, она очень больна», — подумала я.

— Рурик!

Она резко подняла голову, на лице появилось выражение растерянности. Желтые глаза на мгновение затянулись пленкой и снова прояснились.

«Неужели я так сильно изменилась?» — спросила я себя, когда заметила, как медленно она меня узнает. Однако она узнала меня.

— Кристи? О Богиня! Кристи!

Тут мы обнялись. Рурик смеялась и хлопала меня по спине своей единственной рукой. Она отстранилась от меня на длину руки, и мы продолжали глупо улыбаться друг другу. Ее взгляд перебежал на Марика и на всадников из гарнизона Ай.

— Что такое? — Рурик покачала головой, скривив лицо и сморщив нос. — О Богиня! Кристи, да ведь от вас воняет!

— У меня есть оправдание этому. Даже масса оправданий. Топи, Пустынные земли... Между прочим, вот это — мой эскорт с Разрушенной Лестницы.

Она снова покачала головой и заулыбалась:

— Вы должны мне об этом рассказать. А Сутафиори... Она... Ротмистр... я бы хотела выслушать ваш доклад. Кристи, вот это история!

* * *

Мне еще удалось спасти нож и акустический парализующий пистолет, однако вся моя одежда и прочие вещи должны были быть сожжены. Они находились в таком состоянии, какое мне самой казалось невероятным. Я сняла повязки с больных рук, а когда наконец стянула сапоги и временные обмотки, то в них остались два или три ногтя с пальцев ног.

Открытые обмороженные места очень болели в горячей воде ванны. Я долгое время прямо-таки с животным удовольствием сидела в ней, освобождаясь от струпьев, грязи и вшей, и мне понадобилось четыре ванны, чтобы отмыть до розового цвета свою черно-бурую кожу.

Л'ри-аны отвели меня к анфиладе комнат в карантинном зале. Затем пришла женщина, чтобы остричь мои безнадежно свалявшиеся волосы. После этого они стали короче, чем то предписывалось имирской модой. Я сидела у камина, завернувшись в мягкую ткань, и слушала стук дождя по узким окнам.

— Кристи! — Марик, входя в комнату, одергивал на себе одежду из хирит-гойена. Его кожа снова обрела свой телесный цвет, а ее зимняя расцветка едва только наметилась. — Здесь, внутри, спокойнее. Все эти люди...

— Это трудно переносить, я знаю. Думаю, мы к этому привыкнем.

Он закрыл ставни на ромбовидных окнах. В небольшой комнате было тепло, свет ламп и огня в камине падал на висевшие на стене ковры. Здесь можно было бы легко заснуть.

Марик присел к огню, в руках он держал кувшин с вином. На кровати была разложена чистая одежда, и я проковыляла туда, чтобы одеться.

Марик наклонился вперед и повел пальцами по своей гриве.

— С'арант, вы заплетете ее мне, когда она высохнет?

— Конечно, через минуту.

Ни один ортеанец не может сам заплести себе гриву, а она у Марика, прежде коротко постриженная, стала доволь-

но длинной, чтобы соответствовать даденийской моде. Мне опять вспомнилось, что в подобных связанных между собой общинах ортеанец никогда не живет без брата или сестры, без родителей или малышей, поэтому ему никогда не приходится самому выполнять эту простую работу.

Я надела сорочку и только зашнуровала брюки, как услышала, что открылась дверь.

— Боюсь, сейчас начнется. Я спрашиваю себя...

Вошел ортеанец средних лет, его безукоризненная грива и плечи были влажными от дождя. На меня дохнуло холодом. Хлынувший в кровь адреналин на секунду оглушил и ослепил меня, показалось, что я снова в низменностях возле Топей, в телестре Эт.

— Я сразу пришел, как только об этом услышал. — Пожатие его шестипалых рук было сухим и крепким. — Вы не ранены?

— Нет, я... — Меня слепили слезы облегчения. Я вытерла глаза и крепко держалась за его руки, чтобы справиться со своей истерикой. — Нет, нам хорошо. Хал, как приятно снова вас видеть.

Не требовалось говорить еще что-либо. Между нами снова возникли старые, дружеские отношения, как только он вошел в комнату. Я вспомнила, как Рурик сказала: «Он хороший человек: не доверяйте ему». О хорошем мне ничего не было известно — он обладал типичной ортеанской склонностью к интригам и неверности, — но ему я могла доверять.

— Теперь, — сказал он, когда мы уже сидели у камина, — пусть Ховис и СуБаннасен попытаются сообщить Короне неправду. Теперь-то они в наших руках!

— Они здесь?

— Т'Аны переезжают вместе с двором. Но Ховис находится здесь по приглашению, которое Сутафиори послала ему в Корбек. Что же касается Т'Ан Рурик и меня, — сказал он, — то она прибыла в Корбек примерно в то же время, когда меня приволокли туда, и мы затеяли изрядный скандал. Но никогда бы не подумал, что мертвая свидетельница вернется.

Мы вместе рассмеялись. Потом я сказала:

— Значит ли это, что на Землю сообщили о моей смерти?

— Да, ваши люди были об этом проинформированы.

— Это вызовет бюрократическую неразбериху. — Мне было трудно ему разъяснить, что я имела в виду. Поскольку напрашивалась прямая связь, я продолжала: — Если здесь Ховис, то это означает... Фалкир тоже здесь?

Он кивнул и осторожно посмотрел на меня.

— Да, он где-то здесь. — Возникла пауза. — Сетин умерла, старик Колтин тоже; это увеличивает наши трудности.

Я почувствовала одновременно облегчение и печаль, но не знала, что из них перевешивало.

— Что произошло дальше с этой дикаркой? — с интересом спросил он. — И... где Телук?

Сейчас я знала, что снова была в этом мире, и приняла его тяжесть на свои плечи. Марик явно ждал, что я отвечу.

— Ее убили обитатели Топей, — сказала я. — Телук мертва.

Глава 19. Корбекский эпилог

К концу недели после того, как отоспалась, я стала беспокоиться насчет расследований. Состоялись два из них, которые можно было бы назвать «срочными» из-за скорости, с которой по городу распространялся скандал: расследование отчета о моей «смерти» в Корбеке и расследование дела о наемном убийце, каком-то лице или нескольких лицах, которые не были установлены, но предполагалось, что они относятся к кругу членов телестре СуБаннасен. Я надеялась, что будет вскрыт ряд неправомερных действий.

Поскольку здесь сейчас одновременно находились оба Двора — как даденийский та'адур, так и имирский такширие, — расследование возглавляли Т'Ан Сутаи-Телестре и Андрете, а слушания велись на обоих языках.

Чиновником Андрете, ведущим расследование, оказался тот самый Сетелен Хассие Рейхалин (не упомянувший о на-

шей встрече возле ворот Л'Ку). Соответствующим чиновником со стороны Короны был Первый министр Имира. Несмотря на старческие морщины, лицо его показалось мне знакомым, и я ничуть не удивилась, узнав, что родом он был из телестре Ханатра, а звали его Хеллел.

— Что я должна сказать? — спросила я Халтерна, когда на второй день мы с ним протискивались по изрядно заполненному залу с низким потолком.

— Очень немного. Вас вызовут, чтобы вы подтвердили показания, какие дали ранее.

Халтерн разговаривал с человеком, у которого были резкие черты лица. Я узнала его. Он присутствовал на той роковой для меня трапезе в Дамари-на-Холме: Бродин н'ри н'сут Хараин. Я откинулась назад в резном деревянном кресле, которое стояло вблизи украшенной узорами железной чаши с горящими углями, и положила распухшие ноги на подушку. Все еще невозможно было натянуть на них сапоги; они и выглядели и ощущались как куски сырого мяса. Поэтому я забинтовала их и надела несколько пар носков.

— За телестре Талкул: Верек Ховис!

Ортеанец поднялся, и присутствовавшие удостоверились, что это был действительно он. Затем он вышел вперед. На нем была ремонтская одежда, казавшаяся в сравнении со светлыми одеяниями Пейр-Дадени грубой. Выглядел он точно так же, каким я его запомнила.

Свет, падавший через ромбовидные окна на мозаичный пол, слепил меня. При воспоминаниях о Доме-источнике и тюремной камере мною овладело чувство горечи.

Ясными глазами, совершенно равнодушно он смотрел на меня через зал, однако исходившая от него волна ненависти была подобна ушату холодной воды. Я чувствовала к нему отвращение. Оно не вязалось с моральным обликом моей профессии, однако...

— Могу ли я отвечать за действия старого человека и сумасшедшей Хранительницы Источника? — сказал он.

Они не могли выманить Бродина из этой оборонительной позиции.

— Колтин был старым человеком, — продолжал он. Его мягкий голос доходил до каждого в шестиугольном зале. — Теперь мне кажется, что Колтин был дряхлым стариком. Я мог бы, конечно, отрицать, что понимал это, но получилось бы неискренне. Мы все это знали. Колтин был нам хорошим с'аном, и его убило бы понимание того, что он более не годился для своей должности.

Мы... Позвольте мне быть до конца честным, мы ожидали, что он скоро умрет. И не знали, что этот старец сможет натворить столько бед, пока он их действительно не натворил. Мы относились к нему как к нашему с'ану, повиновались как нашему с'ану, и, может быть, то и другое было неверным. Однако мы делали это по одной-единственной причине, за что нас никто не может осудить.

Ортеанцы проглотили сказанное.

— Он что ни скажет — то солжет! — прошептала я по-английски.

— Да, — прошептал в ответ Халтерн, понявший по тону, что я имела в виду. — Но как нам это доказать? Колтин мертв, Сетин тоже.

«И Телук», — подумала я. Заслуживающих доверие свидетелей осталось немного.

— Арад! Что с ним? — выкрикнул Хассие Рейхалин. На его шестипалых руках, когда он ими жестикулировал, блесело золото.

Ховис пожал плечами.

— Церковь в Корбеке задает тот же вопрос, и я не могу предвидеть ее ответа. Я знаю, что он шел по неправильному пути, однако верил в то, что делал.

В этот момент я поняла, что результат такого расследования ни в коем случае нельзя было считать объективным. Здесь находилась я, все еще испытывавшая на себе последствия охоты, устроенной на меня Ховисом в Ремонде... Но вот пригвоздить его фактами — это дело оказалось более трудным, чем пешие марши по Пустоши.

Слушание вновь закончилось безрезультатно, и я осталась сидеть на своем месте, пока пустел зал. Наконец я проковыляла к отделанному резьбой камину, где Андрете сидела

вместе с Рурик и Сутафиори, с которыми вела беседу. Меня представили ей.

— Посланица, добро пожаловать к нам. — Сутафиори так внимательно изучала меня, словно я изменилась до неузнаваемости. Я села. В день своего прибытия я видела ее, но задним числом не могла бы утверждать, что хорошо рассмотрела. — Для мертвой женщины вы очень хорошо выглядите.

— Андрете, — Рурик использовала формальное обращение, — это Кристи С'арант с Британских островов.

Канта Андрете была женщиной очень большого роста, ее кофейного цвета кожа выделялась на фоне отливавшей голубизной и золотом одежды, перехваченной в поясе широкой хирит-гойеновой лентой.

Одевание имело сзади глубокий вырез, в котором была видна бурого цвета грива с тщательно заплетенными косичками. Ее руки походили на лапы, а ноги — на стволы деревьев. Но лицо с ясными глазами-изюминками выражало удивительное сочетание деловитости и веселости нрава.

— Обитатели другого мира. Я сомневаюсь, что они существуют. Какие-нибудь авантюристы из Саберона или Кель-Харантиша. — Она очень внимательно оглядела меня. — Дорогая моя, я не извиняюсь за резкость, однако ваш стиль мне нравится.

— Ваше превосходительство, я также не извиняюсь за то, что прибыла сюда из более дальних мест, чем Кель-Харантиш и Саберон. Могу ли я поприветствовать Андрете из Пейр-Дадени от имени правительства Доминиона?

Она помедлила, а затем разразилась фыркающим смехом:

— Вот это да! Конечно, можете!

Подошел л'ри-ан, чтобы подложить в камин дров и подать бокалы с горячим лечебным чаем.

— Субаннасен ожидает вашего расследования, Т'Ан, — сказал Халтерн Сутафиори, — но у нас здесь нет свидетелей.

— Наемник Медуэнин. — Черные глаза Андрете прикрылись перепонками. — Он здесь. Вместе с Сулис, как рассказывал мне Бродин.

— Тогда возьмите его под стражу, — чересчур пылко воскликнула я. Медуэнин был в городе... Нет, мне не хотелось вспоминать о всех тех ужасах, которые пришлось пережить.

— Насколько я понимаю, срок его контракта закончился, и если он достаточно хитер, то уже давно покинул город. — Андрете взглянула на Бродина, который кивнул в ответ. — Однако не будем волноваться, мы знаем, что Сулис н'ри н'сут СуБаннасен сделала в Корбеке.

— Да, подкуп, но как она это осуществила? — Сутафиори опустила голову и задумчиво посмотрела на сцепленные друг с другом пальцы своих рук. — Мелкати бедна, а она на эти цели выдала золото. Откуда это золото?

— Кто знает? Но попало оно к Ховису, — заметила Рурик, — он многое мог бы нам рассказать, если бы захотел.

— Если бы! О Великая Мать, если бы он захотел. — Мощная голова Андрете раскачивалась из стороны в сторону. — Когда Корбек допросит этого Хранителя Источника Арада, мы увидим...

По ее знаку л'ри-ан принес стол. На его поверхности была в эмали выполнена карта телестре Южной земли.

Халтерн и Бродин совещались друг с другом. Женщины изучали карту, их тонкие пальцы сновали по ней туда и сюда.

У Андрете между неуклюжими пальцами имелись золотые гвоздики. Она была смуглой и массивной, эта женщина, правившая провинцией, равной по размерам Имиру, Мелкати и Ремонде, вместе взятым. Рядом с нею Корона — серебристая и тонкая — казалась почти ребенком.

— Мелкати, Ремонде... — Сутафиори постучала пальцами по расположенному между ними Имиру. — Между телестре Имира и Римона с давних пор существуют противоречия, которые могут возродиться с новой силой. И вы, посланница, говорите, что СуБаннасен ухаживает за аширен в Корбеке? Да... Но Свободный порт Морврэн не будет сражаться ни за Корону, ни за вас, Андрете, ни за Кире. — Она говорила раздраженно. — А что бы это могло означать в вашем мире, посланница?

— Я не могу точно сказать. Возможно, войну. — Перевести это слово буквально не было возможности. — Если бы они напали...

— Вы говорили о нападении? — Рурик отхлебнула из своей чаши горячего чаю. — Тогда против них с оружием в руках встали бы все Сто Тысяч. Нет, СуБаннасен неглупа, и Ховис тоже.

Кадровая армия Южной земли сначала казалась мне загадкой, потому что требовалось лишь несколько тысяч воинов, чтобы укомплектовать гарнизоны вдоль Ай, в Таткаэрс и Черепном перевале. Потом уже я поняла, что жители Южной земли еще в возрасте аширен обучаются боевому искусству и никогда не перестают этим заниматься. Это были естественные оборонительные вооруженные силы.

— Я что-то скажу вам, Далзиэлле. — Андрете откинулась назад в кресле и устремила взгляд на Сутафиори. — В следующем году у нас будет десятый год, год летнего солнцестояния? Интересно, когда придет время новых выборов Короны, сколько останется Т'Анов, готовых снова выбрать вас?

Маленькая женщина кивнула.

— Если с'аны телестре снова выберут СуБаннасен в Мелкати, а Ховиса — в Ремонде и оба получают поддержку Римона или, скажем, еще и Морврена...

— Тогда вы теряете корону, и вам придется снова привыкать ко вторым ролям. Вы будете Далзиэлле из телестре Керис-Андрете. В последнее десятилетие вам везло; это был год, когда мы разбили варваров на Черепном перевале. В этом же, десятом году, напротив... Это год, когда вы обратно впустили в Южную землю Золотой Народ Колдунов!

— Прошу прощения, Т'Ан, — вмешалась я, — но мы не считаем себя Народом Колдунов.

— Существенно лишь то, что о вас думают.

Рурик расширила желтые глаза:

— О, я согласна с вами, Андрете.

— Если у нас будет другая Корона, то это будет иметь следствием сложности для вас и ваших людей, посланница. — Сутафиори помолчала и после паузы продолжила: — Но, думаю, пока у вас не должно быть такой убежденности. Я являюсь Короной и намерена оставаться ею и после десятого года летнего солнцестояния.

* * *

Лишь после того, как над городом прозвучали полуденные колокола, я покинула шестиугольный зал.

«Это может длиться всю зиму, — подумала я. — Ховис скользок как угорь. А разве с СуБаннасен будет легче?»

Я шагала по коридорам к мозаичному залу с намерением составить себе представление о прогрессе в допросах, проводившихся Короной.

Группа ортеанцев была занята оживленной беседой, они стояли в ярком свете, проникавшем в зал через оконные витражи. Я решила не подходить к ним близко.

Один из них извлек из ножен меч, чтобы продемонстрировать взмах и удар. Как я заметила, он пользовался ремондским харур-нилгири. На большинстве из стоявших были ремондские куртки и свободного кроя брюки. В коротко подстриженных гривах до половины позвоночника сверкали вплетенные в них бусы из горного хрусталя. Затем размахивавший мечом рассмеялся, повернул голову в сторону, и знакомый голос произнес обидное замечание. Он вложил меч обратно в ножны, повернулся и увидел меня.

— Кристи, — деловито сказал он. — Я слышал, что ты здесь. Рад видеть тебя в добром здравии.

«Сетин Фалкир, Фалкир из Корбека. И это было всего лишь прошедшей осенью?» — спросила я себя. Казалось, прошли годы. Неужели это действительно была я, Линн Кристи?

— Я слышала о Сетин, — стараясь не выдать своих чувств, произнесла я. — Сочувствую.

— Когда болезнь стала невыносимой, она пришла ко мне, — сказал Фалкир, — и потребовала того, чего мать может потребовать от своего сына. И потому я сделал все безболезненно. Смерть была для нее легкой. Чтобы мы снова с ней встретились.

Дело было в их традиционно интимных отношениях со смертью. Меня не поразило бы сообщение о том, что Сетин сама лишила себя жизни, но шокировало то, что она попросила об этом Фалкира и он это сделал, считая страшную просьбу признаком симпатии к нему. «Насколько же мы все-

таки близки с ним? — спросила я себя. — Насколько понимали друг друга?»

— Колтину следовало бы сделать то же самое, — добавил Фалкир, — но Она взяла его к себе в начале второй недели Риардха.

Возникла мучительная тишина. Ничто на его лице не говорило о том, что мы когда-то были арикей.

— А что с тобой, хорошо ли тебе живется? — спросила я.

— Да. Я теперь езжу с Т'Аном Ховисом. Кто знает, возможно, я стану еще одним из та'адур. — В его голосе слышался прежний сарказм, но глаза были прикрыты перепонками.

«Если это умерло, — говорило что-то во мне, — тогда забудь обо мне». Нас не связывало ничего, кроме плоти. Я мысленно оглянулась назад и не смогла узнать нас прежних в стоявших здесь двух людях.

— Ты похудела, тебе следовало бы отдохнуть. Мне сказали, что ты пересекла Пустошь, а это суровая земля. Когда ты станешь чувствовать себя лучше, мы, пожалуй, сможем выезжать верхом в окрестности Ширия-Шенина.

— Возможно, т'ан Фалкир, но я здесь сильно загружена работой.

Расставаясь, мы оба были в некотором смятении.

Близилась Орвента, ортеанская зима. Я жила в комнатах в городе за Первой стеной, недалеко от Рурик. Во всем Ширия-Шенине не было ни одного трехэтажного дома, не считая напоминавших зиккураты сторожевых башен. С расположенного поблизости плоскогорья город походил на покрытые террасами склоны гор, где каждое из вытянутых ущелий домов телестре образовывало следующий ярус, проходивший выше над рекой.

Я была бы довольна, если бы мне приходилось меньше бегать по бесконечным лабиринтам коридоров и переходов. Но лишь когда начались бури, какие бывают в конце года, я оценила преимущества такого способа строительства, когда с верховьев реки подул ветер, который, казалось, мог снести любую башню, построенную не на скале.

Дождь хлестал по ромбовидным окнам, а когда смолкли последние завывания бури, в мою комнату вошел Халтерн. Я

как раз пыталась — и уже не впервые — писать подробный отчет.

— Где же мы сегодня находимся? — подчеркнуто бодро спросила я. Меня бы не удивило, если бы пришлось услышать, что они опять перенесли место проведения расследования.

— Нигде. — Он подошел к окну и стал смотреть на непрекращающийся дождь. — Они завершили расследование по делу в Корбеке.

Я услышала крики во дворе. Это аширен начинали праздновать уход Риардха и начало зимы.

— Что теперь будет с Ховисом?

— Ничего. Он выехал вниз по реке и намерен вернуться в Ремонде, пока зима не сделала поездку невозможной. Большинство т'анов присоединились к нему.

— Дело дрянь! — сказала я и добавила несколько других английских выражений.

Халтерн пожал плечами.

— Арад должен рассказывать о бедности Корбека, и это входит в обязанности Церкви. Ховис сообщил, что он действовал только по указаниям своего с'ан телестре. И теперь весной он мог бы сам стать Т'Ан Ремонде.

Я вспомнила слова Сетин:

— Но может, он им и не станет.

Возникла пауза.

— Я вижу, вы здесь заняты Т'Анами, — заметил Халтерн, — однако поберегите немного времени для нашего дела. Я должен пригласить вас на допрос Сулис н'ри н'сут СуБаннасен.

Глава 20. Ответ СуБаннасен

— Мы уже не сможем провести вниз по реке большое количество лодок до того, как она замерзнет. — Рурик единственной рукой натянула пальто на плечи. С реки дул резкий, холодный ветер, а небо было затянуто тяжелыми снеговыми тучами.

— Я бы хотела передать сообщение в Таткаэр... Они должны послать информацию на корабль с Земли, что я жива.

Поразительным фактом является то, что девятьсот зери вниз по реке Ай и восемьсот зери вдоль римонского побережья на корабле можно преодолеть быстрее, чем всего лишь пятьсот зери по даденийской Пустоши и Северному Римону по суше. Особенно при таком состоянии дорог, в каком они находятся зимой.

Речные доки большей частью опустели, склады опечатаны, телестре, занимавшиеся перевозкой грузов, были закрыты. Нас сопровождал Марик. Ни он, ни я не хотели далеко идти.

От серой воды тянуло пронизывающим холодом.

— Что ты об этом думаешь? — спросила я Марика. — Ты хотел бы, чтобы в твою телестре пришла весть о том, что ты в добром здравии?

— Да, очень.

— Или ты желал бы передать это сообщение лично?

Он вскинул голову, глаза его засияли; мне больше не нужно было спрашивать, что бы он предпочел.

— Я все еще ваш л'ри-ан.

— Конечно. Я пошлю свое сообщение в Таткаэр с тобой, и тогда ты перезимуешь в телестре Салатиэл. Весной я тоже появлюсь в устье реки.

— Это великодушно с вашей стороны. Но лучше я останусь здесь, на тот случай, если понадобится вам, Кристи.

— Думаю, мое предложение выгодно для нас обоих. Хотя опасаясь, что лишь тогда почувствую, от какого количества работы ты меня избавляешь, когда мне придется делать ее самой. К тому же я не знаю, где у мархаца перед, а где зад... Поскольку уж мы об этом говорим, то хотелось бы знать, перевозят ли речные суда и животных.

— Да, — ответила Рурик вместо Марика, — а ваши все еще стоят в моем хлеву, Кристи. Я взяла их с собой из Корбека. Там больше никого не было...

— Нет, конечно, нет. Не могу даже допустить мысли, чтобы ты пошел пешком, — сказала я Марику, — так что возьми лучше Ору и для вещей одного скурраи.

Улыбнувшись, он благодарил меня.

Мы повернули назад, чтобы пройти обратно вдоль доков и Серебряных ворот Пятой стены города. Когда Марик ушел немного вперед, Рурик проговорила:

— Весной вам следовало бы самой заглянуть в Салати-эл... и объяснить с'ан телестре, почему аширен приезжает домой на мархаце и с харурами.

— Я сделала что-то неверно?

— Нет. — Она рассмеялась.

Когда мы подошли к Серебряным воротам, она с серьезным видом посмотрела мне в лицо и сказала:

— Этой зимой вам, пожалуй, потребуется еще один аширен. Не хотите ли вы оказать мне любезность?

— Конечно. Что же я должна делать?

— Я имею в виду моего аширен, Родиона. Вы позволите кир помогать вам?

«Даже Рурик не прочь подключить свою телестре, чтобы та не спускала глаз с посланницы, — подумала я. — Но это будут по крайней мере благожелательные глаза».

— Да, разумеется.

— Это может оказаться немного сложнее, чем кажется, — предупредила меня ортеанка, — но вам нужен л'ри-ан, да и Родиону пора заняться серьезным делом.

Процесс по делу СуБаннасен затянулся до Орвенты и далее, что вполне соответствовало обычной ортеанской неспешности. Я находилась в их распоряжении, а в остальное время готовилась к переговорам с с'ан и т'ан Двора и занималась языком, чтобы более или менее бегло говорить по-пейр-даденийски. Посланница Земли начала приобретать известность в Ширия-Шенине.

— Родион? — Это было незадолго до полудня в один из холодных дней. — Сколько времени прошло с тех пор, как поступило сообщение?

Наконец из дальних комнат небрежной походкой вышел аширен, оглядел меня с ног до головы и ответил:

— Немного.

— Разве нельзя было передать его мне сразу в руки? Только сейчас я узнала, что снова нужна при проведении допроса!

Ке пожало плечами, оно выглядело неуклюжим и длинноногим. Во всех отношениях это уже был молодой человек, вышедший из того возраста, в котором аширен обычно становится взрослым.

— Мне совсем не хотелось стать вашим л'ри-ан, С'арант.

На лице кир было выражение, напоминавшее мне Рурик, но этим сходство не кончалось. Белесая грива кир была заплетена до половины позвоночника, гладкая кожа с ромбовидным рисунком слегка золотилась. Глаза кир имели желто-золотой цвет, белки в них отсутствовали... В значительной мере к кир было применимо все, что говорилось о внешности Золотого Народа Колдунов. Другие аширен называли Родиона Полузолотым, в чем содержался намек на то, что в жилах кир текла кровь Народа Колдунов. Хотя мне рассказывали, что ортеанцы и та исчезнувшая раса — два совершенно разных вида разумных существ и не могут иметь общего потомства. Какова бы ни была истина, это не делало жизнь кир более легкой.

— Найди Халтерна и скажи ему, что я иду.

— Да, С'арант.

Когда Родион ушел, я что-то поняла. Я всегда воспринимала аширен либо как мальчиков, либо как девочек. Даже Марика, ке через год должно было стать мужчиной или женщиной, я воспринимала как мальчика. (Однажды, когда я увидела их сидящими за игрой в охмир, Марик показался мне худошавой темногривой девушкой.) Но Родион не был ни тем, ни другим ни по внешнему виду, ни по поведению.

В даденийской одежде ке выглядел скорее женщиной, в имирской — мужчиной, и поскольку дело здесь заключалось в чисто земных предрассудках, мне нужно было избавиться от этого впечатления. Условия заставили меня пользоваться местоимением для обозначения бесполой существ, для меня стало естественным воспринимать так и всех аширен. Это меня беспокоило и страшило.

У входа в шестиугольный зал навстречу мне попалась Рурик.

— Ах эти расспросы! — ругалась она. — Если бы дело было за мной, то я бы не стала спрашивать, а перерезала бы СуБаннасен горло. Я слышала, что они еще раз хотят услышать ваши свидетельские показания?

— Да, если бы только они оказались полезными для дела.

Защита этой старой женщины до сих пор заключалась в том, чтобы все просто-напросто отрицать и требовать от каждого доказательств всех пунктов обвинения против нее. А последнее оказалось удивительно трудным.

Снаружи, во дворе, я увидела Родиона. Ке шло куда-то, опустив голову.

— Вам с ке теперь полегче? — спросила Рурик.

— Немного. — Я была искренна. — Этот ребенок питает злобу к каждому.

— Это моя ошибка, — вздохнула ортеанка, наполовину прикрыв свои желтые глаза. — Как я предполагаю, моя мать с Пустынного Побережья, родом из Кель-Харантиша, а в жилах тамошних людей течет изрядная доля крови Народа Колдунов.

— Ке уже должно быть около пятнадцати лет?

— Да, но ке — все еще аширен. С этим ничего нельзя поделать. Когда мне было пятнадцать... — Она пожала плечами. В этот момент мы вошли в главный зал и сели за стол Т'Ан Сутан-Телестре. — Это был год, когда я приехала в Таткаэр. Я работала в одном общественном доме, чтобы заработать денег, которые мне требовались, чтобы поступить на службу в армию. Страйк работал там же. О, он так гордился. Можно было подумать, что он стал первым человеком, зачавшим аширен. Первый год службы состоит из теории и зубрежки, поэтому я имела возможность держать Родиона при себе.

— Его кожа была такого же оттенка?

— У Страйка? Нет, он был ржым и очень бледным. Я надеялась, что Родион будет в него. Я уговорила его стать охранником и действительно здорово ему досаждала. Он был вторым моим помощником во время всего того периода, когда нападали из Кварта. — Она помолчала. — Когда он умер в

Мелкати, я растила Родиона здесь. Полузолотому всюду нелегко.

В одной из ниш шестиугольного зала я увидела Хассие Рейхалина, затем мимо меня прошел Бродин, а вскоре после него — Сулис н'ри н'сут СуБаннасен.

Зал был переполнен. Я заметила, что у Халтерна и Бродина имелась своя система получения информации. Многие внешне незначительные члены та'адур и такширие доставляли сведения из других частей Южной земли. Неизбежно многое из того, что происходило, оставалось для меня скрытым.

Одно лицо, которое я на миг увидела среди собравшихся, было мне знакомо: светлые с проседью волосы, на которых лежал падающий из окна свет... Блейз н'ри н'сут Медуэнин.

— А-а, вы уже здесь. — От одной из ниш в стене отделился Халтерн, прервав мои мысли.

— Есть новые свидетельские показания против СуБаннасен?

Он улыбался так холодно, как это умеют делать только ортеанцы, и обменивался с Рурик вежливыми пустыми фразами.

Воздух в шестиугольном зале был холоден, несмотря на разложенные костры из медленно горящего болотного торфа. Обычный для Ширия-Шенина наползавший с реки туман и дым образовывали такой густой чад, сквозь который едва пробивался солнечный свет.

Л'ри-аны зажгли масляные лампы. Их слабый желтый свет еще более усиливал ощущение заточения. Тем временем были заняты все столы в середине зала.

«Чужие», — снова подумала я. В Ширия-Шенине это было более очевидным: одежда жителей с вырезами на спине, загнутые лезвия мечей, украшенные бусами гривы и их привычка ходить босыми по полу, выложенному каменными плитами.

— Я слышала, что Андрете устала от тактики сдерживания, — сказала Рурик, — а также и Далзиэлле. Я... Да, Ореин, я вас видела, приветствую вас.

Мужчина кивнул в знак признания и прошел мимо. Он был стар, худ, кожа имела белый цвет. Его ортеанская грива начиналась несколько в стороне от лба, оставляя свободными уши. На голове торчал лишь короткий гребень волос. Узкий лоб и блестящие глаза придавали его лицу выражение, какое бывает у насекомых. С тонкими шестипалыми руками, скрещенными на груди, ортеанец больше напоминал богомола.

— Он из вашей телестре?

— Хана Ореин Орландис, — спокойно ответила она. — Последний из живых детей Ханы. Он был братом моего отца. А сейчас он занимает должность Первого министра у СуБаннасен.

— Но вы сказали... Восстание...

— Между Орландис и Алес-Кадаретом всегда были хорошие отношения, — сказала она, состроила гримасу и рассмеялась. — И они не изменяют этого обстоятельства в угоду какому-либо одному члену телестре, пусть даже это будет Т'Ан Командующая.

В зал вошли Сутафиори и Андрете. Они бессдовали друг с другом и, видимо, не помышляли о том, чтобы занять места за стоявшим в центре столом. Меня глубоко разочаровывало отношение ортеанцев ко времени. Начался всеобщий гомон. Рурик наклонилась вперед и задала Халтерну резко прозвучавший вопрос.

— Посланница, — раздался голос старой женщины.

Я поднялась со своего места, оглянулась по сторонам и поняла, что ко мне обратилась сама СуБаннасен. Она находилась в ближней к нам нише. Ореин Орландис покинул ее, когда я к ней подошла.

— Т'Ан Сулис. — Я не помышляла о том, чтобы относиться к старой женщине без должной вежливости.

Она опустилась на скамью возле стены, отделанной глазурованными керамическими плитками с изображением звезд. Ее руки слегка дрожали, когда она наливала из бутылки в стеклянные бокалы вино.

— Выпейте со мной, — приветливо и решительно сказала СуБаннасен, когда я села рядом. — Это просто стыдно, что вы так ни разу и не побывали в Мелкати, т'ан Кристи.

Ее блеклые глаза, полуприкрытые и бдительные, смотрели мимо меня в самую оживленную часть зала. Ореин разговаривал с каким-то ортеанцем... Я припомнила, что его звали, кажется, Сантилом.

— Мне хотелось бы как-нибудь посетить вас, Т'Ан. — В этот момент, заметив на ее лице оживление и печаль, я говорила совершенно искренне. — Пусть даже не сейчас.

— Нет. Они найдут предлог, — сказала Сулис. — Причину, чтобы отнять у меня Алес-Кадарет. Десять лет назад я вступила бы в борьбу... Но сейчас я чувствую огромную усталость. Может, мне следовало бы отправиться домой, в СуБаннасен. Давайте же, Кристи, выпьем за телестре, которые мы покинули.

Это было вино из Южного Дадени, такое же густое, вязкое, как мед. От него исходил знакомый запах... Как я предполагала, для земного человека оно было более крепким, чем для ортеанца.

Теперь я знала это точно. Наверняка в бокале его было меньше, чем тогда в Дамари-на-Холме, но это был, несомненно, сарил-кабриз.

Старая ортеанка улыбалась.

— Благодарю вас, Т'Ан Сулис. — Я поставила бокал обратно на столик, даже не пригубив его. — Простите меня, но сейчас я должна вернуться на свое место.

Она подняла бокал и задумчиво поболтала в нем содержимое. Я не смогла публично излить на нее свое раздражение, хотя у меня и было для этого полное право.

— Я сыграю с вами в охмир, если вы когда-нибудь приедете в Мелкати, — пообещала она. Затем СуБаннасен отправилась на свое место в зале, а Сутафиори начала опрос.

СуБаннасен невозможно было выманить из защиты, в которую она ушла. Не было никаких доказательств подкупа в Корбеке; у Ховиса определенно имелись свои основания для того, чтобы более не находиться в Ширия-Шенине.

Не было и доказательств того, что был подослан наемный убийца; даже Халтерн не смог пробить кодекс чести гильдии наемников.

«Ведь ей еще удастся выкрутиться, — подумала я. — Проклятие, она проделает это точно так же, как Ховис!»

Я отдавала себе отчет в том, что ни в коем случае не была в безопасности в Ширия-Шенине, зимой, да еще и с СуБаннасен поблизости.

Возвращаясь к себе через двор, я снова увидела Блейза н'ри н'сут Медуэнина. Он вежливо кивнул мне:

— Т'Ан Кристи.

Небо окрасилось в желтый цвет. По двору гулял холодный ветер, гнавший туман, и я мгновенно почувствовала себя как в разрушенном городе Кирриах и ощутила приближение плохой погоды.

— У вас, должно быть, железные нервы, — сказала я.

— Что вы хотите сказать, т'ан? — Он казался сбитым с толку. «Он должен знать, что я еще ношу с собой парализатор. Но он также знает, что я являюсь посланницей, — подумала я, — да и самооборона... Он не даст мне никакого предложения».

— Вы добрались сюда быстрее, чем я предполагал. — Медуэнин ухмыльнулся, обнажив зубы, окрашенные соком атайле. Его мигательные перепонки были открыты, а зрачки расширены. — Вы были в Ширия-Шенине уже до того, как закончился срок моего контракта.

— С СуБаннасен.

Он еще раз улыбнулся, сверкнув зубами:

— Я не обязан рассказывать вам об этом.

В одной ортеанской поговорке о словах некоторых людей говорится, что они так хороши, как меч наемника, и это считается комплиментом. И кроме того, как я предположила, необходимостью.

— Я бы на вашем месте покинула Ширия-Шенин.

— Это, конечно, мудрый совет, но я ему не последую.

— Если бы я была ортеанкой или знакома с ортеанскими методами...

— Почему вы это говорите? — На его лице отразилось искреннее удивление. — В Пустоши нет законов, но в Южной земле мне нужно было выполнять договор. Я наемник.

— Который получает плату за убийства из-за угла?

— Одного убьешь или несколько, в итоге все равно.

Я нашлась, что на это ответить, и сказала:

— Вы легко могли убить меня на Разрушенной Лестнице.

— Это было бы не так легко. Вы, кажется, забыли, что я уже однажды познакомился с вашим оружием из другого мира. Я предпочел не рисковать еще раз, а из-за этого остался без гонорара. Однако здесь, в Ширия-Шенине, найдется немало людей, которые заплатят мне за ту же работу.

Если я и испытывала злость, то больше на себя, чем на него. По обычаям Южной земли он действовал согласно общепринятой морали.

— Вам самой мог бы понадобиться человек вроде меня, — льстиво сказал он. — Не все ваши враги столь осторожны, как мой предыдущий заказчик. Я свободен, чтобы заключить с вами договор, т'ан Кристи.

— Проваливайте к черту! — Я не могла перевести ему это выражение, но по моему тону он уловил его смысл.

Глядя, как он уходил, я подумала: «Нет, это сказывается шок, обусловленный различиями в культуре, и мне следовало бы привыкнуть к подобным вещам».

— Подождите, — крикнула я. Обернувшись, он посмотрел на меня. — Допустим, вы останетесь в городе за Первой стеной, будете внимательно ко всему прислушиваться и сообщать мне обо всем, что для меня важно... а я установлю вам твердую плату?

Я была наполовину уверена, что он обидится. Но Медуэнин, напротив, посмотрел на меня так, как если бы я впервые доказала ему разумность своих действий.

— Было бы лучше, если бы вы наняли меня еще для одного дела, иначе все будут знать, что я — ваш агент. Сделайте меня вашим учителем боевого искусства, т'ан, этим я занимался и прежде.

— Но никаких других контрактов, пока вы работаете на меня.

Он согласно кивнул:

— Конечно, соответственно повышается и цена.

Я едва не расхохоталась. Дело было в том, что именно в этот момент у меня в голове возник вопрос, каким образом

мне оправдать этот контракт в глазах финансового отдела моего ведомства. Вряд ли он хотя бы каким-то образом вялся с кодексом поведения послов. Вне сомнения, любой психиатр из нашего учреждения стал бы заверять меня, что я приближаюсь к паранойе. Мне, однако, не был известен ни один случай, когда бы так охотились за каким-нибудь психом, как за мной по всей Южной земле.

— Договорились, — сказала я. — Где вы живете?

— Внизу, за Пятой стеной, в доме Гильдии наемников.

— Я найду возможность, чтобы разместить вас в моих помещениях, — решительно заявила я. — Возможно, это не такая уж плохая идея — поучиться владеть оружием. Кто знает, может, это когда-нибудь пригодится.

Процесс по делу СуБаннасен был возобновлен вскоре после праздника зимы, что, признаться, меня несколько удивило. Мы с Рурик и Халтерном вошли в мозаичный зал в тот самый миг, когда Корона занимала свое место за центральным столом.

— Итак, — сказала Сутафиори, — что следует далее?

Хассие Рейхалин подошел к столу и поклонился.

— Объявился новый свидетель, которого следовало бы допросить.

— По делу о покушении?

— По другому, — ответил тот, и среди присутствовавших, довольствовавшихся скучной и бесконечной дискуссией, пробежал взволнованный шепот, вскоре стихший.

— Я подумала, было бы лучше, если бы вы это выслушали, Далзиэлле. — Канта Андрете впервые официально обратилась к Т'Ан Сутаи-Телестре. Мутные перепонки набежали на ее глаза, когда она смотрела на СуБаннасен.

Сутафиори кивнула и дала Хассие знак продолжать. Тот вызвал вперед еще одного человека из Мелкати.

— Как называется ваша телестре?

— Римнит, — спокойно ответил мужчина. Ему было около пятидесяти пяти лет. — Меня зовут Нелум Сантил, я — начальник порта города Алес-Кадарет.

— Начальник порта Сантил, вы узнаете эти бумаги?

Он взял у Хассие Рейхалина несколько листов, пробежал их глазами и поднял голову:

— Да. Это перечень товаров, отгруженных с кораблей, в течение последних трех лет заходивших в порт Алес-Кадрета.

В отличие от предыдущих дней с их мучительно тянувшимися формальностями это заседание было коротким и сконцентрировалось на самом главном. Подобные же целенаправленные вопросы обычно указывали на то, что скоро предстоял кульминационный момент.

— А эти бумаги, узнаете ли вы и их?

Он помолчал, прежде чем отвечать.

— Да. Это настоящие перечни товаров с тех же самых кораблей, подписанные Т'Ан Мелкати.

Я видела СуБаннасен, сидевшую на одной из передних скамей. Она не двигалась, но, как казалось, совершенно побледнела.

— Вам известно, что между этими двумя перечнями есть различия?

— Да, — ответил Сантил, — это и есть та причина, по которой я предоставил их в ваше распоряжение.

Хассие сделал знак, и мужчина вернулся на свое место. Оба экземпляра документов были переданы Короне. Она внимательно рассмотрела их один за другим, Андрете иногда обращала ее внимание на определенные места, и за все это время никто в зале не издал ни звука.

— Общим для всех кораблей является то, что они приплывали из Кель-Харантиша или туда направлялись. — Голос Сутафиори был спокоен. — Мне кажется, Сулис, что это было не очень умно с вашей стороны... принимать подарки от Повелителя-в-Изгнании.

— Разве бумаги доказывают подобное? — СуБаннасен стала ощупывать пальто, затем села и обхватила костлявыми руками палку с серебряным набалдашником. Рядом с ней на скамье стоял бокал с золотым ободком. Я подумала, что речь идет о золоте, и вспомнила, что уже задавали вопрос о том, откуда у нее золото для подкупа.

— Здесь стоит ваша печать, — сказала Сутафиори, — а вот здесь — ваше имя и отличительный знак телестре.

— Позвольте взглянуть.

Старая женщина пристально вгляделась в бумаги, когда ей протянул их Хассие. Я видела, как изменились черты ее лица; казалось, она полностью утратила самообладание.

— Это ваша печать, — повторила Сутафиори.

СуБаннасен сложила бумаги, вручила их Ореину Орландису и молча откинулась назад.

«Но ведь она так стара, — вдруг подумала я, — и потому могла разрешить что-нибудь, не перепроверив. Правда, если это так, ее гордость не даст ей в этом сознаться».

— Не называйте меня поспешно лгуньей, — сказала она наконец. — Если я получила золото из Кель-Харантиша, зачем мне нужно было сохранять улику, которая выдаст меня?

— Может, для того, чтобы можно было выдвинуть этот аргумент, — вставила Андрете.

— Вы это отрицаете? — спросила Сутафиори.

Старая женщина долго не отвечала. Потом откашлялась, отхлебнула из бокала и проговорила:

— Я уверена лишь в одном: кому-то очень нужно скомпрометировать меня и убрать с дороги.

Маленькая златогривая женщина откинулась назад, взгляд ее был неотрывно прикован к Сулис.

— Я должна поместить вас в Кут-Ре, — сказала Сутафиори и произнесла тем самым название тюрьмы во Второй стене.

— Куда будет угодно Т'Ан Сутаи-Телестре. — На лице старой женщины появилось веселое выражение. Она снова подняла свой бокал и отпила вина.

Наши взгляды встретились. Тут я поняла, что ошибка была невозможна; я вспомнила, как она предлагала мне вино. Взгляд ее выражал насмешку, некоторое сожаление и — совершенно никакого страха.

Мое первое желание — вмешаться — прошло. «Это ее право», — подумала я. Она поставила пустой бокал, взяла палку и медленно пошла между стражниками из зала.

— Не доверяю этой женщине, — прошептала Рурик. — Паразиты не меняются, когда стареют, а она...

Где-то вне зала прозвучал крик, затем я услышала шум множества голосов. Это было то, чего я ожидала.

Рурик вскочила. Толпа загородила мне вид на вход. Я заметила лишь трость с серебряным набалдашником, лежавшую на каменных плитах, и ступавшие на нее ноги.

Сарил-кабриз действует почти мгновенно.

Глава 21. Зима в Бет'ру-элене

Сообщения поступали непрерывно, хотя последнее судно давно ушло на юг, а река замерзла. В даденийских Домах-источниках рашаку определенного вида дрессируют в качестве курьеров, а вдоль всей реки Ай имеются птичьи станции.

Из Таткаэра поступили в двух экземплярах письменные сообщения с согласием на медицинское обслуживание, как только весной начнет таять, и с подтверждением того, что на корабль с Восточных островов ушло опровержение известия о моей гибели.

Я воспользовалась моими банковскими векселями для восполнения финансов и снова начала — получив мархацев, одежду и служебные помещения — устраивать встречи и приемы для ортеанцев в качестве представительницы Доминиона. Через короткое время мне уже начало казаться, что я в Таткаэре.

Несмотря на это, я не могла узнать в себе ту женщину, которая прошлым летом появилась на Орте. Дело было не только во внешнем виде — я страшно исхудала, лицо мое загорело и обветрилось. Приобретенный опыт ожесточил меня, и в то же время я чувствовала какую-то неуверенность в себе.

— До середины Орвенты таять не будет, — заметила Рурик, глядя через застекленные ромбы окон на падающий снег. Она опустила феррорн на доску для игры в охмир и открыла таким образом новую зону борьбы. Я сидела возле огня, разбирала целую кучу писем, и мне казалось, что эта партия никогда не закончится — с некоторыми перерывами она длилась уже пять дней.

— Леремок. — Халтерн перевернул ее фишку, потому что получил преимущество. — Ваши родственники уехали до наступления морозов, Т'Ан Рурик?

— Ореин находится в пути до Алес-Кадарета, чтобы сообщить с'анам, что им нужно назначить нового Т'Ан Мелкати. — Она откинулась назад и помассировала культию руки.

— Кого они назначат? — спросила я. Большинство сообщений поступило из телестре, расположенных ниже по течению Ай, они приглашали меня весной к себе. — Вы это знаете?

— Это произошло неожиданно. И такширие, и та'адур находятся здесь, а мы поздногато вышли из игры, чтобы еще раз принять в ней участие. Тем не менее, — заметил Халтерн, — мне интересно, чем все закончится.

— Только не этот Сантил из Римнита. — Рурик задумчиво рассматривала доску. — Если он предал одного Т'Ана, то предаст и следующего. Меня очень удивило бы, если бы им стал Орландис... О да, Халтерн, знаю, что вы думаете об Ореине, и согласна с вами, но он популярен в Мелкати.

— Это можно рассматривать как рекомендацию? — тихо произнес Халтерн, и Рурик рассмеялась.

Мне доставляло радость находиться у них. Мое чутье говорило мне, что это единственные ортеанцы, которым я могу доверять.

Меня страшило оказаться вовлеченной в их дела, полностью погрузиться в них. А я не знала Орте, и мои представления ограничивались только Южной землей. Подобная односторонность опасна... Если бы это зависело от меня, я завершила бы свою миссию. Продолжить ее следовало бы другому послу. У него не было бы моих контактов и опыта, но

он и не был бы так лично втянут в существовавшие здесь отношения.

Даже тогда, когда мы с Фалкиром были вместе, у меня никогда не возникало мысли о том, чтобы отказаться от должности посла и попытаться устроить свою жизнь здесь, на Орте. Но такое желание становилось все сильнее... Осуществить его было невозможно. Для меня не существовало возможности стать ортеанкой хотя бы по той причине, что свои годы созревания я провела на таком расстоянии от Звезды Каррика, которое равно половине диаметра галактики.

— Здесь у меня плохая позиция. — Длинные, с огромными ногтями пальцы Рурик зависли над игровой доской. — Кристи, вы не хотели бы присоединиться к нам, чтобы мы сыграли втроем?

— Что? Да, конечно. Позвольте мне только распечатать вот это. — Я сломала восковую печать на последнем письме и развернула лист бумаги. Письмо было написано не на английском языке, а витиеватым шрифтом Южной земли. Читала я с трудом; чтение слов давалось мне в меньшей степени, чем устная речь.

— «Касабаарде», — расшифровала я.

— Что? — Халтерн выпрямился.

Касабаарде был городом на втором континенте, на противоположном берегу Внутреннего моря. Других подробностей из гипнотического образа я не смогла выделить, поэтому протянула пергамент Халтерну.

— Что здесь написано?

Текст был довольно краток. Он прочел его вслух. И вдруг спала маска, и я увидела жгучее любопытство очень хитрого человека.

— «К Линн де Лайл Кристи, посланнице в Таткаэре, находящейся в настоящее время в Ширия-Шенине. Я приветствую Вас.

Когда придет время и Вы сможете сесть на корабль, то пусть это будет судно, которое доставит вас к Коричневой Башне в Касабаарде, чтобы мы могли встретиться и побеседовать.

Чародей».

— Кто этот чародей? — спросила я. — И откуда он знает, что я в Ширия-Шенине?

— У него свои методы добывания информации, — ответил Халтерн. — А поездка туда станет возможной только после таяния снега. Невероятно... Несколько лет я не слышал о прямых посланиях из Касабаарде, но думаю, что оно истинное.

— Действительно?

— Действительно, — ответил он, — а если вас, Кристи, зовет Коричневая Башня, то было бы разумным принять приглашение.

Как оказалось, было еще одно неулаженное дело, когда я приняла приглашение Халтерна в телестре Бет'ру-элен.

На восточных отрогах гор возле Ширия-Шенина растет ханелис, лохматый кустарник. Его ветви такие твердые и кривые, как если бы были из кованого железа. В высоту они достигают трех метров, а переплетаясь, образуют непроницаемую крышу.

На расстоянии, которое можно было проехать верхом во время неспешной прогулки поутру через этот кустарник, располагалась Даденийская пустошь, на краю которой и находилась телестре Бет'ру-элен.

Мархацы осторожно переступали с ноги на ногу, потому что почва была усеяна осыпавшимися шипами. Ветви пускали в землю корни на некотором расстоянии друг от друга, так что легко можно было представить себе весь склон горы как одно целое растение. Снег почти не проникал под эту своеобразную крышу.

Когда солнце поднялось выше, снег и лед начали слегка подтаивать, и сквозь ветви ханелиса, в которых открылись обледеневшие проталины, я видела небо. Мархацы трубили, когда на них падали капли. Животное Родиона мчалось вниз по склону. Ке ехало в легкой одежде, а не как я, походившая на меховой ком. Белая грива кир не была заплетена. Даже Халтерн старался избегать кир. Белое и золотое: Народ Колдунов. Как бы то ни было, я подумала, что доставлю кир радость, вытащив его из Ширия-Шенина и избавив от проблем с другими аширен хотя бы на некоторое время.

Мы выехали на гребень следующего холма из-под крыши ханелиса. Халтерн придержал своего мархаца и показал вперед:

— Вот там — Бет'ру-элен.

Там, где понижалась равнина, находилась пустынная поверхность болота, протянувшегося на восток до самого горизонта, а неровности горизонталей были смягчены толстым снежным покровом. Из одной низины, где виднелись плоские крыши, вверх поднимались тонкие струйки дыма. Мы поехали вниз, а аширен был уже далеко впереди.

— Бет'ру-элен, — еще раз с нежностью сказал Халтерн и улыбнулся. — Как говорится, телестре Церкви.

— Разве это так?

— В некотором смысле. Ее основали аширенины, и многие члены Бет'ру-элен идут в Церковь... Моя мать была Хранительницей Источника в Кирендене.

Мархацы преодолевали склон, коварно скрытый снежным одеялом, высоко поднимая ноги и откидывая назад рогатые головы.

— Я слышала, что вас называли священником, — сказала я. На мой взгляд, это было сравнимо с тем, что Рурик звали Желтым Глазом, а меня — С'арант.

— Я готовился к службе в Церкви. — Его вид стал задумчивым. — Вместе с моей арикей. Ханат родилась в телестре Л'Ку. Она стала н'ри н'сут Бет'ру-элен. Хорошее было тогда время. Мы были молоды, я уже видел в мечтах нас обоих Говорящей-с-землей и Хранителем Источника, но она умерла, и после этого я уже не помышлял о службе в Церкви. Может быть, в отношении нее у меня никогда не было серьезных намерений.

— Мне жаль.

Он снял с пояса одно из украшений. Даденийская одежда преобразила его. В ней он казался более чужим и менее хитрым, чем в Таткаэре.

Он раскрыл кулон и показал мне миниатюрный портрет молодой ортеанки. Это было лицо авантюристки, выражавшее отвагу и пренебрежение.

— Ханат, — сказал Халтерн. — Двадцать пять лет назад. Мы все носим с собой свою печать. Но телестре жива.

Пока он говорил, мы приблизились к телестре настолько, что можно было разглядеть дома.

Бет'ру-элен имела в своем облике все от древности города Первой стены, однако не оставляла такого устрашающего впечатления. Это были многократно соединенные друг с другом здания с кирпичными стенами, казавшимися в утреннем свете красновато-бронзовыми. С крыш свисал снег. Двигаясь по следам, мы проезжали мимо низких кирпичных строений, сараев и хлевов. Трубили мархацы, наши животные отвечали им. Ветер доносил до нас теплый запах стоявших в стойлах животных. Аширен лет четырех или пяти, подобрав полы своей одежды, торопливо бежал к главным воротам.

Над нашими головами кружили рашаку, подлетали к своим воьерам и издавали странные свистящие звуки. Где-то был слышен стук молота о наковальню и гудели ткацкие челноки.

Повсюду шныряли каццы, которые были почти незаметны на снегу в своих белых шкурах, потому что теперь на них отсутствовали летние голубые пятна. На всех животных были надеты намордники. Они внимательно наблюдали за нами глазами-щелками. По моей спине пробежала дрожь, я искала взгляда Халтерна и поняла, что у нас были одинаковые воспоминания.

В клетках возле ворот сидели сторожевые животные с сильными мускулистыми телами. Они предупреждающе громко щелкали зубами, их ярко-синие глаза напряженно следили за нами, пока мы проезжали под аркой ворот.

— Хал! — поприветствовал его какой-то молодой человек. Толпа собралась словно по молчаливому согласию и с поразительной быстротой: молодые люди, аширен, матери с младенцами на руках. Шум голосов окончательно сбил меня с толку. У обитателей Бет'ру-элена было самое различное произношение: от непонятного южного до загадочного северного пейр-даденийского.

Я соскользнула со своего мархаца и погладила его холодный мех между рогами. Животное игриво ущипнуло меня за руку. Маленький аширен оттолкнул его голову в сторону, взял у меня поводья и повел животное в хлев.

Множество ног превратило снег на выложенном каменными плитами дворе в кашу. Из кузницы снопами вылетали оранжевые и золотые искры, которые, шипя, гасли в снегу. В находившемся в середине двора небольшом пруду вырывалась наружу ключевая вода.

Я чувствовала запах варившейся пищи и одновременно слышала голоса. Давал о себе знать живой организм, какой представляла собой телестре.

— С'ан, это Кристи. — Как мне показалось, слова Халтерна прозвучали искренне, когда он воспользовался вежливым обращением. — Кристи, это Арак Хайке, наш с'ан телестре.

Хайке был тем самым молодым мужчиной, который приветствовал нас при въезде. Он выглядел поразительно молодо, имел обычный для Бет'ру-элен светлый цвет кожи и предрасположенность к полноте. Одна его рука была перевязана.

— Проходите, — пригласил он, — вы как раз успели к столу. Кристи, добро пожаловать. — Он заметил вопросительный взгляд Халтерна и потер перевязанную руку. — Я получил это, когда слишком близко проходил мимо одного молодого мархаца, но, впрочем, у нас здесь есть один Говорящий-с-землей, который о нас заботится. Ах да, чуть не забыл. Кристи, мы знали, что вы приедете, и этот человек сказал, что хочет подождать вас. Я полагаю, у вас есть связь с Домом-источником в Корбеке?

Говорящий-с-землей в Бет'ру-элен обходительно предложил мне пройти медицинское обследование, и, поскольку мне были любопытны методы лечения в Южной земле, я согласилась.

— Завтра утром смените повязки на ступнях, — сказал старик. — Ногти снова вырастут, а кожа обретет прежний

цвет... Во всяком случае, своих я лечу именно так, и достаточно успешно.

Я снова зашнуровала обувь. Как бы ни был добросовестен этот пожилой человек — а я не сомневалась в том, что он являлся таковым по отношению к представителю своей расы, — мне тем не менее недоставало диагностических компьютеров, микрорекордеров и противоаллергических инъекций Адэра.

— Благодарю вас, — сказала я.

— Скажем так, я делаю это из профессионального любопытства... для нас обоих, т'ан Кристи. — Он сел на кушетку возле окна. Окно за его спиной смягчало свет, отражавшийся от снега. — Вы все же предприняли массу усилий, и вам следовало бы хорошо отдохнуть.

— В настоящее время я не планирую долгих переходов.

Что меня беспокоило, так это различные остаточные явления, нарушение пищеварения и истощение. Чтобы справиться со всем этим, в моем распоряжении было только стандартное ортеанское лекарство: время.

Он испытующе посмотрел на меня. Это был милый человек, возраст которого выдавали морщины.

— Т'ан, вы молоды и, насколько я могу судить, здоровы, но должен вас предупредить: вы приближаетесь к пределу ваших возможностей. Если я правильно понял, вы пережили шесть очень напряженных недель. Вам нужно восстановить силы.

Странствования от Корбека до Ширия-Шенина заняли пять недель и семь дней, с Пятого дня Пятой недели Торверна по Второй день Шестой недели Риардха. Семь или восемь земных недель, но мне казалось, что я провела в дороге целую вечность. И знала, что сохранило нам жизнь время года, сухое и холодное. Летняя жара или зимние бури сгубили бы нас.

— Я буду осторожна, — пообещала я. — С'ан Хайке сказал, что вы хотели поговорить со мной. О чем же пойдет речь?

Его лицо приняло выражение, которое было ясным, как холодная вода.

— Я получил вести из Корбека. Нам нужна прощальная речь для Телук. Аширен не может ее сказать, наемник тоже. Она нужна для телестре Эдрис. Они очень опечалены.

— А вы не можете этого сделать? — Мой вопрос был нетактичен, но он намеревался разворошить нечто такое, о чем я хотела бы забыть.

— Ничто не кончается, — ответил Говорящий-с-землей и обернулся, чтобы посмотреть на солнце сквозь стекло широко раскрытыми глазами. — Некоторые говорят, что другие наши жизни мы проводим в огне, который видим отсюда только как лик Богини. Тот, другой вид бытия имеет здесь свои соответствия и связи. Мы есть ничто в озере огня, охваченные тем незримым пламенем. Телук будет очищена этим огнем и вернется знающей, дышащей, живущей. Нет, мы не впадаем в малодушие, уныние.

Ортеанцы сжигают своих мертвых и высыпают пепел в реки. Огонь и вода символизируют их исчезновение. Ни у кого из них не было могилы подобной той, что досталась Телук.

— Расскажите, как она умерла, — попросил старик. — Мы передадим ваши слова в Эдрис, и они будут ее вспоминать. Они больше не смогут обеспечить ей прохождение через огонь, и это единственное, что вы можете для нее сделать.

«Но я никогда не знала Телук», — подумалось мне. Затем, мысленно вернувшись назад, я поняла, что все же успела разглядеть и понять эту отважную ортеанку.

— Она была бесстрашной женщиной, — сказала я, — и, думаю, в этом никто не может сомневаться, хотя бы потому, что она служила солдатом в гарнизоне Черепной крепости. Телук выступила против Арада, Хранителя Источника в Корбеке, хотя он обладал там большим влиянием. У нее были ум и терпение; она выезжала с восточного побережья Ремонде и знала, что Корона была единственным человеком, который уделил бы ей внимание. Многие из нас обрели пользу от ее посланий в Таткаэр.

Телук была великодушна: я не думаю, что она боялась оставаться в Корбеке и противостоять Араду, но убеждена — она знала, что Халтерн, Марик и я без ее помощи никогда

бы не смогли выбраться за пределы провинции. Телук умерла, и произошло это потому, что она столкнулась с опасностями, которые приводили ее в особенный страх, — поводом могли послужить даже легенды об обитателях Топей. Телук предпочла рискнуть жизнью, как только появился шанс сбежать.

Она была удивительно вынослива, но болото действовало на нее угнетающе. Телук имела право воспользоваться шансом и сделала это. И то, что ее постигла неудача, было чистой случайностью.

Старый Говорящий-с-землей некоторое время молчал, затем кивнул:

— Я все запомнил. Это было отлично для иностранки. Речь хороша и к тому же правдива. Ее можно передать в Эдрис.

Лишь после того, как он ушел, я начала отдавать должное этому обычаю. Большая часть груза, давившая на меня с момента смерти Телук, спала с моих плеч.

По обычаю гости в Бет'ру-элен должны были работать. Поскольку я не отличалась ловкостью, это частенько приводило к тому, что я собирала, ломала и рубила на дрова ханелис, вытирала со столов или очищала от навоза хлева, где содержались скурраи и мархацы.

В телестре всегда находилось два или три Говорящих-с-землей, и я часто видела одного из них в главном зале, где он упражнялся в правильном написании букв. Аширен, у которых возникал к этому интерес, подражали ему. Прошло некоторое время, прежде чем я поняла, что подобное ученичество у них более всего соответствовало правильному воспитанию, и также стала принимать в этом участие.

Жить в Бет'ру-элен и ездить на работу в Ширия-Шенин было несложно. От меня не требовалось возвращаться обратно и находить этому оправдание, особенно сейчас, когда свирепствовали сильные снегопады, град и дождевые шквалы. Обычаи телецу, которым следовал Халтерн, проводя это время года в телестре, давали право на достаточно свободное перемещение, а потому не могли не прийтись по душе посланнице.

Орвента является самым долгим временем года, длящимся от праздника зимы до праздника весны. К концу этого периода я могла уже бегло говорить на двух-трех сложных диалектах даденийского языка, включая и южный.

Вернувшись в Ширия-Шенин, я изучала в библиотеке Халтерна книги о Касабаарде и запоминала элементы его языка. У меня не было указаний относительно контактов вне Южной земли, но, поскольку оттуда со мной такой контакт уже был установлен, несколько позднее стоило ответить на первый ход.

Кроме того, в течение этой Орвенты, которую я провела в Бет'ру-элен и в городе, я серьезно занималась игрой в охмир. Это причиняло мне боль, напоминая о Фалкире, о городе в Пустоши за Стеной Мира, об этой мертвой женщине Сулис н'ри н'сут СуБаннасен и о злобе к посланнице, что лишь дремала зимой, как и вся Южная земля.

Возможно, именно это и было причиной, по которой я с такой сосредоточенностью играла в охмир. С Рурик, с Халтерном, с Родионом и Блейзом Медуэнином — с каждым. Игра имела свои соответствия в Южной земле: феррорн были неподвижны, как с'ан телестре, турин — подвижны, как Т'Ан, а леремок — редки и наделены большой властью, как Т'Ан Сутаи-Телестре. Зоны борьбы постоянно меняются; то, что принадлежит тебе, в следующий момент может получить иное толкование и обратиться против тебя.

Я усвоила несколько вещей: продумывать заранее свои ходы, распознавать рисунок, запоминать, какие изображения были на обратных сторонах перевернутых фишек. Большинство партий заканчивалось для меня лавиной переворотов моих фишек, начинавшейся с малого утраченного шестиугольника и неотвратимо надвигавшейся на всю доску, однако некоторые из этих побед моих противников давались им с огромным трудом. Я училась.

Орвента в уединенном от мира Ширия-Шенине — это время следования домашним интересам: пишутся и ставятся пьесы, домогаются расположения арикей, проводятся турниры на лучшее владение оружием и неизменные марафоны игры в охмир, длящиеся целую неделю от празд-

ника до самого поста. Сплетни, сатирические песни и научные эксперименты, которые проводятся под недремлющим оком Церкви.

Увидев паровые машины и часовые механизмы, ткацкие станки, порох и простые электродвигатели, я убедилась в том, что Южная земля в любое время могла пережить промышленную революцию. Увидев также, как сами изобретатели делали свои изобретения непригодными для использования и отказывались от них, я поняла, что эта революция не состоится.

Над Ширия-Шенином витал дух Пустоши, и на меня нахлынуло то, что я узнала про воспоминания о прошлом.

На Восьмой неделе Орвенты наступила легкая оттепель, прервавшая всякую связь и задержавшая меня в Бет'руэлен. Реки вышли из берегов, а дороги стали непроходимыми. Это длилось до Десятой недели Орвенты, и лишь потом земля достаточно просохла, чтобы можно было возобновить поездки.

Я все время добавляла заполненные от руки листы к своему отчету. Трудно было побудить ортеанцев к тому, чтобы они официально воспринимали Доминион. Отдельные лица можно было в этом убедить, но в целом реакция выглядела различно: от признававшейся Рурик родственности наших рас до камней, которые тишком швыряли в меня с соседних улиц. Однако никто не изъявил готовности к тому, чтобы заявить о единой по отношению к нему политике, о чем я могла бы сообщить Земле.

Ветры подули с юга, и воздух стал теплее. Я ехала верхом по вездесущей грязи обратно в Ширия-Шенин. Со мной был Родион. Заросли ханелиса, бывшие всю зиму черными, покрылись густым облаком небольших ярко-красных цветков. Мшистая трава избавилась от своего мертвого бурого вида и пошла в рост новыми, серо-зелеными весенними побегами. Мухи кекри, собираясь в стаи, издавали звуки настолько высоткой частоты, что от них, казалось, могло лопнуть стекло. Изрезанные террасами склоны вокруг города были сплошь покрыты свежей растительностью.

В воздухе носилось ожидание.

* * *

— Дуинед желает достигнуть договоренности. — Родион сидел за своим письменным столом и изучал пачку писем. — Это человек с низовьев реки, он хотел бы побеседовать о торговле.

— Она принесет ему большой доход. Назначь встречу на Пятый день. Что еще?

На меня коротко взглянули желто-коричневые глаза.

— Снова Берун н'ри н'сут Сарсиан.

— Чего она хочет?

— Она, конечно, хочет стать вашей арикей. — Аширен ухмыльнулся. — Ведь вы не станете обижаться на того, кто любопытен, С'арант.

— Думаешь?

— Здесь еще что-то. — Ке быстро прочло. — Записка от т'ана Халтерна, отправлена сегодня в полдень. Встреча в зале у Андрете... У них есть какие-то сведения о новом Т'Ане Мелкати.

Зал оказался очень большим, стены его были сложены из кирпича, покрытого желтой глазурью. Низкий потолок подпирали двойной ряд раздвоенных колонн. На ромбовидных окнах висели шторы из серебряных дисков на ниточках, которые, вращаясь, сверкали на весеннем солнце.

Снаружи еще было сыро, и геометрически правильный рисунок покрывавшей пол плитки был затоптан грязными шестипалыми следами. На дверях висели портьеры из серебристого жемчуга, раздвинутые в стороны и подвязанные к пилястрам, чтобы оставались свободными проходы.

На возвышении возле одной стороны зала стоял мягкий стул без спинки. Стена позади меня была расписана спиралевидными символами Богини. Зал заполнялся представителями та'адуре и такширие, однако возвышение пока оставалось пустым.

Родиона, как всегда, не было рядом. Я не могла обнаружить ни Халтерна, ни Рурик, а потому радовалась каждому знакомому лицу, какое замечала.

— Т'ан Бродин.

— Кристи. Значит, вы уже слышали новость? — Он отошел в сторону, чтобы пропустить нескольких т'анов.

— Мелкатийцы выбрали себе нового Т'Ана, да, слышала. И нам уже известно, кто это?

— Нет, это держится в секрете, пока о том не объявит Корона. — Он пожал плечами. — Лично я предположил бы, что это кто-нибудь из телестре СуБаннасен.

Такая информация мне не нравилась.

— Неужели это Ореин Орландис?

— Сомневаюсь... — Он не договорил. — Вот они идут.

Мое постоянное место возле одной из колонн позволяло мне хорошо видеть заполненное теперь возвышение. Там стояли Андрете, Сутафиори и многие члены такширие. Один из стражников Короны ударил по натянутой на раму барабанной коже, и все разговоры прекратились.

— Выслушайте меня! — Голос Сутафиори легко доносился до самого дальнего угла зала. — Я созвала вас, представляющих Сто Тысяч. Итак, слушайте, что я объявлю, и передайте это известие дальше. Выбрана Т'Ан Мелкати.

Барабан прогремел еще раз и смолк.

— Символ Мелкати возвращен из телестре СуБаннасен. — Ореин Орландис выступил вперед с простой серебряной диадемой в руках и передал ее Короне.

— Призвана для Мелкати, названа с'анами телестре амари Рурик Орландис, — возвестила Сутафиори.

— Что? — спросил Бродин, и присутствовавшая в его поведении обычная уверенность исчезла.

— Рурик? — Я была обескуражена. — Боже, я знала, что она назовет имя Орландис, но... О боже!

Первое волнение, выразившееся в общем гуле, перешло в отдельные шипящие звуки и хлопки, представляющие собой у ортеанцев аплодисменты.

Потом я увидела Рурик, которая шла, высоко подняв темную голову и расправив плечи, покрытые мантильей цвета ночной синевы. На поясе ее висел один-единственный клинок харура. Та'адур и такширие отступили в сторону, и она осталась перед Сутафиори одна.

— Амари Рурик Орландис, — официально обратилась к ней Сутафиори, — принимаете ли вы названную должность?

— Я принимаю должность Т'Ан Мелкати и одновременно слагаю с себя все прочие, какие занимала до сих пор. — В ее голосе не чувствовалось никакого волнения.

— Амари Рурик Орландис, Т'Ан Мелкати, — подчеркнуто сказала Сутафиори. — Именем силы земли, в которую мы все возвращаемся, именем силы огня и воды, через которые все мы должны пройти, прошу вас принять этот внешний символ телестре Мелкати и тщательно его хранить. Их родственники есть ваши родственники, их желания есть ваши желания, их благополучие есть ваше благополучие.

— Я принимаю его и беру под свою защиту и ответственность, — ответила Рурик, — и буду хранить землю, как руку Богини. Я буду относиться к каждой телестре так, как если бы она была моей собственной. Это должно продолжаться, пока не будет отменено со стороны с'ан телестре. Так должно быть — Вашим именем.

— Вашим именем, — сказала Корона и надела серебряную диадему на голову темнокожей женщины. Она попала на свет и как звезда засверкала на темной гриве.

Спустя некоторое время, уже во время праздника, я получила наконец возможность поговорить с Рурик.

— Т'Ан Мелкати. — Я сделала полагавшийся в таком случае поклон.

— Что? Кристи, вы... — Ее испуг улетучился. — О груди Богини, я уж подумала, что вы это всерьез.

— Как дела? — спросила я, когда мы обнялись. — Сейчас мне нужно трижды поклониться, прежде чем говорить с вами, и, кроме того, остерегаться клинка наемного убийцы.

— Сумасбродная пришлица из другого мира, — сказала она. Рядом с нею стоял Халтерн, округлые черты лица которого застыли в равнодушной улыбке. Она крепко схватила его за плечо.

— Вы с Ореином навязали мне такую работу... Мелкати, о Богиня! Думаю, что стану жить в Алес-Кадарете, а несение охраны предоставляю Асше. — Она показала мне на Асше,

невысокого человека с седой гривой и мрачным взглядом, имевшего вид карликового петуха. — Он командир гарнизона Черепной крепости, и я осмелюсь утверждать, что он справится с этим делом. О Великая Мать! Как мне хотелось бы верить, что и я справлюсь с Мелкати!

«Халтерн, — подумала я, — и Ореин, но кто же еще? Хал является послом Короны, и не нужно спрашивать, поддерживает ли это Сутафиори».

— Вы с этим справитесь, — сказала я.

— С'арант! — позвал Родион.

Я возвращалась с площадки для обучения владению джайанте вся в поту, потирая синяки.

Усилия Медуэнина, имевшие целью научить меня пользоваться оружием ортеанцев, долгое время не приносили успеха просто потому, что те сражались обеими руками, а я упорно не отказывалась от своей земной праворукости. Единственным оружием, при пользовании которым я проявляла некоторую ловкость, была джайанте, отбалансированная палка, и я орудовала ею все более ожесточенно, потому что последняя оставшаяся еще у меня батарея для парализатора была уже наполовину истощена.

Боевой задор Медуэнина приносил мне все новые синяки, но я переносила эти неприятности с твердым намерением когда-нибудь отомстить за себя.

— Что такое? — спросила я.

— Вас требует Андрете, — сказала ке, — в Хрустальный зал.

— Чего же она сейчас хочет от меня?

Аширен пожал плечами. Канта Андрете стремилась завладеть посланницей Доминиона с такой же естественностью и целью, с какой она изучала новое животное в своем зверинце. Я вздохнула и пошла в комнату, чтобы переодеться. Залы, коридоры, дворы — и нигде во всей этой кроличьей клетке города за Первой стеной не было места, где я могла бы побыть наедине с собой.

— Где мой ремень? — спросила я, поспешно завязывая на себе чистую сорочку из хирит-гойена. — Ты не видел его?

— Я предполагаю, что его кто-то взял, — сказала же, — и попытаюсь отыскать.

Даденийскому языку неведомо понятие «украсть»: в нем оно заменяется особым ударением в слове «взять». Если же говорить о собственности, то у всех ортеанцев слабо выражено понимание того, что есть «мое» и «твое».

Монетная система в Дадени состоит из металлических пластинок и жемчужин, нанизываемых на шнурок и носимых обычно на шее или на поясе. Мне тоже пришлось привыкнуть к такому способу после того, как потерялся бумажник. Вся моя собственность ограничивалась несколькими личными документами, отчетами для Департамента и парализатором. Эти немногие вещи я носила с собой в сумочке, и единственная возможность предотвратить ситуацию, когда бы Родион мог в ней порыться, заключалась в том, чтобы убедить кир, что это опасно. Впрочем, в некотором отношении это действительно было так, потому что если бы ке украдо ее у меня, то оказалось бы в гораздо большей опасности, чем когда-либо прежде.

Я поискала ремень, на котором висел нож, под подушками и книгами из библиотеки, находившейся внутри Первой стены, но нигде не могла его найти. Пришлось оставить это занятие и отправиться на прием одетой не должным образом.

Дверь в Хрустальный зал, когда я подошла к ней, была только прикрыта. Я постучала — потому что никак не могла расстаться с этой привычкой — и вошла. Весенние сумерки заполняли помещение, поблескивали кварцевые стекла окон. В больших железных чашах лежали раскаленные докрасна угли.

Неужели Родион назвал мне не то место? Я удивилась. В воздухе ощущался знакомый резкий запах.

Андрете сидела спиной ко мне в кресле и неподвижно смотрела на угасавший огонь углей.

— Простите меня, ваше превосходительство...

Она никаким образом не давала понять, что слышала меня. Андрете сидела, откинувшись назад, положив одну из своих толстых рук на подлокотник.

«Она спит, — подумала я, — как же мне теперь позлегантнее выйти из этой истории?» Я обошла вокруг нее. Позднее весеннее солнце освещало шкуры на полу, ее темное лицо и красно-белую одежду. Пальцы казались красными в свете огня, падавшем на шкуру, на каменные плиты. Запах был очень сильным.

«Как на кухне или на скотобойне», — подумала я.

Одежда на ней была не красного цвета. Она была белой, но пропиталась чем-то красным от плеча до коленей. Оно стекало, как вода, и капало на лежавшие под ногами шкуры.

Воздух был холоден, в нем стоял запах крови и фекалий. Кровь капала с ее скрюченных пальцев и покрывала золотые запонки между ними. На меня смотрели не покрытые перепонками глаза... «Она, наверное, жива, она шевелится», — подумала я. И тут мне стало ясно, что я ошиблась. Она не дышала, веки не двигались.

Под ее подбородком торчала рукоятка вонзенного ножа, не давая голове упасть вперед. Здесь не должно было быть столько крови, кровь не должна быть такой жидкой...

Я упала как подкошенная, изо рта и носа у меня потекла какая-то едкая жидкость; в коридоре слышались голоса. А потом зал наполнился кричащими людьми.

Глава 22. Плач Берани

Меня трясла Рурик. Я попыталась сказать ей, что это не нужно, я знала, что случилось.

— Я обнаружила ее, — сказала я.

— Обнаружила? Вы убили ее! — Возле стула стоял Бродин, его руки были красными, по лицу текли слезы. В благонаправленных насмешливых песнях его и Канту называли арикей. Я в это не верила. До сих пор.

— Это ваш нож? — осведомился Хассие Рейхалин.

— Я... да, у меня брали нож, Родион вам расскажет...

— Охотно верю, что ке это сделает. Все-таки ке — полу-золотое.

Здесь были Сутафиори, Хеллел Ханатра, и я не могла вспомнить, видела ли, как они входили. Я испытывала только одно желание: не смотреть на мертвую женщину.

— Послушайте, — Бродин гневно взглянул на Сутафиори, — это существо приходит к вам и говорит: «Я из другого мира». И вы сидите здесь и верите в это! Даже если вы слышите правду, не верьте ей. Колдовское отродье! Взгляните на ее л'ри-ана, посмотрите на тех, кто ее сопровождает...

— Я понимаю ваше горе. — Рурик нагнулась над телом и обследовала его с клинической деловитостью. — Я этого не слышала.

«Кто-то совершил убийство, чтобы представить меня виновной», — подумала я. Я ощущала себя так, будто меня оглушили.

— Зачем мне было ее убивать?

Бродин не обращал на меня внимания, он все еще говорил, обращаясь к Короне:

— Дадени должна была лишиться Андрете, когда она ей нужнее всего... Она так походила на вас. Кто же теперь может здесь защитить вас? Вас называют сумасшедшей, потому что вы верите в существование иных миров. Но вы не сумасшедшая, нет. Вы собираетесь использовать Народ Колдунов ради собственных интересов.

— Когда придет время оплакивать мертвую, я составлю вам компанию. — Сутафиори говорила мягким голосом. — Если я ошиблась в пришельцах, то это выяснится. Возьмите посланницу под стражу.

— Простите, — прервал ее Хассие, — я уже арестовал ее по даденийскому праву.

— А я — по праву Короны, — ответила Сутафиори. — Рурик, возьмите ее. Хассие, я вручаю вам полномочия по Ширия-Шенину, пока не будет расследовано это дело.

Вне стен Хрустального зала было тихо.

— Возвращайтесь в свои комнаты и ждите, — сказала Рурик. — Я найду Аше и распоряжусь, чтобы он через минуту послал к вам нескольких охранников.

— Я не убивала, и вы это знаете.

Ее желтые глаза блеснули.

— Я знаю. Если бы это были вы, у нее была бы сломана шея, С'арант... А что касается вопроса о том, действительно ли вы из другого мира... Ну, если вы лжете, тогда вы выдающаяся лгунья: ни одна из ваших историй не противоречит другой. Нет, Кристи, охрана требуется для вашей защиты. Когда об этом деле станет известно, многие не захотят ждать процесса, чтобы вынести вам приговор.

Мимо меня проходили равнодушные лица. Как долго это будет длиться? Время обманчиво, потому что прошло лишь несколько минут этого весеннего вечера. Теперь я была совсем одна в чужой стране... Вероятно, потребуется совсем немного времени, чтобы эта весть распространилась повсюду.

Кто-то это уже знал. Убийца.

Блейз н'ри н'сут Медуэнин встал, когда я вошла в свою комнату.

— До меня дошли странные слухи...

— Слишком поздно, как обычно. Я действительно не знаю, за что вам плачу.

Мою оглушенность и подавленность одолела своего рода маниакальная веселость. Я действовала совершенно инстинктивно: вынула из сумочки отчет и передала его Медуэнину. Сняла с шеи шнурок с серебряными монетами и также отдала ему.

— Возьмите в хлеву Гера — смотрите, чтобы вас никто не видел, — и скачите в Татказр. Передайте отчет ксеногруппе. Вы человек из Римона и знаете страну. Идите же!

Он не задавал вопросов, взял лишь молча шнурок с монетами и выскользнул из комнаты. Я достала бекамиловое пальто с капюшоном, взяла свою сумочку, а затем еще спрятала под поясом на спине джайанте.

Мне вдруг стало ясно, что можно было предвидеть такое или нечто подобное. Все мои личные вещи находились в узле. Мне нужно было только взять его и исчезнуть.

К счастью, никто не видел моих сборов. Пальто я надела, уже идя по грязному двору. Только бы успеть опередить новость до Пятой стены и покинуть город...

— С'арант, — крикнул Родион, — куда вы идете?

Я коснулась рукой джайанте. Но учебный бой привлек бы к себе внимание, к тому же я не могла сражаться с аширен. Золотоглазое лицо имело кроткий вид. «Ке еще не слышало об этом», — подумала я.

— Идем со мной.

Посланница и л'ри-ан — такая картина была очень привычна на улицах Ширия-Шенина. Ветер больно хлестал меня по лицу, когда мы выходили через ворота Л'Ку в Первой стене.

— Сегодня отплывают речные суда?

— Сегодня праздник Пятого дня... но я думаю, что да. А зачем?

— Я покидаю город, — ответила я.

В моей голове возникла схема маршрута, потому что я помнила карты, которые видела в библиотеке. Вниз по реке Ай до Свободного порта Морврэн, потом по римонскому побережью до Таткаэра. Для меня было безопаснее находиться на острове Короны, если бы только удалось туда добраться. Если не помешает еще что-нибудь, то в Таткаэре можно сесть на корабль и уплыть на Восточные острова. На Землю.

— Я пойду с вами, — сказал Родион.

— Ты не знаешь, почему я ухожу. Слишком опасно вовлекать в это дело аширен. — Если бы я подумала лучше, то не сказала бы этого.

— Разве это мой недостаток, что я аширен? Я ваш л'ри-ан и пойду с вами. Если я останусь, они принудят меня сказать, куда вы ушли. — Ке внимательно посмотрело на меня. — Почему вам нужно покинуть город?

Вторая стена, Третья, и нас все еще беспрепятственно пропускает стража. Сейчас мы шли в толпе, которая праздновала Пятый день на всей территории рынка.

— Потому что не собираюсь снова позволить упрятать себя за решетку, да к тому же еще за убийство, которого не совершала.

«Потому что незначительная служащая Доминиона слишком легко может исчезнуть, — мысленно добавила я, — и

потому еще, что в Южной земле нет ничего, что соответствовало бы юстиции».

Глаза кир округлились и стали ясными.

— Убийство?

Я натянула капюшон, чтобы он защищал меня от ветра и любопытных глаз. Мимо спешили люди.

— Идем со мной, — сказала я. — Как только я достаточно далеко спущусь вниз по реке, я оплачу тебе твою обратную дорогу сюда. Ты сообщишь обо мне здешним ответственным лицам, скажешь, что я сделала и почему. Потом уже ты не будешь играть никакой роли. Делай, что я тебе говорю, Родион.

У же был такой вид, будто ему было сложно понять обстоятельства дела. Теперь же уже не было уверено, хотело ли сопровождать меня.

— Я это сделаю, — наконец сказал он. — С'арант, вам тем или иным образом нужно заставить меня замолчать. Такой способ мне нравится больше.

Четвертая стена. Пятая, и вот уже на фоне неба вырисовываются башни-зиккураты. Город выпускал нас к серой, блестящей реке. Холодная вода лизала деревянный пирс. Сейчас было делом удачи — разузнать, плывет ли сегодня вниз какое-нибудь судно.

«Нужно немедленно отплывать», — подумала я, оглянувшись на город, и поняла, что именно сейчас объявили тревогу.

Корпус речного судна скользил по бурной воде. В его пенистом следе извивались водоросли. С берега свисали кусты, пригнутые весенними потоками.

Я облокотилась на поручни, отвернувшись в сторону от находившихся на борту людей.

— Корабельщик хочет получить половину платы сейчас, — сказал Родион. — Куда вы хотите плыть?

— Где здесь есть большая телестре на реке, в которой имеется много лодок?

— Кепуланан, — предложило ке. — Хассихил. Пел'шеннин.

— Я бы хотела в Хассихил. — Я развязала шнурок на шее и отсчитала несколько серебряных монет. — Скажи корабельщику, что у твоей т'ан болит старая рана и она, вероятно, большую часть пути проведет в каюте.

— Они станут задавать вопросы, — ответило ке, — и если слух дойдет досюда, они вспомнят нас. С'арант, что вы сделали?

— Ничего. Делай, что я тебе говорю.

Над покрытой террасами землей нависли голубые сумерки, от слившихся с плавнями берегов поднимался пар. Я не снимала капюшон и избегала встретиться с чьим-нибудь взглядом. Внизу, в своей каюте, я сняла сумочку и джайанте и легла на койку.

— С'арант, — спросил Родион, — вы больны?

Ке думало, что отправилось в дорогу с сумасшедшей. Я закрыла глаза и почувствовала на себе взгляд Родиона. «Я не сумасшедшая, — подумала я. — Может быть, в данный момент несколько неуравновешена, но не сумасшедшая. Действительно нет».

— Где мы?

Уже были почти вторые сумерки, значит, мы проплыли весь день вниз по реке от Ширия-Шенина.

Родион посмотрел на камень с надписью у причала:

— В Бахарубазурие.

— Иди вниз и принеси мои вещи. Смотри, чтобы тебя не видели.

Позади причального мостика я увидела наполовину скрытые гигантским тростником плоские крыши больших строевых телестре.

Все в целом имело размеры города со складами и общественными домами. Это было хорошо. То оказалась одна из торговых телестре, которые торгуют изделиями гончарного производства, стеклом, бекамилом и прочими подобными товарами, в которых нуждаются проезжие.

Родион сошел за мной в толпе по сходням. Никто не видел, как мы ушли.

«Есть хороший шанс, что нашего отсутствия здесь еще не заметили, — подумала я, — и тогда не будут знать, где мы покинули судно. Они будут думать, что мы отправились в Хассихил...»

— Мы останемся в общественном доме? — спросил Родион.

— Чтобы они могли нас вспомнить?

— Куда же мы тогда?

Всюду вдоль стен были расставлены торговые палатки под тентами из бекамиловой ткани. Я не видела людей в униформах стражников Короны или городской стражи Андресе, но это ничего не значило. Я спрашивала себя, не относятся ли это дело к обязанностям Домов-источников. Если да, тогда они передадут сообщение по пунктам связи через рашаку. И нет никакой возможности остаться вне досягаемости этих линий связи.

— Сначала на рынок. Одежда и провиант. — Я провела большим пальцем руки по шнуру с монетами. Нет, беднякам мы вроде еще не были.

Сумерки быстро уступали место темноте. Я все время много двигалась, и от длительного напряжения у меня болела спина. Общественные дома были невелики, в обоих нас более или менее запомнили бы, а позднее и вспомнили бы. Я хотела затеряться в большой толпе и потому пошла обратно той же дорогой по грязному следу вблизи причального мостика.

Иной возможности не было. В длинных, низких складских помещениях никого не оказалось, некоторые из них не годились для ночлега, поскольку их основательно разрушили зимние бури.

Одна дверь, когда я ее толкнула, распахнулась.

— Будет холодно, — возразил Родион.

— Сейчас начало Ханиса. Заморозков не должно быть.

Я уложила одеяла под более надежными участками крыши. Родион дополнительно положил на деревянный пол свое пальто.

Я погрузилась в сон еще прежде, чем ее прекратило что-то жалобно бормотать.

Послышался скрип открываемой двери.

Родион вскочил и бросился к двери, в которую кто-то вошел.

Ке ударило один раз голой рукой; у него не было времени вынуть свой нож. Затем кто-то прохрипел и тяжело упал на пол. Родион стоял рядом и ломал от отчаяния руки. Я встала, качаясь, и закрыла дверь.

Проковыляла назад. Ноги мои окоченели от холода, из-за этого я просыпалась ночью шесть или семь раз. Сейчас у меня кружилась голова.

На ортеанце была даденийская рабочая одежда серо-желтого цвета, он — нет, она — лежала на спине, являя собой ужасную пародию на сон, и из ее носа текла кровь.

Я стояла и несколько минут не отрываясь смотрела на женщину. Мой мозг все не мог прийти в себя от сна. Я чувствовала в своих движениях вялость... Однако резкость всегда быстра и неожиданна. Я стерла из своей памяти воспоминания о Ширия-Шенине.

Женщина часто и неглубоко дышала, я чувствовала это по влажному пару на своей руке, которую поднесла к ее рту. Я вытерла насухо руку и приподняла пальцем ее веко. Глаз без белка казался мутным из-за мигательной перепонки.

На ее грубой коже был замечен зимний узор. Одна из ее раскинутых в стороны рук судорожно сжималась, длинные ногти царапали твердое дерево.

«Зачем ты сюда пришла? За инструментами? Или чтобы найти место, где ты могла бы побыть одна? Что это было? Или это только потому, что опять пришло такое хмурое, холодное утро, и ты вошла лишь, чтобы ненадолго спрятаться от ветра? А сейчас все изменилось, все произошло быстрее, чем длится удар сердца, и уже все не так, как прежде».

— С'арант, что вы делаете? — Родион с ужом и нашими пальто уже стоял на пороге.

— Ей, наверное, требуется медицинская помощь...

— Они через минуту будут здесь, — сказал аширен. — С'арант, нам нельзя здесь оставаться!

Ке было право — другого выхода не существовало. Родион смотрел на меня с испугом и без следа раскаяния за содеянное.

Темная кровь — она была темнее, чем у земного человека, — перестала течь и загустела. И я оставила ее так лежать — раненной, — не без сожаления, да, это так, но какой толк от сожаления, если за ним не следует действие? Я никогда и никого не послала к ней на помощь, я никогда даже не упоминала о ней, и это преследует меня до сих пор.

Снаружи от случайных свидетелей нас скрыл наплывший с реки туман. Над раскинувшейся на востоке равниной всходила шафрановая звезда Каррика. В полутьме следы казались запутанными и, как я думала, никуда не вели. Через несколько минут, показавшихся мне часами, я обнаружила тропинку, что вела вдоль реки в юго-западном направлении.

— Ты не знаешь, как далеко до ближайшей телестре?

Родион помотал головой.

— А до ближайшей пристани?

Ке снова отрицательно покачало головой.

— Тогда нам лучше идти дальше.

Речные берега были сплошь покрыты двулиственным тростником. Солнце, поднявшись повыше, осветило покинутую землю в нескольких зери к западу от того места, где мы находились. Затем, когда оно заполнило собой весь небосвод, на противоположном берегу вверх потянулись струйки дыма. На реке белели паруса судов, уже в такую рань продолжавших свой путь.

— Я хочу есть, — сказал Родион. — Нам надо было бы купить на рынке побольше еды.

— Это мы наверстаем в ближайшей телестре, — пообещала я. При этом я попыталась вспомнить, сколько же времени уже сама ничего не ела. На судне до прибытия в Бахарубазурие... один раз. Сегодня еще совсем ничего.

Мое мышление предельно сузилось, я воспринимала только неровную дорогу, по которой шла. Земля потрескалась зимой от морозов, в ней было множество глубоких ям и рыт-

вин — очевидно, здесь еще не побывала группа ремонта дорог из ближайшей телестре.

Я чувствовала слабое сожаление по той причине, что Родиону приходилось испытывать голод и изнеможение — на глазах кир от сильной усталости виднелись белки, — тогда как я пребывала в эйфории, обусловленной воздействием адrenalина, и почти ничего не чувствовала.

Этот день был долгим, и я не могла даже предвидеть, как он закончится.

Утреннее солнце согревало, но холодный ветер раскачивал молодые побеги тростника. Навстречу никто не попадался. Я внимательно всматривалась в местность, надеясь заметить дым из каминной трубы какой-нибудь телестре.

— С'арант...

— Что случилось? — испуганно спросила я кир.

Без какого-либо волнения, но с решительностью в голосе, не терпящей возражения, Родион сказал:

— Мне нужно спать.

— Прямо сейчас?

— Я не... — Веки на глазах кир задрожали, ке потерло свой лоб и, не говоря ни слова, повалилось на землю. Я успела подхватить кир, прежде чем оно ударилось при падении. У меня на руках повисло, обмякнув, теплое, тяжелое тело.

— Родион!

Золотая кожа кир была в грязи. От голода это или от усталости? Но кожа с чешуйчатым узором казалась на ощупь грубой и влажной. Приподняв веки кир, я увидела, что мигательные перепонки опустились, глаза закатились и в них наполовину виднелись белки.

Шумел ветер, слышался свист рашаку, но птицы летали слишком высоко для того, чтобы их можно было видеть. Кровь шумела у меня в ушах. Я легко шлепнула кир ладонью по щекам и с трудом сдержала свою злость. Мне нельзя было сейчас задерживаться! Неужели для этого я должна была взять с собой аширен?

Ке не просыпалось. Я оставила все, кроме своей сумочки, на земле, взвалила кир себе на плечо и, качаясь — ке ни

по размерам своего тела, ни по весу не было ребенком, — медленно пошла по дороге. Впереди должна была находиться какая-нибудь телестре. Просто должна была.

Вблизи причального мостика стояло несколько небольших строений. Полуденное солнце нагрело воздух, я под своей ношей была вся в поту. Тело Родиона казалось каким-то неживым весом. Может, он и действительно уже неживой? Эта паническая мысль мгновенно промелькнула и исчезла, когда я почувствовала, как при дыхании двигались ребра кир. Я прошла так, наверное, два или три зери, сделав много коротких передышек, и тоже была близка к тому, чтобы упасть от бессилия.

Со двора вышел мужчина, насторожился и подбежал к нам.
— Не могли бы вы помочь...

Он помог мне осторожно опустить Родиона с плеча и положить его на землю. Это был темнокожий, широкоплечий ортеанец, одетый в рабочую одежду. Все его внимание приковал к себе аширен.

— Как давно уже ке в таком состоянии?

— По дороге... несколько зери отсюда... — Я жадно ловила воздух. — Здесь есть врач? Говорящий-с-землей?

Он понимающе кивнул, взял Родиона на руки, и я последовала за ним в дом телестре.

Некоторое время у меня не было сил что-либо делать.

Старая женщина протянула мне бутылку вина и крикнула при этом какому-то аширен, чтобы тот привел Говорящего-с-землей.

Со своего места в комнате я смотрела, как мужчина, несший Родиона, положил кир на узкую кровать рядом с камином.

Голова Родиона перекачивалась из стороны в сторону, ке издавало гортанные звуки.

Полуденное солнце проникало через узкие окна и освещало золотую кожу и светлые волосы кир. Я слышала, как присутствовавшие вполголоса обменивались мнениями, и решила не снимать капюшон; я надеялась, что выглядевший

полузолотым ке не позволит им заметить, что я из другого мира.

— У кир это поздно началось, т'ан?

Черный как смоль мужчина в одеянии Говорящего-с-землей осмотрел Родиона. Взял шестипалые руки кир в свои.

— Поздно?

В его бледных глазах исчезли перепонки, когда он услышал мой акцент. Успех маскировки зависит не от переодевания, а от того, как себя ведешь. Никому нельзя смотреть в глаза и ни к кому из ортеанцев нельзя относиться как к чужому.

— Вы иностранка, — сказал он.

— Да, из... — ложь легко далась моему языку, — ...с Пустынного Побережья. Но что с аширен?

— У кир поздно началось превращение, — сказал он, обернулся и резким тоном потребовал одеяла. Пожилая женщина вышла и вернулась с несколькими одеялами и двумя пригоршнями какой-то сушеной травы.

Я села в тень рядом с Родионом, пока Говорящий-с-землей заваривал травы в сковороде над огнем камина. Аширен извивалось на кровати, глаза кир были полуоткрыты, беззвучно шевелились губы.

«А если ке умрет?» — вдруг подумала я.

Говорящий-с-землей прогнал всех посторонних из комнаты и задернул полог. Затем поднес парящую сковороду к постели и, пока я держала кир за плечи, натирал тело горячей жидкостью.

— А теперь мы закроем кир, — сказал он, и мы завернули кир в меха. — Это тяжело проходит, если наступает поздно, но протекает быстрее. Так или иначе.

— Ке выздоровеет?

Говорящий-с-землей пожал плечами, потом посмотрел на мое пальто, узелок, джайанте и наконец сказал:

— Вам придется прервать путешествие и остаться здесь, пока все это не пройдет.

День клонился к вечеру. Я слышала, как входили другие люди, их голоса за пологом у двери, но нас никто не беспокоил.

Иногда от боли Родион начинал судорожно дергать руками и ногами, и требовались большие усилия Говорящего-с-землей и мои, чтобы удержать его на месте. Наконец же, кажется, уснул.

— Теперь нам нужно подождать. Не хотите ли поужинать с нами? — спросил ортеанец. — Если же ваши обычаи требуют, чтобы вы ели одна, иностранка, то я, конечно, распоряжусь и еду принесут вам сюда.

— Если бы вы так сделали, я была бы вам поистине благодарна.

На берегах Ай, которую называют главной дорогой Пейр-Дадени, всегда много иностранцев. Тон Говорящего-с-землей выражал въевшуюся в плоть и кровь жителей Южной земли неприязнь к Пустынному Побережью.

— Откуда вы, т'ан?

— Из Касабаарде.

Это было единственное название города на Пустынном Побережье, какое я знала, кроме Кель-Харантиша. А назвать последний из-за Родиона мне показалось нецелесообразным.

— Тогда вы же обязаны постоянно носить маски, не так ли?

— Маски? — Ложь прозвучала естественно, сама собой. — Только не за городом. А вы тоже путешествуете?

— По Ай. Меня зовут Пел'касир, — ответил он, — я из Дома-источника в Хассихиле. Вам знаком Хассихил?

Я помотала головой. Мне было ясно, что сейчас нужно говорить очень осторожно.

— Возможно, мы видели это с судна, когда плыли вверх по реке.

— В Ширия-Шенин? — предположил он.

— Мои попутчики движутся туда. Мне же пришла в голову сумасшедшая мысль пойти по берегу и встретиться с ними там. Но вот теперь...

— Превращение началось, — сказал Пел'касир. — Если же переживет полночь, все будет в порядке.

Когда наступил вечер, я задремала.

Меня разбудили крики Родиона. Пел'касир пытался снять боли у кир отваром из трав. Волосы серебристо-бе-

лой гривы кир спутались, косички расплелись. Несколько прядей прилипли к шероховатой коже вокруг желто-коричневых глаз. Ке смотрело на меня, но ничего не видело перед собой.

Лишь поздним вечером Родион стал впадать в глубокий сон, походивший на состояние транса.

— Миновало, — с облегчением сообщил Пел'касир. Он снял с Родиона меха и смазал новую, гладкую кожу травяным отваром. — В ближайшее время произойдет еще несколько внутренних изменений. Несколько дней покоя без движения... да, аширен-те, да...

Изменилось немного. Появилась припухлость вокруг верхней пары грудных сосков, стала более выраженной половая щель. Однако изменения были однозначными. Пел'касир прикрыл золотистые плечи одеялом, желто-коричневые глаза открылись и узнали меня.

— Да, когда-нибудь у нее самой будут аширен, — сказал Говорящий-с-землей и убрал у нее со лба прядь волос. Выражение его глаз при этом можно было бы истолковать и как зависть.

— С'ар... — На губах на мгновение появилась слабая улыбка, затем ее веки опустились, и она снова уснула.

— Теперь и вы можете поспать, — сказал Пел'касир. — Теперь она вне опасности.

— Благодарю вас. — Я не смогла больше ничего сказать от изнеможения.

— Ей нельзя двигаться несколько дней.

— Нет. Нет, мы останемся здесь. — Я с трудом встала. — Могу ли я получить здесь бумагу и палочку для письма? Мне нужно послать вверх по реке сообщение моим попутчикам, чтобы они не беспокоились за нас.

Говорящий-с-землей кивнул:

— Здесь проплывает много лодок. Одна из них наверняка возьмет с собой ваше послание.

Наступило утро, но я так и не смогла уснуть. Я понимала, что непременно должна была двигаться вниз по реке, и ужасно волновалась.

— Куда вы хотите отправиться?

— Вниз по реке. — Ортеанка перегнулась через поручни причалившего судна. — Мы плывем в телестре Лей'эриэл.

— Это далеко отсюда?

Она отступила назад, чтобы уступить место двум торговцам, загружавшим на борт завернутые в бекамиловую ткань какие-то гончарные изделия.

— Сорок, может быть, даже и пятьдесят зери. Ну, иностранка, так как же, хотите плыть?

— Да. Подождите.

— Но недолго! — крикнула она мне вслед.

Родион спала, когда я ее покинула. Я взяла себе узел и джайанте и надела тяжелое пальто.

Ее лицо было спокойно. Я привязала к ее запястью шнурок с серебряными и медными монетами и еще раз прочла краткую записку, которую ей оставляла:

Родион, я намерена и дальше действовать, как было запланировано. Когда будешь чувствовать себя хорошо, отправляйся дальше в Ширия-Шенин. Тебе придется там многое рассказать нашим попутчикам. Но ни в коем случае не уходи, пока не почувствуешь себя совершенно здоровой. Я оставила тебе достаточно денег на две недели. Надеюсь, когда мы снова увидимся, ты будешь здоровой.

К...

Шестой день, Первая неделя Ханиса.

«Ты поймешь намек, — подумала я, взглянув на нее сверху. — А когда ты прибудешь в Ширия-Шенин, я уже сяду в Морврене на корабль, и тогда все это уже не будет играть никакой роли. Никто не сможет тебя ни в чем обвинить».

Я взошла на борт судна, когда туда грузили бочки для воды.

Никто не видел, как я уходила.

Были отданы концы, и водная поверхность между судном и причалом стала увеличиваться.

Сейчас я ожидала продолжения ортеанской игры, которая велась против меня одной. Однако я не была особенно хорошим игроком.

Когда мы сошли на берег в Лей'эриэле, меня постепенно оставило оцепенение, связанное со страхом, в котором я находилась с Ширия-Шенина.

— Иностранка? — сказала одна молодая женщина. — Вы, наверное, прибыли, чтобы увидеть сторожевую башню Бера-ни. Ее все хотят видеть.

Ворота телестре Лей'эриэл были открыты. Женщина сидела в низком кресле, ее одежда была расстегнута, она кормила грудью ребенка. Двое других аширен топали по шкурам зилмеи, разостланным на полу. Их голые тела грело вечернее солнце. Вдоль позвоночника у них рос легкий пушок. На мой взгляд, они выглядели худыми, как птицы-ящерицы.

— Вы можете увидеть ее и отсюда. — Женщина указала на видневшиеся на западе горы, подступавшие здесь ближе к реке.

Прищурившись, я посмотрела в указанном направлении, но смогла различить лишь зигзагообразные линии.

— Это и есть башня? — Такой вопрос казался мне небезопасным.

— Да, это та самая, из «Жалобы». — Один из аширен упал, перевернулся через голову, открыл рот и стал громко реветь. Женщина подняла его и положила на шкуру другого ребенка. — Ш-ш-ш! Тераи, аширен-те...

— Если я поднимусь туда, то смогу в тот же вечер упасть на судно, которое плывет вниз?

Она наморщила лоб и что-то пробормотала про себя. Заплакал ребенок. Женщина запела: «Тысячецвет, птицекрыл и сладкий моховой глаз. Сладкое вино там, где плавают большие корабли...»

На ее руку закапало молоко. Она подняла подол платья, чтобы вытереть его.

— До завтрашнего утра вниз нет никаких судов. — Она немного подумала, затем добавила: — Большинство иностранцев остаются здесь.

Я сняла комнату и прошла около двух зери, поднимаясь в горы. В большей мере для того, чтобы меня не видели в течение второй половины дня, чем по какой-либо иной причине. Здесь было пустынно, дороги оказались усыпанными камнями, тут и там виднелись пятна бурой мох-травы. Сквозь хилые кусты ханелиса вела прорубленная в них пыльная тропинка.

С холма, на котором возвышалась сторожевая башня, я увидела раскинувшуюся подо мной долину реки Ай. На востоке находилась плоская равнина; пастбища и свежевспаханные поля, занимавшие ее, своим плодородием были обязаны речному илу. Вниз по реке перспективу закрывала цепь холмов.

На вершине горы ветер гнал пыль между разрушившимися каменными плитами.

Остатки проходившей по склону стены с одной стороны резко обрывались. Там, видимо, неоднократно были камнепады. Сохранилось кольцо внешней стены. Отвесный западный склон имел высоту не менее двухсот или трехсот футов. Внизу находилась равнина, выглядевшая такой же пустынной, как и горы, и простиравшаяся до самого горизонта.

Сторожевая башня Берани... Да, она упоминалась в одной из немелодичных даденийских жалобных песен. Мне это вспомнилось во Дворе. Прежде я обращала на это мало внимания.

Далеко на западе что-то сверкнуло на солнце. Сначала я приняла это за воду, но края не походили на примыкавшее к берегам озеро. Там, где оно касалось бурой пустоши — как я оценила, в семи или восьми зери от меня, — объект расходился лучами в стороны. Полосы имели острые кромки, как расколотый лед на луже, и блестели, как вулканическое стекло.

Потом солнце растворило дымку, и весь горизонт засиял с невыносимой яркостью.

Я обошла кругом полуразрушенную башню и попала на место, где был установлен камень более позднего вре-

мени. На камне виднелся высеченный простым шрифтом следующий текст:

Здесь стояла сторожевая башня Берани. С давних времен с нее наблюдали за Сияющей Равниной с целью предупреждения опасности, которая подкарауливает в Эриэле.

Орте была мне не по силам. Я признала это в тот самый момент, когда получила такое вот последнее доказательство своего невежества.

Я села на древние ступени. От зала не осталось ничего, кроме руин на поверхности холма. Прислонившись спиной к нагретой солнцем кирпичной стене, я смотрела вниз, на Ай.

Жалоба Берани. Мне снова вспомнились ее отрывки. Речь в ней шла о чьей-то измене: я не знала, то ли Берани была предана, то ли сама оказалась предательницей. И еще там было что-то насчет неверности. «Это очень подходит ко мне», — подумала я.

Сидя так, я мысленно перенеслась назад и стала размышлять над тем, что отгоняла от себя в течение всех последних дней.

Я думала о кровавом убийстве Канты Андрете. Мне нужно было каким-то образом излить свою боль, которая сидела во мне с того мгновения. Я дала ей волю и горько заплакала.

Мне было жаль Берани, Бродина, мужчину, лишённого своего счастья. Мне было жаль саму себя.

Жалость к себе. Я подумала о Халтерне. Почему он не смог оказать мне поддержку? И о Рурик. Что она имела в виду, когда сказала: «Если вы лгуныя...»? И потом, это ее требование, чтобы я без всяких гарантий доверилась правосудию Южной земли... Старая как мир детская жалоба: «Почему мне никто не помог?»

С легким отвращением к себе я вытерла глаза и лицо и снова откинулась назад, греясь на солнце. Будь что будет, происшествие при дворе Андрете случилось. Теперь мне нуж-

но решиться принять их вызов. Халтерн и Рурик так же обескуражены случившимся, как и я. Виновным в этом не был никто.

Впрочем, нет. Один. Убийца. Могла ли я строить предположения насчет того, кто это? Еще один наемник СуБаннасен? Или, может, подручные Ховиса? Тайный враг в Ширия-Шенине? Нет, это было частью какой-то интриги; им мог оказаться любой из сотни самых разных людей...

Итак, что же теперь делать? Таткаэр все еще был надежным местом для пришельцев из другого мира. «Поддерживает ли Сутафиори все еще Доминион? — спрашивала я себя. — Если нет, то будет очень сложно сесть на корабль, чтобы отплыть на Восточные острова».

«Боже мой, Кристи! — подумала я и засмеялась над собой. — Еще несколько недель назад ты подумывала, не остаться ли вообще на Орте, а сейчас тебя приводит в панику даже мысль о том, что тебе придется сделать это против своей воли...»

Я проснулась, когда солнце скрылось за холмами. Над речной долиной повисли голубые сумерки, где-то далеко мерцали, словно зирие, фонари. Небо было чистым, пурпурным на западе и усыпанным искрящимися звездами на востоке. На мгновение я испугалась, что не смогу найти обратной дороги. Потом поняла, что мне нужно переждать лишь вторые сумерки, а после них звезды Орте будут светить достаточно ярко, чтобы указать мне путь.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Глава 23. Свободный порт

В повисших над рекой тяжелых испарениях сливались очертания лодочных парусов и едва различимых южноаде-нийских гор.

— Дальше на юг я не плыву, — крикнула Деннет. Она была гладкокожей ортеанкой из Южного Дадени, которая с помощью команды, состоявшей из двух аширен, перевозила желающих на своей небольшой лодке в телестре Морврена.

— Как далеко еще до города?

— Примерно два зери в этом направлении... Там вы найдете паром, где и попадете на другой берег. — Она обернулась, выплюнула за борт сок атайле и крикнула аширен за рулем, чтобы тот направлял судно к пристани.

Здесь, на восточном берегу Ай, всюду имелись причалы, а чаще всего там, где дороги, что вели из отдаленных телестре, выходили к реке. Противоположный берег был невидим из-за скрывавшей его дымки, стоявшей над водой. Здесь Ай впадала в лиман, текла среди песчаных отмелей и плоских островов к морю.

Я глубоко вдыхала теплый, пряный и свежий запах моря. Он выгодно отличался от того, к какому я привыкла на Британских островах. Воздух был менее соленым и менее терпким. С суши дул теплый ветер. Визжали рашаку-базур. Цвет воды менялся от желтого до бурого в зависимости от содержания в ней песка, приносимого приливами и отливами, происходившими здесь в результате воздействия солнца.

Мы находились в южных широтах. Я предположила, что это на добрых двести зери южнее Татказра. Я застала весну, буквально вплыв в нее, спускаясь вниз по реке. Шла третья неделя Ханиса, и еще возможны были дожди и бури, но уже установилась теплая погода.

Аширен стали сгружать ящики на причал. На дороге, что вела вверх по течению реки, появились мархацы, и один из всадников приветственно помахал нам рукой. Я расплатилась с женщиной, но главным образом медью; неразумно было показаться состоятельной.

— Люди в Свободном порту непредсказуемы, — сказала она при прощании. — Пусть даст тебе Богиня безопасной дороги.

— А также дочери вашей матери, Деннет.

Я двинулась по дороге на юг, но через несколько минут остановилась, чтобы снять с себя толстое бекамиловое пальто и привязать его сзади к дорожному мешку. Джайанте я неловко закрепила рядом с ним.

Берег реки почти сплошь был покрыт зарослями зиира. Я осторожно ступала между толстыми, серебристо-белыми стеблями. Как и ханелис, он рос близко к поверхности. Стволы толщиной с человека поднимались примерно до метровой высоты, затем разветвлялись, и ветви деревьев сплетались между собой. На обращенных к солнцу сторонах зиира пробивались пучки желтых листьев.

Вплотную к земле под ними росли хлебные грибы вперемешку с пурпурными и белыми весенними цветами. Еще ниже, на песчаной почве берега, были сплошные ковры тех же цветов, черных в середине и с лохматыми оранжево-красными лепестками, которые ортеанцы называют городом-в-огне.

Недалеко от того места, где сходились несколько дорог, рыбачил какой-то человек.

— Какая дорога ведет в Свободный порт Морврэн?

Он оглядел меня с головы до ног, проворчал длинную фразу и пошел обратно к своей сети. Я расслышала что-то об иностранцах, но не могла понять всего, что он сказал. От-

крытость некоторых ортеанцев миру прекращается непосредственно на границах их телестре.

На другом берегу я увидела крыши, выступавшие из тумана, и большие лопасти ветряных мельниц. Не было никаких возвышенностей. Если бы позволяло состояние атмосферы, я смогла бы видеть все кругом на целые мили.

Я пошла дальше. Ремни мешка до боли натерли мне плечи. Кроме того, что от непривычной жары с меня градом катился пот, на моем теле выступила аллергическая сыпь. Причина заключалась в неизменной пище, состоявшей из жареных хура и хлебных грибов, которую приходилось есть, двигаясь вниз по реке. Мой путь по плоской равнине длился, как мне уже стало казаться, целую вечность.

Достигнув побережья, я снова оказалась среди повозок, в которые были запряжены скурраи, и всадников на мархацах. Все мужчины и женщины двигались по направлению к городу. На меня никто не обращал внимания, если не считать неизбежные взгляды, которые адресовались мне как иностранке.

Свободный порт Морврэн теперь был виден гораздо лучше, он находился на небольшом расстоянии от меня за полосой воды. Город выглядел так, как если бы был построен на нескольких плоских островах, углублявшихся в дельту реки. Над молами поднимались низкие желто-коричневые строения, вокруг которых крутилось множество небольших парусных лодок. Все на этом берегу двигались к скоплению деревянных ларьков.

Путь из Северного Дадени в Морврэн длился целых восемнадцать дней. Все время в юго-западном направлении, между плодородными землями на востоке и голыми холмами на западе. День за днем в парусных лодках вдоль берегов, поросших зику и лапууром. День за днем мимо южнодаденийских пышных пастбищ с их тучными стадами скурраи и мархацев.

Было еще слишком рано, чтобы попасть на пассажирское судно, шедшее вниз до Морврэна, поэтому мне пришлось пересаживаться с одной лодки на другую. Иногда это были грузовые суда или медленные барки, иногда и неболь-

шие лодки, как у Деннет. Один или два раза я видела послов Короны. На пунктах рашаку-связи я все чаще слышала разговоры о смерти Андрете. Но я опережала их, не будучи узнанной; шнурки с деньгами на моей шее становились все легче, а воспользоваться парализатором я готова была все время.

«Что я здесь вообще делаю?» — часто задумывалась я.

Поездка по реке Ай не была неприятной и скучной. Разговоры с корабельщиками, главами телестре, торговцами, с людьми, искавшими заказы на изделия из стекла, металлов, на семена и ткани...

Дадени проснулась от зимней спячки и приступила к своим старинным занятиям — торговле и обмену, — связывавшим друг с другом все речные телестре.

Неузнанной среди этих людей путешествовать инкогнито по чужому миру... Ведь это классические приключения! Хотя я и усмехнулась при этой мысли, она мне понравилась.

Появившись здесь, я ощутила симпатию и одновременно недоверие к городу. Мне нужно было попасть в Свободный порт Морврэн, чтобы купить место на корабле. Куда же еще?

Таткаэр, пожалуй, был не безопаснее, чем Ширия-Шенин. Чем дольше я оставалась необнаруженной, тем более становилось возможным, что они найдут действительного убийцу... А может, они вообще не станут его искать? Они были убеждены в моей виновности. А я не могла выступать в роли посланницы, прежде чем будет урегулировано это дело.

Я протискивалась в толпе, пот заливал мне глаза. На берегу реки стояли сараи и хлева, а также неважно выглядевший общественный дом. На эллинге, возле которого стояла на якоре плавучая платформа, ждала огромная вереница повозок. Владельцы мелких суденышек высматривали возможных пассажиров.

Мне не потребовалось много времени, чтобы найти лодочника, готового переправить меня через реку.

Корабельные сборы и общественные дома постепенно поглощали мои наличные деньги. У меня было еще достаточно денег, чтобы оплатить путь до Таткаэра по воде, около девятисот зери. Я определенно не могла себе позволить долго оставаться в Свободном порту.

Лодка покачивалась посреди широкой реки, удары весел становились сильнее. Попадавшие на мои губы брызги волн имели металлический привкус.

Мы причалили на конце длинного мола. Город был окружен двухметровой стеной, сложенной из высушенных солнцем кирпичей, в которой имелись главные ворота, забитые повозками, и несколько малых, не справлявшихся с потоком пешеходов.

Все ворота охраняли мужчины и женщины в униформах песчаного цвета. Они проверяли документы. Когда я это заметила, было уже поздно поворачивать назад.

— Ваше разрешение, — потребовала высокая женщина, глаза которой были прикрыты из-за пыли, поднятой повозкой.

— Оно у моих попутчиков. — Я сделала неопределенный жест в сторону реки. Мой акцент, как я заметила, смутил их. — Они прибудут через два-три дня. Я подожду их в городе.

— Тень бы поглотила всех этих иностранцев, — сказала она, не понижая голоса, а затем, словно объясняя слабоумному, добавила: — Нет разрешения — нет входа в Свободный порт. Идти назад. Ждать. Вы меня понимаете? Ждать, когда приедут ваши люди с разрешением. Тогда вы войдете. Понимаете? О груди Матери-Солнца!

Я поклонилась, сказала что-то по-английски, что абсолютно не соответствовало вежливому тону, которым я это произнесла, и пошла обратно.

Она продолжала наблюдать за мной. Я походила возле стоявших в ряд лодок, пока не перестала привлекать ее внимание, и быстро прошмыгнула к малым воротам, чтобы попытать счастья. Там тоже стояла стража.

Подтверждение, выданное Короной, было бесполезно. В нем стояла моя фамилия, и на это обратили бы внимание.

— У вас есть трудности? — На меня с серьезным видом смотрело светлогривое аширен. — Вы хотите войти в Свободный порт, иностранка?

— Войти в город? Да-да.

— Я знаю дорогу, — сказала аширен. Ке было не старше пяти или шести лет. — Пролом в стене. За одну серебряную монету я вам его покажу.

С облегчением я сняла требуемое со шнура и протянула кир.

Аширен соскользнул со своего места на причальной тумбе и огляделся по сторонам:

— Я посмотрю, нет ли там кого-нибудь. Подожди здесь. Ке исчезло в толпе.

Я стала ждать. Бледное солнце пылало, и его лучи не смягчала стоявшая над водой дымка. Но самые яркие дневные звезды были тусклыми.

Мне потребовалось гораздо больше времени, чем следовало, чтобы понять наконец, что аширен больше не вернется...

Я попыталась пройти через двое или трое других ворот, однако это не принесло успеха. Но когда я услышала за спиной полуденный звон колоколов и уловила запах пищи, я подошла к ветхим воротам, находившимся со стороны суши, в которых, кроме двух женщин-стражниц, игравших в охмир, никого не было.

— Я хотела бы пройти внутрь, — сказала я с надеждой и еще более сильным акцентом, чем прежде.

Старшая из женщин лениво поднялась.

— Документы, — со скучающим видом потребовала она.

Я повторила свою историю. Женщина помоложе тоже встала. Ее лицо было обезображено пятнами цветка прибрежных низменностей, глаза, похожие на мелкие изюминки, заинтересованно блестели.

— Нет документов? Может, сделаем исключение, Карвет? — Она украдкой тронула старшую ногой. — Конечно, вам придется заплатить штраф.

— Штраф? — С показным недовольством я развязала шнурок и стала отсчитывать монеты.

— И пошлину, — добавила она, — э-э-э... пошлину с иностранцев, которые хотят войти в Свободный порт.

— Уймись, Зилтар. Даже иностранцы не так глупы. — Старшая говорила на ярко выраженном южнодаденийском

диалекте. Когда жители Ста Тысяч обнаруживают, что кто-либо плохо говорит на их языке, они не стесняясь обсуждают при нем, как его обобрать.

— Сбавь, а не то она не станет платить.

— Мы стражники Морской маршалши. — Зилтар небрежно ухмыльнулась. — Это будет стоить пять серебряных монет, т'ан иностранка.

— А если обнаружится? — озабоченно спросила Карвет.

— Да кто расскажет? Эта даже не может как следует говорить. Что?.. Мне еще нужно и считать за вас? — Она недоверчиво смотрела на пригоршню серебра и меди, которую я ей протянула. — Три... четыре... пять. Все.

— Правильно?

Она обиженно посмотрела на меня:

— Вы что думаете? Кто перед вами? Воровка?

Проходя в город под аркой ворот, я услышала, как она добавила:

— Да что будет, Карвет? Когда ее вышвырнут по закону Девяти Дней, она...

Грохот подъехавшей повозки заглушил последующие слова. Я вошла в Свободный порт.

Строения телестре были низкими и обширными, их стены, покрытые белой штукатуркой, отражали солнечные лучи. В зданиях не было окон, если не считать прорезей на нижних этажах.

Ветряные мельницы возвышались в пыльном воздухе, как цветы с огромными лепестками. В кадках, стоявших на крышах, росли выющиеся растения с ярко-красными листьями, радовавшиеся весне пышными голубыми и белыми цветками. Через открытые входные ворота я видела бассейны и выложенные мозаикой дворы, в которых дремали после обеда ортеанцы.

Улица, по которой я шла, была кривой, поэтому я добралась до доков прежде, чем их увидела. Свежий ветер, все еще холодный, образовывал белые пенистые гребни на вершинах морских волн. После долгой зимы, которую провела в глубине материка, я снова увидела море.

Острова образовывали здесь естественную защищенную гавань. Я видела, как в Свободном порту использовался каждый клочок земли, какой только выступал из воды. Вдоль набережной стояли пришвартованные корабли с поднятыми пестрыми парусами. Тут были джаты из Имира и Ремонде и судна с полуострова Мелкати. Происхождение некоторых я так и не смогла определить.

Мимо меня сновали ортеанцы, среди которых было полно как жителей Южной земли, так и северян. Меня оглушали наречия и незнакомые языки.

Позади магазинов, торговавших тканями из хирит-гойена, я нашла общественный дом, где изъявили готовность подать мне поздний обед. Это были молоко кобылы скурраи, сыр из него же и вязковолокнистый хлебный гриб. Уставшая и разгоряченная, я сидела под навесом и пила холодный травяной чай.

«Теперь мне нужно разузнать насчет кораблей, плывущих до Таткаэра, — думала я. — При условии, что начальник порта не высматривает некую Линн де Лайл Кристи и я смогу оплатить место на судне. Если Таткаэр надежен... По крайней мере я смогу поговорить с Элиотом и Хакстоном, — продолжала размышлять я, — начать дипломатические переговоры. Если телестре новой Андрете не прикажет меня убить, разумеется. Господи, да как же это я угодила в такое неловкое положение? Мне сейчас нужен кто-нибудь, кто знал бы страну...» Я все еще не могла понять до конца, как мне удалось так легко странствовать среди ортеанцев.

— Могу ли я здесь снять комнату? — спросила я владельца общественного дома.

— Почему же нет? Где ваше разрешение?

— Мое — что?

Он взглянул на меня с недоверием:

— Разве вы еще не записались в Доме-источнике? Тогда лучше сделайте это побыстрее, пока вас не задержал кто-нибудь из стражи Морской маршалши.

— Я вас не понимаю. Я только что приехала.

— Вас запишут, вручат паспорт. Он действителен девять дней. После этого придется возвращаться в свою телестре

или гильдию... — Он принял важный вид. — Согласно правилу вам придется покинуть город в течение недели. Но я никого не могу принять, если нет разрешения. Моя телестре не допустит такого.

— Я запишусь, — пообещала я.

Мне обстоятельно описали, как добраться до ближайшего Дома-источника. Я заплатила и пошла, тщательно стараюсь избегать пользоваться указанным путем. Церковь, наверное, уже разыскивала меня.

«Кто-нибудь, кто знает страну, — думала я, перебираясь через крытый желоб, служивший сточной канавой. — Кто-нибудь знакомый с обычаями, дополнительная пара глаз, чтобы предупреждать меня об опасности, кто-нибудь, кто... нанятый телохранитель — вот что мне требуется!» Единственный вопрос заключался в том, могла ли я его себе позволить.

Я начала спрашивать проходивших мимо ортеанцев, как пройти к Дому гильдии наемников.

— Вот список тех членов гильдии, которые в настоящий момент находятся в зоне моего контроля, — сказала женщина, являвшаяся главой гильдии. — Конечно, сейчас они не все свободны, чтобы заключить контракт.

Это была женщина с кожей шоколадного цвета, выглядевшая очень привлекательно, несмотря на ее неопределенный возраст. По ее лицу от глаза до уголка рта проходил шрам, придававший ортеанке сонливо-циничный вид.

— Полагаю, — добавила она между прочим, — что у вас есть разрешение Морской маршалши для иностранцев на то, чтобы купить наемника из Ста Тысяч.

— Хм-м-м... — Я изучала список имен на пергаменте, проклиная мысленно эту параноидальную морврвенскую Морскую маршалшу. Через вестибюль с низким потолком прошли несколько мужчин и женщин. Я не могла разглядеть, кто из них был наемником, а кто нет.

— Вы ищете телохранителя? — Глава гильдии демонстрировала готовность помочь. — Или кого-нибудь, кто обучен владению каким-то определенным видом оружия?

— Вот этот. — Я поняла, что прервала ее, но уже ничего не могла изменить. Я не поверила тому, что там прочла. Женщина посмотрела через мое плечо.

— Этот в данный момент занят контрактом.

— Я знаю. Буду ждать.

Она пожала плечами:

— Думаю, он в городе. Можете подождать во дворе, пока он не пришел, т'ан, если хотите.

Под моими ногами похрустывал песок, лежавший на выложенном плиткой полу. Двор был перекрыт навесом. Солнечный свет падал узкими полосами через окно и немного рассеивал полумрак. Возле стен стояли скамьи, а в центре на площадке прямоугольной формы время от времени проводились учебные бои.

Я села на одну из скамей. Взрыв боевого восторга по случаю прибытия возможного нанимателя прекратился, когда они увидели, что я не проявляла к ним никакого интереса.

Ждать мне пришлось недолго.

Он вошел во двор знакомым пружинистым шагом, довольно быстрым для его телосложения. Мгновение я смотрела на него глазами чужеземки: широкоплечий ортеанец, не очень высокого роста, на котором были старая кольчуга и растоптанные сапоги. На поясе висели уже не новые харуры. Светлая грива с серебристыми локонами и лицо с характерным пятнистым шрамом. Это был он, Блейз н'ри н'сут Ме-дуэнин.

— Я наблюдал за вами целый день, — сказал он, садясь рядом со мной. — Заметил вас у ворот, а потом снова потерял из виду.

— Благодаря моей маскировке.

— Я бы узнал вас всюду, — просто сказал он.

«Можешь ли ты купить его расположение? — спросила я себя. — Или я снова проявляю наивность? Ведь это ортеанец!»

— Вы не могли знать, что я был здесь, — добавил он. — Что же привело вас в Дом гильдии Дувалки?

— Я хотела нанять кого-нибудь, кто мог бы надежно сопровождать меня до Таткаэра. А что интересует меня, так это вопрос: что делаете здесь вы, Медуэнин?

Он понимающе кивнул. Его белая кожа стала серой от пыли и грязи, он выглядел как человек, с которым круто обошлась судьба.

— Я добрался до Афруала, где всадники Короны заставили меня повернуть назад. — Его бледные глаза потемнели, затем снова прояснились. — Это правда; думаю, что они приняли меня за вас, потому что я ехал на вашем Гере, а они узнали следы. Я повернул на запад, чтобы уйти от них, но мне не удалось прорваться. Когда я добрался до Хараина, то продал животное одному Говорящему-с-землей, который ехал на север — эти деньги я вам должен, — и на попутном судне спустился вниз по реке. Я видел вас, когда прибыл сюда сегодня утром.

— Насколько плотно они нас преследуют?

— Они идут буквально по пятам, — сказал он, — и будут гнаться за вами до Таткаэра и дальше.

— И, полагаю, у них нет ко мне никаких дружеских чувств.

Шрамы на его лице сморщились. Мне понадобилось какое-то время, прежде чем я поняла, что это была улыбка.

— Все считают, что вам следовало бы перерезать горло, не оказав снисхождения в виде судебного разбирательства, и это пришлось бы по нраву очень многим.

— Вы имеете в виду кого-нибудь конкретно?

— Убийцу Андрете, кто бы он ни был. — Он откинулся назад, вытянул ноги и засунул большие пальцы рук себе за пояс. — Кто-то знает, что вы невиновны, Кристи. В данный момент в общественном мнении вы считаетесь обвиненной в преступлении, однако если дело дойдет до судебного процесса, то эта убежденность может сильно колебаться. Для него было бы надежнее, если бы вы были мертвы.

— Отсюда ходят корабли к Восточным островам? Впрочем, нет, забудьте этот вопрос. Медуэнин, у вас есть какая-нибудь идея насчет того, кто бы мог стоять за всей этой историей?

— Это мог быть любой из та'адур или из такширие, любой из людей, принадлежащих к даденийской телестре. — Он поднял голову. — Вы думаете, что я должен был предупредить вас. Это та цель, с которой вы меня наняли. Но не было ни малейшего намека на это происшествие до того последнего дня. Видимо, убийство планировалось на очень высоком уровне.

«СуБаннасен мертва, — подумала я и опять почувствовала ту невероятную боль, которая постоянно сопровождала эту мысль. — А Ховис находится в Ремонде... Однако это не исключает его из числа подозреваемых. О ком же еще может идти речь?»

— Пусть это не выглядит оправданием, — сказал Медуэнин, — но я сделал все, что мог. Вы верите мне?

— Что? — Я потеряла нить разговора.

— После Разрушенной Лестницы... Вы никогда не будете верить слову наемника, не так ли? — Он ухмыльнулся, и шрамы превратили его лицо в жестокую маску.

— Разве это так важно, верю ли я вам?

Он помолчал некоторое время, потом сказал:

— Я взял ваше золото, поэтому скажите мне ровно столько, сколько, по вашему мнению, я должен сказать в Таткаэре. Ах нет, да и какая мне польза от вашей веры?

«И это говорит человек, который дважды пытался меня убить. Почему я должна чувствовать себя виноватой?»

— Я не сомневаюсь в вас, — медленно ответила я и попыталась сама поверить в то, что сказала. — Вы надежны, если вам платят.

Он воспринял это как комплимент; глаза его прикрыли перепонки, он был несколько смущен.

Через некоторое время Медуэнин спросил:

— Что вы сейчас будете делать?

Джайанте уперлась мне в спину. Я ослабила ремень.

— Я все еще хотела бы, чтобы отчет попал в Таткаэр. Можно ли попытаться попасть на борт корабля?

— Для меня — да: меня тут не знают. Но я мог вывести их на вас, возможно, они наблюдают за мной. — Он пожал пле-

чами. — Ваши шансы были бы больше, если бы мы держались вместе.

— А ваши были бы хуже.

— Но вы ведь наняли меня, разве нет?

— Это могло бы оказаться самым недружелюбным предложением о помощи, какое я когда-либо получала. Благодарю.

Он рассмеялся. Двор опустел, и колокола возвестили вечер.

— Где вы остановились? — спросил он.

— В настоящий момент нигде. Кажется, в этом городе требуется особое разрешение даже на то, чтобы дышать.

— Это проблема в Свободном порту; если впускать любого, то нужно по крайней мере знать, кто он. Вы можете пока остаться здесь, Кристи, а я поговорю с главой гильдии. — Он встал. — Вам скоро придется на что-нибудь решаться. Времени остается немного.

— Времени никогда не бывает много, — ответила я, — а то немногое, что имелось, истекло примерно сейчас.

— Вот это — контора начальника порта. — Медуэнин указал вниз, на четырехэтажное здание на набережной. Несмотря на холодный весенний дождь, в вестибюле было полно людей. Изнутри выходило много народу. — Нам надо было прийти сюда пораньше.

— Вы уже были здесь однажды, — вспомнила я. Его знание города отличалось точностью: он уверенно провел меня через несколько каналов от Дома гильдии до острова, расположенного на самом краю.

— Войду лучше я, — сказал он. — У них может иметься ваше описание.

— Если вы сможете войти. Похоже, нам придется очень долго ждать.

Со стороны набережной нас защищал один из навесов. Дождь смотрелся на поверхности воды оспинами. Белели на противоположном берегу оштукатуренные стены домов. Острие видневшейся вдалеке башни то скрывалось, то снова открывалось быстро плывшими по небу облаками.

Медуэнин тронул меня за руку и показал на один из кораблей:

— Это судно — саберонизи, видите? Из Городов Радуги.

На борт корабля в этот момент поднималась группа людей с лицами, покрытыми синей и красной краской, и тонкими цепочками на черной одежде. Я слабо что-либо помнила по картам о Сабероне, который находился в нескольких тысячах километров к югу отсюда.

Несмотря на дождь, толпа не проявляла нетерпения. Из здания постоянно выходили люди, и мы медленно приближались к двери.

Зазвонили колокола, возвещая о наступлении середины утра.

Возникла сутолока; люди непроизвольно отпрянули назад, другие же стали всматриваться вперед. Я услышала громкие голоса, в которых чувствовалось волнение. Из конторы начальника порта вышла группа людей.

— Свободный порт, это так, — услышала я у себя за спиной обрывки разговора, — но впускать сюда кого попало действительно не следует.

Двое, трое, пятеро из них пробирались сквозь толпу. Темная одежда поверх туник цвета бронзы с чешуйчатым рисунком, голые ступни ног, на спинах дротики с тонкими древками, в любой миг готовые к применению. Движение толпы так сильно вытеснило меня вперед, что я могла бы прикоснуться к ним, когда они проходили мимо. Морской ветер развеивал их распущенные белые гривы, в которых торчали бронзовые и золотые булавы. Их кожа отливала золотистым блеском.

Их выход был таким впечатляющим, что прошло некоторое время, прежде чем я поняла, что они путешествовали по той же земле, что и мы, и что дышали они тем же затхлым воздухом порта, что и мы. Они были в грязи, на туниках виднелись пятна от пищи, их голоса звучали грубо. Их карие глаза высокомерно глядели на людей Морвена.

Я ожидала увидеть золотые глаза. На некоторых обесцвеченных гривах можно было заметить темные корни волос.

— Метисы, — сказал мне на ухо Медуэнин. — Из Кель-Харантиша. Подождите здесь.

Он исчез внутри здания, пока толпа с любопытством смотрела, как люди из Кель-Харантиша шли по набережной, а затем скрылись из виду.

Когда он снова появился, я без видимой причины почувствовала какое-то раздражение. Может быть, это была реакция на золотых. Мы вернулись в общественный дом возле доков, чтобы пообедать и поговорить о деле.

— Есть два корабля, которые готовы взять с собой пассажиров, — сообщил он, — и еще два, где требуются матросы. Это мы могли бы попробовать сделать, если вы когда-нибудь имели опыт плавания под парусами. Все четыре корабля выйдут в море еще до конца этой недели.

— Я не морячка. Какова плата за проезд в качестве пассажира?

Я слушала, как он перечислял все, из чего складывалась стоимость проезда. В этой части общественного дома, походившей на ресторан, было чище и светлее, чем в большинстве свободных портов.

Дождь стал слабее, и временами сквозь грязные стекла окон проникал бледный солнечный свет.

На мое плечо легла чья-то рука.

— Что за...

— С вами ничего не случится, т'ан, мне нужно лишь поговорить.

Охватившее меня состояние тревоги почти ушло, но сменилось новым беспокойством. Это был темнокожий мужчина в моряцких брюках. «Он с одного из стоящих на якоре кораблей», — подумала я. Да, его акцент показался мне незнакомым. Солнце белыми полосами освещало его покрытые шрамами ребра, грудь и увешанную какими-то шнурами шею. Его лицо от лба до рта скрывала кожаная маска, грязная грива была небрежно заплетена.

— Чего вы хотите?

— Дайте мне вашу руку.

— Об этом не может быть и речи.

Его губы растянулись в улыбку. Что-то темное и пронизывающее скрывалось за прорезями для глаз. Я не могла их разглядеть. Но они видели мои.

Он сказал:

— Я принес вам сообщение от Чародея. Оно предназначено женщине, рожденной в ином мире.

У Медуэнина в левой руке был харур-нацари, но я не видела и не слышала, как он вынул его из ножен. Я опустила руки под стол, чтобы их не было видно, и нащупала под своей туникой акустический парализатор.

— Сообщение от Чародея? — повторила я.

— В нем говорится следующее: «Посланница, весенняя погода делает поездку небезопасной. Если вы сядете на корабль, то можете быть уверены, что вас будут рады видеть в Коричневой Башне». Это все.

— Подождите, — сказала я, когда он повернулся, чтобы уйти, — как... как вы меня нашли?

— Каждый, кто в это время года покинул город, нес с собой такое сообщение. — Снова появилась улыбка. — Если вы здесь, то должны были когда-нибудь прийти в контору начальника порта. Оттуда я и проследовал за вами.

— Вы знаете, кто я?

— Мне известны признаки, по которым я могу вас узнать, и слова, которые привлекают ваше внимание. Меня научила этому Башня, т'ан, а других ответов у меня нет.

Он исчез, и я заметила, что моя рука судорожно сжимала парализатор. Когда я разжала руку, на нем остался светлый отпечаток.

Медуэнин вложил свой харур-нацари обратно в ножны и с шумом выдохнул воздух.

— О Мать-Солнце! Сейчас вами заинтересовался еще и Чародей, Кристи? — В голосе его слышался ужас. — Касабарде — это неблагочестивое место, и ему нельзя верить. Если бы я был на вашем месте...

— Что тогда?

— Я сначала покончил бы с одной неразберихой, прежде чем окунуться в следующую.

* * *

В общественном доме можно было кое-что достать. Я попросила пергамент и палочку для письма, и мне принесли и то и другое.

Это место с названием Касабаарде уже дважды находило меня и передавало мне послание. Уже только для того, чтобы удовлетворить свое любопытство, я хотела узнать, как такое было возможно. И кроме того... Я старалась придать своим мыслям разумный ход.

Было бы также неплохо на некоторое время покинуть Сто Тысяч.

Было бы разумно сменить место своего пребывания: чем больше контактов имел бы Доминион на этой планете, тем было бы лучше. В особенности тогда, когда мы не пользовались благосклонностью у Ста Тысяч.

«Или я только занимаюсь тем, что обеспечиваю рациональность своей трусости? — спрашивала я себя. — Может, я просто боюсь мысли вернуться в Таткаэр? Да, конечно». Но это, в конце концов, не придавало значительности другим причинам.

Я лихорадочно написала письмо, сложила пергамент и запечатала его. Подняв голову, я увидела, как откинулся назад Медуэнин, притопывая ногами по полу; он изнемогал от нетерпения.

— Мы едем в Касабаарде? — спросил он.

— Я еду. А вы отправитесь в Таткаэр. Это письмо можете приложить к моему отчету, оно будет дополнением, чтобы они знали, что я предпринимаю. Разумеется, вы вручите эти документы только одному из членов ксеногруппы, и никому иному. Если же кто-нибудь спросит обо мне, то вы не знаете, где я.

Он пробурчал что-то себе под нос, потом согласно кивнул:

— Сейчас вы рассуждаете, как житель Ста Тысяч.

Башня оказалась походящим на пилон сооружением, поднимавшимся из моря и устремлявшимся в ясное небо. Когда мы подплыли ближе, я попыталась определить высоту

и несколько раз проверила результат, сравнив со зданиями, построенными у ее подножия. Она имела высоту небоскреба. Но нет, она была даже выше. А когда ее осветило солнце, то обнаружилось, что сооружена она была из сероголубого камня, типичного для архитектуры Золотого Народа Колдунов.

— Ворота Башни, — со скучающим видом сказал Медуэнин, — туда заходит много кораблей.

Теперь мы подплыли еще ближе, и Башня казалась уже устрашающе высокой. Судно бросило якорь в ее тени.

Сейчас я смогла разглядеть, что это не была просто башня без каких-либо особенностей. Примерно на трети ее высоты выступало тонкое, как нить, горизонтальное образование. Оно ровно тянулось над морем на юг. Через определенные промежутки вверх поднимались опоры, без швов соединяясь со всей конструкцией.

— Боже мой, — сказала я, — да не мост ли это?

Медуэнин ухмыльнулся.

— Расрхе-и-Мелуур, — сказал он. — Это известно также под названием «Моста». Я ездил по нему до Золотой Дуги и Каменного Огня. Говорят, по нему можно без труда добраться и до Касабаарде.

Касабаарде... Этот город, если мне не изменяла память, находился по меньшей мере в двухстах зери отсюда.

— Над ним есть перекрытие, — сказал Блейз и сложил вместе ладони, изобразив полукруг, чтобы показать, что имел в виду форму цилиндра, — но ненадежное. Может, мне спросить насчет кораблей?

— Что? Да, сделайте это.

Вероятно, мост проходил по цепи островов, являвшихся Архипелагом Касабаарде. Для того чтобы сконструировать подобное, требовались технические возможности, которые казались не только головокружительными, но и — если иметь в виду, что все это существовало тысячелетия, — вселяли некоторый ужас.

Наконец я заключила соглашение с владельцем одного судна не более рыболовного катера, который изъявил готов-

ность доставить пассажиров на другой конец Архипелага. Поскольку я спешила, то заплатила ему даже больше, чем, собственно, требовалось.

Жители Свободного порта имели очень точные представления о частной собственности, потому что, вероятно, поддерживали контакты за пределами Ста Тысяч. Вырастающая из этого при случае нечестность больно напоминала мне Землю.

— Вы могли бы нанять кого-нибудь другого, чтобы он доставил отчет в Таткаэр, — сказал Медузэнин. Его глаза прикрылись перепонками в ярком солнечном свете.

Со мной были мой узелок и джайанте, и мне больше ничего не оставалось, как взойти на борт.

— Кому же иному я могла бы это доверить?

Он протянул руку, пожал мою, быстро кивнул и зашагал прочь по пирсу. Я поднялась на борт «Мохового сокола».

Чем дальше движешься на юг, тем раньше наступает весна. Все эти острова, у которых мы бросали якорь, казалось, хвастались пышным великолепием своей листвы зиира и цветущего лапуура. Во время Ханиса и в первые недели Дуресты штормы часто вызывают наводнения, но «Моховому соколу» выпало столь спокойное и лишенное каких-либо происшествий плавание, что у нас не было никакого иного занятия, как днем наблюдать за проплывающим мимо Архипелагом, а безоблачными ночами, когда не спалось, любоваться вихрями звезд.

На «Моховом соколе», кроме меня, было трое пассажиров: женщина с Пустынного Побережья, плывшая в Кварт, и двое одетых с головы до ног во все красное мужчин, говоривших на непонятном мне языке. Поскольку они были ортеанцами, то играли в охмир.

В каютах было тесно и темно; мы все время проводили на палубе, чуть в стороне от мест, где работали члены команды, и играли в охмир. По прошествии первых нескольких дней не было ничего нового.

Мы входили в более теплые южные воды. Судно делало остановки, чтобы принять или выгрузить товар: вино, посуду

и семена. Погода позволяла ходить в одной рубашке, и мы устраивали короткие экскурсии по островам.

Небо становилось все бледнее, солнце припекало все сильнее, и все время пилоны Расрхе-и-Мелуур бросали однообразные тени на монотонные волны.

Мы неспешно плыли все немногие дни Ханиса и даже захватили вторую неделю Дуресты, но однажды я проснулась под белым и беспощадным солнечным светом. На юге виднелась темная линия.

— Береговая линия Касабаарде, — сказала женщина с Пустынного Побережья.

Глава 24. Коричневая Башня

Солнце отражалось в море, которое, казалось, состояло из битого стекла. Находившуюся по эту сторону береговую линию покрывал серо-зеленый пух. Вдали, на юге, виднелись казавшиеся призрачными темно-коричневые горы, покинутые всеми лунные ландшафты и пустыни неизвестного происхождения на удалении не менее пятидесяти зери.

Мы плыли к высокому пилону, обозначавшему конец моста Расрхе-и-Мелуур.

У меня в глазах замелькали цветные пятна. Я ушла под палубу и стала протирать свои покрасневшие от раздражения глаза. Хотя я уже давно покрылась загаром, с меня начинала слезать кожа. Те дни, когда воздух был насыщен парами, были еще терпимы; сейчас же, когда защитная дымка рассеялась, не имелось ни малейшей возможности укрыться от жгучих лучей звезды Каррика.

«Если здесь так уже во время Дуресты, — подумала я, — то мне не хотелось бы находиться тут в период Меррума».

Скрипела древесина, шуршали волны, щели в палубе пропускали солнечный свет, который обжигал, как расплавлен-

ный металл. Когда я упаковала свои пожитки, корабль уже стоял на якоре и пассажиры сходили на берег.

Я заплатила корабельщику вторую половину условленной суммы и тоже покинула судно.

Берег был совершенно плоским. Вдоль длинного пирса катились повозки. Он был покрыт слоем мелкого белого песка толщиной с палец. Я ощутила песок на зубах, почувствовала металлический вкус Касабаарде. Женщина с Пустынного Побережья и оба ортеанца в красных одеяниях стояли впереди меня перед стеной из кирпича-сырца, в которой открылось несколько ворот в город.

— Вы хотите войти в торговый город или во внутренний? — спросила женщину с Пустынного Побережья жительница Касабаарде средних лет. Она говорила на торговом языке, упоминавшемся в книгах, которые я изучила: с ним я была знакома достаточно хорошо, чтобы изъясняться.

— В торговый город, — ответила женщина.

— Тогда проходите.

Книги были полны информации о торговом городе. О внутреннем городе в них, однако, не говорилось ничего, кроме того, что там стояла Коричневая Башня.

— Вы хотите войти в торговый город? — Касабаардка тщательно оглядела меня. — Или во внутренний?

— Во внутренний город. — Я говорила, слегка понизив голос.

Молодой человек загородил мне копьём дорогу. У всех в группе стражников были ярко-рыжие гривы и бледная кожа жителей Пустынного Побережья. Их одежда состояла из туник, перехваченных в поясе шнуром. Обуви на ногах не было.

— Прикоснитесь к земле, — приказала командирша. На ее голых руках были белые пятна, а на кистях рук проступали старческие жилки. Как и у других, ее лицо скрывала маска.

Так требовал обычай; я встала на колени и положила руки на землю, иссушенную солнцем, потом снова поднялась. Другая женщина предложила мне серую керамическую чашу, наполовину наполненную водой. Они смотрели на меня с не-

терпением. Я сделала глоток, надеясь при этом не получить какую-нибудь инфекцию. Жидкость не имела вкуса.

— У вас есть острое оружие? — согласно ритуалу спросила женщина.

— Да, нож.

— Он будет возвращен вам, когда вы отправитесь в обратный путь, — сказала она и приняла его у меня. Теперь копье не преграждало мне дорогу. Под нижним краем маски на лице женщины появилась улыбка. — Джайанте можете оставить при себе. Добро пожаловать. Я провожу вас до ворот внутреннего города.

— Я ишу общественный дом, — сказала я, когда мы шли вдоль стены. Солнце, яркое до боли в глазах, сильно нагрело белый песок и глиняные стены. — Или какое-нибудь другое пристанище.

— Вы можете остановиться в любом Ордене.

— Где-нибудь, где подешевле. Денег у меня немного.

— Деньги вам не потребуются. — Мне показалось, что в ее сухом голосе прозвучала насмешка. Но я не была в том уверена, потому что не могла видеть ее глаз. — Пища, напитки, одежда и жилище во внутреннем городе предоставляются бесплатно.

Я старалась приноровиться к ее очень медленному шагу. Наконец мы подошли к низкому домику привратника.

— Вы хотите сказать, для жителей Касабаарде?

— Нет, для всех. Для любого, кто сюда приходит.

— Вы имеете в виду, что кто-либо, придя сюда, может попросить и получить пищу и жилище?

— Да, конечно.

«Этого не может быть!» — запротестовало все внутри меня. Мы вошли в домик привратника. После слепившего меня снаружи солнца я ничего не могла разглядеть внутри. Потом, когда мои глаза постепенно привыкли к новым условиям, я увидела, как касабардка передала мой нож какому-то мужчине. Здесь был настоящий склад оружия. Мужчина составил опись моих вещей.

— Все, что вам принадлежит, вы можете взять с собой, — сказала ортеанка и сняла маску. «Значит, она представляет

собой лишь защиту от солнца?» — спросила я себя. У нее были худощавое лицо и светлые, как вода, глаза. — Что же касается нашей собственности... то вы можете взять ее не больше, чем сумеете унести на спине или в желудке.

Я покачала головой. Это явно веселило женщину. Она, наверное, уже много раз наблюдала подобную реакцию чужестранцев.

— Это не... — Я не хотела ее обидеть, поэтому начала снова: — Разве не случается так, что люди приходят сюда и снова исчезают, ничего не делая, чтобы заработать себе на жизнь?

— А разве это так плохо? — Она наклонилась над описью, которую составлял мужчина, и подала мне знак открыть мешок. У меня не было выбора. Она продолжала: — Здесь могут жить все, хотя никто не становится богатым. Заботиться об этом — задача Ордена в торговом городе. Мы разместим вас и накормим. Если захотите, то можете работать в поле или в городе. Если нет, то можете этого не делать.

— Люди не могут просто ничего не делать!

Ее прикрытые перепонками глаза внимательно смотрели на меня. «Она воспринимает меня как личность, — вдруг подумала я, — а не просто как чужестранку».

— Почему же нет? — мягко сказала она. — Если они не работают физически, то тогда, может быть, усваивают что-нибудь полезное из того, чему учат Орден, или познают свою собственную истинную сущность. То, что мы даем, — это время. Время для поисков самого себя или для праздности. Мы предоставляем возможность выбора.

— Я все еще не понимаю, как это возможно. — Я искала какую-то причину, как это делают жители Южной земли и иного мира.

— Нас кормят поля, у нас есть реки, богатства же, которые накапливают Орден, дают торговля и налоги. Оставаться здесь ничего не стоит. Проезд стоит много. Все, приезжающие из Городов Радуги и с Пустынного Побережья, минуют Касабаарде, чтобы попасть на север, а все жители Южной земли также должны проезжать через нас, когда путешествуют. И к тому же есть еще Расрхе-и-Мелуур. — Ее тонкие

губы растянулись в улыбку, глаза посветлели. — Мой дом-Орден — Су'ниар, если вы захотите туда отправиться. Скажите, что вас послала Орианк. Или пойдите в один из других Орден: Цирнант или Гетфирле, Телмитар или Дуреитч. Но мне бы доставило удовольствие продолжить с вами беседу.

Мой мешок был снова вручен мне, а женщина опять натянула маску поверх свободно подвязанной гривы.

— Да, — сказала я. — Меня зовут Кристи. Где находится этот Су'инар?

— По дороге в Цирнант, его вам сможет указать любой. — Она показала направление, стоя у ворот. Когда я собралась идти, она спросила: — Кристи, что вы намерены здесь делать?

— Мне нужно в Коричневую Башню.

Она пристально смотрела мне вслед, когда я шла от ворот.

После недель, проведенных на корабле, мои ноги чувствовали себя не очень уверенно. Я продолжала путь во внутренний город, стараясь настроиться на прочность мира.

Через мои полуопущенные веки просачивался белый свет. Жара оказывала парализующее действие. Пот сразу же испарялся в сухом воздухе. Вокруг меня теснились ортеанцы, некоторые из них были в касабардской одежде, а многие представляли другие страны этого второго континента. Я слышала оживленный гул голосов.

Вдоль извилистой улицы поднималось множество плоских куполов. Поверхности побеленных или песчаного цвета стен нарушали черные как ночь прямоугольники окон. Широкие проезды для повозок пересекались узкими переулками. Над улицами на высоте крыш были натянуты полотняные навесы. На входах в дома висели жемчужные занавесы.

Вероятно, потому, что невозможно было сразу увидеть больше одной или двух улиц, у меня возникло впечатление, что размеры города огромны. Иногда мне удавалось увидеть далекие вершины гор, возвышавшихся в пустынной местности. Иногда в конце какой-нибудь улицы виднелось сияющее море. Но переплетающиеся друг с другом улицы и переулки не создавали какой-либо упорядоченной картины.

После нескольких вопросов на моей разновидности торгового языка и усилий вопрошаемых, имевших целью объяснить мне дорогу, я безнадежно заблудилась.

Вращались, поблескивая, лопасти ветряных мельниц. Они возвышались над куполами этого двухэтажного города и представляли собой единственные ориентиры.

Наконец я вышла на широкую улицу и отпрянула назад, в тень крыльев ветряной мельницы. Поверхность улицы искрилась, казалось, что она была вымощена слепящими осколками солнца.

Откуда-то слышалось журчание текущей воды. Затем, когда я вышла из тени на потрескавшуюся поверхность, истоптанную множеством ног, и смешалась с шедшими по улице людьми, я увидела, что вода находилась под нашими ногами. Она текла по закрытому сверху каналу, а перекрытие состояло из полупрозрачного серо-голубого камня...

На севере возвышался последний пилон Расрхе-и-Мелу-ур. Еще одно свидетельство эпохи Народа Колдунов: функционирующее ортеанское общество посреди руин Золотой Империи. Я подумала о древнем а-Киррике в Пустоши и о Касабаарде на жарком экваторе. Все это не являлось только областью археологии, Орте невозможно было отделить от ее прошлого.

У одного из зданий сидело несколько ортеанцев, прислонившись спинами к изогнутой стене в тени навеса.

— Где я нахожусь? — спросила я, стараясь четче выговаривать слова.

Некоторые из сидевших взглянули на меня. Как и у всех прочих, кого я здесь видела ранее, глаза их были закрыты мигательными перепонками. Один из них пересыпал песок из одной руки в другую. Несмотря на это, стояла полная тишина.

— В Телмитаре, — наконец ответил один.

Внутри было прохладно, сумрачно и просторно. Ко мне подошел мужчина, в поясном шнуре которого я заметила вплетенные голубые нити.

— Еда почти готова, не хотите ли зайти сюда и подождать?

Внезапно я почувствовала голод и жажду; до сих пор их подавляли новые впечатления, которые обрушились на меня в Касабаарде. Я согласно кивнула.

Мужчина провел меня вниз по лестнице в большое подземное помещение, в котором за столами уже сидело несколько ортеанцев.

Пахло варившейся пищей. Свет направлялся внутрь снаружи с помощью зеркал и здесь рассеивался. Одна стена была полупрозрачной, и по ней холодной тенью стекала вода.

Мне принесли грубый черный хлеб, различные фрукты неизвестного мне вида, вино, разбавленное водой, и какое-то блюдо, приготовленное, как мне показалось, из тушеных грибов.

Я не спеша ела и разглядывала сидевших вокруг меня ортеанцев. Некоторые из них были касабардцами без масок, другие выглядели как приезжие из иных городов Пустынного Побережья, а один походил на жителя Южной земли.

Когда я уходила, между двумя мужчинами с Пустынного Побережья возникла драка. В нее никто не вмешивался.

Я остановилась на лестнице и наблюдала, как один из них избил другого до потери сознания. Потом пошла вверх по лестнице навстречу обжигающему свету.

Все во мне восставало против того, чтобы просто уйти. Что-то в глубине моего сознания кричало: «Воровка!» Пока я так медлила, с улицы как раз вернулся мужчина.

— Вам еще что-нибудь требуется?

— Нет. Да, — ответила я, противореча себе самой. Во мне распространялось чувство свободы, и возникло желание исследовать ее границы. — Маска, такая, которая защищает глаза. И не могли бы вы мне сказать, где мне найти Су'ниар?

— Я отведу вас туда, — сказал он, вернувшись из кладовой с маской в руке.

В первое мгновение я подумала, что задохнусь под ней, но это ощущение быстро исчезло, и вскоре я ее уже совсем не чувствовала. Защита глаз от песка придавала окружающему миру светло-коричневую окраску, но зато через очень короткое время я смогла отлично видеть.

Солнце сжалось до пылающей белой монеты в белесом небе.

* * *

На меня смотрело узкое лицо. Под покрытой загаром кожей угадывались очертания черепа. Глаза, наполовину белые, твердые как мрамор, такие, каких нет ни у одного ортеанца. Смеющиеся глаза. Я сняла маску и отвернулась от зеркала.

Ради бога, Кристи! Так что же сказал Медуэнин? «Покончите сначала с этой неразберихой, прежде чем окунетесь в следующую». Департамент, по всей видимости, невысоко оценит то, что я халтуру у «примитивных» на другом континенте, хотя оставались невыясненными условия на Южной земле...

И кто-то, кто был достаточно глуп, чтобы смеяться над собой в зеркале, вряд ли обладал квалификацией, достаточной для оценки состояния здоровья кого-либо другого. Даже того, кто называет себя Чародеем и шлет послания через половину планеты. Так кто же сумасшедший — тот, кто зовет, или тот, кто идет на этот зов?

«Что же я скажу?» — спрашивала я себя.

Я поднялась вверх по лестнице. Орианк находилась в расположенной снаружи комнате и сметала с каменного пола вездесущий песок. Движения ее были ленивы. День клонился к вечеру.

— Зачем спешите? — спросила она, увидев, что я надела маску, чтобы отправиться на улицу. — Дитя мое, оставайтесь пока здесь, в Су'ниаре.

— Я вернусь, — пообещала я. — Скажите мне, как попасть к Коричневой Башне.

— Между каменными воротами и садом, — разочарованно ответила она и, когда я вышла на улицу, опустила за мной жемчужный занавес.

На улицах лежали резко очерченные голубовато-бархатистые тени. Жаркое небо остывало с каждой минутой. Люди расходились в поисках пицци и ночлега по различным домам-Орденам.

Я пошла к тянувшейся в сторону моря стене, пока не приблизилась к воротам, вырубленным из цельной глыбы

песчаника, затем снова повернула в направлении города и двинулась к саду. Возле бассейнов росли кусты, пепельно-серые и матово-голубые листья которых подрагивали от легкого вечернего бриза. Ползучие растения сплошь покрывали стену, которая ограничивала сад с запада и над которой возвышалась квадратная башня внушительных размеров.

Арка ворот в стене не имела никакой решетки. За нею я увидела двор с несколькими фонтанами.

Через ворота вышел и заговорил со мной какой-то человек. Заметив, что я не понимаю его, он повторил сказанное на торговом языке:

— Что вам здесь угодно?

— Если я не ошибаюсь, это Коричневая Башня? — Когда я произнесла это, внутри у меня все сжалось.

— Да.

— Я пришла, чтобы поговорить с Чародеем.

Тут я мгновенно вспомнила, что где-то уже видела однажды эту, напоминавшую змеиную, гибкость движений. У человека на руках и ногах были плавательные перепонки, и кожа имела золотисто-зеленый цвет.

Несмотря на то что лицо его скрывалось под маской, у меня не было сомнений, что передо мной стоял... обитатель Топей.

— С Чародеем? — спросил он с естественным высокомерием. — Почему же вы хотите с ним говорить?

— Не знаю. Было бы лучше, если бы вы спросили об этом его.

Он неуверенно посмотрел на меня. Наконец сказал:

— Кто... кто вы?

— Кристи. — Наконец-то мне удалось справиться с завязками маски и снять ее. — Посланница Доминиона.

Вечерний блеск солнца ударил меня по глазам. Человек сделал жест, смысла которого я не могла истолковать, но который показался мне ритуальным и торжественным.

— Пришлица из другого мира, — сказал он, — прошу пожаловать. Вас ждут.

Я покинула сад, нагретый вечерним солнцем, искрящийся блеск фонтанов, аромат серо-золотых вьющихся растений и вошла в тень Коричневой Башни.

В поднимавшейся ввысь коричневой кирпичной стене находилась дверь, снабженная металлическими болтами. Обитатель Топей прикоснулся к одному из них, и дверь плавно открылась. Мы вошли в сумрачный коридор. Дверь так же плавно закрылась за нами, вспыхнул свет, происхождение которого осталось для меня неясным, и осветил стены, такие же ровные, как пол и потолок.

Я прикоснулась к одной из стен. Светлый материал был гладким на ощупь и теплее, чем камень.

— Идемте, — сказал обитатель Топей.

Может, здесь использовались грузы и канатные тяги? И снова эти скрытые зеркала, направлявшие свет снаружи? И опять, через несколько дверей и коридоров, я почувствовала растущую потребность в том, чтобы мне объяснили, в чем тут дело. Возникало впечатление, что это место скрывало в себе высокоразвитую технику.

Открылась еще одна дверь, когда мы к ней приблизились.

За нею находилась библиотека. Всюду стояли книжные полки от пола до потолка. Еще никогда с тех пор, как я появилась на Орте, я не видела такого количества книг в одном месте. В воздухе стоял запах пропыленных древних пергаментов. Вечерний свет падал на тканые циновки, на стол, высеченный из цельного камня, и на кресло. На окнах не было даже решеток.

— Вы поступаете опрометчиво, — сказала я, все еще не придя в себя от различия между городом и этой башней, — сюда мог бы войти любой...

— Если бы ваш визит сюда не был желанным, то вы даже не смогли бы пересечь сада.

Из-за книжных полок вышел очень старый мужчина и положил на стол свитки, которые нес в руках.

— Чародей, — сказал обитатель Топей. — Кристи, пришлица из другого мира.

— Ага. Благодарю тебя, Тетмет. Оставь нас одних.

Как и большинство касабардцев, он был на целую голову ниже меня ростом и к тому же придавлен грузом лет. Его руки походили на птичьи когти, кожу покрывала ромбовидная сетка морщин, от гривы оставался один гребень, тянувшийся от лба до позвоночника. Поверх туники была надета коричневая мантия без воротника.

— Вы из другого мира?

— Вы хотели бы сосчитать мои пальцы? Да, это я. — Я сунула за пояс маску и после этого не знала, куда мне девать свои руки. Я нервно сцепила пальцы и почувствовала желание засмеяться. — Однако любой, кто шлет мне два послания через полмира, ни разу не видев меня, знает обо мне больше, чем мне бы хотелось. Сейчас я здесь и предлагаю вам объяснить, кто вы, чем занимаетесь и что это за важное дело, из-за которого мне пришлось проделать путь в двести зери?

Вокруг его рта появилось еще больше складок, из груди вырывался хрип. Я поняла, что он смеется. Чародей оперся обеими руками на стол и сел в кресло.

— Что вам обо мне известно? Мне бы не хотелось наскучить подробностями, которые вам уже известны. — Чародей бегло говорил по-имирски; возможно, он выбрал этот язык, потому что я все еще говорила с таким акцентом.

— Известно? Я вообще ничего не знаю. В книгах многое говорится о торговой части города, но ничего — о Коричневой Башне. А слухи... Кажется, никто не уверен, хорошо ли посещать этот город. Что касается вас, Чародей...

— Да? Так что же? — поспешил он сказать, все еще задыхаясь от смеха.

— Говорят, что вам не снятся сны о предыдущей жизни, потому что вы бессмертны, что вы видите все, что происходит в мире, что в архивах Коричневой Башни собраны все знания.

— Что за предрассудки, — сказал он и кротко покачал головой. — Ну что же, посланница, нам с вами нужно многое обсудить, и я скажу вам почему. Я знаю многое о том, что происходит в известных странах, потому что большая часть сведений поступает в этот город либо самостоятельно,

либо потому, что ее слышат мои люди, которые постоянно всюду путешествуют. И таков обычай — еще с тех пор, как Таткаэр не был городом, — что они сообщают мне эти сведения. Архивы содержат много знаний, но не все. Нет, давно уже не все. А что касается последнего, то на это ответить еще легче: да, я бессмертен.

— Простите, но я не верю в это. Не могу в это поверить. — Мне было больно, что я так грубо поступала со старым человеком.

Вокруг него ощущался покой, какая-то истинность, из-за которой мне было трудно поверить, что я видела перед собой сумасшедшего старика, жившего в руинах, оставшихся от техники Народа Колдунов.

— Вы должны в это поверить, — сказал он. — Иначе вы не поверите ничему из того, что я вам расскажу. А то, что я расскажу вам, могло бы коснуться отношений между двумя нашими мирами. Я знаю, что вы видели большую часть Ста Тысяч, но не думайте, что они могут говорить обо всей Орте.

— А вы так можете? — спросила я с неумышленной резкостью.

Взгляд его глаз, прикрытых белыми перепонками, встретился с моим.

— Видите ли, вы не получили доказательств истинности моих слов. Поэтому я должен доказать вам, кем являюсь, хотя обычно я не говорю о своих личных делах.

Он подался в своем кресле вперед, опершись руками о стол, как это делают старые люди. Я непроизвольно принялась помогать ему. Его теплая рука обхватила мою шею пальцами, после чего он встал.

— Ах, вы предлагаете мне свою руку... большое спасибо. Линн де Лайл Кристи, а как звучит правильное обращение: т'ан или землевладелица? Или здесь существует что-то типичное для вашего мира?

Мы медленно подошли к двери, и она открылась, чтобы пропустить нас.

— Называйте меня Кристи, этого будет совершенно достаточно, — сказала я. Я спрашивала себя, не лучами ли управляется механизм открывания. Или... нет, этого не может

быть, даже в том случае, если бы технические устройства Народа Колдунов не были бы подвержены износу из-за трения.

Мы шли по слабо освещенному коридору, мимо целого ряда дверей. Медленно, со скоростью пожилого человека. Он опирался на мою руку, и я чувствовала, что вес его был значителен.

Открылась еще одна дверь. Мы вошли в небольшую комнату, дверь за нами снова закрылась. Под ногами я вдруг почувствовала давление, в желудке возникло странное ощущение, и я поняла, что мы едем вниз. Затем движение прекратилось, дверь открылась, и мы вошли в другое, более просторное помещение. Характер освещения изменился. Воздух здесь был сух и прохладен.

Затем в противоположной стене возникла щель, и часть ее отошла в сторону.

— Это не нагонит на вас страху, — сказал старик, — потому что подобные вещи вы видели уже прежде. Впрочем, и не следует удивляться, потому что это исходит со звезд.

Возникло движение воздуха. Воздушный шлюз для стерилизации. Из расположенного напротив помещения мне в лицо вдруг ударил прохладный воздух.

Меня парализовало неверие. «Даже Кирриах внушал уважение к себе. Но Кирриах наверняка мертв, — думала я, — а вот все это... Тетмет сказал: «Если бы ваш визит сюда не был желанен...» Боже праведный, какие же методы защиты могут быть в таком месте, как это?»

— Кристи?

Его теплое пожатие моей руки являлось единственной связью с реальностью. Прикрытые перепонками глаза взглянули на меня. Его кожа была покрыта сеткой тонких линий, остатки гривы смотрелись редким пушком. Слабый старый человек.

— Кажется, техника Народа Колдунов не так уж мертва, как всюду полагают. — У меня пересохло в горле, и голос звучал хрипло.

— Коричневая Башня стоит десять тысяч лет. — Он произнес столь невероятную вещь мягким голосом. — И она

еще никогда не отказывала в том, чтобы предоставлять технические решения Золотой Империи, когда в них возникала необходимость. Видите ли, машины подвержены старению, даже те, что здесь. Хотя, как я предполагаю, они прослужат еще долгое время. — Он поднялся по короткой висячей лестнице и положил руки на край какого-то металлического предмета. — Эти устройства для меня драгоценнее всего в мире, потому что ныне в нем нельзя найти ничего подобного.

Ниже уровня пола передо мной оказалось длинное помещение без окон. Рядами стояла аппаратура — я подумала, что это все же была она, — дисплеи и камеры, выглядевшие как саркофаги. Имелись также предметы, предположить что-либо о назначении которых я не могла. Здесь было тихо и холодно, я слышала под ногами слабое гудение.

Один предмет показался мне знакомым. Я подошла к нему, осмотрела стол и подголовник — он имел формы, предназначенные для ортеанцев, — какие-то устройства, бывшие, вероятно, электродами, соединения с группой приборов, возможно, представлявших собой компьютеры...

— Вам это кажется знакомым?

Я вздохнула:

— Не знаю. Предполагаю, что речь может идти о случайном сходстве. Но могу допустить, что некоторые вещи известны во всех мирах, включая научные закономерности. У нас есть нечто очень похожее, служащее для передачи учебной информации под гипнозом.

Мы с большим трудом пытались объяснить из-за различий в терминологии и не были уверены, что говорили об одном и том же. Все обозначения, какие использовал старец, были мне незнакомы. В отличие от языков Ста Тысяч в лексике языка Касабаарде имелось множество технических понятий.

Пожалуй, мы оба интерпретировали кое-что неверно.

— Слышали ли вы, — спросил он наконец, — что некоторые из нас располагают превосходной памятью?

— Да. У некоторых из наших людей наблюдается то же самое.

— Эти люди полностью запоминают, хранят и передают воспоминания себе подобных любым другим людям.

«Это невозможно, — подумала я. — Даже мы этого не можем. Пожалуй, гипноучителя могли бы сойти за подобные прототипы, но только примитивные. Если же это правда... Какого же тогда технического уровня достиг Народ Колдунов?»

— Значит, вы можете записывать память.

— Записывать и воспроизводить другому лицу. И, начиная с него, снова кому-либо и так далее. — Он улыбнулся. — Без потери малейших подробностей, от поколения к поколению.

— Кто-то однажды сказал мне... — я вспомнила, что это была женщина с Пустынного Побережья, с которой мы вместе плыли на «Моховом соколе», — что Чародей обладает своего рода серийным бессмертием. В Южной земле об этом никто не упоминал.

— О, меня не признают в Ста Тысячах. — Он по-старчески захихикал. — Если я храню память ста поколений, то где же тогда мои собственные воспоминания о предыдущей жизни? Нет, меня там не любят, и, конечно, там лишь очень немногие обо мне знают.

— Это не бессмертие.

— Не для меня. — Он постучал себя пальцем по худой груди. — Я не бессмертен, но таковым является Чародей. Смотрите.

Он положил ладонь на предмет в форме куба. Пока я смотрела на куб, он начал становиться прозрачным из середины, как если бы вязкая жидкость очищалась в ходе следовавших одна за другой стадий.

Вечерний свет осветил что-то похожее на внешний двор. На краю фонтана сидела девушка, держа в руках ребенка, которому было не более года.

У нее была бледная кожа, в каштановой гриве сверкали вплетенные жемчужины, а одежда состояла из коричневого облачения и поясного шнура Коричневой Башни. Она едва вышла из возраста аширен; на вид ей было не более четырнадцати.

У нее было серьезное выражение лица, она сосредоточенно смотрела на ребенка, игравшего ее шестипалой рукой.

— Она одна из таких людей этого поколения, — сказал старец. — У нее в голове накоплено множество воспоминаний. Еще несколько лет, — когда я умру, — и она станет Чародеем. Она будет помнить, что говорила с вами, Кристи, она будет помнить этот момент так же, как я. Потому что тут нет никакой разницы между ее памятью и моей. Она будет мною... точно так же, как я являюсь всеми теми, кто был им до меня.

Куб потемнел, снова переместив меня в холодное помещение. Меня окружали свидетельства неземной технологии.

— Теперь вы понимаете? — спросил Чародей. — Касабаарде — старейший город мира, а я старейший человек в этом мире. Я знаю этот мир. Возможно, я единственный, кто его знает. Если дело дойдет до обмена между Орте и каким-либо иным миром... то я единственный, кто может квалифицированно говорить от нас.

Глава 25. Золотая Империя

— Все это хорошо и прекрасно, однако... — Я обнаружила, что уже некоторое время взволнованно расхаживаю взад и вперед, и остановилась перед старым ортеанцем. — Это невероятно! Какое действенное доказательство у вас есть?

Он развел руки в стороны, как бы охватывая жестом Коричневую Башню с ее неоспоримым существованием.

— Если бы я мог доказать, к вашему удовольствию, что машины функционируют в соответствии с моими утверждениями?

— У меня нет технического образования, чтобы это перепроверить или отвергнуть. — «А что касается остального, — подумала я, — то для немалого числа ученых Доми-

ниона встанут проблемы, состоящие в том, чтобы кое-что здесь наверстать».

Он осторожно сел на какое-то металлическое устройство и посмотрел на меня. Когда его мигательные перепонки поднялись, я увидела, что глаза его были черными и ясными, как у птицы. Явно меняя тему разговора, он сказал:

— Предполагаю, что Южная земля преимущественно против контакта с вашим миром.

— Большинство? Не знаю. Ведь это может и измениться.

— Они испытывают страх перед техникой. Они верят, что может вернуться Народ Колдунов. — Он задумчиво покачал головой. — И все связанные с ним опасности, хотя он представляет для них опасность лишь потому, что они все еще этого хотят.

— А в Касабаарде это не так?

— Может быть, мы бедны материальными благами, но есть иные виды богатства. Могу ли я спросить вас о вашей вере?

— Я... — Это меня озадачило. — Вера?

— В духовное.

— Не знаю... Думаю, что принадлежу к агностикам.

Мое ведомство предпочитает наличие у своих сотрудников этой духовной позиции, потому что она не так легко приходит в конфликты с религиями других миров.

— Нужно искать ответы, — сказал он, — в мышлении и в душе. Это тот выбор, который мы сделали для себя в Касабаарде. Вы можете верить, во что хотите, или вообще ни во что. Из-за этих вот вещей... — он показал на машины, — они не трогают нас. Ни Сто Тысяч, ни Кель-Харантиш. Мы сделали свой выбор. Сейчас мы встречаемся с чем-то новым, с вашим миром. И это принесет с собой новые решения.

— А вы сами, — спросила я, — верите в Бога? В Богиню?

На его лице появилось выражение, которое могло означать как удивление, так и удовлетворение.

— Бог — это вы, Кристи. Бог — это я. Это мы все.

Я чувствовала свою беспомощность. Касабаарде был устроен совершенно иначе, чем Южная земля. Перед послем здесь вставали совершенно иные задачи.

— Я... простите меня... я все еще точно не знаю, почему здесь нахожусь.

— Это вы поймете сами, пробыв здесь некоторое время во внутреннем городе. Причина, из-за которой я пригласил вас посетить меня, гораздо проще. Основным назначением Коричневой Башни является получение знаний. Я желал бы получить знания о вашем мире, Кристи. О Земле и о Доминионе.

Я пожала плечами:

— Это моя задача. Я охотно расскажу вам все, что знаю.

— Наши языки отличаются друг от друга, — сказал старец. — Возможно, мы не поймем друг друга в большей степени, чем предполагаем.

— Разве это не является неизбежным? Во всяком случае, сначала?

— Да, это так. — Он взял мою руку, чтобы опереться, и встал. — Думаю, вы это поймете. Я хотел бы записать ваши личные воспоминания, Кристи, чтобы познакомиться с вашим миром. И, поскольку Касабаарде знаменит своей торговлей, я готов предложить вам доступ к некоторым воспоминаниям об Орте, которые у меня имеются.

— Почему вы сомневаетесь в нем? — спросил обитатель Топей, когда мы шли по коридорам.

— Разве я сомневаюсь?

— Да, иначе бы вы не говорили с ним так. Так не сделал бы ни один из нас. — В его голосе слышалось явное возмущение по поводу моего столь непосредственного легкомыслия.

Его тонкие как палки руки и ноги, шелки-глаза, холодная змеиная кожа... Все это просто диссонировало с пыльным, обжигающим Югом — обитатель Топей в одеянии служащего Коричневой Башни.

— Тетмет, как вы сюда попали?

Он привел в действие какой-то механизм в стене, и открылись наружные двери. За садом белели сводчатые крыши, освещаемые светом звезд, в воздухе чувствовался сильный аромат цветущих ночью ползучих растений.

Обитатель Топей ответил:

— Когда я был молодым, меня поймали люди и заперли в клетке. Они взяли меня с собой вниз по большой реке, чтобы развлекаться. Когда я стал постарше, то убил их и убежал по Расрхе-и-Мелуур... А он меня подобрал.

Небо было в серебристой дымке, с которой сливались яркие звезды. Я была без маски и видела, что город освещен так же хорошо, как и днем.

— Вы снова придете? — спросил он.

— Я обещала сообщить ему свое решение и сделаю это, как только все хорошо обдумаю.

Когда я шла по двору, обитатель Топей вышел из Башни и крикнул мне вслед:

— Кристи... Он знает, каково быть чужим в изгнании. Вам следует помнить об этом.

Улицы Касабаарде опасны даже при ярком свете звезд. Как сказала Орианк, масса времени для размышлений одних приводит к мудрости, а других — к праздности и насилию; у меня не было времени, чтобы бояться. Однако в этом городе, где никто не имел твердых привычек, не было причины возвращаться в Су'ниар. Другие дома-Ордены находились ближе.

Проходили дни, на город ежедневно обрушивались песчаные бури, налетавшие с плоскогорья. Было сухо, как в печи. На шестой день после моего посещения Коричневой Башни ветер сменился на северный. Сильные дождевые шквалы с Внутреннего моря превратили песок на улицах в грязь, в которой по шиколотку утопала нога. Ортеанцы отсиживались в своих подземных жилищах.

Эти резкие, неожиданные шквалы быстро прошли. Над улицами поднимался пар. Снова запылало солнце, и с раскинувшейся на плоскогорье пустыни задули горячие ветры с пылью и песком.

Я ждала приглашения Чародея, чтобы прийти в Башню и сообщить ему свой ответ. И с отчаянием думала о том, каким будет этот ответ.

* * *

— Возьми их у нее, — раздраженно сказала Орианк.

Аширен Орианк забрало у меня обе кадки с крышками. До уличного водяного насоса и обратно нужно было пройти всего несколько метров, обливаясь потом. Я села на скамью рядом с пожилой женщиной во внутренней комнате.

— Я бы хотела заняться каким-нибудь делом.

— Су'ниар не признает никакой оплаты, — ответила она, затем икнула и закашлялась, видимо, потому, что в горло ей попал песок. — Вы, иностранцы, не можете ничего не делать, я права? Вы за все беретесь, работаете и... Ах, да что я рассказываю! Просто выйдите наружу и сядьте под навесом. Не делайте ничего, тогда заметите.

— Что я замечу?

Ее рот скривился под краем маски.

— Разве я смогу вам это объяснить? Нет. Если бы это можно было кому-то объяснить, то тогда не было бы истинного откровения. Вы должны сами с этим разобраться.

Ее настойчивость наконец выгнала меня наружу. Я села на ступени лестницы, натянув на лицо маску от безжалостного солнца. Надо мной простирался навес, дававший спасительную тень. Под моими руками был теплый песок. Как всегда, опершись спинами на сводчатую стену дома-Ордена, сидела группа ортеанцев. Некоторые из них что-то бормотали себе под нос, другие пели, третьи неподвижно смотрели в воздух. Большинство были в грязи. Я не могла понять ни одного из них. Торговый язык презирался во внутреннем городе.

«Предположим, это правда, — подумала я, — что технику Народа Колдунов можно приспособить к потребностям как земных людей, так и ортеанцев. Но какую опасность это может повлечь за собой? Для жизни, для духовности, для политики? Проблема проста: либо я сделаю это, либо нет. Я совершила бы глупость, если бы так поступила, и совершила бы такую же глупость, если бы этого не сделала.

Это выходит за пределы полномочий, данных мне как послу. Есть ли у меня право выдавать информацию о Земле?

А если спросить иначе: есть ли у меня право не воспользоваться возможностью получить информацию об Орте? Ведь это является моей задачей. Но я ни в коем случае не буду знать, какая информация будет у меня взята и с какой целью она может быть использована. И рядом нет никого, кого я могла бы об этом спросить».

Дневные звезды выглядели едва видимыми точками над крышами-куполами, сияние Звезды Каррика превосходило их блеск. Я переместилась вслед за тенью, которую давал навес.

Наконец мне удалось определить свое внутреннее напряжение как страх.

Я подумала, что если Касабаарде представляет интерес, то ведомство осудит меня в том случае, когда я не принесу с собой все возможные сведения. Если же он не столь важен, то я трачу время на пустяки — во всяком случае, это будет расценено именно так — и выдам информацию о системе защиты Земли. Значит, я не могу действовать неверно, все равно, как бы я ни решила.

В этих моих размышлениях даже не находилось места для возможности того, что меня мог бы убить шок; даже с нашим гипноучителем обращаться приходилось с величайшей осторожностью...

Молодая женщина лежала в одном из похожих на гробы контейнеров, положив голову на переплетение перекрученных, как лента Мебиуса, частей установки. Я разглядывала ее лицо, выражение которого менялось под натиском мимолетных эмоций, которые кто-то испытал столетия назад.

Тетмет держал ее ребенка, безуспешно теребившего тунику на его груди. Чародей сидел у края другого контейнера-футляра, его бдительные птичьи глаза зорко следили за процессами.

После того как женщина была освобождена из машины, она взяла ребенка и исчезла. Она не замечала, что по лицу ее текли слезы, вызванные давно минувшими событиями.

— Ну, так что же? — спросил старец.

— Да, — ответила я. — Сейчас.

* * *

Я чувствовала под собой гладкую поверхность контейнера, мне казалось, что он был изготовлен не из металла и не из пластика. Вокруг себя я слышала гудение, которое воспринималось как слабый шорох или легкая вибрация. Я закрыла глаза и вдруг почувствовала себя больной. «Это ужасная ошибка — довериться внеземной науке», — сказала я себе. Но было уже слишком поздно.

Меня посетило такое чувство, которое — продлись оно чуть более микросекунды — стало бы невыносимой мукой. Невозможно передать это впечатление: словно раздвинулись узкие границы моего «я», словно оно расширилось до бесконечности и мышление растеклось по лабиринту, распростершемуся в вечность.

Чувство всеобъемлющего страха. Я с отчаянием хваталась за обрывки разговора, которые могла вспомнить, а что было потом, протекало со всей неотвратимостью осуществляемой насильно синестезии...

Боль.

...он сидит напротив меня в старинных латах, из-за пояса торчит топор с двумя лезвиями. У него — или это молодая женщина? — темная кожа жителей Севера, тонкая фигура, коротко подстриженная, бурого цвета грива, руки с длинными пальцами лежат на коленях.

— Вы позволите мне идти? — Его — или ее? — глаза смотрят на меня прямо, они не прикрыты перепонками. — Вы понимаете, что мне в моем положении нужно спешить.

«Аширенин», — понимаю я. Я не сразу это замечаю, потому что они очень редки. Судя по лицу, кир примерно двадцать семь или двадцать восемь лет. Все еще без пола, не взрослое.

Некоторые после обычного срока превращения остаются аширен. Если затем наступает трансформация в мужчину или женщину — что, как правило, происходит не позднее тридцати пяти лет, — то она неизбежно губит его.

— Ты из Свободного порта? — Информация дома-Ордена, в котором остановилось ке, была неточна.

— Да, из Морврена. У меня там есть друзья, а также и враги. — Ке улыбается. — Хорошие друзья. Андрете. Лори Л'Ку. Мы, наверное, отправимся вверх по реке; говорят, там дикая и неукрошенная земля. Если вы позволите мне покинуть ваш город, Мастер, я отправлюсь в эту поездку.

— И ты там расскажешь людям, чему здесь научился?

Глаза кир посветлели от удовольствия.

— Чему вы меня научили, Мастер? Скажите мне.

Солнечный свет просачивается в окно и пятнами падает на ровную, без стыков, стену. Так тихо, что слышно тихое гудение, это сердцебиение Коричневой Башни. В помещении библиотеки, где мы находимся, пахнет старыми книгами и пылью.

Аширенин смотрит на меня с подобающей этому месту спокойной невозмутимостью.

— Ты говорил в доме-Ордене Телмитар.

— Там было несколько слушателей, — соглашается ке.

— Ты сказал, что Церковь Южной земли заблуждается, что Церковь Богини была основана исключительно для того, чтобы оградить государство от техники.

— Второе я говорил, а первое — нет. Это не так, Мастер?

— Что основатель Керис имел в виду нечто подобное? Может быть. — Мне очень хотелось бы знать, где это узнал ке, но по опыту знаю, что правда станет известна в Касабаарде. — Это не моя забота...

— Тогда позвольте мне уйти.

— ...если не считать того, что Т'Ан Сутаи-Телестре является моей подругой. — Я наблюдаю за лицом кир. — Ты вернешься и расскажешь Ста Тысячам, что их вера — ложь?

— Большинство из них знают, что знаю я, Мастер, или предполагают. Но нет, это не то, что бы я им рассказал.

— Что же?

Выражение лица кир меняется, становится расслабленным. Оно серьезно, но с оттенком веселости. Ке наклоняется вперед.

— Я скажу им, что Керис в конце концов сказал правду, рассказывая ложь. Богиня существует, и все мы есть Богиня. Она — это земля. Она — это звезды. Что же нам нужно?

Ке что-то нашел в Орденах Касабаарде или во внутреннем городе, а может быть, и просто в воздухе. Это видно по лицу кир. Я чувствую, что теряю что-то, потому что не понял всего этого полностью.

— У меня остается немного времени, Мастер, — говорит ке. — Недостаточно, чтобы проповедовать Ста Тысячам, когда к тому же ко мне враждебна вся Церковь. Вы позволите мне идти?

— Я не Т'Ан Сутаи-Телестре, чтобы изгонять тебя из Южной земли. У тебя собственное предназначение. Оставь Касабаарде. Признаюсь, мной овладело любопытство, когда я услышал об этом Бет'ру-элене из Телмитара. Но я не стану тебя удерживать, если ты хочешь уйти.

— Но бывает ли Чародей когда-нибудь любопытен без причины? — спрашивает ке с этим архаическим произношением. Аширенин Бет'ру-элен в последний раз оглядывает Коричневую Башню, ее вечные стены...

Неожиданная агония. Солнечный свет того давно минувшего времени исчезает, и я попадаю в другую реальность.

...я говорю с гонцом. Человек заканчивает свой рассказ и возвращается к костру. Он садится и подставляет к огню широкие руки.

— Они ушли в пустыню на плоскогорье. — Он отворачивает голову от жара костра и смотрит туда, где на фоне звездного неба вырисовывается силуэт плоскогорья. Вокруг нас горит Кель-Харантиш. Ветер несет с собой пепел и песок. Кричат мужчины и женщины. Находят последних беглецов, их крики смолкают. — Не все, с'ан Керис. Вы одержали здесь победу. — Говоря, я спрашиваю себя, верно ли это.

— Одержал ли я ее, Мастер? Мы взяли город, но какая нам от этого польза? Я не смогу его удерживать. Мы захватили некоторых из полузолотых, но не их предводителей. — Он встает и делает несколько шагов в освещаемую звездами и огнем темноту. Затем возвращается и говорит: — Скажите мне, Мастер из Касабаарде, что они не отстроят заново свой проклятый город, скажите мне, что больше на Пустынном Побережье не будет техники Народа Колдунов.

— Ну... — Наши взгляды встречаются; он явно веселится, потому что думает о технике Народа Колдунов в другом городе — в Касабаарде. — Я не могу обещать, с'ан Керис. Что должно происходить в Ста Тысячах или в Таткаэре, решать вам. У меня же есть небольшой город и нет воинов, которые могли бы выступить против Кель-Харантиша, Кварта и Псамнола, если те снова проявят повадки Народа Колдунов.

Рядом стоят несколько заместителей, чтобы выполнять его приказы. Я жду, пока он говорит с ними. Они стараются не смотреть на меня. Касабаарде не пользуется у них доброй славой.

Керис возвращается, он трет глаза. Когда прогорают костры, ночь становится темнее. Он плотнее закутывается в плащ. Ночи в пустыне холодны.

— Так не может продолжаться. Это... — его широкий жест охватывает руины, — первый шаг на пути, а где оканчивается этот путь? В Сияющей равнине? В уничтоженном Эланзиире? Или он завершается тем, что Сто Тысяч будут так же основательно разрушены, как и Эриэл? Нет, Мастер. Мы слишком хорошо помним о катастрофе, она не должна повториться. И... я не верю, что у нас есть выбор, что мы сможем обеспечить себе преимущество и застраховаться от вреда.

— Значит, какой-то иной метод?

Его лицо помрачнело, но голос звучит твердо.

— Я могу уберечь мои Сто Тысяч от техники Народа Колдунов, могу распорядиться, чтобы Церковь наложила на нее запрет, могу попытаться найти другой путь. Но как же быть с Пустынным Побережьем? Если я запрещаю это оружие, то мы будем практически беззащитны. Я бы предоставил Кель-Харантишу возможность делать что угодно в пределах его границ, почему бы нет? Что бы мы могли предпринять, если бы они оказались у ворот Таткаэра? Ведь невозможно с мечами выступить против оружия, которое плавит камни.

— То есть вы хотели бы сохранить оружие Колдунов на случай их нападения? А они, наоборот, против вас?

— И вот мы снова на том пути, в конце которого — разрушение!

Клубы дыма закрыли звезды над городом. Голубые вспышки света и мощные взрывы сопровождают уничтожение техники Золотой Империи.

Керис кивает. Я встаю и подхожу к нему по потрескавшимся от жары камням. Ветер приносит резкий запах чего-то горящего, слышен шум огня.

Город разносят взрывы, все тонет в чаду, задыхается от дыма пожара и еще более отвратительных запахов.

— Это легче — следовать путем Золотых и надеяться, что мы избежим конца, если найдем свой собственный путь. Но все же, Мастер, мы должны попытаться это сделать. И если у нас нет оружия, чтобы защищаться от техники Колдунов, то мы должны сделать это умом, путем введения в заблуждение и таинственностью. — Он улыбается. Его юмор не наигран. — Наши предки сами обманывали Золотых. Мы наверняка сможем перехитрить так называемого Повелителя-в-Изгнании.

— Для Касабаарде не было бы никакой пользы, если бы возродилась Золотая Империя.

— А также и для Чародея из Касабаарде.

— Тут вы правы, с'ан Керис. Я не могу контролировать Кель-Харантиш, но считаю невероятным, чтобы с ним вступил в союз какой-нибудь город. Или какой-то из Городов Радуги.

— А как вы пришли к такому мнению?

— Им нужно торговать, а потому придется миновать Касабаарде, с'ан. А мы всегда открыты... для тех, кто презирает Народ Колдунов и их дела.

Касабаарде обязан своей силой географической случайности: чтобы с Пустынного Побережья достичь портов Южной земли, корабли должны проходить вдоль побережья Касабаарде и заходить сюда, чтобы пополнять запасы продовольствия, прежде чем плыть дальше мимо Архипелага. Это не означает, что некоторые корабли не могут плавать через океан к Восточным островам, а оттуда — прямо в Алес-Кадарет. Однако такие корабли вынуждены все трюмные помещения использовать для хранения продовольствия, а следовательно, не могут перевозить товары. Плавающие этим кур-

сом суда могут быть только пассажирскими или военными. Военным кораблям не требуется пополнять запасы в Касабаарде, и это еще одно счастливое обстоятельство.

Керис кладет руку мне на плечо.

— Мы тоже зависим от торговли. Но мы — богатая страна. Думаю, сможем обойтись и без благословения Касабаарде, если это потребуется.

Я понимаю значение пожатия его руки и осознаю то обстоятельство, что стою здесь один и далек от моих людей, и потому формулирую свой ответ с большой осторожностью:

— Разве это может случиться, с'ан Керис? Между Коричневой Башней и Белым Городом всегда была дружба.

— Касабаарде и Таткаэр, да-да. — Он убирает руку с моего плеча и вставляет большой палец за пояс рядом с харурами. — Иногда, Мастер, я спрашиваю себя: разумнее ли было с нашей стороны доверять вам, а не Кель-Харантишу?

— Разве иначе вы были бы здесь?

— Может быть, но, возможно, и нет.

Он не очень походит на того, кем является, этот человек, создавший порядок после длительного хаоса, следовавшего за гибелью Империи. Потемневшая кожа, заплетенная бурая грива, голубые, как море, глаза без белков, линии ромбовидного узора, глубоко врезавшиеся в озабоченное лицо. Но когда видишь его движения, то, как он берется за дела...

И он выведет телестре из хаоса, а Церковь из тупого догматизма, и о нем будут вспоминать не только в связи с тем, что он сделал, а также — как это бывает в легендах, пока они не освободятся от всех вымышленных мелочей в процессе снов о предыдущей жизни, — и в связи с тем, что он мог бы сделать. Я один буду об этом помнить и один знать.

— Вы можете доверять Касабаарде — пока я Чародей этого города.

По взгляду я понимаю, что до его ушей дошли некоторые слухи. А Кель-Харантиш горит...

Родовые схватки древних времен:

— ...обманул меня! — Голос отражается от стен шестиугольного помещения. — Поэтому я уничтожил его.

Я отворачиваюсь от разрушенных приборов из стекла и меди и смотрю на Сантендор'лин-сандру. Несколько синих светящихся шаров вздрагивают в неподвижном воздухе, сжимаются и перемещаются за ним, когда он расхаживает взад и вперед. Другие стали лишь потемневшими шарами, которые, перегорев, висят под потолком зала. Черная мгла поселилась в углах помещения из прозрачного камня.

— Он обманул вас, Повелитель?

— Я дал ему все! — Сантендор'лин-сандру смотрит на меня. Он высок и строен, у него золотая кожа и распушенная грива, подобная белому огню. Желтые звериные глаза на лице... таком красивом, что это походит на святотатство, когда оно выглядит раздраженным, жадным и возбужденным... как сейчас.

— Сколько времени он работал и кормил меня своими обещаниями? Сколько времени? — Холодный голос говорит на мелодичном, многосложном языке архонисов. — И безуспешно! Потому я и сделал так, ты больше не будешь обманывать меня, Эйр'ра Тел Сиавн. Никогда, больше никогда.

Он шагает через пустой промежуток оконной арки как бы в пустоту, но его удерживает плоское мерцание в воздухе. Это пузырьковое поле, задерживающее ледяной холод северного ветра. За ним лежит город, похожий на фонтан света. Архонис, держащий в своем каменном кулаке Шесть морей и реку, которая протекает через него и впадает во внутреннее озеро.

— Он не справился, Повелитель? — Это то, что, как я себе представляю, и пришла сюда узнать, после того как поговорила с Тел Сиавном, пока еще не умер этот гений. — Может, ему не хватило времени, чтобы завершить дело?

— Он ничего не дал! — Это опять началась одна из тех истерических вспышек гнева, к которым предрасположен Повелитель. Повернувшись спиной к распростершемуся внизу городу, с грациозностью животного он протягивает руку и указывает на голубой мрак разрушенной комнаты. Там лежит разбитая вдребезги высокоточная аппаратура. — Я предоставил ему все это! Он был первым человекоподобным жи-

вотным, в руки которого попала древняя наука! Какая ирония! То, что Мы создали, само стало творцом... И — ничего! Разве можно было так провести меня, обмануть, запутать?

За его спиной в темной ночи Севера горели огни Архониса. Гирлянды сферических светильников покрывают крапинками и пятнами холмы над озерами, в небо поднимаются световые башни, яркость которых превосходит сияние всех звезд. Но, несмотря ни на что, свет является только одной-единственной сферой в огромном темном зале. Его хватает как раз настолько, чтобы осветить контуры и нижние этажи циклопической архитектуры города.

Низкие башни окаймляют берега расположенного вблизи озера. На их карнизах рядами висят черные комки, выглядящие как сушеные фрукты. Это отрубленные головы. Если подойти ближе, то можно заметить, сколь многие из них уже высохли на ветру и как немало их еще кровоточат.

Я иду за Сантендор'лин-сандру обратно в комнату. Звуки наших шагов с гулом отражаются от каменных стен и пола. Я слышу еще слабое гудение, пощелкивание машин и шум далеких летательных аппаратов в ночном небе. В воздухе пахнет пылью, несмотря на все энергетические поля, которые постоянно включены. Предчувствие холода, такое ощущение, что сюда может заползти туман с озера.

— Значит, Тел Сиавн мертв.

Ангельское спокойствие возвращается на его ястребиное лицо.

— Но мне никогда не следовало ему доверять. Они, эти твари, не что иное, как животные, и никогда не станут чем-то большим. Не впускай их никогда в свою постель.

Он внимательно смотрит на меня, и я стараюсь делать вид, что не понимаю сказанного.

— Я слышал, ты была им своего рода приятельницей.

— Приятельницей? Нет.

Но теперь я знаю, что удалось Тел Сиавну. И что он сделал согласно желаниям Сантендор'лин-сандру. Может быть, он был гением, как я его себе и представляла. Он за свою короткую жизнь определенно сумел использовать знания биологии и генной техники в гораздо большей мере, чем это

смогли сделать мы за время, прошедшее после нашего сюда прибытия.

— Кузина, ты молчишь.

В сухом воздухе стоит запах пыли. Шаровые огни пощипывают кожу, тихо позванивают при ходьбе звенья моей кольчуги. Не играет ни один ароматический орган. Воздух теперь свободен от противного гнилостного запаха, которого не может перебить никакой ароматический орган, он свободен от запаха наших созданий, человекоподобных животных, рабов.

— Мне кажется...

— Ну?

— Ты позволил ему проводить эксперименты по разведению вирусов, и это правда, что было разработано много лекарственных препаратов против болезней человекоподобных животных. И все же... если это еще не все? Нет ли здесь возбудителей болезней, которые могли бы принести нам вред и могли быть выпущены на свободу?

Это ирония, которую он смог бы оценить, если бы когда-нибудь она стала ему известна, после того как он спал с Тел Сиавном и тем самым почти наверняка привел в действие постепенное распространение рекомбинированного вируса с определенным эффектом.

— Я позабочусь о том, кузина, чтобы эти помещения были обеззаражены, а в качестве благодарности за твой отличный совет ты можешь остаться здесь и проконтролировать выполнение данной акции.

По городу распространяются ареалы темноты, на каменных стенах появляются ужасные черные пятна. Или это мне снится, а Архонис все еще таков, каким он его видит: сияющее, мощно бьющееся сердце всех городов мира, источник вечного солнца Золотой Империи?

Сантендор'лин-сандру никогда больше не сможет зачать детей, не смогут и те, с кем он спит, а также и те, с кем общаются эти... бесплодие распространится из центра страны до самого дальнего уголка Империи.

Они обратятся друг против друга, когда поймут это, и развяжут кровавые сражения. Эланзиир станет побережьем,

а местность здесь превратится в пустынную землю с мертвыми городами. Север будет берегом сумерек, а от Эриэла не останется ничего, кроме Сияющей равнины. Она станет бесплодной, эта Империя, а гибель ее будет ужасна.

— Есть кое-что еще, что мы должны сделать прежде всего.

— Слушаю тебя, Кирианшур'на-риан.

— Как я слышала, на Юге есть места, в которых Золотая Женщина может найти убежище, это за Расрхе-и-Мелуур. А нам потребуется убежище, когда последние из нас — живущие, какими мы являемся, — попадут в руки людей Тел Сиавна.

Его объятия жестоки, неожиданны. Когда я покину его, то возьму себе подарок, о котором он ничего не знает.

В гладких стенах зала я вижу наши соединившиеся образы, образы Золотой Женщины и Золотого Мужчины, и с нами навсегда дух Тел Сиавна.

Это Сантендор'лин-сандру, имя которого на языке животных передается из поколения в поколение как Хозяин рабов и Строитель дорог, а также как Сандор, Последний Повелитель.

Боль.

И я уже не состою из этих коротких происшествий, поворотных пунктов, какими бы решающими они ни были. Я — общая сумма тысяч зимних дней, которыми идешь мимо спящих полей, столь же многих летних дней, проведенных на кораблях во Внутреннем море. Бесчисленных дней, заполненных едой, сном, работой и копуляцией, и, наконец, дней Коричневой Башни. Эти едва воспринимаемые дни, когда прикасаешься к земле под постоянно меняющимся небом, — они сформировали меня.

Я — рекомбинированные человекоподобные животные, потомки Золотых и обитателей Топей, все их далекие отпрыски на Юге. Я — часть Народа Колдунов среди вечного лета Империи, среди золотого изобилия, в котором в течение бесчисленных тысячелетий пребывал этот мир.

В холодных зонах моих воспоминаний есть еще очень многое:

...звезды видны даже в полдень. Наши черные тени падают на полюса мира. Неистовое солнце, от которого происходит мир, делает для нас невозможной жизнь на экваторе.

Шелестят на ветру растения. Остальные из группы находятся внизу, у воды, и присматривают за слугами. Я спешу к ним, немного медлю, потом пробегаю мимо них и поднимаюсь на вершину холма.

Блестят на солнце колонны, чернеют замковые камни сводов. Я ищу себе путь по поросшей мхом земле к центру круга и останавливаюсь, чтобы отдохнуть. Со всех сторон вокруг меня находятся пустые ворота. Потом я вижу низменность, реку, далекие горы и тех немногих из нас, кто еще жив.

Я видела эти ворота, когда они сияли, когда каждые из них вели в другой мир, были шкатулкой для драгоценностей, наполненной пейзажами, небом, звездами и морями.

— Это бесполезно, Страж.

За мной следовала адъютант с блестящими глазами, ставшими такими со времени катастрофы. Я мягко отвечаю:

— Нас слишком мало, мы не можем активировать группу. Никому не пройти. Миры для нас закрыты.

Когти ударяют по хитину, она опечалена.

— Певец мертв.

— Так лучше, я думаю.

Происходят несчастные случаи. Но потерять Первого, Второго и Третьего во время контакта и остаться с Пилотом и Фокусом, которые больше ничего не понимают... А теперь еще мертвы Ночной Разведчик и Певец...

— Мы уже никогда не будем группой, Страж. Мы теперь отданы на произвол этому миру, верно?

— Да.

— А наши жизни?

Во лжи нет никакой любезности.

— Мы находимся слишком далеко от репродукционного центра. Нас всегда будет оставаться ровно столько, сколько сейчас. Но даже на таком большом удалении от центра наши жизни будут продолжаться долго.

— Дольше, чем мы того желаем?

— Может быть.

Она дрожит всем телом, потом оборачивается и разглядывает тех немногих из нас, кто еще остался: Привилегированного, Захватывающего Дух, Остающегося В Тени. И конечно, слуг.

— Страж, приспособятся ли к этому миру слуги? Смогут ли они размножаться?

— Думаю, да. Во всяком случае, ближе к экватору есть жизнь, представленная двуногими гуманоидами, очень похожими на слуг. Мы можем формировать их в соответствии с нашими потребностями.

— Это хорошо. Мне не хотелось бы провести свой последний век в одиночестве.

Свет, прохладный ветер, запах текущей воды — все это кажется мне еще чужим. Я спрашиваю себя, сколько пройдет времени, прежде чем они превзойдут меня.

— Мы должны оставить здесь книги по истории.

Она смотрит с пренебрежением, ее фасеточные глаза блестят на солнце.

— Кто их найдет, Страж? Кто? Мы единственные путники. Слуги не располагают духовностью. Они не могут вступать в контакт, не могут устанавливать связи. За нами никто не последует. Миры столь многочисленны, как пылинки в солнечном луче.

— И тем не менее, ведь я — Страж. Книги по истории будут сохранены.

На холм чопорно поднимается слуга и зовет нас к обеду. Он небольшого роста, у него толстые руки и ноги, нет крыльев, голова его на уровне моей, когда я сижу, и у него есть грива. «Изменятся ли они, чтобы обрести способность жить в этом мире? — спрашиваю я себя. — И переживут ли они, наконец, нас при их быстрой смене поколений?»

Поскольку он лишен способности к языковому общению, то сгибает гибкие руки, являя собой пародию на обычный жест выражения почтения. У него желтые глаза, в которых очень мало интеллекта, но ведь эволюция умеет делать удивительные прыжки.

Поразительно, если они выживут и создадут империи, когда мы исчезнем. Их глаза похожи на жемчужины, они

желтые, как солнце, которого мы — я вспоминаю об этом — никогда больше не увидим. Я выхожу из состояния покоя, чтобы поскорее спуститься с холма...

Вспышка боли. Отказ. Страх.

Гладкие стены, состоящие из полуметалла, и заботливо сохраненные остатки техники, находящиеся в Коричневой Башне. Садясь, я замечаю, что мое тело как бы одеревенело.

Воздух прохладен. Есть уровни ниже этого, как я знаю, в скальных породах под внутренним городом. А над защищенными помещениями находятся обожженные солнцем, пыльные улицы Касабаарде. Я охотно вышла бы сейчас на свежий воздух, хотя соприкосновение с мшистой травой все еще в моей памяти...

— Кристи, послушайте меня.

«Когда это происходит?» — спрашиваю я себя. Время, если его узнаешь, не воспринимается как прошлое. Существует только вечно длящееся Сейчас.

— Хорошо ли вы себя чувствуете?

Рядом со мной обитатель Топей со сдвинутой назад маской. Разве обитатели Топей всегда были в Касабаарде или все происходит в другом месте? Нет, я знаю его имя: Тетмет. Выражение его лица нельзя назвать довольным.

А старый человек... Чародей?

Как нас может быть двое?

Он говорит еще раз:

— Кристи?

— Я думаю... Я не уверена. Не есть ли это еще одно воспоминание? — Я потираю виски, пытаюсь ослабить боль. — Когда я проснулась?

Обитатель Топей протягивает мне чашу с жидкостью. Она горячая, сладкая, терпкая, обжигает горло. Это физическое ощущение возвращает меня в реальность.

Старый человек смотрит на меня несколько испуганно.

— Это эффект, которого я не мог предвидеть, мне очень жаль. Поверьте, вы больше не в машине. Сейчас вы воспринимаете все непосредственно, не в моих воспоминаниях.

— Ваши воспоминания? Не мои? — Все тело болит: кости, суставы, сухожилия и мышцы. Я смотрю вниз, вижу не-

знакомые руки, обхватившие чашу. Короткие пальцы, кожа, потемневшая от загара под звездой Каррика. — Сколько времени... сколько времени это продолжалось?

— Сейчас полдень, — говорит обитатель Топей, — вы начали вскоре после восхода солнца.

Старик успокаивает меня.

— Недолго, хотя вам так не кажется.

Ко мне возвращаются подробности. Голова проясняется. Но тут было что-то еще... Да.

— Вы сказали, что хотели записать мою память. — Я чувствую напряжение, означающее страх. — Нам бы лучше поскорее закончить с этим делом.

— Не нужно, Кристи. Это уже произошло, пока вы здесь находились.

— Уже? Я...

— Это произошло, — повторяет старец. Мне потребовалось увидеть недоумение на лице обитателя Топей, чтобы понять, что сказано это было по-английски. А старый человек смотрит на меня с таким выражением на лице, которое мне одновременно знакомо и незнакомо. Я уже видела его однажды.

В зеркале.

Глава 26. Игроки в охмир

Меня ослепил солнечный свет, когда я вышла из Коричневой Башни. Стали слезиться глаза, я начала жмуриться и моргать и тут поняла, что этим хотела добиться уменьшения светового потока, что пыталась мышцами земного человека привести в действие нечто, чего у меня не было: третье веко. Я поспешно надела маску.

— Вы должны еще раз прийти в Башню, — сказал Чародей. Тень входных ворот скрывала его лицо. Но голос и манера речи были мне очень хорошо знакомы. — То, что я

узнал о вашем мире, нуждается еще во многих пояснениях. Возможно, и у вас есть подобное ощущение?

— Да, я... я снова приду. — Я была в напряжении и нервничала, чего-то ожидала... Может быть, самой малой боли, которая пробудила бы меня в какой-нибудь иной реальности?

— Будьте мужественны, — сказал старик. — Через некоторое время это пройдет.

Я еще раз пообещала снова прийти и оставила его. Идя по саду, я все еще испытывала легкое недомогание. Меня преследовали мгновенно проносившиеся в голове воспоминания. На покрытых песком улицах мне попадались ортеанцы в светлых одеждах, и я смотрела им вслед.

«Я знаю, что чувствуешь, являясь тобой, знаю, как ты двигаешься, прикрываешь перепонками глаза, как страх заставляет дыбом вставать волоски гривы вдоль твоего позвоночника и сжиматься в кулаки руки, вооруженные длинными ногтями. Я это узнала».

Обратная дорога до Су'ниар была долгой. Я неважно чувствовала себя в своей собственной шкуре.

В домах-Орденах невозможно было найти ни палочек для письма, ни пергамента — они обходятся без подобной жизненной потребности, — поэтому я заплатила таможенную пошлину и вошла в торговый город. Мне нужно было написать что-то вроде отчета, прежде чем я забыла бы все подробности, поскольку у меня нет такой эйдетической памяти, как у Чародея. Попытка вспомнить видение подобна стремлению задержать движение песка.

Вернувшись в Су'ниар, я записала их, пока они со всей ясностью сохранялись в моей памяти.

Бесполоый, просветленный облик Бет'ру-элена в дни основания Пейр-Дадени, Керис и пожар в Кель-Харантише во времена возникновения Южной земли. И совершенное безумие Золотой Женщины, жившей в незапамятные времена в последние дни Золотой Империи. И Страж. Кто бы он ни был. Все это охватывало века. Но тут мне на помощь пришел рассудок, мне казалось, будто все эти события были вчера или даже сегодня.

Если смотреть на прошедшее глазами земного человека, то многое оставалось непонятным. У воспоминаний, как и у снов, есть своя внутренняя логика.

На плоской крыше Башни стояли каменные чаны. В них из ярко-красного мха росли ветви кустарника с пепельно-серыми и фиолетовыми листьями. Между ними стояли скамьи, над которыми нависали тенты. Здесь можно было сидеть и любоваться видом куполов внутреннего города, обозревая все до самого порта. Свет дневных звезд слегка размывался воздушной дымкой.

Тишину нарушило гудение. Чародей посмотрел на небольшой купол на крыше в середине сада. Его половинки раздвинулись в стороны, и снизу на платформе лифта возник Тетмет.

Обитатель Топей подошел к нам, бросая на меня обычные недоверчивые взгляды, и передал старцу какое-то послание.

— Это могло бы заинтересовать и вас, Кристи, — сказал Чародей и медленно прочел: — Т'Ан Сутаи-Телестре и такширие вернулись в Таткаэр... Первая неделя Дуресты, да, верно, оно шло сюда три недели. — Он улыбнулся. — Иногда известия идут довольно медленно.

— А есть ли новости насчет убийства Андрете? — Если бы они нашли преступника... Внезапно меня охватило волнение.

— Нет, об этом здесь ничего не написано. Что же касается остальной части послания... — Он взглянул на обитателя Топей. — Скажи им, что я сейчас спущусь в вестибюль.

Обитатель Топей поклонился и вернулся к лифту. Я поймала себя на том, что щипаю красный мох из чаши рядом с собой. Его разорванные кусочки лежали на гладком полу.

— Не волнуйтесь, — сказал старый человек. — Они найдут убийцу. Ведь она была Андрете и ее охраняли. Она находилась в Хрустальном зале, чтобы встретиться со своими агентами... Для кого-то это являлось единственной возможностью, потому что в этот момент рядом не было ее личной

охраны. Ее убил кто-то, кого она знала и кому доверяла, иначе бы она стала защищаться.

— Вы довольно уверены в том, что я невиновна.

— Вы забываете, — его рука взяла меня за локоть, — что я был там.

Смешение наших личностей, существовавшее с момента обмена воспоминаниями, все еще шокировало меня.

Когда он ослабил руку, я встала и подошла к краю крыши. Атмосфера слабо мерцала. Пот сразу высыхал на жаре. Я потеряла затылок, по которому било солнце: мои подстриженные волосы были слишком коротки, чтобы хоть немного защитить его.

Меня мучили обманчивые ощущения: все время хотелось почесать себя когтистыми пальцами по густой гриве, тянувшейся вдоль позвоночника.

Внизу, во внутреннем городе, улицы выглядели пустынными, но в торговом я видела клубы пыли, поднимаемой повозками.

Как обычно, под уличными навесами собирались люди. Отдельные лица среди них менялись, но несколько ортеанцев там находилось всегда. Да и почему вдруг должно быть иначе, если Ордены кормили их, давали крышу над головой и одевали?

Я опустила рукава на обожженные солнцем руки. Чувство неловкости вызывало то, что я была на целую голову выше всех, кто меня окружал. Это выделяло меня точно так же, как иноземный внешний вид и визиты в Башню. А я ожидала, что скоро перестану отличаться.

Город — слишком беспокойное место, чтобы в нем жить. Я постояла так еще некоторое время, задумчиво глядя на город, в котором была возможна любая вера, на это средоточие мистики и безделья, дикости и внутреннего самосозерцания.

— Идемте со мной вниз, — сказал Чародей. — Мне нужно соблюсти одну договоренность, которая заинтересует и вас.

Он шел мучительно медленно. Наконец мы достигли купола лифта. Звезда Каррика мягко освещала внутренние по-

мещения Башни. Я не могла точно сказать, где мы остановились, я ориентировалась здесь весьма поверхностно.

Вошли несколько ортеанцев в коричневых одеяниях и передали Чародею послания. Он принял их и продолжил путь к вестибюлю.

Здесь было так же пусто и строго, как и во всех прочих помещениях Башни, не считая покоев самого Чародея. Тетмет следил за расстановкой стульев вокруг овального стола и за разливанием чая.

— Вели им войти, — сказал Чародей и занял резной стул у края стола.

Вошла группа людей. Я узнала имирскую одежду. «Она слишком тепла для этих мест», — подумала я, а потом поняла, что это были жители Южной земли. По обе стороны портала стояло несколько человек в униформе Короны. Они были без оружия.

Вошли гости: высокого роста женщина с удивительно знакомым лицом и несколько других, которых я видела при Дворе. Всех их сопровождали люди в коричневых мантиях.

— Далзиэлле Эвален Керис-Андрете, — объявил Тетмет. — Т'Ан Эвален, вы находитесь перед Чародеем.

— Да подарит вам Богиня добрый день... — прозвучало с хорошо знакомым мне имирским акцентом. Лицо молодой женщины было лицом Сутафиори, но моложе лет на тридцать. Ее взгляд упал на меня, и она замолчала.

— Вы уже успели познакомиться с посланницей Доминиона? — спросил старец.

— Со мной есть несколько человек, которые ее знают, — гневно сказала она. — Халтерн!

«Он выглядит так же беспокойно, как и всегда», — сразу же подумала я. И держу пари, что ему была ненавистна каждая минута поездки сюда. И что все это время он что-то придумывал и ловил любой слух по дороге от Таткаэра до Касабаарде.

— Хал!

Он неуверенно взглянул на женщину, потом на меня, выступил вперед и взял меня за руки. Я подумала: «Неужели дела с моей репутацией обстоят так плохо?»

— Я ничего не слышал о вас от Свободного порта Морвен. И то, что вы здесь... — Он покачал головой. — Т'ан Эвален, это Линн де Лайл Кристи.

В любом случае обстоятельством, вызывавшим недовольство гостей из Южной земли, не являлась жара. Узкие пальцы Эвален полезли за пояс рядом с пустыми ножнами, и, прежде чем продолжить говорить, она оглядела пустые коричневые стены. Светлая одежда Таткаэра казалась здесь неуместной.

Мне недоставало белых каменных стен Таткаэра и северного моря. Мне не хватало их больше, чем я когда-либо могла допустить. Жара Пустынного Побережья угнетала меня.

— Мастер, — сказала Эвален, — вы понимаете мое удивление. Но я отказываюсь говорить о наших делах в присутствии убийцы Андрете.

Он засмеялся слабым старческим хохотом.

— Ни за что иное я не мог бы поручиться, т'ан, однако в убийстве Андрете она невиновна.

Удивленные возгласы некоторых южан быстро смолкли.

Женщина сначала посмотрела на него, ничего не понимая, а потом недоверчиво спросила:

— Вы хотите сказать, что она этого не делала?

— Я знаю, что это была не она.

На лице Халтерна появилась улыбка, вызванная приятной неожиданностью. Его взгляд перебежал с Эвален Керис-Андрете на Чародея, затем он признательно хлопнул меня по плечу.

— Это превосходно, — тихо сказал он. — Просто превосходно!

— Если посланница не убивала, то кто же тогда это был? — осведомилась Эвален.

— Я еще не знаю, иначе послал бы сообщение вашей матери.

Она вспомнила о своих обязанностях и сделала полагающийся поклон.

— Т'Ан Сутаи-Телестре заверяет вас в своем почтении и шлет привет, Мастер.

Он принял сказанное к сведению и пригласил гостей за стол:

— Усаживайтесь, пожалуйста, прошу вас.

Эвален села на стул с противоположного конца стола. Во время возникшей краткой сумятицы, когда южане пытались разобраться, где им сесть, она наклонилась ко мне:

— Я сожалею о своих словах, т'ан. Известия о вашей невинности еще не дошли до Таткаэра, и я все еще думала...

— С этим все в порядке, — быстро сказала я. — О Таткаэре мы поговорим попозже, если вам будет угодно.

— Конечно.

Как только мне удалось поговорить с Халтерном, не обращая на это внимания окружающих, я спросила его:

— Поверят ли Сто Тысяч словам Чародея?

— Они имеют немалый вес. Но не в Пейр-Дадени, как вы уже заметили. — Он провел шестипалой рукой по светлой подстриженной гриве и несколько утрированно подмигнул мне. — А вас устроило бы гораздо больше, если бы вы знали, кто убийца, коль уж им не является посланница... Это все же умный ход.

Я улыбнулась.

— Вы изменились, — проговорил он.

Казалось, это изменение ему весьма понравилось. Я спросила себя, что же такое заметил этот продувной человек.

— Медуэнин сказал, что оставил вас в Свободном порту, — добавил он. — Я предполагал, что вы будете находиться где-нибудь на Пустынном Побережье, если уж совсем не здесь.

— Вы говорили с Медуэнином?

— Он находится среди прочих в обществе Эвален. Они еще в торговом городе. А также и ваша юная л'ри-ан.

— Родион здесь? — «Хотелось бы поговорить с ней», — подумала я. — Послушайте, Хал, что все это означает?

Он пожал плечами и хитро улыбнулся:

— Кажется, Чародей желает, чтобы вы присутствовали при нашей беседе, а Южная земля обычно терпит его эксцентричные идеи. Если вы останетесь, Кристи, то что-нибудь услышите.

«Я могу от этого отказаться», — подумала я. Переговоры между Ста Тысячами и Коричневой Башней бесконечны и ужасно скучны, а Эвален, кажется, была полна решимости выдержать их до самого конца.

Вопросы Чародея были кратки — я почти забыла, каков же его возраст, — и если они поскорее не закончат эти переговоры, чего я опасалась, то мне не удастся до завтрашнего утра сделать ничего полезного.

— Итак, чего же желает Сутафиори от Коричневой Башни? Прикрытые перепонками глаза Халтерна прояснились.

— Того, чего от Чародея хотят все, — знания. Знаний Кель-Харантиша. Сейчас выясняется, что СуБаннасен была не единственной, кто получал золото от Повелителя-в-Изгнании.

После обеда и после того, как старик немного вздремнул, что я и предполагала, переговоры продолжились. На этот раз они проходили в библиотеке и были менее официальны, а напряжение, в котором прежде пребывали южане, заметно спало, потому что они находились уже не под землей и в открытые окна могли видеть солнце.

Это помещение могло бы тягаться с любой библиотекой Ста Тысяч, и никто, видя себя в окружении множества книг, не мог забыть, что Башня занимала первенствующее место в отношении собранных здесь знаний.

Старик тщательно подготавливал для себя сцену.

Послеобеденное солнце освещало стол, сосуды с чаем, фрукты и конфеты. Тетмет стоял за спинкой стула Чародея и смотрел на нас, чужаков, с молчаливым неодобрением, которое разделяли и многие из облаченных в коричневые мантии. Он был фанатично предан Чародею.

Войдя, Эвален поклонилась и сделала знак сопровождавшим ее двум южанам сесть за стол. Эти двое внимательно за всем наблюдали.

К нам присоединился Халтерн; невооруженных охранников Короны он оставил за пределами помещения.

Дверь за ним закрылась, и он поспешно вышел вперед.

— Итак, — начал Чародей, — что имеет сказать мне Су-тафиори?

— Вы, вероятно, слышали о волнениях в Ста Тысячах, — начала Эвален, совершенно уверенная в том, что он столько же знал о Южной земле, что и она, дочь Т'Ан Сутаи-Телестре.

— Да, и — если, Кристи, вы позволите мне сказать это — большая их часть связана с вопросом об иных мирах.

Эвален кивнула.

— Это естественно, конечно, что есть голоса как против связей с ними, так и за них. Но если бы причины заключались только в этом, то Т'Ан Сутаи-Телестре могла бы не опасаться потери короны в следующее летнее солнцестояние.

— Потери... — Я замолчала, когда Чародей знаком велел мне это сделать.

— Политике нашей стороны всегда было присуще считаться с мнением Ста Тысяч. Если они не хотят вступить в контакт с Доминионом...

— Если бы это было все! — Она посмотрела на меня. — Нужно помнить еще и о следующем: если Южная земля не согласится на сотрудничество, то это не означает, что Земля не обратится к другим странам на Орте. Разве я не права, т'ан?

— Вы правы, конечно, — согласилась я с ней.

— Саберон, Касабаарде, даже Кель-Харантиш, — перечислила она, — все они к этому готовы, и у всех есть свои причины. А Ста Тысячам остается лишь, возложив на себя вретище и посыпав головы пеплом, явиться, пойти на попятный и принять все условия Земли! Поскольку такое непременно настанет, мы не можем позволить себе просто не замечать этого обстоятельства. Все, что мы можем попытаться, это оттянуть неминуемое. — Солнечный свет падал на ее руки, и кожа казалась слегка зернистой. На костлявых запястьях были видны болотные цветы. — Посланница, какие бы соглашения в конце концов ни возникли между нашими мирами, изменения следовало бы вводить шаг за шагом, постепенно. Возможно, в течение нескольких поколений. Именно

это всегда было тем способом, каким Сто Тысяч реагировали на реформы.

— Я ничего не могу сказать о политике Доминиона. В мою задачу входит сбор информации, которая может быть использована в качестве вспомогательного средства при принятии решения... — «Они, самое большее, выражают ни к чему не обязывающее признание общественной необходимости», — подумала я, но правда состояла в том, что Орте была отсталым миром и могла, предположительно, еще долго прозябать в состоянии застоя. Конечно, остатки техники Золотых представляют собой некоторый фактор опасности. — Во всяком случае, т'ан Эвален, одна вещь кажется мне особенно важной — медицина.

Чародей сказал:

— У них есть многое, что нам срочно требуется. Большая часть знаний была утрачена, когда погиб Народ Колдунов. Я согласен с тем, что есть врачи, причем лучшие из них находятся в церкви Южной земли, но при лихорадках и эпидемиях, при ранах, инфекциях и родах...

Из сосудов с чаем поднимался пар, и воздух наполнился ароматом заваренных листьев арника.

— Если в вашем мире есть такие вещи, — сказала Эвален, — то нельзя ли их сразу же применять у нас?

— Т'ан, чтобы высокоразвитая медицина могла реализовать свои возможности, ей требуется и высокоразвитая медицинская техника, но против нее станет возражать ваша Церковь. Разве что вы ограничитесь приобретением медицинских препаратов посредством торговли... Но это вынуждает меня вернуться к вашему важнейшему, по моему мнению, обстоятельству, — сказала я, — состоящему в том, что Орте не является густонаселенным миром. Любая болезнь с Земли, против которой у вас нет иммунитета, могла бы повлечь за собой фатальные последствия.

Старик кивнул:

— Еще бы год свирепствовала Белая Смерть, и это могло бы отбросить нас назад, к варварскому состоянию Пустошей. И кто знает, нет ли подобных эпидемий на вашей Земле?

— Поэтому вам нужны ограниченные контакты с Доминионом. Лучше всего Орте следовало бы соблюдать своего рода карантин. — Это было для Южной земли подходящей идеей, и я увидела, что Эвален согласно закивала головой.

— И по этой причине вы зависите от Короны, которая вас поддерживает, — сказала она. — Сутафиори просила меня сказать, что это должна быть не обязательно она, но я убеждена в том, что в данном случае речь может идти только о ней.

— В мои задачи не входит разрешение конфликтов Сутафиори, — с раздражением сказал Чародей. — Башня не вмешивается ни в какие дела за пределами стен Касабаарде. Если ее снова назовут Короной, то это дело только Южной земли.

— Если бы это являлось делом только Южной земли, я не приехала бы сюда, — возразила Эвален. — Согласна, есть сильная фракция, настаивающая на том, чтобы не иметь вообще никаких контактов с Землей — к примеру, Ховис Т'Ан Ремонде, Ту'элл Т'Ан Римон и, вероятно, Морская маршальша Свободного порта Морврэн.

— Я знаю Сто Тысяч слишком хорошо, чтобы беспокоиться из-за некоторых Т'Анов. Телестре готовы без лишних разговоров отколоться, создать свои собственные Корону и такширие, а вас, Ховиса и Сутафиори просто-напросто бросить на произвол судьбы.

— Это их неотъемлемое право со стародавних времен, — скованно сказала она в ответ на возникший в комнате смех. Потом снова овладела собой, и на лице ее отразилась действительная озабоченность. — Да, я думаю... надеюсь... большинство против Земли по своему собственному убеждению. Но с некоторыми дело обстоит иначе, Мастер. Есть признаки того, что большая часть поддержки этой партии находится не в Южной земле, а в Кель-Харантише и у Повелителя-в-Изгнании.

Стало так тихо, что можно было услышать шарканье обуви по гладкому полу, когда один из охранников переступил с ноги на ногу.

Глаза Чародея заблестели.

— И это так?

— Ряд более или менее значительных событий указывает на этот город. — Эвален смотрела на меня, еще продолжая с ним говорить. — Мне кажется, Мастер, что если посланница не повинна в смерти Андрете, то истинного виновника следует также искать в Кель-Харантише.

Он опустил руку, будто хотел хлопнуть ею по столу, но вместо этого слегка коснулся его поверхности и прошептал проклятие, родившееся еще в стародавние времена. Каждый из пальцев его рук двигался самостоятельно, ощупывая неровности древесины.

— Это еще не доказано.

— Не доказано, но возможно? — предположила она.

— Нужно перепроверить, — рассеянно ответил он. — Да... Харантиш за заговором в Южной земле? Ведь вы знаете ваших людей, т'ан Эвален? Разве такое возможно?

— Я бы сказала, что ничто не было бы более невероятным, — ответила она, — ничто... если бы не гости со звезд. Итак, мы знаем, что возможно одно, но почему тогда должно считаться невозможным и другое?

— Это только предположение, но не доказанный факт.

— Я располагаю подробностями, которые мои люди позднее предоставят в ваше распоряжение. То, чего требует и просит Сутафиори, Мастер, так это следующее: знания событий, имеющих отношение к Кель-Харантишу, и, как я теперь вынуждена добавить, сведений о личности Канты Андрете. Поможете ли вы нам?

— Я посмотрю, что тут можно будет обнаружить. — Он сидел на стуле сгорбившись, с приоткрытым от усталости ртом. Прядь волос из остатков гривы упала ему на прикрытые перепонками глаза, глубоко сидевшие в сетке из тонких морщин, покрывавших кожу. Его руки дрожали. — Я не убежден в участии Кель-Харантиша, вы должны изложить мне ваши доказательства.

Затем я почувствовала себя втянутой в сплетни о коррупции и былых скандалах. Имена и места были мне знакомы, но не по моим личным воспоминаниям.

Я грызла съедобный гриб, обладавший пряным вкусом, напоминавшим перец. Вкус этот был приятно необычен. Про-

вода такое сравнение, я исходила из вкуса прочих ортеанских грибов.

Я думала о Сулис н'ри н'сут СуБаннасен, об измене и о той игре Ста Тысяч, которой не являлся охмир.

Для ортеанки Эвален была невелика ростом, но имела широкие плечи. Ее грива, коротко подстриженная на голове, густо покрывала смуглую кожу на затылке. Большинство жестов слабо напоминало жесты Сутафиори: то, как она сидела, закинув ногу на ногу и сцепив пальцы рук, и говорила на небрежной разновидности торгового языка с имирским акцентом. Однако эти неотесанные и приземленные манеры выражали ее личное своеобразие, за которым скрывался поразительный, хотя и медленно работающий интеллект.

— Мы продолжим наш разговор позже, Мастер, когда вам будет удобно, — сказала она. — Естественно, я ориентируюсь на ваши возможности, но мне следовало бы убедиться в том, что сопровождающие меня лица размещены как следует. Итак, завтра?

Он согласно наклонил голову.

— Башня будет и далее вести расследование, т'ан. А посланница? Она тоже останется в городе? Нам бы следовало еще раз поговорить о Пейр-Дадени.

— Конечно, — согласилась я. Судя по тому, как обстояли дела, Касабаарде все еще был безопаснее для меня, чем Таткаэр.

Мы с Халтерном прошли до ворот, за которыми располагался торговый город.

— Не хотите ли присоединиться к нашей компании? — Он искоса взглянул на меня, щурясь от блеска долгого и жаркого весеннего дня.

— Нет. — Я заметила на его лице выражение, состоявшее, как мне показалось, из личного разочарования и профессионального любопытства.

— Учитывая состояние моих финансов, в настоящий момент для меня имеет больший смысл оставаться в одном из домов-Орденов.

Он рассмеялся:

— Вы ведь знаете, что мы можем предоставить в ваше распоряжение любую нужную вам сумму.

— Я знаю, но предпочла бы не делать долгов, во всяком случае...

— Так-так? — быстро сказал он.

— Даже если бы причины не носили столь практического характера, есть, пожалуй, еще и другие основания для того, чтобы я предпочла оставаться здесь, во внутреннем городе. — Я как-то не решилась сообщить ему о них, но нашла слова, которые не показались бы Халтерну лишними определенного смысла. — Ведь здесь все же находился и ваш предок Бет'ру-элен.

Глава 27. Новости из Таткаэра

Его голова со светлой гривой возвышалась над толпой, когда он поднимался по перекрытой навесами улице, очевидно кого-то разыскивая. Он шел босиком, подбородок был в проникавшей всюду белой пыли.

На поясе его болтались пустые ножны, рубашка была развязана. Я видела, как он снял и перекинул ее через плечо. Под пылью, покрывавшей его с ног до головы, проступали грудные соски.

Волосы на его голове были коротко острижены, а по костлявому позвоночнику росла начиная от затылка густая лохматая грива. Глядел он несколько настороженно, мигательные перепонки прикрывали глаза от яркого вечернего солнца.

Свое обезображенное шрамами лицо он оставил неприкрытым даже в этом городе масок.

— Кристи! — крикнул он, подошел ко мне и опустился рядом на ступени лестницы дома-Ордена. — О Мать-Солнце! Что вы делаете в этом городе, где полным-полно сумасшедших?

— Жду, — ответила я. — А вы не торопитесь. Это Халтерн вам рассказал, где я была?

— Если бы от него зависело, чтобы я узнал, что происходит... — Он не договорил. — Но я забыл, что он ваш друг.

— Гм-м. Что вы о нем думаете?

— О Халтерне н'ри н'сут Бет'ру-элене? — Он пожал плечами. — Когда вы играете с ним в охмир, то никогда не поймаете его на обмане.

Это могло бы сойти за комплимент, а может быть, и нет. Но это было правдой.

— Как дела в Таткаэре? — спросила я.

— Я видел т'ана Хакстона, он взял ваш пакет. И думаю, он умолчал о том, что получил от вас сообщение, потому что в городе о том ничего не было известно, когда я его покидал. — Медуэнин снял с пояса кожаный мешочек. — Он просил передать вам вот это. Здесь письмо, написанное вашими буквами; он не захотел передавать сообщение на словах.

Очевидно, Хакстон писал письмо в истерическом состоянии. Он желал знать, где я была и чем там, черт возьми, занималась. Он считал, что мне в любом случае надлежало прекратить все дела и немедленно вернуться в Таткаэр, чтобы, бога ради, дать разумные разъяснения относительно того, что произошло в Пейр-Дадени.

Читая написанное, я смеялась про себя. Либо руководитель ксеногруппы был по рангу выше посла, либо, в противном случае, его указания были спорными. Однако я вернулась бы в Таткаэр лишь тогда, когда сочла бы это для себя безопасным.

— У меня есть еще одно сообщение, — сказал Медуэнин.

— От кого же?

— От Т'Ан Мелкати Рурик Орландис. — Он почесал себе переносицу. Вид у него был сосредоточенный. — Она говорит, что вменяемое посланнице в вину убийство Андре в настоящее время является более всего обсуждаемым в Таткаэре скандалом и что это состояние совершенно определенно продлится до тех пор, пока не изберут новую Корону. Было несколько покушений на жизнь некоторых

сторонников партии Сутафиори. Я советую оставаться за границами Ста Тысяч, пока не улягутся страсти и не будет найден убийца.

— Гм... — Исследуя содержимое мешочка, я обнаружила в нем шнурочки с серебряными и бронзовыми бусинками. Это избавляло меня еще от одной заботы. — Она здорова?

— Да, судя по ее виду, так и есть. — На его лице возникла искаженная шрамами улыбка. — Что касается людей из партии Сутафиори: к сожалению, это правда, что предпринимались покушения на жизнь Орландис и Ханатра, но покушавшиеся не справились с порученным делом. Все. Поскольку моя связь с вами известна, сам я не нашел себе никакого занятия, пока меня не наняла Т'Ан Рурик, чтобы я сопровождал в дороге Родион.

Если Таткаэр был столь опасен, то можно легко догадаться, почему Рурик желала отослать Родион как можно дальше от столицы. Хотя она, будучи ортеанкой, могла использовать Родион и для того, чтобы иметь глаза и уши в делегации т'ан Эвален.

Медуэнин находился в каком-то напряжении. Я спросила:

— Что с вами?

— Со мной? — Он был удивлен. — Ничего.

— Вы верите в то, что все члены группы Эвален заслуживают доверия?

— Да, в этом я вообще-то уверен, если так можно сказать.

Один из членов Су'ниар, входя в дом, коснулся Медуэнина. Тот ловко уклонился, не допустив столкновения.

Когда стали длиннее вечерние тени, в городе поднялись вверх закругленные жалюзи. Как и в большинстве Орденов, принадлежавшие к Су'ниар горожане жили в нижних этажах домов, а спали под куполами, располагавшимися на поверхности.

— Почему вы здесь находитесь, Кристи? — неожиданно спросил Медуэнин.

— Это уже второй раз, когда меня об этом спрашивают. Мне здесь нравится...

— Меня здесь все беспокоит, — сказал он, и я вспомнила, что ему уже и ранее приходилось бывать в Касабаарде. — Ни приличной пищи, ни какой-нибудь музыки, да к тому же в обществе сумасшедших. Нет, я бы в любом случае предпочел торговый город.

— Согласна, я тоже не прочь глотнуть вина и сыграть хорошую партию в охмир.

— Охмир? Только не во внутреннем городе. Здесь это осуждается. Вы должны будете приходить к нам, если захотите сыграть.

— Это я сделаю, — сказала я, захваченная идеей.

Медуэнин сидел опустив плечи, сцепив пальцы рук и зажав их между коленей.

— Я рада, что вы здесь. Но хотела бы, чтобы вы рассказали мне, что вас печалит.

Он поднял голову:

— Кристи, могу ли я вас о чем-то спросить?

— Можете спрашивать о чем угодно.

Он все еще медлил. Потом наконец сказал:

— Эта л'ри-ан, Родион...

— В отличие от меня вы видели ее совсем недавно.

— В Ширия-Шенине я не обращал на нее никакого внимания — она еще была аширен, — но сейчас, когда мы прибыли из Татказра, я заметил... — он, очевидно, не находил нужных слов и беспомощно махнул рукой, — что она... не подумал бы, что я когда-нибудь... но она так молода. И сейчас я спрашиваю...

Я думала, что она еще ребенок! Но это было лишь воспоминанием об отношениях между земными людьми, а в своих восприятиях я уже ориентировалась на ортеанцев.

— Вы с ней арикей?

Он не ответил прямо.

— Я не могу взять ее с собой в Медуэнин, хотя это моя телестре. А как бы выглядело со стороны, если бы я спросил в Орландис, могу ли стать там н'ри н'сут?

Взглянув на него, я поняла, что сожалею о решении отправить его в Татказр. Я подумала, что мне показали возможность, но тут же ее и лишили. Родион... Ну, хорошо.

— Как это могло бы выглядеть? — ответила я вопросом. — Как если бы опустившийся наемник с шапкой в руке появился в телестре Т'Ан Мелкати, как же еще?

Он потерял свое изрезанное шрамами лицо.

— Кристи, что же мне делать в таком случае?

— А что говорит об этом она? — Потом еще раз взглянула на его лицо и добавила: — Вы обсуждали с ней, чего она хочет? Спрашивали ее мнение?

— Я ждал... Не знаю, чего я ждал. — Это звучало так, словно он злился на себя. Потом глаза его прояснились. — Вы мне близки, как сестра. Если бы представилась возможность, не могли бы вы с ней поговорить? Мне очень важно, что вы думаете о ее характере.

— Конечно, — ответила я. — Вы считаете, я подходящий человек, чтобы об этом судить?

— Вы та, кого я об этом прошу.

— Хорошо, хорошо. Я увижу вас наверху, в Башне, с Эвален и ее людьми?

— Нет, если я смогу это предотвратить. — Он встал. — Я не вошел бы в Коричневую Башню даже за все золото в Доме гильдии наемников. Я увижу вас, Кристи, в торговом городе.

В Шестой день дискуссии возобновились. Они снова состоялись в библиотеке Башни. В качестве секретаря т'ан Эвален привела с собой Халтерна. Чародею помогал обитатель Топей Тетмет.

— Когда я думаю о Кель-Харантише, — сказала Эвален по завершении формальностей, — и о деле, связанном с убийством Андрете, мне кажется, что решение одной проблемы весьма способствовало бы устранению влияния другой. Если бы нам удалось доказать, что посланница не виновна — и найти действительного убийцу, — то это бы устранило большую часть предубеждения в отношении к представителям другого мира и повысило бы вероятность того, что Керис-Андрете сохранит корону.

— Во всяком случае, вам дали неплохой совет — найти убийцу, — сказал старец, и скрытая насмешка в его голосе осталась незамеченной.

— Итак, что же, — продолжала напирать Эвален, — можете ли вы помочь нам, Мастер?

— Я знаю кое-что об этом деле. — Он стал описывать события, как их видел (или, собственно, как их видела я). Мне не доставляло радости снова вспоминать об этом.

Мое место находилось напротив окна. Внутри поступал прохладный воздух, несший с собой аромат цветков арника. Солнце только что взошло. Я не могла его видеть, потому что окно выходило на запад, но его свет образовывал длинные мглистые тени на прямых улицах города.

Вдали, по другую сторону куполов и последней опоры Расрхе-и-Мелуур, пилонов с позолоченной солнцем вершиной, голубая дымка скрывала Великую Пустыню.

Скоро солнце выжжет из воздуха всю прохладу.

— Я хотел бы сказать по этому поводу, — заметил старик, — что если происшедшее случилось по указанию Повелителя-в-Изгнании, то едва ли он мог выискать лучшую жертву. Ведь ее любили и за пределами телестре Пейр-Дадени.

Халтерн почтительно наклонил голову в сторону старика, затем в сторону Эвален.

— Прошу прощения, но в одном случае это неверно. У телестре СуБаннасен не было причин любить ее, и даже если Сулис мертва, есть еще другие, носящие это имя. Подумайте, ведь золото Кель-Харантиша поступало в Алес-Кадарет на кораблях, а СуБаннасен находится в непосредственной близости от этого города.

— Теперь они не отважились бы на такое, потому что Т'Ан Мелкати выбрана Орландис, — вставила Эвален. — Но... я не осмелилась бы утверждать, что золото Народа Колдунов больше не найдет пути к Ста Тысячам.

— Могла ли СуБаннасен убить Андрете? — запросто осведомился Чародей. — Из мести за смерть Сулис? Могла бы она усмотреть тут шанс и обвинить в преступлении посланницу?

Эвален наморщила лоб.

— Вы сказали, что преступником является некто, кому она доверяла. Но СуБаннасен она никогда настолько не доверяла.

Халтерн сказал:

— Иногда она принимала в Хрустальном зале своих агентов. Это и являлось причиной того, почему там было так мало охраны, что стало возможным незаметно войти туда и снова выйти. Данное обстоятельство могло быть кому-то известно, и этот кто-то мог напасть на нее, когда она не имела никакой защиты.

— Так как же, было это запланировано или нет? — Чародей подался вперед в своем кресле, и обитатель Топей, наклонившись над ним, поправил плед на его коленях. После тихо сказанного хозяином слова он вышел из комнаты. Старец продолжал: — Я имею в виду, было ли это случайным убийством, а обвинение в нем посланницы уже позднее оказалось подстроенным таким образом, чтобы дискредитировать людей Кристи?

Было высказано несколько предположений, ни в одном случае не прозвучавших убедительно.

Вернулся Тетмет, неся полный сосуд горячего чая из арниака. Пока мы пили, я мысленно восстанавливала все сопутствующие обстоятельства моего последнего дня в Ширя-Шенине.

— Кто-то знал о ее шагах, — сказал Халтерн. Его руки охватывали чашу, покрытую голубой глазурью, над красного цвета жидкостью кружился пар. — Кто-то знал, что она находилась при Дворе, а не в Бет'ру-элен и что была в тот момент вблизи Первой стены.

— Вы видели труп? — неожиданно спросил Халтерна Чародей.

— Да. Я присутствовал, когда его осматривали.

— Как в точности выглядела рана?

Глаза Халтерна прикрылись перепонками, затем снова прояснились.

— Нож был вонзен в шею и повредил главную артерию...

— Чей нож... это известно?

— Это был мой нож, — призналась я, — он пропал у меня незадолго до этого.

— Значит, убийство было запланировано, — сказал Чародей, вмешавшись в разговор в тот самый момент, когда остальные поняли, к чему он клонил. — Заранее подготовлено,

чтобы опорочить посланницу. Какие еще повреждения имелись на теле?

Халтерн удивленно посмотрел на него, как будто не ожидая такого вопроса.

— На голове была гематома, имелись царапины и вывихи на руках и несколько сломанных ногтей. Сделано предположение, что она упала, когда ее ударили ножом, а потом, вероятно, была перенесена в кресло, где ее и обнаружили.

Я отхлебнула чаю и отставила чашу в сторону. Меня начинало тошнить.

Старец задумчиво почесал редкий гребень волос на голове. Он казался ссохшимся от возраста, в особенности в обществе высокопоставленных южан, однако в этом помещении он выглядел властелином.

— А не могло быть, — рассуждал он, — что ее сначала ударили по голове? И если это так и после этого она не потеряла сознания, а вступила в борьбу с нападавшим — имелись и другие повреждения, как вы сказали, — то ее убил кто-то из отчаяния? Возможно, — сказал он в тишине прохладного помещения, — ее убили только лишь потому, что она узнала женщину или мужчину, которая или который ударила или ударил ее по голове.

Через некоторое время Эвален сказала:

— Но по какой причине?

— Я знаю жителей Южной земли и Пейр-Дадени. Не думаю, что тот, кого она ожидала в Хрустальном зале, убил бы ее, если бы все проходило нормально. Ибо, в конце концов, — он повернулся ко мне, — если бы только пришли к мнению, что посланница напала на Андрете, то этого оказалось бы достаточно, чтобы восстановить многих против Доминиона.

— Но какой мотив можно было бы предположить в таком случае? — Я находилась в замешательстве. — У меня столь же мало причин нападать на нее, как и убивать.

— Они подумали бы, — сказала Эвален, — что все пришельцы из другого мира сумасшедшие — простите, т'ан Кристи, но это широко распространенное среди необразованных людей мнение, — и, конечно, не было бы недостатка в тех, кто поверил бы в эту историю.

Чародей очнулся от своих раздумий.

— Итак. Мы имеем дело с убийством, которое, возможно, было совершено под влиянием момента. Но поскольку уж оно произошло, то вину за него можно свалить на посланницу. Для этого преступникам было нужно, чтобы она появилась в том помещении. И они позвали вас к Андрете...

— Меня никто не звал, — сказала я. — Родион сказала, что меня требуют... Родион! Но она не могла бы совершить убийство!

Халтерн покачал головой:

— В то время она была еще аширен, а для нанесения смертельного удара ножом требовалась сила взрослого человека.

— Может быть, те, другие, намеревались позвать вас, — продолжал свои размышления Чародей. — И кто же им встретится на пути? «Полузолото», л'ри-ан посланницы, которую можно направить к ней с внешне безобидным сообщением... Да, видно, так это и произошло.

— Да! — Халтерн резко отставил в сторону свою чашу с чаем и повернулся к Эвален. — Т'ан, как вы знаете, против телестре Орландис были посланы наемные убийцы. Предполагалось, что они покушались на жизнь Т'Ан Рурик, но, возможно, это являлось и недоразумением. Их целью могло быть устранение т'ан Родион.

— Почему она никогда ничего об этом не говорила? — спросила Эвален.

— Возможно, ей невдомек, что она знает.

— Тогда мы быстро получим ответы на наши вопросы. — Эвален позвала одного из своих охранников. — Найдите Рурик Родион Орландис и доставьте ее сюда. Немедленно!

Человек в коричневой мантии проводил охранника наружу.

Прежде чем ее нашли, прошло некоторое время.

Пока все общество дискутировало о том, какие телестре этой зимой представляли Ширия-Шенин, обитатель Топей принес свежий чай из листьев арника.

Меня зазнобило от нараставшего напряжения. «Не верю, — думала я. — Не верю, что сейчас найду ответ. А если найду, понравится ли он мне?»

Солнце растворило дымку, свет отражался от светлых стен зданий.

Я откинулась на подоконник. Мы находились несколько выше уровня земли. Проходившие под куполами и аллеями широкие, закрытые сверху каналы образовывали сверкавшую на солнечном свете решетку. Неподвижный воздух, казалось, совершенно не содержал в себе влаги.

Я думала о Ширия-Шенине, о доках возле Пятой стены, где северный ветер был обжигающе колюч и не давал дышать. Но здесь — и уже на Четвертой неделе Дуресты, в начале весны — изо всех пор и складок кожи выступал пот, а от кирпичных стен отражались жара и блеск дня, слепя незащищенные глаза.

Я услышала, что снаружи что-то происходило, и вернулась на свое место. Открылась дверь, и вошли охранники, сопровождаемые людьми в коричневых одеяниях.

За ними следовал Блейз н'ри н'сут Медуэнин. Он был безоружен, двигался легко, но чувствовалось, что находился в большом напряжении. Я видела, как он прошелся взглядом по заполненному книгами помещению, так широко раскрыв глаза, что были видны их белки, затем остановился у двери, прислонившись спиной к стене.

«Естественно, — подумала я. — Его наняли, чтобы охранять ее, поэтому он и должен был прийти».

Родион остановилась в дверях.

Обитатель Топей с шумом вдохнул воздух, и даже Чародей стал пристально ее разглядывать. Я едва ее узнала. «Прошло всего лишь шесть недель, — подумала я. — Это просто какое-то чудо». Так я впервые стала свидетельницей быстрого превращения ребенка во взрослого человека.

У нее, как и у матери, была стройная, мускулистая фигура, а также ее живые манеры, но словно скольльзящие движения тела принадлежали только ей одной. Ее серебристая грива была подстрижена на имирский манер и обрамляла узкое

лицо, с которого настороженно смотрели широко раскрытые желтые глаза.

Поверх ее имирских брюк была зашнурована туника-безрукавка, а на поясе висели пустые ножны харуров. Теперь она стала выше ростом, чем тогда, когда я ее оставила, а связанную с превращением лихорадку излечил сон. Бедра были узкими, но груди выступали вперед, как это обычно бывает у ортеанских женщин. Чувствовалось что-то совершенно новое в том, как она себя держала.

Воспоминание скрывало в себе страх, настолько сильный, что я остро его ощущала: мне вспомнилось золотое ястребиное лицо Сандора.

«Неужели у Эвален, Халтерна и Чародея были такие же воспоминания о древности?» Она была нечеловечески красива, это «Полузолото», которое в большей мере, чем когда-либо прежде, олицетворяло собой Народ Колдунов.

Потом она нервно оглянулась, икнула, и стало понятно, что перед нами, без сомнения, находилась молодая женщина из Южной земли.

— Родион, — мягко сказал Чародей, — мне нужно задать вам несколько вопросов о Дворе Ширия-Шенина, на которые вы, наверное, сможете дать ответы.

— Да, Мастер, — ответила она с сознанием долга — в ее голосе слышались любопытство и страх, что являлось следствием славы, которой пользовался Чародей за пределами Касабаарде.

Я уперлась взглядом в стол, пока он задавал ей безобидные вопросы. Мне не хотелось даже смотреть на нее, чтобы не слышать потом, будто я пыталась повлиять на ее показания. Я хотела услышать правду.

Т'ан Эвален ждала тихо, ничем не выдавая своего нетерпения. Халтерн сидел с прикрытыми глазами и тайком разглядывал Родион.

— ...вы говорили Кристи, что с ней желает говорить Андре-те. — Чародей помолчал и как бы вскользь продолжил: — Кто, кстати, дал вам это поручение, не можете ли вы это вспомнить?

— Да, я помню, — сказала она с безудержной искренностью молодости. — Я встретила его за пределами Хрустального зала. Это был Бродин н'ри н'сут Хараин.

Глава 28. Хавот-джайр

Воздух был неподвижен.

Птицы-ящерицы с костяными гребнями на спинах ползали по дорожным камням и принимали солнечные ванны. Их движения были торопливы, тонкие хвосты мелькали туда-сюда, как плети.

Под нашими ногами похрустывала скальная порода. Когда мы подошли ближе, костяные гребни животных расправились, оказавшись крыльями, и вся стая вспорхнула вверх. В тишине слышался шелест множества крыльев. Кроме него, слышны были наши шаги и тихий шорох одежды.

Блейз посмотрел в мглистое небо:

— Сегодня ветра уже не будет.

— А завтра тоже, точно так же как и в следующий день. — Голос Родион был сиплым от досады. — Сколько же нам еще ждать?

— Столько, сколько нужно.

— Если бы был ветер, — сказала я, — ты не гуляла бы вокруг Касабаарде, а находилась бы на борту «Дитя Метемны» и уже на полпути в Таткаэр.

— Ах. — Она издала какой-то возглас, выражавший недовольство, и пожала плечами. — Призовите же вниз один из ваших магических кораблей, С'арант, чтобы он доставил нас домой.

— Я хотела бы, чтобы у меня была такая возможность.

Дорога проходила между орошаемыми полями, на которых бледно-зеленые стебли дел'ри уже выросли до половины своей высоты. Между тонкими, узловатыми стеблями росли красные кустики арниака.

Местность была совершенно ровной, а дорога — начало важной торговой артерии, проходившей вдоль Пустынного Побережья — едва возвышалась над полями. За обширными полями дел'ри мерцали вершины скал и дюны Великой Пустыни. На дороге перед нами поблескивали миражи луж, исчезавшие, как только мы к ним приближались.

Вдали блестел казавшийся отсюда очень небольшим Ка-сабаарде.

— Я пойду вперед и посмотрю, что там такое, — сказал Медуэнин. Впереди виднелась пыль, поднятая обозом, двигавшимся от города в нашу сторону. Медуэнин ускорил шаги.

Была середина второй половины дня. Дни стали длиннее. У меня никогда не существовало проблемы насчет того, как использовать дополнительные часы темноты — может быть, потому, что я так изголодалась по сну еще до своего прибытия в Ширия-Шенин, — но дополнительные дневные часы действовали на меня просто изнуряюще. Обычно я спала час или два около полудня, чтобы компенсировать это временное смещение. К тому же в полдень было слишком жарко, чтобы чем-либо заниматься.

Родион молча шла рядом со мной. «Может, она думает, что Бродин, этот человек с ястребиным лицом, убийца?» — спросила я себя. Он был одним из агентов Андрете, если это, конечно, верно. Но он же был и арикей Канты. И свою боль от ее утраты он вряд ли мог так разыграть.

Ремни, которыми я закрепила на спине джайанте, сильно жали, и я ослабила их. Пот тек мне под маску, но солнце на дороге светило так ярко, что снять ее я не могла.

Родион также была в маске и здесь, за пределами города, на ее поясе висели харур-нилгири и харур-нацари.

— С'арант...

— Да?

— Что вы почувствовали, когда впервые убили человека?

Медуэнин превратился в крошечную фигурку на дороге впереди нас, а облако пыли все приближалось. Для нас было бы безопаснее подождать, пока он проверит, кто там двигался.

— Давай передохнем немного.

Скалистый грунт, когда я села на него, был горяч. Родион поправила на поясе мечи, чтобы они не мешали, и села рядом со мной; она все еще ждала моего ответа.

— Расскажи мне, как это произошло, — попросила я.

— На улице. Их было четверо.

Она сняла маску и потерла лицо. Когда она взглянула на меня, я увидела, что глаза ее были чистыми и ясными, как у ребенка.

— Охранники убили одного, а Медуэнин — видели бы вы, как он умеет сражаться! — убил еще одного и обезвредил третьего. А я, я тоже убила одного. Это произошло примерно за две улицы от дома телестре Орландис на холме. Это было... что-то сумасшедшее. Все как при обучении владению оружием. Я ожидала, что он встанет и скажет: «Нет, это ты сделала неверно; ты должна держать руку повыше». Но кровь все текла, а потом он умер.

Шок, который я испытывала, не был сильным. У ортеанцев нередки случаи, когда дети совершают убийства. Кроме того, это недопустимый перенос земных привычек и представлений — рассматривать ее как ребенка. Но обусловленная культурой реакция на убийство имеет очень глубокие корни.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я не собиралась этого делать. — Она помотала головой. — Он намеревался убить меня. Мне было так страшно! Я не дала ему ни малейшего шанса, я была так напугана. А это неправильно, его следовало бы допросить.

— Страшно бывает каждому, — сказала я.

Она кивнула и не стала повторять свой первоначальный вопрос; возможно, для нее было важным лишь высказать, что она чувствовала.

— Там, откуда я прибыла, — сказала я, — мы не учим детей воевать.

— Как же тогда они учатся защищаться?

— Они этому не учатся. Ну да, они учатся, но им это не нужно!

Она рассмеялась, запрокинув назад голову, и хлопнула ладонью по камню.

— С'арант!

— Я сама знаю, что это звучит не слишком логично.

Она лениво потянулась и посмотрела на дорогу.

Снова появился Медуэнин, возвращавшийся в обществе торговцев. Их фигуры колебались в горячем воздухе.

Я слышала каркающие крики птиц-ящериц. От камней исходил жар.

— Опасности нет. — Она натянула на лицо маску, чтобы защитить свои глаза, встала и отряхнула пыль с одежды. — Идемте лучше им навстречу.

«Я начинаю становиться недоверчивой и подозрительной, как житель Южной земли», — подумала я. Предположила, что на дороге мне может угрожать опасность. Такое было бы возможно в Таткаэре, но здесь?

Нет, в этом был виноват только Блейз н'ри н'сут Медуэнин: наемник постоянно должен помнить об опасности.

Кругом не было никакой тени, во рту пересохло. «Пора возвращаться в город», — подумала я.

Тут снова заговорила Родион.

Она кивнула на Медуэнина, который находился еще на изрядном от нас расстоянии, и спросила:

— Каков он — хороший арикей?

— Что? — Я была поражена. — Откуда, черт возьми, мне это знать?

— Ведь вы с ним арикей, разве нет? В Морврене все об этом говорили.

Я справилась с собой и удержалась от улыбки.

— Они ошибаются. Медуэнин близок мне, как брат, он мне не арикей.

— Ага. — Она небрежно пинала время от времени валявшиеся на дороге камешки, потом подняла лицо к солнцу. Наконец посмотрела на меня — под краем маски промелькнула улыбка — и снова отвела взгляд в сторону.

Мимо прогремели повозки, в которые были запряжены неуклюжие животные песочного цвета, известные на Пустынном Побережье под названием «бренниор». Их короткие, но подвижные морды непрерывно подрагивали, обнюхивая все кругом.

Из облака пыли вышел Медуэнин и предложил нам бутылку воды.

— Торговцы не ждут ветра, — сообщил он, — они хотят попробовать отправиться на юг по суше. Возможно, незадолго до того, как мы отправимся обратно в Таткаэр.

* * *

В гавани было тесно от скопившихся кораблей. Разочарование и досада повисли над торговым городом подобно песчаной буре, при такой жаре самообладание начинало покидать людей.

Мы вошли в город через Восточные ворота, где нам пришлось заплатить пошлину за вход, какую мы заплатили и ранее, когда выходили из Касабаарде.

— Не уходите пока, — сказала Родион. — Эвален расположилась недалеко отсюда, С'арант, идемте же с нами, навестите нас.

— Конечно. — Я подумала, что вернуться в тишину внутреннего города было бы сейчас слишком рано.

Со стороны моря торговый город оказался очень плотно застроен. Ветхие сараи, стены которых были сложены без раствора, жались к старым куполообразным постройкам. Оказывается, здесь когда-то давно, когда город занимал площадь больше настоящей, стояли дома-Ордены.

— Я побью вас в охмир, — предложил Медуэнин.

— Тут я могла бы подготовить вам сюрприз.

Здесь также висели натянутые над улицами навесы, сами улицы были узкими и кривыми. Мы шли мимо попадавшихся нам навстречу людей, нигде не останавливаясь. Когда мы входили в тень, на мгновение возникало ощущение, что погружаешься в холодную воду. Потом снова становилось так же жарко, как и прежде.

Высокие своды зданий закрывали солнце, и не было ни малейшего движения воздуха.

Медуэнин произнес что-то, чего я не поняла. Оглянувшись, я уже не увидела его.

В том месте, где мы находились, пересекалось несколько улиц. Я увидела, как Родион отступила назад и ее руки схватились за рукоятки мечей. Потом вдруг я почувствовала под своими руками пыльную землю — я уперлась плечом в стену — и встала на колени, не поняв, сбил ли меня кто-нибудь с ног. Кто-то рядом пыхтел и кряхтел. На мостовой топали и шаркали чьи-то ноги.

Джайанте уже оказалась у меня в руках, и ее вес действовал успокаивающе. Я стала наносить удары вокруг себя. Что-то обрушилось мне на голову, перед глазами поплыли круги, и стало тут же слепить солнце; маска слетела на землю.

Молчание, в котором происходила схватка, нарушил громкий крик. На меня что-то налетало, слишком быстро, чтобы я успела понять что, и моя джайанте ударила нападавшего по плечу, в которое я и целила, но успела попасть и по бедру, что должно было бы лишить подвижности всю ногу. Он — или она? — поспешно отбежал обратно в тень, обхватив плечо.

На земле лежал короткий изогнутый клинок, его обтянутая кожей рукоятка была темна от пота.

Медуэнин склонился над распростертым на земле рядом с ним телом, потом распрямился. Высоко и пронзительно, как птица, кричала что-то Родион.

За моей спиной по мостовой стучали чьи-то башмаки. У меня в руке уже оказался парализатор; я прицелилась, нажала спуск, подумав, правда, что в нем уже почти нет заряда, но короткий звук разорвал воздух, и бежавшая фигура тотчас же упала на колени, на руки и больше не двигалась.

Родион стояла на месте и держалась за руку. Из раны выступала темная кровь, просачиваясь между пальцев и капая на пыльную землю. Она глубоко и шумно дышала.

— Кристи... — Медуэнин посмотрел на меня, сунул мечи в ножны и подошел к тому, в кого я стреляла. Перевернул тело на спину, приложил руку к артериям на шее и улыбнулся.

Мои руки дрожали, меня знобило. Я прислонилась ненадолго к стене, прежде чем смогла спрятать парализатор. В нескольких футах от раскинувшегося на мостовой тела лежала моя джайанте.

«Их было не двое, а больше», — подумала я и попыталась вспомнить, сколько убежавших видела. Лишь в этот момент я поняла, что случилось.

Медуэнин встал и взвалил на плечо находившегося без сознания покушавшегося.

Родион часто и шумно дышала, произносила проклятия и была готова расплакаться.

— Это были люди Эвален...

— Нет, — оборвала я Медуэнина. — Я знаю, где они. Идемте со мной.

Родион опиралась на мою руку. До ворот оставалось уже недалеко.

Как я и надеялась, ворота охраняла стража из Ордена Су'ниар. Они пропустили нас такими, какими мы были: Родион, у которой кровоточили раны на боку и на руке, и Блейза, несшего на плече лишенного чувств незнакомца.

Когда мы уже прошли немного по территории внутреннего города, я услышала у себя за спиной шарканье ног, а потом кто-то быстро пробежал между мной и Родион.

Она вскрикнула от боли. Мимо нас пробежал Медуэнин и исчез в полутьме улиц.

— Куда... — Родион хрипло дышала.

— Идем дальше. — Я положила себе на плечи ее неповрежденную руку.

К нам вернулся запыхавшийся Медуэнин, покрытое шрамами лицо которого было до неузнаваемости искажено яростью. Он молча тряс головой.

Когда к нему вернулась способность говорить, он сказал:

— Не думал, что он нас обнаружит... и так быстро...

— Вы попусту тратите силы.

— Мне следовало бы удостовериться. — Его тон был подавленным. — Кристи, куда вы нас ведете?

— Туда. — Мы достигли сада, и я показала свободной рукой на Коричневую Башню.

Медуэнин простонал, но не стал возражать.

Увидев, как повисла голова Родион и как стали заплетаться ее ноги, я подняла ее и донесла остававшиеся до Башни метры. Медуэнин следовал за мной, обнажив оба меча.

Я не очень-то смелая женщина. Когда на нас напали, первой моей мыслью было: бежать под защиту этого здания, которое, без сомнения, являлось самым неприступным на всей Орте.

— Хорошо ли вы себя чувствуете? — снова спросил Халтерн.

— Несколько царапин, вот и все.

Я попробовала согнуть руку. Чувствовалось, что во время схватки произошло растяжение некоторых мышц. Родион, раны которой уже были обработаны мазями и перевязаны, с жаром что-то говорила т'ан Эвален. Рядом с ними стоял Медуэнин.

Я попыталась восстановить в памяти сцену и вспомнила подробности.

Они подкараулили нас. «Медуэнин первым их заметил, — подумала я, — и крикнул нам, чтобы мы встали с Родион спиной к спине; вероятно, на землю меня повалил он или нападавший. Их было трое или четверо, а как они были одеты?»

— Они пришли из торгового города, — сказала я. — Это мало чем поможет вам, Хал.

— Дело не во мне. — Его тонкие пальцы заняли привычное для них место за поясом. — Должно быть, они в отчаянии, Кристи. Пытаться убить вас в городе самого Чародея! Но вы, пожалуй, знаете это лучше меня.

— У них не будет другого шанса. Мы останемся в Башне, пока «Дитя Метемны» не выйдет в море.

— Все вы? — Он охватил жестом Медуэнина и Родион. — Говорю вам это без радости, но думаю, что вам следует быть очень осторожными даже тогда, когда вы отправитесь в Таткаэр.

Я ухмыльнулась. Это была эйфорическая реакция на покушение; я чувствовала себя просто хорошо, потому что осталась жива.

— Касабаарде полон людей, которые в Таткаэре не чувствовали бы себя в безопасности, не так ли?

Обитатель Топей Тетмет вошел в библиотеку, остановился для короткого, спокойного разговора с Эвален и подошел ко мне.

— Чародей желает вашего присутствия, посланница.

— Да, конечно. — Я встала, все еще дрожа. Мы с Эвален прошли за Тетметом в комнату для собраний. Медуэнин поддерживал Родион, которая начала приходить в сонливое состояние, выпив предложенный ей настой из трав.

Старик поднял голову.

— Это хорошо, т'ан Эвален. Кристи, я думаю, мы взяли одного из нападавших.

«Так быстро? Работа службы информации Чародея впечатляет», — подумала я.

Люди в коричневых мантиях ввели отчаянно сопротивлявшуюся ортеанку в разорванной рубашке и такого же вида брюках.

— Это одна из тех, кто на вас напал?

— Я... не могу сказать с определенностью. Мне жаль, но все происходило слишком быстро.

— Это могла быть она. — Медуэнин еще раз внимательно посмотрел на нее. — Больше я ничего не могу об этом сказать.

Резкость его тона не вызывалась грубостью и неотесанностью. Это коричневого цвета помещение с гладкими стенами не представляло собой приятного места пребывания для жителя Южной земли. Даже в дни существования Золотой Империи, как я поняла, Народ Колдунов многое скрывал от рабов. У Медуэнина не было воспоминаний о предыдущей жизни, которые смягчали бы шок от встречи с Коричневой Башней.

— Т'ан Эвален?

— Я ее знаю, — ответила старику Эвален. — Она из команды «Дитя Метемны». Вы хотите мне сказать, что она...

— Т'ан, почему меня сюда привели? — спросила женщина. — Я ничего не сделала, скажите им, чтобы меня отпустили.

Говорила она с акцентом, характерным для жителей Пустынного Побережья, отрывисто и шепеляво, а все ударения в ее имирском были неверны. Бледный цвет ее лица выдавал в ней жительницу Побережья, а на спине свисала густая темная грива, украшенная сложным рисунком из лент. Я предположила, что ей было около сорока пяти лет.

— Мои люди схватили ее, когда она убегала от квартала, где произошло нападение. На ее теле есть след от удара, который мог быть нанесен джайанте. — Чародей кивнул одному из слуг в коричневой мантии, и тот поднял рукав ее ветхой рубашки. На плече была видна ушибленная рана, начинавшая уже темнеть.

— Я упала, — сказала женщина. — Т'ан, велите отпустить меня на корабль.

— Если вы невиновны, то вам нечего бояться, — сказала Эвален. — Никто не причинит вам зла, даже Чародей.

Эта строптивость, проявляемая в самой Коричневой Башне, показалась мне довольно странной. Эвален нервничала так же сильно, как и Медуэнин, и оба они находились в таком волнении, какое на их месте испытывал бы любой житель Южной земли.

— Но она была там, — звонким голосом сказала Родион. — Я ее видела. Она дралась с С'арант, а потом убежала.

— Ты в этом уверена?

— Да, совершенно.

Женщина с Пустынного Побережья торопливо сказала:

— Если вы непременно хотите это слышать, т'ан Эвален, то было так: да, я находилась в квартале возле ворот. И видела нападение. Я сейчас не призналась в этом, потому что... ну, потому что не помогла им. Не знаю почему. Наверное, боялась. Их было много. И тогда я побежала, потому что опасалась, что меня могут заподозрить.

Эвален наморщила лоб.

Чародей сказал:

— Не позволите ли вы мне задать ей вопрос?

Тут стало тихо, и светлые глаза Эвален прикрылись белыми перепонками.

— Я не убеждена в ее вине.

— Тогда позвольте себе убедиться в этом окончательно. Я могу узнавать правду.

— Я слышала, — сказала Эвален, взгляд которой все еще был направлен на женщину, — что те, кого вы... опрашиваете... после этого уже не являются теми, кем были. Некоторые люди говорят, что после этого их всегда можно узнать по тому, какими они становятся.

— Т'ан, вы можете причинить ей значительный вред, и тогда она, возможно, расскажет вам правду, а может быть, и солжет. Я же совсем не причиню ей вреда, но мне она расскажет только правду. Однако...

— Однако?

— Однако это правда, что она изменится.

Действующий на подсознание низкий гул, шедший из-под Коричневой Башни, усиливал тишину. Воздух был прохладен и насыщен запахами, принесенными сюда южанами: пылью, пряностями и морем. При искусственном освещении помещения без окон чувство пребывания в заточении было почти осязаемым.

— Хавот-джайр, я должна это знать. — Эвален отвернулась от женщины и повернулась к старику. Глаза ее были ясны. — Вы станете ее спрашивать, Мастер, а я буду свидетелем.

— Нет, т'ан, — ответил Чародей, — вы не должны присутствовать.

— Если я не смогу при этом присутствовать, вы ее не получите. Откуда нам знать, что... — Она осеклась. — Простите меня, Мастер. Кто-нибудь скажет, что ее принудили сказать ложь, а не правду. Я должна присутствовать и все видеть!

Пожалуй, в этот момент мне стало ясно, что Чародей мог мне показать то, что хотел бы всегда держать в тайне от Южной земли. Потому что мне это было уже известно.

— Т'ан Эвален, могло бы стать приемлемым решением, если бы я была свидетелем при опросе от вашего имени?

Едва ли могла она позволить себе отказать в этом посланнице, невиновность которой была совсем недавно доказана. Кроме того, мне доверяла ее мать. И хотя с точки зрения Южной земли я не являлась лучшей свидетельницей, по выражению лица Чародея можно было понять, что я могла бы стать единственной, с чьим присутствием он согласился бы.

Неожиданно Эвален улыбнулась.

— Да, — сказала она. — Я бы согласилась с подобным решением.

Мы спустились вниз по лабиринтам Коричневой Башни, и сопровождавшие нас люди в коричневых мантиях грубо толкали перед собой женщину с Пустынного Побережья. Я

шла за ними, а старец двигался рядом со мной, взяв меня под руку.

Мы подошли ко входу, который был мне знаком. Прохладный, сухой зал освещало слабое голубое свечение, исходящее также и от похожих на саркофаги машин.

«Я не хочу этого видеть», — подумала я.

Отослав людей в коричневых мантиях, Чародей все свое внимание обратил на женщину. Она стояла скрестив руки на груди, кисти их обхватывали локти.

— Хавот-джайр, — обратился он к ней, — из какого ты города?

— Кварт.

— Это ложь. Я знаю, когда ты лжешь. Ты меня знаешь, — сказал он, и ничто в нем не напоминало о дряхлости или старости. — Ты знаешь, кто создает законы в городе Коричневой Башни.

— Не пытайтесь запугать меня, — резко сказала она на языке Пустынного Побережья. Когда она смотрела на него, вокруг ее глаз появились складки, сами же глаза прикрылись перепонками, как будто глядели на яркий свет. Она была уже немолода. Это было заметно по тому, как она теряла самообладание.

Его голос звучал мягко.

— Расскажи мне, как получилось, что ты совершила такой поступок, Хавот-джайр.

Слова из нее выдавливал страх, хотя по ней это не было заметно. Однако я сама уже умела скрывать страх за напряженным спокойствием и видела, когда это делают другие.

— Меня подкупили, — наконец ответила она. — Кто-то, как мне кажется, видел, что я находилась на «Метемне» вместе с Полузолотом. Они предложили мне деньги за то, чтобы я убила Орландис и посланницу другого мира. Было легко найти других, кто был готов мне помочь.

Он молчал и только смотрел на нее.

— Обеспечьте мне ваше покровительство, Мастер, — сказала она. — Есть имена, которые я могла бы вспомнить, но не под угрозой смертной казни. Отвратите от меня это наказание, и я назову вам имена.

Думаю, она понимала, что он мог заставить ее дать любую информацию, но она обладала немалым упрямством, чтобы еще торговаться на грани отчаяния.

Я почувствовала желание сказать: «Не можем ли мы на этом закончить дело? Не можем ли мы теперь просто отпустить ее?»

Но я не могла так сказать, против нее говорило много неопровержимых фактов. Иногда играешь и проигрываешь. Эта женщина проиграла.

Чародей покачал головой.

Люди в коричневых мантиях подали ей напиток, заваренный из арниака, и, пожалуй, заставили бы ее выпить, но она добровольно проглотила все, и вскоре перепонки обнажили белки ее глаз с желтыми зрачками.

Через несколько минут она впала в полубессознательное состояние.

— Как думаете, что вы увидите? — В голосе старика прозвучало лукавство.

— Очень немного — но это удовлетворит т'ан Эвален.

Они подняли Хавот-джайр и положили ее в гладкий саркофаг рядом с какой-то машиной. Видно было действительно лишь очень немного.

Я содрогнулась от мысли, что вот так же занимала это место, на котором сейчас лежала она. «Но я делала это добровольно, — подумала я. — В этом и заключается разница».

Но, с другой стороны, я знакома с этой техникой, с ее возможностями и кроющейся в ней опасностью; мне известно, что в поисках воспоминаний можно разрушить мозг, не готовый к сотрудничеству, и последствия этого непредсказуемы.

Я чувствовала бы себя спокойнее, если бы относящиеся к этому познания не приобрела сама посредством такой техники. Потому что это тот путь, в конце которого находится паранойя.

— Вы нанесете ей травму, — сказала я.

— Это будет безболезненно.

Афазия, амнезия, слабоумие и все прочие последствия разрушения мозга.

— А если окажется, что она совсем невиновна?

— Тогда мне жаль ее.

* * *

Перед вторыми сумерками мы вернулись в комнату для собраний. Люди в коричневых мантиях привели потерявшую дар речи женщину с Пустынного Побережья.

— Хавот-джайр, — Эвален встала и посмотрела ей в лицо, — из какого вы города?

— Кель-Харантиш.

Эвален мигнула, взглянула на Чародея и снова обратила все внимание из женщину.

— Вы признались в совершении нападения.

— Мне было поручено убить Орландис и посланницу. — Ее полужакрытые глаза выражали полное спокойствие. Голос ее также звучал ровно, не озлобленно и не испуганно, словно ее уже ничто не могло волновать.

— Расскажите мне обо всем этом, — сказала Эвален.

— Я принадлежу ко двору Повелителя-в-Изгнании. Он послал меня в Южную землю, так как я однажды была там. Один раз я уже плавала на корабле, поэтому мне было не трудно устроиться матросом на «Метемне». Я знала, что меня схватили бы, если бы я напала на Орландис на корабле, потому я ждала, когда мы причалим в Касабаарде и я смогла бы найти себе помощников среди наемников. Потом я ждала того момента, когда она встретилась с посланницей. — Ее речь была логичной и спокойной.

— Вы единственная, кого послали из Кель-Харантиша?

— Этого мне не сказали.

— Почему выбрали вас?

— Этого мне тоже не сказали.

Я поудобнее устроилась в кресле, чтобы снять нагрузку со своей ушибленной ноги. Мне казалось странным: женщина напала на меня, вероятно, я ударила ее джайанте, и все-таки мне не удавалось представить, что она имела отношение к покушению, потому что я не могла вспомнить ее лица. Рассудок говорил мне, что это была она, но я не испытывала к ней никакой ненависти.

— Ей следовало бы подтвердить это, — задумчиво сказала Эвален. — В Таткаэре, Мастер. Т'ан Родион, т'ан посланни-

ца, было бы лучше для вас обеих, если бы правда выяснилась в Таткаэре.

— А она была бы там в безопасности? — «Теперь уже несколько поздно думать о ее безопасности», — подумала я с сознанием своей вины.

— Вы! — прикрикнула на женщину Эвален. — Ваше лицо знакомо кому-нибудь в Таткаэре? Могли бы вы узнать кого-нибудь в Южной земле?

— Я уже была в Таткаэре. — Язык Хавот-джайр двигался по-прежнему легко. — И еще в одном городе Южной земли. В Алес-Кадарете. За последние два года мы трижды плавали в Мелкати. Корабли были тяжело нагружены золотом; оно перевозилось как подарок Повелителя-в-Изгнании. Что мы получали в качестве ответного дара, я не знаю. Золото из Харантиша поступает к Ста Тысячам, и на одном из таких кораблей я приплыла весной в Южную землю.

— Этой весной? — непроизвольно спросила я.

— Для какой телестре предназначалось золото? — спросила Эвален. Женщина с Пустынного Побережья молча покачала головой. Ее лицо выражало полное равнодушие.

— Ну, я полагаю, ей не сказали, — продолжала Эвален.

— Это должно было бы прекратиться, когда умерла Субаннасен. Халтерн, во всяком случае, в этом сомневался. Кто-то продолжает преследовать интересы Сулис, — предположила я.

— Т'Ан Сутаи-Телестре должна быть проинформирована о таком развитии событий, — предложил Чародей. — И если т'ан Эвален хочет поступить мудро, она должна взять женщину с собой в Таткаэр и оберегать ее так, как если бы та была ее собственным аширен.

Между южанами разгорелась взволнованная дискуссия, в ходе которой каждый старался переговорить другого.

— Проследите за делом, — сказал старец и положил мне на плечо свои пальцы с длинными ногтями, — а потом снова приходите ко мне. Мне нужно кое с кем поговорить, и при этом должна бы присутствовать посланница.

Глава 29. Повелитель-в-Изгнании

Из торгового города слабо прозвучали удары гонгов, возвещавших о заходе солнца. Ворота были заперты. Вечерний воздух казался неподвижным и обжигающе горячим.

Я стояла в саду на крыше Башни и наблюдала, как солнце погружалось в серебристо-сиреневое море. На Пустынном Побережье не бывает долгих сумерек. Небо было таким, что на его западной стороне хотелось поискать узкий серп молодого месяца, но здесь вместо него сияли лишь белые пятнышки звезд.

Пыльный воздух насыщался ночным ароматом арниака и росшего на камнях мха.

Мне пришлось выйти на свежий воздух; внутренние помещения Башни вызывали у меня, как и у жителей Южной земли, состояние клаустрофобии. К тому же методы ведения допросов, применявшиеся Эвален к Хавот-джайр, были явно более насильственными, чем методы Чародея, и я опасалась на них присутствовать.

Раздвинулся в стороны купол лифта, и на поверхность крыши вышел обитатель Топей.

— Я нужна ему внизу?

— Если вы будете столь любезны, — с вежливой сдержанностью ответил Тетмет.

В тишине подо мной лежал город, последние лучи солнца освещали купола. Я подошла к лифту, и обитатель Топей отступил в сторону, чтобы позволить мне войти.

— Вы здесь живете, — спросила я, когда обе половинки купола сомкнулись и скрыли от меня вечернее небо. — Тетмет, вам тут нравится?

Его рука с плавательными перепонками прикоснулась к кнопке, и кабина лифта пошла вниз. Лицо Тетмета, закрытое маской, осветил вечный свет неизвестного происхождения.

Наконец он произнес:

— Я уже давно не вспоминаю о Больших Топях иначе, чем во снах о предыдущей жизни. Он здесь и никогда не покидает Башни. Что же мне делать?

Когда кабина остановилась на самом дне Башни, с грустью поинтересовался:

— Они все еще такие же? Вы пересекли Топи. Изменились ли они?

Все его худошавое тело было напряжено. Мышцы двигались на заостренных скулах.

— Я не знаю, какими они были раньше, но уверяю вас — они не изменились. Не спрашивайте меня, откуда я это знаю. Они такие же, как и тысячи лет назад.

Лишь когда с него спало напряжение, я заметила, как долго он ждал момента, чтобы задать этот вопрос. Морщины вокруг его глаз разгладились, и я впервые увидела, как улыбается обитатель Топей. Это была дикая радость, радость хищного животного.

Он больше ничего не сказал и повел меня лабиринтами коридоров. Мы пришли к закрытой двери. Я услышала голос, а также какой-то непрекращающийся звук, природы которого я не могла себе объяснить.

Когда открылась дверь, мне стал виден источник звука: это была текущая вода.

Мы оказались в большом помещении со стенами бледных тонов, пол которого был покрыт множеством шкур и ковров.

Чародей сидел скорчившись в низком кресле, рядом с ним на кушетке сидели Эвален и Халтерн. Родион застыла в кресле, обхватив себя руками. Глаза ее были широко раскрыты от напряжения и стремления не заснуть. За ее спиной стоял Медуэнин, положив руку на спинку кресла.

Шел ожесточенный спор.

Я сошла вниз по ступеням между хрустальными бассейнами, в которых плавали голубые и красные рыбки. Другой бассейн примыкал к дальней стене, а рядом с шумом журчал каскадный фонтан. Воздух был прохладен и влажен в сравнении с воздухом города, а свет над бассейнами окрашивал воду в изумрудный цвет.

— Посланница, — воскликнула Эвален, — позвольте нам услышать ваше мнение по следующему вопросу. Я говорю, что мы должны вернуться в Таткаэр, как только ветер наполнит наши паруса. Вместе с нами отправитесь вы, а также Родион Орландис и эта женщина, Хавот-джайр. И мы представим все результаты Т'Ан Сутаи-Телестре.

— Лучше бы это произошло быстрее, — сказал Халтерн, когда я подошла ближе, — потому что ходят разговоры, будто вы мертвы, Кристи, вы и Орландис. Если мы не развеем этот слух, он дойдет до Таткаэра, и тогда нам придется сначала опровергнуть его, прежде чем вас там выслушают.

— Мы должны быть мертвы?

— Убиты при покушении. Орландис, истекающую кровью, отнесли в Башню, где она скончалась от ран... — Он взглянул на Родион, улыбнувшись ему в ответ. — А что касается сопровождавших ее лиц, то они сами были злодейски убиты в Башне наемными убийцами. Видимо, кто-то слышал, что сюда доставили Хавот-джайр. Так вот, я думаю, и возник этот слух.

— И если он достигнет Южной земли...

Чародей мягко прервал Эвален. Затем направил на меня свой взгляд, в котором угадывалась плохо скрытая досада.

— Добраться до Таткаэра трудно.

— Так или иначе, — сказала я, взяла стул и уселась на него рядом с Родион. — Меня не волнует как, но я в любом случае возвращаюсь. Учитывая все обстоятельства, я не могу выполнять свои обязанности посланницы, пока меня подозревают в убийстве. Показание Родион против Бродина н'ри н'сут Хараина должно стать как можно быстрее известно, и я думаю, мне следовало бы при этом присутствовать.

Чародей наклонил голову:

— А если Бродин н'ри н'сут Хараин подкуплен Кель-Харантишем?

— Свидетельское показание, подтверждающее это, также должно быть представлено Короне.

— Думаю, это может послужить тому, что предатели за-
таятся или что — если он заговорит — будет осуждено еще
большее их число.

— Вы не поняли, к чему я клоню, — сказал старец. —
Все эти обстоятельства уходят корнями в Кель-Харантиш.
Повелитель-в-Изгнании знает, что вы в Касабаарде. В дей-
ствительности же он — таковы уж здесь, на Пустынном
Побережье, условия — узнает о всех курсирующих слухах,
вероятно, так же быстро, как и я. Я думаю, что у вас будет
невеселая поездка в Таткаэр и плохой прием, если вы туда
доберетесь.

В возникшей тишине громко журчал фонтан.

— Для охраны у меня есть только несколько человек, —
сказала Эвален. — Мы надеялись отправиться в путь неза-
метно. Они не вышлют наперерез нам кораблей — Кель-Ха-
рантиш помнит еще тот последний раз, когда против него
были применены военные корабли Южной земли, — но сей-
час меня очень удивило бы, если бы вдруг не стало наемных
убийц. От них же, если мы будем осторожны, мы сможем
защитить себя, Мастер.

Он ничего не ответил и лишь посмотрел на нее с сомне-
нием.

— Меня не устраивает перспектива предлагать себя в ка-
честве цели для удара, — сказала я.

— Заверяю вас, посланница, что могу надежно доста-
вить вас в Таткаэр. — Эвален старалась говорить настой-
чиво и убедительно. — Мы все обсудили, что тут еще мож-
но добавить?

— Насколько надежной будет наша безопасность, когда
мы прибудем в Таткаэр? — спросила я Халтерна. — И сколь-
ко потребуется времени, чтобы отдать Бродина под суд? Как
только будет раскрыта эта афера, станет совершенно бес-
смысленным направлять против нас убийц, но когда об этом
будет известно в Таткаэре?

Он развел руками:

— Кто может это сказать?

Медуэнин наклонился вперед, чтобы разобрать, что ска-
зала Родион, потом снова выпрямился.

— Т'ан, что, если бы мы возвращались не на «Метемне»? Допустим, мы поплывем на другом корабле и сохраним в тайне наше прибытие в Таткаэр?

— Это было бы значительно безопаснее, если такое возможно, — задумчиво сказал Чародей, — но если за вами охотятся агенты из Харантиша?

«Никто больше не выскажет никакого предположения, — подумала я, — поэтому сделать это придется мне».

— Предположим, они перестали бы за нами охотиться?

Очень быстро и заинтересованно старик спросил:

— А как вы хотите это устроить?

— Такое со мной однажды уже случалось, во всяком случае, нечто похожее. Как бы выглядело, если бы мы не стали опровергать слухи, а укрепили их путем официального объявления нас погибшими? Это избавило бы нас от всех, кто гонится за нами по пятам. Тогда мы могли бы тайно вернуться в Таткаэр, как предложил Медуэнин.

Собравшихся охватило волнение, все заговорили наперебой. Старик, прикрыв глаза, откинулся назад в кресле. «Хитрый черт, — подумала я, — он знает меня, и он точно знал, что это прозвучало бы лучше, если бы исходило от меня».

— ...услышат об этом в Таткаэре! — Родион ударила кулаком здоровой руки по подлокотнику кресла, после чего покраснела. — Простите, т'ан Эвален, но когда они услышат, что мы мертвы и поверят в это... моя мать...

— Придется ей немного поволноваться, — сочувственно сказала Эвален и обратилась ко мне: — Т'ан посланница, я поняла ваше предложение. Оно недурно. А мы взяли бы с собой на «Метемну» эту Хавот-джайр, как бы мы это и сделали, если бы вы действительно были убиты? Да...

— Они станут искать ее, пока не придут к убеждению, что она тоже мертва. Думаю, она могла бы поехать с нами. — «А как ты представляешь поездку?» — спросила я себя.

— Так что же, мы должны будем охранять ее всю дорогу до Таткаэра?

— А как бы она смогла уйти от нас? — Я была раздражена и испытывала некоторое отвращение, но ничего не могла

сделать, чтобы удержать ее от жестокого обращения с женщиной. Однако мне нужно было хотя бы попытаться это сделать. — Между нами и Кель-Харантишем мы не оставили ни одного места, куда бы она могла отправиться. Разве вы не пообещали ей надежное сопровождение, если она даст показания в Таткаэре? Ну пожалуйста.

— Если она приедет с нами, мы можем быть уверены, что пройдет по меньшей мере один свидетель. Я не настолько сумасшедшая, чтобы позволить отправиться в путь всем вместе...

— Как посланница Доминиона...

— Спокойствие! — сказал Чародей. Мы сразу замолчали, как школьники, которых одернул учитель.

Он поднялся, и Тетмет взял его под руку. Тут с него словно бы спали строгость и вся его ветхозаветность, и он стал всего лишь человеком с Пустынного Побережья, который улыбался, глядя на нас.

— Сегодняшний день был долгим, — сказал он, — вы, Орландис, ранены, а т'ан Эвален должна позаботиться о своих людях. Я дам распоряжение коричневым мантиям, и они пропустят вас, Эвален, в торговый город. Вам нужно принять решение до появления ветра. До этого момента Касабарде не покинет ни один корабль. И даже я не могу наколдовать для вас ветер.

Эвален громко засмеялась, улыбнулся и Халтерн.

Медуэнин предложил Родион свою руку, когда она встала.

— Не рассказывайте ничего, — сказал старец, — я сообщу вам, какие слухи уходят из города, а потом мы снова встретимся.

Я как раз собралась последовать за остальными, но он дал мне понять, что я должна остаться.

— Вы ели? — спросил он, когда комната опустела.

Когда я ответила отрицательно, он послал обитателя Топей принести чаю из арниака и пирогов из муки дел'ри. В глубине комнаты журчал приятную мелодию фонтан, а в прозрачных емкостях под зеленовато-золотистым светом постоянно плавали рыбки.

За едой мы разговаривали в основном о Земле. Не о Доминионе или правительстве, а о том, как вырастают под другим солнцем и другим небом и как там решаются проблемы личного выживания.

— Я так мало знаю, — наконец сказал он, — а понимаю еще меньше.

— Все, что я могу заметить по этому поводу — это то, что не обязательно должно быть именно так, как вы это извлекли из моей памяти. — Я выпила последний глоток чая из арника, оставшийся в моей чашке. — Я не лгунья, Мастер, но могу предоставить впечатления только одного лица о Земле, да и то не обо всей Земле, а всего лишь о той ее части, которую я знаю. Если бы здесь побывал кто-нибудь из ксеногруппы, он, вероятно, предложил бы вам совершенно иную картину. Я не понимаю Орте даже после того, что вы уже объяснили мне о ней кое-что, а вы гораздо больше видели в вашем мире, чем я когда-нибудь увижу в своем.

Когда он взглянул на меня, я вспомнила, что он знал обо мне все. Это должно было вселять в меня страх. Причина того, почему я его не ощущала, заключалась в том, как я думала, что он не мог судить о человеческой природе, потому что не был земным человеком.

— Вы отдохнули? — спросил он. — Как я вам уже говорил, есть еще одно обстоятельство, в связи с которым вам следовало бы поприсутствовать. Прежде всего, однако, я должен просить вас никогда не говорить о том, что вы увидите или услышите.

— Этого я не могу обещать. Как посланница, я обязана давать полнейший отчет о своих действиях.

— Хорошо, тогда обещайте мне, что расскажете об этом исключительно вашим людям, но и им только лишь тогда, когда сочтете это совершенно необходимым.

Это предложение показалось мне корректным. Я согласилась.

Он встал, одернул на себе одеяние и медленно двинулся к фонтану. Там он сунул одну руку под воду и некоторое время молча подержал ее в таком положении. Когда он вы-

нул руку из воды, в противоположной стене возникла быстро и бесшумно расширявшаяся щель, превратившаяся во вход в другое, столь же большое помещение.

Здесь было темно.

Я пошла за Чародеем, мы вышли из той части помещения, что освещалась подводным светом, и вокруг нас возникло слабое голубоватое мерцание. Он подошел к какому-то большому блоку аппаратуры на возвышении, состоявшем из прозрачного вещества. В его хрустальных глубинах пульсировал золотой свет.

Лицо старика находилось в тени, его глазницы, казалось, были наполнены темнотой.

Он сказал:

— Так его можно вызвать. Я подготовил здесь все, как только сегодня после обеда услышал о нападении на вас. Сейчас...

Его руки задвигались по панели с одной стороны пульта. Затем — как и в устройстве, через которое я видела облик его приемницы, — чистая поверхность начала заполняться изображениями.

— Где... — В моем голосе появилась хрипота.

— Таких не осталось больше нигде, только здесь, — сказал он, — и еще в этом древнем городе, Кель-Харантише. Вот это устройство передает между тем только мой голос, и это, может быть, лучше — так от него остается скрытым мое лицо.

Теперь изображение занимало весь экран, и я увидела помещение, подобное тому, в котором мы стояли. Изображение было трехмерным и обеспечивало четкую передачу деталей. Что-то не давало мне покоя. Подобный мощный выброс энергии — все равно, какого рода ее источник, — на сделанных спутником снимках Каррика V должен был бы обнаружить себя как радиомаяк.

Неужели наши техники пропустили его, проглядели, стали жертвой дефекта передачи информации? Здешняя атмосфера плохо подходила для распространения в ней радиоволн (иначе бы я поддерживала связь с ксеногруппой или открыто, или тайно).

«Подобного здесь могло бы просто и не существовать», — подумала я.

В том, другом помещении на стенах были видны геометрические узоры, имелись подсвечники, гнезда которых имели формы черепов животных. Мерцание свечей над остатками высокоразвитой технологии.

Там стоял, наклонившись над пультом, ортеанец, и я сначала увидела его светлую, свободно ниспадающую гриву. Затем он выпрямился, и стало видно его лицо. Узкий подбородок, широкий лоб и полуприкрытые глаза цвета влажного песка. Ему было не более девятнадцати или двадцати лет.

— Даннор бел-Курик, — сказал Чародей, — вы, который сам себя называет Повелителем-в-Изгнании, послушайте.

Ортеанец пристально посмотрел на нас, впрочем, нет, не на нас, а на что-то, что должно было казаться ему пустотой. Он смотрел сквозь нас.

Он был очень красив, обладая внешностью, излучавшей нечто, по чему я определяла в моих воспоминаниях тех, Золотых. Это нечто являлось способностью вызывать очарование.

— Покажитесь, — потребовал он.

— Я предпочитаю не делать этого.

— Тогда я предпочитаю не разговаривать.

— Ваша наемная убийца, — быстро сказал Чародей, и рука, которую бел-Курик уже протянул к пульту, застыла в воздухе. — Одна из ваших шпионок. Она многое рассказала, прежде чем наконец умерла.

Даннор бел-Курик засмеялся. У него был звонкий голос. Он сказал:

— Не означает ли это войну между нами? Я буду воевать с вами, старик. Борьба с вами доставит мне радость.

Тут я вспомнила лицо Сантендор'лин-сандру из того времени, когда Золотая Женщина накликала гибель Империи. Этот Даннор бел-Курик являл собой жалкого уродца, его потомка, хотя существовал сейчас, когда Сандор был забыт.

«И этот вот метис, этот полузолотой, — подумала я, — этот мальчишка из Народа Колдунов является виновником всех событий?»

— Я не воюю с Повелителем-в-Изгнании, — ответил старик. — Но напоминаю ему о том, что город Кель-Харантиш является городом в изгнании и что он не был городом, пока не погибла Империя, а представлял собой всего лишь крепость в пустыне.

Мальчишка повернулся, сел и откинулся назад в кресле. Либо он знал, что на него смотрели, либо в его движениях было что-то заученное даже тогда, когда он находился один.

— Ну? — резко спросил он.

— Только одно: вы живете торговлей. Кель-Харантиш всегда жил торговлей, и я даю вам слово, что вы умрете, если она прекратится. Или вы можете питаться скалами и песком?

Своим мысленным взором я вижу руины башен, заносимые песком иссушенной земли. Рядом — море, выглядящее как расплавленный металл. И возвышающиеся над башнями дюны, как спины гигантских китов, с острыми гребнями, закрывающие небо, движимые ветром. Кель-Харантиш, лежащий между двумя этими морями: соленым морем, не знающим приливов и отливов, и морем песка. Сюда приходится ввозить даже воду.

Бел-Курик степенно произнес:

— Если вы ступите на землю Харантиша, я двинусь на запад и сожгу ваш порт, будет ли это стоить мне города или нет. Это я все еще могу. На юге у меня есть союзники. У меня есть армия и корабли.

— Я знаю, знаю. Вы думаете, я не знаю Золотого Народа Колдунов? — В голосе старика явно слышалось лукавство. — Вы, мальчик, не Сандор, как бы вам об этом ни думалось...

— Я — Золотой! — Он встал и впился в Чародея взглядом, полным слепой, жуткой самоуверенности. — Я из рода Сантендор'лин-сандру, и я — Повелитель! Сколько лжи вы, старик, наплели, внушая мне, что я лишь побежденный, владеющий только умирающим городом? Как часто вы пытались лишить меня трона? Здесь за власть платят цену, какой вы, старик, никогда не заплатили бы, никогда за всю вашу жизнь и предыдущие жизни. Я это знаю.

— Это правда, — сказал Чародей, слишком тихо, чтобы эти слова могли быть переданы. На его скрытом тенью лице проявились чувства боли и сожаления, причины которых я не могла себе объяснить.

Даннор бел-Курик снова опустился в кресло.

— Нужно быть действительно Золотым, чтобы получить трон, и потому я стал подобен им. Все остальное я подавил. И теперь вы хотите сказать, будто я сделал это только для того, чтобы северные называли меня одним из Народа Колдунов? Повелитель-в-Изгнании все еще является Повелителем.

Повелитель чего? Кель-Харантиша с его ничтожным именем и полукровным населением, с его властью вызывать к себе в равной мере чувства страха и презрения? Повелитель ремесленников и наемников, рассеянных по всему южному континенту просто потому, что город должен заниматься торговлей, чтобы выжить. Даннор бел-Курик: ослепленный наследник блестящего прошлого и блестящего будущего, готовый объединяться с кем угодно и обещать ему военную помощь и предать остальную часть Орте, не утруждая себя при этом ни единой мыслью о ней. Он был немного сумасшедшим даже по ортеанским критериям.

— То, что я должен сказать, очень просто. — Чародей помолчал. — Вы выслушаете меня?

— Смогу ли я когда-нибудь увидеть вас молчащим?

— Значит, так: ваша наемница, убившая посланницу и Орландис, говорила о кораблях, плававших на север, к Ста Тысячам. О кораблях, которые были нагружены золотом.

— Что вы хотите этим сказать? — со скучающим видом спросил мальчишка.

— Ничего. Но если я когда-нибудь снова услышу о кораблях, плывущих из Кель-Харантиша в Таткаэр, мне придется что-нибудь предпринять.

Возникла пауза. Не слишком уверенно юнец сказал:

— Возможно, они не хотят вас слушать: Кварт, Псамнол, Саберон и прочие. Возможно, они думают, что пришло время собраться вместе и избавиться от вашего удушающего захвата на горле Пустынного Побережья!

— А если я закрою свои гавани для тех, кто ведет торговлю с Народом Колдунов? Я спрашиваю вас еще раз, Даннор бел-Курик: смогут ли ваши люди питаться скалами вместо хлеба?

Куб, на котором было изображение, стал прозрачным.

— Я не мешаю ему, его причудам, — сказал Чародей, — мальчишка упрям, жесток, твердолоб и хитер, но я в состоянии простить ему это и посочувствовать. Слава Народа Колдунов принадлежит прошлому, а он довольствуется лишь ее отблеском. Харантиш — это каменистая пустыня. Сейчас ему придется оставить Южную землю в покое на несколько лет, поскольку стало известно, что он плетет против нее интриги.

— Станет ли он задерживать корабли? — «Из-за одного слова, — подумала я, — из-за одной-единственной угрозы?»

— У него нет иного выбора. Кель-Харантиш уязвим, и у него связаны руки. Ну, это дело улажено.

«Неужели бел-Курик больше опасается Коричневой Башни, чем ненавидит Южную землю, — спрашивала я себя, — и не будет ли он заботиться, может быть, только о том, чтобы в последующем лучше маскировать свои интриги? И эти союзники на юге...»

Чародей положил мне руку на плечо, когда мы вернулись в более освещенную часть помещения, и могло показаться, что он очень устал. Но я в этом сомневалась.

— Я думала, что вы совершенно не заинтересованы в том, чтобы вмешиваться в дела других? — сказала я.

— Это было в прошлом, — ответил он, — а в настоящее время мы имеем связь с вашим миром. Это первый поворот в развитии событий, который я наблюдаю за сотни лет. Эвален права: данное обстоятельство касается всей Орте. И я думаю, Кристи, что являюсь единственным лицом, имеющим право действовать от имени всей Орте.

Небольшую комнату освещал слабый искусственный свет. Я находилась глубоко под землей, в помещениях людей в коричневых мантиях, и мне очень хотелось, чтобы можно было на ночь открыть окно.

Я лежала на прямоугольном ложе, казавшемся жестко соединенным со стеной. Его поверхность прогибалась подо мной, точно приспособляясь к моему весу. На нем можно было бы очень удобно спать, но вместо этого я не могла сомкнуть глаз и нервничала. Свет все время оставался неизменным. Я не представляла, сколько времени еще оставалось до утра.

Шло время. В комнате возникло слабое движение прохладного воздуха, тем не менее было жарко.

«С тем же успехом я могла бы быть похоронена, — подумала я. — Если бы мне завтра пришлось уезжать из Касабаарде, то теперь сон был бы весьма кстати. Проклятие».

Одной из причин того, что мне не спалось, являлся страх.

Башня была знакома мне только по неверным воспоминаниям, которые очень облегчали обретение представления о ней как о чем-то совершенно естественном. Однако материал, на котором я лежала, состоял не из волокон и не из металла и был на ощупь гладким, как пластмасса.

Свет шел от какого-то неразличимого источника, хотя мне по воспоминаниям казалось, что зрительные возможности охватывают больший спектр. Как только я попыталась осознать все эти моменты, мне стало страшно.

Потому что если использовавшийся здесь источник энергии не смог быть обнаружен детекторами спутника, единственно возможный вывод состоял в том, что речь шла о виде энергии, приборы для измерения которого мы не установили на спутнике... по той причине, что он был нам совершенно неизвестен.

Данное обстоятельство требовало особого отчета, в котором следовало упомянуть обо всем, что я видела в городе. Департамент, вероятно, проявит к этому большой интерес. «Интерес какого рода?» — спросила я себя. Здесь имелась техника, пережившая ее создателя, Народ Колдунов. Но какое внимание уделит департамент внутреннему городу, домам-Орденам Касабаарде?

«Я еще не хочу уезжать, — подумала я. — Если бы это зависело от меня, лично от меня... но если я как можно скорее не вернусь к моим обязанностям посланницы, у меня не

останется времени для выполнения задачи до того момента, когда меня отзовут обратно на Землю».

Су'ниар, Телмитар... Тем единственным богатством, которое предлагали дома-Ордены, посредством которого они кормили, одевали и давали приют, являлось время. Время, чтобы сидеть на усыпанных песком ступенях лестниц под навесами, время, чтобы размышлять, время, чтобы просто существовать. Мне было многое неясно в отношении Бет'ру-элена, я не могла понять ни одного из таинств.

Единственным, что я приобрела, было умение задавать вопросы или не задавать их, а также достигать своего рода уравновешенности. И мне очень хотелось знать, что произошло бы, если бы земного человека пустили в одну из этих ортеанских святынь.

Я услышала шум в соседней комнате и подумала, что проснулась Родион. Встав и заглянув к ней, чтобы справиться, не слишком ли ей досаждают полученные раны, я нашла ее комнату пустой.

Некоторое время я размышляла над этим. Потом вернулась в свою кровать. Родион находилась в достаточной безопасности.

— Хавот-джайр является свидетельницей для Короны! — Эвален упрямо опустила голову. — Кроме того, она входит в команду моего корабля. Вы говорите, Мастер, что можете обеспечить нам защиту в пределах вашего города. Я беру на себя дело охраны Хавот-джайр за его пределами. Я беру ее с собой в Таткаэр.

Чародей сидел у открытого окна библиотеки. Рано поутру подул бриз и не улегся до сих пор.

— Может быть, это к лучшему, — сказала я.

— Она — морячка из Южной земли, но родилась на Пустынном Побережье, я ни в коем случае не могу удерживать ее в Коричневой Башне. Хорошо, т'ан Эвален.

Медуэнин и Родион стояли рядом и тихо разговаривали друг с другом. Вне своих телестре жители Южной земли сдержанны в проявлении чувств (внутри же их общество имеет иное качество), и о взаимных симпатиях обоих можно было

только догадываться. Иногда она касалась его руки, а временами его рука оказывалась на ее плече. Заметным являлось только то, что они почти всегда находились вблизи друг друга, и то, что взгляды их редко расставались. Заметным было и счастье, прорывавшееся во внезапно раздававшемся сдержанном смехе.

— Т'ан Эвален, — сказала Родион и посерьезнела, — могу ли я попросить вас об одном одолжении? Когда вы придете в Таткаэр, скажите моей матери, что я жива. Я знаю, ложь здесь неизбежна, но не давайте ей верить в это дольше, чем необходимо.

Эвален согласно кивнула:

— Если потребуется, я попрошу Т'Ан Рурик не раскрывать тайны, пока вы не доберетесь до Таткаэра, но вы могли бы оказаться там и раньше нас — весенний ветер капризен.

Я бы охотно попросила ее проинформировать ксеногруппу о том, что я не мертва, но если бы они узнали об этом, вскоре все стало бы известно каждому. Хакстон, Элиот и Адэр... у них еще не развилась та мания, что характеризует чью-либо готовность к жизни в ортеанских условиях.

«Вернусь ли я когда-нибудь в Таткаэр?» — подумала я. Пожалуй, это будет очень нелегко.

— Посланица, когда вы будете покидать город, — сказал Чародей, — я, наверное, смогу вам помочь. Но мы поговорим об этом позднее. Т'ан Эвален, я передам вам Хавотджайр. Мои люди тайно доставят ее на ваш корабль.

Прежде чем они ушли, я успела поговорить с Халтерном.

— Будьте осторожны, — посоветовал он. — Морские путешествия опасны и в обычное время, а во время Дуресты...

На Орте любая поездка является более дорогостоящим и более рискованным предприятием, чем на Земле. Природные явления могли представлять гораздо большую опасность, чем все ортеанские козни.

— Я встречу вас в Таткаэре. Уж это дело мы провернем. Хал, будьте осмотрительны.

Ветер нес песок, ударявшийся о непреодолимые стены Башни. С юго-запада наползали тучи, закрывавшие дневные звезды.

Люди Эвален говорили о чем-то неизвестном для меня с людьми Чародея.

— Нам придется взять с собой в дорогу плохие новости, — сказал Халтерн. — Хараин — это южнодаденийская телестре, а Бродин — хороший человек. Я его знаю, Кристи. Очень тяжело от того, что нам придется это сделать.

— Вы из Пейр-Дадени. Что там думают насчет Канты Андрете?

— Вы правы, — сказал он. — Этого требует справедливость. К тому же подозрение в отношении вас. Пусть даст вам Богиня безопасный путь, Кристи.

— Мои люди собрали для вас продукты на дорогу, — сказал Чародей, когда я снова пришла к нему в библиотеку.

В окне за его спиной я увидела тени облаков, проносившиеся над куполами внутреннего города. Он был один. На столе еще стояли чашки с недопитым ярко-красным чаем из арниака. В комнате царило настроение, какое бывает перед отъездом.

— На каком корабле мы отправимся?

— Ах да, корабли... — Он закашлялся, взялся рукой за нос и вздохнул. Ощущая потребность старого человека в удобстве, он плотнее натянул на плечи свое темное одеяние. — Кристи, есть один способ незаметно покинуть город, а именно: воспользоваться Расрхе-и-Мелуур.

Я вспомнила бесконечный ряд пилонов, сопровождавших нас по пути на юг, гигантские тени которых падали на воду.

— Это надежно?

— До первой промежуточной остановки у Огненной Скалы. Оттуда вы сможете отправиться дальше на островном корабле, плывущем вдоль Архипелага на север.

— Спросите других, — сказала я, потому что не хотела вмешиваться в компетенцию Медуэнина. — Если они согласятся, то и я буду за это.

Они вернулись, попрощавшись с Эвален и Халтерном, с ними был Тетмет. Сначала они проявляли нерешительность, но в конце концов согласились с предложением старика.

Он провел нас в центр Коричневой Башни к лифту, который так долго двигался вниз, что я начала спрашивать себя, как глубоко от поверхности планеты он мог нас доставить.

Когда мы вышли из кабины, нас освещал другой свет; он был очень ярок и имел голубой цвет. Мимо нас двигался сухой, холодный воздух.

Родион дрожала; она положила себе на пояс руку Медуэнина и широко улыбнулась.

Открылась двустворчатая дверь в небольшую камеру, в которой имелось всего две скамьи. Люди в коричневых мантиях принесли нам мешки и емкости с водой, которые Медуэнин тут же обследовал со знанием дела. Состоялся короткий прощальный разговор с обитателем Топей.

Затем мы сели рядом со стариком, дверь закрылась, после чего у меня возникло впечатление движения по монорельсовой дороге.

Ускорение было равномерным. Медуэнин и Родион вначале казались испуганными, а потом я увидела, как соединились друг с другом их руки.

Чародей, сидевший рядом со мной, спросил:

— Что вы думаете, Кристи, когда видите подобное?

Вероятно, он лучше меня знал, что я при этом думала.

— Что Орте является очень древней цивилизацией.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде читалась ирония.

— Мы... или Сто Тысяч?

— Все. Странно говорить об этом сейчас, после проведенного здесь времени. Это не соответствует обычным представлениям о передовой расе.

Внешне по нему нельзя было заметить, как он в своих скрытых воспоминаниях классифицировал стандартное развитие: высокоразвитая технология обуславливает контроль эмоций. Его лицо сморщилось, глаза прикрылись перепонками, затем он кивнул.

— Они развиваются не так, как Народ Колдунов. Никто не повышает урожайность земли так сильно, как жители Ста Тысяч.

Я хотела возразить: «Но никак не ожидаешь, что древняя раса выполняет грязную работу. Неожиданно не то, что она

убивает, а то, что она делает это оружием, которое может уничтожить весь мир.

Не предполагаешь ничего столь примитивного и кровавого, как кусок металла метровой длины, обладающий остротой бритвы. И все-таки они не примитивны».

— Таково лично ваше мнение, — подчеркнул он.

— Я не спору.

Обитатель Топей был, как всегда, молчалив, и я спросила себя, не думает ли он о той плоской, покрытой водой земле на Севере.

Медуэнин и Родион не обращали никакого внимания на то, что говорил старик. Сначала я подумала, что они слишком сильно были заняты друг другом, чтобы замечать что-либо рядом с собой, но потом поняла, что Чародей говорил на диалекте Пустынного Побережья, которого они не понимали. А я имела возможность отвечать ему.

Внедренные в меня воспоминания все же дали кое-что.

Через довольно продолжительное время кабина постепенно замедлила движение и наконец остановилась. Затем произошел рывок, и она начала подниматься вертикально вверх, превратившись в кабину подъемника.

Родион согнула руку, жалобно улыбнулась и позволила Медуэнину помочь ей закрепить на спине мешок.

Я наблюдала за ними, за мужчиной и молодой женщиной. То, как они справились с нападением, выглядело непривычно, по-ортеански: они оправились от него словно дети после драки. В отношении наемника я могла себе такое представить, но Родион... Она неизменно подвижна, беспокойна и готова к действию, а ведь не прошло еще и дня с того момента, когда кто-то попытался ее убить. Я же...

Причиной моего лишь очень неполного воспоминания о нападении была вызванная страхом слепота. Все действия оказались инстинктивными, к борьбе меня вынудил страх. Даже сейчас, когда схватка была уже в прошлом и я снова давно находилась в безопасности, меня преследовали ужасные картины.

Не Хавот-джайр или звук джайанте, ударяющей по кости, а человек, которого я видела в течение секунды, не бо-

лее, человек, которого убил Медуэнин. Я все еще вижу его перед собой. Он лежит на спине, приподняв над лицом безжизненные руки, пропитавшись собственной кровью.

Он застыл в этой позе боли и смерти. Его руки подняты, как будто он все еще хотел отразить удар, давно лишивший его жизни.

— Я желаю вам всего доброго, — сказал Чародей, когда кабина наконец остановилась. — Покиньте Расрхе-и-Мелуур не далее чем у Последней Скалы, после нее невозможно продолжать безопасный путь.

— Орландис благодарит вас, — официально сказала Родион.

Медуэнин скованно кивнул — в присутствии старика он все еще чувствовал себя несколько неуверенно.

Створки дверцы разошлись в стороны, и мы вышли на серо-голубую поверхность. Я подумала, что это были камни Кирриаха. В лицо мне дул ветер. Стало холодно.

Вокруг нас находился просторный, высокий зал. В глущину его проникал слабый солнечный свет.

Раздавалось эхо, где-то капала в лужи вода. Чувствовался пряный запах свежего воздуха.

Расрхе-и-Мелуур. На сей раз мы находились не внизу, а на самом верху: кабина подняла нас вверх по пилону, к началу гигантского моста.

— Вам не потребуются факелы, — сказал Чародей. — До Огненной Скалы вы сможете добраться до наступления ночи.

Отсюда, где мы стояли, вдаль уходил каменный пол и, казалось, несколько выгибался дугой. Каменная конструкция вздымалась вверх, в полумрак, уходя все выше, пока не исчезала в туманной дали.

В другом направлении каменная поверхность также уходила за пределы видимости и поднималась огромной кривой в незримую высоту.

Перед нами сквозь темноту падало огромное световое копьё, скрывавшее все, что находилось за ним. Я сделала шаг вперед и ступила в неподвижную воду. Воздух вдруг запах гнилью. Слышалось эхо от падавших капель воды. Потом я почувствовала холодный ветер, посмотрела вверх

и увидела туман, перекатывавшийся на высоте Расрхе-и-Мелуура.

Но это был не туман. Теперь я видела, что это облака проплывали надо мной в бесконечную даль.

Полоса света стала серебристой, затем белой, и я уже подумала, что обрушилась часть туннеля, когда увидела, какими прямыми были границы теней. Затем я заметила, что в камне имелись отверстия, которые так высоко располагались над нашими головами, что казались скорее щелями, но в действительности были достаточно велики, чтобы сквозь них мог пролететь самолет. Они находились так высоко, что через них проплывали облака.

Родион сделала несколько шагов в воду. Становилось все глубже, и мне стало понятно, что нам следовало держаться краев Расрхе-и-Мелуура.

Тут облака ослабили яркий свет, и я увидела, что находилось перед нами. Большая, круглая шахта, которую, как озеро, заполняла вонючая вода, и потрескавшиеся, испытавшие воздействие времени остатки зданий, поднимавшихся в середине озера под облака...

Размеры пространства, заключенного внутри построек, оказывают своеобразное воздействие — это подтверждает любая Церковь. Но здесь... Что-то в человеческом мышлении говорит, что это неверно — конструировать нечто гигантское, подобное этому. Пещера, долина реки или жерло вулкана уже вызывают почтение и благоговение. Но что-либо, обладающее размерами Расрхе-и-Мелуура, будит страх. Ибо если бы это соорудили люди, то это было бы неверно, однако если такое воздвигнуто неземными существами, то оно внушает страх.

Благодаря своей новообретенной памяти я ясно видела, какой цели служило сооружение. Мне было понятно, что Расрхе-и-Мелуур делился на верхнюю и нижнюю полусферы, и там, где мы стояли, прежде находились различные механизмы, в верхней же части располагались многочисленные линии транспортной системы и огромные шестиугольные башни Народа Колдунов. Отверстия были закрыты силовыми полями; тогда внутри регулировалась «погода»...

Теперь осталась лишь внешняя цилиндрическая оболочка, торчали остатки стен, и имелся нижний пол, постепенно разьедаемый закисшей водой. Это был Расрхе-и-Мелуур, город триумфа Народа Колдунов, даже жалкие остатки которого вызывали удивление.

— Не посылайте мне никаких известий, — сказал Чародей. — Я буду знать, надежно ли вы доберетесь до Таткаэра. Посланница, передайте вашим людям мой привет.

Старик закашлялся, и Тетмет взял его под руку. За обитателем Топей и согбенным старцем, обоими в коричневых мантиях, задвинулись створки дверцы. Мы остались наедине с эхом и холодным светом раннего утра.

Затем мы втроем двинулись в путь. Вместе с нами двигалась перспектива Расрхе-и-Мелуура, то в сумерках, то в свете солнца. Казалось, мы шли целый день и даже дольше, чем день, но так и не сдвинулись с места. Лишь становилась глубже морская вода, смешанная с пресной, каменный пол покрывали ползучие растения, он становился скользким и обманчивым, не переставая кричали морские птицы.

Только тут я подумала, что мне нужно было бы подобающим образом поблагодарить старого человека, и принялась придумывать, что бы я могла ему сказать, потому что не верилось, что увижу его еще когда-нибудь. Однако часть меня осталась в Коричневой Башне, а часть Чародея все еще странствует вместе со мной.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Глава 30. Приближение лета

Началась четвертая неделя нашего путешествия, мы находились в тридцати днях пути от Касабаарде.

Бури задержали нас на некоторое время у Огненной Скалы. Затем мы плыли на островных судах на север вдоль Архипелага, причем ни разу не теряли из виду суши, после чего начался долгий путь к Одинокому острову. Я надеялась узнать там что-нибудь новое о корабле Эвален, но никто его там не видел.

Штиль продержал нас на месте пятнадцать дней.

После этого «Звезда Арентине» доставила нас на Перниэссе, первый и самый южный остров из группы островов Сестер. Оттуда мы перебирались с острова на остров, зачастую на рыбацких лодках: на Валерах, на Могилу Ираин, на Младшую Сестру и, наконец, на сам остров Арентине. Затем мы преодолели последний участок моря до бухты между белыми мысами Римона.

Медуэнин, будучи римонцем, определил, что мы находились всего в нескольких зери от устья Оранона.

Около полудня, когда мы расположились в стороне от дороги на склоне холма, чтобы немного отдохнуть, мимо нас проехали всадники. Медуэнин, достававший в это время продукты из мешка, прервал свое занятие.

— Они из какой-то римонской телестре. — Он взглянул на мархацев и одетых в плащи всадников. — Думаю, из Хезрета или Макхира.

Родион взяла два куска хлебного гриба и протянула мне один из них:

— По крайней мере мы знаем, что находимся на верном пути в Таткаэр.

Бронзовая окраска верховых животных сильно контрастировала с синевой росшей в долине моховой травы. На их покрытых перьями копытах висели желтые комья земли. Они проехали дальше, пока их не стало видно за поворотом дороги.

Воздух был влажен, а от мокрой после ночного дождя мох-травы распространялся сильный запах. Звезда Каррика сияла ярко, как стекло.

Я неторопливо жевала хлебный гриб. Он пропитался запахом морских водорослей, потому что находился в лодке, доставившей нас с островов Сестер.

Оба моих спутника молчали. Медуэнин сидел прислонившись к зику. Он оперся головой о его толстый ствол, наружу выступили тонкие мышцы на челюстях, глаза прикрылись мигательными перепонками молочного цвета. Он жевал атайле. Родион искоса взглянула на него, но ничего не сказала. Эта атайле была причиной постоянных споров между ними.

Выкрашенная в каштановый цвет грива упала ей на лоб, когда она наклонилась над мешком, чтобы что-то взять из него. Однажды она прервала свои дела и посмотрела на него с таким выражением на лице, какого я не могла понять. Затем она села рядом с ним, близко, но не касаясь его, вынула нож и начала обрезать им ногти.

Он обнял ее, не открывая глаз.

Я не знала, что мне о них думать: об Алуисе Блейзе н'ри н'сут Медуэнине и Рурик Родион Орландис. В какие-то моменты они были близки мне, как брат с сестрой, а временами казались чужаками, удаленными от меня на расстояния, измеряемые световыми годами.

Это вечная проблема для того, кто адаптируется; как бы ни освоился он в новом мире, он никогда не станет для него так близок, как его уроженцы, однако всегда можно настолько отдалиться от своего общества, что в нем уже, а в другом

еще не чувствуешь себя своим и пребываешь, таким образом, между ними.

Этим соотношением напряжений и оправдывается работа посла, дипломата, ксеногруппы. И я в гораздо большей мере являюсь Кристи С'арант, чем Линн де Лайл Кристи.

— Вот еще едут. — Родион кивнула вниз, на дорогу. — Все с'ан направляются в Таткаэр... Не помню последних выборов, тогда я была еще слишком мала.

— Ты будешь помнить эти.

Она засмеялась. С долины подул резкий ветер, прорвавшийся по римонским равнинам, и принес с собой запах дождя. Родион подняла вверх руку, сорвала молодые, еще без семян, листья зику и потерла в ладонях ярко-красные почки.

— Натиск лета, — мечтательно сказала она, — который все заставляет расти. Так мы называли в Пейр-Дадени последние недели Дуресты. Здесь весна наступает раньше. Сейчас подходит к концу Седьмая неделя... Хорошо, что мы дома.

— Мы прибудем в Таткаэр с наступлением ночи? — спросила я Медуэнина.

— Нет, если сейчас же не отправимся в дорогу. — Он встал, выплюнул за спину сок атайле и взял узел.

Родион вложила нож обратно в ножны. У нее был озабоченный вид...

— Я спрашиваю себя, какие новости они услышали. — Она наморщила лоб. — Если моя мать... Не знаю, что мне ей сказать.

Долгий путь сюда занимал все мое внимание. Лишь в это мгновение, всего в нескольких зери от города, я тоже стала спрашивать себя, что буду говорить.

От реки поднимался холодный туман и приглушал яркий свет звезд. Колыхался желтый свет смоляных факелов на эллинге. Мы остановились в стороне от толпы. Трубили мархацы, нетерпеливо поводя мордами и перебирая копытами, а ехавшие на них всадники громко кричали друг другу новости. На каждом втором или третьем из них было золотое кольцо с'ан телестре.

Над блестящей в свете факелов водой сгушалась темнота, массивная, как горы, прорываемая то тут, то там неболь-

шими светящимися сферами фонарей. Таткаэр... Наконец-то мы в городе.

Группа скурраи вращала скрипучее колесо, а снаружи, на воде, были видны факелы причальной платформы парома.

Плату за перевоз собирала очень старая женщина. Кожа ее имела цвет шоколада, на голове от гривы остались лишь тонкие пряди, а все ее лицо было изрезано морщинами и походило на отпечаток пальца.

Я развязала шнурок и сняла с него серебряную монету, неотрывно глядя на ее знакомые черты.

— Она из телестре Салатиэл!

— Что? — спросила Родион. Медуэнин поднял голову, потом резко кивнул. Я подошла к старой женщине.

— Простите меня. — Я догнала ее возле навесов для лодок. — Здесь есть аширен Марик Салатиэл?

— О да. Да. Марик! — позвала она, а затем тихо добавила: — Больше не аширен, с Орвенты. Марик, тебя кто-то хочет видеть! — Она неодобрительно наморщила нос. — Одна из твоих иноземных приятельниц!

— Кто же это? — Из-под одного навеса появилась чья-то фигура и вышла на свет факела. Я узнала голос.

— Это я, Кристи, но помолчи... — Я замолчала.

Ортеанской частью своего существа я ожидала этого, почувствовала по всем деликатным изменениям, происходящим к концу стадии аширен.

Голос был тот же, лицо тоже принадлежало Марику, имело смуглый оттенок. Я увидела черную гриву и знакомое строптивое выражение на лице, сменившееся улыбкой. Но — и сейчас я поняла это — Марик больше не был аширен.

Залатанная туника плотно обтягивала небольшие груди, я увидела также широкие бедра. На ее поясе висели харуры Телук, которые я отдала ему — ей! — перед Кириахом. Это непросто — определить пол ортеанца, но Марик из аширен стал молодой женщиной.

— Я знала, что вы вернетесь! Вы идете в город? — спросила она. — Кристи, я пойду с вами, только позвольте сказать Эверил, что я уйду.

— Нет, погоди, не сегодня вечером. Я пошлю сообщение... — Я была готова к тому, чтобы считать Марик девушкой, если бы это оказалось необходимым, но было намного труднее представить ее себе взрослой. — Я пошлю сообщение из города. То есть если ты все еще не прочь исполнять обязанности моей л'ри-ан.

— Да, конечно.

Это звучало определенно. Я предполагала, что в Салати-эле посланница не добилась бы признания. А Марик была для своей телестре еще очень молодой взрослой.

— Ты вернулась здоровой из Ширия-Шенина?

— Да. Я взяла там вашего мархаца. Мне взять его с собой, когда я приду?

— Да, это хорошая идея.

Паром подошел к берегу, и на него хлынула толпа.

— Я сказала им, что вы этого не делали, — сказала она. — Да и с чего бы вам причинять какое-то зло Канте Андрете? Я сказала им об этом.

В ее голосе слышалось отчаяние. Я положила ей руку на плечо:

— Скажи им... скажи им, что хочешь, но не говори, что видела меня здесь. Сейчас мне нужно уйти. Будь настороже.

— Я так и сделаю. — Она улыбалась, когда я прощалась с ней. — Говорили, что вас нет в живых. Но я не верила и в это.

Переправляться было холодно. Река оказалась глубокой и стремительной, и паром двигался вперед с большим трудом. Ортеанцы успокаивали своих нервных мархацев.

Я стояла на переполненной палубе между Родион и Медуэнином. Перед нами вверх по склону поднимался город. Как молчаливые белые призраки, над нашими головами парили рашаку-базур.

— Что вы будете делать? — спросил Медуэнин. — Мне, пожалуй, следовало бы доставить Орландис к ее матери, если Т'Ан Мелкати в городе. Тогда одна свидетельница перед Короной будет в безопасности. Кроме того, я и был нанят с этой целью.

Серебристая вода бурлила в том месте, где соприкасалась с пирсами доков. От города подул теплый ветер, и с ним до нас донесся запах чего-то жареного, рыбы или моллюсков. Паром раскачивался из стороны в сторону.

— Остров находится исключительно под действием закона Короны, а это все еще означает, что я буду арестована, как только появлюсь перед Сутафиори; она не может поступить иначе. Заключение могло бы стать для меня самым безопасным выходом, но не могу сказать, что мне нравится это представление. — Я подумала о Корбеке. — Как бы то ни было, сегодня вечером слишком поздно что-либо предпринимать.

— Идемте вместе с нами на гору, — попросила Родион. — Я бы хотела, чтобы вы поговорили с моей матерью. Она нам что-нибудь посоветует. А утром мы могли бы отправиться в Цитадель.

«Видел ли кто-нибудь, как мы прибыли? — спрашивала я себя. — Знает ли кто-нибудь, что мы в Таткаэре? Нет, очень маловероятно, что за нами наблюдали».

По парому пробежала дрожь, он остановился, и я увидела, как опустили передние сходни. Вся толпа устремилась вниз, на берег.

Нам с трудом удалось остаться рядом друг с другом. Камни у причала были непривычно тверды, неровны и скользкие от постоянной влажности. Из открытых ворот какого-то общественного дома падал ослепительно яркий свет. Ортеанцы с шумом двинулись вперед мимо нас, и на мгновение между мной и Родион оказался холодный, лохматый бок мархаца.

— Пойдете на гору, будьте осторожны, — сказала я, когда снова оказалась рядом с ней. — Рано утром я пойду в Цитадель. Ведь вы будете там. Чем скорее мы разыщем Корону, тем лучше.

— Куда... — Она не договорила. — Ну хорошо, сделаем так.

Если у Медуэнина и были какие-то сомнения, то он держал их при себе. Он только сказал:

— Это не самый безопасный город для обитателей другого мира. Осторожно выбирайте, кому доверять.

Было несколько обидно, что люди, которые стали мне такими близкими, называли меня обитательницей другого мира.

Мы расстались. Они пошли по дороге вдоль западного берега острова в сторону его гористой части. Я отправилась в центр города.

Было поздно, но на улицах еще царило большое оживление. Я видела открытые двери общественных домов, свет, падавший из дверей через незастроенные участки между домами телестре. Вся атмосфера каким-то образом напоминала карнавал. Но когда я пошла дальше, все выше поднимались стены домов телестре, и единственным, что я еще могла видеть, были звезды.

Море бледных огоньков мерцало между крышами и слабо освещало мой путь. В узких улочках стоял запах верховых животных и помоев.

Прозвучали полуночные колокола. Продрогшая и усталая, я стояла в темноте и с горящими глазами слушала звон. Таткаэр. В этом названии для меня звучало что-то родное. Разве не говорила Рурик, что Таткаэр — это сердце Южной земли?

«Я приезжаю домой и теряюсь в нем, — подумала я с горечью, удалившись на два или три зери от западного берега. — Как же это возможно, что, обойдя весь мир, плутаешь, пытаешься пройти по городу? Черт побери, неужели они здесь ничего не слышали об уличном освещении?»

Наконец я увидела свет факелов и зашагала в его сторону. Я вышла на набережную, передо мной лежала гавань, а Восточный и Западный холмы поднимались, казалось, до самых звезд. Теперь я была в состоянии найти Восточный порт и пошла по узким улочкам в направлении Салмет. Все эти белые стены и закрытые двери выглядели совершенно одинаково.

«Сколько же времени я спотыкаюсь по улицам непроглядно черной ночью?» — спросила я себя и тут поняла наконец, где находилась. Это был не тот дом телестре, который я искала. Но мне уже все стало безразлично.

Я вынула из-за ремня джайанте и забарабанила ею по воротам восточного порта Кумизл. Среди улочек гулко звучало эхо.

Постучав пару раз — мне стало очень холодно, — я заметила за воротами приближающийся свет фонаря.

Голос с сильно выраженным имирским акцентом крикнул:

— Я тебе сказал, что не хочу, чтобы меня вызывали в ночное время! Ты вышибешь у меня дверь...

Я услышала, как отодвигались дверные задвижки, и попыталась хотя бы немного оттереть грязь и пыль с пальто и сапог, но безуспешно. Одна половина ворот открылась. «Можно ли меня еще узнать?» — со страхом спросила я себя.

— Доктор Адэр, — сказала я.

Он поднял фонарь и повесил его на крюк рядом с воротами. На его ночную пижаму было накинуто старое бекамиловое пальто. В течение нескольких бесконечных секунд он стоял передо мной, плотно сжав веки.

— Боже праведный! — наконец вымолвил он. — Линн Кристи?

За окнами неопрятной комнаты Адэра начало светлеть небо. Конец вторых сумерек, и скоро начнут звонить ранние колокола. Я протерла глаза и подумала, что не мешало бы подольше поспать. Адэр настаивал на немедленном медицинском обследовании. Он — или, скорее, его ортеанская л'ри-ан — дал мне чистую одежду. Я помылась, поела и могла бы превосходно себя чувствовать. И все мне показалось неправильным: ездить, как это делала я, и прибыть домой, словно чужая.

— Ну, так что же? — повторил Хакстон. Он сделал глубокий вдох и закричал: — О чем, черт побери, вы думали?

— Вы получили мои отчеты.

— Отчеты? О, так вот это что, оказывается, было: отчеты.

Голос его был резок, ехиден. Снова переключиться на английский язык после столь долгого времени мне было уже довольно трудно. Оба они выглядели чужими: люди с суровыми глазами и резкими голосами, с плоскими руками и приглаженными шапками волос — высоченные гиганты.

— Вы все же хотя бы понимаете, что лишили группу всяких шансов когда-нибудь выбраться из этого гетто?

— Это спорный вопрос, — возразил ему Адэр.

— Спорный, к дьяволу! — Голос Хакстона не создавал впечатления, что он уже давно проснулся. — Как вы думаете, где мы находились весь этот последний год?

Я сказала:

— Т'Ан Сутаи-Телестре...

— Это ваша задача — общаться с местными властью имущими, — вяло сказал Хакстон. — Если вы этого не можете, то нужно было бы послать сюда кого-нибудь другого, кто может с этим справиться.

— Вы глупец! — сказала я. — Не рассказывайте мне ничего о туземцах, а пойдите лучше к ним и поговорите! И когда станете это делать, следите получше за тем, что происходит у вас за спиной, потому что очень вероятно, что вы обнаружите в ней нож!

Он неподвижно посмотрел на меня, потом вздохнул.

— Так вот, у нас есть два сообщения, в которых говорится, что вы мертвы...

— Им нелегко привыкнуть к нам, мистер Хакстон, — сказала я.

— Вот как? Но у вас-то, кажется, не было особых сложностей в том, чтобы привыкнуть к ним.

— Что вы этим хотите сказать?

Он молча посмотрел на меня:

— Я хочу этим сказать... На чьей, собственно, стороне вы, мисс Кристи?

— Ну хватит, Сэм! — Адэр хлопнул руками по столу.

— Сознаете ли вы, как в ваших словах сквозит паранойя? Думаю, вы научитесь, вы еще научитесь понимать Орте, — улыбнувшись, сказала я.

Он пропустил мимо ушей вторую часть того, что я сказала, но первая заметно его охладила. Почти извиняющимся тоном он произнес:

— Вы изменились. Я едва вас узнаю.

«Хакстон успокоился, — подумала я, — возможно, он в будущем станет работать вместе со мной, но уже никогда не

сможет считать меня заслуживающей доверия». Однако у меня не было ни времени, ни желания сожалеть об этом.

Утренние колокола вспугнули рашаку-базур, и они вспорхнули с крыш вблизи доков.

— Я должна идти, — сказала я.

— Вы не можете сейчас отдавать себя в руки местных властителей, — запротестовал Хакстон. — Это было бы чистейшим безумием! Оставайтесь с группой, мисс Кристи, и представьте свои свидетельские показания в письменном виде. Идти самой ко Двору было бы очень необдуманно.

— Я предпочитаю идти, вместо того чтобы меня забрали, — сказала я. Мысль о том, что Сэм Хакстон отказал бы стражникам Короны от моего лица, хотя и была привлекательной, на практике ничего не давала. — Кроме того, это докажет мою добрую волю.

— До срока отзыва остается уже недолго, — добавил Хакстон. Его подбородок был покрыт щетиной, а на толстом теле мешковато висел сильно поношенный комбинезон. Все его движения отличала резкость; он не обладал кошачьей ловкостью, которую ортеанцы приобретали в обращении с оружием. — Не рискуйте вашей свободой передвижения.

— Вы можете подтвердить, что видели меня, — сказала я. — Вы получили мой отчет и знаете, куда я иду, а если вскоре не услышите что-нибудь обо мне, пустите в ход все средства; тогда мне понадобится любая помощь, какую я только смогу получить.

Шнурки с моими деньгами очень полегчали. Я обмотала их вокруг шеи и спрятала под туникой. Стоило ли взять с собой джайанте? Нет, хотя без нее я казалась себе лишенной чего-то очень нужного. Я подтянула пояс с ножом и надела пальто.

За окном стало светлее.

— Уж с этим мы справимся, — сказал Хакстон. — Не беспокойтесь.

Он находился в большом напряжении, поскольку все время нес ответственность за группу, и выглядел очень утомленным. Год назад по его виду этого нельзя было сказать.

— Тут вас ждет скурраи-джасин, — сказал Адэр, стоя в открытой двери. — Хотя не могу понять, где ее взяла в этот ранний безлюдный час моя л'ри-ан. Кстати, я для вас что-то подготовил: лекарства. Принимайте эти пилюли перед едой, они уменьшают аллергические реакции и помогают предотвратить состояние усталости.

— Благодарю. — Я взяла кожаную сумочку, которую он мне предложил. — Думаю, что скоро, наверное, увижу вас снова.

Идя по двору, я подумала: «Тебе следовало бы сказать что-нибудь, чтобы успокоить коллег. Их работа достаточно трудна и без того, чтобы еще посланница доставляла дополнительные хлопоты».

Облегчение, которое я ощутила, оставшись без общества, испугало меня. Они были приличными людьми, но я не доставила им никакой радости. Другие миры оставляют на нас свои отметины, но не все шрамы видны.

Несмотря на ранний час, было непросто проехать на скурраи-джасин из-за оживленного движения на Пути Короны. Высоко в воздухе издавали пронзительные крики рашаку-базур. Над зданиями висела голубая дымка, казавшаяся золотистой с солнечной стороны. Дул свежий ветер.

Цитадель возвышалась на вершине скалы над речным туманом и потому казалась обложенной ватой. В располагавшихся повыше окнах отражался свет всходявшего солнца. На широкой площади ниже скалы шевелился, перекачивался волнами туман, освещаемый солнечными лучами.

Мною вдруг овладел внезапный страх. «Сейчас должно что-то сорваться, — подумала я, — сейчас, когда столь многое было позади, и после того, как мне так долго везло».

Я расплатилась за скурраи-джасин и пошла через площадь. Вокруг меня царил неистовый утренний шум: фыркали мархацы, визжали рашаку-базур, слышались крики от находившихся поблизости бараков. Людей здесь стало поменьше, чем в городе. Ворота большого Дома-источника были открыты, а в располагавшихся за ними дворах журчали фонтаны.

Я шла мимо всего этого к охраняемым воротам в начале извилистой тропы. Мне вспомнилось: здесь все и началось, во время общественной аудиенции. Видеть, что происходит кругом, и знать, что видят тебя...

В тени ворот стояли три или четыре стражника Короны, один из них поднял голову, когда я подошла поближе. Это была женщина с командирскими знаками различия на поясе. Она что-то крикнула назад через плечо, и из караульного помещения вышел Блейз н'ри н'сут Медуэнин.

— Это она, — сказал он. — Привет, Кристи. Родион только что ушла наверх, я сказал ей, что подожду вас.

— Хорошо, идемте.

Старшая караула выделила четверых стражников, которые должны были сопровождать нас. «Это охрана или арест?» — спросила я себя. Мы пошли по извилистой тропе вверх по склону и вышли из тумана на солнечный свет.

— Каковы были вчера ваши успехи? — спросила я.

— Мы нашли резиденцию Т'Ан Мелкати на горе. Т'Ан Рурик там не было — не знаю, где она находится в настоящее время, — но мы остались там на ночь, а потом пришли сюда.

Под нами лежали город и устье реки, сверкало море на утреннем солнце. Наши тени падали на запад. Стражники провели нас в Цитадель через другие ворота, не через те, в которые я входила сюда в первый раз.

«А эти ортеанцы...» — подумала я. Непосредственно после встречи с Адэром и Хакстоном они показались мне невысокими и гибкими, такими, какими я видела их вначале: подстриженные гривы, когтеобразные ногти на руках и похожие на звериные глаза без белков. Теперь они казались мне более близкими существами, и лишь где-то в глубине сознания гнездилось слабое воспоминание о том, что мы принадлежали к разным биологическим видам.

Через различные помещения мы попали в зал с высоким потолком, через узкие, похожие на бойницы окна которого внутрь проникал свет со стороны внутреннего двора. Здесь собралась группа людей, говоривших так взволнованно и громко, что наше прибытие оказалось незамеченным.

— Вот она! — сказала Родион, положив руку на плечо темнокожей женщины. Та повернулась в нашу сторону и убрала своей единственной рукой упавшую на лоб гриву.

— О Мать-Солнце! — воскликнула Рурик. — В следующий раз я лишь тогда поверю в то, что вы мертвы, когда увижу ваш сожженный труп! Кристи, что же это была за история в Пейр-Дадени?

— И с кораблем, — гремел мужчина. Его спина была прямой, как если бы он проглотил аршин, а на голове торчал белый гребень подстриженной гривы. Я узнала старого Хеллела Ханатру, Первого министра Имира. — И что случилось с группой т'ан Эвален?

— Разве она еще не прибыла сюда?

— У нас произошла задержка в пути, — сказала Родион, — может, с ними случилось то же самое.

— С вашего позволения, — вскользь сказала Рурик Хеллелу. — Ромаре, очистите зал и доложите новость Т'Ан Сутаи-Телестре. Начальница охраны, прикажите ограничить доступ в этот зал, усильте стражу.

Она вернулась к столу и закатала опустившийся вниз пустой рукав сорочки.

— Мы с Сутафиори побыли здесь всю ночь напролет. Неблагодарное занятие выборы. Вы только посмотрите! Это просто сногшибательно. — Ее взгляд упал на Родион, которая разговаривала с Медуэнином. Выкрашенная в каштановый цвет грива дочери у самого основания волос имела серебристый оттенок. — Я едва ее узнала, Кристи.

Хеллел Ханатра остался, но остальные лица из такширие покинули зал. Стражники Короны стояли в дверях, обнажив мечи.

В этот момент вошла женщина. Родион и Медуэнин официально поклонились, то же вслед за ними сделала и я.

Она выглядела постаревшей, в ее гриве было больше серебра, чем золота, морщины глубже врезались в лицо, а просвечивающая, с ромбовидным рисунком кожа плотнее обтягивала кости тела. Но ее голубые глаза без белков смотрели, как всегда, зорко, и во взгляде ощущалась легкая веселость.

— Великая Мать вернула вас нам? — спросила Сутафиори. — Или есть более простое объяснение?

— Объяснение есть, Т'Ан, но оно непростое.

Она рассмеялась и села в большое резное кресло с одного конца стола.

Рурик сказала:

— Есть кое-что, что вам следовало бы услышать, Далзилле. О Пейр-Дадени.

Мы с Родион докладывали ей по очереди. Однако что в Касабаарде казалось разумным, здесь, в Таткаэре, звучало как нечто раздутое, самодовольное. Я ощущала вокруг себя нараставшее напряженное молчание. Но когда я кончила говорить, я знала, что, несмотря на всю внешнюю невесомость доводов, оставался бесспорный факт: Бродин говорил с Родион Орландис около Хрустального зала. Это нуждалось в объяснении.

Сутафиори спросила:

— Это был Бродин н'ри н'сут Хараин, который сейчас является Первым министром у Тури Андрете?

— Да, речь идет именно о нем, — ответила Рурик. — Он был агентом Канты, если вы помните. Так вот...

— Так вот, мы подозреваем ее агентов. — Сутафиори сцепила друг с другом пальцы рук и откинулась назад. — Хотя и без доказательств... и, главным образом, из-за предполагаемой вины посланницы... Я должна подвергнуть вас аресту Короны, Кристи, но, полагаю, вам это известно.

Я кивнула. Она продолжала:

— Дело должно быть расследовано. Это и прочие обстоятельства в Кель-Харантише, но мы должны дождаться прибытия «Дитя Метемны». Т'ан Хеллел, будьте так любезны, пройдите со стражей в покои Андрете в Цитадели и приведите сюда, ко мне, Бродина н'ри н'сут Хараина.

Хеллел поклонился и вышел. Никто не сказал ни слова.

У меня все сжалось внутри. Родион положила руку на плечо Медуэнина. Она сидела между ним и матерью и никому не смотрела в глаза.

Узкое, смуглое лицо Рурик ничего не выражало; вероятно, она размышляла о расследуемом деле.

— Если бы вы все-таки приехали пораньше, — задумчиво произнесла Сутафиори. — Восьмой день Седьмой недели... и солнцестояние с выборами еще только через двенадцать дней. Конечно, это могло бы оказаться и благоприятным моментом. Если будет процесс, весть об этом не должна распространиться за пределы острова; все с'ан Ста Тысяч находятся сейчас здесь.

— Вы отдадите его под суд?

— Обоих, — ответила Сутафиори. — Пусть даже результатом будет лишь то, что можно станет доказать невиновность посланницы. Слово Коричневой Башни имеет вес. Если виновен, тогда все станет ясно, если же нет — нужно будет искать действительного убийцу. Но для того и другого у нас остается мало времени.

Снаружи послышались шаги. Открылась двухстворчатая дверь. Вошел Первый министр Пейр-Дадени, сопровождаемый четырьмя стражниками Короны. Позади них шагал Хеллел Ханатра. На поясе Бродина не было харуров, ничего, кроме богато вышитого одеяния из хирит-гойена. Его лицо с острыми чертами еще хранило на себе следы сна.

— Т'Ан, — начал он, а потом его взгляд остановился на Родион и на мне, и он замолчал.

Я видела его худое лицо и знала, что права, что Родион тоже была права и что Коричневая Башня нашла правду. Его глаза лихорадочно блестели, когда он смотрел на Сутафиори. Руки с такой силой обхватили спинку стула, что побелели суставы пальцев. Никогда прежде я не видела лица, так искаженного страхом и виной.

Когда до него дошло, что случилось, все напряжение, в котором он находился, исчезло. Казалось, он почувствовал облегчение оттого, что наконец напали на его след.

Я подумала: «Да, ты хотел, чтобы тебя поймали. Ты убил ее. И ты не можешь с этим жить».

— Вы арестованы, — сказала Сутафиори, гнев которой, видимо, был смягчен его явными страданиями. — Вы подозреваетесь в убийстве Канты Андрете, что вы на это скажете?

— Да. — Он был обескуражен. — Она... моя арикей, я...

— Вы признаете это? — резко спросила Рурик.

— Я сделал это из личного честолюбия, — пробормотал он, глубоко задышал и поднял голову, чтобы посмотреть на Сутафиори. — Я убил ее и испытываю печаль... больше, чем вы могли бы себе представить. Вместе с ней я убил себя самого.

— Вы напали также и на Орландис? — Рурик вскочила на ноги, сжимая рукой плечо Родион.

— Спокойствие, Т'Ан Мелкати. Об этом позже. — Когда Рурик села на место, Корона продолжила: — Бродин н'ри н'сут Хараин, вы можете претендовать на любую помощь адвоката или Дома-источника. Вы будете содержаться в Цитадели до Первого дня Восьмой недели Дуресты, до дня начала процесса.

— Отведите его обратно, — сказала Сутафиори, а когда стражники вывели его, она добавила, обращаясь к Рурик: — Это будет полный процесс в присутствии всех Т'Анов провинций, и пусть тогда говорят, что хотят. У них больше не будет оснований насмехаться над обитателями другого мира.

— А если он работал не один, если за этим стоят золото Кель-Харантиша и другие, например, СуБаннасен? — предположила Рурик.

— Мы еще услышим, в чем он сознается, — сказала Сутафиори, после чего повернулась в сторону, чтобы выслушать только что вошедшего мужчину. Напряженное выражение с ее лица исчезло.

— Есть хорошие новости, — сказала она. — Ромаре принес весть о том, что у островов Сестер замечено «Дитя Метемны».

Глава 31. Бродин н'ри н'сут Хараин

Вскоре после этого Ромаре привел еще одного человека. Он был старше, кожа его имела шоколадный цвет, а грива выглядела как черная меховая шапка. Я каким-то образом знала его. Одет он был в мантию Говорящего-с-землей.

— Не должно возникнуть никаких подозрений, что я положила руку к этой истории, — Сутафиори говорила со все-

ми нами, — иначе же я по Закону Короны должна отправить вас в тюрьму Таткаэра. Говорящий-с-землей Тирзаэл, согласны ли вы всех свидетелей по этому делу взять с собой в Дом-источник?

— Если все они находятся здесь, — ответил тот. — Я слышал, что в дело замешан Хараин. Значит, тогда и его. И они должны жить согласно обычаю: никакого оружия, никакой переписки и никакого контакта с внешним миром.

— Могу ли я в этом случае послать сообщение моим людям? — Я заметила, как колебалась Сутафиори, прежде чем согласилась.

— Да... да, им нужно знать, где вы находитесь. — Ее досада на действия Тирзаэла ослабла, когда она обратилась к Орландис: — Рурик, Родион, мне жаль, что уже так скоро придется снова вас разлучить.

— По крайней мере я буду знать, где она, — трезво, но слегка дрожащим голосом ответила Рурик. — И наконец, нет более надежного места, чем дом Богини.

— Как быть с нанятым вами охранником?

— Я свидетель нападения на Орландис, — сказал Медуэнин. — Поступайте, как хотите, Т'Ан.

— Заприте их всех, — сказала она Тирзаэлу и обратилась затем к нам: — Это только на три дня, и после заседания суда вы будете свободны — все, кто невиновен.

Стражники отвели нас из Цитадели вниз, на площадь, а оттуда к Дому-источнику.

Когда мы входили через ворота во двор, я испытала очень знакомые чувства. Здесь царила та же атмосфера, что и в Су'ниаре, Гетфирле, Цирнанте или еще в каком-нибудь Ордене внутреннего города Касабаарде.

Тирзаэл остановил стражников у входа. Нам он сказал:

— Теперь я должен забрать у вас оружие.

Медуэнин расстегнул пряжку пояса с мечами и передал молодой женщине рядом с Тирзаэлом харур-нилгири и харур-нацари. Родион сначала противилась, но затем все же отдала мечи. Парализатор я оставила у Адэра.

— И ваш нож, — сказал мне Говорящий-с-землей.

— Это не оружие.

— Не играет роли.

Без ножа я чувствовала себя голой.

— Теперь вы свободны, внутри этих стен, — сказал он.

Бродин, молчавший до сих пор, пошел за ним, когда тот стал уходить, и я видела, как оба входили под большой центральный купол Дома-источника.

Медузнин заметил, что я наблюдала за ними.

— Вы не можете ему отказать. Давайте поищем кухню; я ничего не ел со вчерашнего вечера.

«А не боится ли он нас?» — спросила я себя, глядя вслед Бродину. Но это могло оказаться и неверной оценкой. Он происходил из Южной Дадени и являлся, вероятно, религиозным человеком, искавшим скорого покоя или утешения.

Как и в Дамари-на-Холме, здесь, за стенами Дома-источника, имелись кухни, хлева для животных и кузница. Значительную площадь занимали сады и дворы, росли кусты птичекрыла и высокие деревья лапуур.

Позднее, в течение утра, я вернулась во двор и подошла к воротам; меня одолевали беспокойство и любопытство. Здесь не было иного занятия, кроме ожидания, именно оно исключало спокойствие, которое было возможно в Касабаарде.

Здесь находилось много тех, кто посвятил себя Богине. Они ходили босыми, со сбритыми гривами и в одеяниях священников, состоявших из одного лишь полотнища коричневого цвета, обмотанного вокруг талии и завязанного на бедрах. Древние каменные плиты были покрыты грязными следами ног.

Никто из Хранителей Источника или Говорящих-с-землей не произносил ни слова, хотя кое-кто из них с любопытством посматривал в мою сторону.

Я все еще стояла у ворот, когда прибыла следующая группа, состоявшая из стражников Короны и нескольких чело-век в одежде корабельщиков, и я узнала во главе всей этой компании т'ан Эвален. С ней находились женщина с Пустынного Побережья — Хавот-джайр — и Халтерн.

Я увидела подходившего Тирзаэла и тоже приблизилась к группе.

— Как вы добрались? — спросила я Халтерна.

— На море бывают волны огромной высоты, — ответил тот. Он был бледен. — Я все еще не пришел в себя от всего этого. Мы две недели простояли в порту Кварта, чтобы переждать штормовую погоду, иначе были бы здесь до вас. Кристи, есть ли что-нибудь, в чем вы срочно нуждаетесь?

— Если хотите сделать что-нибудь очень приятное, то можете держать Сэма Хакстона в курсе происходящих здесь событий... — Меня прервал Тирзаэл, резким жестом разъединив нас. Он принял у Эвален Хавот-джайр и выпроводил остальных наружу.

— Вы не должны позволять себе святотатств в Ее доме, — сказал он, когда они ушли.

— Однажды я была признана Ею, — сказала я, испытывая тайное удовольствие при виде его изумленного лица. — В одном Доме-источнике в Корбеке.

Но там, в Корбеке, существовал и другой Дом-источник, придуманный Арадом фарс с судебным процессом и ночи в камере, о которых мне не хотелось и вспоминать. В этот момент я спросила себя, чем же все-таки Закон Короны отличается от справедливости Домов-источников.

В доме Богини ничто не менялось, кроме света: белое солнце днем и яркие звезды ночью.

Медуэнин предался молчаливому наблюдению. Родион злилась, как кацца в клетке. Хавот-джайр вела себя настороженно, держалась в стороне; она слишком мало реагировала на окружающее, чтобы ее можно было считать нормальной.

Моя единственная в этот день попытка поговорить с ней окончилась неудачей. Но наконец мне удалось вынудить ее дать ответ.

— Я бы не хотела этого знать, — сказала она с выраженным имирским акцентом. Хотя день был теплым, ее знобило. — Да и что мне оттого, если одним чужаком станет больше или меньше? Если бы я вас убила, то смогла бы по крайней мере отправиться домой, в Кель-Харантиш.

— Это и есть ваше желание? — После всего, что я услышала, ее слова очень удивили меня.

— Я знала. — Она сидела, прислонившись спиной к стене двора, и смотрела в ясное небо. — Что я знаю о заговорах, о других мирах? Ничего. Что мне нужно знать? Еще меньше. А теперь я никогда...

Она потеряла нить разговора и снова стала рисовать какие-то замысловатые узоры на грязи, покрывавшей древние, потрескавшиеся плиты пола.

Я оставила ее. Ее враждебность не вызывала никаких сомнений. Иногда она растерянно озиралась по сторонам, как будто знала, что что-то не в порядке, но не могла точно сказать, в чем дело. Я знала, что виновной во всех своих бедах она считала меня. Видимо, мне следовало быть предупредительнее к ней и умереть в Касабаарде...

Я стала следить за тем, чтобы она никогда не оказывалась у меня за спиной.

— Завтра, — сказала Родион и забарабанила каблуком сапога по ножке стола. — Завтра. О гибель земли! Как только вы можете сидеть так спокойно?

В кухне оставались только мы втроем. Служители Богини поели и разошлись по своим делам. Лучи послеполуденного солнца косо падали через окна-бойницы и золотили коричневую кирпичную стену и каменные плиты пола.

— Если у тебя есть идея получше, скажи нам.

Она пристально посмотрела на Медуэнина. Краска, которой были выкрашены ее волосы, смылась, и грива, приобретающая темно-коричневый оттенок, матово выделялась на золотистой коже.

— Но должно быть что-нибудь, что мы можем сделать! — сказала она.

— Уметь ждать — бесценная способность. Овладей ею... — сказал он. — Впрочем, нет, мне жаль, что я так сказал, арикей-те.

Она встала. Ее рука скользнула за спину в произвольном движении, характерном для жителей Южной земли, означая, что имеются харуры. И то, что их там не было, разозлило ее.

— По мне — оставайся тут сидеть, пока не превратишься в камень, — сказала она, — может быть, это и есть лучшее твоё занятие.

Она тенью промелькнула через дверь, а затем я услышала стук каблучков во дворе. Кто-то заговорил с ней, и до меня долетел ее раздраженный ответ.

— Ну что, сестра моя, — измученно сказал Медуэнин, — что вы об этом думаете?

— Думаю, что она нервничает почти так же, как и я.

Он коротко улыбнулся:

— Не имеет смысла поднимать много шума, если можно только ждать. Этому я уже очень давно научился. Кристи, не думаете ли вы, что с ней неладно еще по какой-то причине?

— Например?

Он помолчал, очевидно, подбирая слова, затем сказал:

— Может быть, сейчас для нее положение в Таткаэре выглядит иным, не таким, каким оно казалось в пути и в Касабаарде.

Он сидел, повернувшись ко мне неизуродованной стороной лица, и выглядел так моложе. За его ранимостью скрывалось нечто большее, чем просто физическая сила.

— Я думала, что вы с ней арикей.

— Временами мы спорим друг с другом. Для этого есть много причин. Я думал... надеялся... — Его рука, лежавшая на столе, сжалась в кулак. — Мы с ней должны были бы стать н'ри н'сут, Медуэнин и Орландис, и это не имеет большого значения. Кристи, она молода. Она хочет путешествовать и участвовать в различных схватках, иметь арикей, какие ей только требуются, когда превращение из аширен уже позади. Что же мне делать? Я состоял на службе почти всюду на Орте и уже не знаю места, куда бы мог вернуться. — Помолчав немного, он добавил: — Ну так что?

— Гм-м. Я как раз подумала о Хакатаку, где я была до прибытия сюда. Это в основном сельскохозяйственный мир, — сказала я. — Там было грязно, пища отвратительна и всюду приходилось передвигаться пешком. Вернувшись на Землю, я могла думать только об одном: это был последний раз, когда я посетила другой мир, клянусь в том. Ни-

когда больше. Потом речь зашла о Каррике, и посмотрели бы вы на меня, как я старалась, чтобы не ускользнул этот шанс. Вы не поверили бы, обнаружив такое старание со стороны кого-то, твердо решившего никогда в жизни не покидать свою планету.

— У меня давно такое же чувство.

— Не думаю, что оно у вас давно, да и кроме того — какое это имеет отношение к моей деятельности?

Он запрокинул назад голову и засмеялся. На его щеки выступили жилы, толстые, как жгуты.

— Тут вы, наверное, правы. Мы ничего не сможем сделать, пока не закончится расследование. Я следую своему собственному рецепту: терпение.

«Мне тоже нужно терпение, — подумала я, — и оно нужно мне именно теперь».

Родион сидела на краю большого колодца-Источника и смотрела наружу через главные ворота. Служители Богини не будут вмешиваться, пока мы не попытаемся исчезнуть. Я села рядом с нею и погрузила руку в холодную воду.

На большой площади было много людей, быстро проходивших мимо по своим делам. Тут сооружалось нечто вроде палаток и лачуг. Это было не лучшее лекарство от нетерпения — сидеть и ощущать себя обреченными на бездействие.

Родион ударила пальцем по воде. Испуганно засновали туда-сюда красные рыбки. Затем она сказала:

— Мне бы хотелось снова оказаться в Ширия-Шенине.

Для меня это было неожиданностью.

— Почему?

— О, не знаю... я прожила там четыре года, знаете ли. Часто мне там нравилось. Хотя меня и называли Полузолотом. Но это я слышала всего лишь от нескольких человек. — Она пожала плечами. — Надеюсь, что привыкну к этому месту. И к Орландис.

Что-то в ее поведении не вязалось с тем, что она говорила. Она скрывала радость, волнение, какой-то сюрприз. «Перед чем она испытывает такой страх, что утаивает это?» — спросила я себя.

— Что ты собираешься делать?

— Я буду изучать политику, — уверенно сказала она. — Ведь все же одна Орландис является Т'Ан Мелкати, потому и я вряд ли смогу иначе. То есть если я останусь Орландис.

Из-под коротких ресниц сверкнули ее глаза.

— А Медуэнин?

Она вздохнула, потянулась всем своим сильным телом и мечтательно сказала:

— Да, Медуэнин. Я еще не знаю римонских телестре...

— Ты, наверное, будешь путешествовать, не так ли?

— Важно еще и то, куда мне потом вернуться.

— А Медуэнин?

— Да, это тоже важно. Скоро мне нужно будет решиться, Кристи.

Сейчас она казалась старше, чем в последние дни, причем не только физически, но по образу мыслей и поведению. Я сказала:

— Тебе не следовало бы поступать слишком поспешно.

— Дело продвинулось гораздо дальше, чем вы думаете, — ответила она, и ее глаза излучали буйную веселость. С типично ортеанским сочетанием радости и озабоченности она добавила: — Мне нужно решить, какая телестре подойдет мне более всего, чтобы родить там аширен.

— Что... скоро? Сейчас?

Она засмеялась:

— Я знаю с Арентине, что ношу в себе детей. Кристи, держите это при себе, пока я не решила... Неприлично о чем-то говорить прежде, чем принял решение. Аширен принадлежит Орландис. Они могут воспротивиться и не позволить мне назваться н'ри н'сут Медуэнин... если случится так, что я решусь на это.

— Ты скажешь об этом Блейзу.

— Да, если принимать Медуэнина в расчет... С'арант, а что вы думаете?

Ребенок или дети будут принадлежать не отцу и даже не матери, а всей телестре. Это я узнала еще в Бет'ру-элене.

— Я никому об этом не расскажу, пока этого не сделаешь ты, — сказала я. — Ты жительница Южной земли и потому одна лучше справишься с этой проблемой.

Наступил Первый день Восьмой недели, день судебного процесса. Я проснулась задолго до первых предрассветных сумерек и услышала, как прибыл конвой.

Стражники ушли обратно, а я еще не успела одеться. Я заметила, что забрали Бродина. Его доставили в зал Справедливости перед рассветом.

Во время колокольного звона в середине утра они пришли за Родион, а позднее, незадолго до полуденного звона, увели Медуэнина, после чего осталась только я одна. Мне приходилось лишь ждать.

Мимо проплывали массивные, причудливых форм облака, а белесое небо было усеяно звездами. Миновал полдень. Ничто не двигалось на дне Дома-источника, кроме теней и солнечного света. Приходивший с моря ветер застревал между зданиями.

Я подумала: «Придут ли за мной сегодня? Но если нет...»

Я заметила, что у ворот что-то происходило, увидела униформу стражников Короны и пошла им навстречу, прежде чем меня успел позвать Тирзаэл. За мной пришли восемь стражников Короны и их начальник.

«Сколько же досады они ожидают увидеть?» — подумала я. И тут я сообразила, что даже не знаю, где же в точности находился зал.

Мы вышли через другие ворота и оказались в узких проходах между домами телестре, приютившимися у подножия Цитадели. Ответвления и повороты сбили меня с толку. А затем, едва в пределах видимости возник зал, мы натолкнулись на толпу. Это были уроженцы Имира, мелкательцы с зубчатыми ножами на поясе в своих одеждах, похожих на сари, и разгоряченные ремонтцы в туниках с высокими воротниками. Все они стояли плечо к плечу с мужчинами и женщинами из Римона, роскошно одетыми даденийцами, жителями Свободного порта и даже жителями Кире.

Стражники Короны образовали клин, в середине которого оказалась я, и мы двинулись сквозь толпу.

Над головами стоявших в толпе людей я увидела старинное и — странное дело — хорошо знакомое здание внушительных размеров. Кирпичные стены бурого цвета описывали целую серию кривых линий, а выше первых двух или трех метров постепенно сходились в группу куполов, походившую на птичье гнездо с яйцами. Он был очень древним, этот зал Правосудия, пожалуй, не менее, чем Теризон.

Толпа не становилась меньше даже тогда, когда мы шли под аркой ворот. Собравшиеся расступились и освободили нам проход. Многие из них были с'ан телестре, как я успела заметить, но в толпе находилось и много детей. Поразительно большая часть их только что вышла из возраста аширен, им было по шестнадцать или семнадцать лет.

За вестибюлем, плотно сгрудившись, на каменном полу сидели ортеанцы. Вверх уходило удивительно большое свободное пространство: многочисленные купола поддерживались сложенными из кирпича колоннами, и все здание представляло собой один большой зал.

Он был наполнен шумом разговоров жителей Южной земли и беспокойством оживленных жестов, их сопровождавших, а когда стражники вели меня к середине зала, многие из аширен и юных взрослых начали шикать и хлопать ладонями по полу, что у ортеанцев соответствует нашим аплодисментам.

Начальник стражи, невысокий темнокожий ортеанец, сказал мне:

— Т'ан, среди молодых у вас есть много сторонников.

— Об этом я и не подозревала. — Просто у меня никогда не было времени думать о подобном.

Под центральным куполом стояли восемь кресел-тронов, расположенных полукругом. Они были вырублены из черного камня и покрыты мехами и мягкой обивкой. Между окончаниями этой своеобразной подковы находилось каменное возвышение, поднимавшееся над остальным полом зала не более чем на толщину нескольких ладоней. Все до единого троны были заняты.

Сутафиори, беседуя с Рурик, наклонилась к ней, Хеллел Ханатра слушал говорившего ему что-то человека в украшенном яркими лентами одеянии жителя Кире, а гладкий и светлоглазый Ховис Талкул Т'Ан Ремонде был погружен в разговор с какими-то мужчиной и женщиной, которых я не знала.

Напротив тронов, как бы в дополнение круга, стояла подковообразная скамья. Сидевшие на ней ортеанцы были разделены на две группы. Некоторые из них разговаривали друг с другом, а другие углубились в книги и пергаментные свитки.

Халтерн н'ри н'сут Бет'ру-элен дал мне понять, что я должна сесть на скамью рядом с ним.

— Как идет разбирательство?

— Они еще заслушивают телестре Андрете. Тури делает большую часть выступлений. — Он показал на смуглокожую женщину, сидевшую на скамье недалеко от меня. — Представители телестре Хараин не очень-то этому рады, но ничего не поделаешь; Бродин виновен.

В глазах Халтерна Бродин уже был осужден. Вскоре после этого я увидела его на дальнем конце скамьи. По бокам стояли стражники Короны. Его руки двигались, как беспокойные маленькие зверьки. Лицо не выражало никаких чувств, по щекам пролегли бледные следы высохших слез, и он, казалось, не замечал воды, время от времени вытекавшей из его глаз.

Зазвонил колокол. Разговоры стихли, и в зале установилась такая тишина, что стал слышен шум толпы на улице.

Сутафиори откинулась назад в своем кресле-троне, сцепила друг с другом пальцы рук и кивнула Халтерну.

— Следующей будет заслушана посланница Доминиона.

— Простите, Т'Ан Сутаи-Телестре, — произнес высокий мужчина рядом с Ховисом. Он был гигантом по сравнению с ортеанским стандартом; рост его составлял более двух метров, весил он также немало. Грива на его голове была выстрижена длинным хохлом.

— Ту'элл Т'Ан Римон, я слушаю вас.

— Речь идет о следующем: вот эта женщина — посланница — обвинялась в том же убийстве. Разве не может быть так, что она даст ложные показания?

Тури Андрете встала и ответила со скамьи:

— По этой причине мы сочли недостаточными признания самого т'ана Бродина и доставили с собой свидетелей, являющихся членами та'адуре из Ширия-Шенина. Если вы и другие здесь собравшиеся решат, что т'ан Бродин, несмотря на мотив и признание, невиновен... тогда придет время снова заняться показаниями посланницы.

Ту'элл опустил на место и неслышно пробормотал что-то, комментируя сказанное.

Я вышла на свидетельское место и рассказала о событиях в Ширия-Шенине. Иногда мне задавали вопросы то Тури Андрете, то люди из телестре Хараин.

Под конец я упомянула о Морврене и Свободном порте. Женщина рядом с Ховисом подалась вперед. У нее были бледная кожа и огромная рыжая грива, свободно свисавшая поверх ее голубого одеяния. На полу возле ее ног сидел маленький ребенок и играл вышитым краем одежды.

— А куда вы отправились из Свободного порта?

«Судя по акценту, одежде и месту, на котором она сидит, это, должно быть, Морская маршалыша того самого порта», — подумала я.

— В Касабаарде, Т'Ан.

Голоса стихли, ортеанцы с сомнением переглянулись. Встала Тури Андрете.

— Посланница, не хотите ли вы рассказать нам, что происходило в Коричневой Башне?

В повисшей тишине я слышала только беспокойное движение сидевших в зале аширен и плач маленького ребенка.

— Там происходило многое, Т'Ан, и оно касалось того дела, в связи с которым мы здесь находимся: сам Чародей заявил, что убежден в моей невиновности. Т'ан Эвален Керис-Андрете подтвердит это. — «Просто удивительно, что имеет вес перед этим судом», — подумала я. — Я хотела бы еще добавить, что Чародей помог также найти доказательства, которые вы здесь услышали.

На этом более или менее закончилось рассмотрение вопроса, хотя Хараин и предприняла еще отчаянную попытку провалить мои показания с помощью несущественных деталей. Они не слишком сильно были заинтересованы в посланнице Доминиона. Ни как посланницей, ни как подозреваемой в убийстве.

Меня отпустили, и я пошла обратно к скамье, но затем заметила в толпе Медуэнина и Родион, сидевших на полу, и присоединилась к ним.

— Теперь мы хотим выслушать т'ана Бродина, — сказала Сутафиори представителям Хараин.

Произошла небольшая задержка из-за того, что он не мог стоять на ногах; ему принесли кресло и посадили перед Т'Анами.

— Мы разбираем дело о споре между Андрете и Хараин, — официальным тоном сказала Сутафиори. — Вы обвиняетесь в том, что убили Канту Андрете, Третью, носившую это имя, в ее городе Ширия-Шенине. Понимаете ли вы это?

— Я слышу вас, — сказал он спокойно и деловито.

— Что вы на это скажете?

— Да, — ответил он. — Я убил ее. Вы слышали правду.

Человек в одежде жителя Кире сделал знак рукой, и Сутафиори кивнула ему. С плохим произношением, но на правильном языке Пейр-Дадени он сказал:

— Даже в горах было известно, что Т'Ан Андрете имела своего арикей в та'адуре. Зачем же вы ее убили?

Бродин молча кивнул и затем промолвил:

— Келверик Т'Ан Кире, вы знаете, что такое честолобивые мужчины. Она... знала кое-что о моей жизни. Арикей и агент... как только ее не стало бы на пути, для ловкого человека открылась бы дорога к посту министра, может быть, даже Первого министра.

— И по этой причине вы ее убили?

— Это я только что сказал.

Встала женщина из телестре Хараин и произнесла:

— Т'Ан, наш брат болен...

Рурик попросила у Сутафиори слова, затем спросила:

— Если вы хотели добиться власти в Ширия-Шенине, то не лучше ли было бы тогда оставаться арикей Андрете?

Бродин беспокойно заерзал на своем месте:

— Она знала... моя жизнь не всегда была безгрешной.

Темнокожая Тури Андрете со светлыми глазами снова выступила вперед.

— Я хотела бы попросить т'ана Бродина выслушать следующее и дать на это полный и прямой ответ. На теле Канты Андрете, когда оно было обнаружено, имелись следы борьбы с нападавшим. И это еще не все, потому что сначала она была сбита с ног, когда ее намеревались оглушить.

— Она была опытным бойцом, — прервал ее сильно взволнованный Бродин. — Я знал, что будет нелегко. Я убил ее. Зачем бы еще мне ее убивать?

— Почему, да-да, почему? — Тури посмотрела на семерых Т'Анов. — В Ширия-Шенине в последнюю Орвенту мы выслушивали Сулис н'ри н'сут СуБаннасен и узнали о ее вине, о том, что она получала золото из Кель-Харантиша. Что же является более вероятным, чем то, что она, прежде чем умереть, использовала золото на какие-то благие цели... благие для Повелителя-в-Изгнании? Я утверждаю, что Бродин н'ри н'сут Хараин совершил убийство не ради своего собственного преуспевания в жизни, а единственно потому, что ему заплатили.

Бродин резко затряс головой.

— Клянусь Богиней, моей надеждой на Нее — СуБаннасен ни за что мне не платила, ни за убийство, ни за шпионаж! Я никогда не получал от нее золота!

Рядом с Тури встал Халтерн.

— Т'Ан, здесь есть еще одна свидетельница, которую вам следовало бы выслушать. Она может сказать кое-что по делу, которым мы заняты.

— Позовите вашу свидетельницу, — сказала Сутафиори. — Хараин, позаботьтесь о т'ане Бродине.

Они окружили человека с ястребиным лицом. Я видела, как кто-то из них протянул ему бутылку вина.

Свидетельницей Халтерна была Хавот-джайр. Женщина с Пустынного Побережья говорила о кораблях с золотом из Кель-Харантиша, о тех, что ушли к Сулис н'ри н'сут СуБаннасен, и о тех, что ходили к Ста Тысячам уже значительно

позже того времени, когда стало известно о ее смерти. Мне показалось, что ее почти идиотский немигающий взгляд в сочетании со знанием того, что она была в Коричневой Башне, сильно подействовал на жителей Южной земли.

— Сулис была не единственной предательницей Ста Тысяч, — сказал Халтерн. В переполненном зале явственно ощущалось негодование присутствующих.

— Я не отношусь к предателям, как и СуБаннасен, — сказал Бродин, едва владея собой, голос его дрожал. — Я рассказывал вам, что убил ее, так что же вам еще нужно от меня?

— Вы никогда не получали золота из Кель-Харантиша?

— Я не принимал никаких кораблей с золотом от Повелителя-в-Изгнании.

Это был весьма уклончивый ответ. Я наблюдала за Бродином и видела, что он уже был недалеко от полного душевного срыва.

— Тем не менее существует заговор, и есть предатели среди Ста Тысяч. — Настойчивость Халтерна производила впечатление на слушателей. Я еще никогда прежде не видела его таким решительным. — Вы — признавший свою вину убийца. Теперь признайтесь, почему вы совершили это убийство.

— Я сказал вам! Сколько же раз мне повторять?

— Не было ли это запланировано, не замешано ли в дело еще какое-то лицо?

Взгляд Бродина остановился на Сутафиори.

— Т'Ан, как часто я должен буду это повторять?

Неожиданно резко Халтерн добавил:

— И поклянетесь именем Богини, что вам никогда не платили золотом из Кель-Харантиша?

Бродин пожал плечами:

— Разве так уж это теперь важно — клясться?

— Очень важно. Принесите клятву в том, что вы никогда не принимали золота от Повелителя-в-Изгнании, что вы никогда не являлись участником заговора, цель которого заключалась в том, чтобы вину за смерть Андрете свалить на кого-то другого... И мы слушаем вас, т'ан.

Воцарилась долгая тишина. Бродин лихорадочно переводил взгляд с Т'Анов на Тури Андрете и на членов телестре

Хараин. Я вспомнила о том, что он уединялся в Доме-источнике. Тишина затягивалась.

Стало очевидным, что он ничего не скажет. Понятно стало также и то, что толпа начала настраиваться против него, хотя не прозвучало ни слова.

— Вы не будете клясться? — осведомился Халтерн.

Наконец Бродин поднял голову и сказал:

— Я сказал все, что должен был здесь сказать; я не стану давать никаких клятв только для того, чтобы доставить вам удовольствие.

Халтерн снова занял свое место, а Тури Андрете сказала:

— Больше нет ничего, о чем мы могли бы его спросить.

Второй день Восьмой недели я провела в Доме-источнике вместе с Родион, Медуэнином и женщиной с Пустынного Побережья, пока Т'Аны обсуждали дело в своем кругу. Говорящему-с-землей Тирзаэлу было нелегко с Бродином, который после своего последнего слова в зале Справедливости не издавал ни звука.

На следующий день нас снова вызвали в зал.

— Послушайте меня, — сказала Сутафиори. Шум толпы стих. Непонятно, как такое стало возможным, но людей в зале находилось еще больше, чем в первый день процесса. — Слушайте приговор, который вынесли: Ту'элл Т'Ан Римон, Рурик Т'Ан Мелкати, Хеллел Ханатра, Первый министр Имира, Ховис Т'Ан Ремонде, Морская маршалша Эмберен и Кельверик Т'Ан Кире.

Бродин сидел среди членов телестре Хараин. Один из мужчин положил ему руку на плечо. Бродин не двигался, глаза его были ясны, в них виднелись белки.

— По первому пункту обвинения, в убийстве Канты Андрете, Бродин н'ри н'сут Хараин признался и в том изобличен. — Она немного помедлила. Я видела, что ей очень не нравилась вся эта история. — Это имеет следствием наказание — как минимум смерть. В отношении второго обвинения, касающегося тайных контактов с агентами Повелителя-в-Изгнании, мы не можем прийти ни к какому решению. Согласно древнему обычаю, у нас остается одно время года для приведения приговора в исполнение.

Наш приговор гласит: Бродин н'ри н'сут Хараин, приговоренный к смерти за убийство Канты Андрете, должен быть взят под стражу и подвергнут допросу относительно заговора. Смертный приговор будет приведен в исполнение публично в течение Меррума.

Лицо Бродина выглядело так, словно его покрыли известью. Люди из телестре Хараин говорили с окружавшими их стражниками Короны, и суматоха при обсуждении толпой этой новости была неописуемой.

Думаю, то, как ортеанцы говорили о своей Богине, позволило мне прийти к ложному предположению, будто веру в нее они не принимали всерьез. Вот здесь сидел Бродин н'ри н'сут Хараин, уже погибший за убийство Андрете человек, который не хотел говорить, клянясь именем Богини. И тем самым рисковал быть приговоренным не просто к казни, но и к пыткам, которые сломили бы его и заставили признаться.

«Признаться в чем? — спрашивала я себя, глядя, как пустил зал. — Что же все-таки хотят услышать от него Т'Аны?»

Смерть и мучения являются для ортеанцев меньшими наказаниями, чем для землянина. Причины этого отличия кроются в различии рас и культур. Однако после судебного разбирательства дела Бродина я подумала, что оно было столь же несправедливым, как и та пародия на слушание, которую я испытала в Доме-источнике Корбека.

Глава 32. С'арант

— Дело на этом еще не закончилось, — сказал Халтерн, — все равно, что бы здесь ни было написано.

Информационный бюллетень Пятого дня состоял из трех страниц, большая часть содержания которых была посвящена делу Бродина. Я развернула второй листок на каменных плитах двора.

Из кухни пришла Марик, держа в руках сосуд со свежесваренным чаем из трав, и поставила его на стол рядом с Халтерном. Он — вернее сказать, она вернулась на Восточный холм Малк'ис, после того как я отправила ей в Четвертый день записку.

— Послушайте вот это, — сказала я. — «Мы предполагаем, что Бродин н'ри н'сут Хараин сделал свое недавнее признание за ту же цену, что и Сулис н'ри н'сут СуБаннасен, а именно за торговлю с Повелителем-в-Изгнании и получение золота в качестве подкупа».

— Сделал ли он это? — Халтерн допил содержимое своей чашки и обстоятельно вытер губы. — Я знаю... Я думал, что хорошо знал его. Я работал вместе с ним. Он ничего не смыслит в стратегии. Он исполнитель, но не зачинщик, не руководитель.

— Это означает, что за ним кто-то стоит, кто-то, кто еще находится на свободе. — Прийти к такому заключению было нетрудно.

Я утяжелила угол крупноформатного и неудобного в пользовании бюллетеня камнем.

— Хал, скажите мне, есть ли в этом смысл? СуБаннасен всегда стремилась к тому, чтобы посланница была мертва, следовательно, это являлось и целью Народа Колдунов в Харантише. Отсюда и яд, и попытки убийства, и, возможно, история в Корбеке. Но Андрете... Тут дело обстоит иначе. Это не сводится только к моей смерти, а преследует лишь одну цель: подорвать доверие ко мне и тем самым к Доминиону. Преступление было совершено для того, чтобы саботировать отношения между мирами.

Халтерн кивнул. У него был тот отсутствующий взгляд, какой я всегда замечала, когда он не хотел высказывать своих истинных мыслей.

— Вот как? — сказал он наконец.

— Значит, кто бы ни взял на себя эту задачу после СуБаннасен, он связал с этим свои представления... И я не могу согласиться с тем, что это обязательно должен был быть Бродин. Такое не похоже на него, и тут вы совершенно правы.

— Гм-м. — Он взял с пола лист газеты и расправил, чтобы можно было читать. — Возможно, вы и правы, не знаю... Вы пойдете на церемонию?

— Когда она состоится?

— В полдень.

— Не знаю, будет ли у меня время. Кажется, каждый с'ан телестре в Таткаэре хочет поговорить с посланницей, и мне приходится встречаться со столь большим их числом, какое только возможно. Но я попытаюсь сходить туда.

— Там будет не слишком много событий; всего-навсего Т'Аны провинций сложат с себя обязанности, а Т'Ан Сутаи-Телестре передаст свою власть над Таткаэром Т'Ану Командующему. Вы уже познакомились с Асше?

— Да, когда он принимал должность у Рурик. — Я еще раз перелистала информационный бюллетень.

Сразу после утренних сумерек было еще прохладно, но позднее, днем, становилось чрезвычайно жарко. Восточный холм Малк'ис казался небольшим, тесным и темным — во всяком случае, мне так представлялось после моих странствий. Город был переполнен, улицы загрязнены пометом животных, а из сточных канав разило невыносимой вонью. Чаще всего в Таткаэре можно было услышать следующий комментарий: какое счастье, что это бывает раз в десять лет.

— По крайней мере нас поддерживает пресса, — сказала я. — Дело выглядит так, будто теперь Земля пользуется популярностью... Чему вы улыбаетесь?

Его глаза прикрылись перепонками, выглядел он весело. Маска бесхитростности все более и более спадала с него.

— Пресса поддерживает не Доминион, а С'арант. Заговор против посланницы провалился, когда вы были объявлены невиновной... Во всяком случае, в настоящий момент Кристи С'арант ничего неправильного сделать не может.

— Черт меня... боже мой, Хал...

Он громко рассмеялся:

— Если бы вы могли видеть свое лицо! Не думайте об этом слишком много, Кристи. Продлится все это недолго, но пока ситуация сохраняется, это окажет вам немалую помощь.

«Хотя они и не знают такого понятия, но вслед за Коронной все теперь займется о связях с общественностью».

— Я поговорю с ксеногруппой, — решила я, — и посмотрю, не смогу ли некоторых из них запрячь в дело и продвинуть его. Им нужно было бы ответить только на несколько простых вопросов.

Тени стали короче, солнце, освещавшее Восточный и Западный холмы, повисло над городом. Рашаку-дзя парили в ясном воздухе, блестя черно-бронзовыми телами и наполняя его криками, похожими на скрежет металла.

Я слышала, как в хлеву двигался, шелестел соломой и тихо пофыркивал Ору. Запахи были резко различимы, после того как рассеялась ночная влажность, ощущался запах навоза, чувствовался слабый аромат ночного цветка кацсис, терпко благоухал свежесваренный травяной чай.

— Рурик уже читала?

Халтерн взглянул на газету через мое плечо. Мне в глаза бросилось имя, напечатанное в углу мелким шрифтом: «Новости из Лу'Нате: корабль из Южной земли «Ханатра» под командой корабельщика Садри Герена Ханатры, перезимовавший в Л'Дуи, запаса провиантом и в первую неделю Ханиса ушел в плавание, чтобы предпринять новый поиск в западном направлении».

— Да, вот это. Ей не понравилось.

Он встал и поправил свою подстриженную гриву, которая была очень близка к приличной прическе. Как всегда, Халтерн выглядел оборванным, что в этом суматошном городе, конечно, не привлекало к себе особого внимания.

— Мне нужно назад в Цитадель, Кристи. Должен ли я говорить вам это специально? Кто бы ни стоял за Бродином, он не лишен поддержки с помощью золота и свободы действий, а потому недолго станет искать, на кого ему возложить ответственность. Будьте осторожны.

— Непременно, — ответила я, понимая, что отнестись к предостережению следует со всей серьезностью.

Колокольни возвестили о полудне. У меня не было времени для присутствия на церемониях. Я пробралась сквозь

толпы народа вниз, к восточному порту Салмет, и зашла к Сэму Хакстону, выяснив при этом, что он так же, как и я, был очень занят.

— Известно ли вам... — Он протянул руку и нажал клавишу выключения рекордера. — Известно ли вам, что у нас остается до отъезда гораздо менее четырех недель? А до этого момента я должен все запротоколировать и сравнить...

— Я в подобном же положении, мистер Хакстон, и, кроме того, мне по различным причинам до Четвертой недели Меррума нужно сделать работу за полгода.

— По различным причинам? — Он потер спинку носа, чтобы скрыть улыбку. — Да, пожалуй, так вам это и видится. Ну, так что же я могу для вас сделать?

— Вы могли бы дать мне на несколько дней кого-нибудь из группы, кто вам в данный момент не очень нужен. Пошлите их на Восточный холм Малк'ис, чтобы провели несколько простых переговоров. — «Лучше я назову их прямо по именам», — подумала я. Дело состояло в том, что просьба о помощи могла дружески настроить его.

— Кого-нибудь, кто мне не нужен!.. — Он указал полным отчаяния жестом на стол, сплошь заваленный отчетами. — Одни лишь записи о биологии... Но не волнуйтесь насчет этого. Хорошо, Линн. Кэрри Томас почти закончила дела, кажется, Джон Лакалка тоже, скажите им, что я просил их помочь вам.

— Уверена, что как-нибудь смогу отблагодарить вас. — Я встала. Небрежно стилизованная под земную, обстановка не вызвала у меня приятных ощущений.

— Не меня, — сказал он, когда я уже собиралась выйти. — Этот раз — последний, когда я побывал в другом мире. Это чумные дыры для туземцев.

Я прошла вместе с Джоном и Кэрри к подножию холма, когда мы наконец закончили один рабочий день на Малк'ис. Внизу, в узких проходах между переполненными домами телестре, мы прогуливались долгим золотым вечером.

Общественные дома были открыты, и мы зашли в один из них, чтобы выпить бледного вина в пыльном дворе.

Джон помахивал в воздухе тонкими, темными от загара пальцами, как бы подчеркивая ими то, что говорил, а Кэрри сидела, опершись локтями на стол, и улыбалась его словам.

— Четыре недели, — сказал он. — Тридцать шесть дней, а потом мы — дома.

— Вы не учили трех месяцев полета со сверхсветовой скоростью.

— Первое, что я сделаю, когда снова буду на Земле...

Я встала. Они подняли головы, взглянули на меня и не поняли, что я прерываю разговор.

— Мне нужно возвращаться. Вы завтра придете ко мне еще раз?

— Конечно, — ответила Кэрри. — Это все же лучше, чем слушать Сэма, когда он тебя мелочно критикует. Мы придем.

Я стала пробираться сквозь толпу. Иногда кто-нибудь заговаривал со мной, и мы обменивались парой слов. Я не знала этих людей, но после процесса лицо посланницы было знакомо многим.

Ортеанцы высыпали наружу из домов телестре; они спали во дворах, в садах на крышах домов и в общественных скверах. На восточном берегу реки Оранон раскинулся палаточный лагерь, и когда от моста Бериа дул ветер, то приносил оттуда различные запахи.

Одна традиция уберегала город от полного краха — традиция телестре, состоявшая в том, что гости выполняли свою часть работы. Пока с'ан варили пищу и накрывали на стол, разгружали корабли, заботились об аширен, разъезжали на скурраи-джасин и занимались очисткой улиц, гости прикладывали руки всюду, где это было необходимо.

Ортеанцы не созданы для того, чтобы сосуществовать в большой скученности, и это особенно заметно в городах. Правда, убийств было немного, но иногда случались драки. Я видела случайно несколько таких стычек: короткие, ожесточенные схватки, традиционно заканчивавшиеся, как только проливалась первая кровь.

Кражи не привлекали к себе особого внимания, потому что ортеанцы не придают этому преступлению большого зна-

чения. Мне приходилось глядеть в оба, чтобы бывавшие у меня дома на Восточном холме Малк'ис не уходили, прихватив по сувениру.

На улицах мне попадались воины Т'Ан Командующего Аше, но их присутствие нельзя было назвать назойливым. Атмосфера праздника охватывала весь город.

В общественных домах толпились посетители. Склады, заботливо набитые припасами, мгновенно пустели. Корабли в гавани заметно приподнимались в воде, после того как грузы с них потоками перемещались на сушу. Лавки на Кольце Гильдий были открыты с утреннего звона до полуночи.

Поскольку было время выборов, я ожидала, что основной темой разговоров должны были быть Т'Ан провинций и Корона. Но в разговорах, которые я слышала, когда бы ни проходила мимо групп людей, речь шла только о засухе в Южной Мелкати (за сухой зимой последовала сухая весна), о новых видах зерновых, о проекте Римона относительно переправы через Оранон выше Дамори, о прибрежной торговле Морврена, о намерениях Пейр-Дадени выращивать скурраи, об охоте на зилмеи в Ремондском лесу...

Почти так же, как если бы их захватывала внезапно пришедшая идея, они отправлялись к баракам на площади перед Цитаделью, чтобы сделать свой выбор будущего Т'Ан.

«Это какое-то странное раздвоение, — подумала я, пройдя мимо последнего изгиба дороги, что вела на Малк'ис. — С'ан и телестре, с одной стороны, и города и заговоры — эти игры — с другой. И все-таки Сто Тысяч невозможно представить без одного из этих двух феноменов...»

Я совершенно запыхалась, поднимаясь на холм. Как раз начинались вторые сумерки, и выходившие во двор окна были закрыты ставнями, но я видела, что Марик уже зажгла масляные лампы. Она вышла из двери и поздоровалась со мной.

— Вас ожидает кто-то, кто хотел бы с вами поговорить.

— Ради бога, сегодня больше никого! Разве ты не сказала ему, что следует прийти завтра?

— Нет, и мне было бы лучше этого не делать.

Я прошла за нею в дом, решив, что лучше было бы все же попить чаю и составить гостю компанию, и пошла в комнату, которую использовала как приемную.

У окна стояла невысокая женщина в легкой хирит-гойеновой накидке. Она повернулась в мою сторону, когда я вошла. Это была Далзиэлле Керис-Андрете, Сутафиори.

— Ах, Кристи. — Она сняла накидку и села в кресло возле камина.

Огонь в нем не был разожжен, потому что вечер выдался теплым. Марик принесла нам чай, улыбнулась мне и снова исчезла.

— Т'Ан Сутаи-Телестре. — Чтобы скрыть свое удивление, я налила в чашки чаю.

— О, здесь нет никакой Т'Ан Сутаи-Телестре, во всяком случае, до солнцестояния, — ответила она с улыбкой. — Ведь любой ортеанец может посоветоваться с посланницей Доминиона, разве нет?

— Да, конечно. — Я стала строить предположения насчет причины ее визита.

— Да... — Ее пальцы обхватили пояс, она взглянула на меня из-под светлых ресниц. На ее коже все еще был замечен зимний чешуйчатый узор. Она сделала знак, приглашая меня сесть.

— Подходят корабли, они уже почти в гавани, — сказала она. — Некоторые с Пустынного Побережья, другие из Городов Радуги, из Саберона и подобных мест. Вы примете их, если они прибыли, чтобы встретиться с посланницей, не так ли?

— Естественно, Т'Ан.

Глаза ее прикрылись мембранами.

— Вы стоите за осторожный контакт между нашими мирами — как же это назвала Эвален? — ах да, ограниченный. Существует опасность инфекций.

Как я могла заметить, она относилась к этому очень серьезно.

— Если бы вы спросили меня о рекомендациях, какие я могла дать, то я сказала бы, что ваш мир следовало объявить

запретной зоной с небольшим постоянным поселением для людей Доминиона.

— Это было бы разумно, я согласна. Надеюсь только, что ваши т'ан присоединятся к этому мнению.

— Я не могу вам сказать, как будет выглядеть окончательное решение.

— Нет. — Она посмотрела на меня взглядом, в котором ощущалась вся власть Т'Ан Сутаи-Телестре. Вдруг она добавила: — В порту стоит еще один корабль, из Кель-Харантиша. На борту находятся посланники — во всяком случае, они выдают себя за них — Повелителя-в-Изгнании. Асше считает, что команда одного-единственного корабля едва ли представляет опасность для города. Однако, вероятно, они станут пытаться поговорить с посланницей Доминиона. Если бы я была на вашем месте, то отговорила бы от встречи под предлогом слишком большой занятости.

— Если они придут, я их также приму. Со всеми мерами предосторожности. — «Имело бы смысл сделать так, чтобы присутствовали и другие, — подумала я, — хотя бы Лакалка и Томас, кроме того, возможно, Марик и Медуэнин. В присутствии свидетелей люди из Харантиша ограничатся, пожалуй, беседой».

— Было бы лучше не принимать их, — настаивала она.

— Т'Ан, мне нужно прояснить одно обстоятельство. Все способы контакта с вашим миром — все равно, пойдет ли речь об ограничениях или карантине — будут распространяться на всю Орте. Будь то Южная земля, Пустынное Побережье или Пустоши — они будут касаться всех.

— И Кель-Харантиша? — спросила она резким тоном.

— Мы не можем позволить себе никакой пристрастности, — ответила я, заметив ее раздражение.

— Но ведь Харантиш — это Народ Колдунов! Если вы дадите им в руки технику... сохрани нас Богиня. — Она умоляюще посмотрела на меня.

— Если с Карриком V будет поддерживаться ограниченный контакт, то это означает, что сюда не последует ввоз высокой технологии.

— Законы, директивы... Об этом я уже слышала... Но вы, — сказала она, — не единственные представители внешних миров, которые будут вступать с нами в контакты.

— Другие могут сказать вам то же самое.

Тут мне потребовалось совсем немного времени, чтобы вспомнить, что она являлась Т'Ан Далзиэлле Керис-Андрете — Цветком Юга — и, вероятно, следующей обладательницей Короны, к тому же по возрасту старше меня лет на тридцать, и что я была младшей представительницей одного очень далекого мира.

Она рассмеялась, и атмосфера разрядилась.

— Ах, какая же вы упрямая женщина! Вы так похожи на Рурик, как будто вас родила одна мать. Я так часто замечала этот ее строптивый взгляд... Ну что же, пока хватит: мы вернемся к этой теме после летнего солнцестояния.

Когда она ушла, я все еще чувствовала в себе внутренний трепет. Внешне эта женщина выглядела кошечкой, но вот что скрывалось под таким обликом... Впрочем, я не могла долго удивляться; разве она, в конце концов, уже не была к этому времени двадцать лет Т'Ан Сутаи-Телестре?

Двор Дома Гильдии наемников никогда не пустовал. Две женщины отчаянно размахивали южномелкатийскими обоюдоострыми клинками в скудной полуденной тени. Блейз н'ри н'сут Медуэнин, на котором были брюки и поношенная кожаная куртка, кружил возле одного более молодого ортеанца. Сверкали на солнце харур-нилгири и харур-нацари. Их босые ноги шлепали по каменным плитам пола.

— Мир! — крикнул он, увидев меня, и прервал бой. Молодой человек поклонился мне. Блейз подошел ко мне, кладывая на ходу в ножны свои мечи.

— Вы свободны на один вечер? — спросила я.

— По обычному тарифу. — В его голосе не чувствовалось никакой иронии; к своему ремеслу он относился абсолютно серьезно.

— Конечно. Возможно, вам ничего не придется делать. Вы нужны мне только в смысле обеспечения меры предос-

торожности. — Когда он заявил, что согласен, я добавила: — Вы живете не на горе у Родион?

— Она попросила меня дать ей время на принятие решения. — Под его покрытой чешуйчатым рисунком кожей перекатывались мышцы. — Если бы только она решила поскорее; в городе поступило достаточно предложений, чтобы дать гильдии работу на целый год. Ах, да что я вам тут рассказываю? — Взгляд его выражал озабоченность и наигранное отчаяние.

— Не торопитесь, — сказала я, и это был лучший совет, какой я могла ему дать.

— Звучит удовлетворительно. — Посланница Харантиша откинулась назад в кресле. Ее золотые глаза скользили по комнате, причем не возникало ощущения, что она наблюдала за кем-то одним из нас. — Но торговля с вашим миром осуществлялась бы через жителей Южной земли, не так ли? Через их остров.

— В настоящий момент — да, но не обязательно только так. — Я привела обычные объяснения ограничений контактов с мирами Доминиона.

Медуэнин стоял у двери, на его расслабленном лице, казалось, не было никакого выражения, руки же держались за рукоятку вынутого из ножен харур-нилгири.

Взгляд посланницы испытующе остановился на покрытой шрамами стороне его лица и поношенной кожаной одежде гильдии. Она ничуть не была удивлена его присутствием.

Джон и Конни сидели за другим столом в дальнем углу комнаты; они разбирали различные кассеты с записями и тихо разговаривали друг с другом. Марик удалось раздобыть еще немного так любимого на Пустынном Побережье чая из арниака. Когда она внесла его в комнату, я заметила, что на ее поясе висели мечи Телук.

— Значит, не исключено, что вы станете с нами торговать? — спросила посланница.

— Торговать? Я не могу ответить на этот вопрос при существующем положении дел, то есть прежде, чем мое прави-

тельство примет соответствующее решение. Но, определенно, контакт между двумя нашими культурами может существовать. Если пожелает Повелитель...

— Ага! — Ее лицо помрачнело, темных цветов одежда слегка приподнялась, и под нею я увидела мерцание бронзовых доспехов.

Лицо под свободно свисавшей светлой гривой не было молодым, хотя при золотой, покрытой, как у змеи, рисунком коже Народа Колдунов угадывалось лишь с трудом.

— Даннор бел-Курик — глупец; сожалею о том, что родила его. Когда у вас будет ответ, посланница С'арант, пошлите его Курик бел-Олиньи, и я позабочусь о том, чтобы он был услышан.

— Посланница, вы знаете, что я не в состоянии давать вам гарантии...

— Да, — сказала она и продолжила, обращаясь к Марик: — Моя повозка стоит на улице? — Затем снова повернулась ко мне. — Хорошо, посланница С'арант, скажу вам еще об одном.

Я не могла судить о том, являлось ли ее поведение бесцеремонностью по отношению ко мне, или оно соответствовало обычаям Кель-Харантиша. Я встала и сделала официальный поклон.

— Я слушаю вас, посланница.

— Существует некая Башня, — сказала она и впервые за долгий вечер сказанное не прозвучало ни угрожающе, ни уклончиво. — Вот еще что, С'арант-посланница: не верьте всему, что слышите в той Башне о нас.

Она вышла, и ее скурраи-джасин двинулась в направлении порта.

Медуэнин вышел следом за ней на крутую дорогу, ведущую вниз с холма.

— Рад видеть эту женщину со спины, — прозвучал его комментарий. — Сестра, вы очень хорошо говорите на языке Пустынного Побережья. Вы изучили его в Касабаарде?

— В некотором роде, — ответила я и ненадолго задумалась над тем, чему я еще научилась в Касабаарде... и какую цену за это заплатила.

Прошел Шестой день, а за ним и Седьмой, но выборы все еще продолжались. Я видела только с'ан телестре.

Вечером Восьмого дня, когда вторые сумерки сменились звездным светом, ко мне ненадолго зашел Халтерн.

— Они хотят, чтобы в момент солнцестояния здесь присутствовал официальный представитель, — сказал он, усаживаясь рядом с Марик. — Т'Ан Сутафиори предложила вас, но я могу попросить прийти Хакстона, если вы очень заняты.

— Для этого я выкрою один день. — Я ни в коем случае не хотела бы лишать себя подобного зрелища и уж совсем не собиралась позволить Сэму Хакстону брать мою работу. — А что там, собственно, происходит? У меня еще не было времени спросить кого-нибудь об этом.

Он поискал взглядом съедобные остатки нашего ужина и взял кусок черного хлеба.

— Все ждут исхода выборов.

Мне пришел в голову вопрос, задавать который я не намеревалась, но все-таки сделала это:

— А Бродин? Что с ним?

— Он ничего не сказал и теперь уже не заговорит. — Он разжевал хлеб, проглотил, затем посмотрел мне в лицо. — Нет, вы этого, конечно, еще не слышали. Его обнаружили лишь сегодня в полдень. Бродин привел в исполнение приговор, произнесенный ему Т'Ан Сутаи-Телестре. Он отправился в камеру. Он мертв.

Глава 33. День летнего солнцестояния

Наступил день летнего солнцестояния.

— С этим вы уже несколько опоздали, С'арант. — Марик не скрывала изумления. — Это носят на Земле?

— Да, но выглядит оно уже не так, как должно было.

Платья, почти год пролежавшие в сундуке, пахли травами, предназначавшимися для защиты одежды от насекомых.

Я встала, пока Марик ставила зеркало, и перебрала прочие аксессуары. Сорочка свободно свисала на уровне талии, жакет же был тесен в плечах и обносился по кромкам.

— О боже. Ничего себе представительница Доминиона. — Я снова разделась. Снизу, от входа, прозвучал громкий звон.

— Я об этом позабочусь. — Марик выбежала из комнаты, и я услышала, как она спешила вниз по лестнице.

Я опять начала одеваться. Рукава сорочек из хирит-гойе-на казались мне теперь уже, чем тогда, когда я в последний раз заказывала себе одежду в Таткаэре. С той поры прошел почти год.

Сунув ноги в узкие брюки, я зашнуровала на икрах полу-сапожки из мягкой кожи. Коричневого цвета бекамиловая туника, которую я надела поверх брюк, позволяла мне носить в кобуре вновь заряженный парализатор, скрыв его сзади над бедром.

Я не испытывала доверия к бел-Олиньи из Кель-Харантиша и к команде ее корабля. К тому же существовало то неизвестное лицо — кто это, теперь, когда Бродин был мертв, я никогда уже не узнаю, — которое имело любые мыслимые причины питать злобу к посланнице Доминиона.

Вернулась Марик, когда я уже застегивала пояс, на котором был нож.

— Послание от т'ан Кэрри, — она помахала передо мной сложенным листком бумаги, — а скурраи-джасин уже здесь, чтобы отвезти вас на Площадь.

— Уже? — Я сунула бумагу во внутренний карман туники-безрукавки. — Тогда давай-ка в путь.

Черной масти скурраи с рогами, на которые были надеты колпачки, ташил открытую повозку вниз, в центр города. Возницей оказалась молодая Говорящая-с-землей. Грива ее была сбрита, говорила она мало, потому что ей приходилось сосредоточивать свое внимание на том, чтобы надежно провезти нас через скопление людей. Ворота всех домов теле-стре, мимо которых мы проезжали, были открыты, и во дворах толпились ортеанцы в праздничной одежде. Свежий ветер с моря уносил запах навоза и помоев. По небу быстро плыли огромные кучевые облака.

Поскольку мы объезжали Путь Короны — он был безнадёжно забит людьми и повозками, — то попали на узкие улочки и многочисленные перекрестки в восточной части города. Между высокими стенами домов телестре виднелась лишь полоска голубого неба с сиявшими на нем дневными звездами.

Чем ближе мы подъезжали к Площади перед Цитаделью, тем гуще становилась толпа. К своему удивлению, я увидела священников в коричневых мантиях, управлявших потоком ортеанцев. Людей из стражи Асше я видела совсем немного. Скурраи-джасин приближалась к Площади перед Домом-источником, и Говорящие-с-землей направили нас с Марик мимо передней лестницы храма.

— Кристи... сюда!

Под одним из навесов, дававших тень обоим лестницам и местам на них, стояла Рурик. Когда она вышла на солнечный свет, ее серебристая грива заблестела, словно оперение скворца. В тени мерцала серебряная грива Родион.

Медуэнин, также стоявший в тени рядом с ними, помахал мне рукой.

— Я думала, вы уже не приедете. — Рурик взяла мою руку. Она выглядела усталой, но довольной.

— Я что-то пропустила?

— Нет. Все только начинается.

Небеленое полотно бросало на пол темно-коричневую тень. С одной стороны от нас стояли саберонцы, с другой — стражники Морской маршалши.

Марик протиснулась с помощью локтей к Блейзу и что-то сказала ему, чего я не поняла, но что наверняка было дерзостью. Человек с покрытым шрамами лицом коротко ответил ей. Поскольку я хорошо знала его, то поняла, что он едва удержался от смеха. Может, она напомнила ему о своих воспоминаниях, связанных с Кирриахом?

— Не могу найти... ах, вот вы где. — Халтерн, переутомленный, как всегда, увидел меня на ступенях лестницы. «Он все еще считает себя сторожевой собакой посланницы», — весело подумала я.

Загудели рога, загремели барабаны, имевшие вид натянутых на рамы кож.

Во дворе Цитадели стало тихо, собравшиеся ортеанцы сосредоточили все внимание на доме Богини.

Стражники Короны стояли возле закрытых ворот. Блестели плюмажи на их головах и знаки различия на поясах. При сигнале они обернулись и начали открывать двустворчатые ворота.

С опор, на которых были закреплены навесы, свисали флажки, трепыхавшиеся под редкими порывами ветра.

Со своего места я могла обозревать всю Площадь. Подходы к Пути Короны были забиты народом. У закрытых ворот Цитадели стояла стража. Под навесами толпа казалась морем красок: зеленой, ярко-красной, голубой, золотой, белой и землисто-бурой.

При более длительном разглядывании в этой смеси начинали выделяться рясы и яркие туники с'ан телестре, блестящие рукоятки харуров. Некоторые люди держали на плечах аширен.

Недалеко от меня толкалась пестрая смесь из городских торговцев, купцов и молодежи из квартала художников и ремесленников. Женщина в кожаной одежде гильдии наемников, еще одна с украшенной перьями гривой даденийской всадницы и один из посланцев Кварта передавали по кругу бутылку с вином.

— Сейчас мы увидим, — спокойно сказал Халтерн.

Солнце отражалось от белых стен без окон. Через открытые ворота Дома-источника я видела прохладные фонтаны и большой купол. Оттуда вышла группа Говорящих-с-землей и двинулась вниз по лестнице. Их сопровождал сегогривый ортеанец в униформе стражника. В нем я узнала Т'Ана Командующего Асше.

Священники пробили быструю барабанную дробь на металлических рамах. Прозвучал рог. Звук его не был мелодичным, как у фанфары, но мощным, как у охотничьего рога. Мгновенно все стихло.

— Слушайте все, слушайте все! — Хриплый голос Асше долетал до самого отдаленного уголка Площади перед Цита-

делью. — Все, милостью Богини живущие на земле, да слышат мои слова!

Один из священников — Тирзаэл? да, это был он — выступил вперед. В руках он держал связку пергаментных свитков. Солнце заглядывало под край высокого навеса и освещало его. Прозвонили колокола, возвещая о середине утра. Он подождал, когда закончится звон, и начал говорить:

— Внимайте и слушайте. Вот здесь находятся с'аны Ста Тысяч, призванные к исполнению своих обязанностей милостью и желанием народа и созданные для коронации, которая состоится сегодня в доме Богини.

Вначале я приняла это за эхо, но затем поняла, что священники, стоявшие в углах площади, передавали слова дальше в город.

— Названа для Кире, — продолжал Тирзаэл, — Арлин Бетан н'ри н'сут Иврис!

От рассеянных в толпе мужчин и женщин из Кире прозвучали одобрительные крики.

На Площади присутствовало поразительно много представителей островных телестре. Я увидела, как приземистая светлокожая ортеанка поднялась по лестнице, склонилась перед Тирзаэлом и сотворила круговое знамение Богини.

— Названа для Морврена и Свободного порта — Заннил Эмберен н'ри н'сут Телерион.

Раздались еще более громкие крики одобрения в адрес Морской маршалыши и обсуждавшиеся шепотом спекуляции. Стражники Морской маршалыши, стоявшие недалеко от меня, выглядели скорее примирившимися с судьбой, чем восторженными сторонниками.

— Откуда они знали, каков будет результат? — спросила Марик, стоявшая между мной и Халтерном.

Ее молодое лицо покраснелось, темные глаза блеснули.

— Откуда они знали, кого выберут?

— Чисто теоретически я предполагаю, что избранным мог бы быть любой из с'анов Ста Тысяч. На практике же... — Халтерн пожал плечами. — Не думаю, что речь шла более чем о двух или трех дюжинах имен.

— Он циник, — сказала Марик и улыбнулась мне.

— А как вы думаете, в какую игру они играли все эти последние полгода? — разгоряченно спросил Халтерн. Его глаза впились в священников, стоявших у ворот Дома-источника, как будто он мог заставить их назвать те имена, какие хотел услышать. — У меня такое чувство, Кристи, что это самый важный год летнего солнцестояния, итоги которого мы будем ощущать в течение долгого времени. Может быть, важнейший в моей жизни. Надеюсь, вы знаете почему... Мы не можем себе позволить не считаться с Доминионом... В настоящий момент.

— Назван для Пейр-Дадени, — продолжал Тирзаэл, — Сетелен Хассие Рейхалин.

У него были бледная кожа и золотая грива. Когда он шел вверх по лестнице в богатом одеянии, на украшенных перепонках его рук блестело золото. Я вспомнила Ширия-Шенин. Пятую стену. Стоявшая рядом со мной Марик что-то недовольно проговорила. Она тоже вспомнила Первого министра Канты.

— Вот это да! — Находившаяся рядом со мной даденийская всадница прямо-таки застыла от удивления с поднесенной ко рту бутылкой. На лице ее было написано изумление. — Хассие? Пробравшийся наверх лодочник...

Тонкие черты лица Рурик растянулись в улыбку.

— А я осмеливалась предсказывать, что он станет н'ри н'сут Андрете еще до окончания сезона.

— Назван для Ремонде — Верек Ховис Талкул!

— Ого, — с издевкой сказала Рурик, — вот идет человек, ожидавший приглашения со стороны Т'Анов.

Толпа расступилась, чтобы пропустить его к лестнице.

Разгоряченный Ховис, одетый в буквально усыпанную драгоценными камнями тунику и свободно свисавшие брюки и обутый в сапоги из кожи куру, с довольным видом поднимался по ступеням. Согласно последней ремонтской моде его харуры были закреплены крест-накрест на спине. На пальцах рук поблескивали перстни и кольца.

Если и был кто-то из ортеанцев, которому я не доверяла и считала опасным — а при определенных обстоятельствах

даже более чем опасным, — то им являлся этот гладкий и толстый ремондец.

Тонкие пальцы Рурик мяли пустой рукав сорочки. Затем она стряхнула пыль с брюк. Наконец вымученным тоном сказала:

— А сейчас мы узнаем, что думает Мелкати о моей деятельности за прошедший сезон.

— Или насколько ловок Хана Ореин Орландис.

Она взглянула на Халтерна и кивнула:

— О да, я знаю, что он охотно занял бы мое место.

Случилась задержка; священники стояли группами и сощелачивались. Затем на солнце выступил Тирзаэл.

— Названа для Мелкати — амари Рурик Орландис!

От находившихся вблизи нас людей раздались громкие приветственные возгласы и хриплые ликующие крики.

Рурик провела пальцами по гриве, подтянула пояс с висевшими на нем мечами и зашагала к лестнице. Ее сопровождали аплодисменты.

Родион протиснулась мимо меня, побежала за темнокожей женщиной, взяла ее за руку и что-то сказала. Рурик, услышав ее слова, очень удивилась, а потом грубовато, одной рукой, обняла дочь. Возгласы усилились.

Вернулась Родион, раскрасневшаяся и улыбающаяся, а Рурик поднималась вверх по ступеням к воротам Дома-источника.

— О чем это вы там шушукались? — спросила я.

— С'арант, я сказала, что расскажу ему об этом. — Она взяла за руку удивленно смотревшего на нее Блейза и громко объявила: — Я ношу в себе твоих детей.

Он одним рывком поднял ее в воздух. Стоявшие рядом с нами ортеанцы придвинулись еще ближе, поздравляя ее и предлагая нам бутылки с вином. Еще одна женщина на сносках обняла ее. Столь резкое выражение восторга было прекращено саберонцами, на всякого смотревшими с презрением.

Спокойствие было восстановлено, но не вовремя, и мы прослушали следующее объявление, однако я узнала римонца, которого видела на процессе: Джакана Ту'элла Сетура.

Халтерн положил руку на мое плечо и сжал его. Лицо его было серьезным. Уже давно заметное замешательство исчезло, и тут я разглядела в нем умного человека, искренне беспокоившегося о своем мире.

— Сейчас, — повторил он.

— Названа для Имира, — крикнул Тирзаэл. Головы повернулись в его сторону, смолкли все разговоры. — Названа для Имира — Т'Ан Далзиэлле Керис-Андрете.

Шум был неописуем. Бурным, стихийным и без слов; толпа ревела тысячами глоток. От этого рева у меня перехватило дыхание, дрожал воздух, и я долго стояла как оглушенная, пока не поняла, что это было выражение неистового восторга.

Халтерн тряс головой и смеялся, он вел себя точно так же раскованно, как и подпрыгивавшая на месте Марик. Медуэнин и Родион стояли, крепко обнявшись.

На ступенях лестницы, что вела к Дому-источнику, стояли шесть человек. По запыленному пространству между навесами к ним шла Далзиэлле Керис-Андрете. Навесы бросали на ее освещенный солнцем путь тени, поэтому в одно мгновение она выглядела женщиной в мантии и кольчуге, а в другое — серебристым призраком. Хрупкая, невысокая женщина, которой было уже за пятьдесят, шла легко и даже грациозно. Едва позванивали в тишине ее харуры.

Она поднялась по ступеням, и вновь загремели приветственные крики: «Сутафиори! Цветок Юга!»

Небольшие, светлые фигуры постояли немного, окруженные священниками в коричневых мантиях, демонстрируя себя публике, а затем исчезли в Доме-источнике.

Колокола прозвонили полдень, и лишь тут я представила себе, сколько же времени прошло.

В толпе почувствовалось заметное облегчение, и уровень шума снизился до громкости разговора. Я наблюдала, как в тени навесов на каменных плитах Площади расстилались скатерти. Открывались бутылки, разворачивались свертки с едой. Ортеанцы рассаживались группами, разговаривали, ели и пили, некоторые играли в охмир.

Вновь ожили поздравления и пожелания счастья, адресованные Родион, она и Медуэнин стали центром внимания. Я села на ступени рядом с Халтерном.

— Одно свершилось, — сказал он. — Все остальное зависит только от нее самой.

— Я думала, это и есть тот самый момент, который вас беспокоил. Вы не уверены, что Т'Ан Имир изберут Короной, не так ли?

— Никто и не избирает. — Заметив мое недоумение, он продолжил: — Вы помните, как это было у Говорящих-с-землей в Бет'ру-элене? Все выглядит точно так же и здесь. Все они, семеро, будут беседовать с Говорящими-с-землей и Хранителями Источника, а через некоторое время один из семерых будет знать, кто из них является самым подходящим в качестве Т'Ан Сутаи-Телестре. Да, я надеюсь, что это она, верю, что будет она, однако...

«Однако эти люди — ортеанцы, — вспомнила я, — а психология чувствует себя в этих Теократических Домах как дома — хотя и не называется так».

— Это уже совсем не вопрос честолубия. Чтобы быть избранным Т'Ан, конечно, входит в игру. — В том, как он произнес слово «игра», скрывался смысл, выражаемый обычно как «интрига», «коварство» и «манипуляция». — Но чтобы стать Т'Ан Сутаи-Телестре... Нужно достаточно хорошо знать себя самого, чтобы избираться.

— Как долго нам этого ждать?

— Мы узнаем задолго до вечера.

Над площадью проплыла рашаку-базур, немного приподнялась и уселась на столб, на котором был закреплен навес. Она бешено била крыльями, чтобы обрести равновесие. Солнечный свет, казалось, пронизывал ее оперение белого цвета. Сдвоенные хвостовые перья хлопали по воздуху, блестела чешуйчатая грудь. Ее хриплые крики отражались от высоких стен.

Осмотревшись, я увидела бел-Олиньи и делегацию из Харантиша, а с противоположной стороны двора — Джона Лалкалу и Адэра. Пришли и остальные члены ксеногруппы — я

увидела сбитого с толку Тима Элиота, старавшегося понять какие-то замечания бел-Олиньи, — пришли все за исключением Сэма Хакстона.

— О боже! — Я достала из внутреннего кармана письмо Кэрри и развернула его. В нем говорилось:

Таткаэр, утро.

Линн, я только что услышала, что прибыл корабль, на котором находится представитель Департамента. Сэм сейчас у него. Думаю, что он прибыл на замену, предполагаю, что известие о вашей смерти поступило домой прежде, чем его опровержение.

Кэрри

P.S.: его зовут Дэвид Мередит. Что вы думаете по этому поводу?

— Что случилось? — спросил Халтерн.

— Как будто у меня не было недостатка в трудностях. — Я отдала ему записку, но потом вспомнила, что мне нужно ее, наверное, перевести. Однако он провел когтистым пальцем по строчкам и тихим голосом перевел текст. Я совершила ошибку, недооценив его.

— Если уж он до сих пор не появился на Площади, то, пожалуй, и не придет, — сказала я. — Впрочем, я могу и подождать.

— Не думал, что ваши люди так быстро пошлют корабль.

— Я предполагаю, что они перенаправили его сюда с другого маршрута. — Мне удалось поймать взгляд Кэрри, и я подала ей знак, что получила сообщение. Она кивнула. — Мы оба вернемся к месту посадки ксеногруппы, на Четвертой неделе.

— На Четвертой неделе? Да, конечно. Я и думать забыл, что это будет так скоро. — Он вернул мне записку. Его глаза закрылись перепонками, потом снова открылись, на губах появилась улыбка, в которой было больше озадаченности, чем иронии. — Мне жаль, что вы уезжаете.

— Я тоже об этом сожалею.

— Если ваши люди соорудят здесь станцию...

Родион, сидевшая на несколько ступеней ниже, откинулась назад и прервала нас:

— С'арант, ведь вы нас еще не покидаете?

— Только через четыре недели.

— До того времени мы вернемся из Медуэнина, — сказал Блейз.

— Вы вернетесь? — спросила молодая женщина с серебряной гривой. На ее лице было написано истинное смущение. — С'арант?

— Если я смогу... да, я это сделаю.

— Это было бы лучше всего, — задумчиво сказал Халтерн, потом развел руками и добавил, слегка покраснев: — Я говорю не только из вежливости, Кристи.

— Ладно-ладно, я вам верю.

«Прилечу ли я сюда еще раз? — спросила я себя. — Постоянная миссия нуждается в поддержке, но о ней-то как раз я и мечтаю. Это не совсем то, что я себе представляла, однако...

Собираешься в дорогу и думаешь, что совершишь грандиозные дела: открытие мира, привлечшего всеобщее внимание, выполнение большой дипломатической миссии. Возможно, даже и так. Но потом ловишь себя на какой-нибудь небольшой детали — и она оказывается совсем не такой уж малой. Это может и не являться столь грандиозным делом, но занимаешься им всю жизнь, чтобы осознать этот факт.

Каррик V, а именно Орте. Да, варварская планета, но в то же время и непростая. Посттехнический мир. Все, что я о нем узнала, подчеркнуло лишь то, насколько невежественной я, в сущности, была. Но люди...»

— Кристи...

Мои размышления были прерваны. Я подняла голову и увидела Медуэнина, стоявшего на лестнице чуть ниже меня. Марик и Родион находились дальше, среди толпы. Марик представляла Родион группе людей из телестре Салатиэл. Эти люди, увешанные драгоценными камнями и харурами, блестели на солнце. Они представляли собой нечто среднее между праздником и военным лагерем.

— Не хотите сыграть в охмир, пока ждем? — Медуэнин все еще всюду носил с собой старый набор для игры, которым мы пользовались в Кирриахе. Из-за шрамов его лицо казалось неподвижным, когда он обратился к Халтерну: — Вы тоже?

Халтерн окинул его взглядом — истинный посол Короны, — потом пожал плечами и ответил:

— Да, почему бы и нет?

Так мы и стали играть втроем в охмир на лестнице Теократического Дома. Для такого варианта игры имеются фишки белого, синего и коричневого цветов. Победителем становится тот, кто сможет первым предъявить все сто сорок четыре фишки своего цвета.

Уже в самом начале игры я перевернула один леремок, уступила его Халтерну, но запомнила, где он находился, и добилась второго переворота. Вариант игры для троих протекает быстрее, потому что вместо большинства в четыре или пять фишек в одном малом шестиугольнике здесь достаточно трех, чтобы добиться переворота, однако часто игра длится и дольше из-за меняющихся союзов между игроками.

Я достигла существенного прогресса, когда происшедший поблизости спор отвлек внимание Медуэнина и Халтерна и позволил мне перевернуть ряд фишек, которые теперь имели мой цвет (среди них три турин и еще один леремок). После этого игра завершилась моей победой.

Вторая половина дня казалась невыносимо долгой. Родион взяла нас с собой на поздний ужин на Дамари-на-Холме. Когда мы вернулись, на Площади еще ничто не изменилось.

Прозвонили послеполуденные колокола, и толпа снова увеличилась; она заполнила всю Площадь перед Цитаделью и забила важнейшие пути подступа к горе. Были заняты и все улочки позади Дома-источника.

— Т'ан иностранка. — Сверху по лестнице к нам подбежал молодой Говорящий-с-землей. — Пройдите, пожалуйста, со мной к воротам.

Мы подошли к створкам ворот, они распахнулись, и мы прошли через них в большой двор, где в солнечном

свете сверкала водная поверхность источников. Туда же двинулись саберонцы, посланцы Кварта, Кель-Харантиша и Касабаарде, ксеногруппа, телестре избранных Т'Анов, их л'ри-аны и аширен, а за нами все ортеанцы, стоявшие на Площади.

Большой белый купол вздымался к усыпанному звездами небу, в котором высоко парили на ветру рашаку.

Я увидела циничное лицо Медуэнина, покрытое шрамами, и спросила себя, не думает ли он о Бродине н'ри н'сут Хараине. Год — большой срок, и что бы предпринял Бродин в Дамари-на-Холме, если бы знал, что его жизнь продлится не больше этого срока?

Говорящие-с-землей проводили нас под купол.

Моим глазам было трудно привыкнуть к царившему под ним полумраку, потому что я пришла с яркого солнечного света. Почти вслепую я отыскивала место и оказалась между Родион с одной стороны и людьми бел-Олиньи из Харантиша с другой.

На некотором расстоянии друг от друга стояли огромные деревья-подсвечники, и мириады белых огоньков освещали плотные ряды собравшихся людей. Огни походили на мерцавшие матовым блеском жемчужины. Ввысь поднимался купол лилейно-белого цвета. Сноп солнечного света словно расплавленный металл падал через отверстие в вершине на полированный каменный пол.

Все нижние элементы купола были выдолблены из скальных пород, поэтому люди входили внутрь на уровне поверхности и спускались вниз мимо закругленных рядов по древним, стертым каменным ступеням. Все внутри имело форму амфитеатра: здесь, на верхних рядах, мы на значительном удалении смотрели на входивших в этот момент ортеанцев.

Внизу, в углубленном круглом участке диаметром около десяти метров, открывалась черная шахта колодца Источника. Вечернее солнце освещало несколько метров его глубины и немалую часть пола вокруг.

Я увидела семерых в их красочном великолепии среди Говорящих-с-землей и Хранителей Источника. Эмберен и

Ту'элл смеялись над чем-то, сказанным Ховисом, женщина из Кире разговаривала с Хассие Рейхалином, Рурик массировала с отсутствующим видом культю, слушая говоривших что-то Тирзаэла и Сутафиори.

Акустика здесь была столь превосходна, что я могла бы их слышать, если бы не топот ног входивших людей, мне было бы понятно каждое произнесенное слово.

Родион с интересом подалась вперед. Ее тонкие пальцы были сплетены друг с другом.

— Она должна это знать, она — единственная, кто это может сделать.

— Сутафиори?

Она кивнула в ответ. Я видела, как ее одолевает хохот. Сколько же из семерых поддержат контакты с Доминионом? Не более двух или, может быть, трех. Один был решительно против, Ховис, конечно, не изменит своего мнения. А остальные? Ортеанцы любят приходить к какому-либо решению лишь через поколения.

Сидевший рядом со мной человек из Харантиша обратился к бел-Олиньи и что-то коротко произнес. Волосы его гривы возле корней имели черный цвет, а глаза, не прикрытые перепонками, были теплыми, карими. Народ Колдунов? Я подумала, что в гораздо большей мере этому представлению соответствовала Родион, золотые глаза которой напряженно смотрели на шахту Источника.

Отзвучали металлические удары барабана, восстановившие тишину.

— Да услышат это Сто Тысяч! — Старый Говорящий-с-землей напрягал голос, чтобы его слышали всюду. — Семеро призваны на должность Т'Анов перед Ее глазами и перед вами. Бетан н'ри н'сут Иврис, принимаете ли вы названную должность?

— Сложив с себя все обязанности, какие я сейчас выполняю, — ответила женщина из Кире, — я приму эту должность.

Когда все они были возведены в звание и принесли клятву Богине у Источника, священник принес серебряное кольцо, являвшееся внешним символом Ее господства. Теперь не было аплодисментов, приветствий, никакого шума. Слышался

лишь звук выдыхаемого воздуха, сопровождавший каждую клятву.

— Вы управляете провинциями, — сказал старый священник в заключение. — Их рода да будут вашими родами, их желания — вашими желаниями, их благополучие да будет вашим. Внимайте и слушайте! Старше провинций — телестре, они — это Сто Тысяч.

Тирзаэл выступил вперед и встал рядом со стариком. В руках он держал диадему из золота. Не имея на себе драгоценных камней и прочих украшений, эта диадема, казалось, притягивала к себе весь свет солнца и свечей.

— Носить ее нелегко, — сказал старец. — Это Корона Южной земли. Кто надеется получить от Богини силы, чтобы носить ее? Кто сам себя назовет Т'Ан Сутаи-Телестре?

Не было слышно ни звука, внимание всех присутствовавших сосредоточилось на небольшой группе людей, стоявших возле шахты Источника.

«Что же их сдерживает?» — подумала я.

Ховис пошевелил тяжелой от золота рукой и ослабил воротник туники, но ничего не сказал. Что же заставляет его подавлять свою алчность? Тишина затягивалась. Священники ждали. Тирзаэл держал Корону в руках.

Мне опять вспомнился Бродин. Человек с ястребиным лицом, убийца, отказавший лгать, поклявшись Богине. Тут была дихотомия между интригой и мировоззрением. Здесь, где в сердце правления Южной земли происходила публичная демонстрация искренности.

— Разве никто из вас не будет говорить?

Двое кратко покачали головами, произвольно прореагировав на вопрос. Это были Рурик и Эмберен.

Наконец раздался голос:

— Я скажу. Нелегкое дело — быть рукой Богини на земле, но с Ее помощью и Ее силой это возможно — нести такое бремя и радоваться ему. Пока Ее с'ан телестре, Ее Говорящие-с-землей и Ее Хранители Источника не отменят этого, я стану держать Корону Южной земли.

Она подняла свою золотогривую голову и оглядела ряды сидевших людей. Невысокая стареющая женщина, на поясе

которой блестели знаки различия Керис-Андрете, за спиной которой зияла черная горловина Источника.

— Вашей волей, — сказала Далзиэлле Керис-Андрете.

Тирзаэл вышел вперед и возложил ей на голову золотую диадему. Тишину нарушил один-единственный голос:

— Цветок Юга!

Это было беспрецедентным поступком, но другие подхватили возглас, ее клятву полностью заглушали крики. Они вырвались из Дома-источника во двор, а оттуда — на Площадь перед Цитаделью.

Низко загудел большой колокол.

Вне положенного времени, распространяясь концентрическими кругами, проникая в самые отдаленные части острова, без соблюдения какого бы то ни было ритма, ошалев от радости, зазвонили после этого все колокола города.

Глава 34. Ночная встреча в Цитадели

Торжества продолжались до поздней ночи.

Из Каменного Сада можно было видеть всю северную часть острова, а также изгибы лениво текущего Оранона, казавшегося под светом звезд расплавленным серебром. Насколько мог видеть глаз, простирались обширные заливные луга, и лишь на горизонте виднелись неясные очертания гор.

Разговор на время смолк, и я услышала шум прибоя у подножия скалы, на которой стояла Цитадель. От сада, в котором в эти часы после вторых сумерек было прохладно, доносились крики ночных птиц и доходил проникавший всюду аромат ночного цветка кацсиса. Сама Цитадель — с ее возвышавшимися башнями без окон и поднимавшимися куполами — не давала никакой возможности взглянуть на лежавший глубоко внизу город.

Но Таткаэр еще не спал. Чужой город гудел от пения и криков, ортеанцы праздновали, плясали и любили, двери всех домов телестре были раскрыты.

Родион и Медуэнин сидели за одним столом с некоторыми членами та'адуре из Ширия-Шенина. Родион со смехом приглаживала назад свою серебристую гриву. Блейз сидел как можно дальше от фонаря, держа свое лицо в тени.

— Она останется Орландис?

Рурик так пожала плечами, как это умела делать только она.

— Кто знает? Я сказала ей, что она должна побывать у Медуэнина — тогда она сразу сможет посетить и его телестре. Я не стану пытаться удерживать никого из Орландис, кто хотел бы сменить имя.

Мы прошли мимо них, шагая вниз по узкой лестнице к другим столам.

В Каменном Саду природная скала, на которой выстроена Цитадель, была выдолблена таким образом, что возникли уступы и платформы, стены и колонны. В ней имелись также углубления — в которых благодаря дождям образовались пруды, кишевшие блестящими рыбками, — и купола, поросшие тысячецветом и мох-травой. Каменный Сад Галена Медууста находился на самой северной оконечности Таткаэра.

Силуэты куполов и арок ворот были обрамлены звездами, облаками огней. На платформах под разноцветными фонарями стояли столы и шезлонги, служившие лишь декорациями, освещенными ярким светом. Всюду было изобилие еды и напитков. Ортеанцы в соответствии с обычаем в течение всего праздника переходили от стола к столу.

Халтерн сказал, что если понаблюдать за перемещениями групп в течение всей ночи, то можно обрести такие ясные представления о политике Ста Тысяч, каких нигде более невозможно получить. Я вспомнила, что кто-то говорил мне, будто игра в охмир возникла именно в городах.

— Это и есть новичок, не так ли? — Рурик нерешительно посмотрела на стол, находившийся немного ниже нашего. — Как его...

— Мередит, — помогла я ей.

Сэм Хакстон как раз представлял его Сутафиори. Я слышала его акцент, то, как менялась модуляция на протяжении одной-единственной фразы.

— Мое произношение было тогда столь же плохим?

— Нет, пока вы не вернулись с Пустынного Побережья. — Рурик широко улыбнулась.

— Благодарю вас, Т'Ан.

— Ну, может быть, все же не совсем таким уж плохим. — Она рассмеялась.

— Думаю, мне было бы лучше пойти к нему и поздороваться.

— Тогда я буду у с'анов Мелкати, — сказала она. — Желаю удачи.

Каменные стены покрывал мох, цвета которого сияли в свете звезд и фонарей. Он был голубым, красным, желтым и зеленым. Блестели пруды с дождевой водой. Я шла вниз по лестнице мимо полированной серой скалы, покрытой трещинами и выдолбленной изнутри, имевшей прожилки из белого мрамора и черного базальта. В Саду гулко звучали разговоры, смех и атональные песни Пейр-Дадени и Кире. С пола поднимался запах растоптанной мох-травы.

— Мистер Мередит? Я — Кристи.

Я перехватила его, когда он только что покинул стол Сутафиори. Он остановился, освещенный светом стоявшего рядом фонаря. Это был широкоплечий мужчина с темными волосами, лет сорока или чуть старше. Как и большинство представителей других миров, он производил на меня какое-то абсурдное впечатление.

Он взял мою руку и пожал ее. В первое мгновение я не знала, с какой целью он это сделал. Рукопожатие было крепким.

— Рад вас видеть, — сказал он, — хотя должен признаться, что речь идет о довольно неожиданном удовольствии.

— Я не мертва, как вам сообщили... Вы это хотели сказать?

— Да, примерно так. — За его добродушным видом скрывалось нетерпение. — Департамент перевел меня сюда со звездной системы Пармитера... а сейчас вот я вижу, что это и не требовалось.

— Связь в этой части Вселенной не самая надежная. Но я бы не утверждала со всей определенностью, что это не требовалось. — Я подвела его к одному оставленному столу на краю альпинария. Мы сели.

— Мне нужно одолеть такой объем работы, что Сэму — я имею в виду, мистеру Хакстону — пришлось выделить в мое распоряжение двух сотрудников группы. Если бы вы взяли на себя несколько переговоров, мы смогли бы закончить отчет до даты нашего отзыва.

Он кивнул. Я наполнила чашки чаем, приготовленным из красных листьев кустарника, именуемого арниак, который растет на Пустынном Побережье. Лишь тут я заметила его удивленный взгляд.

— Кажется, вы поразительно хорошо прижились здесь, мисс Кристи, — сказал он.

— Называйте меня, пожалуйста, Линн. — Это не было просто вежливостью. Линн Кристи и Кристи С'арант были в моей голове двумя различными лицами, и я хотела, чтобы это так и оставалось. — Да, возможно, вы правы, мистер Мередит.

— Дэвид, — сказал он. В его произношении имелось что-то, что выдавало в нем выходца из Уэльса.

Он попробовал арниак и недоверчиво посмотрел на чашку.

— Я видел несколько ваших отчетов.

— У меня есть новый, но он еще не готов. Вы можете его просмотреть.

В пределах слышимости никого не было, но мне показалось, что за нами наблюдали. В некотором удалении от нас мимо проходили с'ан.

Над Цитаделью блестели звезды. С реки поднимался легкий туман, цепляясь за скалу, на которой находился альпинарий. Фонари были окружены гало.

— Они читаются как плохие романы на микрофишах, — сказал Мередит. Мне не сразу стало ясно, что он говорил об отчетах.

— Они именно таковы, какова жизнь, по крайней мере здешняя жизнь, Дэвид.

— Да. — Он задумчиво посмотрел на меня.

«Группа, наверное, нарисовала ему удивительный образ Линн Кристи, — подумала я, — потому что они считают меня сумасшедшей или даже чем-то похуже». Мередит был в таком возрасте, что родился до открытия способа передвижения со сверхсветовой скоростью, и, видимо, поздно начал делать дипломатическую карьеру. Хакстон назвал его послом шестой степени, а это означало, что он был способен вести переговоры с мирами, обладавшими высоким уровнем развития техники.

— Каррик гораздо более является миром после всеобщей катастрофы, нежели дотехническим миром... — Он вращал чашку руками и взбалтывал в ней чай. — Не думаю, конечно, что в этом можно было бы упрекнуть вас, Кристи, ведь это всего лишь новый пример того, что бюро вынуждено обходиться вне Доминиона недостаточными силами.

«Как же быть с Касабаарде? — подумала я. — Нет, об этом я еще не написала в отчете. Позднее у меня будет достаточно времени рассказать Дэвиду Мередиту».

— Если вы вынуждены работать, пользуясь слишком ограниченными средствами...

— Принцип высадки. Так мы называли это на учебных курсах. — Я улыбнулась ему. — Высадить кого-нибудь посреди чужой культуры — это можно сравнить с тем, как фотопленка подвергается воздействию света... Затем ее снова берут, исследуют... и имеют отображение незнакомого мира.

Мередит рассмеялся:

— В этом есть какая-то правда.

— Сэм, конечно же, назвал вам характерные особенности этого общества?

— Да, насколько было возможным. — Его лицо обрело странное выражение, когда он рассматривал находившихся рядом с ним ортеанцев. — Здесь, очевидно, следует различать классы. Не знаю, пришли ли вы уже к решению делать какие-либо рекомендации?

— В ограниченных пределах. — Я изложила ему более подробные объяснения. — Карантин обязательно необходим... Мы имеем здесь дело с практически нулевым приростом на-

селения и неизвестной степенью их подверженности воздействию земных возбудителей заболеваний...

— Я бы рассматривал это скорее как повод для осуществления программы медицинской помощи.

— Это заставляет меня высказать второе обоснование. — Я помолчала. Как бы мне ему разъяснить? — Здесь можно наблюдать чрезвычайно малую совместимость. Это культурный феномен, они склонны очень медленно принимать решения, в течение нескольких лет. Если контакты будут ограничены до минимума, это даст им необходимое время, чтобы привыкнуть к Доминиону.

— Чтобы они вросли в совместимость? — В сказанном проявились предубеждения Мередита. — Согласен, на первый взгляд не кажется, что этот мир мог бы многое предложить Доминиону.

— Я бы взглянула на это с другой стороны... Доминион может предложить Орте не слишком много. Конечно, за исключением медицинской техники, а это еще умещается в рамки ограниченных контактов.

Его брови удивленно поднялись.

— Вы, конечно, представите отчет классификационной комиссии?

— А какова сегодня политика? — Я ощущала неуверенность. — Вы только подумайте, Дэвид, ведь я уже восемнадцать месяцев не была на Земле.

— Думаю, что ваша квалификация будет принята во внимание, — сказал он. — Существовала лавина классификаций — кто-то сумел внушить им, что мы обделяем вниманием нетехнические миры, — но это изменилось, когда стало очевидным то, какой культурный ущерб был причинен. Каррик V будет классифицирован как нетехнический мир из-за его антинаучной религии и господствующей элиты.

Меня мучило еще одно обстоятельство (но оно мучило меня меньше, чем должно было бы). В своих отчетах о технике Народа Колдунов я остановилась только на былых его достижениях, упомянув, как они выглядели в Кирриахе и какие средства связи действовали в Кель-Харантише. Прав-

да, я не сообщала подробно, какими устройствами пользовался Чародей в Касабаарде.

«Это несущественно, не стоит того, чтобы о нем упоминать, и меня не беспокоит...»

И все же это было не так.

Касабаарде оставил кошмары в моей голове; видения из прошлого Орте давили на меня со всей тяжестью. Иногда я спрашиваю себя, исчерпывается ли только этим все их воздействие. Жители Южной земли сказали бы, что это не случайно, потому что Касабаарде — очень древний город. Касабаарде и Кель-Харантиш используют Сто Тысяч по возможности как арену, на которой продолжается битва Золотого Народа Колдунов... Насколько же широко распространилась в действительности война?

— Т'ан посланница. — Эмберен, Морская маршалша, кивнула мне, проходя мимо нас под руку с одним из Говорящих-с-землей. Я рассеянно ответила на ее приветствие.

— Сам я взглянул бы на это иначе, — продолжал Мередит. — Думаю, что мир должен иметь шанс на прогресс. Но при нынешнем лозунге «Руки прочь» о нем никто не станет беспокоиться.

Я хотела возразить, и все-таки со своей точки зрения он был прав. Во всем этом ничего не меняли даже остатки технологии в Касабаарде и Кель-Харантише. Однако тем, в чем Мередит был не прав, являлась духовная позиция в отношении к ортеанским обычаям... А у меня не было права говорить об этом. О подобном ему следовало бы побеседовать с каким-нибудь ортеанцем.

Аромат ночного цветка кацсиса и запах мха отступали перед свежим запахом речной воды, поднимавшимся сюда вместе с туманом. Он оказался прохладным. Праздник тем не менее продолжался, потому что ортеанцы были не очень чувствительны к холоду.

Над нами ярко сияли летние звезды. Я мысленно вернулась в восточный порт Салмет, где не была уже очень давно, и сказала:

— Скажите мне... что нового в Британии?

* * *

Первая неделя Меррума оставалась прекрасной; это были долгие солнечные дни, когда морской ветер временами приносил желанную свежесть. Группа Хакстона старалась завершить работу, а Джон и Кэрри часто, насколько это было возможно, приходили ко мне на Восточный холм Малк'ис.

Присутствие Мередита имело следствием то, что мы уже не были столь перегружены, как прежде, а он работал без лишних слов до срока нашего отъезда.

Приходили с'ан, а кроме них — после того как выборы уже были позади — Говорящие-с-землей и Хранители Источника, все они хотели получить информацию о Доминионе.

Если у меня возникали сомнения (возможно, что я представляю это себе лишь задним числом), то я их просто игнорировала. Потому что вокруг лежал Таткаэр — Белый Город под летним солнцем.

Я просыпалась в первые сумерки и слышала, как съезжали вниз с Восточного холма повозки, доставлявшие сюда воду: топот копыт скурраи и шум воды, стекающей по крутым мощеным улицам.

Предрассветные сумерки над крышами, затем появление золотого блеска, сушившего мокрую мостовую и отражавшегося от белых стен домов телестре. Даже в этот час мне не нужно было дополнительно набрасывать себе что-либо на плечи, когда я босиком отправлялась вниз с горы на рыбный рынок, чтобы принести что-нибудь на завтрак.

Праздничные дни, дни поста, дни отдыха — работа была в радость. Мередит перенял у Элиотов, где он жил, привычку устраивать полуденную сиесту. Мне нравилось проводить свою сиесту на плоской крыше дома на Малк'ис между росшими в каменных емкостях кацсисом и сидимаатом, дремать под навесом и смотреть вниз на Таткаэр.

А долгие послеобеденные часы продолжали обжигать своей жарой, сопровождаемой звоном колоколов. Звезда Каррика перемещалась дальше, за Римон, и окрашивала в золотой цвет море у островов Сестер, после чего колокольный

звон над городом возвещал о вторых сумерках. Вскоре на небе появлялись и звезды.

Так текло время, и мне удалось подавить мысли о Бродине, СуБаннасен и их живом последователе. Мне удалось также забыть про сарил-кабриз, про события в Доме-источнике Корбека и про смерть Канты Андрете.

Недоброжелательная сила, скрывавшаяся за этими событиями и людьми, лишь притаилась, она не была уничтожена.

Иногда в городе я видела бел-Олиньи — ее корабль стоял у причала в тени Восточного холма — и спрашивала себя, кто же этот таинственный с'ан, которому Кель-Харантиш отправил весной корабли, груженные золотом. За всем этим стояли Кель-Харантиш и его Золотой Народ Колдунов.

Мне следовало все время помнить, что игра еще не окончена.

В начале третьей недели Меррума из Медуэна в Римоне вернулись Блейз и Родион. Я находилась в доме Т'Ан Мелкати на холме, когда они туда прибыли.

Родион сидела верхом на огненно-рыжем мархаце. На ней была свободно ниспадавшая одежда, поверх которой я заметила одну из кожаных курток Блейза, плотно зашнурованную сверху. Живот ее округлился и довольно сильно выступал вперед.

Она заулыбалась, глядя на меня:

— Должно быть, четверо, как вы думаете? Привет, Кристи.

Медуэнин подхватил ее, когда она сползла с мархаца, звеня римонскими браслетами и шнурами с нанизанными на них монетами. Свои харуры она прикрепила на спине, как это было принято у беременных женщин Южной земли.

С ними ехали двое всадников: веселая женщина с огромной светлой гривой и мужчина, безупречно правильное лицо которого показалось мне поразительно знакомым.

— Алуиз Ферин и Алуиз Рилот. — Медуэнин представил нам обоих родственников, появившихся на свет вместе с ним.

— Заходите. — Рурик взяла единственной рукой руку Родион. — Надеюсь, вы все же останетесь гостем, Медуэнин?

Ферин и Рилот слезли со своих скурраи и поклонились. Мы вернулись в дом. Там была Марик, и я увидела, что пришел и Халтерн. За долгий вечер должны были прийти еще многие. Джон Лакалка, Кэрри и, может быть, Адэр.

Нас влекло друг к другу тем сильнее, чем ближе становился срок нашего отбытия. Нам было жаль тратить зря время, причем сейчас, когда у нас его почти не оставалось.

В большом зале мелькали тени. Мы с Рурик устроились поудобнее возле огня, в стороне от остальных. Рурик протянула ноги, обутые в сапоги, поближе к пламени и опустила пониже в кресле.

— О Богиня, — сказала она. Ее глаза были наполовину прикрыты перепонками, подбородок лежал на груди, губы растянулись в довольную улыбку. — Что за год... Год неуловимого, как тень, преследователя... Еще несколько недель, и мне нужно будет возвращаться в Алес-Кадарет в качестве Т'Ан Мелкати...

— Вы жалуетесь? — Я услышала смех от другого камина, где Родион демонстрировала свои умения перед братом и сестрой Блейза.

— Жалуюсь? — Она хихикнула. — Ну да, возможно, я слишком сильно позволила увлечь себя этой игрой — стать Т'Ан Командующей армией... Но Мелкати! По крайней мере эта игра стоит того. Между с'ан, которые поддерживают Орландис, и теми, кто ее ненавидит, между СуБаннасен и ее сторонниками... Все время ходишь по острию ножа. Вы должны как-нибудь приехать в Кадарет и побыть там некоторое время. В Ор... — Она сильно зевнула, прогнула поясницу и вытянула руку. — В Орландис тоже, если найдете в себе мужество. Удивительное место — Мелкати.

— Причина, вероятно, в том, что там живут удивительные люди.

— Иногда у меня возникает впечатление, что у вас, обитателей другого мира, очень странное чувство юмора. — Она постаралась сделать задумчивое лицо. — Я абсолютно не нахожу это смешным.

— Это объясняется тем, что вы представляете собой племя дикарей, расселившееся на руинах некогда грандиозной технической цивилизации.

Она оглушительно рассмеялась.

— Ох, Мередит! — сказала она, кое-как успокоившись. — Ему следовало бы подумать о том, что его язык здесь не является незнакомым, прежде чем характеризовать нас таким образом! Еще один типа Хакстона.

— С ним все в порядке.

— Не могу сказать, что я... о-о, вы нас покидаете? — Она выпрямилась в кресле, когда к нам подошел Халтерн.

— Мне нужно идти в Цитадель. — Он посмотрел на меня. — Если бы вы могли дать мне с собой вашу л'ри-ан, Кристи? Может статься, что я попозже пошлю вам сообщение.

— Конечно, если Марик согласна.

«Как пойдут дальше дела с Сутафиори?» — спросила я себя. Я намеревалась еще раз встретиться с Т'Ан Сутаи-Телестре, прежде чем покинуть Орте.

Рурик проводила Халтерна до двери и поговорила на обратном пути с Родион. Затем Родион и Медуэнин отправились к себе, а Рурик вернулась и опустилась рядом со мной в кресло.

— Эта история могла бы оказаться делом Двора, — сказала она и сделала это так, что «такширие» означало «правительство». — Произойдет еще ряд событий такого рода, прежде чем вы уедете... кстати, когда точно это будет?

— В конце четвертой недели.

Мигательные перепонки полностью открыли ее желтые глаза.

— Кристи, вернетесь ли вы сюда еще?

— Если мои люди пошлют меня. Они, вероятно, сочтут желательным иметь представительство на Орте.

— Не уходите от ответа. Вы вернетесь?

Древесина лапуура равномерно горела в камине и нагревала стены, остававшиеся холодными даже жарким летом. Снаружи я слышала приглушенный звон колоколов, возвещавших о заходе солнца.

— Этот вопрос я могла бы задать и вам, — сказала я наконец. — Вероятно, я могла бы спросить об этом и кого-нибудь другого. Возможно ли в принципе, чтобы иностранец привык к Ста Тысячам?

— Вы спрашиваете меня, потому что я родилась за границей? — Она задумалась. — Да, верно, что я без особой заботы отношусь к Орландис — беззаботнее, чем можно было бы ожидать от жителя Южной земли, — но это не означает, что у меня нет с ними никаких отношений. Со всей откровенностью могу сказать, что ощущаю себя здесь, в Таткаэре, как в своей телестре. Я пришла сюда, будучи еще аширен, и не пропускаю ни одной возможности почувствовать это. Но кто я: жительница Южной земли или иностранка? Думаю, что не знаю.

Она встала на ноги и потянулась перед огнем, желтый свет которого плясал на ее коже цвета вулканического стекла. Падавшие на стену тени ее конечностей, казалось, не гармонировали со всем остальным, они представлялись мне скорее человекоподобными, чем человеческими.

Она сказала:

— Для Мередита Орте является застывшим, остановившимся в развитии миром — нет-нет, не говорите ничего. И кто же на это жалуется? Со своей точки зрения он, может быть, и прав. Но самим нам это не кажется верным. А вы, Кристи... разве Орте — действительно то место, где вы хотели бы сделать карьеру?

— Я могу с этим справиться. Я смогу установить связь между Орте и Доминионом. — Я посмотрела на лицо Рурик с обтянутым кожей узким подбородком, с похожими на звериные глазами без белков. — Может быть, я смогу сделать это лучше, чем многие другие.

— Да, быть здесь и сейчас С'арант — счастливый случай, счастливый для обоих миров. Но это не то, о чем я спросила, Кристи. Неужели это то место, где вы хотели бы провести свою жизнь?

«Здесь? — подумала я. — Сюда ведет долгий, холодный путь от Земли, от родного дома».

— Орте значит для меня много... а я знаю совсем небольшую ее часть. Думаю, этот мир соответствует моему темпераменту. — Я пожала плечами. — И вы тоже очень много значит для меня; я считаю, что вы моя самая близкая подруга. К тому же есть еще Хал, Блейз, Родион и Марик... Я была здесь счастлива, очень счастлива. Просто не знаю... Один Говорящий-с-землей как-то сказал мне, что самым большим моим желанием было бы здесь родиться.

— О да, — сказала она, кивнула и посмотрела на меня прикрытыми перепонками глазами. — Я-то знаю, как здесь себя чувствуешь. Но вы — С'арант, а я — Желтые Глаза, мы здесь известны. Кто-то должен был бы предупредить вас, Кристи... Вы прибыли сюда, и этот мир изменил вас... Часть вас навсегда останется здесь, когда вы покинете Орте.

Ее позвала Родион, и она, улыбнувшись, ушла узнать, чего от нее хотела молодая женщина. Я смотрела на пламя камина и тени.

В конце четвертой недели корабль выйдет в море из Таткаэра и возьмет курс на Восточные острова. Мы отправимся в небезопасное плавание. Потом на космическом челноке мы попадем на ждущий нас на орбите корабль, после чего до Земли оставалось еще девяносто дней земного времени.

Классифицирование всегда означает скучную работу, и я не была уверена, что меня используют для организации постоянного представительства на Каррике V. Да, это было возможно, но совсем не обязательно. И даже если меня отберут для этого дела, пройдет еще немало времени, прежде чем я сюда вернусь...

Вкрадчивый голос откуда-то из затылочной части моей головы произнес: «Пусть же назад отправится Мередит и займется бюрократической частью дипломатии. Я определенно могу положиться на то, что он все сделает верно. Не вернее ли было, если бы постоянное представительство Доминиона сразу появилось на Каррике V? Да и кто лучше подошел бы для этой работы, чем Кристи С'арант?»

В доме Т'Ан Мелкати послышались голоса. Пришли л'рианы, чтобы зажечь масляные лампы и подложить дров в камин.

Через сводчатые окна я видела ворота, а за воротами виднелся Таткаэр, спускавшийся вниз по холму, темневший под появлявшимися на небосводе звездами.

Я подумала: «Да, я останусь».

Вскоре после звона полуночного колокола — мы с Рурик все еще были заняты беседой — послышался стук в наружные ворота. Л'ри-ан впустил Марик. Она коротко поклонилась.

— Талмар Халтерн н'ри н'сут Бет'ру-элен желает, чтобы вы явились в Цитадель, — сказала она.

— Сейчас? — пораженно спросила Рурик.

— Да, Т'Ан, если вас не затруднит. — Она посмотрела на меня. — Он еще сказал, что Кристи также может прийти, если пожелает.

Рурик провела рукой по гриве и стала зашнуровывать сорочку.

— Эти проклятые агенты не могут заниматься своими делами в положенное время... Да, я приду.

Я надела сапоги. Рурик взяла хирит-гойеновую накидку из-за ночной прохлады, и мы отправились в город, лежавший перед нами в свете искрящихся ортеанских звезд.

Марик проводила нас мимо стражников Короны вверх, в Цитадель, провела по бесчисленным коридорам и галереям в новое крыло, а затем мимо стражников, наверх, в небольшую комнату с изысканной мебелью в одной из южных башен.

Там был Халтерн с измученным, как всегда, выражением лица, погруженный в разговор с Сутафиори. Присутствовали также Эвален Керис-Андрете и секретарь Ромаре, кроме того, темнокожий человек из Мелкати, которого, если я верно вспомнила, звали Нелум Сантил. Он был начальником порта Алес-Кадарета.

Увидев его, Рурик нахмурила лоб.

— Ах, вот и вы. — Сутафиори внимательно посмотрела на нас.

Мы уселись за стол рядом с подсвечниками. Халтерн что-то тихо сказал Марик, и она вышла из комнаты. Когда она

закрывала дверь, я увидела, что снаружи находились стражники Короны.

Я сидела между Эвален и Рурик. Халтерн стоял у противоположного края стола и шелестел бумагами.

— Халтерн, ваша очередь, — сказала Сутафиори.

— Т'ан, с'ан, прошу прощения, что велел так срочно созвать вас в этот поздний час. Но у меня есть спешные сообщения.

Казалось, он раздумывал, как ему продолжить. Эвален и Сантил смотрели на него с напряжением, Сутафиори хмурила лоб. Рурик потирала виски тонкими пальцами.

— Стало очевидным, — продолжил Халтерн, — что мы еще не добрались до главных зачинщиков заговора.

Сутафиори кивнула.

— Мы никогда не верили, что Бродин н'ри н'сут Хараин действовал на свой страх и риск, но он — и это, пожалуй, было очень разумным с его стороны — ушел от наших вопросов.

Прикрытые перепонками глаза Халтерна внимательно наблюдали за нами. Инстинкт подсказывал мне, что это не сулило ничего хорошего.

— А что касается колдовского племени, — сказал он, — то имел место неприятный сюрприз: агенты Харантиша продолжали в течение длительного времени после смерти Су-Баннасен получать золото.

— Это верно, — сказала Рурик, — а известна уже связь? Эвален откашлялась.

— Он хочет сказать, что среди с'ан находится предатель. Может быть, он и прав. Но ведь это невозможно доказать, не так ли, Халтерн? Мертвые не могут обвинять.

— Они могут говорить, т'ан, если им дать время. — Он снова поднял бумаги и подержал их на весу, словно подозревая, что они состоят из менее ценного материала, чем пергамент. — Это было доставлено мне сегодня информаторами. Есть, кажется, и другие копии, но они отложены или помещены в надежное место, точно мне это не известно. То же, что адресовано мне, ко мне, как правило, и поступает... раньше или позже. Хотите послушать мертвого?

Я заметила, как запереглядывались Эвален, Сутафиори и Рурик. Потом Сутафиори кивнула в знак согласия.

— «Признание Бродина н'ри н'сут Хараина, — совершенно обыденным тоном прочел Халтерн, — сделанное в Шестой день Седьмой недели Дуресты в тюрьме Короны в Татказре.

Я признаю это, потому что моей жизни грозит опасность, но не со стороны Короны или Церкви, а со стороны кого-то другого, чье имя я назову позднее».

В этом месте Халтерн поднял голову и сказал:

— Детали вы сможете изучить позднее. Как мы предполагаем, заговорщиков много. Сначала ими руководила Субаннасен, а затем... Однако, если мне будет позволено, я продолжу чтение с того места, где он называет имена предателей.

— Читайте же, — приказала ему Сутафиори.

Халтерн перелистал бумаги и разгладил их.

— Вот здесь... «При моем возвращении в Ширия-Шенин от меня снова потребовали подвергнуть опасности жизнь посланницы чужого мира, на этот раз путем разыгранного покушения на жизнь Канты Андрете. Это было худшим, что когда-либо случалось со мной: при нападении я мог быть узнан, а чтобы спастись самому, должен был мнимое убийство превратить в настоящее. После этого случая я поспорил с заказчиком, но вы должны понять, что я был запуган угрозами с его стороны. К тому же мне дали деньги, которые, как я думаю, поступили из Кель-Харантиша. Теперь я законным образом обвинен в убийстве, в чем признаюсь, и в участии в заговоре, в чем также признаю себя виновным». — Халтерн читал ровным голосом, на пейр-даденийском языке, делая правильные ударения. «Соответственно этому, заверяю и клянусь именем Богини, что все, что я делал, я делал по настоячивым требованиям Т'Ан амари Рурик Орландис, прежде Т'Ан Командующей, а теперь Т'Ан Мелкати, называемой ранее Однорукой и Желтым Глазом, которую отныне и навеки будут называть убийцей, заговорщицей и платным предателем Ста Тысяч».

Сутафиори недоверчиво и ненадолго рассмеялась.

Нелум Сантил опустил голову.

Думаю, прошла целая минута, пока кто-то из нас отважился посмотреть на Рурик.

— Опровергните это, — сказала Сутафиори. — Я верю вам, Рурик, и позабочусь о том, чтобы этот лжец был убит...

Женщина откинулась назад в своем кресле и зловеще улыбнулась. Взгляд ее светлых глаз пробежал по лицам в комнате.

— У меня есть свидетели, — сказал Халтерн, — иначе бы я не делал подобных обвинений. Вот Сантил, начальник порта, из Алес-Кадарета, который принимал и передавал вам золото, поступавшее от Повелителя-в-Изгнании, а вот — стражники Короны Ти Дамори и Серан Габрил, допустившие, чтобы их старая знакомая Т'Ан Командующая навестила Бродина в его камере незадолго до его... самоубийства. А вот еще люди, которые видели вас в Ширия-Шенине, как я полагаю, Т'Ан. Вы станете это отрицать?

— Нет, — ответила Рурик. — Я этого не отрицаю.

Она сидела рядом со мной, и я чувствовала пульсирующее тепло ее живого тела, энергию ее взгляда. Ее рука спокойно лежала на столе, и она совсем не помышляла о том, чтобы хвататься за меч.

— Вы? — Меня словно оглушили. — Так это были вы?

Эвален встала и подала знак. Вошли четверо стражников Короны и встали у двери вне пределов слышимости.

— Сейчас нам нужно поговорить, — твердо произнесла она.

Рурик с абсолютным спокойствием профессионального солдата взяла признание Бродина и быстро перелистала страницы.

— Этого я не ожидала, — сказала она, пожав плечами. — Ведь вы понимаете, что он был не столь уж невиновен, как пытался вас в том уверить?

— Невиновен! — раздраженно сказала Сутафиори. — Вы еще говорите о невиновности!

— Но что касается большинства подробностей, то все верно. — Рурик положила на стол листы пергамента. — Ну так что же будет дальше?

— Я в это не верю. — Эвален не отрываясь смотрела на нее.

— Я бы стала все отрицать, но слишком уж хорошо знаю, насколько основательно работает мой друг. — Рурик одарила Халтерна взглядом, полным иронии и не лишенным признания.

— Тогда давайте послушаем свидетелей.

Я по-прежнему сидела как пораженная громом. Говорил Сантил, вызывались стражники, чтобы подтверждать его показания. Не помню, что я поняла из всего сказанного. Кажется, никто не мог опровергнуть факты, свидетельствующие о виновности Рурик.

Во время одной из пауз Сутафиори сказала:

— Рурик... как вы могли такое сделать?

Я была оскорблена до глубины души, как, пожалуй, и все присутствовавшие. Речь шла об обмане личного доверия. Рурик ничего не ответила.

Я думала об Орте и о том, что я здесь пережила: об убийстве, о долгом преследовании по дикой земле, за морем... потому что я доверяла этой женщине. И я верила в то, что она была мне такой подругой, какую в жизни можно встретить только однажды.

— Вы лгали мне, — тихо сказала я. — Все, что вы мне говорили, было ложью.

— Рурик, — прикрикнула на нее Сутафиори, — именем Богини, у меня есть право — узнать ваши мотивы! Почему вы это сделали?

— Полагаю, что это началось в Ремонде... Нет, гораздо раньше. — Темнокожая женщина покачала головой. Вдруг она показалась мне изможденной. Ее взгляд отыскал Сутафиори. — Вы знаете, что я с самого начала была против присутствия пришельцев из чужого мира, с тех пор, как увидела Хакстона и его людей. Потом я поехала в обществе Кристи на север... Я знала, что СуБаннасен и Ховис что-то затевали, но не вмешивалась. Когда я вернулась и увидела, какой эффект вызвала женщина с Земли в этой провинции...

— Ремонде, — с горечью сказала я, — тоже ваших рук дело?

— Нет, в этом вам нужно винить СуБаннасен и Ховиса. После — а вы должны понимать, Кристи, что я считала вас мертвой, — я присоединилась к фракции, выступавшей против Доминиона, которую поддерживала СуБаннасен, и той осенью встречалась в Таткаэре с агентами из Харантиша. В Ширия-Шенине... — Она пожала плечами и больше уже не смотрела на меня, ее высокомерие, теперь никак не скрываемое, побудило ее перевести взгляд на Керис-Андрете. — Кристи была жива, и мне стало ясно, что СуБаннасен будет отдана под суд. Орте не имела возможности сама себя защищать. Поэтому через СуБаннасен я установила контакт с Кель-Харантишем и решила, что посланница Доминиона должна была впасть в немилость.

— Смерть Канты... действительно была... недоразумением? — спросила Эвален.

Рурик не стала отвечать.

— Вы знаете, как это закончилось. Мы с Бродином порвали отношения, когда он послал убийц против моего аширен Родион. Поэтому я более не видела причин его защищать. Но он мог бы выдать меня.

— И вы его убили, — сказал Халтерн.

Сутафиори опустила голову. Наконец она снова подняла ее и неуверенным голосом сказала:

— Вы были Т'Ан Мелкати, вы могли бы быть выбраны даже Короной... О Богиня! Шпионка Народа Колдунов в образе Короны Южной земли!

Рурик печально улыбнулась, словно горевала об упущенных возможностях.

— Вы порвали с ними все отношения или все еще являетесь их агентом? — Сутафиори покачала головой. — Ага, значит, нет — но почему? Рурик, почему? Это бессмысленно!

— Бессмысленно? Нет. — Наконец она посмотрела на меня. Наши взгляды встретились, и я вынуждена была отвести глаза в сторону. Она встала, вся в голубом и блестя серебром, мерцающий свет свечей как медом покрывал ее черную кожу. Она была высокой и стройной, эта стареющая женщина, стояла прямо, хотя и с опущенными плечами.

— Что случилось, то случилось, так, как я описала. А мотивы... — Она опять посмотрела на меня. — Кристи, если бы вас обезвредили, посредством яда или тюрьмы... Нет, будем придерживаться того, что произошло. Моя цель заключалась в том, чтобы лишить доверия посланницу Земли и Доминиона...

— Почему бы сразу и не убить? — напрямую спросила я.

— Какая бы от этого была польза? Вы послали бы другого. Я хотела избавить Орте от вас и вашего мира.

Спокойно и удивленно Сутафиори сказала:

— В данном вопросе вы не были со мной согласны, но я никогда не подумала бы, что из-за этого вы смогли бы стать предательницей.

— Я не предательница! — возмутилась Рурик. — Все, что я совершила, даже убийство, было сделано для Ста Тысяч.

— Как и то, что вы принимали золото от Харантиша? — вонзил свое жало Халтерн.

— Я не вижу никаких причин отказываться от золота моих врагов, если смогу использовать его на благо моих друзей.

После этого холодного возражения все замолчали.

— Если уж вы хотите знать причины, — невозмутимо сказала Рурик, — то некоторые я могу назвать. Земля нас уничтожит. Она либо изменит нас до неузнаваемости, либо разрушит саму нашу планету. Все мы слышали об огненном оружии. Т'Ан, ведь никогда в истории чудовищность оружия не была препятствием к его применению. Совершенно безразлично, насколько ужасным является его действие. Оно используется. В качестве свидетельств у нас есть Сияющая равнина и пустыни Элансира. Что же, вы действительно верите, что Земля станет медлить с применением этого оружия против нас? Поскольку я люблю Южную землю — я люблю ее больше, чем свою жизнь, — потому и пыталась ее защитить.

Сутафиори сказала с отвращением:

— Время нельзя повернуть назад.

— Неужели это действительно невозможно? — спросила Рурик. — А все выглядит таким образом, как если бы возвращались времена Золотого Народа Колдунов. О, я говорю не

о тех жалких остатках, что сохранились в Кель-Харантише, а о путешествиях к звездам, о землевладении, о людях с Земли с их огненным оружием... Не того ли и вы племени, что Золотые?

Наступило молчание.

— С'арант? — решила подбодрить меня Эвален.

— Есть поверхностное сходство между здешней цивилизацией и земной, — сказала я, тщательно подбирая слова, — и я не могу отрицать, что мы владеем страшным оружием. Но со всей решительностью отрицаю, что оно когда-нибудь будет применено... и менее всего в том мире, с которым мы поддерживаем столь дружественные контакты...

— О, конечно, вы совсем другие, — с наигранным сожалением сказала Рурик. — Хотя и не все ваши люди таковы, как вы, Кристи. Я изучала их, как они изучали нас, и я начинаю узнавать Доминион по его представителям.

— Мы никогда не стали бы этого делать.

— Никогда — это длительное время, — ответила она, — и поскольку мы являемся отсталым миром, который ничего не может вам предложить, возможно, будем избавлены от войны. Но и тогда мы обречены на изменение. Вы совершенно иные, нежели мы, и если придете сюда, то нам не останется ничего другого — только изменяться. И если когда-нибудь выяснится, что у нас есть что-то, что привлечет ваше внимание... тогда... да поможет нам Богиня, потому что тогда, Кристи, нам никто уже не поможет!

Я не смогла ей ничего возразить.

Рурик продолжала:

— Я — солдат и признаю превосходство в силах. Южная земля не может воевать против Земли. Я уже давно это поняла. Я думала, что если удастся лишить посланницу доверия, то можно будет сдержать поток... Это могло бы послужить нам даже оправданием нашего разрыва связей с Доминионом. Но у вас есть талант выживания, Кристи.

— Уж не хотите ли вы найти оправдание вашим делам? — спросила Эвален. — Вы нарушили все законы и обычаи Южной земли, этому нет никакого оправдания!

— Я права, — сказала Рурик, — но и вы правы: моей неудаче нет никакого оправдания.

Сутафиори позвала стражу.

— Заприте ее в отдельно расположенной камере. Никого к ней не впускайте и не допускайте, чтобы она с кем-либо говорила.

Рурик невозмутимо прошла между стражниками, оставив позади себя молчание.

— О Богиня! — спустя некоторое время сказала Сутафиори. — Т'ан, она все еще может омрачать отношения между нашими мирами.

— Между мирами? Нет. Она забывает одно: Южная земля — не то же самое, что и вся Орте. Мы будем уделять внимание всем странам.

— Не думаю, что это будет ее заботить, пока вы оставите Сто Тысяч в покое. И все же в конце концов дойдет и до этого. Мы — один мир. — Она приложила шестипалые руки к вискам и пригладила песочного цвета гриву. — Простите меня, я прикажу принести что-нибудь закусить, т'ан. Нам нужно еще поработать. Есть многое, о чем нам следует поговорить, и многое, что следует решить до утра.

Глава 35. Миссия из Кель-Харантиша

— Вы не можете скрывать это от них! — Асше прервал безостановочное хождение взад и вперед и повернулся к Т'Ан Сутаи-Телестре. Седогривый человек был раздражен, его рука с когтистыми пальцами лежала на рукоятке хар-рур-нацари.

— Но какая польза, если мои Т'Ан будут знать, что среди них есть изменник? После такого года, как только что прошедший? — Сутафиори вздохнула. — Нет, Мелкати должна

иметь нового Т'Ана, и чем меньше там узнают о причине, тем лучше.

Т'Ан Командующий покачал головой:

— А Орландис?

— Да, Орландис... Халтерн, я думаю, вам лучше всего отправиться поискать для меня Хану Ореина Орландиса.

Халтерн вышел из комнаты. В предрассветных сумерках горели забытые всеми свечи и масляные лампы. Свет раннего утра, пришедшего в Имир, рассеивался в тумане, поднимавшемся с реки.

Все происшедшее этой ночью еще казалось мне непостижимым, представлялось выдуманной историей, дурной шуткой... Но то была правда, и мне следовало бы уже давно это почувствовать.

Но я не верила этой правде. Обман причинил мне боль.

Эвален говорила с Асше, пытаясь убедить его. Сутафиори подошла к окну и остановилась рядом со мной. Под нами находился серый двор.

— Я сожалею, что вы присутствовали при этой сцене, — сказала она, — хотя и одного мнения с Халтерном о том, что вы имели на это право. Вам пришлось пострадать от заблуждений, в которые вас ввела Рурик.

— Ей не следовало бы этого делать. — «Никто не причинит вам никакого зла», — подумала я. Она лгала, убивала, но что было особенно серьезным, так это то, что она обманывала доверие, которое мы ей оказывали.

— Вы видите эту игру под иным углом. — Ее бледные глаза прикрылись перепонками. — Но я согласна с вами. Возможно, Мелкати — бедная провинция... но ей не следовало обращаться к Народу Колдунов, чтобы получить помощь.

— Чего еще было ждать от амари с золотыми глазами? — спросила Эвален с горечью в голосе. Она и Асше снова начали спорить.

— Нет, это не то... — К Сутафиори, кажется, пришла какая-то мысль, она позвала своего секретаря. — Ромаре, пошли сообщение начальнику порта, что ему следует прийти в Цитадель. Сообщите, что я хотела бы, чтобы корабль из Харантиша был задержан в порту.

Наступил яркий день, настолько яркий, что у меня слезились глаза. Белая звезда Каррика обжигала. По небосводу были разбросаны дневные звезды. Город выступал из тени.

Амари Рурик Орландис... Она жила в агрессивном, опасном и непредсказуемом мире, в мире, который ее сформировал и изуродовал. После своей болезни у Черепного переехала она, видимо, вернулась в Корбек и почувствовала, что время ускользнуло от нее. Она видела отчаянное положение, в котором находились телестре, и все изменения, которые были начаты одной-единственной женщиной с Земли.

Могла ли я понять Рурик?

Я ощущала свою близость к ней, потому что она была самой человечной из всех ортеанцев. Не стала ли она жертвой той самой болезни, против которой обычно почти все ортеанцы имеют иммунитет, — нетерпения?

У расы Золотых никогда не наблюдалось сновидений о предыдущей жизни. Может быть, они никогда не снились и этой золотоглазой женщине? Не думала ли она, что эта жизнь является единственной и представляет собой также единственную возможность действовать? Может быть, это являлось общим для нас: для меня и этой чужой женщины.

«Я должна ее понять, — подумала я. — Никто не делает подобного без причины. Я должна попытаться понять, почему она это сделала».

Вскоре вернулся Халтерн.

— Ореина Орландиса нет в доме Т'Ан Мелкати, — сказал он, — а также ни в одном из домов телестре Орландис. Я приказал начать розыск.

— Он исчез? — Сутафиори снова села на место за столом, ее пальцы лежали на листках пергамента с признанием Бродина. — Т'Ан Командующий, прикажите страже, чтобы привели сюда Рурик Орландис, мне нужно задать ей несколько вопросов.

Асше вышел.

«Не должна ли и я уйти?» — спросила я себя. Я была уверена, что уже не хотела даже смотреть на нее. Но я не

могла уйти прежде, чем меня отпустила бы Т'Ан Сутаи-Телестре. Я терла глаза и трясла головой, чтобы она хотя бы немного прояснилась. За всю ночь я так и не сомкнула глаз, а последний раз спала вчера в полдень.

Ожидание затягивалось. Сутафиори пришла в нетерпение и послала за Командующим одного из своих л'ри-анов. Мало-помалу разговор иссякал. Тут в комнату снова вошел Ромаре.

— Начальник порта просит засвидетельствовать вам свое почтение, Т'Ан, и сообщить вам следующее: корабль Народа Колдунов сегодня на рассвете вышел в море.

— Да поглотит их мрак! — Она ударила кулаком по столу. — Неужели они услышали... Халтерн, идите и приведите ко мне Асше, найдите эту Орландис. Я должна узнать, сколько агентов Харантиша находится в городе!

В этот миг открылась дверь, и вошел Асше. Я видела, как его впервые покинуло высокомерие.

— Она сбежала, — беспомощно сказал он, — и с нею исчезла половина отделения стражников. Я спросил ночной караул. Она, очевидно, вырвалась перед рассветом. У караула не было приказа об их задержании. Она ушла вниз по Пути Короны в направлении доков.

Невысокая женщина закрыла на мгновение глаза, затем снова открыла.

— Она была Т'Ан Командующей для этих людей... и мне следовало бы передать ее стражникам Короны. Ромаре! Приведите сюда начальника порта. Мне нужно знать, какие корабли готовы к выходу в море. Асше, позовите стражу... Рурик сбежала с бел-Олиньи.

Затем совершенно неожиданно она разразилась смехом. Это был горький смех. Наконец она покачала головой и сказала:

— Такое могла сделать только Рурик. Только она.

Среди отчаянной беготни и суматохи, поднявшейся в Цитадели, я не стала ожидать, когда меня соизволят отпустить. Я поискала и нашла Марик, села на Ору и как можно быстрее поехала на мархаце на Восточный холм Малк'ис.

* * *

— Здравствуйте, Линн... — Мередит немного помедлил, затем закрыл за собой дверь приемной. — Какие у нас проблемы?

— Разве по мне это заметно? Подождите один момент.

Я продолжала писать. Можно было бы записать это на магнитную ленту, но записи на ней могут быть случайно стерты. Дэвид Мередит сел и стал наблюдать за мной.

— Вы рано сегодня пришли, — сказала я.

— Начинаю привыкать к временному ритму. — Было совершенно очевидно, что он понял: что-то не в порядке.

Я кончила писать и огляделась в кабинете. Он находился сейчас в таком же беспорядке, как и любое другое рабочее место на Орте: столы завалены бумагами, газетами и лентами, на утыканных кнопками стенах висели географические изображения и светящиеся карты, случайные географические фрагменты Орте наряду с распечатками результатов анализов, проведенных спутниками.

На одном из стульев громоздились немытые чайные чашки, оставшиеся от последнего визита одного с'ан. Мне будет очень недоставать этой работы.

— У меня совсем немного времени, — сказала я, — поэтому скажу вам коротко, в чем дело. Вот мое заявление об отказе от деятельности в качестве посла... — Мередит открыл было рот, чтобы выразить свой протест, но я не дала ему говорить. — С учетом вашего здесь присутствия это означает, что вы являетесь официальным послом на Каррике V. С настоящего момента я — всего лишь обычная гражданка. То, что я делаю, является моим частным делом и никак не затрагивает интересов Доминиона.

Когда я двинулась к двери, он преградил мне путь:

— Не знаю, в какую историю вы угодили, да, впрочем, и не хочу этого знать. Но скажу вам: не делайте этого. Такое этой планете не поможет, не поможет Земле и, что абсолютно точно, ничем не поможет и вам самой. Не будьте же полной идиоткой.

— Вы правы. Не думайте, что я этого не знаю.

Он немного расслабился.

— Не хотите ли рассказать мне, что случилось?

— Это вы еще узнаете. Я покидаю Таткаэр и не знаю, когда вернусь. Знаю только, что могу осуществить свое намерение, но не как посланница. И я должна это сделать.

— Как же быть с этим? — Он прочел то, что я написала, и стоял некоторое время словно оцепенев. Затем свернул лист бумаги, сунул себе в карман и отошел в сторону. — Я объявлю об отставке, если окажется необходимым. — Он подчеркнул слово «необходимым».

— Благодарю. — Я помолчала. — Благодарю вас, Дэвид.

Когда я выходила, он что-то сказал. Возможно, это было «желаю удачи!».

Причал в этот ранний час был еще в тени Восточного холма. Я нашла людей Асше, которые как раз загружали торговое судно из Морврена. Это был джат-рай с широким корпусом, чуть больше шхуны.

Я протиснулась сквозь толпу и наконец натолкнулась на знакомое лицо. Эвален Керис-Андрете.

— Что вам угодно, С'арант? — Она как раз вела переговоры с курьерами начальника порта и Короны.

— Хочу просить вашего разрешения плыть вместе с вами.

Она нахмурила лоб. На ее невозмутимом лице появилась нерешительность. «Мне следовало бы спросить Халтерна, — подумала я, — или даже Сутафиори, они бы меня поняли».

— Я не могу брать с собой послов других стран, — ответила она.

— Дэвид Мередит не проявляет никакого интереса к тому, чтобы отправиться с вами.

Я увидела едва заметное подрагивание ее мигательных перепонок, которое могло означать, что сказанное мной развеселило ее. Эта Керис-Андрете соображала совсем не так медленно, как я себе представляла.

— Найдите т'ана Халтерна, — сказала она, — он находится где-то на борту. Но будьте осторожны; мы отплываем очень скоро и не можем высаживать на берег пассажиров.

Я поднялась на борт и избавилась таким образом от царившей в толпе давки. Команда корабля и солдаты Асше сидели вместе на палубе.

В порту пахло влагой и солью, на зеленой воде плавали рыбы головы. Питающиеся падалью рашаку-базур бросались вниз и снова взмывали в воздух, покачиваясь на ветру.

Паруса корабля с бел-Олиньи и ее командой еще виднелись на горизонте, когда мы вышли в море и удалились от Татказра.

Позади нас с фортов на Восточном и Западном холмах посредством гелиографа были отправлены сообщения, предназначавшиеся островам Сестер и Югу. В них содержалось предупреждение.

— Этот ветер продержится недолго, — сказал кто-то. — Будет штиль.

— Когда? — с нескрываемым разочарованием в голосе спросил Халтерн.

Он говорил с имирским акцентом, звучавшим как-то непривычно, бегло, но все-таки с почтением. Открыв глаза, я увидела, что он разговаривал с каким-то Говорящим-с-землей.

В это утро я дошла до состояния, превосходившего любую усталость, и свет казался мне чересчур ярким. Мой голос был высоким и хриплым, потому что я говорила всю ночь, что-то стягивало кожу на голове выше лба, я чувствовала почти непрекращающиеся головные боли. Мое бодрствование было сломлено поразительно плохим самочувствием.

«Наверное, я и сейчас ошиблась», — подумала я и села на закрепленном брезенте. Но белое солнце стояло высоко в небе, миновал полдень. Я проспала все это время.

— Где они? — Я подошла к Халтерну, стоявшему у поручней.

Корабль покачивался на волнах, отчего качалась и часто останавливалась и я, прежде чем смогла приспособиться к движению палубы. Схватившись за поручни, я наконец почувствовала себя получше. Я наблюдала за скольжением носа корабля по слабеющим волнам и за радугой, появлявшейся в летевших в сторону брызгах.

— Там. — Халтерн махнул рукой вперед. В солнечном свете на покрытом рябью море виднелось крошечное пятно, оно было едва различимо. Мы нисколько не приблизились к нему.

— Проклятие, неужели мы не можем двигаться вперед побыстрее?

— Море невозможно подхлестнуть. — Его голос звучал спокойно среди поскрипывания дерева и хлопанья парусов.

На севере виднелась узкая береговая линия. Плясавший на волнах солнечный свет слепил меня и сбивал с толку. Я подумала — уже не впервые с тех пор как появилась на Орте: «Что я здесь делаю?»

— Идемте со мной вниз, поешьте чего-нибудь. — Рука Халтерна с когтистыми пальцами легла на мое плечо. Ветер играл его редющей гривой. Он был замкнут, как всегда, но даже он не мог утаить, как сильно задела его вся эта история.

— Хал... Что с нею теперь будет?

— Пусть ее судит Великая Мать, я этого не могу.

Мы ели без всякого удовольствия. С нами за столом сидели Асше, хозяин корабля и т'ан Эвален, которым Сутафори поручила отправиться в эту спешную экспедицию. Говорили совсем немного.

День затягивался.

Перелом наступил позднее, ближе к вечеру, когда берег уже исчез из виду. Я не заметила бы ничего, если бы Халтерн не обратил на это моего внимания.

Корабль бел-Олиньи слегка отстал, или нашему корабельщику удалось выжать из морврэнского джат-рай более высокую скорость. Парус и темный корпус преследуемого нами корабля были уже ясно различимы. Под равномерно освещенным небосводом находились лишь два этих судна, дневные звезды исчезли за поднявшейся от воды дымкой испарений.

Но тут закричал впередсмотрящий.

Перед кораблем из Кель-Харантиша появились два других корабля, а затем я увидела еще один, подальше, на юге... и что-то еще, что было, возможно, четвертым судном.

Они, казалось, почти не двигались с места, они ответили на переданное им по зеркальному телеграфу сообщение и перерезали путь на юг.

Видимо, судьбе Рурик было угодно, чтобы корабли находились в зоне досягаемости и приняли предупреждающее сообщение.

Через короткое время стало понятно, что корабль бел-Олиньи изменил курс и что мы приблизились к нему. Но все же еще недостаточно.

Судно из Харантиша стало уходить на северо-восток, к побережью Мелкати, и мы возобновили преследование.

Спасательная шлюпка скользнула по дну, и гребцы подняли весла. Я вылезла вслед за Эвален и Асше из лодки и побрела по мелкой воде. Перед нами простирался пологий песчаный берег, испещренный и облизанный небольшими волнами и посеребренный на западе клонившимся к горизонту солнцем. Песок затягивал мои сапоги.

Затихавший ветер рябил воду и нес откуда-то запах дыма. В нескольких сотнях метров от нас на берегу лежала еще одна лодка, покинутая хозяевами и предоставленная воле волн. Далеко от берега, где кончалось мелководье и становилось глубже, стоял на якоре корабль бел-Олиньи. Недалеко от него покачивался на волнах морврэнский джат-рай.

В этот момент по покинутому пляжу в нашу сторону направилась ортеанка, в которой я узнала саму бел-Олиньи.

Асше вполголоса отдал стражникам команды. Далеко еще, но уже двигалась к нам от нашего судна третья лодка, очевидно, это было подкрепление. Асше приказал арбалетчикам держать приближавшуюся женщину под прицелом.

Ко мне подошел Халтерн, глаза его были прикрыты от света перепонками.

— Не верьте ей, т'ан.

Взгляд Эвален был устремлен в глубь суши, где виднелись только низкие дюны и поверхности, покрытые желтой мох-травой. Поднимался туман, и видимость становилась очень ограниченной.

— Мы, наверное, находимся восточнее риннальских песков... — предположила Эвален. — Народ Колдунов не имеет значения. Очевидно, что Орландис направилась в глубь страны. Т'Ан Командующий! Вышлите ваших разведчиков, чтобы они обнаружили следы ее группы. Им следует опасаться засад.

Аше коротко кивнул.

— Они могут пойти форсированным маршем, т'ан, и больше не беспокоиться насчет нас. Когда мы минуем Риннал, то будет уже совсем недалеко от Орландис.

Их взгляды встретились. Эвален сказала:

— Попытайтесь задержать ее. Мы следуем за вами.

Двое стражников Короны подвели к нам бел-Олиньи. Один из них взял себе копье и нож, которые она отдала без сопротивления.

Она сняла с шеи платок, развязала узлы, которыми он был связан с кольчугой, покрытой бронзовыми пластинами, и спокойно оглядела нас.

— Т'ан. — Она наклонила голову в сторону Эвален, затем в мою и гортанно произнесла по-имирски: — С'арант.

Эвален прикрикнула на нее:

— Где она?

— Ваша соотечественница? Я бы тоже хотела это знать. — Ее губы плотно сжались. — Думаю, мне нужно поговорить с вашей Т'Ан Сутаи-Телестре, когда вернусь в Таткаэр. Это неслыханно — похищать посланницу, угрожая ей обнаженным мечом...

Халтерн чертыхнулся, а Эвален невозмутимо продолжала:

— Вы утверждаете, что вас принудили?

— Эта женщина подымается на борт, ее люди вооружены... Что я могу сделать, если угрожают моей жизни? Я сделала то, что она мне приказала. Но будьте уверены, что Повелитель-в-Изгнании узнает об этом происшествии.

— О, конечно, — с обманчивым спокойствием сказал Халтерн, однако он вдруг утратил свое самообладание. — Конечно же, он об этом узнает! Итак, обманщица была обману-

та, и вы имеете незапятнанную репутацию, не так ли, колдовское отродье?

— Спокойствие, Халтерн. — Глаза Эвален прикрылись мигательными перепонками и сузились, шестипалые руки сжались в кулаки. — Вы, Командующий, доставьте эту женщину на корабль и скажите корабельщику, что она находится под моей защитой, а вы, бел-Олиньи из Кель-Харантиша, сообщите вашим людям, что они действительно вернутся в Таткаэр. Как только я выполню свою задачу в Мелкати.

— Мы с этим не справимся. — Халтерн говорил со смущением, как будто все еще стыдясь своего приступа ярости перед бел-Олиньи. — Не в этом болоте, да и к тому же не в этой совершенно незнакомой местности. Мы не догоним Рурик Орландис.

— Еще некоторое время будет светло, — сказала я.

Долгие и жаркие вечерние сумерки Меррума клонились к закату. То, что я считала желтой мох-травой, оказалось обычной пахотной землей, наполовину иссушенной засухой.

Свет мерцал на гребнях дюн, в пересохших руслах ручьев и на заболоченных песчаных участках. Птицы-ящерицы кружились спиралями, визжали, как ржавый металл, и садились в сухой тростник, шелест которого напоминал по звуку стук костей.

В обе стороны тянулась пустынная прибрежная полоса, переходившая в глубине суши в дюны и небольшие холмистые образования.

Эвален построила своих людей в колонну, в которую добавила мужчин и женщин, сошедших на сушу с других кораблей. По моей оценке, всего их было около трехсот человек. Тут же она выслала вперед разведчиков, которые должны были постоянно сообщать о местонахождении Асше и Орландис.

— Пожалуй, ночь будет ясной, — сказал Говорящий-с-землей в коричневой мантии, сопровождавший ее, когда подошли мы. — Подождите до вторых сумерек, а потом идите

дальше, я могу дать в ваше распоряжение несколько проводников.

— Идите вперед, Лишаан, мы сейчас выступаем. — Эвален обращалась к нему официальным тоном. Увидев нас, она добавила: — Вам следует находиться в основной группе. Возможно, мы подвергнемся нападению.

Когда мы топали по дюнам, покрытым мшистой травой, песок прилипал к нашим мокрым сапогам, за нами летели тучи насекомых. Болотные рашаку-най слетались на ночлег. Ходьба была утомительной, и наше настроение ухудшилось.

Глаза Халтерна посветлели, когда мы разглядели низменность за прибрежной полосой.

— Вон там, кажется, горы Эйрие... или Винкор, если мы находимся дальше на юго-восток. Т'ан, — сказал он, обращаясь к Эвален, — возможно, она и не задержится в телестре Орландис.

— Почему вы так думаете?

— Ее телестре, может, пожалуй, дать ей лейб-гвардию и мархачев, а отсюда вниз по побережью можно добраться до Алес-Кадарета. Т'ан, один-единственный человек мог бы там спрятаться в порту на некоторое время и, не исключено, нанять корабль...

— В Кель-Харантиш? — Эвален покачала головой с роскошной гривой. — Это не должно случиться.

Халтерн схватил ее за руку:

— Она — это Однорукая Рурик, Желтый Глаз из Мелкати, у нее есть друзья. Если Т'Ан Сутаи-Телестре рассудила поспешно... и позднее будет об этом сожалеть...

— Нет, — сказала Эвален. — Я не позволю ей уйти. Она должна быть отдана под суд. Если бы решение принимала я... В конце концов, она была и моей подругой, Халтерн, и я доставлю ее обратно в Таткаэр. Извините меня, мне нужно отправить вперед посыльных, чтобы предупредить Асше об этой возможности.

«Они колеблются, — подумала я. — Как в любви, так и в ненависти. Но я — нет, нет... я хочу услышать, как она станет оправдывать свои действия».

* * *

Пробившись сквозь болота и топи, к началу вторых сумерек мы добрались до расположенного на высоком месте дома телестре. Факелы, торчавшие в гнездах рядом с открытыми воротами, освещали древние стены, возведенные с использованием строительного раствора.

— Это Винкор, — сказал Халтерн, когда мы уже сидели за столом.

Эвален совещалась с разведчиками Асше и тупого вида мужчинами и женщинами телестре.

— Мы переждем здесь вторые сумерки.

Во дворе было тепло, и я уснула там, где сидела. Проснулась не ранее, чем меня разбудила суета, возникшая в связи со сборами в дорогу, которые начала Эвален. Она и Говорящий-с-землей Лишаан собрали вокруг себя тех мужчин и женщин, которые могли быстрее передвигаться пешком, и велели заместителю, темнокожему пейр-даденийцу, подойти с остальными людьми.

— Она хочет попытаться согнать Орландис с дороги на Алес-Кадарет, — сказал Халтерн, присев рядом со мной. — Отдыхайте сейчас, позднее будет не до того.

Как и вначале, только что прибыв на Орте, я снова привыкала к тому, чтобы немного вздремнуть, где и когда это было возможно.

Когда я проснулась в следующий раз, искусанная насекомыми и с большими ногами, все было освещено ярким звездным светом.

С заместителем Эвален разговаривали двое мужчин. У одного из них на руке я заметила временную повязку, через которую просачивалась казавшаяся черной кровь.

— Мы перережем пограничную тропу, ведущую в Орландис, — сказал дадениец. — Т'Ан Командующий попал в засаду, но люди т'ан Эвален вступили в бой с группой Орландис и оттеснили ее с дороги на Кадарет. Сейчас нам нужно как можно быстрее двигаться к телестре Орландис.

В свете звезд земля казалась бесцветной. Была заметна лишь бледная зелень кривых лапууров, росших по берегам

пересохших ручьев, и желтизна сухой мох-травы, превращавшейся под нашими ногами в пыль. Дорога делала множество изгибов, следовать которыми было непросто, ее пересекали ручьи и протоки, через которые вели перекинутые мостки и бревна.

После того как мы обнаружили, что первый такой мостик был разрушен, ортеанцы понесли с собой доски и жерди.

«Орландис пытается задержать Аше и Эвален», — подумала я. Теплая ночь стала наконец прохладнее, когда во время первых сумерек побледнели звезды, и мы стали ждать наступления утра. Поэтому, когда рассвело, мы все еще находились среди ровных заливных лугов, и стало видно, что мы почти не приблизились к заметным вдали возвышенностям, которые даже не заслуживали названия гор.

Наконец мы достигли более приподнятых над уровнем моря мест, двигаясь по оставленным на лугах следам, где на больших пространствах потрескавшейся от засухи поверхности болот виднелась увядающая мох-трава. Когда мы проходили мимо, поднимали свои головы скурраи, состоявшие, казалось, из свалывшейся шерсти и костей. Кривые лапууры цеплялись за откосы земляных валов, над грязными лужами тучами висели кекри и зирие. Белесое солнце выглянуло из дымки, и воздух снова заметно потеплел.

Затем мы дошли до гряды холмов, и я увидела стоявший перед нами другой дом телестре, окруженный высокими стенами. Как из-под земли перед нами появились двое людей Аше с обнаженными мечами и отвели нас в то место, где расположилась Эвален.

— С'арант. — Она была вежлива, но взглянула на нас отсутствующим взглядом. — Халтерн, и вы тоже. Это хорошо. Я предлагаю переговорить с Орландис. Вам, как посланнице, следовало бы при этом присутствовать.

— Она поймана? — Халтерн посмотрел на стоявший в некотором отдалении дом телестре. Он совершенно безуспешно тер руками свою забрызганную грязью одежду. Да и все мы в равной степени были в грязи после проделанного ночного перехода. — Кристи, может быть, и вам следовало

поговорить с ней, и мы могли бы тогда все же уладить дело без боя.

— Я бы предпочла слова. — Эвален посмотрела на меня. — Эти телестре построены так, что могут противостоять нападениям пиратов, это может стать чертовски трудной работой — достать их там. Она к вам прислушается.

— В этом я сомневаюсь. Но пойду с вами.

Было очень трудно заставить ноги снова идти. Теплый воздух не двигался. Я пошла за Эвален и Халтерном. Совершенно сухая дорога извивалась среди зарослей лапуура и кустарника сарил-киз и пересекала несколько вытянутых возвышенностей.

Оглянувшись однажды назад, я обнаружила, что местность казалась совершенно пустынной, хотя там и находилось от двух до трех сотен вооруженных мужчин и женщин.

Когда мы приблизились к дому телестре, нас тихо окликнули.

— Идите вперед, — велела Эвален одной из солдаток Асше. — Скажите, что мы хотим с ними говорить.

Женщина сняла с пояса мечи и пошла к зданию, подняв вверх пустые руки. Никто из группы Эвален не подходил к дому ближе чем на расстояние выстрела из лука.

Солнце отбрасывало тени стен к нашим ногам. Этот дом телестре не был большим; он оказался даже удивительно невелик и состоял только из высоких стен и массивной башни в одном из образуемых ими тупых углов. Я заметила мощные ворота у подножия башни. Вокруг стен проходил ров, всюду имевший ширину не менее девяти метров. К воротам вела единственная дамба.

— Это большое препятствие, — сказала Эвален. — Ниспосланная мраком засуха не оставила во рву ничего, кроме грязи, человек, которого послал Асше, едва не утонул, когда попытался найти удобную позицию для приступа. Нужно идти без всякого прикрытия по тропе на дамбе, захватить врасплох защитников невозможно. Использование лестниц также исключено, ворота нужно брать в лоб... Мы могли бы это сделать благодаря только нашему численному перевесу, но это было бы очень нелегко.

— Она была Т'Ан Командующей, — сказал Халтерн, — и все знает о мелкатийской тактике ведения осады, т'ан.

После криков парламентарши на стене было замечено движение, но больше не последовало никакой реакции. Затем возле ее ног в сухую землю воткнулась стрела, пущенная из арбалета, и Эвален отозвала ее назад.

— И с чего бы она захотела с нами говорить, т'ан? — Асше неслышно подобрался к нам. — Я сейчас со всех сторон выставил посты, она окружена.

Высокий лоб женщины избороздили морщины.

— Будем ждать. Возможно, она попытается прорваться. Но Рурик могла бы стать и поразговорчивее, если бы поняла, что не сможет уйти.

Они поставили несколько ближе к тому месту, где лапуры росли гуще, палатки. Я поела немного вместе с людьми Асше.

День становился все жарче. Эвален и Асше долго сидели и шептались, обдумывая тактику действий. У меня все сжималось внутри, когда я думала, что могло произойти.

Халтерн не находил себе покоя, и мы вместе обошли местность вокруг дома телестре от болот до низких холмов, поросших лапууром.

Халтерн говорил мало. Нешадно палило солнце, сверкали дневные звезды, и мы отправились обратно в спасительную тень палаток.

Нас заразила царившая там атмосфера напряженности. Рашаку-наи, взлетевший вдруг в полуденную тишину, упал обратно на землю, пронзенный четырьмя арбалетными стрелами.

Под вечер Эвален послала к воротам еще одного парламентаря, но тоже безрезультатно.

Мы ждали. Асше усилил ночные дозоры. Напряжение нарастало; я поняла, что они ожидали ночного нападения.

Но ночь была ясной, в звездном свете различались все предметы, и Орландис продолжала тихо сидеть за белыми стенами своей крепости.

Мы ждали.

— Кто это? — Я показала на группу ортеанцев в серо-желтых одеждах, разговаривавших с Эвален.

— Люди из окрестных телестре. — Халтерн опустил на землю в тени куста сарил-киза. Пожалуй, этот второй день был еще жарче, чем предыдущий. — Они хотели бы узнать, что здесь делает т'ан Эвален.

— Они нам помогут?

— В Мелкати? — Его глаза потемнели. — В лучшем случае они будут вести себя нейтрально, а в худшем... Все-таки Орландис — это телестре, входящая в Мелкати.

Страх превращался в недовольство, в ненависть. Белые стены дома телестре сверкали на жаре, и мне казалось, что они издевались надо мной.

— Почему она ничего не предпринимает? — раздраженно спросила я.

Голос Халтерна был невозмутим.

— А что бы она могла сделать?

Надвигались вечерние сумерки второго дня, а мы все еще ждали.

Сны смешивались с состоянием бодрствования: крики, темнота и смятение. Мне на лицо упал кусок бекамиловой ткани. Я находилась уже не в палатке, а снаружи, на теплом ночном воздухе. В моем сне рассеивались желтые искры.

— Огонь?

Новая серия искр. Я стояла, запрокинув назад голову, и смотрела с робостью ребенка на фейерверк. Состояние заспанности еще не позволяло мне видеть достаточно ясно, чтобы я заметила загорание и то, как огни падали на землю.

Пламя охватывало сухую мох-траву и стволы лапуура, красные искры освещали безветренную ночь.

— Огненные стрелы? — закричал рядом со мной мужчина. Я находилась посреди группы одетых ортеанцев. Они, вероятно, были из других телестре и что-то кричали, спрашивали, протирали глаза, застегивали пояса с мечами иправляли одежду.

Эвален попросила их помочь нам.

Мимо нас пробежала группа стражников. Наш лагерь был взбудоражен, как потревоженный рой; тут и там звучали гор-

таннные крики. Паника находилась под контролем, но была близка к тому, чтобы вырваться наружу.

Прищурившись, я смотрела на вздрагивавшие огни. Вспыхнула одна из палаток.

— Пойдите! — Я схватила за руку ортеанку среднего возраста. — Как далеко до вашей телестре?

— Несколько зери на север...

— Соберите ваших людей и приведите их сюда. Немедленно! Помогите нам справиться с огнем. — Она непонимающе смотрела на меня. Я стала трясти ее. — Подумайте о том, как все сухо... Вспыхнет вся земля!

Она молчала несколько секунд. Затем, когда шум огня и крики стали ближе и к ним добавилось тревожное потрескивание горящей древесины, она коротко кивнула и быстро побежала через взбудораженный лагерь. Я видела, как она вскочила на одного из лохматых скурраи, ударила его в бока голыми пятками и умчалась с бешеной скоростью. Свет звезд указывал ей путь.

Когда я обернулась, уже пылало полнеба.

Скорость, с которой огонь охватывал все вокруг, шокировала меня. Я видела, как за несколько секунд чернели, затем обваливались и разлетались горящими лохмотьями палатки. Всюду извивались лижущие языки пламени. Миллионы желтых искр взлетали в небо. С треском горела поросль сарил-киза. Темные фигуры мужчин и женщин старались затапывать огонь, но вскоре, пока я еще смотрела на них, бросали это занятие, не имея надежды на успех.

От дома телестре прилетел еще град огненных стрел, которые тут же скрыл от моих глаз поднимавшийся черными клубами дым.

Не потерпевшая осады, Рурик вознамерилась сжечь нас...

Я отбежала назад, пытаясь обходить очаги пожара. Деревья лапуур были совершенно сухими и горели как солома. Крики становились глуше. Огонь превратился в шумный ад.

Я бросилась бежать. Мелькавшее в глазах пламя заслоняло собой местность. Почти вслепую я угадывала путь прежде, чем видела его в свете звезд, и бежала, как будто еще

силы не покинули меня, как будто я могла пробежать так всю ночь.

У меня на пути появился земляной вал. Я пробежала вдоль него, теряя последние силы, и по дощатому мостику переправилась на другую сторону. Поверх ила в самом глубоком месте поблескивала тонкая пленка воды. Когда мостик был позади, я остановилась и оглянулась.

Существует страх, и существует ужас. Когда я стояла так, пытаясь отдышаться, мне стала понятна разница между ними.

В ужасе нет страха, потому что нет возможности противостать огню (или чему-либо подобному). Тут не можешь принимать никакого решения. Только бежишь, и все.

Спустя немного времени я встретила группу солдат и снова остановилась, едва держась на ногах. Я как раз собиралась спросить их, где Эвален, когда увидела Халтерна.

— Вы не ранены? — Увидев меня, он с облегчением вздохнул.

Мне не хватало воздуха, чтобы говорить, и в ответ на вопросы я могла только кивать.

Чернота погасила звезды; это была темнота, имевшая колеблющиеся красные края. Запах пожара приближался к нам. Воздух уже не был неподвижен, и порывистый ветер раздувал пламя.

— Марш вперед! — приказал Халтерн. — Мы встретим т'ан Эвален в Римните.

В течение поразительно короткого времени солдаты образовали колонну, вытянувшуюся вдоль тропы.

Я посмотрела назад. В ночное небо футов на двадцать поднимались, потрескивая, языки пламени, от которых валил густой черный дым.

— Она прорвала осаду, — проговорил на ходу Халтерн, — она рассвирепела, теперь мы не сможем ее задержать... Надеюсь, что огонь окружит ее и всю ее объятую мраком телестре! Пусть только попробует найти где-нибудь убежище в Южной земле...

Он задыхался и больше не мог продолжать. Мы побежали. Позади нас подобно потокам воды распространялся огонь.

* * *

В воздухе кружились тонкие, черные хлопья пепла.

Я задыхалась, в горле у меня пересохло, воздух с хрипом вырывался из легких. Земля под ногами была рыхлой, черной и горячей. Торчали обугленные пни, оставшиеся от стволов лапуура. От земли еще поднимались серые столбы дыма. Пепел был настолько горяч, что я чувствовала это сквозь толстые сапоги.

Я пересекла пересохшее русло и вспаханную землю, вышла на небольшой холм и села. Мои ладони от долгой работы лопатой покрылись мозолями.

Со своего места я видела линию земляного вала, превращенного в преграду для огня. Ортеанцы рассредоточились вдоль границы выжженной земли, они сидели или стояли, разговаривали друг с другом или просто смотрели на полу-денное солнце. Дым, затянувший все побережье, начинал постепенно рассеиваться.

Звезда Каррика казалась бурым диском, рассматриваемым через едкое облако дыма.

«На более высоких участках местности людям приходится тяжелее», — подумала я. От усталости у меня помутилось в глазах, но я видела, как от стоявших группами лапууров и кустов сарил-киза все еще поднимались черные полосы дыма. Я собиралась поискать людей, которых знала, но подумала: «Посиди еще немного».

Дом телестре Орландис стоял вдали, превратившись в черные руины, он обрушился от жара и полностью выгорел. Это место окружали пепел и безнадежность. Потушить огонь мы не смогли, нам удалось с большим трудом задержать его. Вообще сделать это позволили только земляные валы и скудная растительность.

Люди Эвален и жители окрестных телестре приложили все свои силы, чтобы локализовать пожар.

«Где же все-таки Рурик?» — подумала я. Я слишком устала, чтобы продолжать лгать себе. Нет, у меня не было к ней ненависти. Я могла ненавидеть ее дела, но не ее саму. Если бы она смогла уйти, если бы она уплыла за море, в Алес-Кадарет...

Я встала и медленно пошла обратно в Римнит, к другой небольшой телестре на краю выжженного пространства. Мимо меня проходили и уныло здоровались ортеанцы. Они были грязные и усталые. Я присоединилась к тем, кто доставал из колодца воду, чтобы утолить жажду.

Когда я умывалась над ведром воды, ко мне подошел Халтерн.

— Что вы теперь думаете? — Его взгляд блуждал по видневшейся в воротах выжженной земле.

— Следует продолжать наблюдение. Где-нибудь может продолжать тлеть.

Он согласно проворчал что-то. Я спросила себя, что же такое с ним стряслось. Но это было преобладающим настроением, всеобщая подавленность казалась мне гораздо большей, чем та, какую мог бы повлечь за собой пожар, особенно когда он уже был остановлен и находился под контролем.

— Хал, что случилось?

— Эвален послала солдат, чтобы найти Рурик. — Это прозвучало так, как будто он совсем не слышал. Затем он продолжил: — Она сожгла свою собственную землю. Сожгла свою телестре. Эта вонючая золотоглазая...

— Хал!

— Вы не можете себе представить, — сказал он, — что это значит. Сделать такое... Народ Колдунов разрушил, погубил землю... это были Золотые, а она тоже...

— Когда мы сюда пришли, вы высказывались за то, чтобы дать ей уйти в порт.

Он молчал. Потом сказал:

— Т'Ан Командующий нашел одну телестре, которая готова продать нам мархацев. Не хотели бы вы поскорее вернуться к кораблям?

— Да, если возможно. Тогда идемте и побеспокоимся об этом.

Я больше не упоминала Рурик. Способность понять и воспоминания — да, я могла ощутить то, что он чувствовал. Но тут дело было еще и в Рурик. Я достаточно наслушалась болтовни ортеанцев, чтобы знать, что мнение Халтерна отражало всеобщие воззрения.

* * *

Эвален находилась в главном зале Римнита, и когда туда собрались члены ее группы, она устроила так, чтобы их накормили, и отправила после этого на патрулирование.

— Она могла снова направиться в сторону побережья. — Асше склонил над картой свою седогривую голову. — Или в глубь страны, надеясь, что сможет там спрятаться.

— Вы! — Эвален откинулась в кресле и крикнула человеку, стоявшему в углу комнаты: — Куда она отправилась?

— Я этого не знаю, — угрюмо ответил человек. Мне потребовалось некоторое время, прежде чем под грязью и пылью я узнала напоминающее богомола лицо Ханы Ореина Орландиса. — Я бы сказал вам, если бы знал, тут вы можете мне поверить, т'ан.

Эвален что-то недовольно проворчала. Тут были и другие охраняемые, среди которых я увидела нескольких с типичными лицами телестре Орландис, а также людей в форме. Я узнала лица, знакомые мне по поездке в Ремонде: Хо-Телерит и мужчину с рыжей гривой. Значит, они отреклись от Рурик или она сама отвернулась от них...

— Есть ли у вас сведения для Короны? — Халтерн взял бумаги, которые ему протянула Эвален. — Как долго вы еще будете оставаться в Мелкати?

— Пока не завершу поиски всюду, где только возможно. Велите кораблям эскортировать корабль бел-Олиньи вместе с вашим до Таткаэра; женщина из Харантиша должна ответить на массу вопросов. — Она подняла голову и увидела меня. — С'арант, я рада, что с вами ничего не случилось. Вы останетесь здесь или вернетесь в Таткаэр на кораблях?

Я чувствовала невероятную усталость. В Мелкати ничего не было достигнуто благодаря моему присутствию, а что касалось Рурик... Патрули уже находились на краю зоны пожара. Я думала, что они, возможно, найдут там Рурик. «Если она вышла оттуда, — думала я, — то они, наверное, уже нашли ее».

— Я буду возвращаться вместе с Халом, — сказала я.

Наконец они нашли мне мархаца цвета ржавчины, который был очень смышленным, и я присоединилась к небольшой группе Халтерна. Шла середина второй половины дня.

Покачивающийся бег мархаца действовал удивительно успокаивающе. Я ехала трусцой следом за остальными, солнце жгло голову, и я впала в состояние, среднее между сном и бодрствованием. Небо было бледно-голубым, дорожная пыль перемешалась с пеплом пожарища... Виднелись ровные, иссушенные зноем луга, прерываемые иногда небольшими возвышениями, а дальше, по другую сторону рашаку, круживших над песчаными дюнами, начиналась голубизна моря...

Мархац остановился. Я вздрогнула.

По твердой земле били копыта. Где-то шла схватка. Я увидела, как полдюжины стражников исчезли в густых зарослях лапуура. Халтерн поскакал вдоль земляного вала к мостику. Свет солнца отражался от его обнаженных мечей. Я ударила мархаца в бока, и он перешел на рысь.

Пружинистые листья лапуура не позволяли мне ничего видеть. Я вывалилась из седла и бросилась в заросли, заметив, что Халтерн последовал за мной. На поляне между деревьями я услышала крики.

— Разорительница земли! Амари...

— ...сожгла свою собственную землю...

— ...против Богини!

Халтерн протиснулся мимо меня на поляну и крикнул:

— Ладно, хватит, прекратили, оставьте ее в покое! Я сказал, что вам следует оставить ее в покое, да пошлет Богиня гной на ваши потроха!

На поляне стоял скурраи с опущенной головой, пощипывая мшистую траву, росшую между лапууром и руслом полувысохшего ручья. Рядом с животным, почти до неузнаваемости изменившаяся, в рубашке и брюках, стояла Рурик Орландис.

Ее одежда была загрязнена прилипшей золой, блестел лишь харур-нилгири в ее руке. Темная грива падала на ее высокий лоб, лицо с узким подбородком выражало сильное напряжение. Глаза пылали.

Стражники рассредоточились, оставив друг другу место для свободы действий. У всех в руках блестели обнаженные харур-нилгири и харур-нацари. В воздухе подобно электрическому напряжению повисло насилие. Лица четырех мужчин и двух женщин, обладавшие вначале каждое своей индивидуальностью, приняли сейчас одинаковое звериное выражение.

Рурик стояла пригнувшись, ее взгляд метался в сторону земляного вала. Выхода не было. Она являлась с'ан, и они медлили. Но она уничтожила землю... Возможности уже были оценены, и они испытывали невыразимое желание напасть...

— Нет, — твердо сказал Халтерн. Его голос звенел в тишине как сталь. — Эй, вы, там! Разоружите ее. Если хоть один из вас тронет ее, я выпущу вам кишки! Она будет доставлена в Таткаэр, к Т'Ан Сутаи-Телестре! А сейчас разойдитесь!

Затем он посмотрел Рурик в глаза. Между ними что-то неслышно происходило. Ее узкие губы разжались и обнажили в удивительной улыбке белые зубы. Неестественно согнутое тело расслабилось.

Меч сверкнул на солнце, когда она разжала шестипалую руку и бросила его на землю.

Они грубо подтолкнули ее вперед, крепко привязали ей руку за спиной и очень туго затянули веревку.

Халтерн не обращал на это никакого внимания.

Я пошла обратно, чтобы собрать мархацев и привести к группе.

— Я уж думал, что она... — Халтерн посмотрел на меня, затем вперед, — хотела дать им убить себя... Это было бы для нее последним выходом.

— Это было бы не похоже на Рурик. — «Может быть, если бы она являлась обычной ортеанкой, а не золотоглазой, если бы верила в то, что жизнью больше, чем одна... тогда могла бы это сделать».

Ветер гнал пепел по выжженной земле. Жара действовала как оглушающий удар. Мы ехали обратно, взяв с собой Рурик, к Эвален, назад, в Таткаэр, назад, к тому, что бы ни представляло собой справедливость по отношению к союзнице Золотого Народа Колдунов.

Глава 36. Изгнание

Поскольку мы плыли из Мелкати вдоль побережья, то причалили в Татказре лишь на рассвете Пятого дня. Окна форта на Западном холме блестели на солнце, Восточный же холм был еще в тени.

Я стояла на краю причала, когда паромы доставляли с корабля на берег солдат Эвален. Твердая земля покачивалась под моими ногами. Я снова привыкла к волнению на море, как это произошло однажды.

— Они переправляют тех, от Народа Колдунов, — пояснил Халтерн, наблюдая за приближением лодки от корабля из Кель-Харантиша. Затем он повернулся в сторону и сделал совершенный по форме поклон. — Т'Ан Сутаи-Телестре.

Сутафиори, сходя со своей скурраи-джасин, коротко кивнула ему.

— Т'ан Эвален здесь?

— Она везет Орландис. — Халтерн указал вперед.

— Я слышала... — Женщина помедлила. — Слухи из Мелкати, город полон ими. Поджог. Это правда?

— Это верно.

Ее глаза сузились, на лице отразился сильный гнев.

— Как это было? Это была она? Рурик?

— Она это признала, а ее люди подтверждают.

— Дура, желтоглазое отродье... — Она ударила кулаком по ладони, потом усилием воли заставила себя успокоиться. — Значит, действительно так и было. Пошлите ко мне Эвален.

Сутафиори вернулась к своей скурраи-джасин и села в нее.

— Судя по тому, как она об этом говорит, можно подумать, что то было худшее, что когда-либо совершила Рурик, — сказала я.

Халтерн покачал головой.

— Вы из другого мира, Кристи. Интриговать — это одно, но осквернять землю... Орландис была моей подругой. Но нельзя ожидать, чтобы кто-либо из Бет'ру-элен одобрил, когда с'ан разрушает свою собственную телестре.

— Она не разрушена.

— В конце концов земля снова будет плодоносить, но связь с нею уже прервана. Телестре не может жить, когда ее предает с'ан.

Он пошел навстречу Эвален. Я посмотрела ему вслед. Нет, он не мог чувствовать иначе, чем это было. Страна, история — эти вещи для ортеанцев важнее, чем отдельные люди. Я и сама могла ощущать в себе это единение с Землей.

Эвален поговорила с Сутафиори и затем подозвала к себе Аше. После этого стража доставила на берег телестре Орландис, а кроме них, Курик бел-Олиньи и двух других представителей Народа Колдунов из Харантиша. После короткого разговора Сутафиори уехала. Солдаты двинулись пешком следом за нею.

Мы проходили между Домом гильдий и конторой начальника порта под большими воротами вверх по Пути Короны. Город, объятый утренними сумерками, был еще пуст. Мощеная улица тянулась совершенно прямой линией между Восточным и Западным холмами непосредственно в город, а затем поднималась вверх, к Цитадели, освещенной первым утренним светом.

Я представляла себе, что это и есть наша цель, однако Эвален дала своему войску команду двигаться через открытые ворота в дом Богини.

Большой внутренний двор был пуст, в тишине громко журчал фонтан. Теплый ветер пробежал по моим волосам и коже и принес с собой запах срезанной мох-травы и ощущение беззаботности. Затем, когда отряд вошел под купол Дома-источника, я увидела Блейза н'ри н'сут Медуэнина. Во мне оставались лишь злость и досада, оттого что происходили такие события, как предательство Орландис.

— Кристи, — он схватил меня за руку, когда мы отошли к расположенным в глубине сиденьям, — они схватили Родион. О Богиня! Ведь она еще почти аширен и ничего не знала обо всей этой истории...

— Как это случилось?

— Несколько дней назад она получила письмо от Рурик, в котором та требовала покинуть дом Т'Ан Мелкати, а по-

сколько Рурик является ее с'ан, что же ей еще оставалось, кроме как повиноваться? Мы намеревались еще раз посетить Медуэнин, но они взяли нас по дороге туда. Кристи...

— Подождите, — сказала я. — Все прояснится. Они не могут наказывать подростков.

Я заняла место впереди, недалеко от Халтерна, Медуэнин сел рядом со мной. Мне было видно, как т'ан Эвален хмурила лоб. В большом помещении под куполом собралось поразительно мало людей, большинство которых составляли Говорящие-с-землей и Хранители Источника. Несколько солдат Асше охраняли около тридцати мужчин и женщин в похожих на сари одеяниях Мелкати. Присутствовали и другие солдаты.

Появилась Марик.

— Кристи, т'ан Эвален велела спросить, не устали ли вы и не предпочли бы вернуться на Восточный холм Малк'ис и отдохнуть.

Я вытерла покрытые мозолями руки об испачканные золой брюки, и мне стало весело.

— Скажи т'ан Эвален, что я признательна ей за заботу, однако мой долг наблюдателя обязывает меня остаться здесь и быть свидетелем всему тому, что происходит.

Смуглая девушка улыбнулась:

— Я передам ей это.

Эвален, вероятно, обратилась к Сутафиори, чтобы та велела выставить меня отсюда, но я не верила, что она могла бы это сделать. Все, что можно было знать об этом деле, я уже знала.

Места вокруг углубления в полу были плотно заняты. Я узнала Хану Ореина Орландиса, Родион с ее серебристой гривой — она сидела наклонив голову и положив шестипалые руки на свой круглый живот, как бы оберегая его, — и Тирзаэла, Говорящего-с-землей, посреди группы священников в коричневых одеяниях, Эвален, Ромаре и саму Сутафиори.

В полумраке мерцали их светлая одежда и ножны мечей. Сноп света с появлением над горизонтом солнца упал через отверстие в куполе, осветил запыленный воздух и оставил верхние ряды сидений в сумраке. Свет падал на темную кожу,

светлые гривы, прически со сложными переплетениями волос, на сверкающие глаза, поношенную одежду и быстро жестикулирующие руки.

Черное жерло колодца Источника притягивало мой взгляд, и тут я вдруг заметила, что смотрю прямо на Рурик Орландис. Она опустила голову.

С ней обошлись неласково. Губы распухли и кровоточили. Грязная сорочка была разорвана, так что на позвоночнике виднелось место, до которого росла грива. Ей не стали приковывать руку, и она с отсутствующим видом теребила завязанный узлом пустой рукав, потирала культию своей правой руки. Ее ноги на высоте лодыжек были скованы цепью. Кожу ее лица, напоминавшую кожу рептилий, покрывали глубокие морщины, выдававшие сильное напряжение.

Сначала говорила Эвален, затем Асше. Сутафиори и священники молча слушали, как оба они рассказывали о событиях в Мелкати.

Как уже было однажды, носившие юбки священники и сейчас наиболее ясно показывали мне, что все они были чужими: ребра, острые, как киль корабля, две пары грудных сосков, коротко подстриженные и сбритые гривы.

Люди из телестре Орландис, когда они говорили, могли бы по виду сойти и за земных людей. Но это было моим старым заблуждением в отношении Каррика.

Из солдат, бежавших вместе с Рурик, говорила только одна Хо-Телерит. Она посмотрела на Сутафиори и сунула широкие руки за пояс, обтягивавший ее тело выше талии.

— Заговор — это очень серьезное слово. Я — солдат, и когда Однорукая... когда Рурик Орландис была Командующей, мне нравилось ей подчиняться. Так же было, когда она покидала Татказр. — Женщина сменила опорную ногу. — Но я не разоряла землю, Т'Ан Сутаи-Телестре, я не поджигала ее. В Мелкати она сама первой выпустила первые стрелы, когда заметила, что мы ей не подчинились. Некоторые из людей Орландис сделали то же самое вслед за ней, но из нас — никто. Если бы мы знали, что это так закончится, то не покинули бы города.

— Теперь поздно искать себе оправдание, — сказала Сутафиори. Затем повернулась к Курик бел-Олиньи и продолжила: — Было бы разумно с вашей стороны, если бы об этом подумали и вы, посланница.

Женщина из Харантиша поднялась со своего места:

— Она силой завладела моим кораблем!

— В этом нет никакого сомнения, принадлежащие к Народу Колдунов обращаются со своими инструментами в высшей степени небрежно, когда более в них не нуждаются. Нет, не думаю, что вы помогали ей добровольно.

— Очень много говорилось о заговоре. — Бел-Олиньи убрала с глаз свою обесцвеченную гриву. — Подумайте же о том, где рождаются подобные слухи. В Коричневой Башне и в Цитадели, обе из которых не очень-то дружелюбно настроены к Повелителю-в-Изгнании. Предоставите ли вы мне компенсацию за утрату корабля по вине Орландис?..

— Я предлагаю вам следующее, — ответила Сутафиори, — остаток дня, чтобы вы покинули воды Южной земли, и преследование со стороны моих кораблей до Кель-Харантиша, если вы не поспешите.

Группа из Харантиша после этого покинула купол, и Сутафиори некоторое время совещалась со священниками, прежде чем продолжила говорить.

— Я всех выслушала, — сказала она, — а сейчас буду выносить приговор.

Курик подняла голову:

— За золото Народа Колдунов... или за землю Мелкати?

— Слушайте меня! — Голос Сутафиори пересилил шум. — Вот мое решение: телестре Орландис больше нет.

Все заговорили наперебой, некоторые запротестовали.

— Телестре Орландис больше нет, — повторила она. — Земля должна пустовать, пока снова не придет в себя, а затем будет поделена между соседними телестре. Что касается людей... Аширен, если они не предпочтут какую-либо иную телестре, я приму в качестве н'ри н'сут Керис-Андрете. На аширен нет вины.

Закричал ребенок, и его успокоили. Две другие женщины, плача, склонились еще над одним ребенком.

— Что касается солдат и взрослых Орландис, то они должны быть изгнаны из Южной земли сроком на год, по истечении которого могут вернуться в телестре, которые примут их в качестве н'ри н'сут или в Церковь. — Ее взгляд скользнул по рядам сидений. — Для Ханы Ореина Орландиса, разоблаченного как участника заговора, нет меньшего наказания, чем смерть.

Рядом со мной встал Блейз н'ри н'сут Медуэнин. Его покрытая шрамами половина лица была обращена ко мне, я не могла понять его выражения.

— Т'Ан Сутаи-Телестре, здесь есть кое-кто, кто невиновен.

Не сводя взгляда с Орландис, Сутафиори сказала:

— Они взрослые. Она — их с'ан. Это было на их ответственности — на общей ответственности — следить за тем, чтобы она не разрушала телестре.

— А как же быть с еще не родившимися? — Страстно желая быть убедительным, Медуэнин указал на Родион. — Вы хотите, чтобы ни в чем не повинные родились вне своей земли? Т'Ан... как вы это объясните потом аширен?

— Тогда так: пусть они рождаются в стране и будут приняты как н'ри н'сут какой-либо телестре или Церковью, после чего их мать должна отбыть назначенное ей время ссылки. И, — добавила она примирительным тоном, — я не сказала, наемник, что в ссылку должна отправиться лишь она одна.

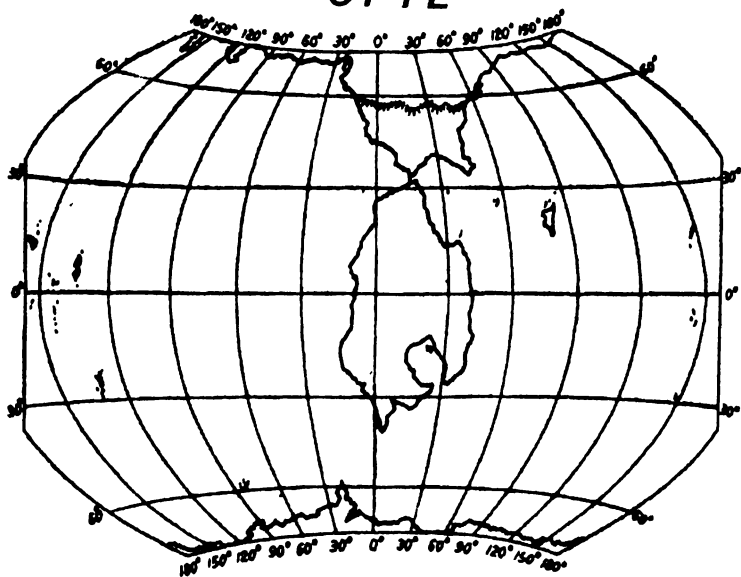
Медуэнин тяжело опустился на сиденье рядом со мной. Невысокая светлогривая женщина встала, со всей ортеанской грациозностью прошла вдоль ряда сидений, остановилась и взглянула на то место, где сидела Рурик.

Темнокожая ортеанка встала. Цепь, которой были скованы ее босые ноги, звенела на камнях.

— Итак, Далзиэлле? — спокойно спросила она.

— Чтобы это зашло настолько далеко... — задумчиво покачала головой Далзиэлле Керис-Андрете, Сутафиори, Т'Ан Сутаи-Телестре. — Разве имело когда-либо значение то, что вы были амари и в ваших жилах течет кровь Золотых? Вы были лучшей по владению мечом и самой искренней подругой...

ОПТЕ

КАРРИК V

— А разве это изменилось? — осведомилась Рурик. — Я вела игру с небольшой помощью извне. Мелкати — бедная провинция, а что для нее сделала Т'Ан Сутаи-Телестре? Меньше, чем я. А я была Т'Ан Командующей и Т'Ан Мелкати... Но вы пренебрегали помощью, какую я могла бы оказать вам за несколько зери земли. Придет день, когда вы будете сожалеть об этом, Т'Ан.

— Послушайте меня, — сказала Сутафиори. — Вы не умрете, вы будете изгнаны из Южной земли на весь остаток вашей жизни, и вам выжгут на лице печать изгнания... я сделаю это сама! Вас будут называть Рурик-амари, и если нога ваша ступит на землю Ста Тысяч, то вы до конца жизни станете раскаиваться в этом в мрачных подземельях Цитадели.

Желтые глаза непоколебимо смотрели на нее.

— Я думаю, что сожалеть об этом будете вы.

— Уведите ее, — приказала Т'Ан Сутаи-Телестре, — или я убью ее собственными руками.

Я не смотрела на то, как ее выводили.

— Вам не поручалось отправляться бог знает куда, — раздраженно сказал Дэвид Мередит. — Нам нужно отбыть отсюда самое позднее в Седьмой день Четвертой недели, а сегодня у нас Пятый день...

— Я присутствовала в качестве наблюдателя, вот и все.

— Что же вы там такое наблюдали, ради бога?

— Об этом я уже сама себя спрашивала. — Я предполагала две возможные причины его плохого настроения: Хакстон, вероятно, расспрашивал его насчет моего отсутствия, а сейчас, когда я наконец вернулась, то не рассказала всей истории. — Одному лишь богу известно, как мне написать об этом в отчете. Это как раз одна из тех запутанных ситуаций, Дэвид. Да вам это, конечно, знакомо.

Он рассеянно посмотрел на прикрепленную к двери кабинета карту Южной земли: мозаика Ста Тысяч, дикие просторы по другую сторону Стены Мира. «Может, дикарка все еще находится в Кирриахе?» — подумала я.

— Я очень хорошо это знаю, — наконец ответил он. — Сложно объяснить Департаменту, этим ублюдкам, никогда не покидавшим Земли.

В его тоне была нескрываемая горечь. Я с удивлением посмотрела на него.

Я постепенно забыла, что кто-то еще, кроме меня, в Департаменте мог иметь приобретенные в чужих мирах странности, и рассматривала его только как незваного гостя. «Кто же он, этот Мередит?» — спросила я себя.

— Мне еще нужно обсудить некоторые моменты с Элиотами, большую часть второй половины дня я проведу у них, внизу. — Он бросил на мой письменный стол смятый лист бумаги. — Что касается меня, то не требуется упоминать об этом деле в отчете. Я замещал вас, пока вы были больны. Но больше не выкидывайте таких номеров.

Когда он ушел, я расправила лист. Это был мой отказ от выполнения обязанностей посла. Я долго смотрела на него, прежде чем наконец порвала.

— Кристи? — Марик просунула голову в дверь кабинета. — Что случилось... вы больны?

— Я смертельно больна из-за чего-то. Не знаю точно, что это. — Я прекратила теревить повязку на покрытой мозолями руке и встала, после чего у меня вырвался стон. — Давай попьем чаю. Нет-нет, садись. Я заварю его сама.

Однако она прошла за мной на кухню, где в старой железной печке горел небольшой огонь.

«Она все еще молодая девушка», — подумала я, глядя на юную, невысокого роста ортеанку со смуглой кожей, и вспомнила строптивого и испуганного ребенка, которого ко мне в качестве л'ри-ан привел когда-то Халтерн.

Дамари-на-Холме, Корбек, Стена Мира... А сейчас она ходила с мечами Телук и вела себя поразительно естественно, как это свойственно молодым жителям Южной земли.

— Что ты будешь делать? — спросила я. — Вернешься в Салатиэл?

— Еще нет. — Она взяла чайные чашки. — Я говорила с Халтерном н'ри н'сут Бет'ру-эленом. Он сказал, что, может быть, оставит меня при Дворе, при послах Короны.

Ее темные глаза прикрылись белыми мембранами, и мне было неясно, удовольствие или беспокойство они выражали. Одна из ее паукообразных рук легла на рукоятку меча.

— Он говорит, что у меня есть некоторый опыт.

Моя рука дрожала, и я пролила чай, не к месту засмеявшись.

— Ну что же, тебе придется слушаться его, при условии, что это будет так, как ты захочешь.

— Думаю, что да. — На ее лице отразилось сомнение. — Но я еще не принадлежу к такширие... Не знаю, следует ли мне об этом говорить вам, Кристи.

— Что говорить?

— О том, что сегодня произошло в Доме-источнике. — Она грациозно пожала плечами. — Я не подруга Орландис, с чего бы мне передавать ее сообщения... Она спросила, не придете ли вы к ней. Думаю, сейчас она находится в Цитадели. Я не знала, говорить ли вам об этом или нет.

— Тебе всегда нужно рассказывать мне о подобных вещах.

Звонко и чисто пробил колокол над освещенным солнцем городом, отмечая середину второй половины дня.

— Вы пойдете?

— Ты можешь сразу седлать Ору, — ответила я, — я поеду в Цитадель и попытаюсь пройти к ней. Этим я ей по крайней мере еще обязана.

— Она выразила желание, чтобы вы посетили ее. Понимаю. — Эвален скрестила руки. В падавшем через отверстие в крыше свете ее грива казалась серебристой, а глаза блестели, как стекло. Каменные стены Цитадели дышали холодом. — С'арант, это не было бы разрешено жителю Южной земли и, пожалуй, никому из иностранцев, но моя мать и Орландис... Если желаете, то можете недолго поговорить с Рурик-амари.

— Речь идет о ее желании, а не о моем. Но я поговорю с ней.

— Вас отведет туда Ромаре, — сказала она и позвала секретаря. — Остерегайтесь сделать больше, чем просто поговорить с предательницей.

Молодой секретарь проводил меня вниз по каменным лестницам и коридорам, где по гладким стенам, высеченным

в скальной породе, стекал конденсат, возникавший из воздуха, при дыхании в котором образовывался пар. Мы миновали запертые двери, прошли по винтовым лестницам внутрь скалы, на которой была сооружена Цитадель, и прошагали мимо небольших комнат, в которых возле чаш с тлеющими углями грелись и играли в охмир стражники.

Меня вежливо, но решительно обыскали, прежде чем разрешили доступ в находившееся еще дальше и глубже другое охраняемое помещение.

В нем за столом сидела Рурик. Увидев меня, она поднялась.

В комнате рядом с нею находилось пятеро охранников. Ромаре остановился в двери. Это было крошечное помещение, где не было возможности уединиться. За нами наблюдали прикрытые перепонками внимательные глаза.

— И что же, черт возьми, вы надеетесь от меня услышать? — выпалила я наконец.

Она прислонилась к стене и выдавила знакомую мне улыбку. Я почувствовала большое желание ударить ее. Она дала мне понять, какую симпатию я все еще испытывала к ней.

— У меня есть одна удивительная идея... Далзиэлле большей частью уже сформулировала ее, но то, чего она не упомянула, прекрасно дополнили моя и ее дочери. — Она откинула свою черную гриву от повязки и самоуверенно посмотрела на меня. Мне вспомнилось, что сказала Сутафиори: выжечь клеймо и изгнать.

Стоя, я чувствовала себя неуютно и села напротив нее.

— Сегодня вечером я отправляюсь, — сказала она. — В порту стоит корабль, который доставит меня к Пустынному Побережью. А вы плывете к Восточным островам?

— В Седьмой день. Надеюсь, что застану «челнок».

— «Челнок». — Она повторила это слово, и оно странно слышалось из ее уст с ортеанским произношением. — Это означает более далекое изгнание, чем мое.

— Я не сделала ничего, что лишало бы меня возможности вернуться. О, это некорректно с моей стороны, я знаю, — сказала я. — Да и почему я извиняюсь?

Она хихикнула. В ее облике не ощущалось никакого беспокойства, глаза оглядывали камеру, лишенную окон.

Почти про себя она сказала:

— Я бы хотела посмотреть на город.

— Я в это не верю, — сказала я. — Все время, когда мы ехали в Корбек, а затем в Ширия-Шенине и сейчас... Думаю, что не понимаю этого.

Мигательные перепонки прикрыли ее глаза, не имевшие белков, и те показались мне звериными, чужими и непостижимыми.

— Почему вы приплыли в Мелкати? — спросила я.

— Я хотела... не знаю. Мои ошибки вас не касаются. — Ее рука, темная, с ромбовидным рисунком, пробежала по пустому поясу. Она тряхнула головой. — Мне было бы проще справиться с таким послем, как Хакстон, Кэрри или этот врач, Адэр.

— Скажите мне одно, — предложила я. — Вы приказали убить Канту Андресе или Бродин сказал правду?

— Бедняга Хараин... — Она подняла голову. — Разве не говорится, что истинным участником всех игр является случай? Это верно.

Тишину нарушали сухое покашливание Ромаре и негромкое постукивание фишек, доносившееся из угла, где вокруг чаши с углями сидели стражники.

— Почему вы захотели, чтобы я навестила вас?

— Я хотела знать, придете ли вы. Кристи, вы понимаете меня лучше, чем люди моей расы. Не угодно ли было Богине, чтобы обе мы родились не в том мире? Как вы думаете? — Она несмело улыбнулась. — Есть много миров, а вот этот — один из самых небольших. Однако это не столь важно, теперь я покидаю здесь все, и даже если вас опять направят сюда, мы больше не встретимся. Таким образом, я только хотела с вами попрощаться.

— Что вы будете делать?

Она удивилась:

— Я выжила с помощью рассудка, когда еще была аши-рен-амари, не пропаду и теперь.

Ромаре дал мне понять, что пора уходить. Я встала. Тут мне пришла в голову мысль.

— Вы думали о Касабаарде?

— О городе Коричневой Башни? Не думаю, что там желали бы моего появления.

— Чародей не вмешивается во внутренние дела Южной земли. Во всяком случае, он меня в этом заверил.

— Посланица... — сказал от двери Ромаре.

— Я подумаю об этом. На Пустынном Побережье много городов, — сказала Рурик с печальной улыбкой. Я вспомнила, что она была готова уплыть вместе с бел-Олиньи. — Да пошлет вам Богиня безопасный путь, Кристи.

Я не могла оценить, насколько искренней была ортеанка. Затем меня снова провели тем же путем и снова обыскали. После всего этого я вышла из Цитадели на свежий воздух и солнечный свет. Это был последний раз, когда я видела амари Рурик Орландис.

Наступил Шестой день.

— Я не жалею о том, что придется уехать, — сказала Родион. — Медуэнин — хорошая телестре, а Рилот будет хорошей кормилицей... Чувствуете?

Она взяла мою руку и приложила ее пониже груди. Я почувствовала, как подрагивала ее кожа. Это были движения, не имевшие ничего общего с теми, какие производит ребенок земного человека.

Она улыбнулась. Ее грива не была заплетена, и ветер забрасывал ей волосы на не прикрытые перепонками глаза. Они были золотыми.

Когда мы выезжали из Татказра, она уж очень явно постаралась выглядеть похожей на представителей Народа Колдунов.

Недалеко в стороне пощипывали мох-траву мархацы. Здесь, в ложбине, мы пообедали, а теперь просто сидели. Под кривыми ярко-красными зику пышно цвели лазоревые тысячцветы. День был жарким. Марик и Медуэнин спокойно разговаривали друг с другом, и я видела, как молодая женщина прикасалась к своим мечам, упоминая имя Телук.

— Я так никогда и не поблагодарила вас за телестре на реке Ай, — сказала Родион.

— Да тут не за что...

— Это спасло мне жизнь. А в Касабаарде... — Ее золотые глаза прояснились. — Не знаю точно, Кристи. Когда вы покидали Ширия-Шенин, мне более всего другого хотелось отправиться с вами. Я хотела путешествовать. Теперь, после Риардха, у меня уже не будет больше такой возможности. И не знаю, хочу ли вообще покидать Южную землю.

— Ведь это только на один год.

— Да к тому же в хорошей компании, я знаю. Путешествовать — ненадежное занятие, — сказала она, — но, думаю, я вернусь, а также и вы. Я знаю. Мы встретимся в Таткаэре.

— Надеюсь.

Молодой Говорящий-с-землей, ехавший со всей группой в Медуэнин, подошел к нам и сел на землю. От него исходило такое же веселое спокойствие, какое я наблюдала и у Телук.

— Рурик-амари тоже вернется, — медленно сказала Родион.

— Она снова придет, — мягко согласился Говорящий-с-землей. — Пусть огонь Богини исцеляюще подействует на нее и изгонит из ее души тот другой огонь, она, т'ан Родион, будет снова жить на земле.

— Я не это имела в виду. — Молодая женщина была упряма. На нас упала тень облака, которое западный ветер постепенно гнал в направлении римонской равнины. Когда снова показалось солнце, Родион продолжила: — Я слышала, как люди говорили, что сны о предыдущей жизни, которые снятся вам, Говорящим-с-землей, это не что иное, как воспоминания. Воспоминания о людях, которые жили раньше, передаваемые из поколения в поколение точно так же, как была передана золотая кровь Рурик-амари. И больше ничего.

— У вас есть ощущение, что это так?

— Не знаю. Вот вы, — она перекатилась по тысячецвету и снова посмотрела на меня, — у вас не бывает снов о пре-

дыдущей жизни, С'арант, у вас нет телестре, нет связи с землей... Что значит для вас Богиня?

— Не знаю, Родион.

Говорящий-с-землей сцепил друг с другом тонкие пальцы своих рук и зарыл в мох когтистые большие пальцы ног.

— Вы были представлены Богине, С'арант.

— Вы слышали об этом?

Он отрицательно покачал головой. На его бритую голову упала тень, над нами плыли облака.

— Это и так заметно.

— Я все еще не знаю, что это означает, — сказала я.

— Я тоже не знаю, — проговорила Родион, — но вы так живете, люди из другого мира, и для меня это непривычно.

— Как же так: не иметь телестре... Нас называют безземельными, — сказал Говорящий-с-землей, — потому что мы покидаем свою телестре и мы — единственные, кто это делает. В церкви нет телестре. Поскольку мы не имеем земли, она вся наша. Если у вас есть хотя бы небольшая ее часть, это означает, что на остальное вы не имеете никаких прав. Это то, что должно быть продемонстрировано человеку в изгнании: если не имеешь ничего, то это означает, что имеешь все.

Ору, как я заметила, пошел в сторону, а Марик была слишком занята разговором, чтобы это увидеть. Я извинилась и пошла ловить мархаца.

Я почувствовала облегчение, уйдя от беседы, смысла которой не понимала. Эта уверенность ортеанцев... Они не боялись смерти, потому что знали, что вернутся, они не боялись боли и болезней, потому что самоубийство не было для них грехом. Живая история и изношенная техника — парадокс Каррика V.

Я набросила поводья Ору на сук зикку. Мархац опустил голову, слегка толкнул меня и фыркнул. Я погладила его вблизи рогов, на которые были надеты колпачки.

Блейз и Марик, все еще разговаривая, играли тем временем в охмир. Я смотрела на них, лежавших под кривым зикку за доской для игры, и думала о Кирриахе. Эта дикая равнина

из снега и камня... а сейчас — поднимающаяся от жары дымка испарений над римонской равниной и приносимый ветром аромат сидимаата.

Медуэнин посмотрел вверх, его лицо в красных и белых пятнах растянулось в улыбке. Он уставился открытыми глазами на солнце.

— Пора в дорогу. — Его сильные руки смели фишки в мешочек. Игра навсегда оставалась незаконченной. — Вы поедете с нами дальше, Кристи? Вы еще успеете вернуться до захода солнца.

«А Кирриах, кажется, был лучшим временем, — подумала я, — когда нас окружали безлюдная ледяная пустыня и холод, с которыми пришлось долго бороться, и не чувствовалось ни ортеанской, ни человеческой злобы».

— Да, — сказала я, — я поеду с вами.

— Не знаю, что я забыла, — прошептала Кэрри Томас, — но клянусь моей жизнью, что-то чрезвычайно важное.

— Ну что, тогда все в порядке? — Хакстон поднялся позади нас, не дожидаясь ответа. Длинная галерея была заполнена людьми, прощальная аудиенция могла начинаться.

Кэрри недовольно ерзала туда-сюда и одергивала свой мундир.

— О господи, как я презираю официальную сторону нашей профессии!

— Я бы тоже вполне без нее обошлась.

— Во всяком случае, я не доверяю ортеанцам упаковывать мои кассеты с записанной информацией... — Она замолчала, когда Хакстон начал говорить прощальную речь, с трудом произнося имирские слова.

Седьмой день оказался настолько загружен работой, что у меня не нашлось времени, чтобы осознать, что мы уезжали. Восточный холм Малк'ис был освобожден до утреннего звона, я все упаковала с помощью Дэвида Мередита, который сейчас разговаривал с Эвален Керис-Андрете. После этого уже не оставалось времени ни на что иное, как поспешить в Цитадель.

— С тем же успехом они могли бы посадить «челнок» на одном из этих ближних островов, — добавила еще Кэрри. — Спаси нас, боже, не дай судну утонуть.

— Это хороший корабль, и если не будет тайфуна, мы доплывем невредимыми.

— Приятная мысль, — с иронией сказала она.

Джат «Лиадине» («Южный ветер») должен был доставить нас на Восточные острова, потому что совершал дальнейшее плавание до Саберона и Кутанка.

«Где же сейчас находится «Ханатра»? — спросила я себя. — И где теперь будет жить Герен? Плывет ли он все еще на запад, к тем островам, которые, если верить проведенному спутниками анализу, представляют собой остатки огромного континента?»

Я отбросила воспоминания и вышла вперед, чтобы поговорить с Сутафиори и принять от нее последние сообщения для руководства Доминиона.

У нас получилась официальная прощальная беседа, обогащенная своеобразием и мягким юмором, типичным для ортеанского менталитета. Далзиэлле Керис-Андрете обладала сложной простотой.

— Вероятно, это не последняя возможность, при которой мы видим друг друга, — наконец сказала она.

— Я тоже надеюсь, что это так, Т'Ан.

На ней было летнее одеяние из хирит-гойена, грива лежала на голове в форме даденийских косичек, на поясе висели узкие харуры. Ничто в ней не выдавало Т'Ан Сутаи-Телестре, даже затененные глаза.

— С'арант, — сказала она, — если ваши люди примут наши условия, то пусть сообщение об этом будет передано нам лично вами. Да пошлет вам Богиня безопасный путь.

Мы спустились от Цитадели вниз к скурраи-джасин, ждавшим нас на площади. Здесь были Хакстон и Дэвид Мередит, Элиоты, Кэрри и Адэр, Джон Лакалка и остальные. Солнечный свет сиял на куполе Дома-источника, отражался от белых стен телестре и камней, которыми был вымощен Путь Короны.

Остановившись, чтобы успела подойти Марик, я увидела Халтерна, ждавшего в последней карете, и подошла к нему.

Мы ехали по бурлящему, чужому городу под ярким, усыпанным звездами небом, и жара отражалась от высоких стен.

— Мы живем в удивительное время. — Халтерн наблюдал за спешкой и суетой, когда мы двигались к порту. — Обитатели другого мира в Южной земле... Как я полагаю, вы понимаете, что это — величайшее событие с тех пор, как Керис основал телестре... С тех пор как погибла Золотая Империя?

— У вас постепенно произойдут изменения.

Я знала, что истории о Земле распространятся до Городов Радуги и до Пустынного Побережья, до неизвестных стран, находящихся по другую сторону Пустошей. Как будет выглядеть Каррик V через двадцать лет?

— Возьмите нас в качестве примера. Способ межзвездного передвижения известен нам в течение времени, которое меньше жизни одного поколения, а он уже способен разбросать нас в разные стороны, он слишком нов, он стал известен нам слишком рано. Но мы приспособимся. Нам с ним хорошо.

— О да. — В его глазах можно было прочесть веселое лукавство. — В конечном итоге у нас будут отношения, подобные тем, что у нас зовутся «н'ри н'сут» — между Землей и нашим миром. Кристи, примут ли ваши люди наши условия?

— Ограниченный контакт? Думаю, что да.

«Но примут ли они их в действительности? Должна быть исследована ортеанская технология, — подумала я, — заброшенные руины, существующие еще остатки ее в Касабаарде и Кель-Харантише. Как они классифицируют Каррик V, если такое исследование будет завершено?»

— Вот, например, Кель-Харантиш, — сказала я, намеренно не упомянув Касабаарде. Я знала, насколько сомнительной славой этот город пользовался в Южной земле.

— Народ Колдунов, понимаю.

Скурраи-джасин съехала по склону холма и направилась в сторону набережной. Халтерн убрал со лба реддеющую гриву и, прищурившись, посмотрел на море. Я проследила за направлением его взгляда. «Лиадине» стояла на том месте, где ранее был пришвартован корабль бел-Олиньи.

Он сказал:

— Кем бы ни был тот, кто занимает трон Повелителя-в-Изгнании, он представляет для нас зло... А может быть, и для ваших людей, мышление которых столь тесно связано со Ста Тысячами. Это только одна часть игры. Но если Народ Колдунов умалит нас в ваших глазах...

— Вы знаете, что я не могу сказать, каким будет решение. Но, думаю, они не поддадутся этим впечатлениям.

Он задумчиво кивнул.

Скурраи-джасин остановились теперь за конторой начальника порта, где стояло двухмачтовое судно с латинскими парусами: «Лиадине».

Оно ждало полуденного прилива.

— Сутафиори предоставляет вам возможность вернуться.

— Для этого, может быть, выберут кого-нибудь другого.

Он вылез из кареты и спустился со мной вниз.

— Но было бы, несомненно, разумнее послать кого-то, кто известен и кому доверяют, того, кто знает свое дело.

— Не означает ли это, что вы не испытываете желания еще раз пережить всю эту историю с кем-нибудь другим, после того как выдрессировали меня?

— Вы знаете, что это не... — Он не договорил и рассмеялся. Его бледные глаза были чисты, как стекло. Он был незаметным и самым обычным ортеанцем, его было легко не заметить в толпе, и все-таки он мог воспитывать новых сотрудников для посольств Короны, сопровождать Т'Ан Командующего при военных действиях, делать остроумные обобщения для инопланетных посланцев и о них. Я подумала, что Халтерн н'ри н'сут Бет'ру-элен являлся, пожалуй, самым замечательным из встреченных мною ортеанцев.

Марик склонилась через край своей скурраи-джасин:

— Кристи, мне будет вас не доставать. Вы еще прилетите?

— Я думаю...

Однако в действительности я думала о Восточных островах и о том, как появляется «челнок» на фоне мутного неба, там, где омывают скалу теплые, не знающие приливов воды. Девяносто дней между Орте и Землей, между Орте и домом. Пора снова вернуться мыслями к Доминиону по окончании миссии, длившейся восемнадцать стандартных месяцев.

Я снова привыкну к ужасной спешке, не сомневаюсь в этом. Привыкну к головным болям, к запахам промышленных предприятий, к оглушительному шуму в пустом, однотонном небе, к теплым квартирам, хорошей пище, мягким постелям, ко всем благам техники.

Пришло время преодолеть это первое желание — остаться дома. Время, чтобы заняться амари Рурик Орландис, ее способом видения вещей. После этого я смогу прийти к решению.

— Я думаю, — сказала я, — что иногда нужно уйти, чтобы вернуться.

Хакстон крикнул что-то с лестницы в сторону доков, где группа собиралась подняться на борт. Я видела, что рядом с ним ждал Дэвид Мередит.

Я обняла Халтерна и Марик и пошла к остальным жителям другого мира, на борт «Лиадине». Солнечный свет блеснул на грязной воде гавани.

До меня доходили шум и запахи Таткаэра. Город ослепительно белел под звездой Каррика.

Звонили полуденные колокола.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Глоссарий

Ай-Телестре — собственно: Сто Тысяч, общее название для всех телестре между Стеной Мира на севере, Внутренним морем на юге, Восточным морем и Сияющей Равниной на западе. Объединены Керисом-Основателем после падения Золотой Империи. Называются также иногда Южной землей. Это перевод понятия, применявшегося Золотыми для названия своей провинции, занимавшей крайнюю южную часть северного континента.

Арника — небольшой кустарник, произрастающий на бесплодной почве Пустынного Побережья. Имеет широкие красные листья и черные ягоды. Достигает в высоту до полуметра. Из сухих листьев готовят чай, ягоды используются в качестве средства против головной боли и повышенной температуры.

Аширен — ребенок, обычно до четырнадцатилетнего возраста. Уменьшительная форма: аширен-те.

Аширенин — кто-либо, продолжающий и далее оставаться аширен, то есть тот, у кого между тринадцатым и пятнадцатым годами жизни не сформировался взрослый пол и кто остается существом среднего рода. В подобных случаях изменение происходит между тридцатым и тридцать пятым годом жизни и имеет неизбежным следствием смерть. Аширенин редки, и им приписываются необычайные способности как в положительном, так и в отрицательном смысле. Пожалуй, самым знаменитым аширенин являлся Бет'ру-элен.

Атайле — жесткая трава, растущая преимущественно в Мелкати, в Римоне и на холмах Имира. При жевании листьев они вызывают легкое опьянение. Употребление приводит к возникновению болезненного пристрастия.

Бекавил — паук. Своим названием он обязан плотной, разноцветной, водонепроницаемой ткани, изготавливаемой из его паутины. Рои этого животного разводятся промышленным способом по всей Южной земле.

Бет'ру-элен — аширенин, названный Бет'ру-эленом. Окруженный легендами ортеанец, умерший в возрасте тридцати пяти лет во время своего превращения в женщину. Реформатор и революционер. Во время своего изгнания из Свободного порта Морврэн он некоторое время провел во внутренней части города Касабаарде и сформулировал там свои философские и религиозные изречения, приведшие к реформе Церкви Богини. Позднее он стал с'аном и одним из шести членов — учредителей телестре Пейр-Дадени: линия н'ри н'сут существует еще и сегодня.

Богиня — известна также под названием Великая Мать или Мать-Солнце, иногда как Мать Источника. Богиня Солнца и Земли. Церковь Богини была придумана и создана Керисом-Основателем после гибели Народа Колдунов как антитехнологическое учреждение. Позднее она была преобразована аширенином Бет'ру-эленом в настоящее религиозное движение. Сегодня она представляет собой скорее философскую школу, включающую уважение к любым проявлениям жизни и веру в реинкарнацию. Ее приверженцы полагают, что их души путешествуют через множество тел и в смерти соединяются с огнем Богини (слова «огонь» и «душа» в большинстве ортеанских языков имеют общие корни), важнейшее же еретическое течение утверждает, что при этом речь идет лишь о генетически привитой памяти, возможно, поэтому по отношению к Чародею проявляется чрезвычайно глубокое недоверие.

Бренниор — крупное четвероногое, используемое в пустынной местности в качестве упряжного животного. Имеет окрас песочного цвета, толстую кожу, трехпалые лапы и ко-

роткую подвижную морду, хвост отсутствует. Обладает плохим зрением и отличным слухом. Всеядно.

Виращу — четвероногая ящерица, имеющая полувертикальное положение тела при передвижении, живет в лесистой местности, имеет мех бурого цвета, один тонкий рог. Встречается группами, состоящими из восьми или десяти особей. Травоядна.

Говорящие-с-землей — их иногда называют Безземельными. Государственный институт, состоящий из обученных в Теократических Домах членов Церкви Богини. Они объезжают Сто Тысяч, оставляют свои телестре и в своем большинстве выполняют обязанности, часто включающие в себя роль священника, советника по сельскому хозяйству, психолога, целителя и так далее. Сферу их влияния невозможно определить.

Города Радуги — общее название поселений в тропических регионах южного континента, из которых достаточно значительными являются лишь Саберон и Кутанк, чтобы с некоторой правомерностью называться городами.

Дел'ри — важнейший плод Пустынного Побережья, похожее на бамбук растение со съедобными семенами в узловатых стеблях. Бледно-зеленого цвета. Достигает в высоту от двух до двух с половиной метров. Урожай может сниматься дважды в год.

Джат — двухмачтовый корабль, пригодный для океанских плаваний, обычно с латинскими парусами, конструкция которого возникла в Свободном порту Морврэн.

Джат-рай — небольшая одномачтовая рыбацья лодка.

Джайанте — отбалансированное оружие длиной два метра, подобное копьё, которое обычно используется для того, чтобы лишить противника боеспособности или возможности двигаться. Происходит из Городов Радуги, в частности, из Кутанка.

Зери — мера расстояния, соответствует двум земным километрам.

Зику — широколиственное дерево, ежегодно сбрасывающее свою листву, дающее съедобные плоды и достигающее в высоту семи метров. Листва имеет красно-бронзовый цвет, плоды — бледно-голубого цвета. Встречается в Имире и Пейр-Дадени, предпочитает расти вблизи воды. Гибридная разновидность, произрастающая в Римоне, дает более крупные и роскошные плоды, урожай которых собирается в Штатерн.

Зилмеи — дикое животное, встречающееся в лесах севернее Ремонде и в Пейр-Дадени. Имеет черный или серый мех, клинообразный череп, втягиваемые когти. Коварный плотоядный зверь. Издаёт характерный вой.

Зирие — ночная бабочка, насекомое с тремя парами крыльев и ядовитым жалом. Поверхности его крыльев светятся. Имеет паутинные железы. Встречается на лугах и опушках лесов.

Золотая Империя — пятитысячелетнее господство Народа Колдунов, при исключительном всевластии которого оба континента наслаждались миром, процветанием и всеобщим рабством. Эта империя прекратила свое существование с появлением вируса бесплодия Тел Сиавна, которое имело следствием войну, опустошившую большую часть южного континента, обратившую в прах и пепел землю и города к северу от Стены Мира, следы которой все еще видны в превращении Эриэла в Сияющую Равнину.

Имир — старейшая провинция с древним языком, занимает территорию восточнее Оранона между Мелкати и Ремонде. Имеются хорошие пастбищные угодья в холмах и плодородные почвы в низменностях, многочисленны данники Оранона делают Имир одной из богатейших провинций, особенно при хороших урожаях. Т'Ан Имира живет в Таткаэре. Телестре вблизи города известны развитым судостроением. Имир славится своими Теократическими Домами, торговцами и купцами, укротителями диких животных и сумасбродствами всякого рода и к тому же крупнейшим после Касабаарде скоплением воинственно настроенных людей.

Касабаарде — город на Пустынном Побережье, известен благодаря своеобразию мышления его жителей и оказывае-

мому ими удивительному влиянию. Он расположен между южным континентом и архипелагом Касабаарде и богатеет от торговли и взимания пошлин. Благодаря распределению между кварталами торговцев и внутренним городом, в дома-Ордены поступают пошлины. Все части города контролирует Чародей.

Кацсис — обычное название ночного цветка, разновидность винограда, распространенная в Имире и Римоне. Листья цвета бронзы, темно-красные цветки, особенно распространяющие свой аромат с наступлением ночи.

Кацца — плотоядное четвероногое пресмыкающееся, часто выращиваемое в южных землях в качестве охотничьего животного. Имеет короткий белый мех с серо-голубыми пятнами.

Ке, кир — местоимение среднего рода, применяемое к молодым представителям ортеанской расы, а иногда также к Богине.

Кекри — насекомое с плотным, состоящим из сегментов телом и тройными, попарно расположенными крыльями синего, зеленого или черного цвета, крылья имеют блестящее покрытие. Часто встречаются над сточными водами.

Кель-Харантиш — бывший пограничный гарнизон Золотой Империи, ныне одно из небольших городов-государств на Пустынном Побережье, существование которых зависит от импорта. Родина последних потомков Золотого Народа Колдунов и Повелителя-в-Изгнании.

Керис-Основатель — говорят, что система телестре, возникшая после падения Золотой Империи, обязана ему своим распространением и что он объединил сто тысяч телестре и основал Керис-телестре в Таткаэре. Он осуществил первый крестовый поход против Кель-Харантиша и основал существующую длительное время связь с Коричневой Башней. Он был также основателем Церкви Богини, которая должна была предотвратить возникновение нового индустриального общества.

Кирриах — разрушенный город по другую сторону Стены Мира, когда-то известный как знаменитый а-Киррик. Принадлежал к срединным провинциям Золотой Империи, име-

нуемым теперь Пустынными землями, вместе с Симмератом, Хинкуумиэлем, Миране и т. д.

Куру — дикое пресмыкающееся, похожее на свинью, встречающееся иногда в Ремонде и Северном Имире. Имеет густой темно-красный мех, крошечные глаза и уши, хвост отсутствует, его раздвоенные лапы имеют рудиментарные плавательные перепонки. Всеядно.

Кире — провинция отдаленных телестре в горах южнее Стены Мира и к северу от Сверкающей Равнины. Почти полностью отрезана от внешнего мира, от случая к случаю торгует с Пейр-Дадени. Живет преимущественно охотой. Провинция очень редко заселена, Т'Ан Кире живет в Ивресе, телестре-рынке. Известна молоком, сыром, резьбой по дереву, искусством покорения гор и скал и отсутствием юмора у жителей, что обычно приписывается воздействию отвратительной погоды.

Коричневая Башня — резиденция Чародея во внутренней части города Касабаарде. Несколько десятков тысяч лет назад она была построена на руинах поселения времен Древнейшей Империи, чтобы хранить в ней знания. Большая часть ее подземных сооружений более не действует, хотя поговаривают, что все еще существуют ходы сообщения с Расрхе-и-Мелуур и руинами под Эланзииром. Одно из двух оставшихся сооружений жизнеспособной техники Золотых.

Лахаму — животное для верховой езды, используемое племенами жителей Пустоши. Длинная шея, четыре ноги, густой серый мех, тяжелые копыта, круглые чашеобразные уши, глаза с низко нависающими веками и длинная морда с заостренной верхней губой, отсутствие гривы и хвост, выглядящий как хлопущка. Лахаму очень пугливо и быстро бежит, у него большие ноги, понижающееся назад бочкообразное тело, иногда издает лающий крик.

Лапуур — дерево с перьевидными листьями в Южном Имире, в Римоне и Мелкати, бледно-зеленая, низко свисающая листва, ствол достигает высоты трех-четырех метров.

Леремок — см. приложение 2 (охмир).

Л'ри-ан — кто-либо, изучающий ремесло или находящийся на оплачиваемой службе, обычно это представитель молодежи или аширен. Буквально: проходящий обучение.

Мелкати — та из провинций Южной земли, в которой в отличие от прочих говорят на языке мелкати, она занимает полуостров Мелкати и острова Кадарет, Т'Аны Мелкати живут в Алес-Кадарете. Самые бесплодные телестре из всех ста тысяч и одновременно те, которые более всего противятся господству Короны. Состоит главным образом из пустошей, болот, прибрежных низменностей и песчаных равнин. Алес-Кадарет имеет славу старого города Народа Колдунов, пиратской гавани и родины удивительных наук. Знаменит своими атеистами и недовольными, ересью и мятежом.

Мархац — используемое в Южной земле животное для верховой езды во всех его видах: мархац-кобылы, мархац-жеребцы и мархац-мерины. Происходит от рептилий, как и скурраи. Раздвоенные копыта и пара рогов. Его густой, лохматый мех состоит из волокон, имеющих перистую структуру. Выносливо, но не особенно быстро.

Моховой глаз — хищная ящероподобная птица, встречающаяся в пустоши Дадени, с расцветкой крыльев, напоминающей изображение глаз.

Моховая трава — основной представитель флоры Южной земли, вязковолокнистая разновидность мха, корни которого находятся неглубоко под поверхностью земли. Связанное с временем года изменение окраски.

Морверен — небольшая группа телестре, владеющих землями возле устья реки Ай, Морская маршалша имеет резиденцию в самом Свободном порту. Свободный порт имеет связи с Расрхе-и-Мелууром, с Касабаарде и Пустынным Побережьем, его языком является южнодаденийский диалект. Важный морской центр, знаменитый своими путешествиями в удивительные места, искусством плавания по внутренним водным путям, подделки монет и денежных знаков, жестокими интригами, странными гостями, бюрократией и всеобщим моральным разложением. Осуществляет, по слухам, торговлю с Кель-Харантишем.

Мурок — животное с пушистым белым мехом. Встречается в Пустынных землях. Очень сильное, но медлительное. Достигает в высоту от полутора до двух метров. Пара коротких рогов. Четырехногое плотоядное животное. Отличное обоняние.

Народ Колдунов — иногда именуется Золотым Народом Колдунов. Первоначально гуманоидная раса, доставленная на Каррик V в качестве слуг Древнейшей Империи, речь в данном случае идет о неподлинном названии, которое давалось чужим поселенцам, впервые высадившимся около двадцати тысяч лет назад и вскоре вымершим. О Древнейшей Империи ничего не известно, но она оставила свой след в генетической структуре как Народа Колдунов, так и расы туземцев Орте. Народ Колдунов обладал большими талантами в использовании и изучении оставшейся ему техники и адаптировал к своим потребностям как естественнонаучные, так и социологические механизмы. Этот народ пал жертвой стерилизующего вируса. Иногда бывали случаи удачных скрещиваний между особями Народа Колдунов и ортеанцев, но в общем оба этих вида не могут иметь совместных потомков.

Н'ри н'сут — «усыновленный телестре»: обычно переводится как «брат» или «сестра». Ребенок в Южной земле носит имя своей матери, свое собственное имя и наименование телестре.

Обитатели Тоней — ныне малочисленная раса, районы проживания которой ограничены в основном поселениями в Больших и Малых Топях. Яйценосные ночные охотники с культурой каменного века. Производили в прошлом беспримерные по своей дикости нападения на Северный Римон и Ремонде, однако с момента заключения договора с Галеном Медоустом двести лет назад ограничились периферией прибрежных низменностей.

Охмир — см. приложение 2.

Пейр-Дадени — самая молодая провинция, образованная пятьсот лет назад группой мятежников из Свободного порта

Морврэн. Простирается вдоль реки Ай, на западе ограничена Сверкающей Равниной, на востоке занимает земли от Морврэна и Римона к северу от пустоши Дадени до Топей и Стены Мира. Охраняет перевал Разрушенной Лестницы. Одним из ее основателей был реформатор Бет'ру-элен, другим — предводитель мятежников Лори Л'Ку, еще одним был Андрете, от имени которого происходит название господствующей телестре. Известна речным судоходством, торговлей, сомнительными границами, легендами о Берани и морозных драконах Эриэля, скурраи его пустошей, речным портом Ширия-Шенин и сумасшедшими всадниками. Охотнее входит с Т'Аном Сутаи-Телестре в альянсы, чем ему подчиняется.

Повелитель-в-Изгнании — наследный правитель Кель-Харантиша, избираемый прямыми потомками династии Сантендор'лин-сандру. Тиран, обладающий абсолютной властью в максимально структурированном харантишском обществе. Претендует на уходящее корнями в традицию старых времен право владеть как северным, так и южным континентами, как во времена Золотой Империи.

Пустынное Побережье — общее название окраинных областей Южного континента, примыкающих к Внутреннему морю, и расположенных в них различных портов и городов-государств. Отделено от пустынных местностей внутри континента горным хребтом Эланзиир.

Птицекрыл — куст с раскидистыми ветвями в форме птичьего крыла, дает съедобные, желтого цвета плоды, произрастает обычно в Ремонде и в окраинных районах Топей, его желто-зеленые листья с белыми полосками создают эффект «пера».

Рашаку — распространенное название ящероподобной птицы, выглядящей как небольшой археоптерикс. Оперенные крылья, грудь и тело чешуйчатые. Четыре когтистые ноги, передняя пара которых сильно недоразвита. Имеет золотистого цвета глаза с мигательными перепонками. Издаёт характерные, похожие на скрежет металла крики. Размеры и расцветка оперения изменяются в соответствии с местом обитания: от белого окраса рашаку-базур (на море) до черного и

бурого окраса рашаку-дъя (холмистая местность). Другими разновидностями являются рашаку-най (прибрежные низменности) и кур-рашаку (горная местность).

Расрхе-и-Мелуур — сохранившаяся часть образца инженерного искусства Золотой Империи, вытянутая система дорог, проложенных по эстакаде, проходящая от Свободного порта Морврэн через архипелаг Касабаарде на юг до самого города Касабаарде. Все еще проходима, хотя более и не используется.

Ремонде — северная провинция, граничащая с Имиром, Малыми Топями, Стеной Мира и Восточным морем. Холмистая и богатая лесами земля, известная горными разработками, производством металлов, древесного угля и охотничьими промыслами. Т'Ан Ремонде живет в Корбеке, городе, никогда по-настоящему не признававшем проводившуюся Бет'ру-эленом реформацию Церкви. На уютном восточном побережье мало больших гаваней. Ремонде является одной из крупнейших и самых малозаселенных провинций, землей раскиданных островками телестре. Она охраняет Черепной перевал, один из важнейших, ведущих вниз из Пустоши.

Римон — центральная провинция, окаймлена Внутренним морем между Морвреном и Таткаэром и делит с Имиром берег реки Оранон. Страна на низменности, покрытая редколесьем, главная река — Медуин. Известна мархацами, хлебом, вином и спорами с Имиром из-за берега реки Медуин. Т'Ан Римон живет в Медуэде.

Рукиши — живущие на суше членистоногие, небольших размеров, с узорчатыми панцирями и двумя парами лап. В настоящее время стали очень редки.

С'ан телестре — землевладелец, избираемый взрослыми членами телестре, имеющий не определенные точно полномочия. Скорее администратор, чем властитель, у которого больше ответственности, чем власти. Телестре управляется доверительно на основе верности Богине.

Сарил-кабриз — органический яд, опасный для жизни ортеанцев, получаемый из коры кустарника сарил-кабриз. Имеет

характерный резкий запах, который очень трудно перебить. Не путать с:

Сарил-киз — похожим кустарником, коричневым с голубыми ягодами, неядовитым.

Сидимаат — куст с крупными листьями, обычно называемый «Огненной розой», цветущий один раз в Меррум и один раз в Торверн. Предпочитает жаркий климат Мелкати и Южного Имира.

Скурраи — выючное животное Южной земли трех разновидностей: скурраи-кобыла, скурраи-жеребец и скурраи-мерин. Имеет пару рогов, происходит от рептилий, в принципе более мелкий, приземистый вид мархаца.

Скурраи-джасин — используемая в Таткаэре, возимая скурраи повозка.

Сладкий моховой глаз — растение, из корней которого изготавливается кислое вино. Папоротник с рисунком в виде глаза на листьях. Встречается редко, только в Кире.

Стена Мира — гигантский геологический сброс, разделяющий северный континент с северо-востока на юго-запад, сейчас горная цепь, через которую возможны лишь два прохода из Пустоши в земли Ста Тысяч: Разрушенная Лестница и Черепной перевал. Пустынные земли к северу от Стены заняты племенами варваров, живущих в разрушенных городах Золотого Народа Колдунов.

Та'адур — используемое в Пейр-Дадени название двора Андрете и резиденции администрации в городе Ширия-Шенин.

Т'Ан — правитель провинции. Т'ан: общее вежливое название для чужеземцев и посетителей. Производное от «гость».

Т'Ан Сутаи-Телестре — разговорный вариант названия «Корона Южной земли», переводится как «Т'Ан Ста Тысяч». Независимо выбирается Т'Анами всех провинций, переизбирается во время каждого десятого летнего солнцестояния. Лицо, объединяющее Церковь и телестре.

Такширие — Двор или правительство Т'Ан Сутаи-Телестре, находящееся в Таткаэре (или в Ширия-Шенине в течение всего зимнего сезона).

Таткаэр — столица Южной земли, самостоятельный город, подчиняющийся единственно Закону Короны, называемый иногда восьмой провинцией. Резиденция всех Т'Анов Сутаи-Телестре со времен Кериса-Основателя. Каждая из ста тысяч телестре имеет в городе свой дом, кроме того, там есть телестре, образующие корпорации, или гильдии.

Телестре — основная ячейка общества в Южной земле, сообщество, насчитывающее от пятидесяти до пятисот ортеанцев, живущее на одном земельном участке. Эта группа живет за счет сельского хозяйства, изготовления предметов искусства и ремесел. Система телестре возникла спонтанно из хаоса, последовавшего за падением Золотой Империи. Основываясь на естественном стремлении ортеанцев к образованию групп и их таланте, состоящем в умении получать от земли урожай, телестре представляет собой их естественный образ жизни.

Топи — Большие и Малые Топи: прибрежные низменности и болота, покрывающие около трех тысяч квадратных километров вдоль Стены Мира. Они разделяют провинции Ремонде (сравнимую с ними по протяженности) и Пейр-Дадени. Несомненно, обитатели Топей являются не самыми безобидными представителями опасной фауны этих мест.

Тукинна — вечнозеленое дерево с тонким стволом, черной корой, извивающимися ветвями, достигающее в высоту десяти метров. Листья ограничиваются его кроной: скрученные листья, небольшие черные, несъедобные семена. Предпочитает северный климат (как и леса в Ремонде).

Турин — см. приложение 2 (охмир).

Тысячецвет — мохообразная растительность в лесных массивах почти всех Ста Тысяч, образует плотный ковер толщиной от десяти до пятнадцати сантиметров, имеет различные оттенки от светло-голубого до темно-синего.

Феррорн — см. приложение 2 (охмир).

Ханелис — часто называется также лохматым кустом. Растение высотой до двух-трех метров, распространяющееся с помощью побегов. Его стебли состоят из очень твердых, чер-

ных волокон и снабжены длинными шипами, во время Ханиса и Меррума на нем появляются желтые листья. Во время Штатерна дает небольшие, оранжевого цвета плоды.

Харур-нилгири, харур-нацари — обоюдоострый меч, его предшественником была короткая рапира, из которой впоследствии развился своеобразный длинный нож. При пользовании его держат обеими руками. Распространен всюду в Ста Тысячах.

Хирит-гойен — известная также под названием тканевого червя волокнопрядающая личинка мухи хирит-гойен. Из волокна по всем Ста Тысячам ткут легкую, быстро сохнущую ткань.

Хранитель Источника — титул, присуждаемый тем членам Церкви, которые оставили свои телестре, чтобы служить в Домах-источниках, называемых иногда и Теократическими Домами. Одновременно это и места поклонения, созерцательных раздумий и бегства от мира, совместной работы для молодежи или аширен, университеты или общие учебные заведения, помещения для изучения боевых искусств и художественные мастерские.

Хура — вид моллюсков с прочной раковиной, встречающийся во всех реках Ста Тысяч.

Цветок прибрежных низменностей — пятнистая кожа: пегая окраска, о которой иногда говорят, что в ней есть сходство с болотным папоротником. Часто встречается в телестре на краю Больших Топей.

Чародей — властитель Касабаарде, хранитель традиционных знаний, бессмертная личность, последовательно продолжающаяся из тела в тело. Центр информационной сети, охватывающей два континента.

Южная земля — Сутаи-телестре: собственно «южные сто тысяч телестре». См. «Ай-Телестре».

Приложение 2

Охмир

Игра, пользующаяся в Южной земле большой любовью. Первоначально возникла в городах, но известна повсюду. В нее играют на шестиугольной доске, поделенной на двести шестнадцать треугольных полей. Двести шестнадцать фишек являются двусторонними, нанесенные на них знаки выполнены традиционным образом синими на белом и белыми на синем фоне. Фишки бывают трех типов: феррорн, которые всегда остаются на одном и том же месте после размещения их на доске, турин, которые можно передвигать на одно поле (через линию, но не через угол), и леремок, которые можно передвигать как угодно. Цель игры заключается в том, чтобы все фишки на поле имели выбранный игроком цвет.

Этого достигают, вынуждая противника переворачивать свои фишки и приобретая таким образом преобладание одного цвета на малом шестиугольнике. Малые шестиугольники, состоящие каждый из шести треугольников, образуют меняющийся рисунок перекрывающих друг друга полей.

Размещение знаков определяет, имеет ли фишка двойное число очков на обратной стороне; это необходимо, чтобы знать, что находится на оборотной стороне фишки, когда она ставится.

При каждом шестом туре из мешочка охмир, не глядя, извлекается «рука» фишек («рука» на Орте означает число «шесть»). В течение тура каждому можно делать только по одному ходу, пока в малом шестиугольнике не будет достиг-

нуто большинство. Если это происходит, то все соответствующие фишки должны быть перевернуты. Поскольку из-за этого цвет большинства фишек изменяется, оказывая обратное влияние, заполнение шестиугольника одним цветом затрагивает весь узор из шестиугольников.

Не существует никакого условия относительно того, в каком месте доски должна начинаться игра, и обыкновенно происходит два или три смещения границ и, таким образом, иное толкование узора. Феррорн определяют поля, за которые ведется борьба.

В охмир можно играть и втроем (синие-белые-коричневые), причем в этом случае число треугольников, которые должны быть заняты для того, чтобы сохранить большинство в малом шестиугольнике, уменьшается с пяти до четырех или трех. В таких случаях имеют место и переменные союзы между игроками. Игра заканчивается, если один игрок добился большинства своего цвета, составляющего сто сорок четыре очка.

Ни один игрок не имеет права переворачивать фишки своего цвета. Если малый шестиугольник разделен в отношении три к трем, то он остается в таком состоянии, пока не будет поделен между другими шестиугольниками в результате иного толкования узора. Игре может быть придано иное толкование, оказывающее обратное влияние, даже тогда, когда на доске находятся все двести шестнадцать фишек. При игре в охмир важно не только расширить свою сферу власти, но и сохранить эту власть.

Игра основана на искусном поведении, а не на захвате территории, подвижность важнее степеней и разрядов. Ценность фишек изменяется по ходу игры; собственные фишки игрока принадлежат также и противнику. Эти мотивы зависимости, приспособляемости, манипулирования и власти дали некоторым авторитетам повод увидеть связь между игрой охмир и Ай-Телестре и даже сходство между феррорн, турин и леремок, с одной стороны, и, с другой стороны, между с'анами телестре, Т'Анами и Т'Ан Сутаи-Телестре.

Приложение 3

Календарь Ста Тысяч

Зимнее солнцестояние: Новогодний праздник.

Орвента: самое долгое время года, длится одиннадцать недель. Зима. Сезон, предпочитаемый для следования обычаю телецу. Плохая погода делает невозможными торговлю, поездки, земледельческие работы и т. д. Один из двух главных периодов деятельности для такширие и та'адур в их резиденции в Ширия-Шенине. Время для занятий искусством, музыкой, науками и т. д. Обычно на Десятой неделе отмечается праздник Первого Таяния.

Весеннее солнцестояние: праздник Источника.

Ханис: три недели. Весной требуется пахать и сеять. Это время напряженного труда для всех телестре. Преобладание западных ветров. Наводнения. Внезапно возникающие штормы на Внутреннем море.

Дуреста: начало лета, восемь недель. Долгие периоды жары. Становятся возможными поездки, ремонтируются дороги. Корабли гильдии выходят в море в направлении Пустынного Побережья и Городов Радуги.

Летнее солнцестояние: день выборов и праздник Середины Года.

Меррум: девять недель, разгар лета. Время напряженной работы органов власти в такширие, если Т'Ан Сутаи-Телестре находится в Таткаэре. Сезон, предпочитаемый для поездок, торговли, морских путешествий и т. д.

Штатерн: две недели. На время уборки урожая прерываются все другие работы. Этот период достигает своего апогея во время

Осеннего солнцестояния: праздник Благодарения За Урожай.

Торверн: четыре недели, сезон охоты ранней осенью, а также время проведения ярмарок и торгов. Последний сезон для путешествий, пока из-за зимней погоды Внутреннее море не стало непригодным для плавания.

Риардх: семь недель. Сезон охоты. Начало зимы, подготовка к ней, создание запасов продовольствия, ткачество и т. д. Некоторые посевные работы, проводимые поздней осенью. Обычное проведение праздника Первого Снега.

Примечания: Недели состоят из девяти дней, Первый из которых является праздничным, Пятый — выходным, а Девятый — днем поста. День длится двадцать семь стандартных часов. Поскольку в году четыреста дней, то получается, что ортеанский год дольше стандартного земного на восемьдесят пять дней, или на двенадцать недель.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Джентл Мэри
Золотые колдуны
Фантастический роман

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Англичанка Мэри Джентл, известная в основном как автор фэнтези, несказанно удивила своих поклонников диологией «Золотые колдуны» (1983 г.) и «Древний свет» (1987 г.). Совершенно «джек-вэнсовская» сага о захолустной планете, которую сами обитатели зовут Орте, а земляне — Каррис V, поначалу озадачила читателей, но потом поистине покорила их масштабностью замысла, детальной прописанностью и напряженной, увлекательной интригой.

...Добро пожаловать в феодальный мир, где на обломках легендарной Золотой империи образовались десятки ненавидящих друг друга королевств и городов-государств. В мир, на котором почему-то схлестнулись интересы межзвездных держав, одна из которых — Доминион Земли...

Прочтите — не пожалеете!

МЭРИ
ДЖЕНТЛ

ЗОЛОТЫЕ КОЛДУНЫ

ISBN 5-17-015663-4

9 785170 156634